

М.Т. Мазуренко. Утраченная Колхида 448стр. М., 2012.

В книге через личные воспоминания рассказывается о судьбе семьи потомков баронов фон Зельгейм на фоне уникального места - Зеленого мыса, Батумского ботанического сада с начала XX века и до начала XXI века. Рассказывается о судьбах писателей, ученых. Драматические сюжеты внутри одной семьи, государства – все переплелось в этом повествовании, написанном ярким языком большой эмоциональной силы. Автор - профессор ботаник, публицист и писатель Мая Мазуренко.

Ключевые слова: Колхида, Аджария, Зеленый мыс, Батумский ботанический сад.

Автор просит учесть, что некоторые ее персонажи и события являются вымышленными.

Предисловие

«Цихисдзири, Махинджаури, Зеленый мыс! Магнолии цветут. Белые цветы величиной с тарелку, бананы. Пальмы! Клянусь: сам видел: пальма из земли растет. И море непрерывно поет у гранитной глыбы. Не лгали в книгах. Солнце в море погружается. Краса морская. Высота поднебесная. Скала отвесная, а на ней ползучие растения. Чаква. Цихисдзири. Зеленый мыс». М.А.Булгаков. Записки на манжетах.

Магнолия крупноцветковая

Меня уже давно не зовут Айей, а по имени и отчеству. Время мемуаров. Недавно пришел корреспондент. Собирает материал об интересных людях. Я попала в их число. Спрашивал дотошно о том, какие самые яркие события были в моей жизни. Я не была готова к такому вопросу и экспромтом стала наспех перечислять. «Например, как летели между вулканами на Камчатке, и самолеты ЛИ-2 при встрече махали крыльями друг другу... Или после качки в вездеходе на Чукотке в поселке Лаврентия купание в горячих ключах. Озеро Дарпир на Колыме. Сант Яго де Куба. Роскошный отель. Навстречу идет негр, протягивает белый цветок, показывает, чтобы положила его за лиф. Аромат... Много, очень много ярких незабываемых воспоминаний. Не перечислишь». Корреспондент решил уточнить. А самое дорогое? – «Самое дорогое – Зеленый мыс. Моя родина. Это земной рай».

Я увлеклась, описывая красоты субтропиков, где прошло детство, отрочество, юность. Куда я вновь приехала уже пятидесятилетней. Много, много прекрасного я там видела ежедневно.

После визита корреспондента не спалось. Бессонница. Цепочка воспоминаний о Зеленом мысе повела в детство, в ранние годы... Там я пережила не самые радостные моменты в своей жизни. Столкнулась с несправедливостью, клеветой. В конце концов, пришлось покинуть родину. «Пожалуй, стоит рассказать о Зеленом мысе. О месте, которое пережило в начале XX века расцвет. А с середины века медленно, но неуклонно разрушалось».

Время и место

Зеленый мыс находится в глубине Батумской бухты, у ее основания, в десяти километрах от Батуми вдоль берега Черного моря.

Склоны Малого Кавказского хребта, обращенные к Черному морю, сначала круто, затем холмами спускаются к морю. Они прорезаны глубокими

ущельями горных рек. В некоторых местах скалы круто врезаются в море. Реки Королистави, Барцхана, Чаквисцкали при впадении образовали заболоченные долины. Главная река Аджарии – Аджарисцкали, приток Чороха, дала название всему краю.

С незапамятных времен полноводный Чорох у своего устья выносит на берег камни, образуя длинную, в несколько десятков километров, косу, отгородившую глубокую бухту.

На ней расположен город Батуми – столица Аджарии.

Над Батумской бухтой возвышается гора Мтирала. По-грузински это означает «плачущая». Гора большей частью окутана тучами. Испарения моря, наталкиваясь на горы, изливаются мощными ливнями на холмы.

Андрей Николаевич Краснов – основатель Батумского ботанического сада – назвал это место южной Колхидой с влажным субтропическим климатом, напоминающим японский.

Севернее, у впадения в море реки Рион, ниспадающей с Большого Кавказского хребта, находится город Поти, древняя столица колхов (Фазис). Сильные пловцы доплывают из Батуми в Поти. По преданию, сюда на корабле Арго приплыл Язон и добыл золотое руно, похитив у царя колхов Ээта его дочь Медею.

Глава 1 1878 -1921

Эпоха раннего освоения Колхиды. Под патронатом Русской империи.

Со времен Язона до конца XIX века холмы в основании Батумской бухты были покрыты густыми лесами из каштана и бука с непроходимым подлеском из рододендрона понтийского, лавровишни. И только выступающие в море скалы посещали мореплаватели.

xxx

В средние века, во времена царицы Тамары, владения Грузии, в том числе и Колхида, простирались по побережью вплоть до Трабзона. На всей этой территории до сих пор даже в самых неприступных местах встречаются

хорошо сохранившиеся горбатые каменные мостики, которые называют «мостами царицы Тамары.»

Южные районы Грузии были под турецким владычеством в течение 300 лет. Это отразилось на жизни аджарцев, которые в своем большинстве стали мусульманами.

К северу по побережью со средних веков существовала крепость Петра, которую штурмовали русские войска в 1878 году. Этот скалистый мыс называется Цихис-дзири.

1916г. Берег моря. Предположительно в районе Цихис Дзири

Батуми в те времена был захолустной северо-восточной провинцией Турции. Из окон домов стреляли в диких зверей. Небольшие деревянные дома стояли на высоких сваях, так как местность была болотистой. Ливни, затяжные дождливые периоды, характерны для этой влажной местности. В болотах размножались малярийные комары.

xxx

Завоевание южной части побережья Черного моря вплоть до Трапезунда (ныне Трабзон) имело огромное значение для Российской империи. Уникальный климат обещал большое будущее этому краю.

10 лет беспошлинной торговли принесли свои плоды. Ранее дикий край превратился в русскую Ривьеру. Так стали называть Батум и его окрестности.

xxx

В Батуми (Батуме, как тогда говорили) вырос большой православный храм. Потом еще одна православная церковь, синагога, мечеть и огромный католический собор. Город стал многонациональным. Здесь было много греков. Возможно, они тут жили с древности. На побережье, в окрестностях Цихис-дзири, на почти отвесных склонах холмов и поныне сохранились греческие поселения Квирикэ и Дагва со старинными небольшими деревянными церквями.

xxx

На безжизненной приморской гальке был создан уникальный парк приморского бульвара. Для этого рыли большие ямы, на арбах с гор привозили плодородную лесную землю и сажали саженцы. В конце тридцатых годов, в моем раннем детстве, бульвар был густым тенистым парком с ботаническими редкостями: хвойными деревьями, большой бамбуковой рощей, лианами, бананами, пальмами...

xxx

Среди знаменитостей, которые посещали Батуми в начале XX века, был и Сергей Есенин. На Кавказе он написал незабываемое «Шагане ты моя, Шагане». На доме, где он останавливался, была мемориальная доска. В селе Константиново, на родине Есенина, в литературном музее есть фотография: поэт с друзьями на берегу озера Сары гель. Это озеро около бульвара в пионерском парке я знала под названием «Комсомольское». Морская вода во время штормов входит в это озеро.

xxx

В конце XIX века в Юго-восточную Азию были посланы две крупные экспедиции, так называемые чайные. Их возглавил известный ботаник-географ Андрей Николаевич Краснов – основатель Батумского ботанического сада на Зеленом мысу. Он привез из Юго-восточной Азии много полезных растений, обещавших расцвет субтропического края, в том

числе главные 12 даров Востока, среди них такие важные как чай, хурма восточная, бамбук, цитрусовые, камфарный лавр.

xxx

Возможность выращивания чая, цитрусовых и многих других полезных субтропических культур послужила быстрому освоению прибрежных холмов.

Земля была дешевой. Быстро скупались отроги холмов вдоль побережья: в Махинджаури, на Зеленом мысу, и далее по побережью в Чакве и в Цихис-дзири. Кому не хочется иметь свой дом и сад на теплом юге!

Темные леса, застойные малярийные болота превратились в райские сады.

Строительство шло с большим размахом. Возводились дома в мавританском стиле и в стиле модерн – по моде того времени.

Частные владения князей Голицыных в Цихис-дзири, Стояновых – в Чакве, Татарина и Д, Альфонса на Зеленом мысу превратились в уникальные парки. Не только приморский холм пятидесятиметровой высоты был освоен частными владениями, но и второй и третий параллельные холмы. Лестницы каскадами спускались с холмов к морю. Их обрамляли прекрасные аллеи редких растений: пальмы, кипарисы, бананы и многие другие. Стал издаваться ежемесячный журнал «Батумский сельский хозяин». Дикий край в короткий срок превратился в модный курорт.

xxx

Воображение рисует дам в пышных туалетах, играющих в крикет. Открытые вагоны летних поездов. Красивые виллы.

По дорогам вверх тянутся арбы. Аробщик, аджарец в замысловатом башлыке в виде многоярусной шляпы, погоняет медлительного буйвола.

xxx

Владельцы дач тесно общались. Их связывали традиции тех времен и соседство. Навещали друг друга, вместе ходили на море. Летом, во время курортного сезона, приезжали родственники и знакомые. На Зеленом мысу

на моей памяти на слуху были фамилии владельцев усадеб: Баратова, Ратьева, Абашидзе, Татарина, Карелиных, Триандифилис, Кривицких, Жубер, Моат, Калистратовых, Лисицких, Стюр, Дукмасовых, Белуцких, Цимблиниди, Никольских... Этими именами в конце тридцатых годов еще называли дома и окружающие их сады. Так и говорили: «дача Никольских». Хотя Никольских там давно не было после советизации Грузии в 1921 году, экспроприации и национализации частных владений.

xxx

Главная военная дорога в течение века шла от Батуми вдоль моря, затем в районе Зеленого мыса, извиваясь серпантинами, поднималась на Чаквинский перевал. И такими же серпантинами спускалась вниз в долину реки Чаквы, мимо раскинувшихся на пологих холмах плантаций чая. В начале XIX века под холмом провели тоннель, и часть дороги была спрямлена.

В Чакве дорога берет круто вверх на Цихисдзирский холм. Преодолев перевал, она снова въезжает, спускаясь вниз к морю мимо разрушенной древней крепости Петра. Параллельно морю и железной дороге идет шоссе, достигая городка Кобулет. Поворачивает и идет вдоль моря примерно двадцать километров вплоть до впадения речки Чолоки – границы Аджарии.

xxx

Сходство названий Чорохи и Чолоки в 1921 году сыграло важную роль при разделе границ между Советским Союзом и Турцией. Я часто слышала о том, что Ата Тюрк, понимая значение Батумской бухты, хотел провести границу по реке Чолоки. Но аджарские чиновники схитрили и провели ее по реке Чорохи. Таким образом, вся территория Аджарии осталась за Грузией. Возможно, это просто приятная сердцу аджарца легенда. Но факт остается фактом: Батумская бухта со своим важным экономическим значением и территория, окружающая бухту, с уникальным субтропическим климатом, осталась за Аджарией, ставшей отдельной автономной республикой в составе Грузии.

xxx

Меньше чем за сто лет, с конца девятнадцатого века до середины двадцатого, Аджария пережила эпоху бурного расцвета, затем медленного падения. Эти события оставили глубокий след не только в жизни населявших ее людей, но и в природе южной Колхиды.

xxx

Море. Мне три года. С моим отчимом Шуриком (Александром Давидовичем Твалчрелидзе) на небольшом пассажирском катере я еду в Батуми. Осень. Море прозрачное, видно очень глубоко. Голубая вода пронизана белым кружевом медуз. Их тысячи. Большие и маленькие белые зонты с замысловатыми студенистыми оторочками. Вдали зеленеют холмы. Тепло. На душе празднично.

Это мое первое воспоминание о Зеленом мысе. Вся жизнь в этом замечательном месте проходила на фоне моря. То оно было тихим и прозрачным, то серым, покрытым грозными «барашками». Огромные валы разбивались о берег. Лунная дорожка прочерчивала и Батумскую бухту. Много, много живых картин моря я наблюдала в тех местах. Но без ярко-зеленого берега, обрамляющего море подобно красивой раме, нельзя себе представить Зеленого мыса. Холмы меняли свой облик. А море оставалось неизменным.

xxx

Я родилась в 1935 году в Тбилиси (в то время еще Тифлисе). В 1939 году моя мать с отчимом переехали на Зеленый мыс. Вступили в колхоз. Это было связано с тем, что мою овдовевшую прабабушку Марию Константиновну Зельгейм, в прошлом баронессу фон Зельгейм, причислили к кулакам и грозили лишить земли. До революции она владела частью горы вместе с моим прадедом Антоном Генриховичем фон Зельгейм. Сын Антона Генрих – мой дед. Он работал в Тифлисе мелиоратором, а в Батуми не мог найти себе работу. Для того чтобы сохранить надел и присмотреть за

пожилой моей прабабушкой, переехали на Зеленый мыс моя мама и отчим. Таким образом, большая часть бывшего имения осталась в семье.

xxx

С Зеленым мысом связано мое детство, юность. Туда я стремилась и позже. С 1984 по 1993 годы, после смерти мамы, я снова работала в Батумском ботаническом саду, ездила в горную Аджарию. Потом бывала там наездами. Это моя родина.

Станция Зеленый мыс

В 1902 году вдоль морского побережья протянулась железная дорога, соединившая Батуми со столицей Грузии Тбилиси и с городом Баку в Азербайджане, откуда нефть перевозили в Батуми и далее отправляли морским путем в Европу.

xxx

Скала над тоннелем выдается в море, образуя живописный мыс. Зеленый мыс. Волны прибоя постоянно бьются в его основание, препятствуя входу в соседнюю бухту.

Вид на зеленомысскую скалу

За скалой – приморский крутой холм, бывшие владения генерала Баратова. Сквозь холм прорыт тоннель. Перед тоннелем, в темном ущелье, находится станция «Зеленый мыс». К маленькому станционному домику ведут две полукруглые лесенки, соединяющиеся на высоте 5 метров. В центре образовавшегося при их слиянии полукруга растет кордилина.

Станция «Зеленый мыс» в начале XX века

Почти у самого входа в тоннель бьет родник. К воде спускаются ступеньки. Во влажном ущелье сыро. Противоположный к железнодорожному полотну вертикальный склон зарос нежным папоротником «венерины волосы».

Папоротник венерины волосы

А выше, на холме, расположились террасы с посадками экзотических деревьев и кустарников. Далее от станции за крутым утесом ущелье расширяется. Там разбит сквер с высокими с огромными камфарными лаврами, хвойными породами, азалиями, магнолиями, превращающимися весной в огромный букет лилиевидных розовых цветков... Между деревьями и кустарниками все пространство засыпано морской галькой, которая под ногами курортников, приезжающих на Зеленый мыс, и жителей Зеленого мыса постепенно вдавливается в глинистую, увлажненную частыми ливнями, землю. Гальку время от времени подсыпают.

Замечательная лиана вистерия китайская – японская глициния – обвила толстыми стволами высокий кипарис, перекинулась на платан. В изгибах лианы можно кататься как на качелях. Это излюбленное место фотографов, стремящихся сделать эффектный снимок. В начале мая лиана покрывается кистями сиреневых соцветий. Они появляются раньше листьев, издают тонкий нежный аромат.

На Зеленый мыс ведет шоссе, извиваясь головокружительными серпантинами на подходе к станции.

Каким это место было в начале XX века, когда только-только были посажены деревья и кустарники, – трудно представить. Искусный садовник предусмотрел их будущую красоту, соразмерность роста.

В тридцатые годы, по моде тех времен, сквер и станцию стали обрамлять невысокими белыми колоннами. В сквере появился магазин, выросли павильоны, маленькие ларьки курортных товаров, сделанные из бамбука, духан, откуда разносились крепкие пищевые запахи. Из санатория на горе вниз к станции, а затем через полотно железной дороги на пляж, спускались отдыхающие.

Около станции Зеленый мыс, над тоннелем в темном ущелье – вход в ботанический сад. Шоссейная дорога поднимается крутыми поворотами на высокий холм над морем – к дирекции ботанического сада.

Вдоль дороги на склонах холма растут экзотические деревья.

xxx

Через железную дорогу выход к морю на пляж и на причал, откуда катера курсируют в Батуми.

История семьи Зельгейм

О бывших имениях (их называли дачами), в основном зеленомысских, и их владельцах я много слышала в детстве и юности.

В начале XX века на склонах холмов сохранилось еще немало природного леса. Плантации мандаринов и чая располагались вокруг имений, преимущественно на южных склонах холмов. Между имениями были проложены дороги, по которым можно было проехать на арбе, по крутым склонам шли тропинки и лесенки, спускающиеся в ущелье, а затем поднимающиеся вверх на соседний холм. Такими я их еще застала.

Самые красивые и богатые имения располагались на первом холме, близ моря.

xxx

Мой прадед Антон Генрихович Зельгейм

Прабабушка Мария Константиновна Зельгейм

1907г.Иркутск Антон Генрихович Зельгейм и его супруга Мария Константиновна (мои прадед и прабабушка)

На втором холме от берега моря находилась усадьба моего прадеда Антона Генриховича фон Зельгейм и его супруги, моей прабабушки по материнской линии Марии Константиновны, в девичестве фон Хельфрейх. Часть холма, покрытого девственным лесом из бука кавказского, была куплена в 1912 году.

С ней граничили с одной стороны - вверх по холму – дача Карелиных, с другой, - вниз с холма – дача китайца Ляо Джин Джао.

Переезду из Хилка на Зеленый мыс Антона Генриховича и Марии Константиновны Зельгейм способствовал отдых в Цхис-дзири их сына Генриха, в будущем моего деда, и его жены Мадлен Монрибо – моей бабушки.

Мадлен Монрибо в ранней молодости

Генрих и Мадлен только что поженились, а в Цихис-дзири провели свой медовый месяц. Одновременно выяснили возможность покупки земли.

Прадед и прабабушка оставили Хилок в Иркутской области и переехали на Зеленый мыс.

На своем участке, на южном склоне холма, они прорезали параллельные террасы. На них посадили мандариновый сад. Верхушку хребта срезали. Большая плоская площадка предназначалась для постройки большого дома. А для начала был выстроен небольшой одноэтажный домик на три комнаты, в котором, кроме моих прадеда и прабабушки, жил их садовник – Павел Гетман. Прадед этот дом называл «домиком садовника», рассчитывая в будущем оставить его Павлу. В конце площадки прадед посадил три веерные пальмы. Эти очень красиво расположенные пальмы должны были напоминать о его трех внучках: старшей - Веронике Генриховне, (моей маме), средней – Марии Генриховне и младшей – Иде Генриховне.

Деньги, предназначавшиеся для постройки большого дома, да и другие сбережения в начале первой мировой войны в 1914 году обесценились. Но участок с домиком сохранился. Прадед работал в Батуми по финансовой части. Кроме сына, у прадеда и прабабушки была дочь Мадлен. В 1913 году в Хилке она вышла замуж за офицера Ланского.

Моя бабушка по материнской линии, - Мадлен – француженка, урожденная Монрибо, родилась в Париже. Ее отец был родом с юга Франции. Бабушка очень гордилась тем, что он гасконец. В семье, кроме бабушки – старшей, было еще три брата: старший - Жан, названный в честь отца, второй - Поль, третий – Жак. При рождении младшего брата мать умерла. Отец, почтовый работник, женился снова. Мачеха невзлюбила девочку. В детстве бабушку звали Роз, то есть Роза. Училась она очень хорошо, переходя из класса в класс досрочно. Поэтому школу кончила в 16 лет, с правом преподавания французского языка. Этим она и воспользовалась, подписав контракт в Россию, в Иркутск.

Класс в котором преподавала Мадлен Монрибо. Она в центре.

В гимназии, где она преподавала, Роз себя очень хорошо зарекомендовала. Ее взяли в семью Зельгейм для того, чтобы она, живя вместе с детьми Антона Генриховича и Марии Константиновны, тренировала их по французскому языку.

1907г. Слева направо: Генрих Зельгейм, Мадлен-Роз Монрибо, Мадлен Зельгейм – сестра Генриха.

Дочь Антона – Мадлен подружилась с Роз, которая в знак расположения взяла себе второе имя Мадлен. Она была католичкой и поэтому имела несколько имен. Так это интерпретировала сестра деда. В 60-х годах она писала мне об этом из Сиднея (Австралия).

У моей бабушки была другая версия, видимо, более реальная. Будучи француженкой, Роз грассировала. В Иркутске французы были редкостью, а евреи хорошо знакомы. Грассировавшую Роз чаще всего считали еврейкой. Бабушка – большая патриотка своей родины – сменила имя Роз на Мадлен. В дальнейшем, когда ее стали звать по имени-отчеству, перевела и свое отчество. Стала Мадлен Ивановной.

Мадлен Монрибо в Иркутске 1902г.

Мадлен Монрибо в Самаре с подругой на прогулке. Мадлен сидит.

Семья Зельгейм – протестанты. Происходили из остзейских немцев. У родителей прабабушки были большие имения в Ревеле (Таллине), дом (замок) в старом городе, имения в Умани и еще где-то. Это то малое, что я знаю о своей прабабушке Марии Константиновне, родившейся в 1863 году.

По своему происхождению она наполовину шведка. О прадеде я знаю еще меньше. Он также из немцев восточной Пруссии. Многие документы пропали во время отечественной войны с Германией в 1941 году, когда деда, как немца, хотели сослать в Казахстан. Дед с бабушкой в это время жили в Тбилиси. Уже были поставлены штампы в паспортах, собраны узлы. Соседи разобрали все, что оставалось из вещей. Мой дед, – Геноих Антонович, – известный в Грузии мелиоратор – хлопотал о том, чтобы его не ссылали.

Генрих Антонович Зельгейм. Мой дед.

В день высылки поздно вечером он пришел домой. В паспортах штамп о ссылке в Казахстан был перечеркнут крест-накрест. Эту печать мне показывала бабушка, рассказывая, как вещи, растасканные соседями, вернуть не удалось. Мой дед Генрих в последний момент оставил на хранение свою родословную, как казалось, верному человеку: свекрови своей средней дочери Марии, с которой Генрих был в дружеских отношениях. Надеялся на то, что она сохранит. Когда на следующий день, освобожденный от

репрессии, дед пришел за своими документами, он обнаружил только обгоревшие головешки. Далее о родословной говорили неохотно.

Сведения о прошлом моих родителей, истории, связанные с Зеленым мысом, я в основном почерпнула из рассказов, услышанных мной в детстве. Поэтому они нередко обрывочные и не всегда точные.

К религии и дед и бабушка относились равнодушно: основная их жизнь прошла в советские годы, когда о религии не было принято говорить вслух. Бабушка была атеисткой. Говорила, смеясь, что на кладбище поедет на велосипеде.

Генрих был на 4 года младше моей бабушки. Полюбили они друг друга в те времена, когда бабушка жила в семье Зельгейм в Иркутске.

Иркутск. 1907г. Слева направо: Генрих Антонович Зельгейм (мой дед), сестра Генриха Мадлен Зельгейм, Мадлен Монрибо (моя бабушка)

1911г. Иркутск. Слева направо: Мария Константиновна Зельгейм, ее сын Генрих, (мой дед) дочь Мадлен, Мадлен-Роз Монрибо (моя бабушка).

Генрих после окончания гимназии в Петербурге поступил в политехнический институт.

Бабушка переехала в Самару, стала преподавать французский язык в гимназии. По окончании института Генрих был премирован путешествием из Одессы во Владивосток. Это путешествие оставило глубокий след в его памяти. Два альбома фотографий, сделанных в то время, в семье хранили как реликвию.

xxx

Из семейных ценностей мне достались только эти два альбома, которые дед иногда листал в темные военные вечера. Я, в то время восьмилетняя девочка, стояла рядом, рассматривала открытки. Они казались удивительными. Длинные ногти японских самураев, молодой дед на слоне и другие. Сердце замирало. Дед рассказывал.

xxx

По окончании плавания, прибыв во Владивосток, дед поехал в Хилок, где в то время жили его родители. Вызвал из Самары Мадлен. Сыграли свадьбу. Они ждали этого дня семь лет. Одновременно выходила замуж и старшая дочь Зельгеймов.

У меня сохранилось письмо из Сиднея, написанное в 1971 году дедушкиной сестрой Мадлен, с описанием этого события. Несмотря на прошедшие долгие годы, снисходительный тон по отношению к Мадлен-Роз, моей бабушке, сохранился. Этот брак считали в семье мезальянсом. Ведь и Мария Константиновна, и Антон Генрихович, и их дети – бароны. А бабушка не имела никаких титулов, кроме яркой красивой фамилии Монрибо, означавшей в переводе «мой смех красив». В гимназии, как она рассказывала, за веселый нрав ее звали «солнышко». Моя мама любила это повторять. Когда бабушка после тягостной многолетней потери памяти умерла 1971 году в Тбилиси, на поминках мама рассказывала об этом. В тех краях к смерти относятся почтительно и любят красиво говорить.

Деда после окончания института распределили в Мирзачуль – в Голодную степь, в Среднюю Азию. В 1914 году в Ташкенте родилась моя мама – Вероника Генриховна Зельгейм.

1914г. Мадлен и Генрих Зельгейм. Веронике. Их первой дочери (моя мама) два месяца

У дедушки и бабушки в Голодной степи были дом, корова. Дед имел красивый голос и внешность, любил играть на скрипке. Бабушка аккомпанировала ему на фортепиано. Свою среднеазиатскую жизнь бабушка вспоминала с большим удовольствием, делая ударение на том, что не боялась трудностей. Там в 1918 году родилась вторая дочь,- Мария, (в дальнейшем – Майя).

1918г. Голодная степь (Мирзачуль). Генрих и Мадлен с дочерьми –Вероникой и Марией (Майей).

В 1921 году появилась третья дочь – Ида, в дальнейшем Дуду. Бабушка любила переименовывать. Маму в семье звали Икой. Дед официально звался Генрихом, а в доме бабушка звала его ласково Тари, что означало Лотар. У него также было несколько имен. На столовых приборах выгравирован вензель L.S.

В Средней Азии бабушка научилась мастерски готовить плов. В Тбилиси, где они жили после Средней Азии, в доме хранили среднеазиатские сувениры: красивый письменный прибор, изображающий хлопковый куст, ковер на стене, перекрещенные сабли.

От жизни в Самаре у бабушки остались две плошки, расписанные хохломской росписью, о которой она говорила с восторгом. Способность восторгаться была унаследована и старшей дочерью. Это очень украшало характеры бабушки и моей мамы Вероники.

Глава 2 часть 1

1921-1946 Советизация Грузии. Коллективизация.

Отечественная война

Глава 2 ч 1 1921-1946. Советизация Грузии. Коллективизация.

Отечественная война

1921 год. В Средней Азии – басмачи. Бабушка рассказывала, что тогда чуть не убили деда. В ее шелковистых вьющихся волосах появилась белая прядь. В 1922 году бабушка выбралась с тремя дочками из Средней Азии на Зеленый мыс. Где был тогда дед, почему он не сопровождал жену? В рассказах это осталось за кадром. В детстве, когда я слышала эту, неоднократно повторяемую историю, не приходило в голову расспрашивать, уточнять.

Француженка с тремя детьми. Старшей – шесть лет, средней – четыре, младшей – шесть месяцев... Она пересекает среднеазиатскую пустыню, добирается до Красноводска. Как они ехали, долго ли? Из Красноводска до Баку – морем. На Кавказе неспокойно. Как рассказывала бабушка, в Баку ее

никто не понимал. Деньги сменились, и она нигде не могла купить еду. Дети были голодными. С пристани удалось добраться до вокзала, сесть в поезд Баку-Батуми. Свекру, Антону Генриховичу, сообщить на Зеленый мыс о своем приезде она не могла. Линейки – конные экипажи, во время пасхальной недели на Зеленый мыс не ходили. На помощь пришел сослуживец Антона Генриховича – директор гимназии Диомид Любченко. В семье Любченко бабушку встретили по-родственному. Там она с маленькими детьми смогла отмыться, отдохнуть, прийти в себя.

Дочь Диомида Софья стала врачом. В тридцатые годы она вышла замуж за врача Шалву Ипполитовича Гуджабидзе. В Абхазии, в Гудаутах, у нее с Шалвой был большой недостроенный дом, в котором в студенческие годы я часто гостила. Шалва, приезжая в Тбилиси, обязательно бывал у Генриха и Мадлен.

Эти драматические события закончились благополучно. Семья объединилась на Зеленом мысу.

Семья Генриха и Мадлен Зельгейм. Слева направо: Генрих Антонович, Ида(Дуду),Вероника, Мадлен Ивановна, Мария (Майя).

Три девочки подрастали. У Антона Генриховича и Марии Константиновны жила и четвертая внучка,- Лена – дочь Мадлен Ланской.

Сестры. Слева направо: Елена Ланская- дочь Мадлен Зельгейм (в замужестве Ланская)- двоюродная сестра дочерей Генриха Зельгейм (моего деда). Ида Генриховна (Дуду), Вероника Генриховна (моя мама). Мария Генриховна (Майя).

В начале 20-х годов Ланской пропал без вести на полях сражений гражданской войны. Сестра Генриха Мадлен с дочерью Леной уехала в Ревель (Таллин). Железный занавес опустился. Мой прадед Антон и прабабушка Мария уже больше ничего не узнали о судьбе дочери и внучки. Много позже, уже в 60-х годах, во время хрущевской оттепели, дед получил из Австралии письмо от сестры. Мадлен сначала жила в Ревеле, затем вышла замуж за математика Вэбба и в начале 30-х годов им удалось уехать из фашистской Германии в Австралию. С 1965 по 1971 годы, до своей кончины, Мадлен часто писала брату Генриху, моей маме, и даже мне. Присылала цветные фотографии: красивая пожилая дама в темных очках на фоне Сиднейского залива, с коалой на руках. Внучка, дочь Лены – на ранчо в Техасе. Лена, в отличие от матери, не интересовалась судьбой своих двоюродных сестер. Со смертью Мадлен Вебб связь заглохла.

xxx

Вся семья жила в «домике садовника». В одной комнате располагались мои прадед с прабабушкой, в двух других мои дед с бабушкой и девочки. Все три комнаты выходили на большую открытую веранду, по-грузински –

шушабанду. На северной стороне находилась большая кухня и примыкавшая к ней небольшая ванная комната. Таким я помню этот дом.

Сестры на берегу у Зеленомысской скалы. Слева направо: Вероника, Лена Ланская, Майя, Дуду.

В 1927 году Мария Константиновна овдовела: Антон Генрихович, мой прадед, умер от перитонита. Операцию по удалению аппендицита не успели сделать. Его похоронили на склоне холма под большой сосной приморской, посаженной им самим. В те времена у каждого владельца дома были свои маленькие семейные кладбища и даже склепы.

xxx

В 50-е годы на «китайской даче», так мы звали бывшие владения китайца Ляо Джин Джао, функционировал дом отдыха «Урожай». Никто не знал, что до китайца, у которого мой дед часто бывал, этой дачей владел генерал, похороненный на склоне холма на семейном кладбище. Две могилы с мраморными плитами и стершимися надписями были окружены высокими деревьями. Могилы вскрыли в поисках драгоценностей. Дед видел прах генерала в полном обмудировании, с крестами. Затем могилы исчезли. На этом месте разрослись мандариновые деревья.

xxx

Дед, вернувшись из Средней Азии, вначале работал в Батуми «на наливе». В Батуми доставляли нефть из Баку, перегружали в нефте-наливные

корабли. Нефть имела огромное значение для молодой Советской республики. Позднее был проведен нефтепровод. В Батуми построили большой нефтеперегонный завод (БНЗ).

xxx

Дед вскоре нашел себе работу по специальности, переехал в Тбилиси с семьей. Он участвовал в строительстве гидроэлектростанции Храм ГЭС на реке Храми. Работал и на Арагаце в Азербайджане. Вся его дальнейшая жизнь была связана с городом Тбилиси.

Прабабушка Мария Константиновна осталась на Зеленом мысу.

С 1918 по 1921 годы в Батуми побывали турки, англичане. В течение этих трех «смутных» лет жизнь в имениях продолжалась по заведенному порядку. Но с 1921 года, с начала советизации Грузии, земли за Батумом, за Чорохом, отошли к Турции, а в Аджарии имения были национализированы. Богатые владельцы имений эмигрировали или ютились в самых плохих помещениях особняков. Стали советскими служащими. А их дачи были превращены в санатории или дома отдыха.

Дачи соседей

Сергей Голицын

В Цихис-дзире, на крутом приморском склоне у князей Голицыных было большое имение и красивый особняк. Один из владельцев, Сергей Голицын, после экспроприации дома еще некоторое время оставался в Цихис-дзире, совершал экскурсии вглубь горной Аджарии. Он описал растительность горной Аджарии, обнаружил редкое растение – орфанидезию. А затем уехал в Воронеж, где стал профессором университета.

xxx

В Чакве оставались красивые особняки. Например, - дача Стоянова, Попова. В парках, окружавших особняки, росли очень интересные с ботанической точки зрения редкие деревья. Они представляли большой интерес для ботаники, но со временем без должного ухода погибли или были

вырублены. Их заменили мандариновые плантации. Прежние парки еще существовали в пятидесятые годы XX века, когда я была студенткой.

Имена владельцев в то время уже почти забыли. Я о заброшенных парках знала только потому, что там росли растительные редкости, которых не было даже в Батумском ботаническом саду.

Китайская дача

Рядом с дачей Зельгейм, вниз по склону холма стояла дача, которая когда-то принадлежала китайцу Ляо Джин Джао, приглашенному для консультаций по выращиванию чая. В народе его звали Иваном Ивановичем. На своей даче Ляо Джин Джао устраивал вечера, приглашал соседей. Его гостеприимство скрашивало быт. Дед рассказывал, что как-то в гостях попробовал необыкновенно вкусный крем, вернее, розовое пюре, испещренное точками. Когда гости попросили рецепт изысканного кушанья, китаец провел их в погреб, где лежали порченые яблоки, и показал гусениц, которые легли в основу уникального крема. Черные точки были их головками. Дамы закатывали глаза, ахали.

Вниз от дома шла темная аллея маслины душистой. В плотных кронах невысоких деревьев с жесткими вечнозелеными листьями в сентябре выскакивали, словно вылуплялись, малюсенькие букетики кремовых или желтоватых цветков, расположенных в основании листьев. Нежнейший аромат распространялся по всей аллее. Цветение длилось всю зиму и продолжалось до ранней весны с перерывами на похолодание. Стоило пригреть солнцу, как последние букетики высывались и источали сладковатый парфюмерный запах.

Ниже замечательной аллеи, у основания холма, в горном ущелье было сыро. Там устроили большой бассейн, в котором плавали лебеди, была лодочная станция.

Следующий приморский холм принадлежал богатым Кривицким. Аллея ликвидамбаров, высаженных вдоль лестницы, поднималась круто вверх от пруда, упираясь в роскошный дом. Позже он стал турбазой. В мои

детские годы лебеди еще плавали по глади пруда, но со временем пруд заполнился глиной, принесенной во время ливней. Таким его помнит мой сын Павел, родившийся в 1963 году. Большая широкая балюстрада служила нам надежной скамейкой для отдыха когда мы возвращались с моря.

Жубер

Зоя Ильинична Жубер со своим вторым мужем – французом Эдгаром Жубер, занимавшимся торговлей, жила в скромном, но красивом доме на противоположном нашему приморском холме. Для того чтобы попасть на дачу Жубер, нужно спуститься в овраг и подняться по тропинке на холм. У Зои Ильиничны росли три дочери. Две старшие: Валентина и Вера от первого брака – Канакотины, а третья, очаровательная Тата (Татьяна Эдгаровна Жубер) – от второго брака.

После революции волна эмигрантов, откатывавшихся с севера, сильно взволновала прозорливого Жубера. Он умолял свою супругу покинуть батумские берега, променять их на теплый юг Франции. Но набожная Зоя Ильинична не хотела покинуть свою православную родину. Не смогла променять Россию на Францию.

Но был ли тогда этот край христианским? Аджарцы исповедали магометанство. Грузины – христиане, но их тогда в Батуми было довольно мало, как и аджарцев, в основном живших в горах. В Батуми было много греков и особенно армян, – беженцев из Турции после геноцида 1915 года. Многонациональный, с разными направлениями религии, но в основном христианский край.

Эдгар Жубер остался на Зеленом мысу. Жизнь в начале двадцатых годов, казалось, была вполне упорядоченной. Старшая дочь Валентина удачно вышла замуж за пламенного революционера Моцкобили. Молодожены ездили в Германию. В 1937 году Моцкобили был в Аджарии министром торговли. Его обвинили в том, что он продал отравленные семена кукурузы – они не всходили. Он был арестован и расстрелян. Через

несколько дней после засухи полили дожди, и появились дружные всходы кукурузы.

Эдгар Жубер был также арестован и расстрелян. Его супругу Зою Ильиничну за преданность православной вере, которую она никогда не скрывала, сослали в лагерь в поселке Чаква. Старшая дочь Валентина, у которой было двое маленьких детей, оказалась в ссылке в Казахстане, в Акмолинском лагере жен изменников Родины – он назывался «АЛЖИР». До 1953 года и мать и дочь были в заключении.

О том, что ее муж был расстрелян, Валентина узнала только в 1953 году.

В середине восьмидесятых годов, возвращаясь с работы, я обязательно заходила к Валентине Васильевне Жубер-Моцкобили. Она жила одна. Плела разнообразные панно и вазы из листьев кордилины, разводила редкие цветы. Я сидела в кресле, любовалась видом на бухту, на Батумский мыс. А Валентина Васильевна рассказывала, как ее отправляли по этапу в Казахстан. Ей передали, что среди провожающих этап родственников и соседей будут и ее дети. На дочку наденут красную шапочку. Валентина долго высматривала ее в толпе, но не увидела.

Детей взяли к себе на воспитание родственники мужа – аджарцы. В Грузии к детям репрессированных относились мягко, жалели. Об этом пишет и кинорежиссер Георгий Данелия в своих кратких воспоминаниях.

Все годы ссылки в Казахстане Валентина жила с мыслью о том, что ее муж жив. Зимой, под вой пурги, она писала стихи, вспоминая Зеленый мыс, любимого мужа, детей, лестницы к морю. Это лестницы дачи Стюр.

Стихи Валентины Васильевны написаны на листке тетради. Годы спустя я их переписала. Некоторые слова не смогла перевести, были написаны невнятно.

Стихи Валентины Васильевны Жубер

Акмолинск. Точка 26. АЛЖИР В.Моцкобили 1945. Сквозь вьюги и бураны

Незабываемое

Твой образ предо мной
Он неизменно свой родной
Давно прошли тяжелые невзгоды
А в сердце боль немая до сих пор
Пережито так много, не месяцы, а годы
Вдали от моря, от тепла и милых гор.

Безмерно я скорблю, что нет тебя
Со мной ни мамы, ни детей!
Так всех хочу прижать любя
Всем сердцем, я к груди своей.

А ты мой бедный, дорогой
Еще печальнее моей, судьба твоя
Совсем оторван, от семьи родной
Не радуется твой взор, (слово непонятно) весть моя

Бывало как домой идешь
По лестнице, через ступеньку поскорее
Нетерпеливо постучишь, пирог перема (непонятно)
Пальто снимая на ходу, целуешь уж детей.

Тогда счастливая в семейном круге
Любим сыном, дочерью и мужем
Опору в жизни видела в сердечном друге
Теперь же в горе превеликом друг о друге тужим.
И вот пропало все как сон
На юге дети с бабушкой остались
О муже я не знаю даже где он
Ведь восемь долгих лет, как мы расстались

Но в сердце теплится надежда
Что выяснится все и будет в сердце радость
Что сбросится суровая одежда
Что счастье засияет, и возвращенья вкушим сладость.

Грезы о Зеленом мысе (где я жила в юности)

Акмолинск 1945(АЛЖИР) точка 26

Есть уголок прекраснейший на юге
Зелено-голубое море, под ним отвесная скала
По лестнице наверх, поднявшись на досуге
Ковер увидишь, чудесница природа наткала

Фонтан в нем золотые рыбки

Вера – вторая дочь Зои Ильиничны – работала в Батуми косметичкой и подкармливала мать, посылала ей посылки.

В детстве я помнила дом Жуберов заколоченным, таинственным. О его хозяевах упоминали шепотом. Но потом там появились жильцы. В 1953 году мать и дочь освободили. В своем доме они обнаружили соседку Вардо. Первое, что она им сказала: «Ах, мне приснился сон, как будто хозяева возвращаются». Сон в руку. В доме ничего не осталось - все конфисковано. Вместо мебели были только ящики.

xxx

В Аджарии на похороны являются все соседи. Торжественно проходят вокруг гроба. Что-то вроде смотра. Однажды во время такого «смотра» заметили на жене Реджеба Багратиони – бывшего министра юстиции Аджарии –драгоценности Зои Ильиничны Жубер. Реджеб с супругой – соседи Жубер. Они жили выше, рядом с дачей Ратишвили.

xxx

Мать и дочь постепенно привели в порядок свой дом, стали жить без былой роскоши, но со свойственным им вкусом. По-прежнему этот дом был уютным и гостеприимным.

Приезжая на Зеленый мыс из Магадана в семидесятые годы, я часто бывала у Жуберов. «Аичка, милая. Дай я тебя благословлю!» – говорила уже не встававшая с постели по старости Зоя Ильинична.

Вопрос о наследстве волновал дочерей: Веру – косметичку, Валентину – вдову расстрелянного министра торговли настоящую наследницу,- дочь Жубера, Татьяну Эдгаровну. В то время она с мужем,- Володей Дорошевым, эстрадным весельчаком, жила в Ленинграде и приезжала на Зеленый мыс только отдыхать.

Для оформления завещания из Хелвачаури была приглашена нотариус Нинель Вахтанговна.

Все было тихо и мирно. Никто не ссорился. Пожилая мать распределила доли наследства. И аккуратная Валентина Васильевна положила завещание в железную коробочку.

ИЛЬФ И ПЕТРОВ. «12 СТУЛЬЕВ»

Рядом с усадьбой Жубер, ниже по склону, – усадьба Дукмасова. Там в начале двадцатых годов отдыхали и писали свой роман «12 стульев» Илья Ильф и Евгений Петров.

В 1923 году Дукмасов еще жил там, сдавал комнаты отдыхающим. Много лет спустя Татьяна Эдгаровна Жубер, рассказывая мне о своем счастливом детстве в начале двадцатых, вспоминала и о попе Острикове, праобразе попа Вострикова, который после Дукмасова владел соседней дачей.

Писатели веселились. В начале двадцатых новая советская жизнь диктовала свои правила. На станции Зеленый мыс торговала папиросами и спичками усатая, с низким голосом, как у тещи Воробьянинова, старушка Падеревская. По моде тех времен она скручивала папиросную бумагу, набивала отборным, крепчайшим табаком «Самсун». Курила и сама. Старушка не простая, – до революции она была фрейлиной вдовствующей императрицы Марии Федоровны. При побеге драгоценности спрятала в корсет. Прислуга, затягивавшая корсет, оказалась посвященной в тайну драгоценностей. Как рассказывала Валентина Васильевна, служанка вместе со своим любовником пристукнула фрейлину (слово «пристукнула» очень забавно звучало в устах Валентины Васильевны) и украла драгоценности. А фрейлина, придя в себя, нашла приют на зеленомысской даче Жубер.

Мою бабушку Мадлен, в девичестве Монрибо, Ильф и Петров называли «Мусиком». Вспомните «Мусик, где мой гусик?». Мой дед стал прототипом инженера Брунса. В доме Зельгейм любили гостей, о чем свидетельствуют многочисленные фотографии застолий на красивой площадке. Запеченный

гусь – коронное блюдо моей бабушки.

Застолье у дома на Зеленом мысу. Слева первая Мадлен Ивановна Зельгейм («Мусик»). Последн ие три слева направо: Генрих Антонович Зельгейм («Гусик»). Майя - дочь Генриха, Мария Константиновна Зельгейм.

Дед и бабушка два года назад приехали из Средней Азии. Дед любил петь, бабушка аккомпанировала. Однажды, во время музицирования гости и хозяева не заметили, как мальчишка унес кипящий самовар. Эта история легла в основу истории о Полесове.

Казалось, в те годы жизнь состояла из забавных сюжетов и приятной беззаботной праздности. После революционных невзгод, голода, жизнь на Зеленом мысу воспринималась именно так.

xxx

Раннее утро. Еще не жарко. Легкая, приятная прохлада. Самые большие любители морских купаний до завтрака отправляются на пляж. Берег еще в тени, морская галька мокрая от росы. На море штиль, прибой едва заметен у самого берега. Море так прозрачно, что на большой глубине можно рассмотреть обточенную пеструю гальку. Приятно нырнуть в прозрачную прохладную глубину. Граница между морем, освещенным восходящим солнцем, и затененной прибрежным холмом частью сокращается. Солнце поднялось. И вот уже весь пляж залит солнцем, галька высохла. С каждой минутой становится все жарче.

На обратном пути взбираться по лестницам еще не утомительно. После завтрака отдыхающие, как правило, снова отправляются на пляж. Но теперь ощущение совсем иное. Камни пляжа разогреты. Можно лежать и млеть, любуясь голубым морем или обрывами над пляжем, покрытыми буйной зеленью. После полудня становится очень жарко. Наступает время обеда.

Когда жара спадает, можно опять отправиться на море или совершить визит к соседям. За вечерним чаем приятно посидеть в саду, неторопливо коротая время. Ни телефона, ни телевизора, ни даже электричества в те времена в этих краях не существовало. Его заменяли керосиновые лампы с большими стеклами и красивыми резервуарами, обрамленные нарядными абажурами.

Вечер. Чаепитие на открытой веранде. Вокруг лампы вьются бабочки, в темноте, окружающей веранду, мелькают светлячки. Вечерняя прохлада усиливает аромат цветов. Выходит луна, ярко освещая таинственные бархатные холмы. Вдали на море – лунная дорожка. Светит огнями батумская коса.

Изредка поздними вечерами снова отправляются на морские купания. Это особенно интересно. Море светится. Каждый всплеск подобен маленькому, сверкающему в темноте, фейерверку.

В строгие тридцатые годы на морском берегу запретили находиться после десяти часов вечера. Боялись нарушения границы. Патруль пограничников разгонял отдыхающих. В середине лета в десять вечера еще совсем светло, тепло. Тянет в воду – такую приятную под вечер. Пограничник в полной амуниции, с винтовкой за плечами, потный, на обходе. Ему бы тоже не помешало окунуться. Но нет – служба... И так продолжалось ежедневно до 1991 года, до развала Советского Союза.

xxx

Над домом Дукмасова, на самом коньке холма растет огромный камфарный лавр, простерший густую крону над небольшой площадкой. На этой площадке стояли «гигантские шаги», сохранявшиеся вплоть до 1950

года, когда столб рухнул. Веревки «шагов» были крепчайшими. Мы,- дети, (а затем и подростки), словно блохи, прыгали и повисали над обрывом, заросшим бамбуком и бананами.

ДАЧА СТЮР

Территория обрыва, а за ним весь приморский склон с посадками мандаринов, аллеями редкостных деревьев, беседками и, главное, – лестницами, ведущими на станцию Зеленый мыс, а затем к морю – принадлежал старушке Стюр.

В воспоминаниях второй жены Булгакова Л.Е. Белозерской, описана эта старушка, у которой был пансион. В красивом двухэтажном доме с колоннами и видом на море под крышей гнездились ласточки. В середине XX века ласточки на Зеленом мысу пропали, как и многие птицы, насекомые, животные.

В 1929 году, отдыхая на даче Стюр, Михаил Афанасьевич Булгаков вынашивал свой главный роман «Мастер и Маргарита». Сидя на большой веранде с колоннами, откуда открывался вид на море, он мысленно представляя Понтия Пилата, беседующего с Иешуа, описал момент перед грозой: «...он оглянулся, окинул взором видимый ему мир и удивился произошедшей перемене. Пропал отягощенный розовый куст, пропали кипарисы, окаймляющие верхнюю террасу, и гранатовое дерево, и белая статуя в зелени, да и сама зелень».

И еще: «В это время в колоннаду стремительно влетела ласточка, сделала над золотым потолком круг, чуть не задела острым крылом лица медной статуи в нише и скрылась за капителью колонны. Быть может, ей пришла мысль вить там гнездо».

Рассказывали, что в начале тридцатых годов старушка Стюр уехала в Швецию. Стюры были очень богаты и, живя за границей, не продавали свою недвижимость на Зеленом мысу. Да и кому в голову могла прийти такая мысль при Советской власти? О какой частной собственности тогда могла идти речь? Все расположенные вдоль приморского холма владения, без

исключения, были национализированы, а хозяева этих владений исчезли бесследно. Возможно, некоторым в самом начале двадцатых годов удалось уехать за границу. Куда девалась гостеприимная Стюр – неизвестно. Известно другое.

В тридцатые годы Лаврентий Берия вошел в силу. Дача Стюр и дача Баратова – самые красивые и самые близкие к морю – стали закрытыми правительственными резиденциями. В народе их шепотом называли «Бериевскими». Высокие глухие заборы делали недоступным обзор. В щель можно было увидеть бегающих овчарок. Проникнуть на дачу Стюр мы, озорные дети, не решались, хотя почти ежедневно бежали мимо заборов к морю. Лишь однажды решили перелезть через забор на даче Баратова, чтобы собрать пинеоли, – семена пиний в роще, которая возвышалась над Зеленым мысом. Огромная овчарка помчалась за нами со скоростью ветра. В последний момент мы перескочили через забор. Я уже никогда, вплоть до того как были сняты заборы, не решалась проникать на территорию таинственных дач.

После 1953 года дача Баратова была присоединена к ботаническому саду. Высокий забор заменила прозрачная сетка. А дача Стюр продолжала быть закрытой. Стала называться: «Дом отдыха четвертого управления». Все знали, что четвертое управление – это что-то очень секретное, то есть принадлежит грозному КГБ (комитет государственной безопасности). Но в день выборов ворота таинственной дачи раскрывались. На вилле, ранее принадлежавшей старушке Стюр, проходили выборы, то есть советский спектакль под названием «выборы». В этот торжественный день у жителей была возможность попасть на прекрасную веранду с колоннами, увидеть ласточек под потолком, полюбоваться редкими сортами азалий и полиантовыми розами. Темный зал занимал большой бильярд, крытый зеленым сукном с шарами слоновой кости. Потом шары растащили, та же участь постигла и редкую мебель, вазы, статуи. Постепенно исчезла утварь и на даче Баратова. С годами дом отдыха четвертого управления стал более

доступным. В семидесятых годах мы могли запросто пройти на территорию этой знаменитой дачи и спуститься к морю по каскадам лестниц.

Михаил Булгаков

Потоком революции занесло на Зеленый мыс и будущего известного писателя Михаила Афанасьевича Булгакова.

В России в то время шли бои, потом началась разруха, налаживание странного быта. Строй жизни первого советского периода отображен в многочисленных фельетонах того времени. В таком же стиле написано одно из первых произведений Михаила Булгакова - «Записки на манжетах».

Странная жизнь первых советских лет, сломанные судьбы, приезды и отъезды. Неустойчивость.

Точно так же в «Мастере и Маргарите» резкие переходы от комических, полных парадоксов глав, соседствуют с трагическими описаниями событий казни Иисуса Христа. В 70-е годы читатели познакомились с этим главным романом Булгакова: с трудом доставали номера журнала «Москва» и зачитывали его до дыр. Все было поразительно: язык, стиль изложения, характеры!

Напряжение глав о Понтии Пилате – огромное. Спор Иешуа с Пилатом на балконе у прокуратора захватывал. «Извинившись перед первосвященником, он (Понтий Пилат) попросил его присесть на скамью в тени магнолий и обождать».

Слово «магнолия» засело у меня в голове. Мне, ботанику из Батумского ботанического сада, было совершенно ясно, – на балконе у прокуратора в древней Иудее магнолий не было. Магнолии – высокие вечнозеленые деревья с большими белыми цветами, растущие в Северной Америке, попали в Старый свет только после открытия Колумба. В 33 году нашей эры, в год смерти Христа, их не могло быть в Иерусалиме.

Но для Булгакова магнолии – символ юга. У меня закралась мысль, что Булгаков видел магнолии на Зеленом мысу. Почему? Я с детства видела эти

огромные магнолии. Роскошные огромные цветы первым делом бросались в глаза приезжим.

Маленькая зацепка повлекла за собой цепь догадок, позже подтвержденных.

Действительно, Михаил Булгаков был в Батуми и на моем родном Зеленом мысу дважды, восхищался природой юга. Но не все было радужно для него в этом вечнозеленом краю.

В конце 1919 года врач Булгаков служил в армии Деникина. Во Владикавказе он заболел тифом. Армия ушла. К этому времени Михаил Булгаков написал несколько рассказов и бесповоротно решил посвятить себя литературе. Биографы предполагают, что весь 1919 год Булгаков провел во Владикавказе, бедствовал, но уже навсегда связал себя с литературой. Был даже заведующим ЛИТО (литературного отдела). Мытарства и комизм этого учреждения описаны в «Записках на манжетах». Мечта выбраться в Париж через Турцию не покидала его. «Вперед. К морю. Через море, и море, и Францию – сушу – в Париж!» Наконец во второй половине мая 1921 года, через Баку и Тифлис Булгаков выбирается в Батум с мыслью о Золотом Роге.

«Сгинул город у подножья гор. Будь ты проклят... Цихидзири. Махинджаури. Зеленый мыс! Магнолии цветут. Белые цветы величиной с тарелку. Бананы. Пальмы! Клянусь, сам видел: пальма из земли растет. И море непрерывно поет у гранитной глыбы. Не лгали в книгах. Солнце в море погружается. Краса морская. Высота поднебесная. Скала отвесная, а при ней ползучие растения. Чаква. Цихидзири. Зеленый мыс».

Михаил Афанасьевич лежал на пляже голодный. Слушал шум волн. Поэтическое описание Зеленого мыса, гранитной скалы, у которой я выросла, звучит у меня в ушах как шум морского прибоя.

Мечта попасть в Турцию становится для Булгакова реальной. Теплоход «Полацкий» идет на Золотой Рог. Но в это время, живя в Батуми, Булгаков пытается писать в местной печати. «Заведывающий вошел и заявил: – Па иному пути пайдем! Не нады нам больше этой порнографии: «Горе от ума» и

«Ревизора». Гоголи. Моголи. Свои пьесы сачиним». «Через час я продал шинель на базаре. Вечером идет пароход. Он не хотел меня пускать. Понимаете? Не хотел пускать!

Довольно! Пусть светит Золотой Рог. Я не доберусь до него. Запас сил имеет предел». «Домой. По морю. Потом в теплушке. Не хватит денег – пешком. Но домой. В Москву! В Москву!

Прощай, Цихидзири. Прощай, Махинджаури. Зеленый мыс!»

Пока Михаил Афанасьевич добрался морем до Одессы, затем в родной Киев, оттуда в теплушке в Москву, наступила осень. Голодное лето он провел в Батуми и на Зеленом мысу.

С 1921 по 1926 год Булгаков в Москве работал в газете «Гудок», где он напечатал около 120 фельетонов. Там он общался с Ильфом и Петровым, Катаевым.

Я поняла: Ильф и Петров поехали писать свой знаменитый роман «12 стульев» на Зеленый мыс в 1923 году именно по совету Михаила Афанасьевича. Ходили в гости к моему деду Генриху Антоновичу Зельгейм. Некоторые традиционные семейные рассказы были подхвачены Ильфом и вошли в знаменитый роман, хотя и в измененном виде. В начале главы «Зеленый мыс» в точности описан вид, который открывается с дачи Зельгейм.

Мечта побывать еще раз на Зеленом мысу не оставляла Булгакова. В мае 1928 года он побывал там вместе со своей второй женой, - Любовью Евгеньевной Белозерской. Жили они на даче Стюр (так пишет в своих воспоминаниях Белозерская). Это было последнее посещение Булгаковым Зеленого мыса. Вскоре он развелся с Любовью Евгеньевной, встретив Елену Сергеевну Шиловскую, - свою последнюю супругу.

Маленькое биографическое исследование, вполне дилетантское. Но даты все выверены. Мне было чрезвычайно интересно представить Михаила Афанасьевича на одном из резких поворотов его судьбы. Как бы сложилась его судьба, если бы он уехал из России? Стал бы он тем великим писателем,

каким стал в России, несмотря на все свои мытарства? Написал бы романы «Белая гвардия», «Мастер и Маргарита»?

А не посоветуй Булгаков Ильфу и Петрову поехать в Батуми, веселая глава «Зеленый мыс», возможно, и не была бы ими создана!

Калистратовы

О доме Калистратовых в детстве я ничего не слышала. Он находился довольно далеко от нас, ниже огромного каменного дома Ратишвили (Ратьевых), возвышавшегося почти у вершины горы Фриде по соседству с усадьбой Татаринова.

В жизни случаются интересные совпадения. В 1988 году в Москве мы жили на Ленинградском проспекте, дом 62. Сосед по лестничной площадке - композитор Валерий Калистратов и его пожилая мать, Нина Андреевна. Она в свое время была владелицей дачи на Зеленом мысу. Мы стали встречаться, обмениваться воспоминаниями.

Нина Андреевна часто рассказывала два эпизода из своей жизни в Батуми. Первый произошел в 1919 году, до советизации Грузии, когда она была еще девочкой, а второй – в 1932.

Первый рассказ Нины Андреевны

В начале XX века у Калистратовых в городе Батуми была квартира, а также дача на Зеленом мысу. Девочка Нина – гимназистка, жила большей частью у родителей в городе, пела в храме. Город небольшой. Все друг друга знают и общаются, как это водится в южных городах. Здесь еще сохраняется прежняя власть и порядок. Много беженцев. Они приносят тревожные слухи. Но обычная, годами заведенная жизнь продолжается. Кажется, что рассказы об ужасах революции нереальны и ничто плохое не коснется мирной жизни южного города. Так же светит солнце и так же прекрасна Батумская бухта, обрамленная холмами. Ветер с моря приносит пьянящий запах морской свежести.

Девочек из гимназии зовут петь в храм. На панихиду. По кому – молчат. Нина сверху, с клироса, видит, что храм наполнен военными. В

центре храма – женщина в черном, простертая на полу. Это мать-императрица Мария Федоровна. Она только что узнала, что вся царская фамилия убита в Екатеринбурге на Урале. Как проходила панихида? В каком порядке? Совсем скоро большевики искоренят все, что связано с религией. Будет взорван и этот храм, как и многие другие в России. На этом месте появится большая гостиница «Интурист». А пока 1919 год. После панихиды Марию Федоровну военные сопровождают на корабль. Она должна отплыть в эмиграцию. Так ли это было? Или это фантазия, придуманная спустя многие годы? Но я мысленно вижу это место, храм и убитую горем мать. Она прощается навсегда не только с погибшими, но и с Россией. Уже с борта корабля видит туманные лесистые холмы, бухты. Всего 40 лет этот край был под флагом Российской империи, принесшей ему свою культуру и цивилизацию.

Второй рассказ Нины Андреевны.

Советская жизнь насадила новые порядки. Развитию Колхиды придавалось особое значение. Активно, всеми возможными средствами, боролись с малярией – бичом заболоченных долин. Разводили рыбку гамбузию, поедающую личинки комаров. После дождей сотрудник малярийной станции обходил водоемы и поливал их из чайника керосином. Но самое главное: везде, где была возможность, сажали эвкалипты. В колхозах и совхозах в питомниках выращивали, лелеяли, тонкие стебельки, которые потом довольно быстро превращались в огромные красивые деревья. Так были осушены многие болота Колхиды, в том числе Кахаберская низменность вокруг Батуми.

В советский период был создан и нефтеперегонный завод БНЗ. Но старое давало себя знать. Об этом второй рассказ Нины Андреевны.

Он относится к 1932 году. Она молода, хороша собой, замужем. В Батуми в это время арестованы многие жители города по «Кирилловскому делу». Великий князь Кирилл, один из Романовых, находится в эмиграции. Арестованных обвиняют в том, что они организовали заговор, надеясь

возвести на престол России Кирилла. Свекровь Нины Андреевны числится среди заговорщиков. Южный город Батуми имеет свою специфику. Многие хорошо знакомы между собой. Слухи разносятся мгновенно. Нина Андреевна хочет хлопотать об освобождении своей свекрови. Приятель-военный советует обратиться к Лаврентию Берии. Говорит, что он молодой и энергичный, прислан из Тифлиса разбирать это дело. Нина Андреевна эту фамилию тогда услышала впервые. Берия остановился в гостинице «Франция», она в центре города, рядом с главной площадью. Нина Андреевна идет в гостиницу, поднимается на второй этаж и у двух больших кадок с пальмами ждет приема. К ней подходит незнакомый молодой человек в пенсне, заговаривает. Рекомендуются Сашей. Разговорились. Нина рассказывает о своей беде. Саша во всю ругает Берию, говорит, что это человек бессердечный и ей не стоит надеяться. Нина возражает и даже упрекает нового знакомого – она ничего плохого о Берии не слышала, зря он его ругает. Двери открываются. Она входит в приемную, а затем в кабинет Берии, где к своему крайнему удивлению, обнаруживает молодого человека, назвавшегося Сашей. На самом деле это Лаврентий Берия. Нина смущена, а веселый молодой человек крайне рад своему розыгрышу. Зная о том, что она хлопочет о своей свекрови, он зовет секретаря. Секретарь – пожилой мужчина – входя, кланяется, как это было заведено еще до революции, говорит скороговоркой «батано», «батано», что означает в переводе «хозяин». Берия требует списки заключенных. Секретарь приносит грессбух. Берия ищет фамилию свекрови. Оказывается, дела уже отправлены в Тифлис, это затрудняет освобождение. Но веселый и даже игривый Лаврентий обещает Нине дать бумагу об освобождении. Только в Тифлисе, куда он едет в тот же день. Снова вызывают секретаря. Лаврентий приказывает достать Нине билет на поезд до Тифлиса. Там ей нужно позвонить по телефону, номер которого он ей вручает.

В тот день разразился сильный ливень, какие часто бывают в Батуми. Нина помнит свой модный костюм, промокший до нитки и то, как она, дрожа, села в поезд.

Утром, приехав в Тифлис, она первым делом пошла к друзьям – Шатиловым. Шатилов – известный батумский врач, недавно переехавший в Тифлис. С раздражением реагирует он на рассказ Нины. О Лаврентии отзывается как о мелком шарлатане и не верит в счастливый исход дела. Но когда Нина позвонила по указанному телефону, ей было сказано явиться по адресу в КГБ. Там она получила желанную бумагу. На следующий день по предъявлении документа свекровь была освобождена. Приятель-военный, который рекомендовал ей обратиться к Берии, настоятельно советовал Нине сразу же бежать из Батуми. Что она и сделала, даже не заехав на Зеленый мыс.

Потом Нина Андреевна жила в Москве, вращалась в театрально-музыкальной среде. Я слышала этот рассказ неоднократно в нескольких вариантах.

С дочкой Шатилова, – известным палеоботаником – я встречалась в конце восьмидесятых в МГУ и у Калистратовых, когда она приезжала из Тбилиси. Она подтверждала рассказ Нины Андреевны.

Дачу Калистратовых заняли работники Махинджаурского совхоза. В шестидесятые годы на месте дома Калистратовых строились новые корпуса санатория «Аджария». Когда ломали дом, задней частью прижатый к каменной кладке холма, из щелей вывалились полуистлевшие бумаги, спрятанные между камней. Их видели соседи. Не придали значения. Бумаги пропали.

По просьбе Нины Андреевны я расспрашивала соседей. От них слышала этот рассказ. Но какие чувства испытывала Нина Андреевна, случайно оказавшаяся в тот момент в Батуми, в гостях у подруги? На Зеленый мыс она не поехала. Не было сил смотреть, как чужие люди ломают родной дом...

Истлевшие бумаги были ценными. Среди них документ о сбережениях в швейцарском банке.

В начале девяностых, с распадом СССР, часто говорили о возможности возвращения имений, земель. Под этим флагом многие аджарцы сумели получить земельные наделы, такие вожделенные в тех краях, где земли мало и знают ей цену.

Нина Андреевна умерла в 2000 году. Когда я к ней заглядывала, она открывала небольшую шкатулку, показывала пачку писем, которые писал ей муж в молодости и сухую веточку самшита, который на юге в вербное воскресенье заменяет вербу. Последнее воспоминание...

Сын Нины Андреевны, Валера Калистратов, начал хлопотать о возвращении своих прав. Но эти хлопоты не увенчались успехом. Грузия все более и более отдаляется от русских, от памяти тех времен.

Попытки восстановления прав на вклад в швейцарском банке продолжаются. Валера активно хлопочет. Мы уже несколько лет не живем на Ленинградском проспекте. Я случайно встретила Валеру в переполненном вагоне метро. Он скороговоркой сообщил мне, что хлопоты в швейцарском банке о возвращении сбережений его деда идут успешно.

Дача Ратишвили

Зеленый мыс освящен посещением известных писателей. У А.П.Чехова есть рассказ «Зеленая коса». Рассказ о молодых и богатых балагурах, гостивших у княгини на холме Зеленой косы в окрестностях Батума. Сюжет ничем не примечателен. Читая, я выискивала хоть что-то, связанное с Зеленым мысом, который знаю с детства. И, увы, не находила. Но уверена: у Чехова описывается роскошный дом князя Ратьева (Ратишвили). Это большой и очень красивый дом, вернее – дворец. Расположен он на вершине главного холма Зеленого мыса, рядом с ботаническим садом. Два этажа прилепились к горе. Фасад, обращенный к морю, украшен красивыми колоннами, эркерами, балконами, с которых открывается вид на батумскую

бухту. На первом этаже – большой танцевальный зал. От дома вниз к морю круто спускается широкая лестница.

Над дачей Ратишвили проходит дорога в ботанический сад.

Когда я жила на Зеленом мысу, я видела этот дворец очень часто, порой ходила мимо каждый день. И могла лишь приблизительно представить себе его былое величие. В советские времена он изменился – увы, не в лучшую сторону. Судьба семьи Ратишвили мне неизвестна. С советских времен дача была отдана под жилые помещения ботанического сада.

БОТАНИЧЕСКИЙ САД

За дачей Ратишвили начинались владения П.Е.Татарина, после советизации Грузии присоединенные к ботаническому саду.

Большую ценность представлял созданный в 1912 году на Зеленом мысу Батумский ботанический сад. Часть горы над тоннелем, приморский холм, протянувшийся до поселка Чаква. Удельные земли, были отведены под территорию ботанического сада.

Андрей Николаевич Краснов – ботаник, путешественник, – мечтал о создании этого ботанического сада. Его географические отделы должны были представлять флору разных уголков субтропиков мира. Ранее, в своем частном владении, на крутой горе в Адлере, Краснов пытался создать подобные отделы. Но только в Батуми это ему удалось в полной мере. К сожалению, через два года Андрей Николаевич умер. Несмотря на это, его мечта осуществилась. Он справедливо считал, что избранные им 12 видов особо ценных восточных растений преобразят экономику этого края.

А.Н.Краснов прожил всего 52 года. Какова была бы его участь во время революции 1917 года – трудно сказать. Его друга В. И. Вернадского советская власть возвысила и сделала одним из своих символов. Но, судя по дневникам, недавно изданным в полном объеме, Вернадский приобрел не только славу, но и постоянный страх. В начале двадцатых годов он хотел уехать в Чехословакию.

Судьба А.Н.Краснова, вероятно всего, сложилась бы иначе. Ведь его брат был известным белогвардейским казачьим атаманом.

ПСЕВДОБРАТ КРАСНОВА

События 1956 года.

Мама моя, – Вероника Генриховна Зельгейм – дама восторженная, доверчивая до простодушия. Она заведует библиотекой Батумского ботанического сада.

Находится сад в 10 километрах от города Батуми, курортного города, куда летом стремятся приехать многие жители Советского союза, особенно из Москвы и Ленинграда. Каждый без исключения курортник, несмотря на жару и нелегкий подъем на холмы, посещает ботанический сад. Стайки туристов, сопровождаемые экскурсоводом и фотографом с ящиком на трех ножках, проходят несколько километров, любясь чудом субтропиков, созданным Андреем Николаевичем Красновым. Под огромными кронами магнолий они в полутьме подбирают большие сочные лепестки огромных цветков, под сводами камфарных лавров нюхают листья, источающие камфарный запах. В середине лета здесь душно и жарко, под деревьями – влажно, сумрачно. На ярко освещенных солнцем склонах растут редкие, необычные растения: бананы с огромными листьями, похожими на флаги-гиганты, бамбуковые рощи с яркой зеленью, эвкалипты и многие, многие другие необычные, впечатляющие ботанические редкости.

Во времена моей молодости экскурсоводы были очень квалифицированными. Прежде допустить человека до этой работы, представительная комиссия старших научных сотрудников строго проверяла текст экскурсии и эрудицию экскурсовода. Я, студентка, в то лето работала в ботаническом саду экскурсоводом. Экскурсия заканчивалась обычно у могилы А.Н.Краснова – основателя сада. И каждый раз один из экскурсантов интересовался, брат ли А.Н.Краснова - атаман Петр Николаевич Краснов. Да, он брат. Меня, максималистку, эти вопросы раздражали. Какое отношение имеет белогвардеец, казачий атаман к знаменитому ученому? Главное –

растения. Смотрите на растения, наслаждайтесь. Но и в следующий раз обязательно задавался тот же вопрос...

У мамы оказалась толстая книжка казачьего атамана П.Н.Краснова «Русские в Абиссинии». Писал ее военный, но не без литературного таланта. Мама книгу спрятала. Имя атамана было запрещено или вспоминалось как проклятое.

xxx

И.Сталин позволил казачьему атаману уехать за границу, о чем позже очень сожалел и много лет спустя все же сумел расправиться с ним. Уже престарелого, П.Краснова, по постановлению Нюрнбергского процесса, выдали СССР и повесили.

xxx

Здание дирекции, где находилась библиотека, которой заведовала мама, расположилось на высоком приморском холме. До революции это место принадлежало П.Е.Татаринову. Белое здание с башенками в мавританском стиле красиво смотрится на фоне субтропической зелени. На втором этаже – большой темный зал с лепниной на потолке. Это и есть библиотека. Стеллажи книг поднимаются до потолка. Сюда обязательно заходят приезжие ботаники, а также все, кто интересуется историей сада. Мама – красивая обаятельная дама – с вниманием относится ко всем, помогает.

Летом 1956 года наш домик, расположенный недалеко от ботанического сада, словно теремок наполнен студентами. Ко мне в гости из Москвы, из московского университета, приехали друзья. Мой брат,- студент из Тбилиси, тоже с друзьями. Рядом дом отдыха ГПИ – тбилисского политехнического института. Там отдыхал ансамбль ОПЕРА – тоже студенты, в будущем – знаменитые музыканты и артисты. Среди них в будущем известные певцы: Буба Кикабидзе, Нани Брегвадзе. Вечерами танцевали под луной. Море, праздничная атмосфера.

В один из таких чудесных дней мама пришла после работы с невысоким старичком. Отозвала меня в сторону и таинственно, полупшепотом сообщила, что она привела к нам брата А.Н.Краснова. Просила встретить его торжественно. Я сразу же поинтересовалась – кроме атамана, у А.Н.Краснова был ли брат? Мама, очень восторженная и доверчивая, твердила, что этот брат – настоящий. Пересказывалась холодящая душу история о каком-то побеге, о шраме, нанесенном большевиками. Подробности были убедительны.

Чтобы принять знаменитость, мы с мамой напряглись, приготовили цыпленка. Мама была искусной кулинаркой, готовила замечательно. Усадили почетного старичка в центре стола, правда, плотно заполненного студентами с отменным аппетитом.

Старичок был совсем не похож на благообразное, благородное изображение А.Н.Краснова: какой-то помятый, серый.

Через несколько дней после визита старичок прислал маме письмо. Увы, увы не с благодарностями, а с упреками. Вы-де, Вероника Генриховна, отнеслись ко мне не с должным уважением: ножку цыпленка положили сыну. Выяснилось – старичок никакой не брат, а прохвост.

Очередной «сын лейтенанта Шмидта» очень огорчил маму. Она была в растерянности. Но, обладая счастливым свойством долго не помнить неприятного, снова стала с обворожительным гостеприимством приглашать приезжих в наш домик.

Через несколько лет библиотеку после очередного конгресса посетили знаменитые грузинские археологи. Группа маститых ученых вела под руку не менее «знаменитого» археолога, в котором мама узнала «брата Краснова». Он, как и остальные гости, почтительно смотрел на фолианты старинных книг. Мама отозвала организатора экскурсии и шепотом поведала о том, что это вовсе не археолог. Ей сразу не поверили, но вскоре обман был раскрыт. Лже-археолога изгнали. И больше мы о нем ничего не слышали. Возможно, он продолжал пользоваться широким грузинским гостеприимством. Уж

очень вкусны сациви, чурчелы, долма, сациви. О, сациви! О, пахлава! Не говоря уж о вине, которое льется под аккомпанемент изумительных тостов!

xxx

Вернемся к ботаническому саду. В то время, когда я водила экскурсии, он был в полном расцвете. Огромный талант и незаурядное воображение Андрея Николаевича отразились в проекте сада. Когда-то под его личным руководством расчищались непроходимые дебри, были посажены молодые деревья, кустарники.

Вид на дирекцию Батумского ботанического сада

В субтропиках Колхиды, в ее теплом климате, все растет очень быстро. Детище Краснова в середине XX века полностью воплотило его мечту. Результатами его трудов смогли воспользоваться многие: ведь в то время в Советском Союзе ботанический сад был едва ли не единственным местом, где можно было познакомиться с уникальными растениями влажных субтропиков.

Коллективизация

При советской власти Батуми и его окрестности сильно изменились. Малярийные болота в долинах речек осушили. Там, как и в окрестностях Поти, сажали эвкалипты. Разведению в Колхиде субтропических растений – чая, мандаринов – придавалось в ту пору большое значение.

Побережье от Батуми до Кобулети превратилось в курорт.

С 1927 по 1938 год моя прабабушка Мария Константиновна Зельгейм после смерти мужа жила на Зеленом мысу одна, – до приезда внучки Вероники с мужем Александром Давидовичем Гвалчрелидзе. Только летом к ней из Тбилиси приезжала семья сына Генриха. Садовник Павел Гетман, ранее живший вместе с Зельгеймами, стал их ближайшим соседом.

Он был из немцев-колонистов. Его жена Екатерина Эмильевна, а чаще «тетя Катя» - тоже немка, из колонистов с Украины. После смерти прадеда Павел продолжал жить с молодой женой в построенном им маленьком доме в центре площадки, рядом с тремя пальмами.

Прабабушка была его бывшей хозяйкой. Но настало время, когда об этом пора было забыть. На экспроприированных дачах первого холма, самых богатых, на даче Кривицких открылась турбаза. Приезжали по путевкам туристы. Спускались с гор, пересекая Кавказский хребет. На Зеленом мысу был последний пункт. Здесь они купались в море, затем уезжали обратно на север.

Павел Гетман устроился поваром на турбазе, а потом сменил место работы на более престижное, – в санатории ВЦСПС (то есть профсоюзов). В конце двадцатых годов развернулось мощное строительство этого санатория. Что означает аббревиатура «ВЦСПС», не имеет сейчас смысла вспоминать, но я его выучила с первых своих сознательных дней. Большой профсоюзный санаторий был одним из главных жизненных пунктов Зеленого мыса. Над тоннелем, на крутом холме (втором от моря) вырос трехэтажный корпус, по тем временам огромный. Он как бы врезался в воздух. Архитектор создал его в виде большого корабля, парящего над морем. О! Это было очень красиво! Санаторий был во время Отечественной войны госпиталем, затем опять санаторием, только переименован в санаторий «Аджария».

Там и стал работать поваром Павел, бывший садовник Зельгеймов, а ныне трудящийся Аджарии.

Пережив революционные события, он хорошо знал, что такое голод. Может быть, предполагал, как и многие, что время и теперь не совсем

спокойное. Павел был очень запасливым. Работая поваром, как рассказывала моя мама, он закапывал в землю бидоны с топленным маслом. Видимо, знал секрет сохранения ценного продукта. Позже, во время войны, когда уже не было в живых Павла, его жена Катя осталась с маленькой дочкой на руках. Благодаря этим запасам она смогла поддержать себя и ребенка.

В санатории кормили по первому классу. В этом престижном учреждении работал Адя Васильев. Его настоящее имя Андрей. Но его иначе, чем Адя, Адяка, и не звали. Это один из представителей яркой семьи Васильевых, которые жили на самом высоком холме под Чаквинским перевалом. Адяка – уважаемый советский служащий, всю свою сознательную жизнь он проработал главным бухгалтером в санатории. Его родственники уже после его смерти показывали меню санатория. Там кормили несколько раз в день самой изысканной пищей.

Вернемся к судьбе Павла, тесно связанной с нашим садом. В начале тридцатых годов в Махинджаури (соседнем с Зеленым мысом поселке) – был организован колхоз имени Лазаря Кагановича. Земли, ранее принадлежавшие частным лицам, стали колхозными.

Павел не вступил в колхоз. А его жена Катя вступила. Именно она и создала ситуацию для первого откола земли Зельгейм. Дело в том, что при организации колхозов было принято постановление: колхозники могли иметь очень большой земельный надел. А те, кто не работал в колхозе: служащие, врачи, учителя (словом, интеллигенция), получали всего пятнадцать соток. Но поначалу к бывшим хозяевам – потомственным владельцам больших наделов – относились не строго. Тот же Адя и его родственники имели большие мандариновые сады на солнечном южном склоне, которые давали им ежегодно большой доход. Поэтому Адя считался одним из самых богатых людей Зеленого мыса.

Повар Павел завел тесные знакомства с аджарцами, возглавившими молодой колхоз имени Кагановича и получил возможность отрезать (отобрать) большую, лучшую часть мандаринового сада Зельгейм. Он знал

сад Зельгейм не понаслышке, долгое время сам в нем работал. И решил, что лучше ухаживать за своим садом, а не за чужим, барским. Уж лучше свое, чем коллективное. Вспомните: «все вокруг колхозное, все вокруг мое...» Были, были в колхозе Кагановича колхозные общие земли, плантации, которые необходимо было обрабатывать колхозными бригадами. Нужно было идти далеко в горы, например, несколько километров вверх от чаквинского перевала на Омбалури, и там собирать и обрабатывать общий чайный участок, колхозный. Там в бригаде номер шесть позже работала моя мама и соседка Катя.

Павел и Катя получили в колхозе прекрасный сад,- часть холма, ранее принадлежащего Зельгеймам. На красивом месте с видом на Батумскую бухту Павел построил небольшой дом из трех комнат, с кухней и верандой. Таким образом, семья Павла и Кати стала нашими единственными соседями в то, теперь уже очень далекое время.

Прабабушка

В доме садовника одиноко живет Мария Константиновна, моя прабабушка.

Мария Константиновна, вдова Антона Генриховича, еще очень бодрa, сильна, у нее очень прямая спина. Раз в неделю она берет бамбуковую палку, закидывает ее за спину. На один конец вешает плетеную из драцены корзинку и идет пешком в Батуми за хлебом. В домике она живет в одиночестве, ожидая теплых летних дней, когда из Тбилиси к ней приедет сын с семьей, с подрастающими внуками.

Стоит задуматься. Почему Мария Константиновна ходит так далеко, когда рядом живет повар Павел? Мы знаем, что он человек запасливый. Может быть, избегает контактов с бывшей хозяйкой? А возможно, гордая Мария Константиновна так выражает протест против захвата ее территории?

Помнится, мама рассказывала довольно неприятные вещи. Прабабушка жаловалась. У нее пропало фамильное серебро. Но в моем раннем детстве фамильного серебра оставалось всего несколько ложек и

вилок. Прабабушка не жалела серебра. Помню, она сама скребла кастрюли. Отскребанная на половину ложка досталась мне по наследству вместе с тремя целыми, с монограммой. Так что оставим в покое фамильные ценности, которые не сдали в торгсин, украли или закопали неизвестно где.

В солнечные дни Мария Константиновна греется на шушабанде, читает старинные романы, напечатанные готическим шрифтом. Иногда она встречается молодую Вету Васильеву, сестру Адяки, которая с годоркой (корзиной из бамбука), наполненной чаем, идет вниз, в Махинджаури – сдавать чайный лист, собранный на своем наделе. Годорка – это небольшая корзина, сплетенная из расщепленных бамбуковых плетей. Были и годоры – большие корзины, которые как рюкзаки вешали мужчины на плечи, за спину во время сбора мандарин и, наполнив, несли вверх по склонам к дому.

xxx

Мама и ее второй муж, приехав на Зеленый мыс в 1939 году, вступили в колхоз. За семьей сохранился весь надел, кроме того, что сумели за собой закрепить в колхозе Павел и Катя Гетман.

Колхоз имени Кагановича

Жизнь поселков на побережье в конце двадцатых – начале тридцатых годов резко изменилась. Колхозные земли располагались на холмах на север от поселка Махинджаури вплоть до поселка Чаква. Это плантации мандаринов и чая, оставшиеся после высылки бывших хозяев, излишки бывших имений частных владельцев.

Поэтому колхозные земли представляли собой небольшие клочки между частными владениями. Кроме того, в земли колхоза вклинивались земли Махинджаурского цитрусового совхоза. Были они и на Зеленом мысу. Это мандариновые плантации бывшей китайской дачи и плантация мандаринов у Чаквинского перевала рядом с дачей Ратишвили. Как получилась такая чересполосица – трудно сказать. Парадоксы первых лет коллективизации.

Колхозные земли обрабатывали прикрепленные к участкам колхозники. А рабочие совхоза получали минимальную зарплату. Весь урожай сдавался государству без оплаты. Совхозные земли с годами приходили в упадок. Они почти не обрабатывались – изредка, скопом, появлялись рабочие совхоза, в основном во время сбора мандаринов.

Рабочие производили жалкое впечатление. Это были очень бедные люди, проживающие в Махинджаури. Такими я их помню в детстве и в юности. Позже, в семидесятых годах, на Зеленом мысу в районе хоздвора для них был построен двухэтажный дом.

Уход за мандаринами несложный: весной вскопать землю под деревьями, взрыхлить, удобрить. Летом – лечить от всякой мошки, особенно белой мушки, червеца. А уж в уборочную кампанию работают все. Это страда. Совхозные рабочие стараются для советской власти. А колхозники – прежде всего для себя, потом собирают урожай на колхозных заброшенных участках. А так как колхозные клочки были маленькими, то со временем их предпочли отдать в частные наделы. Так проще. Кому-то просто прирезали эти земли, передали за взятки или отдали по-родственному.

Контора

Недалеко от станции Махинджаури, в красивом месте у подножия холма выросло двухэтажное белое здание конторы колхоза имени Лазаря Кагановича. На втором этаже контора, на первом – клуб. Здание окружено красивым сквером.

Помню колхозный праздник в клубе. Дети, и я в том числе, в нарядных платьях. На стриженных головках с челками качаются огромные, словно бабочки, банты. Самые нарядные и маленькие читают стихотворения о Сталине. Много музыки. Красивой, лиричной. Маленькая девочка Катя исполняет песенку о Сталине: «Я сидела и пела, нас качали качели, вижу – Сталин по парку идет...»

Позже, когда я училась в Махинджаурской школе, мы, школьники, также выступали в этом клубе. Большой хор нарядных школьников, в духе

того времени, – в белых передниках с алыми пионерскими галстуками на шее. Плотнo прижавшись друг к другу, мы стоим в несколько рядов на возвышениях. Хор исполняет кантату о Сталине: «родном и любимом, о котором слагает песни весь народ ...»

Берия

Перед клубом лесенка спускается на небольшую, окруженную цветущими кустарниками, площадку. В центре стоит мощный, несоразмерный с двухэтажным зданием, монумент Лаврентию Павловичу Берии. Наша учительница подчеркивает: «Монумент – это живому, памятник – умершему». Пока жив был могущественный Лаврентий – монумент стоял.

Летней ночью 1953 года памятник свалили. Совсем недавно, зимой, когда Сталин был жив и ничто не предвещало таких событий, утром я шла в школу. На станции Махинджаури стояли теплушки. В щели видны были одни глаза. Тихо сообщали – ночью часть семей арестована. Будут отправлять в Казахстан. Это состоятельные семейства с турецким прошлым, то есть попросту аджарцы.

А после того как свалили бывший монумент, снова поползли слухи. Будет амнистия, арестованных вернут... Но лучше помолчать.

xxx

Колхоз переименовали,- ему присвоили имя И.К.Джинчарадзе – героя-летчика, погибшего на войне. Его памятник не снесут и не сменят, он вечен в своем подвиге. Вечен ли? Кто бы мог подумать, что в поисках сенсации с годами будут развенчаны такие герои, как молодогвардейцы, – их слава казалась незыблемой!

На месте памятника Берии, на том же пьедестале, появился памятник Ленину. Средних размеров. Гипсовый. Он не такой маленький, как бронзовый «лениненок», который спрятался в разросшихся кустах у железнодорожного вокзала Батуми. Бронзовый, вылит тщательно, с любовью, аккуратно. Идешь по перрону – и вдруг рядом стоит Ленин, как живой. Судьба этого «лениненка» печальна. Ночью 1993 года его тайно

увезли мародеры. Бронза в то время была в большом дефиците, в Турции за нее давали доллары.

xxx

В конце восьмидесятых годов, когда перестройка набирала силу, на втором этаже колхозной конторы, в сыром неприглядном кабинете председателя колхоза Темури Ахвледиани, я сидела в ожидании очередного хитроумного решения о судьбе моего надела земли.

«Вечный» Темури с архитектором Хелвачаурского района Резо долго обсуждали, как восстановить отвалившееся гипсовое ухо Ильича, да так, чтобы это было не просто ухо, а ухо вождя...

Ушки Брежнева

В 1983 году осенью я с братом Сашей гуляла по осеннему Тбилиси. Красивое здание с овалами, напоминающими огромные уши, возвышалось на площади Руставели. Это был местный Комитет государственной безопасности. Брат сказал, что эти овалы на верхушке здания в народе зовутся «ушки Брежнева». Чьи теперь эти «ушки»?

xxx

Зря восстанавливал осторожный Темури ухо вождя, который «живее всех живых». Все имеет свой срок. И в первую очередь – памятники. Не прошло и пяти лет с того дня, как в один странный день бравые звиадисты повалили огромный памятник Ленину на огромном пьедестале главной площади Батуми. (После развала СССР к власти на короткое время в Грузии пришел Звиад Гамсахурдиа. Его сподвижники звались звиадистами). Говорят, бесновались, прыгали на поваленной статуе и – о, ужас! – осквернили его, помочившись на памятник. Темпераментный народ в состоянии экстаза способен и не на такое.

Махинджаурскому Ленину досталось не меньше: оторвали голову и руки. Торс с торчащими проволоками стоял довольно долго. Потом статую незаметно убрали. А пьедестал остался.

Типовых Сталиных – в шинели, с рукой у сердца, тех, что стояли в каждом грузинском селе, убрали незаметно. Так же, как и типовых Ленина и Сталина, сидящих на скамейке – гипсовых, белых и улыбающихся. Такая дружная парочка сидела среди райских кустов азалий и роз в красивом скверике в Махинджаури. И вдруг парочка испарилась. Но это случилось при Никите Хрущеве, во время оттепели.

xxx

Отвлекусь. В Магадане в семидесятых годах в центре города в небольшом скверике напротив обкома партии мной неожиданно был обнаружен маленький, мне по плечи, гипсовый мальчик-Ленин. Этаким белый ангелочек в сапожках держит раскрытую книгу. Вспомним: «Учиться, учиться и учиться». Головка покрыта волнистыми волосами. Маленький Ленин был ангел типовой. Я такого же обнаружила в Сеймчане, на средней Колыме, в центре поселка.

xxx

Колхоз простоял и после Звиада. Устойчивая структура. Темури хорошо знал, с кого он получит очередную взятку. С земельными наделами была большая путаница. В старину – одни законы, одни хозяева. С новым временем – другие.

xxx

Нина Андреевна Калистратова, моя московская соседка, и ее сын Валера меня спрашивают: «Нам вернут наш участок?» Разъясняю: «Вы пришельцы, это земля аджарская. Но подать прошение можете – никто вам не откажет. Только будут годами обещать, улыбаться». «Тебе приятно и мне приятно» – вот лозунг аджарского бюрократа.

Глава 2 раздел 2

Первые воспоминания

Дочери Генриха Антоновича и Мадлен Ивановны подрастали, расцветали. Особенно хороша была старшая, Вероника, – моя мама. В 1932

году, когда ее встретил мой отец, Тимофей Андреевич Мазуренко, ей было 17 лет.

Моряки, сойдя с корабля, поехали на Зеленый мыс – самое красивое место на побережье. И забрели на дачу Зельгейм. Мама рассказывала, что моряки пели, играли на гитаре. Среди них оказался и мой будущий отец – Тимофей Мазуренко. Он родом с Украины, из-под Николаева. Человек не без талантов, он хорошо понимал особенности того мятежного времени. Увидев Веронику, красавицу с длинными косами, не смог ее забыть, стал писать ей длинные письма. Мама рассказывала – читали их всей семьей, забавлялись.

Через год Тимофей появился в Тбилиси и сделал маме предложение. В то время мама работала чертежницей, заочно училась в радиотехническом институте. Тимофей был инженером. По понятиям эпохи – человек с положением. Мой дед Генрих придавал этому большое значение. К тому же Тимофей был представителем рабочего класса.

Мама рассказывала: Тимофей настаивал, Генрих поддерживал. Мама сдалась. Поставила условие: в тот же день уедут в Одессу, где жил и работал Тимофей. Так поженились мои родители. Тимофея мама не любила, о жизни в Одессе рассказывала мало и с досадой.

xxx

Вспоминала, например, как Тимофей ее, молоденькую, вез в Одессу и оставил у Сухумского морского вокзала, а сам ушел в горы менять соль на продукты. Охраняла маму большая овчарка Тимофея. Подходили горцы, рассматривали, боялись собаки. Только поздним вечером муж вернулся.

Страх, который мама пережила за этот день, она помнила до старости.

xxx

Иногда, глядя на меня, мама говорила с досадой: «эти мазуренковские черты». Брак оказался неудачным. Тимофей, будучи намного старше мамы, имел уже взрослого сына и дочь. Мама об этом узнала случайно, обнаружив стихи Тимофея, посвященные своим детям.

Я родилась в Тбилиси (тогда Тифлисе) 19 октября 1935года.

Тбилиси. Мне три дня

Впервые на Зеленом мысу. Мне два месяца

Когда мне было 9 месяцев, я заболела – диспепсия, несварение желудка. Мама кормила меня куриным бульоном. Не помогало. Становилось все хуже. Решено было ехать к ее родителям в Батуми. Тимофей – человек

сверхскупой, пожалел денег на билет в каюте, привязал на палубе коляску. Сам ушел в трюм. Мама осталась рядом со мной и в шторм провела на палубе два дня. В Батуми ее встречал отец. Первое, что он сказал: «хватит!».

1936г. Я с мамой в Одессе

Бабушка Мадлен меня, свою первую внучку, выходила.

18 ноября 1936г. Мне год. Я с бабушкой Мадлен и куклой Жоржеттой.

Мама снова вернулась в Тбилиси. Работала на заводе чертежницей.

В семье маминых родителей меня окружали любовью бабушка, мама и две тетки – Майя и Дуду (Мария и Ида).

1936г. Тбилиси. Сидят: Майя Генриховна со мной на плечах. Рядом Вероника, моя мама. Стоит Ида Генриховна – моя вторая тетка.

Звали меня Айей, чтобы не перепутать с теткой Майей, а на самом деле Марией. Так и осталось: Ая, Айка... Бабушка Мадлен любила переименовывать. Маму Веронику звала Икой, тетку Марию – Майей, а Иду называла Дуду. Она в детстве смешно плакала, вроде как «ду-ду»...

xxx

Самое первое мое воспоминание относится к двум с половиной годам.

В доме весело. Майя выходит замуж. Все идут на свадьбу, а меня оставляют с Полиной, соседкой и бывшей владелицей дома по улице Садовой. Я сижу на коленях у Полины. Мама и Майя подходят, целуют на прощанье. Они в шифоновых прозрачных платьях.

xxx

Бабушка Мадлен уделяла мне максимум внимания.

Когда я заболела коклюшем, сама повезла на легочный курорт в Абастумани. Своим каллиграфическим почерком исписывала тетради с

сочиненными ею сказками, ею же иллюстрированные на полях. Например, как собака стала другом человека.

В этих тетрадах были и стихи на французском: об осле, которого одевают в фиолетовое платье, фиолетовые туфли и так далее... и еще масса сказок! Например, о ленивом Фоме. Как его съел крокодил... Тоже с иллюстрациями. «Штаны и рубашка лежат на песке, никто не плышет по пустынной реке...»

xxx

На заводе, где мама работала чертежницей, она встретила Александра Давидовича Твалчрелидзе.

Мой отчим сначала отнесся ко мне очень ласково. Это, по маминым словам, повлияло на ее решение вступить во второй брак. В 1938 году родился мой единокровный брат Саша, Александр Александрович.

В это время на Зеленом мысу одинокую, пожилую Марию Константиновну причислили к кулачкам, грозились отобрать землю. А в Тбилиси у молодой пары жилищный вопрос стоял очень остро. У родителей Александра была только одна комната. Переезд мамы с Шуриком на Зеленый мыс спасал положение. Мне было три года, когда, с грудным Сашиком семья переехала к бабушке.

1939г. Моя мама Вероника со мной на руках и Александр Твалчрелидзе с сыном Сашей

Тбилиси. К подъезду подкатывает фаэтон – помпезная повозка с фонарями по бокам, с откидным верхом. Особенно интересны фонари.

Спальный вагон – мягкий, лучший. Пыльные красные бархатные шторы с

кистями. Мама режет вареное сало, соль насыпает из спичечной коробки.

В чудном саду

Мы: мама, Шурик, я и маленький Сашик живем вместе с моей прабабушкой Марией Константиновной в «домике садовника».

К дому пристроена открытая веранда-шушабанда

Дом выходит на большую площадку, обрамленную красивыми деревьями и кустами. Все вокруг утопает в садах. Наши ближайшие соседи – это тетя Катя Гетман и ее дочка Рита, моя ровесница. Павел Гетман, бывший садовник моего прадеда, вскоре после рождения дочери умер от перитонита.

xxx

Зеленый мыс. Шурик катает меня на велосипеде, сажает на раму. Склон крутой, но мне не страшно в его сильных руках.

Мы с Шуриком на катере едем в Батуми. Осень. Море прозрачное. Я заглядываю в глубину. Шурик грозит: если не отойду – могу упасть. Все голубое прозрачное пространство пронизано белыми кружевными «грибами»

Медуз. Зрелище завораживающее!

1939. Зеленый мыс. Я на скамейке из ствола глицинии

В конце площадки на расстоянии друг от друга растут три веерные пальмы. У их подножия – композиции из агав, пышно разросшихся в теплом краю. Край площадки обрамлен высоким плотным бордюром вечнозеленого самшита, слева подрастает бук. Отсюда открывается вид на батумскую бухту и город Батуми. Вдалеке синеют горы Турции.

Вся большая площадка перед домом обрамлена высокими темными магнолиями. По краям – большие кусты ароматного питтоспорума тобира. Беседка обвита глицинией, пассифлорой, стаунтонией. Невысокая маслина душистая – под окном. Сад, созданный моим прадедом, разросся. По краям площадки не только темные магнолии, но и большие кусты азалий, спирей, диервил, возвышается банан с огромными, словно флаги листьями. С толстых перевитых стволов глицинии свешиваются большие сиреневые кисти с тонким нежным ароматом. Весной, во время цветения, все кусты, покрытые цветами, белеют, краснеют, благоухают тонкими ароматами. Сильный запах издают букетики мелких цветов питтоспорума. Вдоль дороги – ряд больших кустов гортензии. Летом огромные шары ярко-голубых

соцветий полностью покрывают кусты, в них можно отлично прятаться.

Сестры: Вероника, Мария (Майя) и Ида (Дуду) в кустах гортензий на междудорожье. Много позже в середине восьмидесятых Олег Нефедьев выстроит на этом месте дом.

Около дома вьются розы. В жару они издают особенно сильный аромат. На склонах площадки – уникальные садовые композиции. Мой прадед любил растения, был знаком с директором ботанического сада А.Н.Красновым. Писал в журнал «Батумский сельский хозяин», сажал на своем участке редкости. Даже такие, которых не было и в ботаническом саду. По сторонам площадки большая яблоня сорта Демир-алма. Рядом с яблоней – высокая груша с зелеными сочными плодами. Сорт редкий, я нигде потом его не встречала. По груше вьется стаунтония веревчатая из тропического семейства лардизабаловых с кожистыми листьями, похожими на лапки. Осенью на этой лиане спеют интересные плоды, похожие на вытянутое мягкое фиолетовое яйцо. Яйцо набито блестящими черными семенами, окруженными желеобразной сладковатой мякотью. Рядом растет акебия из того же семейства. Еще пассифлора – кавалерская звезда.

Перед домом две железные скамейки в стиле модерн.

На склоне рядом с домом – большой каштан. Прадед оставил там и граб, и бук – остатки девственного леса.

Южный склон весь занят мандариновым садом и посадками чая.

Склон, выходящий на море, зарос мимозой – серебристой акацией. Беседка обрамлена кордилинами, дейциями и спиреями. Весной их обильное цветение завораживает. И все это на фоне голубого неба, синееющего моря.

xxx

На северном склоне – буковый лес. Толстые серые стволы высоко возносят кроны, которые смыкаются наверху. Здесь всегда тенисто. Под ногами – густой ковер опавших листьев. Мы с прабабушкой Марией Константиновной ищем чинарики – вкусные треугольные буковые орешки. С бидоном спускаемся к роднику, набираем воду. Родник знаменитый, вода в нем особенно вкусная. Об этом много говорят. Со временем лес срубили, на склоне стало светлее. Остались огромные пеньки.

Зеленый мыс. Родник на склоне холма в буковом лесу

Колодец

На площадке – колодец глубиной 10 метров. Высокий, по грудь маме, круглый цоколь. Над ним – домик с воротом. Мама крутит ручку, цепь накручивается на ворот. Нужно так намотать, чтобы кольца цепи не наслаивались друг на друга, иначе вода из ведра выльется. А когда ведро поднимется, его нужно ловко подхватить и перелить воду в другое ведро.

Потом можно отпустить цепь. Ворот начинает бешено крутиться, пока ведро не достигнет воды, глубоко внизу. Теперь нужно взять в руки цепь и ловко зачерпнуть ведром воду. Если неловко – вода не зачерпывается. Нужно повторить. Наконец ведро утонуло, наполнилось. Снова крутить, поднимать вверх. Эту науку потом, в течение многих лет я хорошо освоила. До отъезда с Зеленого мыса, то есть до 1960 года, я была главной водоноской. Колодец тогда был единственным источником воды. И для еды, и для стирки набирали из него воду.

Я стою рядом с мамой, заглядываю в колодец. Где-то очень глубоко видно круглое зеркало воды. Мне страшно – не упасть бы! Мама кроме ведра с водой вешает в колодец еще одно ведро – с продуктами. Это наш холодильник. Ведь там всегда холодно: вода даже в жару ледяная.

Зеленый мыс. Я с мамой у колодца

На площадке есть еще один небольшой домик. Теперь это коровник. В свое время была куплена большая корова Черاما. Она злая – бодается. Даже маму не подпускает. Я ее боюсь. У нее острые рога. Она однажды чуть меня не забодала, еле спасли.

Есть свиньи, баран Борька, куры. Большое хозяйство. Мама и Шурик с утра до вечера на работе в колхозе. Уход за животными требует постоянного внимания: сварить пойло, обязательно теплое, подоить корову, подбросить сена, накосить свежей травы, подстелить подстилку.

xxx

Шурик деловито надевает большой плащ, резиновые сапоги. На спину, словно рюкзак, надевает баллон с жидкостью. Это медный купорос, бордосская жидкость. От баллона протянут шланг с концом, словно у клизмы, но большой, с регулятором. Винтик отворачивается и из баллона льется голубая струя. Так мой отчим и его отец Датико опрыскивают мандариновые деревья. Спускаются вниз по террасам и аккуратно поливают листья. Остается серо-голубой налет.

В середине лета на Зеленом мысу влажная жара. Местные люди называют июль «дамплис тве», что означает «гнилой месяц». Жара с туманами, облаками, покрывающими небо, с мелким морозящим теплым дождем, способствует размножению вредителей. Деревья нужно лечить. Мандариновый сад должен дать урожай, а значит – деньги. К уходу за деревьями относятся с большим вниманием. Весной перекапывают землю, вносят навоз. Зимой подрезают лишние ветви. Мандарины – основной источник дохода.

xxx

В старости мама вспоминала то довоенное время как постоянную работу, говорила, что вырывала только минуты для того чтобы приласкать маленького Сашу. Мечтала снова завести корову. Говорила, что ей снится запах коровы, коровника.

xxx

Сашик – мой братик, толстенький хорошенький мальчик. Очень аккуратный. А я, наоборот, неаккуратная. На это особенно часто обращала внимание мать моего отчима – бабушка Аничка. Похожая на большую серую мышь, она вместе с дедушкой Датико наводила порядок, приезжая на Зеленый мыс. У меня вещи вразброс, а у Сашика все в порядке, все разложено. Эти привычки, проявившиеся с раннего детства, остались у нас до старости. Моя неаккуратность не прибавляла ко мне симпатии ни бабушки Анички, ни моего отчима, который с появлением на свет Сашика совершенно

изменился. Вся любовь безраздельно была отдана сыну, мальчику, родному. В грузинской семье рождение сына – большое событие. А я была неродная, строптивая и, видимо, не слишком послушная.

Слева направо стоят: Давид Александрович Гвалчрелидзе (дедушка Датико, отец Шурика, моего отчима), Анна Гвалчрелидзе, мать Шурика (бабушка Аничка) с Сашиком на руках, Александр Давидович Гвалчрелидзе, мой отчим (Шурик) Верника Генриховна, моя мама со мной на руках. Сидят: Ида Генриховна - сестра Верники и Леночка - сестра Шурика

С приездом Шурика на Зеленый мыс началось постепенное разрушение сада. Магнолии, затенявшие площадку, Шурик срубил. Время от времени от их корней, оставшихся в земле, отрастали молодые побеги, но вскоре гибли. Напоминание о былой роскоши... Маслину душистую перед домом также срубили. Она защищала окна от холодного морского ветра. С другой стороны, мешала виду на море.

Оставили высокую веймутовую сосну. Сохранился и большой граб у дома, и каштан у дороги.

Но новых растений не сажали. Были другие приоритеты: важна не эстетика, а польза. Прокорм. Дедушка Датико работал на железнодорожном вокзале в Тбилиси и, хотя сам был вполне городским человеком, хорошо знал обычаи своих предков – крестьян-горцев. Приезжая на Зеленый мыс, он активно помогал по хозяйству. Его жена – бабушка Аничка – полячка,

совершенно городская жительница. Между собой супруги говорили как по-русски, так и по-грузински. Получалась интересная смесь. А моя бабушка Мадлен говорила со своим мужем Тари только по-французски, а с остальными по-русски, пересыпая речь французскими фразами.

Несмотря на то, что на Зеленом мысу в конце тридцатых годов собирались представители многих национальностей, в нашей пестрой семье основной язык был русским.

xxx

На склоне площадки, обращенной к морю, прадед посадил американскую березу тополелистную. Она точь-в-точь как наша белая береза, с длинными гибкими развевающимися плетями. Маленькую площадку украшала светлая беседка, увитая розами. Отсюда особенно красивый вид на море. Рядом на крутом склоне быстро разрастается густая заросль мимозы. Весной огромные желтые пушистые кисти цветов благоухают. Очень интересна камедь, застывающая большими прозрачными гроздьями на коре. Что-то подобное и на персике с растрескивающейся корой. Мама говорит – можно сварить гуммиарабик, клей. Рита-соседка говорит, что можно сварить из смолы кеву, жвачку. На красивой, словно нарядная кукольная черепичка, коре сосны приморской выступает похожая на застывшие капли прозрачная смола. Мы с Ритой собирали ее в консервную банку. Туда же клали и камедь. Варили на маленьком костерке. Потом жевали. Горько и противно. Мне не нравилось. Для чего жвачка? Потом я видела, как мальчишки жуют такую же жвачку. Жевали и просто смолу. Позже я читала у Фазиля Искандера в детских рассказах о мальчике Чике, что в Абхазии тоже варили кеву.

За кеву нас не наказывали.

За мандариновым садом, вниз по склону, полудикие заросли идут вплоть до узкого ущелья горной речки. Это пространство – выпас, место, где растут в ряд несколько груш, яблонь. Рядами растет чай, в его кустах пауки-крестовики вьют сети. Интересно наблюдать белую сеть на фоне темных

листьев, покрытую капельками росы. Паук, на спинке которого вырисовывается белый крест, тихо сидит в основании паутины. Если прикоснуться палочкой, убегает. А если тихо смотреть – можно увидеть, как он сторожит мушку. Она, еле видимая, прилипает к паутине. Начинается охота. Паук быстро мчится к жертве, хватает и снова убегает вниз.

В зарослях чая качают головками со злыми глазами пестрые богомолы, «молятся», перебирают лапками. Их тут много, есть крупные, длиной с ладонь. Переливаются красками от красного до зеленого. Лучше не трогать. Могут укусить.

В жаркие дни на цементный фундамент шушабанды выбираются многочисленные ярко-зеленые ящерицы. Интересно за ними гоняться. Схватишь, а она оставит в руке хвост и юркнет в щель.

Мама зовет. Нашла огненную саламандру около колодца, ярко-оранжевую. Рассматриваем вместе.

Однажды бабушка показала маленькую змею. Говорит, что это не змея, а ящерица веретеница. Но есть и змеи. Ядовитые медянки, гадюки. Правда, я их не вижу. Взрослые предупреждают, что могут встретиться.

Интересно наблюдать клопов-солдатиков. Сцепленные вместе черно-красные небольшие насекомые образуют цепочки на корнях. Их много, несколько десятков. У навозных куч катают шары скарабеи.

Много скорпионов – черных, с хвостом. Также предупреждали: хвост может «укусить». Но так интересно положить щепочку на спину скорпиона и наблюдать, как он сгибается, заворачивается, пытаясь «укусить». Раз мама отодвинула пенек, а под ним – выводок скорпиончиков. Маленькие, белые, но точь-в-точь как большие.

xxx

Мы с Ритой нашли мертвую птичку. Устроили похороны. Потом решили перезахоронить. Главное – украсить могилу разными цветами. Получилось пышно.

xxx

Кроме запахов, много звуков. Вечерами на буке квакают маленькие лягушечки, зеленые, с присосками. Называются квакши. Вечерами громко стрекочут цикады.

Весной по утрам хор птиц очень громкий. Их много, разных. Интересно смотреть, как птичка подлетает к пальме и выклеывает волосы. Под листьями – жесткая обертка из крепких волос. Из них птицы выют гнезда. Я как-то нашла прочное гнездо в мандаринах. Там были пестрые маленькие яички.

Много ласточек. Они выются перед бурей, перед дождем.

Скопища бабочек. Они летают над цветами. А вечерами у деревьев бесшумно проносятся черные летучие мыши. Теплыми темными вечерами летают мириады светляков. Поймаешь, рассматриваешь. На животике маленького насекомого светится желто-голубая точка. И еще много всякого. Рядом какая-то другая жизнь.

xxx

Шурик меня невзлюбил. Я должна была пасти барана Борьку. Покрытый шелковой блестящей шерстью, он был упрям. Нужно тащить за веревку вверх, к дому, через мандариновый сад. А он упирается. Рога крутые.

В заброшенном саду во время пастьбы Борьки я вместе с Ритой совершила преступление. При разбирательстве Рита отказалась от показаний, а я призналась и была жестоко наказана. Преступление заключалось в том, что мы играли втроем и накормили Сашика китайскими орешками, то есть кругленькими черными шариками Борькиного помета. Сашик рассказал Шурику. Допрашивали. А потом на нашей большой кухне меня наказывали. Шурик насыпал на цементный пол кукурузу. Меня поставили на колени на кукурузу. Мама стояла рядом и молчала. Это было особенно обидно. Сколько я там стояла на кукурузе – не помню. Но Шурик, сильный и злой, слабая мама, любимый Сашик – все вместе было унижительно.

xxx

Через некоторое время отчим зарезал Борьку. Я стою на шушабанде, смотрю, как отчим большим ножом целится между Борькиных рогов. Я заливаюсь в крике.

–Убери ты свою дочь!– злобно шипит Шурик.

xxx

За нашим домом на холме, за двумя большими квадратными пограничными колоннами, начинается большой сад дачи Карелиных.

Там площадка, в центре которой растет высокий, с толстым стволом, с огромной кроной, разросшейся шатром, платан – чинар. Крона так густа, что во время ливня под чинаром сухо, а в жару живительная тень. За чинар дальше в сад ходить не разрешено. Территория дачи Карелиных – это подсобное хозяйство техникума субтропических культур, который находится на бывших дачах Карелиных, Моат, Триандифилидис.

По дорожкам среди густого мандаринового сада на даче Карелиных мы иногда прогуливались с прабабушкой. Красивые цементные лестницы на крутых склонах были обсажены цветущими кустарниками, азаниями, камелиями. Все воспринималось как большой лес или густой заброшенный сад. Всю прелесть этой огромной дачи я полностью ощутила в своем отрочестве.

Наш сад и дача Карелиных были зелены и прекрасны круглый год, а особенно весной.

xxx

Сбор чая с интервалами идет все лето, но самый активный – в мае. Майский чай. Ниже нашего дома на северной стороне рядами растут круглые кусты чая. Зимой мама или Шурик берут большие, величиной с руку, тяжелые специальные ножницы и подстригают так, чтобы куст имел форму шара.

Чай

Чай по своей природе – небольшое дерево. Но для удобства сбора ему придают шаровидную форму, такую, чтобы сборщица чая, -как правило,

женщина, могла удобно, как по коридору, пробираться между кустами и на уровне груди щипать нежные ростки – флеша чая. Флеша – три молодых листка, ниже грубый листик в виде малюсенькой рыбки. Рыбий лист. Его ни в коем случае нельзя сорвать. В его пазухе почка, которая через месяц, в июне, даст новый росток – флеша.

Женщины в больших шляпах с полями. За спиной у сборщицы годорка,- легкая корзинка, сплетенная из расщепленных на длинные пластины стеблей бамбука. Собранные листья на жаре начинают преть. Их нужно срочно доставить на чайную фабрику. Они должны сначала подвянуть, затем их скручивают, они проходят ферментацию, высушиваются. Все по особенной технологии.

xxx

У нас плантация чая небольшая. А на даче Карелиных чая много. Весь склон покрыт большими чайными кустами-шарами, между которыми снуют сборщицы, собирая нежный лист.

Я люблю наблюдать за сдачей чайного листа. Собранный чай женщины несут к платану. Там сидит контролер.

Женщины подносят годорку и ставят на весы. Взвешивание чая – мужская работа. У контролера в руках весы. С одной стороны гиря, с другой – плечо, на которое вешается годорка с чаем. Результат взвешивания записывается. Проверяют и качество собранного чая. Если попадается рыбий лист – чай не сортовой. Чайный лист высыпают на большое рядно. Образуется горка темно-зеленых листьев. Я подхожу, вдыхаю неповторимый, терпкий запах свежего чайного листа. Днем мимо нашего дома под шушабандой проскрипит высокими колесами арба, запряженная буйволом. На нее нагрузят рядно с чайным листом и увезут на фабрику.

xxx

Во время осенней грозы в чинар попала молния, разбила крону. Осенние бури с молниями особенно сильные. Льет дождь. Ночное небо расцветивается «корнями» молний. Постоянно гремит гром! Во время

вспышки молний окрестности озаряются светом. Все это сопровождается сильным ветром. Выворачивает с корнем большие деревья.

Наутро буря стихла. Толстый и высокий ствол чинары раскроило посредине. Большое дерево еще жило несколько лет, потом засохло.

xxx

От платана вверх по склону дачи Карелиных серпантинами вьется аробная дорога. Склоны укреплены камнями. Дорога рассчитана на то, чтобы арбы могли разъехаться при встрече. Поэтому позже, когда ни арб, ни буйволов уже не было, эти немощные дороги стали вполне пригодны для передвижения грузовых машин.

xxx

Прабабушка рассказывает: за нашим домом, на повороте дороги, в маленьком домике (я его уже не застала) жил сторож дачи Карелиных.

Зеленый мыс. Вид на дом Зельгейм со стороны дачи Карелиных. Справа, за столбом стоит небольшой домик, где жил сторож. В моем детстве он уже отсутствовал.

В осеннюю грозовую ночь сторожа убили. Кто совершил это преступление, осталось неизвестным. Прабабушка предполагала – искали драгоценности.

В те времена старики, прибившиеся у своих имений, имели семейные реликвии, которые постепенно исчезали.

xxx

Мама рассказывала, как во время войны прабабушка ехала к сыну Генриху (моему деду) в Тбилиси. На шее в мешочке у нее хранились кольца

– последние драгоценности. Разбойник пригрозил, отрезал мешок с кольцами. Не убил.

xxx

Пришел достаток. Осенью сдали большой урожай мандаринов, получили деньги. Купили большую кровать - полуторку с густой сеткой, красивыми спинками, по краям которой блестят шары. Еще шторы. Но главное – радиоприемник. Большая коробка. От нее на высокую куннингамию, которая растет у нашего дома, протянуты провода антенны.

xxx

У матери Риты, Кати, в Батуми далекая родня. Они подыскали ей, молодой вдове, жениха, разведенного моряка Васю Щепетова. Невысокий крепыш в морской форме появился в домике миловидной Кати, по моде коротко постриженной, с уложенными волнами прядями. У моряка есть дочка Оля. Она на год старше Риты. Живет у матери Васи – Надежды Васильевны. Позже мы ее звали просто бабушкой. Вася – городской человек, далекий от сельского хозяйства. С трудом приживается под крылом Кати. Катя сверхаккуратная, правильная. Жизнь дяди Васи, как я его зову, входит в нужное русло. Правда, он еще иногда, напиваясь, дерется, буянит. Но это уже в последний раз.

Семья Щепетовых. В центре Василий Александрович. В верхнем ряду слева направо третья Надежда Васильевна – мать Василия, четвертая Катя (Екатерина Эмильевна)

Маленькая черненькая Оля гостит у Кати. Лето. Трех девочек: меня, Олю и Риту наши родители послали на Зеленый мыс за хлебом. Мы в черных сатиновых трусиках. Поднялись на первый холм, затем спустились вниз на Зеленый мыс в хлебную лавку. Усатый горец-продавец выдал несколько буханок. По дороге домой мы считаем сдачу. Не сходится! Долго сидим на большой балюстраде, за которой размахивают опахалами листья бананов. Надо вернуться и выяснить. Разгневанный продавец решил нас проучить. Разрезал буханки на куски. Как их донести домой? Мы ведь только в трусиках, сумки нет. Опять долго сидим, укладываемся. Сорвали большой лист банана, положили на него куски хлеба. Донесли домой с трудом.

xxx

Жизнь с Шуриком у мамы не ладилась. Она любила читать, слушать музыку, общаться с людьми. Это его сильно раздражало.

Мама выросла в совсем другой среде. В ее доме в Тбилиси постоянно читали, слушали музыку, ходили в оперу. А Шурик из далекого тбилисского

предместья, из Нахаловки. Родители его совсем простые люди: отец Шурика мастеровой, мать домохозяйка, весьма ограниченная.

Мнительному Шурику все время казалось, что жена вредничает, что совершенно не было свойственно мягкой и слабой по характеру маме.

Был случай: она высыпала в кастрюлю, макароны, не посмотрев. Мы сидим на кухне, обедаем. В тарелке отчима обнаруживается стекло. Он занудливо: «Икочка, ты, наверное, хотела меня убить?» И еще подобные сцены.

xxx

Майские праздники отмечаются торжественно и весело. В Батуми с утра парад. Потом люди едут на Зеленый мыс на маевку. Идут в ботанический сад. Гуляют.

1 мая 1941 года Прогулка в ботанический сад. Японский садик. На горбке я, мой брат Саша и соседка Рита. Рядом мама Вероника. Внизу слева направо Оля Щепетова. Неизвестная, Вася Щепетов, Шура сестра Кати Гетман, Катя Гетман (Щепетова).

1 мая 1941 года. Батумский ботанический сад. Прогулка. Дорога к могиле А.Н.Краснова. Слева направо: Вероника(мама), дети в первом ряду: мой брат Сашик, я, Рита Гетман, Оля Щепетова.

Жаркий день. Обилие белого поражает. Все, почти без исключения, и женщины, и мужчины, одеты в белое: белые майки, белые брюки, белые спортивные тапочки, белые шляпы. Накидки-тенты на кафе в виде больших белых зонтов. Гремит музыка, шум, полно народу. Танцы. Потом прогулка по ботаническому саду с фотографиями на память. Обязательное посещение японского садика, фотография возле грибка у прудика. Таким я запомнила Зеленый мыс 1 мая 1941года.

xxx

В ботаническом саду под новый год елка для детей. Туда приводит меня мама. До этого в ботаническом саду отчим с рабочими заготавливал сено для коровы, и я барахталась в большом стогу, который потом привезли к нам на площадку и утрамбовывали в комнате домика-коровника. На елке мне дали большой пакет с подарками. Там крупные апельсины. Мне сразу захотелось их съесть. Стала очищать кожуру и получила щелчок от отчима. Концерт. Дети – два близнеца – танцуют под музыку - «светит месяц». Я понимаю, у них в ботаническом саду детский сад, они дружат. Особенности. А я – одинокая.

Меня посылают с поручением к Васильевым.

У дома Васильевых. В нижнем ряду слева направо: неизвестная, Генрих Антонович Зельгейм (мой дед), Катя Васильева, супруг Веты Павел, Аллочка Васильева. В верхнем ряду слева Вета Всылева.

Это далеко. На горе. Нужно перейти большую дорогу. Но я справляюсь. Поднимаюсь по лестницам к большому дому, обвитому розами. Там живут особенные, богатые люди. Кричат, зовут: «Маняка, Маняка!». Главная там Маняка – мать Веты, Мити и Андрея. У них мода: Маняка, Адяка... Выходит ко мне на порог красивая яркая армянка Катя. Я думаю – она, наверное, Катяка.

Здесь не только красивые цветы, но и злые большие собаки. Поручение выполнено, я стремглав, как люблю, мчусь вниз по лестнице, падаю. Очень сильно порезала коленку – так, что большой шрам на моем колене до сих пор сохранился. Отметина.

xxx

Люблю бегать. На даче Карелиных за мной гналась змея. Корни магнолий тоже похожи на змей. Змея сидела на колонне у лестницы, грелась. Я бежала вниз, змея за мной. И я ни разу не споткнулась о промытые ливнями переплетения корней магнолий. Была ли змея? Или детская фантазия?

xxx

Летом, когда приезжала бабушка Мадлен, она изредка брала меня на прогулку к морю. Мы шли по большой дороге, по которой ездила, скрипя, арба, запряженная буйволом. Шли мимо большого белого дома китайской дачи, спускались в овраг по красивым аллеям душистых маслин и высоких эвкалиптов с серыми стволами. Внизу, в сыром ущелье, – большой пруд с каменными широкими бортами, на которых, как на скамейке, можно было присесть и отдохнуть. По водной глади плавали белые лебеди. Бабушка рассказывала, что эти лебеди остались с тех времен, когда это было имение Кривицких. Горный ручеек вытекал из пруда и тянулся по оврагу.

Дальше по дороге – широкая, сырая долина. Тут в тридцатые годы одновременно со строительством санатория ВЦСПС были построены два каменных двухэтажных дома для сотрудников санатория. Хоздвор. Это место находится довольно далеко от самого санатория, по дороге к Махинджаури. Но в те далекие времена, видимо, правомерно считали, что обслуживающий персонал должен жить далеко от отдыхающих санатория. Не мешать поправлять здоровье.

Хоздвор находится на перекрестке главного шоссе и ответвления шоссе к Зеленому мысу.

На пляже в жару заходят в воду по шею буйволы. Стоят, медленно пережевывают жвачку, остужаются. Позже я их уже никогда не видела.

Прабабушка

Моя прабабушка Мария Константиновна обучала нас, детей, русскому языку. Дети – я, соседка Рита и маленький Сашик. Выглядело это так. Мы с Ритой играли в саду. Прабабушка выходила на площадку и громко кричала с немецким акцентом: «Ая, Ритто, Сашши, идите заниматься!». Так повторялось несколько раз. Идти не хотелось. После нескольких приглашений мы все же шли заниматься. Сохранилась фотография: прабабушка с прямой спиной и замысловатой прической сидит за столом, а мы по сторонам. Фотография подписана :«А–би– бэ».

Занятия с прабабушкой Марией Константиновной

Из светлых довоенных дней моего раннего детства запомнились не только занятия с прабабушкой, но и ее рассказы, сказки. Мы с ней сидим на шушабанде. Пригревает солнце. Она мне рассказывает о своем детстве в имении в Умани.

Прабабушка родилась в 1863 году. Человек XIX века. Она поет немецкие песенки. Одна – страшная, о висельниках, меня очень пугает. Странный припев «тролляля-пипа». Тягучий, тоже страшный. Вторая песенка повеселей, о козе. Коза, «цекелейн», строптивая. Из песен и рассказов прабабушки многое позабылось. То старая ее тетка ищет очки, а они у нее на

носу, но все вокруг молчат, боятся. То в пруду выловили щуку, у которой в спине когти орла. Никто потом мне сказок не рассказывал.

Помню ее рассказы о жизни в имении. Как варили сальные свечи.

У прабабушки сундук с книгами. Все они немецкие, набраны готическим шрифтом. Она много читает.

xxx

В 1993-1996 годах, когда я на несколько дней прилетала на Зеленый мыс, я поднималась на гору, к Чаквинскому перевалу. Заходила в большой дом Васильевых. Там доживала последние дни Вета (Елизавета) Васильева. Я ее по старой памяти зову «тетя Вета», как принято в тех краях.

Она живет в своей части большого дома Васильевых, где в былые времена обитала большая семья: два брата и сестра Вета. Главной была мать, Маняка.

Но все уже в прошлом. Вета – последняя из живых в своем поколении. Она еле передвигается, но на ее добром лице милая улыбка. По старой привычке она зовет меня Аичкой.

Так меня звали в семье, так зовут те, кто меня знал на Зеленом мысу.

Мы сидим с тетей Ветой на веранде, заваленной хламом, как в доме Плюшкина, беседуем.

– Аичка! Знала бы ты свою прабабушку Марию Константиновну! Это была замечательная женщина, гордая и не сломленная. Ее рассказы о прочитанных романах были для меня как сейчас телевизионные сериалы.

Вета вспоминает, как она, совсем молоденькая, утром собирала чай и должна была его быстро доставить в Махинджаури, на колхозный пункт сдачи. Спускаясь с горы, останавливалась у нашего дома отдохнуть. Прабабушка рассказывала ей часть прочитанного средневекового романа. Вета относил чай в Махинджаури, возвращалась, поднималась на гору. Прабабушка продолжала рассказ. После очередного «сеанса» Вета поднималась к себе домой.

xxx

В 2007 году в Петербурге я зашла к Татьяне Эдгаровне Жубер. Хотя ей за 80, она сохранила форму. Первое, о чем стала мне говорить – о счастливом детстве в двадцатые годы на Зеленом мысу. И о прабабушке Марии Константиновне, которая собирала у себя детей: своих внучек и ее, Тату. Вела на море. Шли они по тропинкам босиком. Моя прабабушка считала, что это полезно.

xxx

Прабабушка тосковала по своей дочери Мадлен. Где она? Последнее письмо десятилетней давности было из Ревеля. Так она ничего до своего конца не узнала о судьбе дочери.

xxx

Солнечный день. В прабабушкиной комнате уборка. Травят клопов. Мама с кипящим чайником обваривает сетку кровати. На пол высыпаются большие, матерые, величиной с ноготь, напившиеся крови клопы. Рядом красные капельки малышей. Их сотни. Я с ужасом думаю о том, что они пили кровь прабабушки, и вот она стала тонкой, сморщенной. Мне так жаль ее. Я ненавижу эту армию насекомых.

xxx

В девяностые годы в левом крыле васильевского дома доживал последние дни дядя Адя, брат Веты. До старости Адяка дожил достойно и благополучно, в качестве бухгалтера санатория ВЦСПС, с годами переименованного в санаторий «Аджария». Он был женат на красивой Жене. С ними вместе всю жизнь жила и сестра жены Локка. Как ее звали по настоящему – не знаю. Жили тихо, подавая пример благопристойности. Дом Васильевых был построен так умно, что три его части были вполне автономны. Автономными были и простирающиеся вниз огромные мандариновые наделы на южном склоне, приносившие семье Васильевых большой доход. Васильевы числились у жителей Зеленого мыса аристократами.

xxx

Адя показал мне старый альбом. Все у него было в образцовом порядке. На фотографии изображена большая компания. Мой стройный и еще совсем молодой элегантный дед склонился к хорошенькой даме. Дед любил пофлиртовать.

xxx

Дядя Адя умер в 1992 году. В 1996 году умерла тетя Вета. В то время уже давно центральная часть дома была продана учителю Сулико.

Одинокая Вета заключила договор с алчной аджаркой, которая обязалась присматривать за старушкой, а после смерти должна была получить дом и землю. Аджарка кормила Вету еле-еле. Ждала, когда старушка умрет.

Когда тетя Вета отошла в лучший мир, аджарка похоронила ее не так, как подобает в Грузии, на Зеленом мысу, где к похоронам, покойникам, относятся с почтением, даже сверхпочтением. Хоронили тетю Вету наспех, в фанерном гробу. В Аджарии в это время был кризис, доски были в большом дефиците. А у тети Веты был огромный живот. Его еле прикрыли фанерой. Так рассказывали немногочисленные очевидцы. Ушла из жизни последняя представительница старшего поколения Васильевых. Семьи знаменитой, прожившей на Зеленом мысу почти весь XX век.

Первые дни войны

Я на площадке. Сияет солнце, вокруг зелень. И вдруг необычный, тревожный крик: «Война!»

Кричит Шура, молодая девушка, – родственница тети Кати. Она идет ниже площадки по дороге, несет воду из нашего колодца и надрывно кричит: «Война!» Я понимаю: это очень страшно.

Тем же вечером в нашем доме собрались соседи, спустились с гор. Много мужчин. Слушают радио, последние известия. По этому радиоприемнику – последние. Получен приказ сдать радио в колхоз до окончания войны. Поэтому сбрасывают с высокой куннингами антенну.

Тяжелый круг, прикрепленный к верхушке дерева, падает вниз. Мама кричит, чтобы я отошла: может зашибить.

xxx

На конце нашей площадки вырыли землянку – бомбоубежище. Внутри поставили столик и скамейки. В землянку ведут две ступеньки.

Ясный день. Прыгаю на площадке. Небольшой самолет кружит над нами, поворачивает и летит параллельно над землей, над ущельем. Кажется, что он совсем рядом. Пролетает мимо. Я вижу свастики на самолете, летчика в защитных очках внутри прозрачной кабины. В руках у него оружие. Он в меня целится... Далее ничего не помню.

Вижу на земле осколки. Поднимаю кусок рваного железа размером в пол-ладони. Значит, стреляли.

Опять обстрел. Шурик, мама, я, Сашик – на коленях у мамы. Катя, Рита, Вася – в сыром бомбоубежище. Наверху обстрел. В бомбоубежище сыро, с потолка капает вода.

xxx

Осенью 1941 года мою прабабушку Марию Константиновну, 78 лет, приказано сослать в Казахстан. Мама моя считается грузинкой, она зарегистрирована с Шуриком и носит его фамилию Твалчрелидзе. Ее – полунемку-полуфранцеженку, таким образом, не ссылают. Ее родителей в Тбилиси также хотели сослать, но дед, будучи специалистом по мелиорации, был оставлен. Избежала ссылки и прабабушка, но с помощью Шурика.

Было приказано явиться к вечеру на погрузку в теплушки.

В день отправки прабабушка пришла на могилу своего покойного мужа Антона Генриховича. Я помню, как стою рядом с ней. Могила находится на приморском склоне нашего холма под большой сосной. Мраморная плита с крестом. Высокие кусты черники с темными кисловатыми ягодами растут вокруг могилы.

– Запомни деточка, я не немка, я – шведка! Почему они меня забирают? Я – шведка!

Вечером, во время погрузки в теплушку, Шурик упросил охранника:

– Ну зачем тебе эта старуха? Она не доедет и до Кобулет, умрет... К чему тебе возиться с ней, отпусти!

В Грузии было не так строго, как в России. Прабабушку охранник отпустил. Позже, когда Шурик разводился с мамой, он упрекал ее, вспоминая этот свой благородный поступок.

xxx

Осень. Мама наполняет годорку мандаринами, берет с собой меня. Вместе с соседями идем в госпиталь, который разместился в санатории ВЦПС. У входа стоят две белые гипсовые скульптуры, огромные – в три человеческих роста. Женщина с веслом и пловчиха: присела, приготовилась к прыжку.

Большая палата. Раненые на койках. В палате стоит тяжелый запах. Я раздаю мандарины. Раненый гладит меня по голове...

xxx

Второй раз меня посылают в санаторий с тяжелыми сумками. Поручают найти и передать врачу. Он живет в доме сотрудников, над главным корпусом.

Теперь я уже хорошо знаю дорогу к санаторию. От платана вверх по тропинке дачи Карелиных поднимаюсь красивыми лестницами. Несколько больших магнолий сомкнулись кронами, поэтому тут прохладно, полутемно и таинственно. Опавшие жесткие листья шелестят под ногами. Круглый бассейн с остатками фонтана в центре. Шестигранная цементная основа разрушенной беседки. По бокам лестницы – два пирамидальных кипариса. Вдоль лестницы камелии, веерные пальмы, банан. Былая роскошь. Вверх к оставшемуся большому фундаменту сгоревшего дома поднимается широкая лестница. По краям – такие же, как и у нашего дома, квадратные высокие колонны с вазами. Около больших руин фундамента притулилась маленькая избушка.

Там живет молодая пара: Тамрико и Серго Кукуладзе. Они гурийцы. Приехали недавно. Рядом с руинами поставили сторожку. Охраняют карелинский сад. У Серго собаки. Молодая темноволосая красавица Тамрико, когда видит меня издалека, пронзительно кричит, гонит собак. Я их боюсь. Боюсь и этой лестницы, и этого места.

Можно выйти на главную дорогу не по лестнице, а по аробной дороге. Она идет ниже. Вдоль нее растут большие тенистые магнолии. Поэтому вода в колеях после ливней не высыхает, там размножаются комариные личинки.

Наконец выхожу на главную дорогу, ведущую к морю, к санаторию. Передаю сумки.

Дома негромко обсуждается какая-то важная проблема. Я начинаю догадываться. Шурик – молодой мужчина, в призывном возрасте, не хочет идти на фронт. Хлопочет о белом билете, об освобождении от армии. Уже призван дядя Вася, муж Кати.

Мнительный Шурик хочет домой, в Тбилиси. Зеленый мыс ему ненавистен. У него бронхиальная астма. Влажный климат ему не подходит. Немцы уже близко. Со стороны Турции идут обстрелы. Его родители в Тбилиси. Северный Кавказ тоже под угрозой. Там идут бои.

Шурик получил белый билет. Остался колхозником.

Развод

В 1942 году стало голодно. Чтобы прокормиться, женщины ездили в горы за кукурузой. Меняли ее на вещи. Мама – рукодельница, шила маленькие красивые рубашечки из своих старых, обвязывала, вышивала розочки в стиле рококо, получалось очень красиво. Их и везла на обмен. Соседки собирались и ехали на поезде до Махарадзе (Озургети) в Гурию, потом шли в горы.

Кукурузу в початках и в зернах тащили в больших чувалах на плечах. Самое страшное, как рассказывала мама, были посадки в поезда, которые брали с боем. Катя чуть не попала под поезд. Отрезало ногу красавице Тамаре Петровне, заведующей детским садиком в ботаническом саду.

xxx

В большой кухне под потолком – проволока, там висят связанные попарно початки кукурузы, выращенные самостоятельно и выменянные за вещи. Вечерами по проволоке бегают крысы – словно пляшут на канате. Маленькие глазки светятся в темноте. Мама их называет чучундрами. Она с детства любит Киплинга. Я крыс боюсь.

xxx

Всю войну мама – молочница. Раздает молоко по квартирам в Батуми. Встает в пять утра. Варит пойло, доит корову. Цедит через марлю молоко, теплое, парное. Наполняет большой жестяной бидон с одной ручкой, похожий на огромный кувшин. Еще в темноте идет пригорками на Зеленый мыс, садится на проходящий пригородный поезд. Из города привозит хлеб.

xxx

Мы в окружении. Немцы заняли Северный Кавказ. Каким образом появился на Зеленом мысу Тимофей – мой отец? Не знаю. Высокий с тонкими губами. Я его и рассмотреть не смогла. Глаз не поднимала. Боялась. Я знаю – это мой отец. Помню, раньше, давно, меня позвала к себе Катя. В комнате стоял высокий мужчина. Показала: - это твой отец.

А я думала – отец Шурик. Ничего тогда не понимала. Мама, Шурик, странный отец. Ни к кому тогда у меня не было глубокой привязанности. Помню: я боюсь этого высокого человека, не хочу с ним разговаривать.

Прабабушка сидит на скамейке у большого каштана, беседует с Тимофеем:

– Да, везде война, – говорит она, – фронт совсем близко.

Отец ей что-то рассказывает.

Пришел Шурик. Они кричат друг на друга. Я убегаю на могилу прадедушки собирать разжижку. Так мы называем хвою, которой там много, падают большие иголки с сосны, они прекрасно горят. Вдруг появляется высокая фигура отца. Хочет поговорить со мной. Я убегаю.

Третий раз я его увижу в 1950-м году, когда он приедет на несколько дней, привезет платье, ленты, будет много говорить, хвастаться. Потом еще два раза он появится на мгновения в моей жизни. А после я буду знать о нем только по рассказам сводного брата Юры.

xxx

Шурик надолго уезжал в Тбилиси. На Зеленом мысу появился художник Владимиров. Он приехал писать маслом места, связанные с молодостью Сталина. Одну картину помню: улица, консервная банка на тротуаре. Ничего особенного. Художник, как и большинство мужчин, видевших мою маму, влюбился. И не без взаимности. Рисовал акварелью розы. Сначала бутоны, на следующий день расцветшие цветы, потом увядшие. Красивый триптих. Но главное – это мама. Ее портрет в красивой черной кружевной кофточке. Лицо обрамляет замысловатая прическа. У мамы замечательные косы, нежное тонкое лицо, всегда немного печальное. Владимиров пишет несколько больших портретов мамы маслом.

Один из них, претерпевший всякие приключения, много лет спустя реставрированный, теперь украшает мою квартиру.

Владимиров – москвич, женат, имеет взрослых дочь и сына. Больше я ничего о нем не знаю. По окончании командировки он уехал к себе домой. А Шурик приехал из Тбилиси.

xxx

Занудливый, мнительный Шурик постоянно мучил маму. Он ее не понимал. С другой стороны, как говорила мама, очень любил. Не будем вдаваться в тонкости этого чувства.

Зеленый мыс, семью мамы он ненавидел. Роман с Владимировым имел роковые последствия. Может быть это была последняя капля. Катя, в то время одинокая солдатка, как только Шурик вернулся из Тбилиси, первым делом посвятила его в мамин роман с Владимировым. В результате Шурик переселился к Кате. Через несколько дней он уехал с Зеленого мыса навсегда.

Солнечный день. В средней комнате нашего дома двери распахнуты. Шурик делит имущество. Мама лежит на топчане. Он подходит к ней с вилками в руке:

– Ика, как будем делить вилки?

– Я сейчас возьму веревку, сама повешусь, повешу детей! – кричит она.

Мне очень страшно, убегаю в сад.

Много позже мама говорила: «Не люблю ходить к Кате, постоянно вижу у нее наши вещи, особенно необходимые инструменты». Их перенес к ней Шурик.

Шурик уехал не один. Увез в Тбилиси к своим родителям моего брата Сашу. Там Саша и вырос. Когда ему было 14 лет и он впервые приехал на Зеленый мыс, мама просила его остаться. Саша испугался и в тот же вечер уехал в Тбилиси. Мой брат унаследовал многие черты своего отца, среди которых одна из главных – трусость.

Глава 2 часть 3

Тбилиси 1943 год

Первые довоенные воспоминания о Тбилиси, мелькнувшие словно блики – не в счет. Тбилисский период начинается с солнечного дня в конце августа 1943 года.

Меня с дядей Колей Зайцевым отправили с Зеленого мыса учиться в школу в Тбилиси, к бабушке с дедушкой. А мама с прабабушкой Марией Константиновной остались на Зеленом мысу. К тому времени, или немного позже, отчим увез Сашика к родителям в Тбилиси, в Нахаловку, где у них была комната с выходом во двор. Немцы подошли уже совсем близко. Под Новороссийском, в Туапсе, шли бои, немцы захватили север Черноморского побережья. Вот-вот готовы были перевалить через Кавказский хребет и проникнуть в Абхазию. Аджария была как остров – не занятый, но окруженный немцами. Турция соблюдала нейтралитет. Восточная же Грузия

оставалась не оккупированной. На Тбилиси за всю войну упала лишь одна бомба.

Все эти подробности мне, восьмилетнему ребенку, были почти неизвестны. Я слышала разговоры взрослых, но многого не понимала.

xxx

Дядя Коля Зайцев – добрый знакомый нашей семьи, работает на железной дороге и часто бывает на Зеленом мысу. Он привез меня в Тбилиси.

Солнечный день. Мы идем пыльными улицами, и айсорки вениками из кермека метут улицы. Их пестрые многослойные юбки развеваются на ветру. Мы на улице Каргаретели (бывшая Садовая). Она небольшая, зеленая. Высокие платаны вдоль домов. Мы подходим к красивому двухэтажному дому номер семь с большими дверьми, украшенными железным орнаментом. Входим в просторный темный холл и по широкой, дугой изгибающейся лестнице поднимаемся на второй этаж. Звоним в дверь. Я в летнем платье и с детским зонтиком в руке. На звонок выходят бабушка и две мои тетки – Майя и Дуду. Я их не могу разглядеть в темной передней. Меня подхватывают на руки, и вносят в большую светлую комнату, в центре которой стоит круглый стол, рядом пианино. Я оказываюсь на уровне крышки пианино. В глаза бросаются стоящие на ней рядком семь слоников. Символ счастья. Столь модный в те времена. Ощущение счастья охватывает меня.

Это первое яркое впечатление. В этой комнате я проживу с бабушкой Мадлен до пятого класса, до весны 1948 года.

xxx

Первое сентября. Бабушка беспокоится, собирает портфель. В нашем доме живет девочка Ида. Она тоже идет в первый класс. Сначала мы идем до конца улицы Каргаретели. Это совсем недалеко. На углу кинотеатр «Октябрь», но бабушка по старинке называет его «кино Ополо». Мы выходим на проспект Плеханова. Это большая улица. Переходим, сворачиваем на улицу Пастера. Она такая же неширокая, как и наша.

Параллельно Плехановскому проспекту, вдоль реки Куры, идет улица Камо. Там и находится 14-я женская школа. Большой двор. Старая толстая учительница Мария Людвиговна Кибальчич собирает детей, словно цыплят, ведет в классы. Многие девочки знают друг друга по детскому саду, знакомы. Я – в стороне.

xxx

Первая и вторая военные зимы слились в одно целое.

Деду и бабушке принадлежат две комнаты. Одна большая, светлая. Из нее вход в узкий дедушкин кабинет. Там же кровать бабушки и дедушки. Дедушкин стол у окна – особенный. На нем очень красивый чернильный чугунный прибор в виде куста хлопчатника. Ватки пронизаны черными точками. Бабушка объясняет – это семена хлопка. Память о Средней Азии. Рядом – пепельница в виде маленькой ванночки. И еще всякие забавные мелочи. Очень интересно! На стене среднеазиатский ковер. На нем перекрещенные дуги двух сабель. Тоже из Средней Азии.

В центре большой комнаты круглый стол. Над пианино на стене в красивых круглых рамах большие фотографии трех дочерей Мадлен и Генриха в ряд: Вероника-старшая, Майя, затем Дуду.

Часть большой комнаты отгорожена шкафами. Там образован пенал на две койки. Мою кровать бабушка сооружает со знанием дела: для хорошей осанки я должна спать на жестком матрасе. Поэтому покупается сухая морская трава и ею набивается лежанка у стены. На задней стенке шкафа наклеены старые газеты, и я перед сном читаю то взад, то вперед читаю заглавие газеты «Заря востока». В обратном направлении получается «акатсов яраз». И так много раз, пока не засыпаю.

Рядом кровать тети Дуду. Ей 21 год, она работает в штамповочном цехе.

Бабушка пожилая, ей 53 года. Благородное лицо с римским носом обрамляют вьющиеся серебряные волосы, уложенные короной. Она всегда

обеспокоена завтраком, обедом, заботами о Тари, любимом Тари, ее муже, моем деде. Смеется редко.

Дед среднего роста, сильно припадает на ногу. Год назад, в начале войны, его сбросили со ступеньки трамвая, и он сломал бедро. Нога срослась неправильно. Бабушка рассказывает: ломали два раза. Теперь он ходит с палкой, хотя выглядит совсем молодым. Работает в ТНИСГЕИ: Тбилисском научно-исследовательском институте. Он мелиоратор. Кончил Политехнический институт в Петербурге. Бабушка очень гордится его образованностью. Как-то сказала, что дед знает всего «Евгения Онегина» наизусть. Я стала приставать, и он кое-что прочел.

xxx

Меня с девочками-соседками будут фотографировать. Ведут на проспект Плеханова в фотоателье. На моей голове сооружается большой бант из муара. В сундуке у бабушки хранятся материи, кружева, ленты. Фотограф картинно рассаживает нас вокруг книги «Сказки бабушки Татьяны». В знак заинтересованности книгой я должна держать палец во рту. Добротная фотография потом долго висела в витрине.

«Сказки бабушки Татьяны» – большая книга с русскими сказками. Красивые, с цветными картинками, они напечатаны на плотной бумаге, почти на картоне. Раскрываю и читаю: «танцевала рыба с раком, а петрушка с пастернаком». Изображена танцующая рыба и зеленый пастернак. Спрашиваю у бабушки, что это такое. Она рассказывает. Там еще картинка: «тили бом, тили бом, загорелся Кошкин дом. Бежит курица с ведром, заливает Кошкин дом...»

xxx

За время моей жизни в Тбилиси у меня выросли две большие косы, которыми бабушка очень гордится. По утрам тщательно их расчесывает, смазывает керосином – от вшей. Плотно заплетает, оттягивая мне назад голову.

xxx

В Тбилиси зимой снег выпадает редко. Но холодно, ветрено. Бабушка надевает пальто. Воротник – лиса с мордочкой, с пышным хвостом. На мордочке два стеклянных глаза. У бабушки красивая меховая шляпа.

Мы идем пыльными улицами на базар. Она называет улицы по старинке, как запомнила до переименования. Наша улица Каргаретели раньше называлась Садовой. Рядом Ольгинская, Татьянинская, Настасьинская. Позже я узнаю, что эти улицы были названы в честь великих княжон. О том, что царская семья расстреляна – никогда, никогда не говорится. О политике я в доме ничего не слышу.

Рядом с вокзальной площадью – большой базар. Мы ходим, выбираем овощи. Бабушка объясняет, как нужно покупать, какие овощи лучшие. Например, луковица должна быть средних размеров.

xxx

Бабушка разрезает рыбу, подробно показывает разные органы, воздушный пузырь. Мне интересно.

xxx

Бабушка отнеслась к моему образованию с полной ответственностью. Меня определили в музыкальную школу. По соседству живет учительница музыки. Муж ее репрессирован. Меня учат гаммам, этюдам Гедике, сонатам Бетховена. Как это мне не нравится! Учительница сердится. Мне нравится петь. Я убегаю в уборную. Это большое светлое помещение в конце коридора. Там, как мне кажется, никто меня не услышит и не помешает петь.

В сборнике нот с песнями на первых страницах – гимн «Боже, царя храни». Я читаю, но мало интересуюсь. Меня мучат гаммами. Ручка у меня маленькая, не берет октаву. Заниматься нудным, однообразным повторением гамм совсем не хочется. А бабушка рядом с длинной линейкой: следит, чтобы правильно играла. Но мне надоедает, я не слушаюсь, не получается. Поэтому успеваемость у меня низкая. Зато когда никого нет рядом, я раскрываю сборник с нотами и нахожу любимую песню с очень приятным, грустным мотивом. Слова такие: «Над долиной, над лугами расстилается

туман. Обнажил в лесу деревья злой унылый ураган. У одной березки только сохранен еще наряд. Одинок листья мокрые блестят». За давностью последняя фраза восстановлена не совсем верно. Встает образ сиротливой березки... Так грустно. Мне очень нравится жалостливый мотив!

На сольфеджио нужно ездить в музыкальную школу и там петь. Петь по указке – совсем не по мне.

xxx

Бабушка мне связала белые шерстяные перчатки. Это произведение искусства. Вывязала пальчики, красивые, словно кружевные манжеты.

Я еду на трамвае на Воронцовскую площадь. Трамвай тянется мимо пыльных домов несколько остановок. На площади – музыкальная школа. Занятия проходят в темных классах. Там я потеряла свои красивые перчатки и очень горевала.

xxx

Весь наш двухэтажный дом, который раньше принадлежал немке Полине, битком набит разными людьми, которым сдавали комнаты в наем. Полина, жившая по соседству, исчезла. Видимо, ее выслали. Иногда бабушка вспоминает о том, какая она была прекрасная хозяйка. На втором этаже напротив нашей комнаты живет одинокий врач- армянин. Кажется забавной его походка, похожая на женскую. Он к нам никогда не заходит. Рядом в трех комнатах живут молодые грузины. Коридор выводит не только к туалету, но и на большую темную кухню. Там очаг.

Холодным вечером в углублении, напоминающем камин, висит котелок. Под ним горит огонь. Бабушка что-то варит. Вырывает листы из книги и таким образом поддерживает огонь. На одном листе картинка. На ней изображена крепость, которую берут на abordаж. Рыцари, солдаты в касках забираются на крепостную стену по лестницам. Сверху на них льют кипящую смолу. Страшно... Плотный лист попадает в огонь. Солдаты горят под чугунным котелком.

xxx

В конце кухни по инициативе бабушки построен крольчатник. Клеточки в два этажа. Для кроликов нужна трава. Мы с тетей идем далеко, через Куру. Холодно. Ветрено. Переходим через мост Челюскинцев. Сильный ветер. Собираем зеленую траву на горе у цирка, в парке «Муштаид». Это повторяется регулярно.

xxx

Бабушка на кухне стирает белье в большом длинном корыте. Показывает, как нужно стирать, постепенно перемещая белье. Трет, бьет его большой деревянной лопатой. Потом проводит деревянным изогнутым катком с набитыми перпендикулярно планками. Орудие для стирки. Отбивает грязь. Показывает, как лучше выжимать белье. Обязательно закручивать от себя. Так я делаю всю жизнь.

xxx

С кухни – выход на балкон. Внизу внутренний двор с краном. За мощным двориком, за оградой – небольшой зеленый скверик. Там часто играют дети. Но строгая бабушка меня дальше балкона не пускает. Боится «вредного влияния улицы». Мне обидно. Смотрю на них сверху, завидую.

На балконе можно встречаться с девочками нашего двора. Мало того, бабушка устраивает маленькие костюмированные концерты, - с песнями, стихами, танцами.

А дед поставил там, на столиках горшки с цветами. Он любит красить. Покрасит стену, а потом изображает что-то вроде орнамента. Берет кисть или веник и брызгает на стену. Пятна должны украшать. Часто он разводит краску керосином, поэтому она не высыхает. Мы пачкаемся, соседи сердятся. Но дед считает балкон своей собственностью. Он – борец за чистоту. Сильно припадая на здоровую ногу, натирает керосином полы в коридоре, на балконе. Позже, когда дед переехал в центр, его упражнения с полами, стенами продолжались.

xxx

С нашего балкона во двор спускалась деревянная винтовая лестница, более крутая, чем в парадном подъезде. Другое крыло балкона тоже густо заселено. Темные комнаты первого этажа выходят во двор.

xxx

Бабушка особых отношений с соседями не поддерживает. Соседи выходят во двор к крану, как бы выползают из больших темных нор. Из жильцов первого этажа я помню только Варю – пожилую, полусумасшедшую одинокую женщину. Говорили, что она каких-то высоких кровей. Помню, она вышла во двор в красивом гипюровом светлом платье, подпоясанном лентами с искусственными цветами. Седую голову украшал венок из таких же розовых цветов. Возможно, ее подвенечное платье. Все это выглядело странно, карикатурно. Но в Грузии к пожилым людям относятся с уважением. Никто не смеялся.

xxx

В начале лета созрела тута – шелковица. Большое дерево росло посреди двора, достигая уровня крыши. Нижние ветви были на уровне нашего балкона, но сорвать ягоды я не могла: хотя ветки рядом, не дотянуться. Расстелили внизу под деревом рядно. Сосед залез на дерево, стал трясти. Красные ягоды сыпались вниз. Потом каждой семье раздали по порции. Тута сладкая, сахарная. Вокруг вились пчелы.

В другой раз тот же невысокий и ловкий сосед вернулся с рыбалки. Рассказывали что в Куре, на илистом дне, водятся большие сомы. Весь мокрый, в рабочей робе, он втащил в наш двор огромную рыбину. Мне тогда показалось, что она заполнила весь небольшой двор. Каждому соседу принесли по большому куску. Розовое мясо светилось, было прозрачным. Бабушка очень обрадовалась, колдовала над этим куском, стараясь получше приготовить. В то голодное время это была немыслимая роскошь.

xxx

Первое время тетка Майя жила в Тбилиси вместе с нами, училась в медицинском институте. Однажды она принесла с занятий полную кастрюлю

лягушек. Бабушка-француженка восприняла это с восторгом. Долго чистила лягушек, жарила, приговаривая, что их ножки так же вкусны, как и ножки цыплят.

Помню, как бабушка жарит миног. Они извиваются на сковородке, словно змеи. Бабушка говорит, что они почти такие же вкусные, как угри.

Настольной бабушкиной книгой была энциклопедия «Ла Русс». Ежегодно издающийся во Франции толстый энциклопедический словарь, напечатанный на тонкой, почти папиросной бумаге, с иллюстрациями. Бабушка часто, почти по любому поводу раскрывает эту книгу. И когда жарила миног, читала мне об угрях, об их загадочных миграциях. О каком-то Саргассовом море. Я долго думаю об этом море. Море ли оно? Спрашиваю. Бабушка уверяет – море, но особое, из водорослей. Там живут угри.

xxx

Я сижу за круглым столом, сервированным по всем правилам. На большую десертную тарелку поставлена красивая столовая тарелка с орнаментом из фиалок в стиле модерн. Серебряная ложка справа, вилка с монограммой слева. В супнице – горячее лобио из фасоли. Бабушка разливает первое. Это юшка. Сама фасоль – на второе. Бабушка строго следит за тем, как я держу ложку, вилку. Если что не так – в ход идет линейка.

Кроме фасоли, на обед у нас часто вареный шпинат. Зеленые полезные листья.

xxx

Весной 1989 года я была в Тбилиси на поминках тетки моего брата Сашика Твалчрелидзе – Леночки. Лоринда, ее дочь, строго соблюдала все правила. Во время поста было приготовлено только постное. Пхали из шпината. Всплыл забывшийся с моего военного детства вкус. Сразу возникли воспоминания: круглый стол, бабушка кормит меня шпинатом.

xxx

Осень. Мы с тетей Дуду едем в парк «Муштайд», по другую сторону реки Куры. Переправляемся на пароме. Переправа находится на улице Камо, недалеко от нашей школы. На улице Пастера у домов сидят курдянки, продают комшу, вареную айву. Кастрюля закутана, чтобы айва сохранилась горячей. Айва дешевая, стоит гроши, и тетка мне покупает большой, величиной с кулак плод. Горячий, очень вкусный, кисло-сладкий.

Потом мы ждем паром. Это небольшая баржа, привязанная к тросу, перекинутому через реку. Паром причаливает. Пассажиры садятся. Паромщик отталкивает длинным шестом паром и рулит к противоположному берегу. Кура широкая, бурная. Несет темно-серые, с серебристым отливом воды. На стремнине очень быстрое течение. Паром медленно движется к противоположному берегу. Его сильно относит. Трос скрипит, натягивается. Я заглядываю в бурлящую быструю воду. Страшно!

На горках много зеленой травы. Обратно опять на пароме.

xxx

Я лежу на своей лежанке перед сном. Мне очень, очень тоскливо. Мечтаю о том, чтобы бабушка подошла и поцеловала меня на ночь. Если позвонит звонок в передней, думаю я, она встанет, откроет дверь и обязательно придет ко мне за шкаф, поцелует. Я молю Бога, чтобы прозвенел звонок. И, о чудо! Звонок звенит, бабушка идет открывать, а после подходит и целует меня.

xxx

Тетя Майя берет меня с собой в оперу. На ней красное бархатное платье с белыми прожилками. Дают «Русалку» Даргомыжского. Тетка рассказывает сюжет. Чудная музыка. Я никак не могу понять: все умерли, а потом оживают, кланяются. Я очень остро переживала все. Но главное – музыка, музыка! Много позже, попав в оперу, никак не могла видеть артистов, только что погибших по сюжету и вдруг оживших, долго раскланивающихся.

Дома тетка рассказывает бабушке о том, как пел князь: голос у Ангуладзе неплохой, но она его не любит. Но все же лучше, чем в прошлый раз.

Бабушка в оперу не ходит. Дед – очень редко. Возможно, это связано с его травмой. Но оперную музыку они любят, знают. Бабушка восхищается мужскими хорами, такими красивыми в Грузии. Дома среди старых книг я откопала большую пачку либретто. Я их все прочла. «Лакмэ», например. Ее ставили в Тбилиси. По радио исполнялось много оперной музыки, и я уже хорошо знала, когда исполняли арию Лакмэ «колокольчик». Очень красиво. Давно я не слышала этой арии.

xxx

С теткой Майей я впервые попала и в театр юного зрителя – ТЮЗ. Он совсем недалеко от нашего дома. По Плехановскому проспекту сразу за пятой мужской школой. Мы смотрели пьесу Островского «Свои люди – сочтемся». Тетка подробно объясняла, как ведет себя сваха, кого «золотым» называет, кого «серебряным», а то и «брильянтовым». В зависимости от достатка и ситуации.

xxx

Тетка Майя была веселой и миловидной. Талантливая, она все время выдумывала. Стала расписывать масляной краской цветочные горшки. Сначала наносила орнаменты. Потом закрашивала. Получалось очень красиво и ярко. Золотой с красным дракон, например. Шила нарядных кукол для продажи. И все делала весело, мастерски, с упоением.

Я застала еще одно ее увлечение: выжигание по дереву. Был в доме маленький аппарат с острой иглой. Не помню, как он нагревался. Тетка выжигала красивые узоры. В комнате была большая ширма, складная, очень удобная. Нужно кому-то переночевать – раздвигают ширму. Эту ширму тетка очень красиво оформила, выжгла по деревянным опорам замечательные узоры.

xxx

Майя хорошо знала музыку, могла с листа читать ноты. Блестяще, закончила музыкальную школу. Когда бабушка меня устраивала в ее школу, то преподавательница музыки, которая принимала меня, закатила глаза в знак уважения к талантам своей бывшей ученицы. Увы, я не оправдала доверия: несмотря на то, что по дороге на экзамен мне на бант накакала птичка – верный знак удачи! – получила тройку.

xxx

Война. Тетке Майе выдали диплом раньше срока и отправили работать в Гори, в госпиталь. Это в трех часах езды от Тбилиси. Мы с бабушкой едем на поезде ее проведать. Сначала проезжаем ЗАГЭС. «Это большая электростанция на реке Куре» – рассказывает бабушка. Огромный памятник Ленину перед плотиной в долине реки. Бабушка показывает на горе красивый монастырь. Говорит– «Джвари». Дальше – равнина в красных маках.

В Гори мы пошли на базар. Я умудрилась потеряться. Над головой, куда ни посмотрю, развалины старинной крепости. Наконец меня нашли и отругали.

В этом госпитале тетка познакомилась со вторым своим мужем- Павлом Нефедьевым.

Первый ее муж, Котик Гужабидзе – высокий, с неестественно большой головой и добрым лицом, недавно умер. Я его помню очень смутно. А сын Майи Андрюша прожил только 9 дней. Она об этом часто рассказывает. Рассказывает и об Иранском походе. В начале войны она в нем участвовала. Видела эпидемию. Голод. Ее отозвали как немку. Считалось, что немцы могли быть предателями.

В нашей темной передней появился стройный офицер в шинели. Тетка веселая, возбуждена. Вскоре Павел уехал на фронт. Больше о нем никто не слышал.

1944 год

Две зимы слились в одну. Холодно. В Тбилиси зимой снега, как правило, нет, но температура может падать до минус десяти градусов, а в редкие зимы и ниже. Иду в школу. На мне очень странные босоножки. Их сшила мама из своей красной фетровой шляпы. Фетр плотно охватывает ступню. На мне строгое школьное платье. Слева на груди – звездочка октябренка. По поводу платья было много разговоров. В школе выдавали пайки и одежду школьникам, у которых отцы были на фронте. А у меня отец – неизвестно где. Бабушка с трудом выхлопотала школьное платье и мне. От талии – складки. Черный передник. Белый передник, праздничный. Такую форму я носила и на Зеленом мысу до самого окончания школы. В одних школах были синие платья, в других коричневые. Вот и вся разница. Еще белые воротнички. По краю можно было нашить кружева. И, конечно, банты в косах.

xxx

Большая, грузная, учительница Мария Людвиговна меня не любила. Она рассказывала о Мертвом море и сказала что-то не так. А мне бабушка говорила, какая там соленая вода, в которой даже люди не тонут. Я и поведала об этом классу. Учительница еще сильнее она меня невзлюбила.

Училась я очень, очень неровно. С самого начала любила только литературу. Когда в пятом классе у нас появились учителя по разным предметам, меня особенно выделяла учительница литературы. Я попала в любимчики. Зато по другим предметам отставала. Бабушка волновалась, организовывала дополнительные занятия.

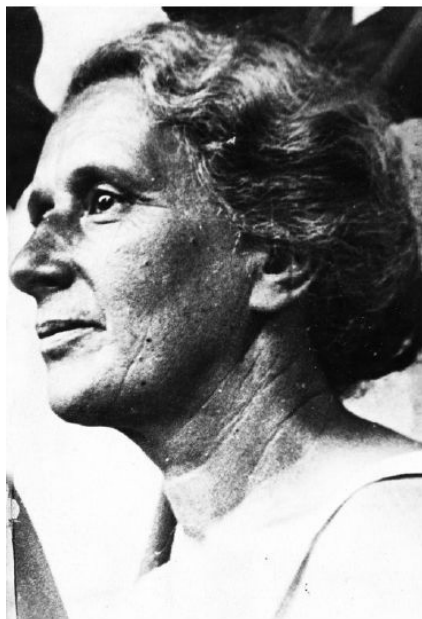
Большой темный двор многоэтажной школы окружен застекленными балконами – они на каждом этаже. Там мы бегаем во время перемены. Одни классы, что выходят на улицу, светлые. В них мы учились в первых классах. А те, что окнами выходят на балконы – темные. После третьего класса мы учимся в темном. Появилась новая девочка. Она у нас временно, потому что работает в цирке. Акробатка. Помню, на перемене она сидит на парте и

демонстративно ест сало. Пропускает его через зубы. Дразнит нас, голодных. Мы этого вкусного сала и в помине не видели. Богатая!

Когда был школьный вечер, она крутилась, делала мостик.

Хорошенькая. Отмечали праздник октябрьской революции – 7 ноября. Кир Семенович – учитель математики, человек обаятельный, открыл этот вечер и сказал что-то веселое по поводу даты. Мол, этот день неповторим. Но никакого юбилея не было. Зал был набит. Я тоже выступала, с французским стихом Лафонтена. Учительница французского с досадой поправляла мое произношение, намекая на то, что моя бабушка француженка меня не так научила. Учила ли меня французскому бабушка? Не помню. Но в доме все время звучала французская речь. Бабушка постоянно разговаривала с дедом по-французски. Знали разговорный французский и мама, Майя и Дуду. Я тоже все понимала.

Бабушка Мадлен такой как я ее помню в годы войны

Темный холодный вечер. После занятий мы играем. Стоим рядами друг против друга на некотором расстоянии. Одни запевают: «Бояре, мы к вам пришли, дорогие, а мы к вам пришли, нам невеста нужна». Потом нужно разбежаться и отбить кого-то в противоположном ряду в свой ряд, разбить крепко сжатые руки. Я разогналась, разбила, но упала на камень, да так сильно, что сломала руку выше локтя.

Дома много волнений. Накладывать гипс ездили далеко, на Земель. Это на подъеме в гору, за Курой. В больнице наложили гипс и я целый месяц ходила в гипсе. Бабушка успокаивала. Рассказывала – кости так прочно срастаются в месте перелома, что уже потом никогда не сломаются.

xxx

В школе нам выдали задание: нужно собрать посылку на фронт. Сшить кисет для махорки и вышить на нем надпись. А я вышивать не умею. Дома волнение. Бабушка помогает. Мы с ней сшили очень красивый кисет. Вышивала в основном бабушка.

В школе поручили составить чайнворд. Чем он отличается от кроссворда, до сих пор не знаю. Я в отчаянии. Ничего не понимаю. Бабушка сердится. С ней вместе что-то рисуем, делаем квадратики, которые потом нужно заполнять.

1944г. Я октябренок со звездой на школьном платье

Бабушка все время занята: она дает уроки. Две девочки ходят к нам в дом и мы все вместе делаем уроки, а бабушка следит за тем, как мы выполняем задания. Одна – соседка, милостивая девочка Ида Гаврина. Отец у нее шофер, и поэтому они живут в достатке. Вторая девочка – длинная

Нора Познань, живет не в нашем дворе, неподалеку. Отец у нее репрессирован. Бабушка дружит с ее мамой – красивой, крупной женщиной, которая часто приходит в гости. Они с бабушкой тихо рассказывают о знакомых, которые бедствуют.

Девочки аккуратные, пишут красиво. А у меня все неаккуратно и коряво.

Тетрадей в продаже нет. Бабушка собирает старые журналы, обои и сама шьет тетради. На обложке рисует узоры. Надписывает красивым каллиграфическим почерком

xxx

Бабушка очень заботится о том, что мне нужно учить грузинский язык. Это важный предмет. Поэтому бабушка дает уроки французского милой девушке-грузинке, живущей в нашем дворе, а она дает уроки грузинского мне. Мы должны написать на обложке тетради по-грузински имя и фамилию. Я спрашиваю, как написать по-грузински «Майечка». Мы долго обсуждаем эту проблему. Пишем «Майко Мазуренко». Майко – это ласково.

В нашем дворе и по соседству живут грузины, приехавшие из деревни и занявшие комнаты тех, кого выселили. Их в народе зовут «глехо», что означает крестьяне. Приток большой. Они работающие, хваткие.

Я как-то зашла к Маро. Она живет в комнате, которую раньше занимала Полина. Мы вошли в комнату, Маро включила свет, и из-за картинки на стене поползли, рассыпались клопы, «нарисовав» на обоях большой орнамент в форме веера. Их было так много! Столько я никогда не видела, запомнила на всю жизнь.

Наша комната была смежной с этой комнатой. Но у нас клопов никогда не было. Возможно потому, что бабушка керосином смазывала не только мои волосы, но и щели в стенах.

xxx

Керосиновая лавка находится в подвале соседнего дома. Керосин – важная часть нашего быта. Еду варим на керосинке. Вечером бабушка

зажигает керосиновую лампу. Следит, чтобы она горела слабо. Положено делать затемнение, занавешивать окна одеялами. Керосиновые лампы – главные осветительные приборы. Стекло керосиновой лампы – драгоценная вещь. Оно может закоптиться от неправильно ввернутого фитиля, который регулируется винтиком. Тогда стекло аккуратно моют, протирают. Не дай Бог сломать. Не восстановишь! Дефицит.

Стою в очереди за керосином. У меня в руке небольшой бидон. Есть и более крупные, жестяные. В подвальном помещении виден большой открытый бак, там синее керосин. Все пропахло керосином. Это у меня ассоциируется с чистотой. Запах, как и позже запах бензина, мне нравится. Выстраивается очередь на лестнице, медленно движется вниз к заветному баку. Женщина вся пропитанная запахом керосина разливает в бидоны керосин, зачерпывая его большой кружкой. Керосин, как и хлеб, выдают по карточкам.

xxx

Бабушка считается иждивенкой, так как живет «на иждивении» у дедушки. Ей положен минимум. Дедушка, научный сотрудник, получает карточки по высшему разряду, но не дотягивает до тети Дуду. Она – рабочий класс. Тетя работает на улице Плеханова в цеху. Я к ней иногда захожу. Она штампует ручки. Я таких ни в школе ни в магазинах не вижу. Они из жести, с вставочкой для перьев. Их после штамповки и закрутки красят то в красный, то в зеленый цвет.

xxx

Плехановский проспект я знаю почти весь. В одну сторону он тянется до моста Челюскинцев, а в другую до Кирочной. Второй мост ведет на крутой пригорок, на Земель. Там по другую сторону Куры, красивый парк наверху, перед началом улицы Руставели. Центр города.

В солнечный день ходили с теткой Дуду и компанией друзей в зоопарк. Он большой, просторный. В вольерах звери. Зимой 1943 года, когда было очень голодно, говорят, украли из зоопарка носорога.

Напротив зоопарка большая площадь, перед ней высокий многоэтажный дом научных сотрудников. На вершине холма – купол цирка. Бабушка объясняет: этот цирк особенный, его здание без колонн и поэтому манеж как на ладони. В цирк мы ходили несколько раз с теткой Дуду. Чарующее зрелище! Выступали лучшие артисты. В Тбилиси, видимо, было много эвакуированных. Так красиво! Гимнасты. Фокусники. Кио распиливал в ящике красавицу.

xxx

В ТЮЗе играют эвакуированные из Ленинграда артисты: Товстоногов, Лебедев. Последний играл Сережку Тюленина в спектакле «Молодая гвардия». Мы ходили несколько раз, переживали. Любу Шевцову играла Беленко, мать знакомого мальчика Жени Мачавариани. Бабушка давала ему уроки французского. Таким образом, я стала своей в ТЮЗе, могла ходить туда бесплатно.

xxx

Я в маленьком кинотеатре недалеко от вокзала. Кинохроника. Показывают портреты молодогвардейцев. Позже их портреты, часто виденные на обложках журналов, в газетах, кино, стали привычными. Но тогда это было в первый раз. Показывали шахту. Плачущие женщины у шахты. Вынимают трупы этих ребят-героев. Я рыдала. Снова кинохроника. Разбитый Смоленск, памятник Глинке. Звучит романс: «Я помню чудное мгновенье».

xxx

Тетка Дуду меня часто брала с собой в кино. Смотрели фильм «Леди Гамильтон». Бабушка не позволила бы. На следующий день я с девочками, которые занимались вместе со мной за круглым столом, забрались под стол, и я им выложила все, что видела. Была под впечатлением. Бабушка, конечно, все слышала. Дуду досталось. Но она по доброте продолжала водить меня в кино. Смотрели «В шесть часов вечера после войны». Очень понравилось.

Песни. Красивая актриса. Вышли из кино. Идем по темной улице. Нигде нет света. Затемнение. Я удивляюсь, спрашиваю. Ведь война не кончилась?

Рядом с кинотеатром загорелся дом – очень большой пожар. Мы побежали на Плехановский смотреть. Люди сидят около узлов с вещами, которые успели схватить в последний момент. Пожар тушат, поливают из больших брандспойтов. В темноте снуют тени. Огромное пламя.

xxx

Хоронят бабушкину знакомую. В темной комнате в гробу лежит маленькая старушка. Вокруг головы венок из флердоранжа. Красивые восковые цветы – венок невесты. Выше, в головах, горят две высокие, обвитые лентами свечи. Таких красивых я никогда не видела.

xxx

Мы на елке в ТАУ – Тбилисском артиллерийском училище. Нас несколько ребят. Почему мы попали в это училище? Кавалер тетки Дуду достал нам праздничное приглашение. С нами идет и бабушка. Надевает красивое черное бархатное платье с воротником из тончайших кружев. Красивое платье и на тетке. У нее кружева собраны на груди в виде большой бабочки. Там будет концерт. Об этом много говорят. Но для меня главное – елка. Высокая, нарядная. Незнакомые дети читают стихи. Бабушка просит и меня. Я стесняюсь, мнусь. Наконец всех удивляю: читаю «Светлану» Жуковского.

xxx

Перед Новым годом много разговоров. Раньше елки были отменены. Нельзя, говорила бабушка, делать гирлянды – цепи. Это какое-то напоминание о цепях, которыми был скован пролетариат. Но все равно мы мастерим цепи. Из цветной бумаги режем полоски, склеиваем в кольцо. Потом второе кольцо другого цвета. Получается пестрая цепь.

На католическое Рождество, 24 декабря, дома – елка. Об этом заботится дед. Он лютеранин. Бабушка открывает коробку. В ней замечательные игрушки. Серебряная скрипочка. Ангелочек. Маленькие,

изящные. Таких я потом никогда не видела. Бабушка и Дуду готовят праздничный ужин. Колдуют над ореховым тортом. Где-то добыли орехи и обсуждают, как готовить. Каких-то продуктов не хватает. Потом долго сбиваются желтки. Получился особенный, очень вкусный торт. Горят свечи, и дед красивым голосом поет традиционную песню «Таннен беум». У деда высокий сильный голос.

Когда приезжает мама, они вечерами обязательно музицируют. Мама аккомпанирует, а дед поет итальянские песни: «Соле мио» и другие.

Мама получила хорошее начальное образование. Бабушка Мадлен считала музыку обязательной частью воспитания. Мама играла на фортепьяно, Дуду на скрипке. Но, в отличие от Майи, блестящих способностей у мамы не было. У деда хранилась скрипка. В доме говорили - особенная, знаменитого мастера Амати. Но я не помню, чтобы дед на ней что-либо исполнял. Она была семейной реликвией. Увы, и она, как и все что принадлежало деду, после его смерти пропало.

xxx

В большой комнате – два огромных окна. На широкие подоконники я могу забраться, сидеть и смотреть на противоположную сторону. Там дворец племянника Наполеона. Так говорят. Он зажат между домами, но все равно поражает величием. Овальные лестницы ведут к огромным венецианским окнам. Там теперь школа глухонемых. У входа сторожка, в ней сидит охранник. Как-то утром я услышала шум, посмотрела в окно. На улице толпится народ: сторожа убили.

xxx

В доме наискосок я постоянно слышу: кто-то играет на скрипке, упражняется с утра до вечера. Красивые мелодии завораживают. Я открываю окно, слушаю. Позже узнала, что там жил мой ровесник Валерий Климов, в будущем знаменитый скрипач.

xxx

У мальчишек появилась модная игра. Ногой подбрасывают мягкий мячик величиной с кулак. Делается он так: в кусок чулка насыпается песок, но не набивается. Мячик подбрасывают то левой, то правой ногой в сторону. Кто больше раз подбросит, тот и победитель. У кого нет такого мячика, подбрасывают кусок травы с землей.

xxx

Тетя Дуду связала мне платье из простой шерсти. Красила нитки чаем. Получилась очень теплая одежда. Она связала и себе свитер, тоже сама красила. Маленькие коричневые квадратики на белом фоне.

xxx

Меня с каким-то поручением посылают в Нахаловку к Сашику, дедушке Датико и бабушке Аничке.

Сначала нужно дойти до вокзала и по высокому переходному мосту перейти на другую сторону железнодорожных путей в Нахаловку. Так называется район за вокзалом. Там строились самовольно. Рассказывают, что могли построить дом за одну ночь. На мосту, который мне кажется очень длинным, сильный ветер. Наконец я попадаю на широкую пыльную улицу. Иду к низенькому, с детства знакомому одноэтажному дому. Захожу в длинный двор. Там комнаты рядами выходят прямо во двор. В комнате дедушки Датико и бабушки Анички окна выходят на улицу. Пол в комнате чистый, натертый до блеска. Сашик, аккуратненький мальчик, сидит за столом. Бабушка Аничка подходит к нему. Гладит по голове и говорит скорбно: «Бедный, несчастный брошенный мальчик». Я опять долго иду пыльной улицей, затем через мост. Быстрее бы домой к бабушке!

1945 год

В первых числах мая 1945 года бабушка не отрывалась от радио. У нас дома был небольшой репродуктор. Он постоянно, монотонно сообщал последние известия. Приходили-уходили соседи. С минуты на минуту должны объявить о капитуляции. И вот 9 мая. Солнечный день. У всех, всех

без исключения –какое-то особенное настроение. Как будто сбросили огромное бремя! Дед поехал на стадион, а бабушка осталась дома со мной.

xxx

Хотя бабушка была крайне строга, как мне казалось, но именно в эти годы я одна совершала далекие прогулки в центр и в старый город.

Хорошо помню купола серных бань. Туда меня однажды взяла с собой соседка вместе со своей дочкой. Запомнились клубы пара, каменные скамейки и банщик с жесткой варежкой, который мыл лежащую на каменной лежанке соседку. Тер варежкой с ног до головы. Запах серы сильно бил в нос.

Знаменитые серные бани. Выходы горячих вод. Город возник у горячих источников. Одна из песен кинто моего детства: «Кто в Тбилиси не был, серных бань не знал, много, много потерял». Много позже, в конце семидесятых годов, мама мне писала, что при ремонте бань, их перестройке, горячий источник перестал бить. На противоположном берегу Куры на крутой скале возвышалась мрачная Метехская крепость – тюрьма Метехи.

Рядом с банями на майдане стояла высокая красная мечеть. На балкончике минарета ходил муэдзин и заунывно пел. Мне стало интересно, я вошла в мечеть. Бросились в глаза пыльные старые ковры. На этом наблюдение закончилось, так как меня громовым голосом выгнал вон служитель мечети. Позже мечеть снесли. Как жаль! На этом месте возвели памятник 300 арагвинцам.

xxx

Я поднималась по крутым дорожкам на Мтацминда – Святую гору. От центра города на нее шел фуникулер. Вагончик колебался над головой. Я добиралась только до середины, до пантеона, где похоронены лучшие люди Грузии. Особенно красивый памятник на могиле А.С.Грибоедова. В маленьком гроте за решеткой мраморная скульптура. Склоненный ангел и трогательная надпись. «Имя твое и дела останутся в памяти вечно, но зачем пережила тебя любовь моя». Недалеко простая могила писателя Акакия Церетели. Имя красивой грузинской вязью: Акаки.

На озеро Лиси попасть не удалось. Мне туда очень, очень хотелось – там водились черепахи! Но это для меня было далеко.

Много гуляла я и по проспекту Руставели. Один дом – очень красивый, с барельефами назывался ИМЕЛ. То есть Институт марксизма-ленинизма.

xxx

За нашим домом через двор был летний кинотеатр – так близко, что с балкона вдалеке был виден экран. В те послевоенные дни все напевали песенку Марики Рокк. Она пела «Андер нахт» и отбивала чечетку. С балкона вдалеке можно было видеть, как она танцует. Сеансы повторялись каждый вечер. К нам на балкон поднимались соседи, чтобы посмотреть кино. Сидели на перилах, вглядывались.

Модные песни пели во весь голос, и их часто можно было слышать на улицах. Например «Аршин малалан, хожу по дворам». Музыкальный народ.

xxx

Я была впечатлительным ребенком. Тетка меня повела в кино на дневной сеанс. «Багдадский вор». Страшная сказка. После сеанса пошли к знакомым. Я была как во сне.

Перед кинотеатром «Октябрь» на углу нашей улицы показывают послевоенные фильмы. Все пели: «Первым делом самолеты». Рядом ТАУ – тбилисское артиллерийское училище. Много военных. Настроение самое радостное. Все улыбались.

xxx

В конце 1945 года из Белоруссии, из Витебска вернулась в Тбилиси моя тетка Майя с новым мужем Федором Шпаковым.

1941г. Тбилиси. Майя Генриховна, моя тетка.

Федор работал в Белоруссии шофером и ездил в Германию. Привозил трофейные вещи. Когда возвращались в Тбилиси, часть трофейных вещей была украдена или сброшена с поезда. Но кое-что осталось. Вынимали из большого мешка немецкие голубые рубашки. Из того, что осталось, подарили деду красивый ковер и блестящий кортик. Он их повесил на стену в своем кабинете.

Федор Шпаков родом из Сибири. Он крупный, лицо тоже крупное. Я люблю забираться к нему на колени. Федор устроился работать шофером в Нахимовское училище.

В Тбилиси, где нет моря, есть нахимовское училище на улице Камо, недалеко от моей школы. Я смотрела на мальчишек в морской форме и млела, видя их издали.

Тетка Майя вскоре уехала на Зеленый мыс. Места в квартире было мало. Что дальше произошло? Помню, как пришел домой разгневанный Шпаков, кричал и ругался на деда. Вошел в его кабинет, сорвал со стены ковер с кортиком, бросил в большой мешок. Больше мы его не видели.

1946 год

Я с дедом частенько бывала в опере. У него в оркестре знакомый скрипач, Македон Иванович. Тбилисский оперный театр – особенный, в мавританском стиле. Внутри четыре яруса, прекрасная акустика. Помню

балеты: «Дон Кихот», «Бахчисарайский фонтан», «Лебединое озеро». Там блистает Чабукиани. Все говорят о нем. Он знаменитый, приехал из Москвы. Грузинская опера Палиашвили «Даиси». Из классического репертуара: «Травиата», «Риголетто», «Кармен».

Перед началом из оркестровой ямы раздавались звуки настройки. Интересно! Приятно было во время антракта подойти к оркестровой яме и увидеть, как настраивают инструменты, поздороваться со знакомым.

xxx

Осенью с теткой Дуду мы гуляли в городе, и она сказала, что меня нужно определить в кружок кройки и шитья во дворце пионеров. Бабушка согласилась. Мне дали красивую старинную плетеную корзиночку, в которой были швейные принадлежности. В выходные дни я самостоятельно отправлялась во дворец пионеров. Он в самом центре города, напротив оперного театра. Это бывший дворец наместника Кавказа и Крыма, знаменитого графа Воронцова. При входе – небольшой сквер.

Шитье меня совсем не привлекало. Шили маленькие кукольные платьица, переднички. Пришла – зовут в кино. В зеркальный зал. Я обомлела. Огромный зал весь в зеркалах. Показывали фильм «Петр Первый». Мне совсем не понравилось.

Во дворец я ехала на трамвае. Сначала до Воронцовской площади, потом через Куру вверх по Земелю и далее вдоль Куры до Александровского сада, где трамвай делал круг. Оттуда вверх до проспекта Руставели мимо оперы. Я заглядывала в кассу. Билеты были совсем недорогие. И вместо кружка шла в оперу. Доверчивая, как-то в антракте оставила свой билет на стуле. Пришла, а там сидит мальчик.

Но главное событие было в середине зимы. Я привычно поднялась к опере и зашла в кассу. Мне сказали, чтобы я торопилась. Спектакль только начался. «Евгений Онегин». Я вошла в зал в середине увертюры. Дальнейшее было волшебным. Особенно письмо Татьяны, лейтмотив. Музыка меня потрясла. В потрясенном состоянии, наполненная Чайковским, я приехала

домой. Музыка продолжала звучать. Не могу успокоиться. Хочу поделиться с бабушкой, теткой. Но дома не до меня. Тетка во дворе рубила дрова и топором разрубила остроносый туфель, поранила палец. Палец завязали, а туфли пропали. Так я ни с кем не поделилась своим впечатлением. А музыка долго, долго звучала в моей голове. Впечатление осталось на всю жизнь.

xxx

В студенческие годы в Москве я попала в Большой театр на галерку. И так же переживала. «Кто ты – мой ангел ли хранитель, или коварный искуситель...»

xxx

Во дворце я стала посещать в библиотеку. В шкафах хранились старинные книги, и я весь день просиживала там, вместо того чтобы ходить на кружок. Меня засекали девочки из кружка. Отвертеться не удалось.

Осенью 1947 года в Тбилиси была эпидемия скарлатины. Только о ней и говорили. Заболевали целыми классами. Когда меня спросили, почему я не хожу в кружок – я соврала, мол, болела скарлатиной. Однако девчонки сказали, что видели меня в библиотеке. А потом и я заболела.

Увезли в далекую больницу, в Сабуртало. Отрезали мои большие косы, побрили наголо. Я оказалась в огромной палате, где было много грузин, армян. Я быстро освоилась, мне там понравилось. Вечерами мы баловались, прыгали. Но потом у меня резко поднялась температура. Очнулась я в отдельной палате. Рядом со мной дежурила тетя Дуду. Оказалось, я несколько дней была при смерти и она меня выходила. Сквозь забытие я слышала, как обсуждали важную проблему: сильная девальвация рубля. В один день деньги были обесценены. Говорили, что спекулянты скопили мешки бумажных денег и мгновенно обеднели.

Тетя кормила меня с ложки. Из больницы я вышла худой, слабой. На голове вырос ежик. Волосы стояли дыбом.

xxx

Я была привязана к деду и любила ходить с ним на прогулки. Не без надежды на то, что он купит мне пончик. Пончики, такие вкусные, с заварным кремом, продавались на углу проспекта Плеханова и нашей улицы. Иногда я скапливала рубль, что давала бабушка в школу, и покупала пончик. С дедом не получалось – он был жадноват.

xxx

У деда с бабушкой была хорошая библиотека, и я с раннего детства много читала. Прочла в прекрасном издании всего Виктора Гюго и многое другое.

Только я встала на ноги, весной 1948 года по приказу деда меня отправили на Зеленый мыс.

Мама в Махинджаури

Годы после развода были суровыми. Мама осталась на Зеленом мысу с моей прабабушкой Марией Константиновной. Продолжала работать в колхозе.

В мамину бригаду входило несколько женщин: Вета Васильева, Катя Щепетова, жена Абдульчика – аджарка Хаджер с перевала.

Собирать чай поднимались на Омбалури – далекий участок высоко в горах, над Чаквинским перевалом. Сначала вверх по даче Карелиных, потом лестницами и тропинками мимо чайтехникума до перевала. И снова вверх, вверх – в горы. Чем выше, тем дорога круче, а вид на море – обширнее.

Наконец участок на склоне, занятый рядами чайных кустов.

Мама была стахановкой. Ловко, без брака собирала чайные флешы. Иногда она брала меня с собой. В горах были густые заросли ежевики: черной, нежной, сочной, которую собирали на варенье.

Это было время выживания, трудной работы в колхозе.

Соседки, входившие в бригаду сборщиц чая, подружились. Долго потом встречались, вспоминали былые годы. Народ в тех краях очень доброжелательный. При встрече обязательно нужно обняться, поцеловаться, поделиться новостями, что-то вспомнить, и обязательно спросить о здоровье.

Есть поговорка: родственники далеко, сосед рядом. Но соседки-аджарки заняты своим хозяйством. С ближайшей соседкой Катей мама не дружила. Они совсем разные. Мама со своими знакомыми не поддерживала длительных связей. Подруг у нее не было.

xxx

Тогда, и позже все боялись налогового сборщика. Когда мама уже не работала в колхозе, платила за мясо, за яйца у себя на работе как сельский житель, а также и в колхоз. Сверху, со стороны техникума, спускался налоговый агент, он же колхозник-сосед. Издалека громко кричал: «Вереника, Венерика». Примерно так. Мы прятались, как будто нас нет дома. Нам нечем было платить. Иногда он добивался своего. Тогда начинались скандалы, слезы. А иногда не мог докричаться и в досаде уходил. До следующего раза. От него, не отвертишься.

xxx

С 1943 года, когда я училась в школе в Тбилиси, на Зеленом мысу бывала только во время летних каникул. А мама жила там круглый год.

Жизнь на Зеленом мысу шла своим порядком. Главной кормилицей была корова. Купили в горах, в греческом селении Дагва, молодую черную корову без одного рога. Звали ее Маврушка.

Как и раньше, мама вставала ранним утром, затемно доила корову, процеживала молоко и по тропинкам с большим бидоном шла на Зеленый мыс. Иногда под дождем – зимой здесь часто льют ливни.

Ей нужно успеть на пригородный поезд. В городе – быстро разнести молоко и купить теплый душистый хлеб. Дома накормить бабушку, потом корову.

1948г. Вероника Генриховна Зельгейм (моя мама)

К этому времени мама дважды и очень неудачно побывала замужем. У нее двое детей. Но она с ними разлучена. Сына увез Шурик а я живу у ее родителей. Мне объясняли: так нужно, потому что мне в школу ходить далеко. Позже мне стало ясно. Дед взял меня в Тбилиси взамен. Взамен ухода за его матерью, Марией Константиновной.

Трудный быт. А за холмом, над морем, светится огнями санаторий ВЦСПС.

Туда с фронта приезжают офицеры, поправляют свое здоровье, отдыхают. А мама так хороша собой, так прелестна! Ей только тридцать! Так хочется счастья! Вечером танцы. Она танцует, словно нежная бабочка. Все ею любят. Но танцы кончаются и приходится в темноте: садами, скользкими тропинками возвращаться в свой дом, где она живет одна со старой бабушкой.

xxx

Голодно. С военной трассы, прорезающей противоположный крутой склон горы, свалилась в овраг лошадь. Солдаты добились ее, а наверх не стали поднимать, оставили. Мясо! Катя с мамой побежали, вырезали куски. Потом долго досадовали, что взяли мало, язык забыли вырезать. Это мясо вспоминали много раз после войны.

Спасала рыба. Зимой – маленькая, вкусная, жирная хамса. И еще катран. Черноморский тунец величиной с локоть. Жир из него вытапливали, и он пах почти невыносимо. Но это был единственный доступный жир.

Сеяли кукурузу в нижней части сада, на том большом пустыре, где я пасла корову. Кроме кукурузы, мама выращивала суходольный рис и сою. Климат в Батуми влажный. Рис уродился хорошо. Приспособились его лущить, сушить, проветривать. Вот и крупа.

Мама варила и мыло. Для этого необходим жир. На даче Карелиных до войны были посажены тунговые деревья. Осенью с деревьев на землю падали маслянистые плоды величиной с грецкий орех. Пропитанные высококачественным маслом, они годились для варки мыла. Рецепт я забыла. Но мама очень гордилась этим мылом. Жир, зола и еще что-то.

Что касается углеводов – спасала хурма. Из нее варили бекмез, жидкое сладкое повидло. А так как в хурме до 20 процентов сахара, то бекмез получался сладким, заменял сахар. Так выживали.

В Батуми, когда привозила молоко, мама познакомилась с Ниной Петровной Георгадзе – художницей. Она работала в кинотеатре, рисовала афиши для кинотеатра. Нервная молодая вдова. У нее сын Эдик, мой ровесник.

Эдик, которого я звала: «Эдюкан-таракан», шмыгал носом. У него был постоянный насморк. Важничая, он говорил, что может смотреть все фильмы по много раз.

Нина Петровна родом из Ленинграда, в девичестве Неклюдова. В тридцатые годы приехала строить БНЗ (Батумский нефтеперегонный завод).

С Ниной Петровной мама шьет босоножки на продажу. Это совсем не просто. Сначала вырезают заготовки – две широкие ленты из полотна. По моде того времени Нина Петровна раскрашивает эти ленты масляной краской. А мама обшивает на ручной машинке «Зингер», которая может шить все. Мама гордится этой машинкой. Кроме лямок, расположенных крест-накрест, босоножке нужен задник. Он также раскрашивается. Затем

прибивают каблуки, подошвы. Потом заготовки пришиваются к подошве, прилаживается каблук. Весь процесс проделывала сама мама. Получалось красиво и крепко. Эту обувь куда-то носили сдавать, получали за нее деньги. В дело шли и старые шляпы. Но для себя, для внутреннего пользования. Знакомство с Ниной Петровной мама поддерживала всю свою жизнь.

xxx

Мама все время одна. В колхозе работать тяжело. Приходилось таскать тяжести. В результате опущение матки. Дали справку.

Чтобы устроиться на государственную службу, необходимо выйти из колхоза. Таков порядок. Мама воспользовалась справкой, вышла из колхоза и поступила работать в санаторий ВЦСПС в биллиардную. К концу войны это снова санаторий. На отдых, поправку здоровья едут победители, офицеры. Катают шары в биллиардной, а мама что-то записывает. Временных кавалеров больше чем достаточно. Танцы. Но все непрочное, ненадолго. До сих пор для меня загадка – почему мама, в которую влюблялся буквально каждый, кто ее видел, без исключения, больше не вышла замуж?

Одно из предположений – боялась деда. А тот оставил дочь-красавицу с матерью, сам живет в Тбилиси. Вероятно, он надеялся, как и многие в то время, что этот колосс на глиняных ногах – советская власть – рухнет. Но пока жив был главный деспот, ни о какой другой власти и помыслить было нельзя. Нужно было приспособливаться.

xxx

Мне 10 лет. Летом, приезжая на Зеленый мыс, я по утрам пасу корову. А днем бегу на пляж.

Вся моя одежда – черные сатиновые трусы. Мчусь в овраг, так же быстро взбегаю на холм. Вдалеке вижу море. Оно манит и сверкает бликами на солнце. Быстрее, быстрее. Я перескакиваю сразу через несколько ступенек. Вот и платформа, и обрыв. Потом пляж. Море после шторма волнуется, волны большие. Пляж почти весь залит наступающим прибоем. Почти никто не купается. Только смотрят с пригорка. Но я с ходу

прицеливаюсь и бросаюсь в пасть набегающей волне. Начинаю кататься на хребтах волн. То проваливаюсь, то поднимаюсь с очередной волной.

Гребешки накрывают мою голову, но я выныриваю. И так долго-долго.

Выплывать нужно осторожно. Приноровиться, когда волны не такие высокие. Посчитать их ритм. Обычно шесть-семь валов самые большие, потом небольшой перерыв. Тогда волны мельче, и можно с очередной волной выброситься на берег, да так, чтобы, откатываясь, та же волна тебя снова не утащила, не засосала в кипящую пучину, в водоворот с песком и камнями.

xxx

Батумскую бухту заполнила эскадра. Обычно пустынная, с играющими на поверхности дельфинами, бухта сразу изменилась. Морская гладь исчезла. Потом корабли ушли. От Батуми до Ялты стали курсировать большие корабли: «Победа», «Адмирал Нахимов», «Грузия». Трофейные. Говорили, что «Победа» называлась раньше «Патрия».

xxx

К религии, также как и Майя, мама была равнодушна. Только перед смертью она стала задумываться.

xxx

Благодаря знанию английского языка мама поступила на работу в библиотеку ботанического сада. Там она и проработала до своего последнего часа. Всем было известно, что она владеет тремя иностранными языками. Так оно и было: французский, впитанный с молоком матери, немецкий и английский. Это придавало маме вес среди окружающих. Она любила читать по-английски. Однако высшего образования так и не получила.

xxx

В ботаническом саду ее любовником был Анэли из Тбилиси, занимавшийся анатомией растений. В Батуми прибыл в длительную командировку. На фото в альбоме, доставшемся от мамы – кокетливый стройный красавец.

Мне 9 лет. Я живу у бабушки в Тбилиси. Вечером с визитом пришел Анэли. Я спала за шкафом. Почему бабушка разрешила пройти развратнику ко мне за шкаф, к моей кровати? Он говорил, что хочет пожелать мне, своей новой дочке, спокойной ночи. И стал целовать меня в засос. Это было ужасно. Я не спала всю ночь, но ничего не могла сказать взрослым. Наутро бабушка стала учить меня, как подшить платок для нового папы. Увидела, что я вся дрожу. Она обо всем догадалась.

Помню сквер на Верийском спуске. Мама долго объясняется с Анэли. Рядом со мной два мальчика – его дети. Он цинично признался ей в том, что хотел растлить меня.

Прошло много лет. Анэли работал в Тбилиси в медицинском институте на кафедре ботаники. Издал книжку с анатомическими структурами, которые он наблюдал под микроскопом и зарисовывал. Они компоновались в определенном ракурсе, получались фантазии эротического плана. Слащавые нагие красавицы. Это странное произведение он распространял среди ботаников.

В начале восьмидесятых годов, когда я писала докторскую диссертацию, заведующая кафедрой ботаники педагогического института в Москве Татьяна Ивановна Серебрякова показала мне книжонку, подаренную ей Анэли. Я листала и вспоминала нашу комнату, мою кроватку за шкафом.

В 1982 году я гостила у мамы на Зеленом мысу. Она, как обычно, привела очередного гостя. Сухой старичок оказался не кем иным, как Анэли. Мама гордилась моей ученостью.

xxx

У мамы было еще несколько проходящих временных привязанностей до появления более постоянного, но, увы, живущего в Ленинграде, женатого Леонида Михайловича Ишова.

Тетка Майя

Средняя сестра мамы не отличалась красотой. Она была ладной, приземистой, лицо миловидное. Но красавицей не назовешь. Была в ней

веселость, жизненная сила. Она часто рассказывала о своей студенческой жизни. Был целый набор анекдотов, коротких воспоминаний, которые повторялись каждый раз при появлении в нашем доме нового гостя.

Зеленый мыс. Майя и маленький Олег.

Тетка в Тбилиси сначала работала медсестрой, потом поступила в медицинский институт, на стоматологическое отделение. Хотя ей там не нравилось, но других мест не было. Медсестрой она работала в хирургическом отделении и потом всегда вспоминала, как ловко все освоила, как сработалась с известным хирургом, помощницей которого была. Курила с самых ранних лет. В первые дни войны ее вместе с другими студентами медицинского института отправили в иранский поход, о котором она вспоминала с ужасом: эпидемия, голод. Ее как немку, отозвали. Перевели на работу в Гори, в госпиталь.

Из Гори тетку отправили в Белоруссию, в Витебск, только что освобожденный от немцев. В 1946 году, когда она вернулась в Тбилиси, она была уже в третий раз замужем – в 28 лет. О своих студенческих днях, о войне она также любила рассказывать. Рассказы эти со временем стали штампованными, но хорошо запомнились.

xxx

Перед рождением сына моя тетка переехала на Зеленый мыс. Ее муж Федор Шпаков уехал в Сибирь, откуда был родом. Их сын Олег родился на Зеленом мысу в сентябре 1946 года. Тетка дала ему другую фамилию – Нефедьев. У нее в паспорте стоял штамп о замужестве с Павлом Нефедьевым, пропавшим на войне. Рассказывала, что, когда пошла регистрировать ребенка и хотела дать ему свою фамилию, ее стали обвинять в том, что она нагуляла сына. Тетка разозлилась, предъявила паспорт. Таким образом, Олег стал Нефедьевым. Хотя как раз он был Федьевым, то есть сыном Федора Шпакова, добавляла обычно тетка, рассказывая эту историю в красках.

1948г. Майя Генриховна Зельгейм (моя тетка)

Мама очень обрадовалась сестре. Часто рассказывала, что первое время они вместе спали в одной кровати. Чтобы согреть дом с новорожденным Олегом, был разобран домик на площадке, который ранее использовался как коровник.

Гл 3 1947-1954 *Отрочество и юность*

Тетка устроилась на работу медсестрой (врач в штате не был предусмотрен) в чайтехникум. Ни ясель, ни детского садика рядом не было.

За маленьким Олегом смотрели няни. Одна сменяла другую. Это были молоденькие девочки, которые приезжали с послевоенного голодного севера. Первая, Паша Музыка, быстро вышла замуж за военного и уехала.

1847г. У домика на конце площадки. Он обвит мелкой душистой розой. Слева направо: мама (Вероника), муж Паши Музыки, Паша, Майя Генриховна. Внизу я и бабушка Мадлен.

Вторая нянька, цыганка Фаина – маленькая, смуглая до черноты, любила петь.

Фаина с маленьким Олегом.

Ее своеобразный репертуар очень интересовал меня. Она, например, пела «Ты божество, ты мой кулыж». Что такое «кулыж»? – спрашивала я.

– Не приставай – говорила Фаина

– Кулыж и кулыж.

Было много песен блатных. Я тоже очень любила петь с самого детства.

С Фаиной мама и тетка поссорились, она со скандалом и обидой ушла. Стала работать в санатории ВЦСПС уборщицей. Там и проработала до самой старости. Жила на хоздворе. Я изредка ее видела. С теткой и мамой она никогда не общалась.

Последняя нянька – Катя Шеменева была родом с хутора Чернышова на Кубани. Оттуда на Зеленый мыс приехало несколько человек. Некоторые осели: например, Феничка, уборщица в чайтехникуме. Она дружила с теткой. У нее подрастала маленькая дочка Катя Звягина.

С Катей Шеменевой, некрасивой, конопатой и неразвитой девушкой, старше меня года на три, я ездила летом пятидесятого года на Кубань.

xxx

Маленький Олежка был красивым мальчиком с кудрявыми золотыми волосами.

Саша Щепетов – сын Кати и Васи Щепетова и Олег сын Майи

Когда ему исполнилось два года, няnek больше не держали. Мама стала водить Олежку в детский сад. Иногда несла на плечах по тропинкам вверх на гору, потом до жилого дома в центре ботанического сада, где находился детский садик. Путь не близкий. Под вечер так же добиралась с малышом обратно. Сейчас, на старости лет, я и представить не могу, до чего же это было трудно. Но мама была молодой, сильной. Племянника очень любила.

xxx

Главной кормилицей оставалась корова. Однако тетка к ней никакого отношения не имела. Она вообще была далека от сельских работ. Даже цветов вокруг дома не выращивала. А у мамы перед окном всегда были великолепные клумбы. Летом расцветала лилия красивая. (Это ее официальное название). Розовые в крапинку лепестки с запахом ванили.

Я с мамой у бука в солнечный день

Многие цветы сохранялись со времен прадедушки. Мамина половина выходила на площадку, а теткина – на противоположную сторону. Из ее окна открывался вид на мандариновый сад Карелиных и платан за воротами. Перед окном была маленькая площадка без растений.

xxx

Пока Олег рос, не дай Бог было сделать ему хоть какое-то замечание. Тетка бросалась на защиту, как тигрица и кричала: «Он у меня единственный!».

xxx

Рядом с чайтехникумом, на совхозной плантации, в одноэтажном домике жила семья Павличенко. Так и говорили: «Многодетные Павличенко». Детей у них было более десяти. Муж и жена работали в совхозе. Все дети – красивые, как на подбор. Часть голубоглазые – в отца. Другие с карими глазами – в мать.

Однажды несколько детей Павличенко оказались у нас на шушабанде. А у Олега в руке была шоколадка. Тетка Майя попросила Олега угостить ребят. Но он отказался и на глазах у голодных детей стал есть эту шоколадку.

xxx

У тетки был любовник из местных – низенький грузин, который работал в техникуме. Однажды она взяла меня с ним в горы, в Гурию,

работать на винограднике. Мы долго ехали на пригородном поезде за Озургеты. Потом долго шли в горы. Пришли в большой дом, когда было уже поздно. Ночью светила луна. Я не могла заснуть – хотелось пить. Встала, налила себе из графина. Думала – вода, а оказалась крепчайшая местная водка, чача.

Я привыкла к тому, что у нас на Зеленом мысу виноград вьется на высоких деревьях, а здесь виноград рос рядами, грозди висели на шпалерах, подвязанные драценой. Мы долго собирали кисти в большие годоры – корзины, которые носят мужчины за спиной, словно рюкзак. Совсем недалеко от Зеленого мыса, а жизнь совсем другая.

xxx

Мама ездила в Тбилиси в коллектор за новыми книгами. Прислала телеграмму: «Встречайте, купила козу». На самом деле мама купила для Майи бормашину. Она ведь по профессии врач-стоматолог, хотя и с незаконченным образованием.

Бормашину поставили в комнату к тете, и она иногда лечила больных, вырывала зубы, гордясь своей силой. Ржавые клещи лежали рядом. Но Майя не любила этого дела и скоро забросила его. Бормашина с длинным клювом долго стояла на задворках сада, словно маленький динозавр. Много лет спустя я нашла ее, жалкую и проржавевшую, на заднем дворе и приспособила как опору для вьющихся цветов.

Три сестры: Майя, Вероника, Ида (Дуду) и я

Новые соседи

В 1947 году произошло знаменательное событие – раздел земли.

Землю Зельгеймов разделили на несколько наделов.

Моя тетка, недавно приехавшая на Зеленый мыс, получила самый плодородный и хороший участок – мандариновый сад на южном склоне. По закону ей, как и маме, полагалось 15 соток. Маме же досталась голая площадка перед домом, она ведь вышла из колхоза. Кроме того, в ее надел вошла площадь под домом и 19 мандариновых деревьев на склоне, тогда как на теткинском участке было более 100 деревьев. Сестры оказались в неравных долях. Мама стала бедной, у нее был только вид на море. Тетка была богатой – мандарины приносили большой доход.

Позже, когда я спрашивала маму, почему так получилось, она отвечала: «Аинька, как же иначе? Разве можно без площадки, без бука, без вида на море?» И я ее прекрасно понимала. Зеленый мыс без площадки, без вида на море и для меня не Зеленый мыс. Хотя бы в воспоминаниях.

Почему же так произошло?

Земли Зеленого мыса были уже давно распределены и поделены. Выше нашего дома вся Карелинская дача с огромным мандариновым садом и чайными плантациями – это земли чайтехникума. Там практиковались студенты, осваивая агротехнику субтропических культур. Бывшие земли китаец Ляо Джин Джао отошли Махинджаурскому совхозу.

На Зеленом мысу те, кто остались при Советской власти и не имели роскошных каменных домов, вступили в колхоз, сохранили за собой большие мандариновые сады. Например, Васильевы или наша соседка тетя Катя – вдова Павла Гетмана. Она не выходила из колхоза и продолжала числиться колхозницей, хотя после войны уже не было колхозных участков, которые нужно было обрабатывать. Колхозники обрабатывали только свои наделы, свои сады. Не выйди мама из колхоза, она могла бы быть обладательницей всего мандаринового сада, всего надела, ранее принадлежащего ей. И могла

бы на деньги, полученные от сдачи мандаринов, прекрасно обеспечивать себя. Так и делали все новые соседи, получившие в 1947 году остальные части горы Зельгеймов.

Переборка мандаринов во время сбора

Мама осталась на голой и неплодородной площадке, выровненном холме, предназначенном в свое время для строительства барского дома. А склоны горы получили активные и пронырливые люди, которые быстро построили себе каменные дома, посадили мандарины и получали хороший доход.

Одним из новых соседей был врач Георгий Гаврилович Хечинов. Ранее Хечинян. В Батуми обожают лечиться. Несколько врачей – местные знаменитости. Их фамилии знают все: Чарквиани, Харитиди, Хечинов, а также Гиgienишвили.

В романе Ильфа и Петрова «12 стульев» фигурирует Гиgienишвили «бывший князь, а ныне трудящийся востока». Мне казалось, фамилия Гиgienишвили вымышленная. Ничего подобного. Бывший князь – вполне реальное лицо. С его сыном Гоги, Георгием, мы еще встретимся.

Гинеколог Георгий Гаврилович Хечинов среди врачей был самым известным. О нем говорили с придыханием. А ранее, в двадцатых годах, когда слава Хечинова только набирала силу, он был не Хечиновым, а Хечиняном. В семидесятых же годах он снова изменил свою фамилию и стал Хечинашвили. Сегодня уже никто не помнит, как звучала фамилия в начале, а затем в середине XX века. Теперь только Хечинашвили.

Хечин у осетин означает традиционный пирог с мясом или сыром. Каковы изгибы и метаморфозы этой фамилии в прошлом, проследить сегодня невозможно, но в течение XX века она менялась трижды и по вполне объяснимым причинам.

Хечинов, житель города Батуми, получил крутой склон за нашей площадкой, где раньше была большая роща мимоз и бананов, окружающая беседку. Видимо, за большие врачебные заслуги. Быстро, в течение двух лет, там была выстроена вилла с красивым балконом и гаражом. Она так и осталась летней резиденцией. Георгий Гаврилович приезжал на Зеленый мыс редко. За апельсиновым садом, разбитым на террасах крутого склона, присматривал садовник. Сын Хечинова – Леван – устраивал набеги на виллу для пьянок и непристойного веселья.

Вилла Хечинова – единственный особняк, построенный на всем Зеленом мысу в советские времена, который отличается хорошим вкусом.

xxx

На горе Зельгеймов выхлопотали себе наделы два сотрудника ботанического сада: Тамара Ясоновна Деметрадзе и Сулейман Авдишвили.

Тамара Деметрадзе из Гурии. Грузины котируются выше чем аджарцы, хотя живут в Аджарии. Тамара Ясоновна работала сначала лаборанткой, затем научным сотрудником биохимической лаборатории. Ниже среднего роста, маленькая, щуплая, с круглым конопатым лицом. Благодаря упорству, высидела кандидатскую диссертацию, к большой гордости своей семьи. Оказалась весьма хозяйственной. Участок ей достался не самый лучший, на северном склоне. Там, где когда-то шумел буковый лес и струился прозрачный родник.

xxx

Сулейман Авдишвили – аджарец средних лет со слащавым лицом. Когда смотришь на него, кажется, что он постоянно улыбается. Такая специфическая мимика. Работал садоводом в ботаническом саду, где приобрел хорошие навыки и знания в садоводстве. Однако говорили, что он

ябедник и доносчик. Поэтому его все боялись. Когда я студенткой работала в ботаническом саду в семенной лаборатории, верхолаз Трифон Уплисович – безобидный старичок, рассказывал мне, как Сулейман Авдишвили, ранее живший с ним по соседству в жилом доме ботанического сада, написал на него донос. В доносе говорилось, что Трифон украл казенное удобрение и хранит в сарае. Пришла комиссия, но обнаружила только накопленную для огорода золу.

xxx

Еще два соседа-аджарца получили наделы на земле моих предков. Это Осман Джиджавадзе. Он родом из верхней, горной Аджарии. У его брата Темури – дом в ущелье, граничит с дачей Карелиных.

Осмону досталась вся нижняя часть горы на юг, ниже мандаринового сада тети Майи. Место, где я пасла корову, барана и наблюдала пауков. Там маленькая избушка, в которой живет Осман с молодой женой Зекие. В непрочной избушке утоптаный земляной пол. Перед избушкой стоит обувь. Это вырезанные платформы из дерева ольхи. Похожи на французские деревянные сабо, но без верха и только с одной перепонкой. В избушке очень чисто. Блестят тазы. Зекие в длинном платье. Лицо повязано марлей так, что нижняя часть его закрыта. Такие полузакрытые лица в аджарских семьях у женщин тогда встречались часто. Но вскоре эта многолетняя традиция исчезнет.

Через несколько лет в верхней части надела, на границе с участком Кати, Осман выстроит большой просторный каменный дом.

xxx

Ибрагим Брунджадзе получил участок ниже Хечинова, на западном склоне. Это высокий пожилой человек со странным, отсутствующим выражением лица. Слывет ярым магометанином. Всегда перебирает четки. Он, так же, как и все получившие наделы на холме Зельгеймов, построил себе каменный дом.

Все дома добротные, но одноэтажные. В те ранние времена гигантов из цементных блоков еще не было.

xxx

Все новые соседи смотрели снисходительно на сестер Веронику и Майю, не отгородивших свои наделы даже самым скромным забором. Сулейман Авдишвили – человек хозяйственный. На земле, граничащей с площадкой и по старинке названной междудорожьем, он поставил улы. Хотел прибрать и эту землю к рукам, но постеснялся. Это пространство числилось за Вероникой и зарастало бурьяном. Выше него в свое время шла тропинка. Пространство между ней и аробной дорогой – междудорожье. На обочине тропинки прадед посадил в ряд кусты гортензий. Летом, в июне, за синими шарами соцветий не видно было листьев. В жаркий день на солнце цветы никли, а к вечеру яркие лепестки расправлялись.

Катин дом, как и прежде содержался в чистоте и порядке. Перед домом клумба с цветами была всегда ухожена.

Катя Гетман (Щепетова) – ближайшая соседка Зельгейм

Второй муж Вася Щепетов вернувшись домой после войны стал верным помощником в ведении благополучного хозяйства.

xxx

В конце сороковых, почти одновременно с разделом земли на китайской даче, стал функционировать дом отдыха «Урожай». Наша жизнь была тесно связана с этим домом отдыха. Чтобы как-то свести концы с концами, летом мама иногда сдавала помещение отдыхающим.

Дача Карелиных и Китайская дача

За нашим домом, вверх по горе – территория бывшей дачи Карелиных. Теперь это подсобное хозяйство чайного техникума. Огромный мандариновый сад спускается по южному и северному склону горы, до маленьких горных речек.

Сад прекрасно оформлен редкими видами растений. Карелины были богатыми людьми, создавали свое имение с большим размахом. На вершине владений стоял дом. Еще до революции Карелины подожгли его и скрылись за границей. По слухам, они оказались фальшивомонетчиками. Эта история оставила глубокий след в памяти наших соседей, считавших Карелиных интеллигентными людьми.

Сгоревший дом был деревянным. От него остался высокий каменный цоколь.

В моем отрочестве сад еще не потерял своей прелести. По коньку холма от оставшегося фундамента барского дома спускались лестницы из прочного цемента. Ниже пространство было занято посадками магнолий. Деревья сильно разрослись и затеняли территорию. Здесь всегда было сумеречно, а под ногами – шуршащий толстый покров опавших листьев. Лепестки огромных цветков. В них после дождей, как в маленьких лодочках, скапливалась вода. Там размножались личинки комаров. Осенью, когда появлялись похожие на шишки плоды магнолий, из них выглядывали алые семена. В тени магнолий прекрасно сохранился искусственный пруд с высокими стенками, остатками фонтана. Но ни рыбок, ни воды уже не было. За рощей магнолий на самом краю площадки виднелся многогранный цоколь бывшей беседки, окруженный кустами азалий, спиреями, гардениями. Над обрывом стояли два пирамидальных кипариса, без присмотра садовника сильно разросшиеся во влажном климате, растрепанные бурями.

Вниз с холма спускались лестницы, с двух сторон обрамленные редкими сортами камелий: с белыми цветами, розовыми, красными, белыми, пестрыми в крапинку. Цвели они всю зиму.

Каскад лестниц заканчивался причудливой беседкой. Оттуда открывались виды на ущелье, на батумскую бухту. Вдоль дорог, параллельно прорезавших холм, росли экзотические деревья. Видимо, создавал этот уникальный сад очень опытный садовник. Дуб каменный с огромной серой шаровидной кроной и пирамидальный подокарпус с темной хвоей стояли бок о бок, словно византийская базилика и минарет.

В нижней части холма находилась полуразрушенная оранжерея. Из темного ущелья поднимались высокие кедры с огромными красивыми кронами. Здесь же была коллекция редких сортов хурмы, кинканы и кумкваты, из которых зимой мама варила деликатесное варенье.

Летом в детстве, выпасая корову, я ежедневно наслаждалась этой красотой и часто останавливалась, чтобы полюбоваться видом на море, тем или иным растением. Мне очень повезло. Больше нигде на Зеленом мысу не было такого большого и красивого сада, по которому можно было ежедневно бродить, удивляясь и восхищаясь его красотой.

В нижней части холма, у речки, оставалась свободной большая зеленая лужайка. Это было место основного выпаса коров. В раннем детстве я там пасла барана Борьку. Особое внимание привлекала маленькая мельница. Как зачарованная, наблюдала я за равномерным ходом жерновов, струями прозрачной и быстрой воды.

xxx

На склоне холма, в диковатом месте под кронами магнолий было несколько могил. Семейное захоронение Карелиных. Такие были во многих усадьбах Зеленого мыса и Махинджаури. Мой дедушка на старости лет водил на это кладбище дам, отдохавших в соседнем доме отдыха, и рассказывал о жестокой судьбе мужей госпожи Карелиной. В его рассказах мужья умирали так, как умирают в романах Агаты Кристи. Хлоп – и нет мужа. А коварная госпожа Карелина заводит нового мужа, обреченного на ту же участь.

Для нового состава отдыхающих история госпожи Карелиной расцветивалась все более страшными красками. Приезжих дам тянуло в

глухие заросли, к маленьким холмикам могил, в изголовьях которых росли стройные веерные пальмы. Жесткие листья шелестели, как будто рассказывали о минувшем. На таинственном кладбище появились со временем новые могилы.

xxx

Однажды хоронили девушку-студентку чайного техникума. Она заболела и на глазах у всех за несколько дней зачахла. Подруги были в отчаянии, что не удалось достать стрептоцид – в то время большой дефицит. Но больше всего горевал студент Гиви. Он аджарец, был влюблен в эту девушку. Надеялся уломать своих родителей, чтобы жениться на ней.

Хоронить ее решили на карелинском кладбище. Группа заплаканных девочек, соседи, собрались у гроба и безутешно рыдают. Появился фотограф. Он спрятал голову в ящичек на треноге, закрылся черной накидкой, прицелился. Я наблюдаю со стороны.

Фотограф недоволен. Высовывает голову и требует всем расположиться у гроба. К моему удивлению, картина резко меняется. Девочки по приказу фотографа мгновенно прекращают рыдать, затихают и начинают прихорашиваться, пудрить заплаканные щеки. Затем картинно располагаются у гроба. Фотограф нажимает на кнопку – как по волшебству снова начинаются рыдания. Я поражена. Искренне ли их горе? Но горе Гиви безутешно. Он стоит в стороне, слезы льются ручьем. Я впервые вижу, как плачет мужчина.

xxx

Долго, очень долго на карелинском кладбище хоронили одиноких и безвестных. Но потом стали хоронить «знатных» жителей Зеленого мыса.

xxx

Вниз от нашего дома, в сторону моря холм плавно снижается. Склоны до основания заняты обширными мандариновыми посадками Махинджаурского совхоза. На площадке стоит двухэтажный каменный дом китаецца Ивана Ивановича Ляо Джин Джао. Теперь это главное здание дома

отдыха «Урожай». Ляо Лжин Джао в свое время был приглашен для консультаций по введению чая в Аджарии. Каждый день я шла мимо этого дома вниз с холма в школу. Но в то время Ивана Ивановича уже давно не было на Зеленом мысу.

Дом и дорогу окружали восточноазиатские растения из Китая и Японии. Тут росли пышные стеркулии- фортунеллы, родственники какао. Вдоль дороги возвышались куннингами и кордилины. Группа бапанов размахивала огромными зелеными листьями, словно флагами. Лист забавно разворачивался. Из центра огромного куста высовывалась трубка, которая буквально на глазах разворачивалась. Цветы у банана были необычными, огромными. По мере цветения отваливались жесткие, похожие на лодочку с ладонь величиной жесткие лепестки в которых во время дождей скапливалась вода. Вокруг дома весной благоухал питтоспорум Тобира с желтоватыми гроздьями цветов. А на спуске темная аллея со смыкающимися кронами душистых маслин создавала густую тень. Аллея была особенно привлекательна осенними днями. Мелкие цветки падали на землю, источали тонкий сладкий аромат. На повороте дорогу обрамляли высокие гиганты- эвкалипты. Осенние и зимние бури срывали со стволов кору, заворачивающуюся в трубочку. Я бегала собирать эти трубочки, хвою, опадающую с куннингами и кипарисов. Пропитанные эфирными маслами и смолами, они прекрасно горели в маленьких печурках зимними холодными и сырыми вечерами.

Как и раньше, в детстве, рядом со мной в садах жили птицы, бабочки, светляки, лягушки, ящерицы и скорпионы. Их жизнь была частью сада.

На площадке со времен войны мы выращивали картошку. Мама ухитрялась получать два урожая. Первый в начале лета. В ботве я ловила куколку олеандрового бражника. Коричневое веретено величиной с мизинец клала в спичечную коробку и ждала. Через две-три недели вылетала огромная бабочка. Красоты необыкновенной. У нас рос олеандр, но на нем я

не находила ни гусениц, ни куколок. Еще летала огромная бабочка «мертвая голова».

Теплыми вечерами стрекотали цикады, весной летали мириады светляков. Незабываемое очарование природы юга!

Но угроза малярии еще долго сохранялась. После сильных дождей с малярийной станции приезжал человек. С чайником, наполненным керосином, он обходил все стоячие водоемы, поливал – уничтожал комаров. Таким способом боролись с малярийным комаром анофелесом, носителем малярийного плазмодия. Угроза страшной болезни еще была очень острой. Болела моя бабушка и многие вокруг нас. Пили хину, и тогда лица становились желтыми.

xxx

В моем детстве и отрочестве сады, созданные для отсутствующих владельцев сады, были пышными, красивыми. С годами их разрушение шло сначала медленно, а во второй половине XX века все более быстрыми темпами, и постепенно о былой красоте можно было только догадываться.

Чайтехникум

В тридцатые годы выше дачи Карелиных, на склонах самого высокого холма – горы Фриде, на базе двух национализированных дач Моат и Триандифилидис был открыт техникум субтропических культур. В просторечье – чайтехникум. Обучали там субтропическому садоводству и чаеводству. Учебные корпуса, столовая и общежитие разместились в домах прежних хозяев. В техникуме было два отделения: грузинское и русское. На грузинском отделении учились только грузины, преимущественно аджарцы. Русское отделение было представлено в основном девушками, приехавшими из Кинешмы, из Ивановской области. Почему именно из Кинешмы – сказать трудно. Ежегодно в Кинешму ехал представитель из министерства просвещения Аджарской АССР и агитировал молодежь ехать учиться в Аджарию. Из голодной послевоенной Кинешмы на Зеленый мыс приезжали беловолосые девушки, жили в общежитии. Никто из них не осел на

аджарской земле. Но драматические романы со студентами техникума случались часто. Девушки находили себе женихов и среди моряков, военных. Выше техникума на самой вершине горы Фриде, над Чаквинским перевалом со времен войны стояла батарея.

xxx

По дороге к учебным корпусам можно по лесенкам подняться мимо дачи Моат. Двухэтажное деревянное здание прилепилось к холму с южной стороны. Второй этаж выходит на маленький дворик между зданием и холмом. В одном крыле, в просторной комнате с видом на ущелье – женское общежитие. Проходя мимо, я слышу звонкий смех. В другом крыле, обращенном на запад, живут преподаватели. Я часто вижу высокого седого человека с благородными чертами. Это учитель русского языка Александр Рожденович Чиракадзе. Ему принадлежат комнаты с большой верандой с видом на море. Он вдовец, у него двое детей – Нана и Тенгиз. Они учатся в Тбилиси, а Александр Рожденович – представитель сельской интеллигенции. Он родом из Гурии.

На первом этаже в маленькой комнатке расположилась парикмахерская, где работает веселый молодой Тимоша. Когда я иду мимо, оттуда доносится сильный аромат тройного одеколona.

Лесенки ведут выше, на красивую площадку с великолепным видом на море. В былые времена тут играли в крокет. За площадкой – темная аллея магнолий. Снова подъем по крутой широкой лестнице. Вот и основной учебный корпус – большой деревянный дом бывшей дачи Триандифилидис. Рядом лепятся клетушки. Там в маленьком кабинете, в белом халате медицинского работника работает моя тетка Майя. Когда я захожу к ней с судками для обеда, она встречает меня с улыбкой. Время голодное. В столовой наливают жидкую манную кашу, сваренную на воде. Нужно отнести ее старой бабушке Марии Константиновне.

Я беру судки и спускаюсь вниз по каскадам лестниц дачи Карелиных, перепрыгиваю через несколько ступенек.

Так хочется попробовать. Думаю: «Съем немного, будет незаметно». Ем, помня, что больше – нельзя. Прочь от соблазна. Мчусь вниз, влетаю к бабушке. Она, голодная, худая, ждет меня.

Через год после смерти прабабушки я шла темным парком в Тбилиси с моей теткой Дуду и рыдала. Чувство вины не покидало меня.

xxx

Мужское общежитие находится в деревянном двухэтажном доме на противоположном от нашей площадки холме. Хотя нас разделяет ущелье – дом как на ладони, кажется – совсем рядом. Когда я по утрам набираю в колодце воду, до меня доносятся гортанные голоса. Видно, как парни моются у крана.

Дом ранее принадлежал князю Абашидзе. Ему оставили комнату, и он остался жить в своем имении. Проходя мимо по дороге на Зеленый мыс, я иногда вижу высокого, с огромной гривой седых волос, старого князя.

А вскоре Зеленый мыс потрясло печальное известие. Князь покончил с собой, положив голову на рельсы. Остался сын Гия, мой ровесник. Княжеское поведение проявлялось у него с молодости. В восьмидесятых годах, когда я вторично приехала на Зеленый мыс, он работал в ботаническом саду агротехником. Миловидный, высокий, прогуливался по дорожкам сада с гордо поднятой головой. Он никогда ничего не посадил и, видимо, не имел представления о своей специальности.

Корова Маврушка

На моем попечении была корова-кормилица, небольшая черная Маврушка без одного рога. Характер у нее покладистый. Она никогда не бодается. Я к ней привязана: пасу с утра до вечера. Кроме того, к вечеру я должна нарезать для нее мешок травы.

Выпаса вокруг нашего дома нет. Я гоню корову на мандариновые плантации китайской и карелинской дач. Держу веревку, к которой привязана корова, и внимательно слежу, чтобы Маврушка не ела мандариновых листьев, а только траву. Мандариновые деревья растут на

вскопанных террасах. А трава только на откосах. Еще вдоль дорог. На китайской даче проще: там деревья растут не густо, травы много, особенно синеглазки, коммелины и жесткого мискантуса. Еще полынь. В жару она сильно, дурманяще пахнет

На карелинской даче выпасать строго запрещено. Можно только внизу, в овраге. Как же накормить корову? Приходится пасти на обочинах дорог. Обрывать сочные листья и побеги акаций. Изворачиваться. Я хорошо изучила, какую траву корова любит, а какую не берет в рот. Например, маленький горец с розовыми цветками и острым перечным вкусом корова не ест. А мы пробовали, дразнились. Кроме меня, пас корову соседский мальчишка – Темури Джиджавадзе. Он был старше и часто оставлял корову на потраву. Его корова была еще мельче, а моя греческая, более крупная и давала больше молока. Днем, в жару, я привязывала ее длинной веревкой и оставляла лежать. Она медленно пережевывала жвачку, лениво отмахиваясь от мух. А я могла сбегать на море.

С коровой бывали неприятности. Привяжешь ее, казалось, прочно, а она ухитрится, вырвет гвоздь, на котором крепится замок, поест мандариновые листья. За такое бригадир чайтехникума Саникидзе может арестовать! Этот Саникидзе – худощавый, с желчным худым лицом, в брюках галифе, френче и кепке огромных размеров. Он как статуя стоял над работавшими на плантациях студентами. С годами почти не менялся. Много позже, увидев его, я чувствовала, что мурашки ползут по телу от страха.

Как-то Саникидзе арестовал мою корову. Она в техникуме, заперта в сарае. Голодная. Мычит. Нужно заплатить штраф 30 рублей. А где их взять?

Весной корову манило к быку. Ничего не поделаешь – зов природы. И моя Маврушка срывалась, как только я упустила веревку. Помчится вниз в ущелье, затем галопом на шоссе в Махинджаури, еще несколько километров на ферму. Мне нужно поймать ее до того, как она достигнет шоссе, где ходят машины. И я мчусь за ней, хватаю веревку, что есть силы натягиваю, ложусь

на спину в грязь. Лишь бы удержать! И мне удастся. Руки в грязи, истерты в кровь. Но корова в стойле.

xxx

В 1979 году мы отдыхали в круизе по Юго-восточным морям. На корабле устраивали соревнования. Например, перетягивание каната. В нашей магаданской группе народ не толстый. А в узбекской – толстяки. Они уверены – перетянут. Но мы кипятимся: не перетянуть толстякам! Я лежала на спине, держала канат насмерть. Ни за что не отпущу! Вспомнилось детство, корова Маврушка... Не отпустила. Потом, когда меня спрашивали о красотах юго-восточной Азии, о круизе, о тропических лесах я первым делом говорила: «Мы перетянули канат!»

xxx

Корова была как бы одно целое со мной. С ней я учила уроки, громко повторяя задания. В то время я много читала. В одной руке раскрытая книга, в другой веревка. Выпасая Маврушку, я пела, оглашая окрестности холмов.

Я так уставала от нее, что завидовала своим одноклассникам, у которых не было такой обязанности. Да и не только одноклассникам. Летом на Зеленый мыс приезжали в пионерлагерь ребята из Тбилиси. Как мне хотелось в лагерь, где у детей была совсем другая жизнь! Пробираясь между террасами вместе с Маврушкой, иногда я видела, как пионеры в красных галстуках с пионервожатой приходили на карелинскую дачу и пели песни. Я смотрела на них издалека.

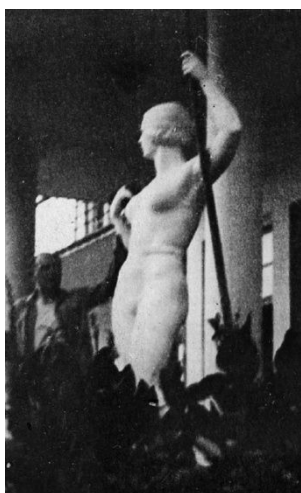
С коровой Маврушкой на китайской даче

Мечта осталась мечтой. В старших классах открылась возможность поступить на лето в этот лагерь пионервожатой. Пожилая заведующая Анечка обещала маме. Я очень обрадовалась. Это ведь работа! Заработок! Собеседование с Анечкой обнадежило. Но дальше беседы дело не пошло. Теткина репутация ложилась тенью и на меня.

Теперь я понимаю, что это было счастливое время. Кроме уроков я много читала. У мамы в библиотеке стояли тома классиков: Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Золя, Флобер, Бальзак и другие. Я прочла от корки до корки – вместе с Маврушкой. А Достоевский был запрещен. Его я плохо знаю.

Санаторий ВЦСПС

По вечерам ходили смотреть кино в санаторий ВЦСПС. Там один день танцы с девяти вечера до одиннадцати, на второй день – кино. В снег ли, в дождь ли, в бурю – я не пропускала ни одного сеанса. В темноте по узким и скользким тропинкам поднималась по карелинской даче, выходила на освещенное шоссе, спускалась серпантином к санаторию. Путь довольно длинный.

При входе в санаторий стояла белая гипсовая, в два человеческих роста фигура физкультурницы.

На втором этаже – танцзал, где показывают кино. По частям. Между каждой частью киномеханик перекручивает пленку. Нередко пленка рвется.

Тогда долго ждем. Иногда гаснет свет. Но мы, как замороженные, ждем чудных мгновений.

Показывали в основном трофейные фильмы. «Большой вальс», о котором часто теперь вспоминают – о Штраусе, о Вене. Много музыкальных, например: «Энрико Карузо», «Девушка из Неаполя», о композиторе Беллини, «Франц Шуберт», «Джузеппе Верди». Приключенческие: «Марко Поло», «Рюи Блас», о художниках: «Рембрандт». Все это были сентиментальные мелодрамы, которые совпадали с моими романтическими мечтами. Часто в зале я проливала слезы.

Показывали и «Встречу на Эльбе», и некоторые советские фильмы – выхолощенные, полуправдивые. Например, «Академик Павлов».

Мы никогда не знали, что привез киномеханик. Перед началом читали название на коробке с пленкой. Но обычно это название нам ничего не говорило.

Домой после кино возвращались поздно вечером. Снова поднимались на наш холм, погружались в темноту карелинской дачи, шли мимо мандариновых деревьев по узким и скользким крутым тропинкам.

xxx

Как-то после кино я в полной темноте вошла в аллею магнолий на карелинской даче. И вдруг у уха почувствовала чье-то дыхание. Меня охватил ужас. Я помчалась вниз, не разбирая пути, ни разу не споткнувшись на лестницах, корявых корнях. С невероятной скоростью прибежала домой...

Я была бесстрашной, никогда не боялась темноты. Но этот случай долго не могла забыть.

1950г. Я ученица Махинджаурской школы.

Мацони

Моя тетка Майя решила продавать мацони в доме отдыха. Летом, в курортный сезон. Это мучение длилось два лета, когда я училась в шестом и седьмом классах.

Вечером после дойки молоко кипятили и остужали до теплого состояния. На столе расстилали одеяло, на которое ставили поднос с гранеными стаканами. На дно каждого стакана клали чайную ложку закваски, доливали доверху теплым молоком. Перемешивали и закутывали в одеяло. К утру продукт был готов. Утром я с подносом шла к столовой дома отдыха продавать мацони.

Для меня это было пыткой. Торговать в моем понимании было неприлично и стыдно. Сажу у столовой рядом с подносом. Перед завтраком подходят отдыхающие, рассматривают мацони, высказывают свои замечания. Особенно злили тбилисские кикелки – уважающие себя матроны, которые критикуют все подряд. Одна из них, посмотрев на желтые жирные сливки на верхушке стакана, заявила, что мы подливаем сок моркови.

Отдыхающие, отведав мацони в столовой, обычно не возвращали стаканы. Дома же требовали, чтобы я шла в столовую за стаканами. А там, если их унесли на мойку, уже не найти.

Я мечтала стать взрослой, чтобы заработать и купить целый ящик стаканов!

xxx

В середине семидесятых годов мы жили в Москве около метро «Аэропорт». Во дворе был детский городок с грибком. Пьяницы собираясь на троих выпить водки, воровали в автоматах для газированной воды граненые стаканы, потом оставляли. Их было много. Я, проходя мимо всегда вспоминала, как они мне были в свое время нужны, просто необходимы!

Первые дни в Махинджаурской школе

С первого по пятый класс в Тбилиси под опекой моей бабушки Мадлен я получила прекрасное начальное образование. Бабушка относилась к моему воспитанию чрезвычайно ответственно. Я ходила в музыкальную школу, бывала в опере, много читала.

Сразу после смерти прабабушки зимой 1947 года дед потребовал, чтобы я вернулась на Зеленый мыс. Бабушка, которая мне, своей первой внучке, уделяла максимум внимания, не хотела со мной расставаться. Но против воли своего Тари никогда не шла. И в конце апреля, почти перед окончанием учебного года я была переведена из тбилисской 14-й средней школы в Махинджаурскую восьмилетнюю русскую школу.

xxx

Школа находится в центре поселка, около железнодорожной станции. Сначала нужно спуститься в ущелье. Там, в глубине ущелья, в самом сыром месте, стоял дом Лабунченко. Высокий, сутулый человек понуро водит единственную на Зеленом мысу лошадь. Он поселился здесь в тридцатом году. Жена его повязана белым платочком. В маленьких окнах небольшого дома на сваях всегда весело развеваются марлевые занавески.

Из ущелья выход на шоссе. Там дома Хоздвора расположенные в небольшой долине речки Вонючки. Название народное, так как все отбросы сливаются в эту речку перед впадением ее в море.

Отсюда выход на шоссе. А до Махинджаури еще идти два километра вдоль моря параллельно железной дороге. Там, рядом с железнодорожной станцией - правление колхоза, поликлиника, магазин, школа. За ними большой цитрусовый совхоз.

xxx

Я стою во дворе школы. Двор большой, выходит прямо на шоссе, огорожен прозрачной сеткой. За шоссе – вокзал. В глубине двора виднеется двухэтажное здание школы. Мой класс на втором этаже. Оттуда меня разглядывают – новенькая! После скарлатины очень короткие прямые волосы едва прикрывают мою голову. Они такие жесткие и прямые, что надо лбом образуют козырек. Все это не придает моему лицу очарования.

Занятия в русской школе идут во вторую смену, с двух часов. С утра занимается грузинская школа.

В Тбилиси была большая многоэтажная школа, с тенистым просторным двором. Добрый Кир Семеныч – математик, всегда мне улыбался. Была подруга Рита Райх, ТЮЗ, учительница французского... Здесь все другое.

В пятом классе уже сложился маленький коллектив, который встретил новенькую предвзято. Особенно заводная Этери Джиджавадзе. Меня сразу стали дразнить.

Классом старше училась моя соседка Рита. Она пользуется у мальчиков большим успехом. В нее влюблен белокурый сын начальника военного санатория в Махинджаури. В жаркий день в конце апреля я иду в школу, а он мне навстречу. Красавец. Говорит мне что-то насмешливое, обидное. Я поняла – никто меня не полюбит. Вот Рита – другое дело.

Не прошло и двух дней, как на майские праздники этот мальчик с отцом разбились насмерть в машине.

Помню пышные похороны на кладбище на окраине Батуми, которое иногда по старому турецкому обычаю зовут Сауксу. Медленно едет катафалк, украшенный венками. Полно зевак. За гробом несут огромные венки, бросают по дороге цветы. Ученики, учителя, сотрудники санатория и просто зеваки через весь город Батуми идут за гробом до самого кладбища. У могилы на крутом склоне произносятся речи. Школьники читают стихи. Два гроба опускают в могилу, засыпают землей. У могилы остается молодая женщина, вся в черном – мать погибшего мальчика.

xxx

Я перешла в шестой класс. Наступило лето – такое же, как в прошлые годы. Утром я пасла корову. Днем бегала на море.

Школа

Вскоре я привыкла к Махинджаурской школе. Там была вполне домашняя обстановка. Приятная учительница русского языка – Ирина Николаевна Краснопевцева, средних лет, с крупными чертами лица. Учитель биологии Иван Иванович Иваненко, сухопарый, со сморщенным, как печеное яблочко, лицом, в военной форме без знаков, как и многие в то время. Иван Иванович любил рассказывать о своем детстве на Украине. Когда мы учились в седьмом классе, под его руководством был организован кружок юннатов. В ящиках выращивали ростки картофеля и подсчитывали, сколько можно получить новых клубней из одного, если рассадить все ростки. Мы эти ростки рассаживали, получился большой урожай. Приехал корреспондент. Сфотографировал нас с Иваном Ивановичем и нашим урожаем. В газете «Молодой сталинец» появилась заметка.

xxx

На перемене мы бегали к крану на конце школьного двора. Брызгались, зажимая его пальцем, так что получалась длинная струя.

Перед занятиями я поливала из крана своих «врагов» мальчишек. Ко мне подошел мужчина средних лет и сказал, что ему очень понравилась моя мимика, что у меня большие артистические данные. Нужно встретиться с

режиссером, которому покровительствует знаменитый писатель Алексей Толстой. Они здесь снимают фильм.

На следующий день этот человек пришел с альбомом. Подозвал, стал показывать фотографии своих коллег. Он сам вместе с Толстым. Алексей Толстой выделялся на всех фотографиях – барин с трубкой. С одной стороны, мне льстило такое предложение, но было страшновато. Куда меня зовут? Стоит ли идти на встречу? Я пошла за советом к Ивану Ивановичу.

Он мне сказал, что можно пойти в артисты. Но нужно учесть: потом на меня будут смотреть как на легкомысленную, легкого поведения. Стоит подумать – идти в артистки или нет. Я только что прочла «Господа Головлевы» и, подумав, в артистки не пошла.

Иван Иванович вскоре исчез. Он простодушно рассказывал нам, детям, о том, что его документы пропали в окружении, откуда он выбрался на юг. И что на самом деле его фамилия другая.

Осенью 1951 года его арестовали. Говорили, что он оказался шпионом.

Директор школы Фока Павлович – добрый, с круглой головой. Вокруг головы в несколько оборотов закручена прядь, чтобы создать впечатление густых волос. Тем не менее лысина проглядывает.

Карл Иванович Окроперидзе. Математик. Окро в переводе с грузинского – золотой. Карл Иванович – худенький, усатый, с вьющейся пышной шевелюрой, в военной форме. Бывший фронтовик, он почти всегда носил серую, до пят шинель. Много курил, так что два пальца его руки были постоянно темно-желтые, не отмывались от крепкой самокрутки. Строгий, нервный, с сердитым лицом, он тем не менее не мог скрыть от нас свою доброту. Однажды во время урока мы увидели как из-под френча, по центру туловища, спускается вплоть до колен белая нитка. Карл Иванович строго глядит на доску с формулами: «Это квадрант!» Что тут началось! Один захихикал, потом второй и так далее. Началась массовая истерика. Карл Иванович все больше негодует, не понимая, в чем дело... И только

спокойный Артуш Яндян взял на себя смелость, попросил Карла Ивановича выйти из класса вместе с ним, объяснил причину неудержимого смеха.

xxx

Нежная, мягкая, пухлая учительница немецкого была женой одного из сотрудников военного санатория. Учила она нас очень формально. Ничего толком в голову не входило. Так и не задержалось. То же самое с грузинским. По-грузински мы не разговаривали. Все обучение шло на русском. Я вы зубрила грузинский алфавит. Могла хорошо читать, но слов не понимала. Заучивала большие стихотворения, что было весьма трудно. Красивый гортанный язык звучал как музыка. «Чемо самшобло» - «Моя Родина»... Так начиналось очень красивое стихотворение. Никто перевода не требовал.

Девочкам-грузинкам и аджаркам было легче.

Махинджаурская школа. В нижнем ряду справа налево Иван Иванович Иваненко, Фока Павлович-директор школы, крайний справа Карл Иванович Окроперидзе.

В шестом, и особенно в седьмом классе, я была на хорошем счету. В нашем классе училось всего несколько учеников. В это время в городах были женские и мужские школы, а в Махинджаурской школе мальчики и девочки учились вместе. С ребятами из грузинской школы мы не общались. Днем ждали, когда они гурьбой вывалятся на школьный двор и убегут домой. Среди них выделялась группа ребят из детского дома, который находился на холме, на бывшей даче Фесенко. Эти дети жили в очень красивом доме, но одеты были плохо, во все одинаковое.

Блиzkих подруг у меня не было. Две красивые девочки – Этери Зоидзе и Нана Тугуши – дружили, сидели за одной партой. Нана – грузинка, дочь директора совхоза. Ее мать Нина Максимовна – известный всему поселку врач. Нана пухленькая, голубоглазая, очень доброжелательная девочка с большими белыми косами. Ей под стать ее подружка Этери, дочь аджарского крестьянина из Махинджаури. У нее тоже светлые шелковистые вьющиеся толстые косы. Рядом со школой жили толстая Этери Абусеридзе и заводная Этери Джиджавадзе. Обе аджарки. И еще Нанули Ахвледиани. Так что из девочек русская только я одна. Из мальчиков помню армянина Артуша Яндяна, умного и спокойного, с ярким румянцем, Витю Павловского и Виталия Лабунченко – соседа из ущелья.

xxx

По дороге в школу я заходила к своей однокласснице Нанули Ахвледиани. Дом Нанули – одноэтажный, каменный – располагался рядом с конторой колхоза. Перед домом беседка, увитая виноградом.

Отец Нанули Осман – министр культуры Аджарии. Степенный, стройный аджарец. Мать Нанули – толстая, капризная, вечно болеющая кубанская казачка, весьма чванливая. В доме всегда идеальная чистота. Некрашенные, выскобленные до белизны полы. Как они мне нравятся! Дома я скоблю полы в маминой комнате, белю потолок и стены. Подражаю дому Ахвледиани.

Тетка моя в туфлях, испачканных глиной, идет по белому полу, оставляя коричневые следы. «Повесь свой пол на стенку!» Позже я бросила это занятие. Других дел хватало. Нужно воду из колодца наносить. Кормить, пасти, доить корову. Учить уроки вместе с Маврушкой, прыгая на китайской даче с одной террасы на другую.

У Ахвледиани, кроме старшей Нанули, еще двое детей: мальчик Зия и маленькая Неличка. С Зией мы почти ровесники, он учится на класс младше в грузинской школе, но по-русски говорит чисто. Теплыми осенними днями мы с ним играем в шахматы.

Как-то захожу в очередной раз к Ахвледиани и узнаю – мужчин переименовали. Отец, Осман, стал Вахтангом. Зия тоже переименован и тоже Вахтанг. Пришло постановление правительства: все, кто носит турецкие имена, должны принять грузинские. По привычке оставались в обиходе старые, а в документах – официальные. Двойные имена вносили путаницу. В Аджарии, которая в течение трехсот лет была в составе Турции, к фамилиям прибавляли приставку «оглы». У Чаквинского перевала живет большой род Баградоглы, а ниже – богатые Кадиоглы. Баградоглы быстро перекрасились, возможно по своей инициативе, и стали Багратиони. Потом подумали и причислили себя к знаменитому роду Багратионов. Что касается Кадиоглы, то они стали Болквадзе. Хотя предпочитали, чтобы их величали Кадиоглы.

xxx

Зимой из школы шли уже в полной темноте. Иногда из баловства оставались на пристанционной веранде с красивым орнаментом под потолком. С Зеленого мыса я шла на ощупь по крутым тропинкам в мандариновых садах, в полной темноте добиралась до дома.

xxx

В школе у нас вместо физкультуры был предмет «военное дело». Класс выводили в школьный двор бросать гранату. Кто дальше. У меня не получалось. А Нанули очень ловко бросала.

xxx

В начале учебного года, в сентябре, вместо занятий нас посылали на чайные плантации собирать чай. Они находились в Махинджаури, на холмах около маленького тоннеля по пути к Батуми. Но какой это сбор! Одно баловство. Еще зачем-то заставляли собирать дурман. На пустырях мы находили высокие стебли этого ядовитого растения с колючими коробочками. Собирать их легко. Но потом собранный дурман долго гнил в сарае в школьном дворе. Его никуда не сдали, выбросили.

xxx

В 1949 году неожиданно приехал мой отец Тимофей. Я его увидела во второй раз. Он привез мне коричневое форменное платье и несколько лент. От мамы я слышала о нем много плохого. Узкогубый, с неприятным лицом. Мне он напоминал портрет Лысенко. Говорил много, хвастался своим партийным билетом. Рассказывал о том, как слушал лекторов. Я показала ему газету, где были изображены мы, юннаты, рядом с выращенным урожаем. Он похвалил: заметку необходимо сохранить! Через несколько дней уехал. Газету в качестве протеста я порвала. Теперь жалею. Маме он обещал присылать деньги, поддерживать меня.

xxx

Через некоторое время от него пришла посылка. Мама с нетерпением ее вскрыла. Там вязаные носки, резиновые сапоги и большой кусок сала. Мама любит сало. Мы давно его не видели. Она отрезает кусок, кладет в рот. Оно пропиталось запахом резины. Несъедобно! Мама с досадой воскликнула: «Ну, Тимофей, теперь я подаю на алименты!» И подала. Ей присудили 18 рублей. У Тимофея, который был женат несколько раз, после мамы была еще одна семья и сын Юра. Каждый раз свой брак Тимофей регистрировал. Но все жены от него убегали.

Юра с матерью и отчимом жил в Поти. Алименты разделили.

xxx

20 октября 1949 года в Кахабери, за Батумом, меня, четырнадцатилетнюю, принимали в комсомол. В торжественной обстановке, за столом, крытым зеленым сукном, на котором стоял обязательный графин с водой, сидело три партийных работника. Проверяли мою политподготовку. Спросили о Китае, с которым наша страна была в большой дружбе. Я была счастлива: получила значок и комсомольский билет.

xxx

Я ни в кого не была влюблена. А в меня был влюблен Витя Павловский – длинный мосластый парень. У его отца была большая серая

лошадь, и он как бы сливался с этой лошадю. Витя мне не нравился, но было приятно, что он в меня влюблен.

Запомнилось только то, что на уроке литературы, запинаясь, этот Витя долго не мог понять что Микельанджело Буанаротти – это имя одного человека и называл так, как будто это разные люди. Витя так и не решился ко мне подойти. У меня всегда была гордо задрана голова, которую оттягивали две большие косы.

xxx

Восьмилетнюю среднюю школу я закончила очень хорошо, почти отличницей. У меня были только две четверки.

xxx

Мне часто казалось в то время, что мама не задумывалась о моем образовании, потому что не помогала мне в занятиях. Она ходила на работу, я – в школу, пасла корову. Когда наступал вечер, нужно было самой делать уроки.

1950г. Я с Ритой Гетман у колдца

Сочинение «Море»

В те счастливые годы я ходила в школу вдоль моря каждый день. Когда училась в Махинджаурской школе – в середине дня, а в старших классах – утром, еще в темноте, перед рассветом. Ощущение необыкновенное. Наверху бледнеющий диск луны. По правую руку через железную дорогу – море. Свежий ветер приносит его запах. В бурю брызги достигают дороги, и ты совсем близко видишь наплывающие белые гребешки над черно-серым

взмученным прибоем. Я видела море каждый день в разное время года, в разное время дня. И это меня вдохновило написать сочинение о море. Я собрала много высказываний известных писателей о море. Кроме того, описала, как я сама вижу море на Зеленом мысу в разное время. Запомнилось приятное ощущение от утренних купаний в середине лета, в штиль, когда прибрежная гора еще заслоняет солнце и в тени влажно и прохладно. А когда диск солнца поднимается, тень исчезает. Море прозрачное, глубоко видно дно, покрытое нарядной пестрой галькой.

Я на море

Я описала, как выглядит море в шторм и в штиль. Например, когда идет летний мелкий морозящий дождик, и все окрестные холмы расплываются в тумане, а море теплое и неподвижное. Крупные капли шлепают по ровной поверхности, расходясь кругами.

Первые попытки самостоятельного сочинительства окончились печально. Я решила прочесть вслух свое сочинение маме и тетке. Но они восприняли его с насмешкой.

Я расплакалась, порвала свое сочинение, о чем очень жалею до сих пор. Много лет спустя читала у В.А.Чивилихина, как ему трудно было поступить в Московский Литературный институт. Он писал каждый день сочинение на тему «Слово о полку Игореве». Не поступив в институт, сжег все эти сочинения. Потом жалел. И я тоже пожалела. Видимо, уже тогда у

меня была тяга к сочинительству, желание высказаться, выразить свои мысли. Но не было наставника.

Соседка Рита со значением мне сказала, что в военном санатории в Махинджаури работает в библиотеке мама ее одноклассницы, которая помогает ей писать сочинения. Моя мама никогда со мной не занималась и на родительские собрания не ходила.

xxx

Первого апреля мама уехала на базар в Батуми. А я осталась дома и решила пошутить. Вспомнила рассказы прабабушки о том, как в ее детстве, когда она жила у богатой тетки, на первое апреля на званых вечерах устраивали шуточные обеды. А после них уже начиналось настоящее пиршество. Например, открывали супницу, и из нее вылетали воробьи.

Я придумала по-своему: слепила из глины пирог, украсила. Получилось натурально. Кроме этого, в нашей чугунной кастрюле сварила настоящую гречневую кашу. Постаралась. Мама из Батуми приехала голодная. Я поставила «пирог» на стол. Она поверила. Когда обман раскрылся – очень рассердилась. Я огорчилась, что она не оценила мое чувство юмора. Не обрадовала ее и распаренная по всем правилам гречневая каша, тут же выставленная на стол. А пирог был так искусно оформлен, что им заинтересовался даже наш пес. И тоже был сильно разочарован.

Хутор Чернышев

Я закончила восьмилетнюю Махинджаурскую школу в 14 лет.

У нас дома в качестве няньки Олега работала Катя Шеменова, года на два-три старше меня. Она собралась на побывку к матери на Кубань, на хутор Чернышов.

Я с Катей Шеменевой

Тетка с мамой решили меня отправить вместе с Катей. На Кубани, говорили, сытно и хорошо. Туда из Батуми ездили на отдых.

На станции Зеленый мыс мы ждем московский поезд. Я недавно прочла рассказ Джека Лондона «Китаеза». Маме повторяю это слово, балуюсь. Мужчина, который тоже ждет поезд, делает мне замечание: нельзя говорить «китаеза». Китайцы хорошие, достойные люди. Мы с ними дружим. Подходит поезд. Он стоит всего одну минуту. Бежим к вагону. Мы с Катей успеваем забраться в тамбур. Поезд набирает скорость. Мама бежит вслед, просит проводника отнестись ко мне внимательно. Дверь захлопывается. Мы въезжаем в тоннель. Так началось мое первое самостоятельное путешествие.

На следующий день приехали на станцию Белореченская, а оттуда в кузове попутной машины добрались на хутор. Везде ровная степь, чернозем и посевы подсолнечника.

Мать Кати живет в маленькой, в одну комнату, избушке-мазанке с большой передней. Крыша крыта соломой. Печь на улице. Пол глиняный. Подметут, намажут раствором глины. Быстро подсыхает. У матери Кати есть

еще грудной сынишка. Во дворе созрела вишня. Собираем ее, не отделяя косточек, кладем в тесто. Получается большой пирог. Это единственная еда.

Вдоль улицы выстроились такие же избушки. Все живут бедно. На всю улицу один мужчина. Он живет с одинокой казачкой в ее доме примерно полгода. Когда женщина-хозяйка забеременеет, переходит в следующую избу. Мне объяснили, что таков обычай в этих местах. После войны мужчин нет. Таким образом родился маленький брат Кати. Маленький плюгавый отец иногда заглядывал, навещал грудного сынишку.

Вокруг хутора – бесконечные поля. Есть и ставок,- большая запруда. Туда ходят купаться дети, девушки и парни. Я прыгала столбиком. Пресная вода мне была неприятна. Я привыкла к морской. Красивый белокурый парень стал ко мне приставать. Дома на Зеленом мысу, если кто пристаёт, задирает, так сразу отрежу: «дурак, ишак». И отстают. Хотя ишаков в наших краях я никогда не видела. Слово оставалось после турецких времен. Оказалось, что слово «дурак» на хуторе самое оскорбительное. Можно послать матом – это в порядке вещей. А «дурак» здесь – самое большое оскорбление.

Вечером у нашей хатки собралась большая группа молодых парней: хотели мне отомстить. Катька сказала – изнасиловать. Так у них принято. Особенно, если девушка задирается. Я сидела тихонько в передней и видела перед собой большой крючок. Парни дергали дверь. Вот-вот сорвут. Но открыть не удалось. Ушли. После этого я наслышалась драматических историй, как эти хулиганистые парни совершают набеги на девственниц. Стало не по себе. Но, к счастью, больше нападений не было.

На хуторе жизнь совсем другая, чем на Зеленом мысу. Вечером девушки собирались на завалинке и пели на разные голоса. Что за чудо были эти казачьи песни под луной! После никогда таких слышала. Например, «Мой платочек с розовой каймою». Пели и хорошо известные: «Скакал казак через долины».

Обратно мы ехали с пересадками в переполненных вагонах. Привезла домой кубанский мед. Совсем не сытая была Кубань, сохранившая тяжелые следы войны.

Старшие классы

С осени 1951 года я начала учиться в средней мужской школе № 4, находившейся в поселке БНЗ (Батумского нефтеперегонного завода), за Махинджаури по направлению к Батуми.

xxx

Зимой я встаю в темноте, делаю зарядку, обливаюсь холодной водой из ведра, которое набираю из колодца. Потом спускаюсь вниз к Хоздвору и иду до Махинджаури. Оттуда автобусом до БНЗ, тоже вдоль моря. Иногда в компании нескольких школьников, которые раньше учились в Махинджаурской школе. Мы идем мимо домов поселка, пересекаем железную дорогу. Перед новой двухэтажной школой – просторный асфальтированный двор. В стороне пыhtят вышки нефтеперегонного завода. За ними зеленеют горы.

xxx

Поселок БНЗ выстроен в начале тридцатых годов в глубине Батумской бухты около нефтеперегонного завода для обслуживающего персонала. Несколько квадратных четырехэтажных домов расположились в два ряда между шоссе, идущего вдоль моря, и железной дорогой. Здесь все между собой знакомы.

xxx

По дороге из школы часто попадаю под ливень. А когда ливень прекращается, сияет жаркое солнце. После школы долго жду автобус до Махинджаури. Потом еще два километра до Зеленого мыса. Подниматься на нашу гору в сыром пальто утомительно. Я прихожу без сил, перекусываю. Сажусь не за уроки, а за очередную книгу. Читая, забываю обо всем. Гляжу на часы – уже пять вечера. А мама придет в шесть. Нужно приготовить обед.

Еле успеваю. На уроки остается совсем мало времени. Математику я совершенно не понимаю. Видимо, типичный гуманитарий.

xxx

Утомительные ливни сменяются долгими периодами прекрасной погоды. Ранней весной, на рассвете, начинают петь птицы. Запевает сначала одна. Дает тон. За ней вторая, третья и потом – целый хор! Я вижу, как гаснет серп луны, как из-за горы выходит солнце. Листья веерной пальмы трепещут, издавая своеобразный железный звук. Еще свежо. Но день обещает быть жарким.

В начале мая на буке неожиданно разворачиваются изумрудные нежные листья. После нескольких жарких дней может с моря налететь ураган. Он срывает листья, треплет крону. В мае в густой вечерней темноте начинался полет летучих мышей, гнездящихся в ветвях бука. Там же находят себе пристанище красивые маленькие квакши – лягушечки с липкими лапками. Сидя под буком, я слышу, как из ущелья доносится мощный хор других лягушек – из большого пруда рядом с домом Лабунченко.

В мае начинают летать светляки, мертвенным лунным блеском прочерчивая темноту. Дурманящие запахи поднимаются от зацветающих мандаринов, питтоспорума с букетиками изящных цветов среди глянцевого плотного листвья.

Теплой поздней осенью в октябре, а то и в ноябре, когда я спускалась с китайской дачи, меня окутывал тонкий сладковатый запах мелких цветов маслины, душистой россыпью падавших с невысоких деревьев.

В те времена я не задумывалась о том, какая это роскошь – жить на нашей горе, на даче Карелиных... Наоборот, завидовала школьникам, которые живут близко от школы.

xxx

Учителя были разных национальностей. Строгая, въедливая молодая армянка преподавала математику. Я ее боюсь, стараюсь. Но все равно ничего не понимаю. Инна Васильевна Сандалиди, любимая учительница по

литературе – гречанка. Ей всего двадцать два года. Она наш классный руководитель. Строгая, справедливая, равнодушная. Она недавно вернулась из ссылки в Казахстане. Всегда аккуратная, нарядная. Инна Васильевна замечательно чувствует литературу.

xxx

С Инной Васильевной я сохранила дружбу на многие годы. До самого последнего своего приезда на Зеленый мыс я приходила к ней в Батуми как в родной дом. Умерла она в 2008 году.

xxx

Учитель истории Михаил Иванович Кулиджанов – средних лет армянин. У него ровный характер и хорошие знания. Но тогда история мне была неинтересна, не так, как сейчас. Выучила урок – и ладно.

Учитель химии Леониди – грек. В десятом и в одиннадцатом классах я полюбила органическую химию, стала понимать ее удивительную стройность, закономерность. Раздумывала – не поступить ли мне на химический факультет?

Грузинский язык нам преподавал Геронтий Давидович – длинный, худой добрый пожилой грузин. «Геронтий нашего времени» – так мы его звали. Он директор школы. Хотя в нашем классе было много грузинских ребят, все говорили по-русски. А я, как и многие другие школьники, зубрила грузинский, не понимая слов. Геронтий Давидович все равно ставил нам хорошие отметки. Он же преподавал и иностранный язык. Его мы так же не знали, к сожалению.

Биологию вела Людмила Викторовна. Она к предмету относилась формально и чаще занималась подготовкой самодеятельности.

Школьники поселка, не обремененные коровой, домом на далекой от школы горе, занимались в спортивных секциях, общались между собой, могли помочь друг другу делать домашние задания. Я была единственной кто была отрвана от жизни поселка. В школе БНЗ я проучилась три учебных года. Получила аттестат зрелости.

Одноклассники – это в основном дети сотрудников нефтеперегонного завода: русские, грузины, армяне, украинцы, греки. Никто не обращал внимания на национальность. Отношения были самые доброжелательные. Некоторые девочки дружили между собой. Оля Глонти и Ида Шкуропат. Оля – черненькая, с короткими косичками, а у Иды роскошные вьющиеся волосы собраны в косы. Ее портили тонкие ноги, как спички, приставленные к толстому туловищу. Ида приятная, добрая. Ее отец дядя Лазарь с Кубани. В их гостеприимную квартиру я иногда заглядывала. Оля способная, строгая. Мать у нее работает в бухгалтерии завода. Оля тщательно скрывала, что мать пила.

xxx

После окончания школы Оля уехала в Брянск. Удачно вышла замуж. Мы с Андреем к ней однажды зашли, когда там были проездом. Ольга писала диплом по Климу Самгину. Я тогда подумала: «что за муть этот Самгин!». Не могла осилить. Годы спустя, приехав домой, встретив одноклассников с БНЗ, узнала: Оля вернулась на БНЗ, спилась и погибла.

xxx

Оля дружила с Олегом Фокиным – тонким, высоким юношей с курчавыми волосами, зачесанными набок. У учителей он на хорошем счету, подавал надежды. В школьном спектакле по пьесе М.Горького «На дне» играл Сатина. В те времена, когда мы проходили Горького, я никак не могла понять, что это за «дно». Что за отгороженный от других Хитров рынок? Советским детям, воспитанным на понятии равенства и братства, которыми нас кормили ежедневно, трудно было это понять.

Олег красиво, немного картаво декламировал. С ним было интересно разговаривать. Он оригинальничал.

Юлий Гогниев – стройный красавец с черными как смоль, вьющимися волосами, сын одного из руководителей завода. Тоже любил красоваться, был склонен к демагогии. Его бабушка и мама – тетя Муся обожали Юлика. Через несколько лет отец оставил семью, переехал в Москву.

Я тесной дружбы ни с кем не водила. Сидела рядом с Нанули Ахвледиани, отец которой продолжал возглавлять министерство просвещения. В отличие от меня, Нанули была более склонна к точным наукам. Хотя больших способностей не проявляла. Завидовала моим способностям в литературе. Я, хотя большой грамотностью не отличалась, писала хорошие сочинения. Инна Васильевна меня выделяла.

xxx

Олег Фокин в Горьком (Нижний Новгород) окончил сельскохозяйственный институт.

Когда в середине восьмидесятых я переехала из Магадана на Зеленый мыс, связь с Олегом возобновилась благодаря Юлию Гогниеву, который поддерживал отношения с товарищами по школе. Мы встретились. Олег стал полковником. Работал в Москве, в здании МВД на Пушкинской площади.

Мы сидели в сквере, он рассказывал о себе. Некоторых выпускников сельскохозяйственного института в Горьком агитировали работать в колонии заключенных в Марийской республике. Обещали рост по карьерной лестнице. Так Олег попал в охру и стал получать звания. Женился, но брак оказался неудачным. Живет один. К нему приезжает сын, с которым они выясняют, в чем цель жизни.

Я смотрела на него, постаревшего, на его лицо, испещренное морщинами, жесткое, усталое – и не узнавала романтического юношу.

xxx

В начале девяностых, когда я собиралась уехать с Зеленого мыса, мы с мужем собрали у нас дома в Москве на Ленинградском проспекте школьных друзей, проживавших в Москве: Юлика Гогниева, Алика Гогуадзе, Олега Фокина.

Олег сильно пил, пришел с полным портфелем бутылок. Рассказал историю Миши Москвитина.

Чернявый Миша, наш одноклассник, был заводным мальчишкой. Любил всех задирать. Однажды, в девятом классе мы, девочки, не пускали в

класс мальчишек. Я держала дверь. Миша химическим карандашом ударил меня по указательному пальцу, пошла кровь. Осталась отметина, похожая на татуировку.

Миша стал инженером и работал на БНЗ. Глупо пытался обокрасть кассу и получил срок. Мать просила Олега перевести его в лагерь, который он курировал, и это ему удалось. Как-то Олег застал Мишу за странным занятием. Тот мастерил погоны, чтобы сфотографироваться в военной форме. Фото для сестры. Так он скрывал свой позор.

xxx

Алик Гогуадзе – маленький, нескладный – стал художником. Жил на заработки от продажи картин. Бывали большие перебои. Юлик ему сочувствовал. Но Алик не оставлял любимое дело, был участником знаменитой бульдозерной выставки, стал известным художником.

Сам Юлик стал дипломатом. Работал в Румынии. Теперь на пенсии. Интересуется политикой. Вместе с женой, (она дочь советского функционера), наперебой ругают демократов, вспоминают блага советской власти.

1953г. Средняя школа на БНЗ (Батумский нефтеперегонный завод)

Внизу справа налево: Валя..., Оля Глонти, Ляля Радченко. Во втором ряду: Ида Шкуронат, я, наша классная руководительница, преподавательница русского и литературы Инна Васильевна Сандалиди, Этери Зоидзе, Этери Абусеридзе. В верхнем ряду: Артуш Яндян, Леня Богопольский, шестой Олег Фокин, седьмой с краю Юлий Гогниев.

xxx

Невысокий, с крутым лбом, настырный Витя Кабак был влюблен в Этери Зоидзе – аджарку, с которой я училась в Махинджаурской школе. Красивая девочка с русыми косами, дружившая с Наной Тугуши. Через несколько лет при встрече Нана мне рассказала, что была на свадьбе Вити и Этери. Отец был против этого брака. Свадьбу справляли на украинский лад у Витиной родни.

Прошли годы. Я переехала на Зеленый мыс. Витя работал в Батумском порту, недалеко от остановки автобуса. Поэтому иногда я к нему заглядывала. Приятной внешности, обаятельный. Как он изменился! Под его началом большой коллектив. Этери работала в типографии морского пароходства недалеко от рынка. Несколько раз я заходила к ней. На первом этаже располагались старинные типографские машины странной формы. Пахло машинным маслом и типографской краской. Все носило печать тяжелого застоя, старины. На втором этаже в небольшой комнатке в старом халате сидела Этери. Красивых кос, главного ее украшения, уже не было. Этери очень подурнела. Первые годы Витя с Этери жили в Комсомольске-на-Амуре. С годами родители Этери примирились, приняли Витю. У них двое детей. Этери уверяла, что у ее дочки такой же порывистый характер, какой она помнила у меня в школьные голы. Тогда для меня образцом была Гуля Королева, девочка-партизанка, погибшая в Крыму во время немецкой оккупации. Повестью о Гуле Королевой я зачитывалась.

Альмуся Назаренко – с густо усыпанным веснушками круглым лицом, способная, хваткая. Хорошо окончила политех в Ленинграде и удачно вышла замуж за военного. Стала типичной офицерской женой.

Xxx0

Я была влюблена в Константина Истомина. Он в классе сидел недалеко от меня, через ряд. Как же я млела! Невысокий, смуглый, о таких говорят – крепко сбитый. Возвращаясь домой на автобусе, проезжая мимо дома, я

обязательно смотрела в сторону окна его комнаты на первом этаже. Как в песне Новеллы Матвеевой про гвоздь на стене... В конце десятого класса он ушел в мореходку – Батумское мореходное училище. На школьный вечер явился в морской форме. Я смотрела издалека. Он на меня – ноль внимания. Краем уха слышала, девочки возмущались, что у него в поселке связь с замужней женщиной. Но я ничего не могла с собой поделать. Год прошел – остыла.

xxx

Когда я была уже несколько лет как замужем, мой свекор Павел Александрович Хохряков – нефтяник, преподавал в заочном политехническом институте. Истомин у него учился, а папа, так я звала своего свекра, рассказывал мне об этом. Как уже все было далеко! Только красиво звучали и имя, и фамилия. Константин Истомин.

xxx

В восьмидесятые годы, во время моего второго периода на Зеленом мысу, я иногда в Батуми, встречала старых знакомых с БНЗ. Делились новостями. Истомин долго сожительствовал, но не женился на нашей однокласснице Жене Сидорук, измучил ее. Жил с матерью, с которой на старости лет обращался плохо, не кормил. Поселок маленький, все друг у друга на виду. Возмущались.

xxx

В 1953 году в поселке БНЗ был отстроен двухэтажный клуб рядом со стадионом. Напротив остановки автобуса, недалеко от моря. На фронтоне – витражи. Красивая вязь грузинского орнамента. На первом этаже большой зал. Там по субботам бывают танцы. Как всем хотелось танцевать! Нам, старшеклассникам поселка, устраивают вечера. Из Батуми приезжают на танцы городские. Всем хочется попасть на танцы. Но пускают не всех, поэтому перед клубом большая толпа. Меня редко кто приглашает танцевать. А так хочется! Я стою у стены униженная. Жду. На улице в толпе вижу Гарика Топчиева, своего знакомого из Батуми. Беловолосый, немного

картавый, с голубыми глазами. Но я его стесняюсь. Считаю его батумским шалопаем. Знаю, что он в меня влюблен. Он часто приезжает к нам домой. Гарик мой ровесник, не учится. Заядлый рыбак. Ловит рыбу для семьи. Картаво говорит: «Мерланка – нежная рыба». Мы с ним знакомы через мамину приятельницу Нину Петровну Георгадзе, художницу.

Она знакома с матерью Гарика, Леночкой, маленькой запущенной женщиной. Живут они в старом городе, недалеко от моря в огромной комнате, вернее сарае. Вход в сарай прямо с улицы. Нина Петровна не очень распространяется. Я как-то слышала, что муж Леночки был начальником. Его арестовали. Пропал. Осталось трое детей: два мальчика и девочка. Гарик старший. Бедствуют.

xxx

Судьба Гарика трагична. Отслужив в армии на севере, стал работать в шахте. Его засыпало. Приехал домой слепым. Я кончала институт. Иногда заходила в сарай. Он одиноко сидел у печурки. Брат и сестра уехали. Позже мама писала: женился, был счастлив. Родился сын. Умер через несколько лет. Отдыхал в доме отдыха в Цихис-дзири.

Как-то показывали по телевизору сериал «Сага о Форсайтах», а телевизор все время переключали. Он разволновался, случился удар. Леночка после его смерти совсем опустилась.

xxx

Устраивались вечера и в школе. С танцами, с летучей почтой. Можно написать записку и отдать почтальону. Выразить симпатии. Танцы: вальс и падекатр, с фигурами. Только взявшись за руки. Вальс! «В городском саду играет городской оркестр...» Все городские нам завидуют. Там мужские школы и женские. Встречаться с мальчиками можно только на вечерах, и то по приглашению. А мы – все вместе.

xxx

После Тбилиси на Зеленом мысу о музыке не вспоминали никогда. Мое музыкальное образование, к сожалению, не было продолжено.

Но я много и громко пела. Учителей, кроме Фаины с ее специфическими блатными песнями, у меня не было. Но я пела то, что слышала по радио, русские и украинские песни. «Что ты жадно глядишь на дорогу» – одна из любимых.

Нина Петровна, жительница города Батуми, знала о том, что в городе живет знаменитая старая певица, которая пела с Собиновым. Именно она повела меня к этой пожилой даме. Певица проверила мой голос и предложила давать уроки. Но этим единственным посещением все и закончилось. Запомнились старинные портреты на стенах. В том числе самого Собинова. Фамилию певицы я не запомнила.

Денег и времени на музыкальное образование не было. Мама не считала нужным заниматься моим образованием.

1953г. Вероника Генриховна Зельгейм. Моя мама.

1953г Батуми. Вероника Генриховна с детьми: Саией Твалчредидзе и со мной.

Я жила в бывшей ванной – маленькой комнатенке с небольшим окном.

Там у меня была возможность побыть наедине с собой.

Позже мама отгородила часть кухни. Убрала большую плиту, на которой многие годы готовили пищу. Печь заменили керогазы, а потом электрические плитки со спиралью. Мама ловко чинила эти плитки: у нее были способности к технике. Это меня всегда восхищало.

Так получилась новая комнатка, отгороженная фанерой, которую я заняла, уступив бывшую ванную подростку Олегу. В середине осталась маленькая кухня.

Как только появлялся гость, то есть отдыхающий, который будет платить за постой, я должна была освободить помещение. Тогда я спала на открытой шушабанде, а в хорошую погоду и под открытым небом.

xxx

По вечерам в доме отдыха заводили пластинки. Репертуар довоенных лет. Танцевали танго, фокстрот. Звук разносился по всей округе вплоть до Карелинской дачи: «Первый раз меня любимой назови, люби меня одну», – несло по склонам холмов.

xxx

До сих пор люблю есть фрукты с хлебом. Это так вкусно! В голодные послевоенные годы это был мой обычный обед. Я забиралась на дерево, срывала гроздь винограда или плод хурмы и ела их с хлебом.

Ххх

Море было неразделимо с моей жизнью. То близко, то издалека, но я всегда его видела и ощущала.

xxx

Хоздвор разросся. Постепенно берега и долина речки-вонючки застраивались. В мои школьные годы у полотна железной дороги были выстроены одноэтажные деревянные бараки мостопоезда. Мостопоезд – организация по укреплению берега у железной дороги.

Полотно железной дороги проходит у самого берега моря. А море то наступает на берег, то отступает. И примерно каждые 20-30 лет необходимо укреплять берег. Во времена Российской империи, в начале века, укрепляли берег основательно. Белые плиты, скрепленные очень качественным цементом, существуют до сих пор. Их гладко обточили волны. При Советской власти качество цемента становилось все хуже. А утечка цемента - все больше и больше. Большие цементные блоки, предназначенные для укрепления обрывов у железной дороги, укладывались неаккуратно и часто просто сбрасывались в море вблизи берега и на берегу. Пляжи приобрели странные формы и конфигурации. В некоторых местах попасть на них можно было только пробираясь с невероятным усилием сквозь щели цементных блоков, из которых торчали ржавые штыри. Но чего только не совершишь в жаркий день, стремясь к морю! Как хочется окунуться! Правда, и в воде беспокойно. Если нырнуть – вполне можно напороться на такой же ржавый штырь на подводном блоке. С годами блоки обросли водорослями, и рассматривать под водой проплывающих между ними рыбок, крабов, открытые створки мидий было очень интересно.

Дела домашние

Кроме нелегкой обязанности водоноски, которая на мне лежала с самого приезда из Тбилиси и вплоть до моего отъезда с Зеленого мыса в 1960 году, я должна была пасти корову, чистить хлев, кормить корову пойлом, доить. А у меня был переходный возраст. Все во мне возмущалось: приходится быть на побегушках. Потом, когда у меня подрастали мои дети, и мне хотелось что-то попросить их принести, я сразу вспоминала, как мама и тетка требовали от меня: «принеси-подай». И останавливалась. А в то время я не всегда выполняла требования, грубила, как и свойственно подростку.

xxx

Тетку Майю я вспоминаю без особой симпатии. Два случая особенно запомнились. Как она меня била, таская за длинные косы. И как написала на меня жалобу.

1952 год. Осень. В десятом классе я была одной из самых активных комсомолок, но в комсомольский комитет не входила. Там – лучшие, отличники. А самый лучший из них – председатель комсомольского комитета Робик Узумбачикян. Красивый парень, учился классом старше. В моем понимании аристократ, особенный. Как-то он подходит ко мне, говорит: «Написана жалоба. На тебя жалуется тетка. Ты плохо ведешь себя дома, не помогаешь. Грубишь. Будут разбирать, возможно лишат комсомольского билета. А это позор».

Под вечер в тихую осеннюю погоду Робик на велосипеде приехал на нашу гору. Долго беседовал с теткой. Потом с мамой. Я ходила по площадке, сгорая от стыда. Ждала, когда Робик выйдет. Он вышел и с удивлением сказал: «Я думал, что твоя тетка старушка, а это молодая женщина. Она ведь в жалобе обращается: «Пишу в гимназию». Робик обещал, что выбросит жалобу. Так и сделал. Последствий не было. Я продолжала активно работать в своем пионерском звене имени Павлика Морозова. Имя было получено по разнарядке.

Мне тогда было особенно обидно, что мама не защитила меня. Наоборот, поддержала тетку.

xxx

Тетка всегда отличалась вольным нравом. В техникуме у нее постоянно менялись любовники, но в нашем доме они не жили. В поселке за ней закрепилось мнение о том, что она гулящая. Ее кавалерами были сотрудники техникума, даже студенты. Но я, воспитанная на коммунистическом аскетизме, особенно не интересовалась этим.

xxx

Помню одну замечательную ночь в октябре. Такие бывают осенью на Зеленом мысу: теплые, бархатные, как будто природа тихо томится. Луна такая яркая, что можно читать.

Мамы дома не было, она уехала в Тбилиси, в коллектор. В доме жил отдыхающий – красивый, видный, заматеревший полковник Богоявленский.

Он иногда приезжал отдыхать в Батуми и бывал в нашем доме. В ту ночь я оказалась в теткиной пустой комнате, которую предварительно вымыла. Посреди комнаты поставила маленький красного дерева письменный стол моей прабабушки. На стол букет мелких хризантем – дубков. Получилось красиво. Свет луны проникал в окно. Я писала всю ночь стихи и мало интересовалась тем, что творится за дверью в маминой комнате.

Через несколько дней моя соседка Рита, большая сплетница, умевшая больно укусить, сообщила, что тетка поведала ее матери: я как драная кошка влюбилась в Богоявленского и всю ночь следила за ними. Ложь меня поразила. Особенно поразило слово «драная кошка». У меня горячий, но отходчивый характер. Сначала обижусь, потом быстро забываю.

Мне претила домашняя обстановка. Я мечтала о другой жизни, об интересных людях, о путешествиях. К счастью, так и получилось.

xxx

Той же поздней осенью 1952 года тетка привела в дом мужа – Бориса Рязанцева. Он выше среднего роста, узкоплечий, с темным вытянутым лицом. Черные, злые глаза в глубоких впадинах с темными кругами. Таким я его запомнила. Он из Тбилиси. Там у него есть квартира, а здесь они построят дом.

Между мамой и теткой не было большой дружбы, часто вспыхивали скандалы. Тетка корила маму, что мы не так обращаемся с Олегом. Сразу в крик: «Он у меня единственный!» А мама его водит, часто несет на закорках, очень далеко по холмам, в детский садик ботанического сада. Но тетка постоянно старается качать права. Мама тоже не отстает.

В теткиной комнате дверь прочная, капитальная. И засов очень прочный. Можно накричать, потом хлопнуть дверью и закрыться на засов. Так продолжалось все долгие годы, что тетка жила в этой комнате, вплоть до 1986 года, когда она переехала в новый дом и прочно закрыла пустующую комнату на засов. Но до этого еще сорок лет!

xxx

Появление Рязанцева было ознаменовано грандиозным скандалом. Дверь захлопнулась надолго. Но домик наш деревянный, слышимость идеальная, и мы с мамой могли слышать, как тетка и Рязанцев рассказывают друг другу анекдоты. Тетка человек задорный, склонный к юношеским всплескам. У нее дежурный набор анекдотов. Через несколько дней поток анекдотов затих. Выговорились и приступили к делу. На участке тетки рабочие вырыли площадку для строительства дома. И этого мы заключили, что у супругов завелись деньги.

Вскоре, в декабре, обнаружился их источник. Приехала милиция, тетку арестовали. Рязанцев переселился к соседке Милеке Шавишвили. Олежек – пятилетний малыш – остался на руках моей мамы. Поползли слухи о преступлении. В те строгие сталинские времена аборт был строжайше запрещен. За них сажали в тюрьму. Случайно в Махинджаури у моря был обнаружен труп новорожденного ребенка. Нашли ли преступницу – неизвестно. Но на тетку показали студентки техникума – русские девушки из Кинешмы. Тетка делала им подпольные аборты за деньги.

Наступили очень грустные времена. В один из зимних дней арестованную привезли к нам домой в сопровождении конвоя. Олежка был в детском саду. Маленькая, в старом пальто, тетка молча прошла мимо меня на конец площадки. Там были выкопаны спрятанные «орудия пыток» – инструменты, которыми она пользовалась, делая аборты. Ее увезли.

xxx

Мама продолжала водить Олежку в детский садик, растила его. Выручала корова – наша кормилица Маврушка. Мама собирала все, что могла – пекла пирожки, несла передачи в тюрьму.

В феврале 1953 года состоялся суд.

Зал заседаний суда – серое унылое помещение.

Тетку и молодого парня-аджарца – соблазнителя русской девушки, ввели в здание суда под конвоем. В зале сидели мы с Олежкой, соседи. Рязанцев на суд не пришел. Тетка – маленькая, жалкая, все время плакала.

Адвокат отстаивал невиновность парня, напирая на горячий темперамент горцев. У тетки адвоката не было. Ей присудили три года тюремного заключения в Марийской АССР. Олежек остался с нами.

xxx

За несколько дней до смерти Сталина в нашем доме произошли драматические события.

Наш дом стоит на вершине холма, а коровник неподалеку – за дорогой, примыкающей к дому, на склоне. Рядом с ним сложили стог сена, купленный осенью в горах на последние деньги. Это главный зимний корм для коровы.

Под вечер подул фен – горячий ветер с гор. Такие ветры бывают ранней весной. Все быстро высыхает, в природе становится тревожно.

Вечером исчезла собака. Мама ее долго звала, она не откликалась.

Ночью мама разбудила меня, показала огромный факел за дорогой. Пылал стог сена и коровник. Я бросилась к колодцу. Всю ночь в ночной рубашке, это особенно запомнилось, я качала воду из колодца, крутила ручку ворота, ведро отдавала соседям, которые по цепочке его передавали за дом, где мама заливала горящий стог. Теплый ветер раздувал огонь, подбирался к дому. Дом спасли. Сгорел стог, коровник и деревянный туалет. На рассвете мы с мамой стояли на пепелище. Мои руки в кровавых мозолях. Мама вся в саже. Корова исчезла.

Кто-то из соседей видел, как под вечер Рязанцев, уже в темноте, вел ее по тропинке вниз с нашего холма. По всей вероятности была договоренность вывести корову на центральное шоссе, проходящее на противоположной от нашего дома горе. А собаку он, видимо, увел заранее. Но это все догадки. Верно то, что Рязанцев исчез с Зеленого мыса вместе с коровой.

На наших руках остался Олег. Не было молока, не было нашей Маврушки- кормилицы.

Через несколько дней умер Сталин.

Прощаться с теткой, которую отправляли по этапу, приехала бабушка Мадлен. Она искренне радовалась смерти Сталина. А у нас было странное ощущение, что со смертью этого идола жизнь закончится.

xxx

5 марта утром в Махинджаури, когда мы садились в автобус, все уже знали, что дорогой и очень любимый Сталин умер. Плакали. В школе у портрета стоял почетный траурный караул. На следующий день в Батуми на центральной площади проходил траурный митинг, на котором все старшеклассники должны были присутствовать.

Но я опоздала, все раздумывала: ехать – не ехать. Долго сидела на скамейке под криптомериями. Хорошо помню, как вокруг валялись сброшенные бурей ветки хвои, как я грелась на солнце, читала «Американскую трагедию» Драйзера. Но потом все же решила догнать моих одноклассников в городе. На митинг я не попала. Большая площадь, в конце которой стоял огромный памятник Сталину, все улицы вокруг были забиты народом. Не пробиться. Я стою на узкой улице недалеко от площади среди плачущих взрослых людей, незнакомых мужчин. Над моей головой развеваются огромные полотнища красного и черного. Везде портреты дорогого вождя.

xxx

Тетка из тюрьмы прислала к нам погостить молодую беременную женщину. С едой стало совсем плохо. Выручила подросшая весной крапива, из которой пекли лепешки, варили суп.

В марте тетку отправляли по этапу. Мама собрала вещи в дорогу. На проводы взяли Олега. Вечером перед отправкой мы стояли у вокзала и издали видели группу заключенных женщин. Разглядеть тетку в темноте не удалось.

xxx

Мама завела козу. Глаза желтые, наглые. Посредине черточка. В отличие от Маврушки, я ее не любила. Она меня мучила. Прыгала с кустов, могла повеситься на веревке.

xxx

А тетке повезло. После смерти Сталина, совсем скоро, объявили амнистию. К этому времени этап, с которым отправляли тетку, находился в Тбилиси. Ее выпустили. Там оказался и Рязанцев. Она у него осталась.

xxx

На нашей площадке перед домом две старинные скамейки с витыми спинками. Помню: тетка злая, энергичная, сидит на скамейке и в гневе выливает свои обиды двум соседкам. Она приехала за Олегом. И все еще что-то что не могла простить маме.

Осенью она с Олегом вернулась на Зеленый мыс. Роман с Рязанцевым закончился. Рассказывала, что он хотел физически уничтожить Олега – этого она не выдержала. Вскоре Рязанцев был позабыт навсегда. Спустя годы кто-то ей рассказал, что он разбился насмерть на мотоцикле. Тетка отреагировала своеобразно. Самодовольно ухмыльнулась. Мол, все ее мужья умирают. Площадка, вырытая для строительства дома, зарастала сорняками и постепенно исчезла. На ней были посажены молодые мандариновые деревья.

Обратно в техникум тетку не приняли. Она устроилась медицинской сестрой в соседний дом отдыха «Урожай», на китайскую дачу. Совсем рядом с домом. Опять началась вольная жизнь. На горизонте появился следующий любовник – Абит.

xxx

Все мои школьные годы время от времени возникали разговоры о том, что мама несчастная, не смогла устроить свою личную жизнь. Поэтому, когда у нее появлялся новый ухажер – возможно, претендент на руку и сердце, все в доме должны были это понимать, создавать маме условия. Но ухажеры быстро исчезали навсегда.

Память почти стерла их лица. Один из них, Анжанов, работал в фотографии на Арбате в Москве. Он сделал несколько очень хороших фотографий: мамы, меня в школьной форме, вид на море с нашей площадки. Приехал отдыхать и без памяти влюбился в маму. Я очень хотела, чтобы он меня сфотографировал на дереве хурмы. Мне казалось, что на дереве, с большой хурмой в руке фотография получится особенно хорошей. Было очень обидно, что он не стал меня слушать.

Вероника Зельгейм, когда она встретилась с Леонидом Ишовым.

xxx

Наконец на мамином горизонте появился Леонид Михайлович Ишов. Ниже среднего роста, сбитый, спортивный подполковник в морской форме. Он курил трубку с хорошим табаком. Мог ли он не покорить маминого жаждающего любви сердца? Леонид Михайлович был еврей, ленинградец, из очень хорошей семьи. В его семье все мужчины без исключения были военные и достигли определенных высот. Брат Михаил был военным прокурором города Калинина, а позже всего Новосибирского военного округа. Сестра Роза была политкаторжанкой и работала вместе с Розой

Люксембург. Об этом говорили с гордостью. Михаил и Роза, да и Леонид Михайлович пострадали во времена культа личности. Михаил был арестован в 1937 году, долго сидел, был на лесоповале. Но вернулся. А Розу в 1937 году, через месяц после ареста, расстреляли. Леонид Михайлович сидел недолго. Семья очень дружная. Три брата женились на трех сестрах Леонид Михайлович влюбился в маму с первого взгляда. Любил он ее серьезно, в меру своих сил. И мама любила Леонида Михайловича – в меру своих. Без него у нее бывали временные любовники. Она ведь жила на Зеленом мысу одна. Но Леонид Михайлович не пропадал навсегда, обещал, как только выйдет на пенсию, так сразу же женится. Он был воспитан, любил целовать ручку. В общем, настоящий, а не проходящий поклонник. Осенью 1953 года, в сентябре он с супругой и взрослым сыном гостил на Зеленом мысу. А до этого я побывала в Ленинграде и несколько дней жила в семье Леонида Михайловича на улице Петра Лаврова. Леонид Михайлович дал своим детям – сыну и дочке – прекрасное образование. Сын – художник, дочь – балерина. В будущем сын не состоялся, а балерина достигла определенного уровня в Ленинградском Малом оперном театре и вывела на балетную стезю двух своих сыновей.

Знакомство расширялось. Леонид Михайлович прислал на Зеленый мыс своего племянника Мишу Ишова, который прилепился на многие годы к Зеленому мысу, к нашей семье. Леонид Михайлович посещал маму раз в два года. Мама ездила в отпуск в Ленинград и там встречалась с Леонидом Михайловичем. Это была устойчивая связь. Особенно в сравнении со связями моей тетки.

xxx

Поговаривали, что любовник тетки Абит Беридзе не очень честный, сидел в тюрьме. А тетка им восхищалась, говорила, что он сложен как бог.

Ее всегда тянуло к мужским прелестям, к красивой мужской фигуре. Об этом она могла с увлечением говорить подолгу. Маму это особенно

раздражало. Когда они обе состарились, тетка с упоением смотрела балет. Особенно ей нравились в балете прыжки.

xxx

Прихожу из школы днем – у нас дома два милиционера. Они сидят в засаде в маминой комнате. Выглядывают. Вскоре выяснилось: они сторожат Абита. Тетка в зарослях ежевики на склоне, где заброшенный участок, устроила шалаш, где они вместе проводили время. Тут их и накрыли. Абит убежал. Мимо промелькнул его голый торс. Он мчался, перепрыгивая через кусты, вниз к речке. Милиционеры долго позорили тетку. А она стояла перед ними маленькая, растерянная, с косичками, завернутыми кренделем на голове. Абита потом все-таки арестовали.

xxx

Появился он вновь совсем ненадолго в 1963 году осенью, когда я там жила у мамы с моим новорожденным сыном Павликом. У нас гостил Эрих Айнгорн – сотрудник из журнала «Новое время». Эрих привез транзистор, в то время новинку, которой почти ни у кого не было. И эта новинка пропала вместе с Абитом. Больше я о нем не слышала.

Лето в Москве. Женя

На зимние каникулы я ездила к бабушке с дедушкой в Тбилиси.

Теперь они жили в новом месте – в центре, над проспектом Руставели. Улица Атарбекова, 56. Улица тянется параллельно проспекту Руставели на склоне горы Мтацминда. Выше карабкаются вверх крутые улочки. У бабушки с дедушкой две комнаты на втором этаже, куда нужно подниматься по лестнице. А из комнат еще тянется лесенка на смотровую площадку, откуда открывается панорама на долину реки Куры.

Дед топил ванную – большую, несуразную. По старой привычке керосином чистил лестницу и красил стенки. Я с ним ездила в Рустави-пригород Тбилиси. Там крупный металлургический завод. Дед подрабатывал в обществе «Знание»: в красном уголке общежития рассказывал о стройках

коммунизма. Ходила я и во Дворец пионеров. Там тоже были танцы: па-де-катр в зеркальном зале.

Но самое главное – опера! Я хожу туда с соседом, мальчиком моего возраста. Он испанец. Наша миловидная соседка его взяла к себе перед войной, когда привозили из Испании сирот. Мы слушаем «Кармен», сидим в ложе. Мне нравится мальчик, но главное для меня – музыка. Особенно вводная часть перед четвертым действием. Эта музыка звучит во мне еще несколько дней после театра.

xxx

Мама старалась как могла. С трудом нашла средства, чтобы послать меня летом в Москву и Ленинград познакомиться с достопримечательностями. Воспользовалась знакомством с супругами, которые отдыхали по соседству в доме отдыха и пригласили погостить. Жили они на Арбате, в Большом Афанасьевском переулке, дом № 5. Я впервые увидела метро. Помню колонны метро «Кропоткинская», которое тогда называлось «Дворец Советов».

Я ходила по музеям в одиночку. У меня был список мест, которые я должна посетить. Запомнились подношения Сталину к его 70-летию: в Музее подарков Сталину, в Музее Изобразительных искусств, в Музее Революции. Их было огромное количество. Рушник, вышитый женщиной без кистей рук. История ВКПБ, написанная на рисовом зернышке. Огромный, разветвленный корень женьшеня.

Я побывала во дворцах графа Шереметева в Останкино и Кусково, в Третьяковке. За мной стал ходить миловидный молодой человек. Куда я – туда и он. Очень приятно, но с другой стороны и тревожно: непонятно, кто такой, знакомство со стороны. Молодой человек был почтителен. Узнал, что я уезжаю в Ленинград и, несмотря на позднее время, пришел провожать. Показывал альбом с архитектурой Петербурга, Ленинграда. Я отворачивалась. Стеснялась.

Билеты я смогла достать только на пассажирский поезд. Он шел в Ленинград больше суток, останавливаясь на каждом полустанке. Я восхищалась всем, что видела из окон. Северная природа была мне новинку. Станция Любань. Я недавно прочла «Путешествие из Петербурга в Москву». Женщины на станции продавали букеты северных полевых цветов. Мне все казалось лучше, красивее, чем на Зеленом мысу.

В Ленинграде я остановилась у Леонида Михайловича. Сам он отсутствовал, но его супруга и дочка гостеприимно приняли меня. Как и в Москве, я осматривала музеи сама. Время было послевоенное. Ленинград восстанавливался. Женщины в комбинезонах с большими швабрами разравнивали горячий, только что привезенный асфальт. Потом его утрамбовывали катками.

С дочкой и сыном Леонида Михайловича мы ездили в Петродворец. Многие фонтаны еще не работали, центральный «Самсон» пострадал во время войны.

Я вспомнила, как темными зимними вечерами во время войны моя бабушка Мадлен рассматривала на старой открытке фонтаны Петродворца и говорила деду о том, что они разрушены немцами.

xxx

Денег у меня было в обрез. Наступила вторая половина августа. Я очень боялась опоздать в школу. Огромная очередь за билетами на Невском. Я ходила туда отмечаться, записывать номера. Ко мне подходит якобы земляк – армянин. Просит записать его по блату одним из первых. Я возмутилась и отказала. Купила билет до Сочи, прямого поезда тогда до Батуми не было. В Сочи денег уже совсем не осталось, и я ехала голодная. Попутчик, веселый парень, читал стихи Маяковского. Мы стояли у окна, в которое залетала сажа паровоза.

xxx

Во время летних каникул вечерами я ходила на китайскую дачу, в дом отдыха – на танцы и в кино. Там я познакомилась с двумя

старшеклассниками из города Бабушкина под Москвой. Женя мне симпатизировал.

С Женей под буком

С Женей на Зеленомысской скале

Мне он тоже нравился. К нам примкнула красивая москвичка из дома отдыха, старше нас года на три. Составилась компания. Вчетвером мы ходили на пляж, фотографировались, поднимались за ежевикой в горы, на Омбалури. Ездили в Батуми, катались на лодке по Комсомольскому озеру. Я влюбилась в Женю. Лунной ночью мы с ним гуляли по тропинкам

Карелинской дачи. Вдалеке на море светилась лунная дорожка. Глубокая темнота в овраге, откуда поднимаются ветви кедров, отсвечивая лунным светом. Таинственные лесенки. Тишина. Мы вдвоем. Рядом. Первая любовь. Сидим на скамейке под нашим буком, целуемся. Вдали сверкают огни Батуми. Все прежние симпатии были забыты. Я твердо решила после окончания школы ехать, поступать в институт в Москву.

xxx

19 октября. Мой день рождения. Ливень. Я смотрю на дорогу. Ручьи большим потоком бурлят, мчатся вниз. Я в отчаянии. Одиночество!

На следующий день развеялось. Засияло солнце. На почте в Махинджаури я получила от Жени бандероль. К моему дню рождения он прислал альбом с фотографиями наших прогулок, с пожеланиями дальнейших встреч. Дорогой подарок. Он вселил в меня надежду на встречу, надежду на будущее и поддерживал всю зиму и весну перед окончанием школы.

xxx

Следующим летом в Москве все мои надежды рухнули. Я не поступила в институт и, гордая, не стала продолжать знакомство с Женей. Неужели все это было? Эта влюбленность, первый роман, серия стихов, вера в то, что моя жизнь состоится? Все улетело и не вспоминалось потом! Что же осталось? Остались теплые лунные ночи, прогулки по Карелинской даче и радость надежды. Сохранился и альбом с фотографиями. Красивый портрет Жени. Любительские фотографии, отражающие наш кратковременный роман. Мы с ним сидим на скалах под Зеленомысской скалой. Я на лодке. Женя рядом со мной.

Окончание школы

Ноябрь. Сбор мандаринов, их переборка. Все ложилось на мои и мамы плечи. В тот год выпал очень ранний снег. В комнате – гора мандаринов. Я перебираю их, кладу в ящики. Нужно отобрать высший сорт, первый, и так до четырех. В планочку с круглыми дырками кладут мандарин

и по размеру плода судят о сорте. По радио рассказывают, что в Москве, в Кремле прошел парадный школьный вечер. Построен университет на Ленинских горах. Высокий, очень красивый голос поет: «Друзья, люблю я Ленинские горы...». Где-то очень далеко красивая столичная жизнь. А тут сыро, холодно.

xxx

Меня укусил скорпион. Их много в щелях нашего старого дома. Укус на ноге вспух, нагноился. Поднялась температура. Потек черный гной. Меня положили в больницу БНЗ. Она недалеко от школы. Сделали укол некачественным пенициллином. Как только выписали, у меня снова поднялась температура, и я всю ночь бредила. На теле высыпали, словно на географической карте, пятна. Утром мама нашла грузовую машину и отвезла меня снова в больницу. Там я упала в глубокий обморок. Аллергия, отравление. Есть не могла.

Лежала долго. Навестить меня приходили одноклассники: и девочки, и мальчики. Мама принесла котлеты с зернышками граната. Вкусно, изысканно. А я есть не могу: во рту все опухло.

xxx

Новый 1954 год встречали у нас дома всем классом. Праздник продолжался целых два дня. Помню, как мы, девочки, стоим на конце площадки, вглядываемся в темноту. Внизу с дороги слышим крики. Это после вечера в клубе торопятся к нам наверх, на гору, мальчики.

Все нарядные. Несколько влюбленных пар. Но я думала только о Жене, жила будущим и никому не сказала ни слова о своем романе, о своих надеждах.

xxx

Еще зимой мои одноклассницы готовились к выпускному вечеру, обсуждали купленные туфли, платья. Но я об этом не заговаривала: дома было полное безденежье. На выпускном вечере я была в мамином белом платье.

xxx

Весной Нанули Ахвледиани, чей отец оставался министром культуры, приглашала группу школьников на вечера в турецкое консульство. Это красивый особнячок в центре города, весь обвитый глицинией. Меня на эти вечеринки, на которых бывали как мальчики, так и девочки из нашего класса, Нанулька не звала. Я узнала о них случайно. Большой обиды у меня не было. Я жила будущим, встречей с Женей. Это будущее казалось прекрасным.

xxx

Теперь, когда у нас не было коровы, у меня освободилось много времени. Зимой, особенно когда лили долгие, нудные и холодные дожди, я уезжала в город в библиотеку. Мне неожиданно пришла в голову мысль собирать материал о Геннадии Ивановиче Невельском – исследователе Амура, открывшем Татарский пролив между Сахалином и материком. Писала рефераты. Для себя. Читала много. Особенно запомнилась небольшая книжка Воеводского «Повесть о Пушкине». Как свое личное я переживала ссылку поэта в Михайловское. Его одиночество. Тоску. Я его понимала, хотя любила бывать одна. Так и осталось навсегда. Потом шутила: «Я кошка, которая гуляю сама по себе». Подруг у меня не было. Так, школьные друзья.

xxx

На выпускных экзаменах Нанули просила меня проверить ее сочинение. И я, в ущерб своему сочинению, потратила время на проверку.

Она получила пятерку и золотую медаль. Я надеялась на серебряную. Но и та мне не досталась. Было чувство, что все распределено заранее. Хотя медалей было много: и золотых, и серебряных, что давало большие преимущества при поступлении в институт.

После окончания школы, когда раздали аттестаты, я случайно узнала, что у Нанули лимит в Московский университет. Парадное здание на Ленинских горах первый год принимало абитуриентов. Прекрасное общежитие в высотном доме. Она выбрала физико-математический факультет. Полгода спустя, когда связи между одноклассниками были еще не

совсем разорваны, Олег Фокин решил заехать к Нанули в Москву. И узнал, что ее отчислили за неуспеваемость. Но она быстро сориентировалась: поступила в Батумский педагогический институт на филологический факультет. Удачно вышла замуж. Родилось двое детей. Преподавала русский и литературу в одной из Батумских школ. С Инной Васильевной, нашей преподавательницей русского, Нанулька не здоровалась. Смогла ли она привить своим ученикам вкус к литературе так, как это в свое время сделала Инна Васильевна? Думаю, вряд ли.

xxx

Весной у меня начался фурункулез. На всем теле выскакивали большие чирьи.

Выпускной вечер в клубе БНЗ. Гуляли всю ночь. В середине ночи у меня прорвало фурункул под мышкой. Я была в мамином белом платье с ватными подплечиками. Этой накладной подушечкой я вытерла гной, почувствовала облегчение.

Праздник продолжался. Я пела: «На бой быков смотреть пошли мы как-то в это ле-е-е-то...». Все удивлялись. Оказывается, у меня высокий и красивый голос, которого раньше никто не замечал.

xxx

После бессонной ночи выпускного вечера я пошла на пляж. Жаркий день. Солнце в зените. Засыпая на берегу, я увидела в море далеко идущий с Зеленого мыса в Батуми катер и подумала: «Что бы было, если бы этот катер остановился?» Сон свалил меня. Я так крепко заснула, что обгорела на солнце. Проснувшись, я увидела недалеко от берега тот же катер. Зыбь укачала пассажиров, прибывала к берегу.

Начало работы

Мне почти 19 лет. Рост 164 см. Ладная фигура. Круглое лицо. Большие зеленые глаза. Курносый нос. Две длинные косы.

xxx

Мои одноклассники после получения аттестата разъезжались поступать в ВУЗы. Уверенная в том, что буду учиться в Москве, я поехала в милицию выписываться из родного дома. В Кахабери, за Батумом, долго сидела на лужайке, ждала своей очереди. Таких простодушных было много. Потом из-за отсутствия прописки не могла получить посланных мамой в Москву денег. Фактически мой паспорт стал недействительным.

xxx

В Москве начала думать, куда поступать. Все было неопределенно. Литературу я знала хорошо, любила. Но считала, что не поступлю в гуманитарные ВУЗы, ведь образование у меня провинциальное. Я любила химию, особенно органическую. Решила подать документы на биофак в педагогический институт. В общежитии мне отказали. Ездила и в МГУ, как на экскурсию, из любопытства. Грандиозный корпус. В приемной комиссии сидят важные персоны. Новое здание все блесит. Число мест на факультетах – минимально, претендентов – огромное количество. Эти цифры были вывешены при входе на факультет и привели меня в замешательство. В 1954 году был особенный ажиотаж: открылось новое здание на Ленинских горах. Я решила поступать в ветеринарную академию. Там был небольшой конкурс.

Но не добрала двух очков, хотя литературу сдала на пять, и меня очень хвалили.

xxx

Встреча с Женей принесла горькое разочарование. А я так надеялась на продолжение знакомства! Но пришла в гости и встретила полное равнодушие. Гордая, порывистая, я прекратила знакомство.

Еду обратно домой. Попутчики, муж и жена – хирурги из Москвы. Говорят мне, что я хорошая, подбадривают меня. Может быть, и так.

Гл4

1954-1960 мои университеты

Я снова дома. Мама меня устраивает на работу в ботанический сад садоводом. Это самая низшая должность с окладом 36 рублей. В сентябре мама уехала в отпуск, и меня временно оставили в библиотеке вместо нее.

xxx

Дирекция, где находится библиотека – бывший дом Татаринова, стоит на крутом холме, фасадом выходя на запад и север. Библиотека ботанического сада – это большое книгохранилище, с полками, заставленными книгами до потолка. В конце зала – дверь на балкон. Решетка балкона обвита чайной розой. Хотя конец сентября, роза в полном цвету. Ствол толщиной в руку поднимается на второй этаж. С балкона открывается поразительно красивый вид на море. Тепло. Я люблю море, уходящим за горизонт. Дует ветер, принося запах моря, смешанный с тонким ароматом розы. А в книгохранилище темно и неуютно.

Фасад дома Татаринова. Дирекция Батумского ботанического сада. Толстый ствол розы поднимается на второй этаж, обвивая балкон.

xxx

В октябре мама вернулась из отпуска. Я стала работать садоводом в отделе интродукции, в семенной лаборатории. Под началом научного сотрудника Ашота Багратовича Матиняна.

Отдел интродукции, то есть введения новых растений в коллекцию ботанического сада, находится в здании дачи Баратова. После советизации Грузии имения Татаринова и Баратова, как и все остальные, были экспропрированы. Дача Татаринова в верхнем парке – отошла ботаническому саду. Дача Баратова стала домом отдыха государственных деятелей. В народе ее называли Бериевской. После смерти Сталина ее присоединили к ботаническому саду.

Теперь это «нижний парк», а здание дачи называется «отдел интродукции». Оно расположено прямо над зеленомысской скалой. По коньку холма поднимается широкая тропинка, окруженная деревьями и кустарниками. Слева море, справа темное ущелье, в котором проложена железная дорога. Там у входа в тоннель видна станция Зеленый мыс.

xxx

Дача Баратова – мрачное здание фасадом к морю, со многими темными комнатами, с большой застекленной верандой. С задней стороны небольшой внутренний дворик используется под склад удобрений, инвентаря. Винтовая лестница ведет на крышу, где большая зацементированная площадка – солярий.

Внутренний дворик огорожен прозрачным

бамбуковым забором. Рядом с выходом маленькая, в одну комнату, деревянная избушка. В ней живут бывшие охранники: муж и жена, Томас и Шушаник. Теперь они сторожа.

В большой центральной комнате два больших окна выходят в сад, на красивую, выщербленную, поросшую мхами, лестницу к морю.

xxx

В комнате, где я работаю, рядами стоят столы – рабочие места научных сотрудников. Там и мой стол. В центре комнаты у задней стены – камин. Он не используется по назначению. На каминной полке прелестная мраморная статуя обнаженной девушки, склонившей головку. Зимой там ставят маленькую временную печурку, а длинную трубу выводят в дымоход камина. Из каминной выход в небольшую комнату с эркером, откуда открывается вид на темное ущелье Зеленого мыса. Это кабинет заведующего отделом интродукции Георгия Авденаговича Габричидзе. Кроме него, научных сотрудников двое: Ашот Багратович Матинян – мой начальник (он занимается интродукцией северо-американских растений), и Галина Алексеевна Морозова – специалист по восточноазиатским видам.

xxx

Главное мое занятие – это сбор, чистка и рассылка семян в различные ботанические сады. Не только Советского Союза, но и всего мира. Существует обменная служба между ботаническими садами. Для этого ботанические сады издадут делектус – список семян. Он рассылается коллегам. Сотрудники в делектусе отмечают названия растений, семена которых им нужны. Потом делектус отправляют обратно. В наш сад присылают семена и мы в свою очередь, рассылаем свои в разные города и страны.

Когда я впервые вошла на застекленную веранду – обомлела. На больших противнях лежали собранные семена, шишки. Яркие плоды, семена разнообразной формы и цвета образовывали замечательную мозаику.

xxx

Я читала в газетах о социалистическом соревновании и хотела быть передовой. Но вскоре забыла о своем порыве. Да и с кем соревноваться? Ашот Багратович средних лет, среднего роста, всегда в темной одежде. На

строгом лице небольшие усики. Говорит он немного в нос, называет меня «деточка». Спокойный, никуда не спешит.

В семенной лаборатории работает верхолаз Трифон Уплисович. Низенький пожилой мужчина ловко забирается на самые высокие деревья и с помощью сучкореза срезает ветви с плодами. А я стою внизу, собираю в мешки плоды. Потом мы несем свои сборы через весь сад в семенную лабораторию, раскладываем на противни, сушим. Чистим семена. Когда идут сильные дожди, особенно в октябре, рабочие отдела не заняты на садовых работах. Они приходят в семенную лабораторию, помогают с семенами. Это несколько бедно одетых женщин. В основном русские, приехавшие с севера по совету своих знакомых или родственников. После войны с одеждой плохо, а на юге тепло. Платят им очень мало – еле хватает на жизнь. Через некоторое время эти люди уезжают на новые места. А на смену приезжают другие. В течение пяти лет, что я работала в саду, рабочие сменялись несколько раз.

Мои сотрудники

Галина Алексеевна – невысокая, сухопарая, пожилая. Она большой знаток растений, работает в ботаническом саду очень давно, с конца двадцатых годов, когда она приехала сюда после окончания института в Краснодаре. Работала вместе с Гинкулом, одним из известных интродукторов. Его могила находится недалеко от японского садика на территории сада. У Галины Алексеевны очень звонкий голос. Она считает себя всезнающей.

1954г. Бтумский ботанический сад. В центре Галина Алексеевна Морозова.

Заведующий отделом Георгий Авденагович кажется мне карикатурной личностью. Он много ниже среднего роста. Занимается декоративными растениями. Написал кандидатскую диссертацию и не смог защитить. Теперь пытается снова. Галина Алексеевна его не уважает и в нашем присутствии может назвать дураком. Она постоянно задевает его, хочет показать свое превосходство. Я была свидетельницей, как Гоги, как часто запросто зовут Георгия Авденаговича по грузинской традиции, в ответ на выпады Галины Алексеевны кричал и комически топал ногами. Ашот Багратович во время этих стычек сохраняет спокойствие.

Все трое живут в Батуми и приезжают на работу утренним поездом. Я, поднимаясь Зеленого мыса на холм, слышу, как внизу, в ущелье подходит пригородный поезд на платформу Зеленый мыс. Сотрудники по тропинке тянутся вверх. Если льет дождь, Гоги под большим черным зонтом кажется смешным карликом.

Из-за нападок Галины Алексеевны на Георгия Авденаговича я тоже считала его недалеким. Прошло много лет. С 1984 года я снова работала в Батумском ботаническом саду. Георгий Авденагович, казалось, совсем не изменился. Но когда мои родственники, тетя Майя и ее сын Олег, писали на меня жалобы, которые разбирались на ученом совете ботанического сада, Георгий Авденагович вместе с несколькими старыми сотрудниками выступал в мою защиту. Он создал несколько красивых парков в Аджарии, в том числе в своем родном селе и на БНЗ. В ботаническом саду приморский парк, разбитый по его проекту, теперь очень красиво смотрится.

Галина Алексеевна проявляла свой нетерпимый характер не только по отношению к Георгию Авденаговичу. Старалась и мне делать замечания. Только то, что моим начальником был Ашот Багратович, умеряло ее пыл и спасало постоянной критики.

Ххх

Стояли тихие, чудесные дни, какие бывают в октябре. Зрели плоды. Осенние краски только-только начинали вступать в свои права. Тонко и сладко пахли букетики мелких цветков в темных кронах маслины душистой. В японском прудике отражались пламенеющие листья клена. Природа затихла на осеннем нежарком солнце. Я оказалась в огромном и прекрасном саду.

По ботаническому саду

Ботанический сад находится на вершине приморского холма. Над скалой холм прорезан ущельями.

Чтобы попасть в географические отделы, созданные А.Н. Красновым, нужно подняться на холм и пройти сначала нижний парк, затем верхний, где находится дирекция. Из здания дирекции ведут затененные большими деревьями параллельные дорожки. Между ними на террасах высокие деревья разных пород. Главная дорожка выходит на центральную, асфальтированную широкую дорогу, пересекающую ботанический сад по главному холму. На пути встретится двухэтажное здание. На первом его этаже – магазин. Там

раньше был небольшой клуб, в котором я в самом раннем детстве была на елке. Одно из первых воспоминаний. Теперь клуба нет. От главной дороги вниз от холма ответвляются более мелкие тропинки, ведущие в географические отделы. У магазина начинается истинная территория ботанического сада. Первый отдел – новозеландский, за ним – австралийский, с пышными высокими эвкалиптами. Маленькое здание метеорологической станции. Там работает дядя Вася Щепетов (Василий Александрович), муж тети Кати, наш сосед. Он каждый день ходит делать наблюдения. В ливень, в старом парусиновом плаще до пят он выглядит весьма комично. Когда по пути заглядывает к маме в книгохранилище, с него стекают потоки воды.

За метеорологической станцией – оранжерея, созданная при Краснове. Ее отличают от других, построенных позже. Это красивое на два крыла тепличное здание с лесенкой. Вход обвит лианой бигнонией кошачьи лапки с цепляющимися листьями. Впереди высится холм гималайского отдела. На его вершине в середине тридцатых годов было построено Г-образное двухэтажное здание для сотрудников ботанического сада. На первом этаже начальная школа, в которой преподает белокурая Шурочка Панова. Рядом – детский сад, им заведует Тамара Петровна вместе со своей мамой. Без ноги, которую она потеряла во время войны, Тамара Петровна еле передвигается. Ее близнецы подросли, уехали учиться.

Далее дорога опять разветвляется, огибая холм. На крутом, почти отвесном южном склоне – самый интересный и богатый растительностью восточноазиатский отдел. На террасах расположены японские садики. Выше крутыми дорожками идет подъем на приморский холм, откуда снова открывается вид моря. С левой стороны спуск в темную Орегонскую балку. Это североамериканский отдел. По вершине холма большая аллея лаусоновых кипарисов ведет к могиле основателя сада А.Н. Краснова. Отсюда вниз – мексиканская горка с кактусами и агавами. И снова спускаемся по очень крутой лестнице мимо сосен Монтецумы в

заболоченную долину, мимо ликвидамбров и североамериканских дубов. У платформы «Ботанический сад» можно сесть на пригородный поезд. Главная дорога идет далее в Чакву.

Обход сада занимает несколько часов. Территория ботанического сада – более 100 гектаров. Другого такого дендрария на Черноморском побережье нет. И я оказалась в этом парке! Ходить здесь каждый день, собирать плоды и семена, любоваться видами и отдельными деревьями – тут не до грусти!

Мне хотелось узнать, как называются разные растения – ведь теперь я была обязана знать.

xxx

Мы с Трифоном поднимались к дирекции, потом шли по центральной дороге, углублялись в географические отделы, собирали плоды.

В теплый осенний день в североамериканском отделе собираем желуди. Американские дубы очень красивые. Есть с ярко-красными листьями. Желуди у них коричневые, круглые, с большой плюской-шапочкой. Они вместе с листьями падают на землю, шуршат под ногами. Место безлюдное. Неожиданно к нам подходит, как мне тогда показалось, старичок. Все, кому было за сорок, мне казались старичками. Худощавый, светловолосый, несколько шепелявый. Разговорились. Он спросил меня, кто я такая. Я гордо ответила: «Я ботанический Растиньяк». Это под влиянием прочитанной «Человеческой комедии» Бальзака. «Старичок» усмехнулся и заинтересовался.

Удивительным образом эти слова оказались в какой-то степени пророческими. В будущем я стала ботаником.

Андрей Алексеевич Яценко-Хмелевский был известный древесиновед, анатом растений. Приехал в командировку из Тбилиси, где работал в фармацевтическом институте. В течение жизни я нередко с ним встречалась, годы спустя вплоть до его смерти переписывалась.

xxx

Красота ботанического сада меня очаровала. Та первая осень в саду запомнилась яркими плодами кудрании, земляничного дерева, пестрыми – кизила головчатого, сиреневыми ягодами-бусинами калликарпы, стройными зелеными соломинами бамбуков... Но я была не уверена в себе. А так хотелось состояться!

Главное, что я понимала – мне необходимо образование. Узнала, что на базе пушно-мехового института в Балашихе, Московской области организован сельскохозяйственный институт заочного образования. Меня туда могут зачислить с отметками, полученными на вступительных экзаменах в ветеринарную академию. Это меня вдохновило. Я послала документы и сразу же была зачислена. Еще не успела написать до конца контрольные работы - пришел вызов на сессию. Так началась моя учеба. Шесть сессий я прошла за пять лет и в шестидесятом году окончила институт. Это событие совпало с моим замужеством.

Все пять лет работы в ботаническом саду были одновременно и годами учебы.

Я учила названия растений по-латыни. Заучивала и семейство, к которому относится то или иное растение. Вернее, зубрила, не зная всей стройной системы растительного мира.

Андрей Алексеевич Яценко-Хмелевский часто гостил у нас. Он относился ко мне по-отечески. Однажды, когда мы сидели на наших семейных скамейках, он настоятельно советовал узнать глубже систематику растений. Например, он, написавший фундаментальный труд «Древесины Кавказа», сожалеет, что не знает, сколько тычинок у цветков бука. И показал на наш бук на конце площадки. Но мне тогда казалась что систематика доступна только избранным.

– Если вы будете читать ботаническую литературу с таким же интересом, как художественную, из вас получится ботаник, – продолжал наставлять меня Андрей Алексеевич.

Но систематика растений, которая для меня теперь так интересна, которую я довольно хорошо знаю, (читала курс в университете, и в самом деле часто предпочитаю книги на эту тему литературным произведениям), в те далекие времена была чем-то особенным, недоступным. Я решила узнать все растения ботанического сада. Стала собирать гербарий. Это мне позволило через год сдать экзамен на экскурсовода. Настоящих преподавателей ботаники у меня не было. В институте я училась формально. Там преподавали сельское хозяйство для средней полосы России.

Я – типичная самоучка. Ботанический сад был благодатным материалом. В нем я и стала ботаником. Это моя *Alma mater*.

xxx

Что касается литературы, то она, как и раньше, доставляла мне огромное удовольствие. В то время стали выходить журналы «Юность», «Иностранная литература». Я ждала каждого выпуска. На Зеленом мысу в книжном киоске сидела моя ровесница. Я шла после работы вниз, выходила из нижнего парка к платформе Зеленый мыс и останавливалась у ларька. Книжки были очень дешевые. Моя приятельница откладывала для меня самое интересное. Таким образом я собрала неплохую библиотечку.

xxx

Ашот Багратович строго следил за дисциплиной. Он был председателем местного комитета. Главное – вовремя придти на работу, не опоздать. Сама же работа была несложная. С Ашотом я сработалась. Кроме занятий с семенами, мы с ним ходили на питомник.

Он находился в центре ботанического сада, на одном из склонов. Террасы с грядками, расположенные параллельными рядами поднимаются на холм к большой чилийской араукарии, ветви которой напоминают чешуйчатых змей. Под араукарией в бассейне с водой для полива плавают тритоны. При входе в питомник, отгороженный красивой бамбуковой сеткой, стоит небольшая теплица для проращивания семян. Сеют в большие площадки. Тепличка обогревается маленькой печуркой. Я люблю ходить сюда с

Ашотом. Он ведет наблюдения, а я в это время пропалываю грядки. Или мы сеем семена. Все тихо и мирно. Зимой тут цветет мимоза. Распространяется аромат полудиких нарциссов. Низкое солнце прячется за гору, мы возвращаемся, долго идем среди высоких деревьев.

Маша Овчинникова

В питомнике работает Маша Овчинникова. Она старше меня на год, среднего роста, очень чистоплотная, с невыразительным лицом, на котором выделяются толстые губы. Маша приехала в ботанический сад из села Красного Воронежской области. После войны там голодно. Но и в ботаническом саду рабочие получают минимальную зарплату 40 рублей. Хлеб, чай без заварки. Маша живет на даче Ратишвили. Она занимает одну из коек в огромном зале на первом этаже, занятом под общежитие. Этот большой зал в свое время был предназначен для приемов, танцев, возможно балов. Коек не менее двадцати. Многие девушки живут весело. Совсем недалеко, на вершине горы находится военная часть при батарее, которая осталась после войны. Солдаты вечерами спускаются вниз, в общежитие. Иногда остаются на ночь. Некоторые девушки выходят замуж. Например, неказистая Валя, тоже рабочая, пользовалась большим успехом. Вскоре вышла удачно замуж и уехала.

Я с Машей Овчинниковой

Маша любит странно шутить, рассказывать что-то вроде похабных анекдотов, присказок. В ее устах это звучит нелепо. По дороге она иногда заходит к нам домой, как на Зеленом мысу исстари водится. Пообщается, посидит. И надолго осталась в добрых отношениях со мной, мамой, с теткой.

xxx

Парк дачи Баратова – темный, густой. На террасах растут высокие кипарисы, кипарисовики, сосны и ели. А вдоль дорожек – аллеи цветущей камелии. Особенно красиво это смотрится зимой, во время снегопада. Шапки снега скатываются по гладким листьям камелии, цветки маленькими тарелочками падают на снег, образуя пестрый ковер.

Зимой в солнечную погоду море тихое. На голых ветках каштанов на побережье сидят большие бакланы. Я поднимаюсь в солярий. Кроны деревьев дотягиваются и туда, и кажется, что ты находишься на их вершинах. Сквозь их силуэты просматривается море.

Когда я иду по дороге вверх от дачи Баратова к дирекции, обязательно останавливаюсь у обрыва к морю, где внизу выход из тоннеля. Крутой, почти вертикальный склон весь зарос мощной лианой позарарией. Но главное – море. В тихую погоду оно такое прозрачное, что с высоты видны подводные камни. А в шторм серо-черные волны с белыми гребешками разбиваются о берег. Когда я поднимаюсь выше, море все время манит, хочется смотреть и смотреть на него.

Зимой в солнечные дни я люблю бродить по нижнему парку, по зарастающим дорожкам, обрамленным старыми деревьями. Некоторые дорожки над обрывами Зеленого мыса пришли в негодность, и ходить по ним опасно - можно упасть в пропасть. Ветхая лесенка ведет в маленькую бухточку за зеленомысской скалой. Туда можно спуститься по очень узкому ущелью, где всегда темно и сыро. Бухточку со всех сторон окружают скалы и обрывы. Во время штормов волны заливают весь берег, колотятся о скалы.

Бухту эту называют мертвой.

Забегая вперед. 1986 год. Перебежчик

Солнце в мертвую бухту сюда почти не проникает. Раньше на небольшой пляж, окружающий бухту, спускалась почти вертикальная лестница. Но со временем она пришла в упадок, спуститься в бухту по очень крутой тропинке стало трудно. Это почти недоступное место вызывает любопытство. Говорят, и не без оснований, что ее избрали для себя самоубийцы. Я как-то раз видела, как группа милиционеров извлекала тело одного такого бедняги.

Черноморское побережье вокруг Батуми – строго охраняемая зона. Рядом граница с Турцией. После 10 вечера на пляж спускаться запрещено. Как только тьма быстро и резко падает на холмы – море начинают прочерчивать сильные световые потоки прожекторов. Прочесывают побережье. На Зеленом мысу, у железнодорожной станции, находится пограничный пост. Пограничники совершают регулярные обходы. Но желание попасть за границу сильнее всякого страха. Небольшой самолет,

курсировавший между Сухуми и Батуми в середине 70-х годов, был захвачен литовцем и угнан в Турцию. Стюардесса Курченко была убита. Время от времени просачиваются слухи о хитроумных нарушениях границы, о длинных тоннелях, прорубленных в горах. Бывают и трагикомедии.

Очередной потенциальный перебежчик родом из Сочи долго, неправедными и трудными путями добывал доллары. Разжился он и хорошим, дорогим и дефицитным водолазным костюмом. Боялся замерзнуть. Дело происходило осенью, когда курортный сезон закончился, море похолодало. Перебежчик не хотел привлекать внимание. И это ему вполне удалось. Решил отплыть в дальнюю буржуазную Турцию из мертвой бухты. Наступил день отплытия. Сочинец был отменным пловцом и, как ему казалось, хорошо подготовился. Он знал, что от Батуми до Турции всего 10 километров, а из мертвой бухты до Батуми тоже 10. Всего 20. Учитывая, что некоторые пловцы переплывали расстояние от Батуми до Поти более 40 километров, он был уверен, что достигнет желанной границы.

Темным вечером он беспрепятственно проник в бухту. Никто его не заметил. Там он надел на себя водолазный костюм, облепив свое тело долларовыми бумажками. Костюм надежно защищал драгоценные бумажки – в советской стране опасные и криминальные, а на той стороне жизненно необходимые.

Первые километры пловец преодолел бодро. Сполохи прожекторов его не обнаружили. В середине батумской бухты стояли большие наливные суда, куда откачивали нефть с батумского нефтеперегонного завода. Перебежчик удачно прятался за судами, а затем стал огибать батумский мыс. Он плыл и плыл несколько часов, и ему казалось, что ярко освещенное побережье, мимо которого он плывет, уже должно быть на территории Турции. Увы, он не учел, что мощное течение горной реки Чорох, впадающей в море за городом Батуми, препятствует передвижению. И течение его относило на исходные позиции. Но он этого не знал... Уверенный в том, что он выходит на турецкий берег, наш горе-перебежчик вышел прямо к очередной

пограничной заставе у самой границы Турции. Что было дальше с этим, далеко не советским человеком – история умалчивает. Пограничников, которые встретили пловца, наградили. Зеленомысским пограничникам, наоборот, был объявлен выговор.

Георгий Данелия в книге «Безбилетный пассажир» в рассказе «Манана Мегрелидзе» пишет без указания даты: «Студент Тбилисского университета Резо Мхеидзе решил бежать из Советского Союза. Он поехал в Батуми, изучил маршруты кораблей, вошел в море и поплыл. Проплыл около тридцати километров и стал ждать. Появился итальянский танкер. Резо начал кричать и размахивать руками. Его увидели, подняли на борт. Резо попросил у капитана танкера политического убежища. Капитан вызвал пограничников. Резо арестовали».

С горы Фриде, самой высокой точки ботанического сада, батумская бухта внизу видна как на ладони. После ливня за батумским мысом видна темно-коричневая линия мощного течения Чороха. Она уходит на несколько километров в сторону Поти. Пловцам до Поти эти потоки воды вместе с попутным ветром помогали преодолевать большое морское пространство. А врагам Советского Союза они, как и положено, препятствовали. Но в далекое, мифическое время, когда о Советском Союзе не было ни слуху, ни духу, коварный Язон с не менее коварной Медеей похитил сына царя колхов Ээта и брата Медеи – Абсирса. И помчался в сторону Малой Азии, а затем и Греции – тем же путем что и наш неудачливый пловец. Корабль аргонавтов Арго относило течение. Царь догонял греков. И тут Язон совершил святотатство. Убил мальчика, разрезал на куски его тело и бросил в воды батумской бухты. Знал, что делал. Отцу необходимо было получить останки и предать погребению. Ээт стал вылавливать тело. Язону вместе с Медеей и героями Греции удалось уйти от погони, вернуться на родину. За Батуми много веков стоял храм Абсирса. С годами он был поглощен буйной субтропической растительностью.

Томас и Шушаник

Томас и Шушаник – неотъемлемая часть дачи Баратова. Трудно сказать, сколько им было лет в то время, но в моем понимании они были старыми. Выглядели очень пожилыми. Темный и мрачный Томас ухаживал за мандаринами. А Шушаник работала уборщицей. Низкого роста, с низко повязанным платком на очень худом и морщинистом бледном лице, она производила впечатление не только старого, но и очень больного человека. По-русски она знала плохо. Писать не умела. С Томасом говорила по-армянски. У избышки жила злая дворняжка. Экскурсанты, начиная свое большое путешествие по ботаническому саду, раскинувшемуся на территории больше 100 гектаров, поднимались к даче Баратова и проходили мимо прозрачного бамбукового забора, не подозревая, какие опасности их подстерегают. Шушаник, вспоминая старые, бериевские времена, выскакивала вместе с дворняжкой за забор и кричала что есть сил на проходящих. Дворняжка остервенело, под стать Шушаник, бросалась на нарядных курортников. Хотя эти несчастные, заплатившие за вход, ни в чем не провинились.

Пожилая чета армян не имела родственников. Им, жителям Артвина, в 1915 году, во время резни, удалось бежать. Сначала прятались в лесах, потом на плотках по Чороху добрались до Батуми. А Чорох – полноводная, опасная река. Но Шушаник об этом рассказывала невнятно. Плохо знала по-русски. Да и по-армянски и по-грузински ее странную речь понять было трудно. Изредка рассказывала, что здесь отдыхал Берия и еще какие-то советские знаменитости. Тогда на ее лице разливалась почтительность приятного воспоминания. Разобрать фамилии, которые она произносила, было невозможно. При входе на дачу позже была установлена мемориальная доска в честь одного из гостей – Георгия Димитрова.

Иногда, когда я задерживалась на работе, чтобы написать контрольные, Шушаник просила под ее диктовку написать письмо знакомым. Знакомые – это бывшие рабочие ботанического сада, уехавшие в другие края. Шушаник мне диктовала письмо, потом собирала посылку и отправляла знакомым. В

ответ те ей также присылали гостинцы. Нужно же хоть о ком-то заботиться. В благодарность Шушаник изредка гадала мне на кофейной гуще. Она обладала даром предвидения. К моему удивлению, несколько раз ее гадания поразительно сбывались.

xxx

В 1963 году, три года спустя после моего отъезда с Зеленого мыса, я ждала второго ребенка. Приехала к маме. Дома у нас отдыхала жена моего брата Саши Твалчрелидзе – Тамара. Она, жительница города Тбилиси, была очень падка до гаданий. А я распелась о гадалке Шушаник. Мне хотелось знать – кто у меня родится. УЗИ тогда нам и не снилось. Тамара сразу же клюнула. Ей тоже хотелось заглянуть в будущее. Мы пошли на Зеленый мыс, по наводке Тамары купили для Шушаник китайские полотенца в курортном ларьке. Шушаник мне очень обрадовалась. Сварила кофе, и долго рассматривала выпитые и по-особому откинутые чашки. Жидкость слилась, и обозначился рисунок на дне. Шушаник, глядя в чашку, сказала мне, что у меня родится сын. Потом взяла чашку Тамары, посмотрела и говорит: «Уйди, ты черный человек!». Действительно, Тамара оказалась очень черным человеком. Выгнала меня из родного дома. Но это случилось много лет спустя.

xxx

Я поднималась в здание дирекции с упакованными семенами. В саду был почтальон – веселый Тимоша, сменивший парикмахерскую на почту.

Бывший особняк Татарина, а ныне дирекция ботанического сада – белое здание в мавританском стиле. На фронтоне перед входом дата постройки: 1902 год.

На второй этаж поднимается ствол чайной розы, а с противоположной дом обвивает глициния, особенно красивая в мае, когда гирляндами свешиваются длинные сиреневые соцветия с дивным ароматом.

На первом этаже – отдел биохимии. Там занимаются эфирными маслами, выделяемыми из камелии масличной, эвкалипта. Оттуда постоянно

доносится характерный стойкий запах эвгенола. У Всеволода Владимировича Ангельского, заведующего отделом биохимии, вид диковатый. Густая волнистая борода сливается с седеющей волнистой шевелюрой. Из середины выглядывают блекло-синие глаза. На голом теле неопрятный халат. Лаборантам он не доверяет. Все делает сам. Вечно занят, суетится, в лаборатории задерживается до поздней ночи. Говорит скороговоркой, всегда спешит.

На втором этаже канцелярия, кабинет директора, гербарий, бухгалтерия и библиотека.

Рядом с книгохранилищем, в котором работает мама, находится кабинет директора. Это большой зал с лепниной на потолке и на камине. Огромная столешница и большое кожаное кресло с высокой спинкой времен Татаринова. В нем постоянно сидит директор Манджавидзе Давид Владимирович. Приятные благородные черты, весь облик поражают миловидной благопристойностью. Перед кабинетом – канцелярия. За высокой стойкой строчит на пишущей машинке строгая дама с хорошими манерами: Галина Ивановна Лаппа-Стерженецкая. Я отдаю ей упакованные, с адресами пакеты. На углу здания выдается вперед фонариком маленькая комната, почти пустая. Оттуда вид на море во все стороны особенно хорош.

Противоположное крыло занято под гербарий. Выходит на юг, хорошо прогревается. До потолка тянутся шкафы с гербарием. Заведует им Александра Алексеевна Дмитриева. Крошечная, хрупкая, беловолосая старая дева, она фанатически предана своему делу. Мама моя относится к ботаническому саду, ко всему, что касается ботаники, с трепетом. Она особо выделяет Александру Алексеевну, уважает ее и даже боится. Александра Алексеевна в ее понимании – высшее существо. Она в свое время в Средней Азии сотрудничала с самим Михаилом Григорьевичем Поповым – знаменитым ботаником. Некоторое время он работал и в Батумском ботаническом саду. Но был уволен. Александра Алексеевна во время войны удочерила сироту Гусю, мою ровесницу.

xxx

Рядом бухгалтерия. Там обитает стареющая жеманная Галина Милентьевна, старожил сада. Бывшая любовница бывшего директора Георгия Мхеидзе. Рассказывают – человека образованного, светского и большого жизнелюба. О нем часто вспоминают с большим уважением.

В ботаническом саду царит почти семейная обстановка. Раньше, до поступления на работу, когда я бывала у мамы, всех ее сотрудников звала то тетя Шура (Дмитриеву), то тетя Галя (Галину Милентьевну). Теперь же пришлось переучиваться.

xxx

Во второй половине дня, особенно в дождь, сотрудники любят зайти в библиотеку. Складывают в угол зонты, с которых обильно стекает вода, снимают плащи.

На столах лежат подшивки газет. Садятся, листают. Арчил Нестерович Татаришвили – парторг. Красивый, среднего роста грузин. Был ранен на войне в руку. Теперь, листая газеты, он берет их словно клешней.

Большинство сотрудников живут в доме в центре сада. Работают в саду давно, многие – с довоенного времени.

xxx

В 1955 году через Батуми ехали в Армению репатрианты. Были среди них и музыканты. Пока ждали оформления документов, играли на бузуке в кафе в центре города. Весь город ходил слушать. Трогательные, грустные, берущие за сердце мелодии.

Волна хрущевской оттепели слабой струйкой добралась и до ботанического сада, когда с юга Франции на Зеленый мыс в поисках пропавшего сына приехала Валентина Азанчеева с мужем. О своей судьбе она не распространялась. Невысокая, сухонькая и восторженная, Валентина несколько раз бывала в нашем доме. Прекрасный садовод, рукодельница, она из Франции привезла чайот: мексиканский огурец. Эта ценнейшая культура

стала быстро распространяться в Аджарии на приусадебных участках, а потом и по всему черноморскому побережью.

Так как я училась на плодоовощном отделении сельскохозяйственного института, то первая моя маленькая работа, опубликованная в журнале «Сад и огород», была посвящена чайоту.

Азанчеева сына не нашла. Не нашла она приюта и в ботаническом саду. Пришлось уехать. До своей смерти работала под городом Поти в питомнике. Выращивала цветы. В те времена существовали питомники от крупных учреждений центра: Москвы, Ленинграда. Так и называли; «Московский питомник». Там выращивали в основном пальмы. В восьмидесятых годах питомники перестали поддерживать.

xxx

Среди сотрудников отдела интродукции был и Вахтанг Баланчивадзе – брат знаменитого балетмейстера Баланчина, проживавшего в Америке и переделавшего свою грузинскую фамилию на иностранный лад. Когда сейчас я слышу эту фамилию, сразу вспоминаю важно-напыщенного Баланчивадзе. Низкий, коренастый, с широким лицом и неизменными усиками, с маленьким лбом. Говорил он по-русски не очень четко. Занимался флорой Новой Зеландии.

Его красивая высокая, «тонная» жена заходила к маме в библиотеку. Мама говорила, что у нее есть английская кровь, потому что подбородок аристократически скошен. Долго перебирала журналы. Томила бездельем. Проживала в основном в Тбилиси, но числилась на какой-то должности в ботаническом саду.

xxx

В это тихое учреждение вести о политических событиях, происходивших где-то в столицах – в Тбилиси, в Москве, добирались не сразу. В начале 1955 года к нам проникли слухи о студенческих волнениях в Тбилиси, о том, что митинг студентов, преданных памяти Сталина, был разогнан танками, есть жертвы. Говорили, из Гори на открытой машине в

Тбилиси приехали артисты, одетые под Сталина и Ленина. Их встречали с восторгом.

Недавно об этом я прочла в байках Георгия Данелия.

Волнения в самом деле были. Кровь пролилась. Советская власть не шутила.

Мне, комсомолке, хорошо читающей по-русски, поручили вслух прочесть речь и постановление Никиты Хрущева о культе личности партийным работникам и комсомольцам. Постановление большое. Преступлений много. Текст за давностью лет забылся. Но читать было трудно. В зале, где передо мной сидели грузины, всю жизнь верующие в вождя, стояла гробовая тишина. Да все ли верили сидящие в темном зале? Были ли растеряны? Как они гордились им – грузином, генералиссимусом. Совсем недавно ему было 70 лет, и слава его гремела. *Sic transit gloria mundi*.

Однако оказалось, эта слава прошла не совсем.

xxx

Теперь, анализируя тот период в моей жизни, я удивляюсь, почему осталась на Зеленом мысу, а не перевелась на очное отделение в Тимирязевскую академию или в Тбилисский сельскохозяйственный институт. Действительно, этому нет объяснения. Человек я активный. Но в то время, срезавшись на экзаменах при поступлении, потерпев фиаско с Женей, я решила сначала получить диплом о высшем образовании.

xxx

Жизнь моя разделилась на две части. Одна – зимняя сессия в Москве, другая – работа на Зеленом мысу, выполнение контрольных.

xxx

На Зеленом мысу друзей у меня нет.

Есть две приятельницы. Одна – Надя, которая сидит в маленькой будочке, в книжном киоске у станции Зеленый мыс.

Вторая – Оля Щепетова, падчерица нашей соседки тети Кати. Дочь дяди Васи. Я ее знаю с детства. Она немного старше меня. Красивая девушка,

работает в библиотеке санатория «Аджария». К этому времени санаторий ВЦСПС переименовали. Я к ней изредка захожу.

xxx

На работу я хожу, спускаясь на станцию Зеленый мыс привычными холмами. Но изредка, когда мне нужно попасть в дирекцию, поднимаюсь к чайному техникуму. Со времен моего детства, когда я с судками поднималась к тетке, здесь, кажется, ничего не изменилось. Только закрыли русское отделение. На даче Моат я уже не слышу задорного девичьего хохота. Тимоша уже не стрижет. Его парикмахерская забита досками. Как и раньше, я часто вижу задумчивую фигуру Александра Рожденовича Чиракадзе – преподавателя русского языка.

Человек он интеллигентный, гордится своей правильностью. Мама, встречаясь с ним, обязательно перекинется несколькими словами. У него двое взрослых детей, сын и дочь. Они уехали учиться в Тбилиси. Нана, дочь Александра Рожденовича, встретила с молодым человеком, который не только соблазнил ее, но и сманил ее брата на плохой путь. В результате оба попали в тюрьму, а беременная Нана приехала на Зеленый мыс и родила мальчика Тамазика. Об этом тихо рассказывала мама.

В соседней комнате живет молодая белокурая учительница Александра Владимировна Панова, Шурочка – так зовет ее мама. Она преподает в начальной школе.

Проходя мимо большого дома, я слышу в открытые окна, как она ведет урок. В одном классе сидят дети разного возраста – от первого до пятого класса.

Поездки в Батуми

Батуми для меня – отдельный, особый мир. Там течет своя жизнь.

Поездки в Батуми для отсылки семян и за город, в Кахабери, к энтомологу Евгению Ивановичу Степанову за сертификатом о том, что семена не заражены вредителями, были для меня маленьким праздником.

После того, как семена вычищены и просушены, их помещают в коробки. Я должна надписать по латыни на пакетике название растения, насыпать в пакетик семена, укомплектовать определенный заказ, упаковать его и отправить по назначению. Эта работа проводилась, как правило, зимой, после очередного сбора семян. Для отправки семян за границу требовался сертификат, который мне выдавал Степанов. Посылки отправлялись с центрального телеграфа в Батуми.

Я приурочивала эти поездки к хорошей погоде, когда после долгих дождей или снегопадов природа постепенно отогревалась, томилась в преддверии тепла. С Зеленого мыса в Батуми курсировали небольшие прогулочные катера. У большого причала толпились рыбаки. Катер долго шел до Батуми. Каждую поездку я воспринимала как праздник, возвращение в городской мир. По дороге любовалась бухтой, зеленью на берегах.

xxx

Иногда ехала в Батуми на автобусе. В то время с Зеленого мыса раз в час стали курсировать автобусы. Дорога сначала огибает холм крутыми поворотами, потом идет прямо, вдоль моря – рядом с железнодорожным полотном. За БНЗ из окна автобуса видна полоса прибоя. Вся поверхность воды – сплошной черной маслянистой мазут, отработанный заводом. Волны как бы нехотя, с трудом прибивают к берегу черную массу. Весь пляж в черном мазуте. Следующая станция – Барцхана. Это уже пригород.

Справа морской порт, слева товарная железнодорожная станция.

xxx

В Батуми идет совсем другая жизнь. Густонаселенные дворы, узкие улочки, старые здания. Большой базар. Там всегда шумно. Много зелени, овощей. Отдельные ряды с сырами, маслом, привезенными с гор. Хозяйки идут на рынок, как на спектакль: долго выбирают, пробуют, надменно критикуют сыр, овощи. Наконец покупают после долгой торговли, которая тоже часть спектакля. Особенно меня удручают хозяйки, покупающие курицу на забой. Еще в детстве, в Тбилиси, когда я с бабушкой ходила на

тбилисский базар, у меня эти сцены вызывали ужас. В Батуми то же самое: идет модная надменная кикелка, гордится покупкой, держит курицу со связанными ногами головой вниз. У нее будет самое свежее мясо. Она сварит сациви, все соседи будут ее уважать. А несчастная курица пытается поднять головку и опускает ее в бессилии, закатывает синие веки. И снова поднимает.

В рыбных рядах продают ставриду и мерланку. Зимой – хамсу в больших ведрах. Она блестит серебром, переливается на солнце.

Хамсы, (мелкой мойвы) зимой всегда много. Тогда она жирная. Город пропитан рыбным запахом. Рыбу жарят везде и едят с ткемали – кислой острой подливой из сливы.

На базаре можно купить и эту подливу. Кроме того, продают сунели. В переводе означает «запах». Это сушеные, растолченные в порошок травы. Вокруг витает пряный запах. Для каждого блюда – свой порошок.

Неподалеку ряды с кукурузной мукой для каши гоми и тяжелого кукурузного хлеба чады. Его пекут по старинке – на больших чугунных сковородках. Едят горячим, с сыром. Ряды табака, выращенного в горах. Листья тонко нарезаны и высушены. Выглядят как курчавые коричневые кучки.

Рядом с базаром, недалеко от морского порта, первые этажи двухэтажных, еще дореволюционных, домов заняты цехами по изготовлению железных печурок и медной посуды. Большие и маленькие своеобразной формы кастрюльки, которые подвешивают над огнем бухари. Бухари чем-то похож на камин. В горах готовят пищу над огнем бухари, греются. В медных цехах изготавливают и джезвы для кофе с длинными ручками. Тут же лудильные цехи. Медная посуда ядовитая. Лудят кастрюли, которые подвешиваются над бухари.

Рядом с цехами – маленькие кофейни. Раньше, говорят, была мечеть. Теперь ее нет. Есть старая турецкая кофейня, где по-особому варят кофе. Там обитают неторопливые мужчины, и только мужчины. А вот гадают на кофе преимущественно женщины. Хотя ни один уважающий себя житель Батуми

не откажется от гадания. Поэтому у каждого есть маленькие кофейные чашечки и джезва.

Рядом – цех по пошиву одеял. Двери распахнуты, видны женщины, которые на большом помосте стегают одеяла. Если погода хорошая, то прямо на улице, на асфальте рассыпана баранья шерсть. В руках у женщин длинные бамбуковые палки: они разбивают комочки шерсти, которая пойдет на пошив теплого шерстяного одеяла.

xxx

На берегу моря, у морского порта – сквер. На зеленой травке скамейки, столики. Тут всегда сидят старики. Неторопливо пьют кофе, играют в нарды. Летом в чесучовых легких кремовых пиджаках старого образца. Неторопливо перебирают четки.

xxx

В городе много праздно шатающейся молодежи. Молодые мужчины, модно одетые парни стоят в городе кучками, словно кариатиды, подпирающие колонны. Есть и настоящие кариатиды – у банка, построенного еще до революции.

Перпендикулярно друг к другу скрещиваются две главные улицы: Сталина и Ленина. На улице Сталина – книжный магазин. В витрине большая картина: «Утро нашей Родины». Сталин на рассвете в пшеничном поле.

По улице Сталина на тротуарах высажены деревья лавра благородного. Красивые горбатые мостики пересекают канавы. Во время ливней там бурлит вода. На улице Ленина разрослись камфарные лавры, посаженные еще до революции. Кроны сомкнулись. Здесь и летом, и зимой густая тень. В конце улицы Сталина – белые колонны у входа в пионерский парк. Там Комсомольское озеро. Бродить по узким улочкам, по батумскому бульвару я очень люблю. За прибойной полосой и высоким пляжем, куда тысячелетиями приносит гальку бурный Чорох, впадающий в море, разбит замечательный парк. Еще в начале века там посажены редкие деревья, роща бамбука. На этой большой территории расположен летний театр, построенный до войны.

При входе под потолком поражают деревянные украшения в виде сетки.

Потолок расписан: голубое небо, розовые цветы.

Рядом с театром колонны, напоминающие греческие.

Вечером на бульваре начинается гулянье. Но вечерами я там не бываю.

xxx

В 1956 году у нас гостили мои друзья, студентки московского университета: Лена Гончарова, Наташа Эйгес, Элла Иофе, Люся Чирижанова.

1956г. Кампания друзей из Москвы. Слева направо: Джемал Беридзе, Люся Черезжанова, Наташа Эйгес, Эля Иофе. В верхнем ряду вторая Нина Авдшвили, я - Ая Мазуренко..

К нам домой приходили студенты из Тбилиси. Ансамбль «Опера». Студенты-музыканты должны были выступить в летнем театре. Но для нас почему-то билетов не нашлось. Был аншлаг. Наши знакомые просили нас подождать их и пока идет концерт погулять по бульвару. На

асфальтированной дорожке полно народу. Вечернее гулянье. Нарядная толпа идет густым потоком. Один поток справа, другой слева. Московские девочки отличаются, одеты не по местной моде, а по московской. Платья солнце-клевш. К Люсе Чирижановой стали приставать молодые грузины. Я, привыкшая на Зеленом мысу отшивать соседей в резкой форме, применила обычную тактику: «Отойди, не приставай!» Но здесь это не подействовало. Собралось несколько человек, и, несмотря на то, что вокруг толпа прогуливающихся, один из хулиганов со всей силы ударил меня по затылку. Повторяет. Променад, размеренный и спокойный, продолжается. Туда-сюда. Я понимаю – нас никто не защитит. Что делать? Говорю девочкам: «Нужно быстро выходить в город, к автобусам».

Между бульваром и улицами место темное – густая роща магнолий. Мы быстро пересекаем его. Галька под ногами мешает быстрой ходьбе. Группа хулиганов догоняет. И опять мне достается удар по затылку. Как только мы выбежали на улицу, то увидели мужчину с детской коляской. Подбежали. Он нас взял под защиту. Между коляской и спасителем дошли до автобусной остановки. Толпа хулиганов отстала. Подошел автобус на Зеленый мыс. Ребята из «Ореры» долго нас ждали. Хотели обидеться – даже не поняли, что произошло.

xxx

В Батуми у меня почти нет знакомых.

Изредка я заглядываю в темную комнату Нины Петровны Георгадзе. Она гостит у нас на Зеленом мысу и часто говорит, что хочет выбраться из Батуми на Зеленый мыс. Так оно и получилось. Перед тем, как я окончила институт, Нина Петровна обменяла свою комнату на комнату в ботаническом саду и устроилась в ботанический сад художницей.

Я – экскурсовод

Через год после поступления на работу я уже неплохо знала растения ботанического сада. Мне хотелось стать экскурсоводом. Смогу заработать. В семенной лаборатории у меня мизерная зарплата – 36 рублей. На эти деньги

ничего почти не купишь. А так как у нас вечное, вечное безденежье, то заработок в 60 рублей кажется мне верхом благополучия.

Я хлопочу перед Ашотом Багратовичем. Собирается представительная комиссия. Несколько научных сотрудников у большого эвкалипта под зданием дирекции принимают экзамен. Проверяют мою квалификацию. Так я стала водить экскурсии.

*Здание дирекции Батумского ботанического сада. Роза обвивает балкон второго этажа.
Мама на балконе. Вышла из темного книгохранилища.*

Экскурсанты собираются большими кучками у здания дирекции, я их веду через ботанический сад. Экскурсия заканчивается у памятника Краснову и занимает не менее полутора часов. Отдыхающих санаториев и домов отдыха сопровождает фотограф Джага или Жорик. В нескольких, самых красивых местах экскурсанты фотографируются. В японском отделе у грибка, на фоне больших пальм, располагаются в три ряда, Джага всех рассаживает. Ставит треногу. Накрывает себя черной накидкой. Прицеливается, нажимает на кнопку на шнурке.

Маршрут большой. Спуск в ущелье японского отдела, подъем в северо-американском, опять крутой спуск. Жаркое лето. Сильно парит. После

большого маршрута возвращаюсь на обед. В маленькой столовой уже пусто. Остается только пильзенское пиво. Пью пиво и под легким хмельком поднимаюсь вверх к дирекции. Там меня ждет новая экскурсия. Три, а иногда и четыре экскурсии в день полностью выматывают меня.

Батумский ботанический сад. Я экскурсовод.

Я стараюсь водить их по разным дорожкам, разными маршрутами. Но это не спасает положения. К концу лета я поняла: эта работа не по мне. Повторять одно и то же несколько раз на дню – ремесло. Неинтересно. Отказалась. В следующие годы я вместе с другими сотрудниками водила только тех, кто приезжал из круиза. Большие теплоходы курсировали из Батуми до Одессы. В круизах плавали иностранцы из демократических стран. Часто бывали чехи. Руководительница групп уже хорошо меня знала. Называла Дикой Барой. Был тогда в моде чехословацкий фильм о девушке с таким именем, с длинными косами. А у меня в ту пору были большие косы.

Поездки и экспедиции

Мне очень хотелось ездить в горы, на природу. Но я числилась в отделе интродукции и к природной флоре не имела отношения.

Поэтому в горы попадала изредка, с приезжими ботаниками.

Заведующего отделом интродукции Габричидзе сменил Цицвидзе Алексей Терентьевич. Чаще его по грузинской привычке звали Алеша. Рослый, с миловидным широким бледным лицом, он плохо говорил по-русски и ни разу не поинтересовался, чем я занимаюсь. После моего отъезда он стал изучать хвойные растения. В то время у меня была собрана солидная коллекция шишек, полный гербарий хвойных Черноморского побережья Кавказа. Позже, когда я его встречала на совещаниях, он мне вежливо улыбался. Но тогда я уже была москвичкой, известным ботаником.

xxx

Летом из Тбилиси приехали ботаники А.Долуханов и Г.Тумаджанов. Я хотела поехать с ними в горы, взяла отгул. Утром собирались у дирекции. Увидев меня среди отъезжающих, Цицвидзе возмутился, отказал мне в поездке. Аргументы были вескими. Если бы я отпросилась стирать или заниматься домашними делами – другое дело. Сотрудники ботанического сада должны заниматься проблемами только своего отдела. Это было непреложное правило!

xxx

По-другому ко мне относился Армен Георгиевич Долуханов – известный геоботаник. Приезжая в Батуми, он старался присоединить меня к своим поездкам в горы. Подолгу беседовал со мной, делился мыслями на равных. А позже писал мне письма в Магадан.

xxx

В 1955 году в ботаническом саду была запланирована экспедиция по Западной Грузии. Весь год тянули, не ехали. Но планы нужно выполнять, выделены средства. Наступил декабрь. Директор ботанического сада Давид Владимирович Манджавидзе наконец собрался возглавить экспедицию. В качестве ботаника едет А. Дмитриева, а я – как ее помощница.

Холодно. В окрестностях Кутаиси, под проливным дождем мы осматривали рощу уже безлистного дуба имеретинского. Сильно вымокли, замерзли и быстро уехали в Сухуми. Там остановились в роскошной

гостинице на берегу моря. Но тоже сыро, холодно. На бульваре огромные канарские финики. Ездили в Пицунду, на диковатый безлюдный мыс. Осматривали большую сосновую рощу. Долго искали арундо – реликтовый высокий злак. С трудом нашли. Опять вымокли. На обратном пути, на перевале нас засыпало снегом. Откапывались.

xxx

Вторая поездка на природу, более продуктивная, была с Александрой Алексеевной Дмитриевой, в Гонию. Тоже под проливным дождем, в мае. Переехали Чорох за Батумом и остановились у рабочей гонийского совхоза, в маленькой хибарке за крепостью. Ходили на экскурсии под дождем в сторону границы. Но до Сарпи – села, разделенного границей наполовину, не доходили. По дороге нас неоднократно останавливали пограничники. Они делали обход по берегу моря. На холмах цвела белыми кистями клекачка. Все растения были пропитаны влагой. Рабочая совхоза рассказывала страшные истории о перебежчиках. О том, как шпионы прячутся в больших чайных кустах. О том, как высокий пограничный чин, имея в Аджарии невесту, очень богатую, на обходе в Сарпи, у всех на глазах перешел на турецкую сторону и был таков. А невеста-учительница осталась не с чем. И все в таком духе.

У Дмитриевой был весьма своеобразный характер. Возможно, она была из старообрядцев, так как родом из Горьковской, то есть Новгородской области. Она всегда наотрез отказывалась есть чужое, а своей снедью делилась щедро. Но в Грузии, где хлебосолье широко распространено, ее поведение казалось странным.

xxx

Больше Дмитриева меня с собой не брала. Когда я написала свою первую научную статью о заносных растениях Аджарии, к моему удивлению Александра Алексеевна была против ее публикации.

Возможно, сыграла злую роль зависть. Ее приемная дочка Туся оказалась туповатой, заниматься ничем не хотела.

xxx

В верхнюю Аджарию, на Годердзский перевал в студенческие годы я так и не попала.

Но на Мтиралу ездила несколько раз. Видела буковый лес с густым подлеском из рододендронов. Привезла оттуда гербарий.

xxx

Андрей Алексеевич Яценко-Хмелевский время от времени приезжал в ботанический сад, бывал у нас.

В середине лета 1958 года он возглавил экспедицию фармакологического института. Сопровождали его сотрудницы, среди которых его ученица Алла Штромберг, молодой аспирант-поляк. Взял Андрей Алексеевич и меня.

Едем на Лебардэ. Это высокогорный курорт у горячих источников в верховьях реки Техури, притока Риона. Мингрелия. За Поти все домики деревянные, на сваях. Долина заболочена. На жарком солнце сильно парит. Перед каждым домом большая зеленая лужайка огорожена от свиней, которые толпами бродят по дорогам. У них деревянные треугольничко-ошейники на шее, чтобы не проникли за забор на зеленую лужайку двора. Свины поджарые, на длинных ногах, полудикие. Еще более диких свиней я увидела позже в Сванетии. Там поросята с полосками на спине.

Около домов – невысокие тутовые деревья с круглыми кронами. Листья размером с ладонь. Это особый сорт шелковицы, который дает большой урожай листьев. Здесь выращивают шелковичных червей.

Вдоль Техури одна деревня следует за другой. И в каждой на площади стоит памятник Сталину. Все памятники одинаковые, серые, Сталин в шинели до пят, рука заложена за борт. На многих домах висят черные, иногда уже выгоревшие на солнце транспаранты. На них имя покойника, умершего в этом доме. Большинство женщин ходит в черном.

Дорога набирает высоту. Еловый лес становится все гуще. Смотришь – далеко внизу, словно тонкая проволока, серебрится река. Дорога узкая,

скользкая. Льет дождь. Поляк вышел из машины. Пошел пешком. Боится. Говорит, что у него дети.

Курорт Лебардэ – это несколько лачуг у снежников и духан. Яценко – любитель застолий. Понимает толк в вине. Он надолго пропал в духане. Его сотрудницы за спиной сплетничают: говорят, что он всегда так.

У снежников раскинулись альпийские лужайки. Я пошла посмотреть на них, и под горой меня встретила большая узконосая собака. Долго смотрела, потом убежала. Мне показалось, что это волк.

Через день спустились вниз и поехали в Анаклию.

Пустынный морской берег у развалин гегуэзской крепости. Рядом маленький духан. Яценко опять засел на весь день. Дамы, тихо жалуясь, бродят в безделье.

Колхидские болота. Ольховники основаниями стволов погружены в воду. На кочках высокий, по пояс человеку, морской ситник. Тишина запустения.

Потом приехали в Поты. Я думала, оттуда до Батуми рукой подать. На любом теплоходе доберусь. Но никакого транспорта в ближайшие дни не предвиделось. А меня ждет строгий Ашот Багратович. Я – в слезы. Яценко досадует: «Неужели он будет вашим начальником всю жизнь?». Нет. Было много у меня потом начальников. Разных.

Милейший шофер на рассвете доставил меня в Супсу. Посадил в проходящий тбилисский поезд, и я вовремя успела на работу. Поднялась в солярий и заснула.

xxx

В ботанический сад приезжал из Сухуми известный специалист по субтропикам Пилипенко. С ним я ходила на экскурсии по паркам Аджарии. Он знал места, где росли редкие виды, показывал их, вместе со мной определял. Под мышкой у него всегда был толстый том Редера, где были перечислены основные экзотические растения с их характеристиками.

xxx

На практику приезжали студенты – молодые специалисты из ботанического института в Ленинграде, из ленинградского университета. Я подружилась с двумя ученицами известного дендролога Лыпы из Киева, По воскресным дням мы ездили в парки старых дач Цихис-дзири, Чаквы и Кобулету. Описывали деревья и кустарники, тогда еще росшие в старых парках. В настоящее время они исчезли – сохранились только записи о них.

xxx

Сбором шишек я занималась не только в Аджарии, но и по всему Черноморскому побережью. Ездила в Крым. Обследовала старые парки. Там были редкие виды, которых нет на южном побережье.

Несколько раз побывала в Сухуми и Гудаутах. У меня была одна из лучших коллекций шишек хвойных растений, которую я потом увезла в Москву, затем в Магадан, а оттуда снова привезла в Батуми. Хотела пристроить в надежном месте, где не разворуют. И никак не могла найти такое место. Но коллекция не пропала – теперь она находится в фондах биологического музея имени Тимирязева в Москве.

Я студентка.

В ботанический сад со студентами Ленинградского университета приезжала Ольга Алексеевна Муравьева, их преподаватель, знаток хвойных растений. Ей я показывала свою коллекцию. Она ее весьма высоко оценила.

Сестры

У нас в доме, как и раньше, живут тетка с подрастающим Олегом, мама и я.

Ни коровы, ни козы уже не заводили, домашний быт стал легче. Но безденежье угнетало. Ни мама, ни тетка не были бережливыми. Как только в маминых руках появлялись деньги, она их бездумно, не заботясь о завтрашнем дне, тратила – часто на мелочи.

xxx

Мама по-прежнему очаровательна, ей не дашь ее сорока лет.

Я очень любила маму. Хотела ей счастья. В семье часто подчеркивалось, что мамина жизнь неудачная, что она несчастна.

Действительно, Леонид Михайлович приезжал редко и тайно от своей семьи, обычно на несколько дней. Мама ездила к нему в Ленинград во время отпуска. Останавливалась в гостинице. Туда Леонид Михайлович не всегда мог улизнуть от семьи. Мама оказывалась на задворках. Мне так было обидно за нее!

Зимой 1955 года, когда она была в Ленинграде, у нее на челюсти образовалась опухоль. В поликлинике поставили диагноз – скоротечная саркома. Леонид Михайлович испугался, повел себя не очень пристойно. Мама поехала в Москву к Елене Ивановне Сороко. Елена Ивановна – кожный врач, которая часто наезжала на Зеленый мыс. У нее дача под Москвой, в Удельной. Она была замужем за сподвижником Трофима Лысенко, Халифманом. Толстая безапелляционная командирша, Елена Ивановна всегда восхваляла Лысенко. Это меня злило, я спорила.

xxx

Однако Елена Ивановна маме помогла. В Москве положила в больницу, опухоль вырезали. Сделали химиотерапию. На солнце бывать запретили.

Отношения с Леонидом Михайловичем продолжались.

xxx

Мне так хотелось, чтобы мама получила высшее образование! Тетка часто подчеркивала: она – с высшим образованием, «великий врач». А у мамы диплома нет. Тогда вспоминалось, что мама знает три языка.

Учиться во ВСХИЗО мне было нетрудно. Я агитировала маму поступать туда. Да вот незадача: у нее не было аттестата зрелости. Он пропал в Одессе во время оккупации. Я узнала, как восстановить. Мама кончала школу в Тбилиси. Подтвердить то, что мама училась в этой школе, должна была учительница. Мы стоим перед старой учительницей. Она не может вспомнить. Задумывается. Наконец соглашается. У мамы появился аттестат зрелости.

Но в институт она все же не стала поступать. Окончила заочные курсы английского языка и продолжать образование не стала.

xxx

Зимой, во время мертвого сезона, я звала маму в кино, в город. Без особого удовольствия, изредка она уступала.

Как-то в Батуми приехал знаменитый скрипач – видимо, по разнарядке. Мы с мамой поехали на концерт в филармонию. Маленький зал заполнен батумской интеллигенцией. Конферансье провозглашает: «Клейстер Мендельсон» – вместо Крейслер Мендельсон.

Потом я вытащила маму и в цирк. После представления поздно вечером мы долго добирались домой под дождем. Больше таких экспериментов не предпринимали.

xxx

Летом картина нашей жизни менялась. Приезжали в командировку в ботанический сад ботаники из разных мест Советского Союза: знаменитые и

незнаменитые. Обязательно заходили в библиотеку. Мама расцветала. Приезжие, видя маму-красавицу, тоже старались показать себя с лучшей стороны. Она звала в гости. Возникало знакомство, иногда прочное. Как с Еленой Ивановной.

xxx

Освободившись из заключения, тетка Майя вернулась на Зеленый мыс и стала работать медсестрой в соседнем доме отдыха. Ей эта работа очень нравилась. Язык у нее был хорошо подвешен. Ее считали «экимо», в переводе с грузинского – врач. К ней на прием ходили постоянно. Пациентов она не лечила, а, предполагаю, – заговаривала. У нее была верная установка – убедить человека в своих возможностях, в обязательном выздоровлении. Результат часто был положительным. Она любила шутить, рассказывать анекдоты, которых у нее постоянный набор, как у артиста эстрады. Улыбка играет на ее лице. Тетка так отличается от мамы с ее трагизмом, склонностью воспринимать все серьезно, с отсутствием чувства юмора.

Что нужно отдыхающим? Отдохнуть, повеселиться. Вкусить прелесть юга. И тетка дает установку на веселье и отдых. И веселится сама. Она работает больше массовиком-затейником, чем медсестрой. Ей это нравится. Тетка устраивает костюмированные вечера, придумывает костюмы из листьев пальмы и магнолии. Ходит днем на пляж вместе с лодочниками-спасателями, аджарцами. И часто с ними прикладывается к бутылке легкого приятного грузинского вина. Оно здесь дешевое и рядами стоит в магазинах и ларьках. То Твиши, то Гурджаани, а то и вкусная Хванчкара, не говоря о номере один - Цинандали.

xxx

Часто рассказывают, что отец народов Сосо Джугашвили, пригубив стакан Цинандали, произнес: «Это первый номер». Цинандали и стало первым номером. Вслед грузинские вина пронумеровали. Некоторые цифры я помню. Красное, терпкое Саперави – № 10. Хванчкара – № 23, Кинзмараули – № 28.

xxx

Тетка к обеду с моря возвращалась уже довольно веселой. Часто приводила к нам на площадку отдыхающих и срезала с маминых клумб цветы. Маму это возмущало. У самой тетки клумб за домом не было. А тут такая красота! Редкие лилии, ароматные гардении. Тетка беспардонная. Чуть что – в крик. А потом общается, как ни в чем не бывало. И опять кто-то к нам приезжает, встречает с восторгом. Засиживаются допоздна за бутылкой. Анекдоты. Светлячки. Южная ночь. Время летит, летит. Особенно летом.

xxx

В 1957 году после фестиваля молодежи и студентов приехал на Зеленый мыс любовник моей тетки. В прошлые годы он здесь отдыхал. Привез с собой свою дочку и племянницу Инночку Демидову – белокурую нежную красавицу. Она учится на биологическом факультете педагогического института. Мы с ней подружись. Вместе собирали и сушили гербарий. Перебирали гербарные сетки в солярии дачи Баратова. Вместе со мной Инночка ходила на экскурсии по ботаническому саду.

1957г. Я закладываю гербарий у нашего дома. Рядом Олег

Однажды возвращались под вечер. Расстояния большие. Проголодались. Пошли за хлебом в Махинджаури. А там хлеб уже закончился. Стало еще голоднее. На обратном пути в районе хоздвора

повстречали мою тетку и Инночкиного дядьку. Они вместе с массовиком из дома отдыха собираются выпить бутылку вина. Зовут нас. Мы сидим на бревне недалеко от дома отдыха. Вино вкусное, легкое. Домой с Инночкой возвращались медленно, взявшись за руки. Куча гравия на дороге мне показалась большой непреодолимой горой. В таком непотребном виде мы подходим к нашему дому, а на шушабанде стоит моя бабушка. Увидев нас, она страшно возмутилась и произнесла свою любимую фразу: «Французы так не делают!»

xxx

У Инночки разболелся зуб. А у моей тетки появился зуд его вырвать. В дело пошли ржавые щипцы. Щипцы зуб не взяли. Зуб был спасен. Тетка рвалась к своей бормашине, хотела и ее приложить к Инночкиному зубу. Но потом все же сдалась.

xxx

Олег подрастал. В 1959 ему уже исполнилось тринадцать. Вместе со своей матерью он частый гость в доме отдыха. По-прежнему многое в доме лежит на мне. А мне нужно писать контрольные. Олег воду из колодца носить отказывается. Говорит: «женская работа». А тетка чуть что орет: «он у меня единственный!» Видимо, уже тогда у него созрела твердая уверенность в том, что он никогда не будет заниматься физической работой. И, как показали годы, этот принцип он сохранил навсегда.

Книги в его руках я не видела. Подходить опасалась. В подростковом возрасте он не был резким – тихий мальчик, но весьма себе на уме и использовал мать как хотел.

Когда он подрос, ему была выделена моя комната. Я стала жить в угловой клетушке, отгороженной от кухни фанерой. Она более светлая, но и более холодная. Кровать и стол. Но мне там очень нравилось. Правда, по-прежнему летом, когда появлялись гости, меня стесняли.

xxx

В комнате Олега появился горн, который он выпросил у матери. Дорогая игрушка никогда не издала ни одного звука и висела на стене.

Тетка сыном совершенно не занималась. Ни разу я не видела ее сидящей с ним за уроками. При такой вольнице, которую ему предоставила мать, с домом отдыха по соседству, усвоить что-то разумное было для него весьма затруднительно. Но он весьма преуспел в сексуальной области. И тут тетка была его главным консультантом.

Она с нетерпением ждала, когда Олег повзрослеет. Его половому созреванию придавала большое значение. Часто разглагольствовала на эту тему. Вдруг выскакивает из своей комнаты, на ее лице разлит восторг: «У него уже волосы выросли! Я сейчас видела...» Действуя от противного, отторгая вульгарность тетки, я сохранила нравственные устои. Азанчеева, часто бывавшая в нашем доме, называла меня пуританкой.

xxx

От заезда к заезду жизнь дома отдыха текла в определенных ритмах. Отдыхали по 12 или по 24 дня. Отдыхающие приезжали из Москвы и из Тбилиси. Была волейбольная площадка. По вечерам кино, на следующий день – танцы.

То, что раньше это была китайская дача, почти никто не помнил. Безликое название «Урожай» сменилось еще более безликим «Махинджаури», внося путаницу. У моря, рядом с хоздвором, был построен пансионат «Махинджаури». Это приводило приезжих в отчаяние. Сначала они искали поселок Махинджаури, потом пансионат «Махинджаури» и, наконец, потные и усталые, тащили свои чемоданы на гору в дом отдыха «Махинджаури», попадая в гостеприимные объятия моей тетки.

По-прежнему после обеда и мертвого часа, мимо нашего дома следовали «зятя», так называла тетка молодых местных ловеласов, постоянно посещавших дом отдыха. Стыдливо озираясь на нашу шушабанду, они вели аппетитных курортниц в заросли карелинской дачи. По-прежнему вечерами окрестности оглашались довоенными мелодиями, и в 11 вечера

Леонид Утесов желал москвичам спокойной ночи. После чего танцы, ко всеобщему огорчению, заканчивались и корпуса запирались.

Тетка такая жизнь, видимо, вполне устраивала. Не работа, а сплошной отдых и веселье. Кроме кавалеров из местных, она активно погуливала и с приезжими, особенно молодыми отдыхающими. Попыток устроить свою жизнь в то время она не предпринимала.

Майя Генриховна справа. В доме отдыха «Урожай» (позже «Магнолия»)

Бабушка сильно состарилась. После моего отъезда из Тбилиси тетка Дуду родила девочку Маришу. Об отце ребенка говорили, что он молоканин. В Тбилиси жило много молокан. Религиозная секта, переселенная на Кавказ во времена Екатерины Второй, еще в XVIII веке.

Тетка Майя неоднократно рассказывала, как бабушка заболела гриппом, похожим на энцефалит. Стала видеть все в четырех изображениях. Именно в это время Дуду родила семимесячную девочку, которую нужно было выхаживать, согревать на лампах. В день возвращения из роддома Дуду очень сильно порезала палец и купать малышку не могла. Пришлось это делать деду Генриху. Дед всегда был отстранен от домашнего быта. Он сидел

в своем кабинете за красивым столом. Возвышался. Он – научный сотрудник. А все остальные – его окружение.

Но теперь нужно было спуститься с пьедестала и искупать маленькое существо. И в тот момент, когда он взял в руки ребенка, он прикипел к своей новой внучке так сильно, что отдал ей всю свою неистраченную любовь. Дал и свое имя, и удочерил. Девочка была названа Марией Зельгейм. Дома ее называли Маришей. Эту историю тетка Майя рассказывала часто и с возмущением, заканчивая тем, что и она Мария Зельгейм, как и Мариша, которой отдается все внимание, а главное – деньги.

xxx

Летом и осенью (в теплое время года) бабушка и дед приезжали на Зеленый мыс надолго. Часто вместе с маленькой Маришей.

Дед был скупым. Хотя очень неплохо зарабатывал переводами, денег не привозил. Денежный вопрос поднимался неоднократно, но желаемых результатов не приносил. Сестры с досадой содержали стариков, часто вспоминая об их пенсии.

Дуду, или, как часто ее звали, Дудка, работала на мебельной фабрике полировщицей. Простой рабочей. В те годы я ее на Зеленом мысу почти не видела. В нашем доме настоящих отношений между сестрами не было. Часто вспыхивали ссоры. Особенно когда подрастал Олег. При выяснении границ между теткинским и маминым участком отношения обострялись, но мысль поставить забор никогда не возникала. В то же время тетка время от времени прихватывала себе территорию на нашей площадке и рядом. То дед «подарил» беседку маленькому Олегу, когда он в этой беседке лежал в люльке, то еще что-то. Шли споры и за пограничные деревья в мандариновом саду на склоне. Тогда тетка превращалась в настоящую фурию, орала, сильно ругалась матом. Маленькая, разъяренная. Отстаивала интересы Олега! Мама сдавалась, плакала. А Олег, уже подросший мальчик, присутствовал на всех этих разборках и мотал на ус. Он мальчик. Он наследник. Что это означает, он до конца не понимал. А возможно, и прекрасно понимал.

xxx

Так своеобразно и разобщенно в нашем доме жили четыре человека.

Мои интересы

В студенческие годы я занималась самообразованием по программе, которую разработала сама. Кроме института, это был сбор коллекции шишек по намеченным маршрутам, поиски шишек определенных видов хвойных в старых парках Черноморского побережья Кавказа и Крыма. Весь свой отпуск я посвящала этим сборам.

В Москве во время сессии я целенаправленно собирала пластинки для музыкального самообразования. Зимой ходила в консерваторию, чаще всего одна. Не искала себе общества. Ставила цель – и осуществляла. Дома на проигрывателе прослушивала пластинки: только классику и оперы. Могла слушать подолгу.

xxx

Ясный весенний день. Приятный теплый ветерок. Мы с мамой корчем огромный комель яблони в начале площадки. Эта яблоня сорта Али ага, посаженная прадедушкой, никогда не плодоносила, но занимала много места. А мама в это время решила посадить на площадке мандарины и апельсины. Маленькие саженцы ей дали в ботаническом саду. Прежде голая, наша площадка была вся засажена молодыми деревцами.

И вот мы вдвоем, как два мужика, копаем землю вокруг комля, чтобы его выкорчевать. Устали. Приготовили салат. Я отдыхаю на диване. Слушаю оперу Гуно «Ромео и Джульетта». Каждый звук доставляет мне наслаждение. «Не убивал я его, Тибальд, пора прекратить наш раздор». Голос Козловского прекрасен. И еще Лисициан, Масленникова. Да... Это было частью моей жизни.

В программу самообразования входил и сбор книг. Станным образом, но в нашем доме ни у тетки, ни у мамы книг не было.

Собирала я и репродукции. На улице Сталина, на улице Горького в больших книжных магазинах лежали стопки репродукций. Стоили они

несколько копеек. Хорошего качества, на глянцевой бумаге. Я собрала неплохую коллекцию. Любила особенно «Над вечным покоем» Левитана. Это небо, простор... И многое, многое другое. Вся моя коллекция пропала, как и собранные мной книги. Что сделала с ними мама? Пластинки остались на Зеленом мысу и потом стали маминым достоянием.

Я со сводным братом Юрой Мазуренко

К нам на Зеленый мыс изредка приезжал из Поти мой сводный брат Юра Мазуренко. Он очень тянулся к нашему дому. Ходил с теткой в дом отдыха и слушал ее анекдоты. С тех пор и до сегодняшнего дня мы изредка встречаемся и переписываемся. Он живет в Минске. В письмах мы обмениваемся только нам известным паролем: «Хобски дорога, Кулевский поворот». Это означает - дорога на село Хоби и поворот на поселок Кулеви недалеко от города Поти. От Юры я кое-что узнала о своем родном отце. С ним Юра в своем детстве время от времени поддерживал связь, ездил в Одессу и Николаев, откуда родом Тимофей Мазуренко. Потом в досаде убегал, возвращался к своей матери в Поти.

Личная жизнь

После Жени у меня не было серьезных увлечений. Как и прежде, я была гордой и порывистой. Но время пришло, и мне хотелось встретить спутника жизни. Это должен быть мой сверстник, с которым у меня общие интересы.

Я, как и раньше, хожу на танцы в дом отдыха «Магнолия». Так приятно танцевать фокстрот! Так хочется, чтобы тебя пригласили! Иногда приглашают.

Молодых людей среди моего скудного окружения на Зеленом мысу я не замечала. Казалось, их просто не было. Только Дурсун Беридзе – наш далекий сосед с соседней горы. Он учился в Тимирязевской академии. На него я смотрела как на доброго старшего товарища. Немного замедленный, спокойный, он хорошо говорил по-русски. Познакомил меня с Наташей Эйгес, студенткой МГУ, и ее друзьями. Благодаря этим знакомствам создалась компания молодежи, которая приезжала летом на Зеленый мыс, а зимой, когда я была в Москве на сессии, мы собирались по любому поводу, танцевали под патефон. Мне нравился Алик – студенческий друг Дурсуна, сын профессора Тимирязевской академии. С ним я бывала на торжественных студенческих вечерах в Кремле и в зале Чайковского. Вечера сопровождалась прекрасными концертами. Тогда я видела танец умирающего лебедя Сен-Санса в исполнении Майи Плисецкой, слушала романсы в исполнении Козловского. Мне очень хотелось встретиться с Аликом Новый год! Он звал в свою компанию, тимирязевскую. Но компания из МГУ перетянула. Он обиделся, и я больше его не видела. Но большого огорчения я не испытала.

xxx

Летом 1958, когда я была уже на четвертом курсе, мама пришла с работы и взволнованно сообщила: известный палинолог Людмила Андреевна Куприянова просит оказать ее сыну Андрею Боброву гостеприимство. Он студент Ленинградского университета. Его отец – главный редактор «Флоры СССР», Евгений Григорьевич Бобров – супруг Людмилы Андреевны. Мальчик едет в ботанический сад на практику. Так в нашем доме появился светловолосый надутый молодой человек. Он претендовал на глубокое знание растений и часто высокомерно меня поучал. Я комплексовала. Не знала систематики. А он проходил и малый и большой практикумы. То есть

получал основательное образование. Несколько лет спустя я случайно узнала, что Андрей Бобров был в меня влюблен. Знала об этом и его мать Людмила Андреевна, с которой я встречалась в Ленинграде, в ботаническом институте. Она многие годы поддерживала со мной дружеские отношения. Глядя на меня, она сожалела, что не я его избранница. Но в то лето я и представить себе не могла такой симпатии. Мне казалось, что все наоборот. И это вызвало отторжение.

От Андрея Боброва я впервые услышала благую весть о появлении в наших краях Андрея Хохрякова, моего будущего мужа.

Ниже нашего дома, в сыром ущелье под холмом растет редкое иноземное растение хуттуиния из семейства зауруровых. Прибегает возбужденный Бобров. Он должен выкопать хуттуинию, показать ее Андрею Хохрякову. Это ботаник, который недавно приехал из Москвы в Кобулету, на станцию лекарственных растений. Очень талантливый, но почти слепой. Я была заинтригована. Почувствовала сочувствие к приезжему.

Андрей Хохряков действительно был сильно близорук, но не настолько, чтобы его считали почти слепым! Но у Андрея Боброва эта мысль засела прочно. Спустя годы, когда я бывала в Ленинграде, в ботаническом институте, при встрече он каждый раз спрашивал, как дела у Андрея со зрением.

xxx

Тем же летом я гостила у Софьи Диомидовны и Шалвы Ипполитовича Гуджабидзе в Гудаутах.

Гудауты. Софья Диомидовна Любченко-Гуджабидзе

На даче Никитиной – близкой знакомой Софьи Диомидовны – летом собирались литераторы. Софья Диомидовна послала меня с большим букетом на литературный вечер. Там читают стихи, переводы. На улицу Бомборскую, 18, в дом Гуджабидзе я возвращалась поздно вечером. Яркая луна светила так, что было видно как днем. Меня пошел провожать один из участников вечера, мужчина средних лет. С места в карьер он делает мне предложение. Приглашает в Москву. Заявляет, что я алмаз без оправы. Мы стоим на пыльной улице. Он уговаривает. Нет, я никуда не поеду. Мне он кажется стариком.

В Гудаутах сложилась веселая молодежная компания. Я училась кататься на велосипеде по ровным гудаутским улицам. В комнате, где книги занимали все пространство до потолка, в окно свешивались сочные персики величиной с кулак. Как мне там было хорошо! Юность! У Софьи Диомидовны жила стая кошек с разноцветными глазами. Осенью они ловят по соседству перепелов. Вдали сверкают снегами горы Кавказа. В доме гостит дальний родственник Софьи Диомидовны Александр с дочкой Леночкой. Через год, выйдя замуж за Андрея Хохрякова, я неожиданно узнала, что этот Александр – двоюродный брат Андрея, а его жена Галя в близком родстве с Софьей Диомидовной. Поистине браки заключаются на небесах!

Из Гудаут я уехала в Киев. Давно мечтала. Зов предков Мазуренко. Влюбилась в этот город. Без устали бродила с раннего утра до позднего вечера по нарядным улицам, музеям, любуясь и восхищаясь. В результате от ходьбы ноги распухли. Домой я возвращалась из Одессы на теплоходе. Тепло. Празднично. Я еду на палубе. Образовалась приятная компания таких же молодых ребят, которые смогли купить только палубные билеты. Теплоходы подолгу останавливались в портах. За несколько часов стоянки можно было совершить большую прогулку. В каждом городе: Новороссийске, Туапсе, Сочи, Сухуми мы подолгу гуляли. Мальчик из Поти, Володя Кишик, мне понравился. Намечался роман. Это большое путешествие было окрашено романтическими надеждами. Вечерами мы стояли у кормы и долго смотрели на волны, стаи чаек.

xxx

Той же поздней осенью холодным вечером к нам домой на холм неожиданно пришел ухажер, который в Гудаутах лунной ночью мне сделал предложение. Не побоялся темноты, незнакомых дорог. Дома у нас в то время жил мой дед Генрих. Настойчивое предложение ехать в Москву мне немного льстило. Но этот человек мне не нравился. Он был много старше меня, занимался скупкой и продажей старинных картин. Дед говорит: «человек солидный, с положением». Но я отшила жениха. Через день встретила снова в кафе, в центре Батуми. Он опять просил продолжить знакомство. Отказала наотрез. Больше я его не видела.

xxx

Серьезное предложение руки и сердца я получила от Ростислава Григорьевича Степанова. Он пришел в семенную лабораторию с просьбой дать ему семена. Высокий, сухой. Работает в Молдавии на фабрике по изготовлению ботанических экспонатов для школ. Попросил у меня адрес. Стал писать письма мелким бисерным почерком. Оказался румынским революционером. Долго был в заключении. Недавно освобожден. Человек интересный. Натуралист. Написал книжку о своих наблюдениях за разными

живыми организмами. Переписка с ним, хотя и с перерывами, длилась очень долго. Он приходил к нам в гости в Москве, а Андрей ездил к нему в Молдавию.

xxx

С моим будущим мужем Андреем Хохряковым я познакомилась осенью. Из Кобулету он часто приезжал в ботанический сад.

Тихий осенний день. Окна распахнуты, снизу тянет сладковатым ароматом маслины душистой. Я, как обычно, сижу за своим столом между Галиной Алексеевной и Ашотом Багратовичем. Неожиданно входит тонкий, невысокого роста молодой человек в очках с накинутым на плечи плащом. Спрашивает у Ашота, как пройти в один из отделов. Это вызвало удивление. Мой сдержанный начальник стал намекать на то, что визит молодого человека неспроста, что мне не стоит отворачиваться от выпускника МГУ. А я и разглядеть-то его не успела!

Только через месяц я познакомилась с Андреем. В библиотеке перебирала гербарий хвойных растений. Вошел Андрей и стал рассматривать в моем гербарии можжевельник китайский. Первые слова, которые я от него услышала: «Какая гетерофилия!» У можжевельника китайского разные листья. Так мы познакомились. Мне он показался замкнутым, постоянно занятым своими мыслями.

О больших знаниях молодого специалиста с уважением говорила Александра Алексеевна Дмитриева – заведующая гербарием. Она редко кого хвалила. А Андрей общался с ней на равных. Его эрудиция, знания уже в то время были выдающимися.

Мама стала приглашать Андрея к нам в гости. Чувствовалось, что ему в Кобулету, в темной комнате, одиноко. Вел себя он у нас очень естественно, по-домашнему. Не стеснялся.

Я вскоре уезжала на сессию в Москву. Андрей также собирался в отпуск к себе домой. Оставил мне телефон. Просил позвонить. Приглашал в консерваторию.

В Москве в середине декабря, в разгар сессии, я позвонила ему. Трубку взяла мать Андрея. Оказалось, он еще не приехал, но я обязательно, обязательно должна придти к ним в гости. Приятный голос, настойчивость, с которой просила Ольга Андреевна (так звали мать Андрея), покорили меня. Встретила она меня очень радушно. Накормила грибным супом. Я почувствовала устойчивость семейного уюта. Того, чего была полностью лишена на Зеленом мысу. Потом будущая свекровь долго показывала мне семейные альбомы. Но я, листая страницы и рассматривая вереницу веселых застолий незнакомых мне людей, отдавала лишь дань вежливости. Мысли мои были заняты Володей Кишиком, который изредка мне писал.

Мы разминулись с Андреем: после сессии я вернулась на Зеленый мыс, а он уехал в Москву. Но в феврале снова встретились. Его неаккуратность, полное пренебрежение к одежде настораживали. В то же время Андрей был интереснейшим собеседником, а главное – я его понимала с полуслова. Такого взаимопонимания у меня ни с кем никогда не было. Постепенно возникла глубокая взаимная симпатия.

В марте в командировку в ботанический сад приехала группа молодых сотрудников из Москвы, из Главного ботанического сада. С Андреем приехали его однокурсники, выпускники МГУ: Лада Шафранова, Люся Гатцук, Лида Воронцова, Нина Алянская. Во главе со своим руководителем Георгием Владимировичем Микешиным они совершают экскурсии в горы. Я с ними ездить не могу. Ашот по-прежнему строг и не поощряет мои отлучки на природу. В долине Чаквисцкали, на ее притоке Бзонис Андрей нашел новый вид галантуса – подснежника.

Мама пригласила всю компанию к нам в гости. Обсуждали находку Андрея. Найти новый вид – большая удача. Андрей решил назвать его в честь основателя Батумского ботанического сада А.Н.Краснова. Гости рассказывают, как в Кобулети у Андрея в комнате, они увидели том Энглера, на котором стояла керосиновая лампа. Намекают на неаккуратность Андрея. Мне неприятно это слышать. Я уже тогда болезненно переживала эту черту

моего суженого, которая потом станет проявляться в самых разнообразных обстоятельствах, затмевая его главные положительные черты характера.

Георгий Владимирович Микешин, недавно побывавший в Китае, увлекательно рассказывал о своей поездке.

Кроме того, слушали музыку. Первую симфонию Чайковского «Зимние грезы». Эта музыка как никогда совпадала с моим настроением. Я знала, что нравлюсь Андрею, что именно меня он выделяет на фоне умных и красивых столичных девушек.

xxx

Наступили прекрасные весенние дни. Мы часто вдвоем ходили по ботаническому саду. Ранняя весна в Колхиде полна очарования. Море, еще холодное, голубеет сквозь легкую дымку тумана, наплывающего на зеленые холмы. Вся растительность мощной волной идет в рост. Цветут рододендроны с огромными шарами красных соцветий. Зрелище на фоне голубого неба завораживающее. Кисти розовых соцветий сакуры свисают как изящные фонарики. Краснеющие листья кленов во время дождя похожи на птичьи лапки, с концов которых свешиваются капельки, играют под солнечными лучами. Все обильное, щедрое! Все вокруг говорит о силе жизни!

На майские праздники мы втроем: я, мама и Андрей совершили поход на Чаквисцкали. Андрей хотел снова увидеть открытый им галантус. Здесь было все совсем по-иному, не как на побережье. Горная речка сверкала брызгами, перекатывалась через валуны потоками воды, шумела. По берегам буковый лес уже распустил изумрудную зелень. Цвела сиреневая примула Сибторпа, ирис лазский и омфалодес каппадокийский с поразительно синими яркими цветками. Но галантус уже отцвел. В жарком и по-оранжерейному влажном воздухе в глухом сыром ущелье рос редкий папоротник гименофиллум.

xxx

Роман развивался. Мы уже не могли надолго разлучаться, и Андрей часто приезжал к нам домой на два-три дня. Однако он горестно говорил, что потратил на дорогу из Кобулети до Зеленого мыса «аш три рубля!». «Неужели он скупой?» – размышляла я с досадой. Но позже оказалось, что он меня испытывал и наблюдал, как я отреагирую. Он любил подшучивать. За всю долгую 38-летнюю жизнь с Андреем я часто не могла разобрать, где он шутит, а когда говорит серьезно. На самом деле он не был жадным. Наоборот, не знал счета деньгам. Но не был и расточительным. Просто деньги его мало интересовали.

Одновременно с ростом наших чувств возрастала тревога матери Андрея. Ей стало ясно, что за ее спиной провинциальная девушка хочет стать москвичкой и использует для этого ее неопытного сына. Принимались меры. Она писала Андрею, увещевала, вела активную переписку с дамой, работавшей вместе с Андреем на станции лекарственных растений. Отговаривала Андрея от женитьбы и жена его брата Галина. Писала ему о том, что каждая, без исключения, провинциалка стремится в Москву. Сама из Пензы, она видимо ориентировалась на свой опыт. Но обо всем этом я узнала позже.

В середине мая Ольга Андреевна неожиданно появилась в маминой библиотеке. Гордая, надменная, она – заведующая библиотекой нефтяного института – учинила маме экзамен. У нее, как и у мамы, не было высшего образования. Она, как и мама, претендовала на знание иностранного языка. Правда, потом я никак не могла выяснить – какого же.

Днем захожу к маме в библиотеку и вижу ее совершенно потерянной.

– Аинька! Приехала мама Андрюши и устроила мне экзамен!

Я попыталась ее успокоить, вспомнила зимнюю встречу с гостеприимной дамой. А через несколько минут я встретила свою будущую свекровь. Импозантная моложавая дама в пышном капроновом платье с большой накладной русой косой на голове, с китайским зонтиком

производила сильное впечатление. Она облила меня холодом и высокомерием. Я что-то лепетала.

Когда спустилась из дирекции вниз, в свой отдел, на дачу Баратова, обида жгла мое сердце... Ничего мне не нужно! Ничего! А так хотелось счастья!

Через некоторое время Андрей зашел ко мне, просил меня встретить его вечерней электричкой. А сейчас он должен ехать со своей мамой в Кобулету.

Темный теплый вечер. Зеленый мыс. Я одна стою на платформе. Из тоннеля выезжает пригородный поезд. Спускается только один пассажир. Это Андрей. Мы молча поднимаемся к нам домой и идем к буку. Сидим на скамейке. Андрей наконец заговаривает. Предлагает мне свою руку и сердце. Светят далекие огни Батуми. Бухту перечеркивают крест-накрест огни прожекторов, просматривающие бухту. Тишина.

Маман – так все в доме звали Ольгу Андреевну – собралась с визитом к нам в воскресенье.

Накануне Шушаник предложила мне погадать на кофейной гуще. Рассматривая мою чашечку, она мне сказала, что придет Володя, она его осенью видела мельком, и он ей понравился. Андрей же ей

не нравился, видимо за свой странный вид. Я усмехнулась про себя и не поверила. Мало ли что можно увидеть в замысловатых узорах кофейной гущи.

Утром в воскресенье из Кобулету приехали нарядная маман и такой же нарядный, в белых брюках, Андрей! Парадный визит сопровождался презентами: большой хрустальной вазой для мамы и красивой чашкой для Майи Генриховны. Всей кампанией мы спустились к морю, на пляж. Стояла прекрасная погода. Мама моя, чувствуя ответственность момента, оставила меня вместе с гостями на пляже, а сама отправилась домой готовить обед.

Когда мы вернулись, мама отвела меня в сторону и заговорщически сообщила: «Приехал Володя!». В беседке, обвитой виноградом, сидели

Володя Кишик с другом. Они приехали из Поти. Издалека. Андрей не придал значения этому визиту или не показал виду.

Ольга Андреевна была в курсе, что я невеста Андрея. Ей пришлось смириться. Сердце ее успокоилось тем, что мама ей стала показывать семейный альбом, где были изображены мои предки бароны фон Зельгейм. Особенное впечатление произвело на нее то, что я оказалась потомком знаменитого скульптора Клодта. Ольга Андреевна всегда считала себя аристократкой, хотя была дама из купеческого сословия, в прошлом богатая. Это подчеркивалось. Вспоминались дома предков в центре Москвы: в Хамовниках, в Скатертном переулке, ранее принадлежавшие богатым купцам Бояровым. Девичья фамилия ее Боярова. Знаменитый дед Иона Ульянов на семейной фотографии – с длинной бородой, окруженный многочисленными родными. Именно он создал основу богатства всей семьи.

В деревне под Можайском у бедного крестьянина Ульяна было 13 детей. После эпидемии холеры выжило только двое мальчиков. Два подросших брата, взявших по отцу фамилию Ульяновы, после отмены крепостного права ушли в Москву и стали ломовыми извозчиками, нажили первоначальный капитал.

Одного из братьев, Ивана, человека глубоко верующего, старообрядца, поддержало духовенство старообрядческой церкви, что у бывшей Рогожской заставы в Москве. Он разбогател и стал купцом первой гильдии, делал богатые дары церкви. Например, иконостас, отделанный золотом. В глубокой старости Иван принял монашеский сан и стал Ионой. Его могила – большой обелиск черного мрамора на Рогожском кладбище – находится рядом с большой усыпальницей Саввы Морозова. При жизни он сумел обеспечить и своих детей. Глухонемая дочка была удачно выдана замуж за купца Боярова. Это мать Ольги Андреевны – бабушка Андрея.

Но в тот день я всей истории предков Андрея не знала.

А у нас несколько портили картину дочь и внук Генриха фон Зельгейм – тетка Майя и ее сын Олег. У Олега появилась дама. Он еще мальчик, ему

только 13. Но Майя Генриховна с сыном и пикантной молодой женщиной гуляют по окрестностям втроем. Майя у нас дома распространяется о сексуальном просвещении своего сына. Можно было составить неблагоприятное мнение о моральном облике нашей странной семейки. Но Андрей был мной увлечен, и мы с ним отнеслись к этой истории с юмором. Маман, к счастью, была у нас дома недолго.

Юмор у Андрея тонкий. Он очень остроумный, и я его понимаю с полуслова. Кроме того, Андрей любит путешествовать! С детских лет, особенно в студенческие годы, много ездил по стране. Мы будем всегда вместе, будем вместе путешествовать! Это вполне совпадало с моими представлениями о спутнике жизни, о том, как должна устроиться моя жизнь...

Как было хорошо в те весенние дни!

Темными вечерами летали мириады светлячков или светила яркая луна. Воздух был пронизан ароматом цветущих мандариновых садов.

В начале июня Андрей на несколько дней уехал в Сочи. Оттуда – на Красную поляну. В одиночку поднимался на гору Ачишхо.

По возвращении, без промедления, он обросший и исцарапанный, сразу же приехал к нам домой. Оказалось, он по крутым склонам поднялся на вершину горы. Там его застала ночь. Спичек с собой он не взял. Так и заночевал. Ночью приходили шакалы и лизали ему пятки.

В горах Андрей нашел новый вид хохлатки. Я сначала подумала, что он нашел какую-то птицу. Не знала о существовании такого рода растений. Новый вид хохлатки он назвал в честь ботаника, изучавшего флору Кавказа, хохлаткой Кузнецова. Я слушала рассказ Андрея, вытаскивала занозы из его рук, но представить себе не могла, каким одержимым он становится во время походов. Став его женой, я все годы замужества ползла за ним, отставала. А он даже не оглядывался. Шел вверх к вершине.

Вскоре Андрей уехал в Москву сдавать экзамены в аспирантуру в Главном ботаническом саду. Поступил с трудом. На одно место было двое

претендентов. Предпочли своего сотрудника. А Андрей был со стороны. Его мать предприняла максимум усилий и хлопотала о втором месте. Андрей вернулся на работу в Кобулету и продолжал ездить на Зеленый мыс.

Я была на последнем курсе, готовила дипломную работу.

Решила составить определитель сортов хурмы восточной. Большую коллекцию в тридцатых годах привез в ботанический сад Н.И.Вавилов. Были интересные сорта и в старых парках.

Андрей помогал мне составлять определительные ключи для плодов. Рисовал плоды в альбом. У него хорошо получалось. Маман снова сердилась и считала, что я отвлекаю ее сына от науки. Писала письма моей маме о том, что она должна позаботиться о моем приданом. Она была разумной женщиной, к тому же потомственная купчиха. А меня это рассердило. И я заявила, что если я и выйду замуж за Андрея, то приду к нему только в одном платье! Я так и поступила. Потом пожалела о своей глупости.

Перед последней сессией я поехала в Ленинград.

Два зимних месяца я работала в БИНе, (ботаническом институте), готовила диплом. У меня там было несколько знакомых, которые после окончания ленинградского университета пришли сюда на работу, а до этого приезжали на практику в ботанический сад: Надя Короткова (в будущем Имханицкая), Лена Мордак, Марина Баранова, Сима Морщихина. Я ходила на литературные вечера, в филармонию, музеи. Посмотрела нашумевший спектакль в БДТ- «Идиот» с молодым Смоктуновским. Попасть на этот спектакль было невозможно. Получилось случайно. Предыдущей осенью в ботаническом саду были в командировке почвоведы из сельхозинститута. Им по разнарядке выделили билеты на этот уникальный спектакль, о котором вспоминают до сих пор. Достали и мне. Среди молодежи, с которой я общалась в БИНе, был и надутый Андрей Бобров. Я была звана к чопорным его родителям. Мама Андрея Людмила Андреевна, недавно приехав из Канады с ботанического конгресса рассказывала о Ниагарском водопаде,

показывала покупки. Это было необычно. Попасть за железный занавес, да еще в Америку! Об этом мы могли только мечтать.

Дипломную работу я защитила на «отлично».

1960г. В день окончания института.

После окончания института весной 1960 года я вышла замуж за Андрея и переехала в Москву.

Началась новая, незнакомая жизнь, надолго оторвавшая меня от Зеленого мыса.

Глава 5 ч 1

1960-1984 На Зеленый мыс наездами.

Новая жизнь

Новая московская жизнь началась стремительно. Летом в Москве я раньше не бывала, и все, что видела в конце мая – начале июня, когда приехала к Андрею, воспринимала как подарок. Маман (Ольга Андреевна) временно сняла для нас комнату в маленьком старом особнячке в

Замоскворечье на улице Островского (малой Ордынке). Комната была с окнами на улицу, в квартире – большая коммунальная неустроенная кухня. Вечерами у метро продавали букетики любки и ландышей.

У свекра был красный «москвич». Вся семья ездила на дачу под Загорск (ныне Сергиев Посад). Дорога в Загорск запомнилась густым цветением сирени. Ранним утром я с маман ходила на службу в Троице-Сергиеву лавру. Вся жизнь, окрашенная медовым месяцем, была для меня новой. Впервые я столкнулась со многими чертами характера Андрея, например, его страстью к путешествиям. В июне мы успели побывать в нескольких дальних уголках Подмосковья. Андрей прекрасно ориентировался. Мы шли по азимуту. Ночевали на сеновалах. Нещадно кусали комары. Шли по берегу озера Глубокое, по болотам, продираясь по пояс в воде. Вставали рано и отправлялись в дневной маршрут. На спине у Андрея – папка с газетами. В руке – нож для выкопки растений.

Отношения с научным руководителем, заведующим отделом флоры М.В. Культиасовым, у Андрея не складывались. На Кавказе он уже собрал материал для кандидатской диссертации по подснежникам, а Культиасов изучал флору Средней Азии. Поэтому Андрею утвердили тему по эремурусам – растениям, произрастающим исключительно в горах Средней Азии.

В отделе флоры в Среднюю Азию направлялась экспедиция. Андрей, не подозревая о грядущих неприятностях, стал договариваться напрямую о маршруте с начальником экспедиции, считая естественным то, что он поедет в составе этой экспедиции, так как числился в отделе флоры. Но самодур Культиасов отказал ему в поездке на машине. Эремурусы – растения короткой жизни, эфемероиды. В жарком климате они растут и цветут недолго. В жару уходят на покой до следующей весны. Собрать материал, обработать его и написать работу нужно за три года. Первый сезон пропал. Я еще не работала. Мы вдвоем поехали на поезде в Ташкент и оттуда совершали вылазки в горы. Было много трудностей, приключений. Нас везде

встречали гостеприимно. Как только мы приезжали в очередной заповедник, нам сообщали о том, что машина из Главного ботанического сада только что уехала. За лето мы так ее и не догнали.

Я увидела удивительную, интересную страну, высокие горы. О себе, о своей работе я совсем не думала. Все затмила работа Андрея.

В Средней Азии я начала тосковать по Зеленому мысу, по дому. Под конец командировки Андрея, в сентябре, мы решили лететь в Тбилиси и выбраться на неделю на Зеленый мыс.

Счастливая мама приехала в Тбилиси. Мой брат Саша также женился. Он окончил политехнический институт. Его жена Тамара – филолог.

Я увидела моего брата счастливым, красивым и уверенным. Саша сорил деньгами. Их у него много. Он специфическим тбилиским жестом подзывает такси. А если машина проезжает мимо, обзывает водителя сикильдявкой.

А мы все лето были без денег и даже однажды голодали. Андрею не высылали стипендии.

– Откуда у Саши деньги? – спрашиваю я маму.

– У Тамары тетя работает бухгалтером в Кутаисском банке. Она купила им комнату.

В Тбилиси мы были всего три дня. Успели познакомиться с Тамарой и ее семьей. Тамара невысокая, о таких говорят – «не фигуристая». На невыразительном сером лице бросаются в глаза очень тонкие губы. Она любит вести льстивые речи. Отец ее – пожилой скромный армянин. В небольшой комнате мелькнула хорошенькая девочка в школьной форме – сестра Тамары Ира. Матери у Тамары и Иры нет. О ней не говорят.

Комната, которую купила кутаисская тетка Саше с Тамарой, находится на склоне горы Мтацминда. Из большого двора к ней ведет крутая лестница. Это недалеко от квартиры деда Генриха: нужно подняться еще два квартала вверх по склону.

Новые знакомства, встреча с бабушкой и дедом быстро промелькнули, как и неделя на Зеленом мысу.

1961г. Тбилиси. На крутых склонах горы Мтацминда.

А там, казалось, ничего не изменилось. Все стояло как прежде: и книги, и репродукции, и пластинки, которые я собирала в свои студенческие годы. Я надеялась, что их будут хранить всегда. Нет. Зеленый мыс от меня отделился. Я жила уже в Москве.

На Зеленый мыс я попала следующий раз через два года с девятимесячной Олей.

xxx

За этот период произошло знаменательное событие, полностью перестроившее жизнь моей тетки Майи и отразившееся на ее потомках. Она стала врачом-психиатром.

xxx

Выше хоздвора, недалеко от крутого виража главной дороги, в глухом ущелье стоит двухэтажный дом для психических больных, самых тяжелых. В этой больнице стал работать Гоги Гигиенишвили.

Справа Гоги Гигенишвили

В двадцатых годах, когда Ильф и Петров посетили Зеленый мыс, его отец был одним из лучших и достойных этого звания врачей. После его смерти в большой квартире на улице Сталина остались жить дети: дочь, старая дева и добрый непутевый сын-холостяк Гоги, также врач. Однако сын к этой профессии был весьма равнодушен. Гоги – средних лет, высокий, рыхлый, с широким добрым, сильно помятым лицом. Под вечер он поднимался в дом отдыха погулять с приезжими дамочками. По-соседски приходил и к нам в гости. Был всегда милым и безобидным. Мама с огорчением ему говорила, что ее сестра Майя Генриховна катится под откос, хорошо бы ее устроить работать в эту психбольницу. Гоги стал выяснять, чем можно помочь. В это время в Батуми открылась вакансия врача в психоневрологическом диспансере.

Тетка стала работать в этом диспансере, расположенном в одном из старых кварталов города, на улице Тебел Абусеридзе, недалеко от вокзала. Таким образом, Майя Генриховна стала врачом-психиатром.

Приезжая на Зеленый мыс, я неоднократно бывала в этом славном учреждении. Восторженная тетка обожала показывать больных, своих коллег, долго меня представляла им. Водила по кабинетам, палатам. Я не

решаюсь описывать этот диспансер. Он был похож на убогие богоугодные заведения, описанные известными писателями.

Март 1962 года

В Москве я устроилась на работу в Главный ботанический сад садоводом в отдел флоры. Там же числился аспирантом и Андрей. Подобно растению, пересаженному с юга, с теплой и обильной почвы на холодную и суровую, я с трудом приживалась в новом месте, в новой семье. Помогало и поддерживало только взаимопонимание с мужем.

xxx

С осени мы с Андреем стали жить в квартире родителей Андрея, в одной комнате с ними – за шкафом. В соседней комнате жила семья брата Андрея Николая. Они вскоре должны были получить кооперативную квартиру.

xxx

В апреле 1961 года родилась наша дочка Оля. Прилетела мама. Звала меня на Зеленый мыс. Но я полностью подчинялась своей свекрови Ольге Андреевне, которая противилась поездке на юг. Считала, что резкая перемена климата может повредить ребенку.

Я провела лето под Москвой в Ухтомской, в большом старом доме, построенном предками моего мужа. Познакомилась с другими его родственниками.

Андрей уехал в экспедицию в Среднюю Азию. Он побывал во многих местах, застал эремурусы цветущими и собрал главный материал для диссертации. Сразу после замужества я начала понимать характер Андрея. Главным для него была его специальность – ботаника. Все остальное отодвигалось на второй и третий планы. Буквально каждую минуту он использовал для поездок в природу, сбора гербария. Я хотела работать вместе с ним.

Так оно в будущем и состоялось. Но рождение детей надолго отодвинуло начало моей научной карьеры.

Из-за грудной дочки я не могла ездить вместе с Андреем. А он еще в марте, перед рождением Олечки поехал на Кавказ, побывал на Зеленом мысу, оттуда отправился в Киев. В марте на севере еще зима, и кажется, что и везде так. Но Андрей хорошо знал, что на Кавказе весна ранняя. Можно делать сборы. Он продолжал собирать материал по подснежникам. Они цветут очень рано, а на Зеленом мысу – всю зиму.

Через неделю после рождения дочки Андрей уехал в экспедицию в Среднюю Азию. Вернувшись в Москву, приехал к нам в Ухтомку, где я жила с дочкой, когда ей было уже два месяца. Но на этом его поездки в природу не закончились. У отца Андрея Павла Александровича, известного специалиста по перегонке нефти, была машина. Андрей не умел водить. Дальний родственник моей свекрови Константин Константинович, которого моя свекровь прозвала Костючком (она любила давать прозвища), жил с нами в Ухтомке со своей женой Капой. Он водил машину свекра. Капа с Костючком должны были меня опекать с новорожденной Олечкой. Ох уж эти опеки, няньки! Я была полностью подчинена свекрови, которая собирала вокруг себя родственников, подкармливала, организовывала нянек, старалась. Человек сверхдеятельный, она всегда стремилась главенствовать, лепить жизнь семьи по своему усмотрению. В первые годы я была от нее полностью зависима.

Андрей договорился с отцом о том, что на его машине мы будем ездить по Подмоскovie для сбора растений.

Я – с Олечкой на руках, Андрей – с копалкой и папкой. Забирались далеко. Андрей собирал гербарий. Я закладывала выкопанные растения в папки рядом со спящей дочкой.

1961г. Молодая семья. Андрей Хохряков – мой муж с дочкой Олечкой на руках и я.

В 1962 году Андрей задумал поездку в Крым. Я была еще в декретном отпуске. Было решено отвезти нашу девятимесячную Олечку с няней Дусей на лето на Зеленый мыс. Дусю долго уговаривали. Она боялась неизвестности. Капризничала, но под влиянием маман с трудом согласилась. Костючок по дороге на вокзал рассказывал страшные случаи. Дуся дрожала. В поезде было неуютно. Под конец перед Батуми кончилось молоко, негде было согреть бутылочку, я волновалась. Мама совсем не подготовилась к приезду маленькой внучки и легкомысленно заявила, что у нее где-то есть сгущенка. В Москве я ходила в детскую кухню: варила, грела смеси. А здесь как кормить?

Как это бывает на Зеленом мысу ранней весной, везде сыро и холодно, особенно в доме. Холодно и на душе у мамы.

Перед нашим приездом в Москве был проездом на Зеленый мыс Леонид Михайлович – мой так называемый отчим и гражданский полумуж моей мамы. Я помнила его обещание, - как только он выйдет на пенсию, так сразу же переедет на Зеленый мыс к маме, которую он любит больше всего на свете. Я решила ему напомнить об этом. Наивно хотела для мамы полного счастья. Мы встретились на Тверском бульваре. Я решилась напомнить ему о его обещании. В ответ он сразу надулся. Побывав на Зеленом мысу перед

нашим приездом, он не преминул на меня пожаловаться, мол, лезу не в свое дело. Мама обиделась, стала на сторону Леонида Михайловича. На меня сердилась.

Дуся дулась. Моя доченька кашляла.

1962г. Март. Я с Олечкой на руках. Рядом Дуся.

В нашем доме гостит мамин старый знакомый – заведующий оранжереями в Ленинградском университете Дмитрий Михайлович Залесский. Средних лет, с бородкой клинышком. Живет и молодая циркачка. Ей все симпатизируют, особенно Залесский, проникнутый курортным духом. Циркачка ловко крутит колесо на турнике. На жалкие гроши я собирала всем подарки. Мама потребовала из них подарить модный пояс циркачке. Что поделаешь – подарила, но с досадой. Голова идет кругом. Мама придирается ко мне. Мы ей не нравимся. И многое идет наперекосяк. И я уже не рада ни дому, ни Зеленому мысу, по которому так тосковала.

1962г. Батумский ботанический сад. Дворик в отделе интродукции. Слева Циала Цхойдзе. Справа крайняя Шушаник.

Неудача нас постигла и при попытке попасть в Гонию.

Это пограничная зона. Я там бывала с Дмитриевой несколько лет назад. О скалах Гонию по дороге к Сарпи на границе с Турцией, их красоте, ходят легенды. И мне так хочется, чтобы Андрей увидел это интересное и почти недоступное для ботаников место. В Москве на работе мы выхлопотали командировочные без оплаты для оформления пропуска в пограничную зону. В Главном пограничном управлении, получив командировочные, мы были так счастливы, что даже в них не заглянули. Оказалось, штамп поставили только в командировке Андрея.

В солнечный день у Батумского базара мы сели в небольшой автобус, следующий в Гонию. В нем едут домой работницы совхоза. Смотрят на нас с большим подозрением. Мы одеты необычно, в полевое, с гербарной папкой. А в Гонию живут бдительные люди. То и дело мы слышим страшные истории о нарушении границы. И каково ликование толстых теток, когда при проверке на переправе через Чорох меня не пропускают. Андрей без меня не поехал. Вернулись домой несолоно хлебавши.

xxx

В доме произошли некоторые изменения. Шушабанду застеклили и перегородили. Образовалось две отдельные терраски. Одна, меньшая, с выходом из теткиной комнаты. Во вторую часть выход из средней и маминой

комнат. Это летняя столовая. Дуся с Олечкой в самом теплом помещении, в средней комнате. Там топится печь.

Мы спим на маминой части застекленной шушабанды. Утром выходит из своей комнаты величественная мама. Она в длинном халате. Большая коса спускается с плеч. Рассказывает приснившийся ей сон.

– Я в темном книгохранилище. Андрей берет инкунабулу и бьет меня ею по голове, – мама повторяет это несколько раз с мрачным выражением на лице.

–Это очень, очень серьезно!

Мы забираемся под одеяло, прыскаем со смеху.

xxx

Я в отчаянии. Так не хочется расставаться с дочкой! Но Андрей хочет быстрее уехать в Крым, а Олю решено оставить с мамой. Моего мужа тянет к новым путешествиям и сборам.

Солнечный день. Батумская бухта. Голубая гладь моря. На берег наплывает свежий ветер. На причале теплоход «Колхида». Мы уплываем в Крым. В моем чемодане пластинка: Бетховен- «Аппассионата». Моя любимая. Мама ее обнаруживает и сердится. Пластинки уже стали ее собственностью. Прощай, Зеленый мыс!

1962. Пасха. Слева направо Майя Генриховна, Нина Петровна Георгадзе, Олег, Дуся с Олечкой на руках.

Следующий раз я попаду сюда через год, надолго. Здесь родится мой второй ребенок – сын Павел.

Сначала я очень тосковала. Но поездка отвлекла меня. Мы проехали весь Крым от Байдарских ворот до Феодосии, совершая далекие экскурсии на яйлы. Из Феодосии через весь степной Крым добрались до Севастополя. Оттуда поехали на Украину в заповедник Аскания Нова. Собрали большой гербарий.

Летом я работала на участках отдела флоры в Главном ботаническом саду. Знала о дочке только по переписке. Дуся отогрелась, опекала мою Олечку. Ходила с ней на море. Мама приходила в рабочий перерыв, пересекая холмы, чтобы побыть с внучкой. Майя сблизилась с Дусей, организовала и оплатила протезирование ее зубов.

xxx

К доброй несчастной Дусе я приходила в больницу, когда она уже была при смерти. С ней лежала женщина в таком же тяжелом состоянии. В полутемной палате стоял тяжелый запах мочи. Дуся ей рассказывала о своей счастливой поездке на Зеленый мыс. Говорила, что это самые светлые воспоминания за всю ее жизнь.

xxx

Увидела я свою доченьку только осенью. Зима была полна приключений. Дуся, преданная своей бывшей хозяйке, большой барыне тете Шуре, стремилась всеми силами вернуться к ней. А нам не с кем было оставить дочку. Андрей работал в полную силу над диссертацией, я – лаборант, в поиске темы для кандидатской диссертации.

После Дуси, которая все же ушла к своей хозяйке, маман нашла новую няньку – молодую толстую Машу. Ее услуги сама оплачивала. Моя зарплата и стипендия Андрея были минимальны, их едва хватало на жизнь.

1962г. Батумскому ботаническому саду 50лет. Открытие памятника А.Н.Краснову – основателю сада. Нижний ряд. Слева направо вторая В.Г.Зельгейм, далее Г.А.Габричидзе, А.А.Дмитриева, Н.Багратиони, Д.В.Манджavidзе (директор). Крайний справа Н.М.Шарашидзе.

1963-1964 годы

В начале 1963 года я ждала второго ребенка. Брат Андрея Николай уехал в кооперативную квартиру. Освободилась комната площадью 14 метров. В ней жила нянька с Олечкой, а мы – на кухне. Вечерами маман с Павлом Александровичем музицировали за фортепиано. Вся семья перед сном пила чай. Каждое воскресенье были званы гости – родственники Ольги Андреевны. Регулярно отмечались праздники – маленькие и большие. Своих друзей мы позвать к себе не могли из-за полного безденежья и курирования нашей жизни моей свекровью. Нарастал молчаливый протест. Теперь, когда я ждала второго ребенка, я твердо решила поехать на Зеленый мыс к маме, не советуясь со свекровью. Второе – встал вопрос о размене жилья. Хотелось самостоятельности. Оказалось, что у Андрея имеются сбережения. После университета он работал в деревне, в Костромской области и преподавал одновременно несколько предметов. Родители также собрали деньги на взнос за кооперативную квартиру. Они решили, что переедут сами, а нам оставят двухкомнатную квартиру, в которой мы жили.

Андрей на все лето уезжал в экспедицию на Дальний восток, а я – на Зеленый мыс вместе с маленькой двухлетней Олей.

Наконец я буду с мамой в родном доме, вкушу все прелести Зеленого мыса!

Мечта сбылась. Получив декретный отпуск, я приехала на Зеленый мыс в середине лета. В это время там отдыхал мой брат Саша с женой Тamarой и дочкой Ирой, ровесницей Оли. Стояли жаркие июльские дни. Я, несмотря на то, что была на сносях, всей компанией, с маленькой Олей, ходила на море.

xxx

Темными вечерами из ущелий раздавались душераздирающие крики. Это наивные и доверчивые девушки, отдыхающие в домах отдыха, шли на прогулку с горячими горцами, которые ежедневно приходили в дом отдыха погулять. Я просила брата встать на защиту. Но он отказывался, и, как потом выяснилось, был солидарен с любителями курортных приключений.

xxx

Мы с Тamarой ходили к Шушаник гадать на кофейной гуще. Она мне нагадала, что родится сын.

1963г. Зеленый мыс. Слева направо: вторая Вероника Генриховна Зельгейм. Третья Тamarа Твалчрелидзе – невестка Вероники Генриховны, жена Саши Твалчрелидзе.

Павел родился 11 августа в очень жаркий день. Может быть, немного раньше срока, так как накануне вечером мы шли в темноте из Махинджаури передавать посылку в Москву и я споткнулась. Ночью меня увезли в роддом.

Он в центре города, располагался в красивом, построенном в начале века двухэтажном здании

. Медсестры, кроме детишек на кормление, приносили нам и чашечки выпитого кофе. Среди рожениц была гадалка. Антисанитария бросалась в глаза. В туалете ко мне подошла женщина, предложила купить новорожденного ребенка. Я сначала не поняла. Я так хотела ребенка! У меня родился мальчик!

Приехав домой, я обнаружила, что Павлику не меняли пеленок, и у него содрана до колен кожа. Два месяца ушло на заживление. Тетка привозила из Батуми персиковое масло, с восторгом брала на руки ребенка, тетешкала, держа в зубах папиросу. Ни я, ни мама, зная ее взрывной характер, не решались ее просить не курить при младенце. Во многом я зависела от тетки. Она привозила продукты из города.

xxx

Моя свекровь прислала на Зеленый мыс нянюку Ольгу Ивановну. На то время, что я буду в роддоме, она побудет с маленькой Олей. Мамин отпуск всегда предназначался для свиданий с Леонидом Михайловичем. Ольга Ивановна, низенькая, со слащавым широким лицом, мне не нравилась. После того, как мы вернулись из роддома, она осталась на Зеленом мысу. Ей здесь очень понравилось. Втерлась в доверие к маме и особенно к тетке. Мама и тетка платили Ольге Ивановне, объясняя, что мне необходима помощь. А мне эта помощь была ни к чему. Я хотела быть одна с детьми. По утрам Ольга Ивановна показывала свое радение. Она сидит перед Олей с большой тарелкой манной каши. Настойчиво уговаривает съесть: «За маму, за папу!». Олечка отворачивается. В результате у ребенка началась диспепсия. Вылечили. Наконец в сентябре удалось ее выпроводить и я, счастливая, осталась с детьми.

xxx

Какое это было счастье! Полное единение с детьми! Теплый день. Я иду на карелинскую дачу. Светит уже не жаркое, приятное солнце. Мы сидим

на ступеньках. Рядом обильно расцветает синеглазка коммелина с яркосиними цветами, в оврагах розовеет горец Тунберга. Много цветов! Именно тогда я обнаружила закономерность внедрения в южную Колхиду восточноазиатских растений. Зимой рассказала о своем открытии Андрею.

xxx

В начале сентября по всей стране не стало хлеба. Хотя Никита Хрущев обещал в короткие сроки достичь коммунизма. В городе продавали плохой хлеб из отрубей. Но даже его не хватало. Окна магазинов разбивали, брали хлеб силой. Выручал нас отдыхавший по соседству сибиряк. Он приносил купленный с боем в городе хлеб. Возмущался, что Олег, молодой парень, и не думал добывать хлеб.

xxx

Олег к тому времени расцвел. Он прекрасно сложен, среднего роста, с красивыми светлыми курчавыми волосами и правильными чертами лица. Внешне немного напоминает Александра Блока, но выражение лица неприятное, настораживает. Он числился в вечерней школе, но туда не ходил.

1963г. Олегу 17 лет.

В его комнате, бывшей ванной, теперь две двери. Одна выходит на кухню, а вторую пробили наружу на задний дворик. Туда выходят и окна теткиной комнаты. Раньше на месте двери было небольшое окно. Теперь эта комната оклеена картинками из польских журналов. В то время поляки единственные позволяли себе изображать нечто эротическое. Кроме того, на стенах Олеговым корявым почерком написаны какие то изречения. Там же висит горн. У Олега есть проигрыватель, но он заводит постоянно одну и ту же пластинку. Я думала, что никогда не забуду ее мотив. Нет. Забыла. Олег спит до 12, иногда до часу дня, затем отправляется на пляж. Отдыхающим девушкам он рекомендуется студентом. Для подтверждения держит в руках маленький английский словарик. Днем приходит обедать. Далее опять приятное времяпровождение. Вечером – танцы.

xxx

Воду для стирки и для приготовления пищи мы по-прежнему достаем из колодца. В средней комнате стоит чугунная печка. На ней и готовим. Утром я кручусь с пеленками. Затем готовлю обед. Я одна с детьми и счастлива.

Тетка нас подкармливает, и Олегу не нравится то, что я у них на иждивении. Я в декрете, денег не получаю. Андрей аспирант, в экспедиции. Мама получает совсем маленькую зарплату, а ртов много. Тетка же работает врачом, и ей приносят подарки, деньги. Подаренные банки с вареньем она кладет под кровать Олегу.

Запомнился случай. Я приготовила обед. Старалась. Фаршированные перцы. На плите первое и второе. Я кормлю Павлика. Олег пришел с пляжа, стоит над плитой. Первое не ест, а прямо из кастрюли вылавливает вилкой перцы и испытующе смотрит на меня. Я молчу. Очень хочется сделать замечание. Но я знаю- на провокацию поддаваться нельзя.

xxx

27 сентября Олегу исполняется 17 лет. День очень жаркий. Тетка заболела. У нее высокая температура. Мама утром, уходя на работу, просила

Олега вызвать врача. Но он преспокойно ушел на пляж. Вернулся под вечер обгоревший. Тетка лежит, жалуется. Соседка принесла эластичные мужские носки, продает. В то время дефицит. Очень дорогие. Моряки иногда привозят из плавания. Я думала, тетка не купит Олегу. Ведь только что жаловалась на него, упрекала. Купила.

xxx

В сентябре, в бархатный сезон, приехал из Москвы отдыхать дядя Витя, брат маман, моей свекрови. Его отпустила Нинетта, его супруга. А без присмотра запойный дядя Витя срывается. Так и случилось: в первый же вечер напился в духане на Зеленом мысу. Вечером его привели соседи. Пьяный, он расписывает моей тетке:

– Я благородный, из купцов Бояровых.

Тетка в ответ парирует:

– Я тоже не лыком шита, из баронов фон Зельгейм.

Тетка с удовольствием напоила дядю Витю аминазином. Он несколько дней ходил на «ватных» ногах, еле шевелился. А потом, когда пришел в себя, стал благородным, аккуратным, как будто ничего не произошло.

xxxx

Позже, особенно в Магадане, в Институте биологических проблем севера, где мы работали, я неоднократно наблюдала пьяниц, которые после запоев держали себя так, как будто никогда не пили. Так было и с дядей Витей.

xxx

Зеленый мыс полон контрастов, особенно осенью. То стоят тихие теплые дни и природа прекрасна. Светит нежаркое солнце, цветут осенние хризантемы, зреет виноград, хурма, мандарины. Потом – снова непогода.

В октябре полили дожди. Стало сыро и неудобно. Приехали очередные отдыхающие – мамины знакомые журналисты. Эрех Айнгорн с другом Павлом и еще кто-то. Вечерами собирались на застекленной веранде. Неожиданно появился Абит. Вышел из заключения, пришел к тетке с

визитом. В результате пропал транзистор. Эрих привез эту новинку. Тетка стала обыскивать дом, осматривала и вещи моей свекрови. Кроме того, мама без спроса расфасовала привезенные крупы. В те времена и с крупами было плохо. Тетка вела себя вызывающе. Отношения рушились на глазах.

Свекровь приложила максимум усилий, чтобы я вернулась в Москву. Но я осталась на Зеленом мысу на всю зиму.

xxx

Я пригласила на Зеленый мыс Лену Павликову, рабочую из отдела флоры, где я работала. Маленькая, тоненькая девица из Бескудниково была легкого поведения. Но очень душевная,- она нас с Андреем иногда выручала. Единственная, кто предлагал мне свою помощь, оставаясь с Олей. Тогда мы с Андреем могли выбраться в кино или в консерваторию.

Опять потеплело, опять наступили замечательные теплые дни. Цвел японский анемон, дубки. Ленке хотелось погулять, отдохнуть. С первых дней они с Олегом сблизились. Их отношения длились несколько дней. Тетка злилась. Она всегда ревновала Олега к его девицам. Через несколько дней Олег стал Ленку избивать. Что между ними произошло? Ума не приложу! Но видеть, как здоровый детина бьет маленькую и щупленькую девушку, тяжело. Пытаюсь увещевать Олега. Но в ответ он молчит, усмехается. Ленка мечтает о богатом кавалере. Я наивно думала, что ей, работающей в ботаническом саду, нужно увидеть ботанический сад. С трудом с детьми, с Павликом на руках мы отправились туда на прогулку. Но Ленку совершенно не интересовали растения. Погулять ей не удалось. Олег следил за каждым ее шагом. Провожать ее он не собирался, как и всех своих девиц. Никогда не носил тяжестей. Это исключалось. Ленка договорилась в доме отдыха с каким-то парнем. У нее тяжелый груз, везет фрукты. Но парень тоже отказался, сослался на Олега. Что делать? Я оставила детей соседке и пошла провожать.

xxx

В Махинджаури на перроне – кучки отдыхающих. Ждут поезд. Он гудит, выезжая из маленького тоннеля. Массовик из нашего дома отдыха, сопровождая на аккордеоне, поет: «Сиреневый туман над Махинджаури проплывает...» Поезд подходит к платформе. Отдыхающие мечутся, тащат сумки, букеты и метелки из пальмы.

xxx

Метелки очень интересные – на длинной бамбуковой палке из прочных волос веерной пальмы. Их в доме отдыха продает старичок. Старичок время от времени обходит свою «плантацию». Пальм на Зеленом мысу много. Они вырастают самосевом. Под пышной кроной листьев ствол обнимают влагилица из очень прочных нитей. Старичок их обдирает, скручивает трубочкой и прикрепляет к концу бамбуковой палки. Метелка получается очень прочной, а главное – собирает и тонкую пыль.

На юге в углах под потолком быстро выют себе паутину пауки. Время от времени ее нужно снимать. Пальмовый веник в этом отношении незаменим, Он на длинной палке. И обмахнуть углы легко. Мама сама делает такие веники. Но они не такие прочные и красивые, как у старичка.

Эта традиция полностью утрачена и забыта.

xxx

Ноябрь. Декабрь. Днем я одна с детьми. Счастье! Под вечер, в пять часов, поднимаюсь на гору к Павличенко за молоком. Они держат корову. Павличенко по-прежнему живут очень бедно. Старший сын Вася нелепо погиб. Ночью, возвращаясь домой, наткнулся на обнаженный провод, упавший после бури.

Аня ко мне привязалась, подарила веретено. Мне очень хотелось научиться прясть. Но так и не научилась, а красиво расписанное маленькое веретено хранила долго.

Под вечер я собираюсь за молоком. Дворняжка Джульбик заранее чувствует: хвост колесом, никак его не посадишь на цепь. Обязательно увяжется. А у меня на руках Павлик, рядом маленькая Оля да еще бидон для

молока. Джульбик затевает драки с собаками, а потом прячется у меня в ногах. В сопровождении Джульбика поднимаюсь к чайтехникуму, подхожу к дому Павличенко. У них похороны: умерла бабушка. Полно народу, а Джульбик затеял грандиозную драку!

xxx

Сделала из шишек, желудей, коры игрушки. Отправила своим сослуживцам в подарок к Новому году. Тетка Майя тоже загорелась и стала мастерить из шишек игрушки. У нее получалось оригинально. Она увлеклась и мастерила их днем и ночью. Человек азартный. Потом остыла. В память об этом творчестве осталась выставка игрушек в застекленном шкафу. Запыленные, они уже никого не привлекали.

Я привезла небольшой аквариум с рыбками. Мы в то время увлекались рыбками, ездили на птичий рынок. Летом не на кого было их оставить, и я их привезла на Зеленый мыс. Тетка начала ухаживать за рыбками. На Зеленом мысу зимой довольно холодно. Рыбкам нужен свет, обогрев. Она приобрела огромный аквариум и стала разводить рыбок. Их было довольно много, в основном вуалехвосты. Это увлечение растянулось на несколько лет. Потом, как это с теткой всегда бывало, увлечение заглохло.

В конце сороковых - начале пятидесятых годов все повально увлекались вышивкой крестиком. Тетка и в этом деле преуспела настолько, что вышивала очень тонко, без канвы. Долго хранила скатерть, вышитую крестиком на грубой мешковине. Ни мама, ни я, тоже вышивавшие, не могли с ней сравниться. Потом и это дело было заброшено.

xxx

В декабре мама уехала в Ленинград на свидание к Леониду Михайловичу. А к нам приехал Андрей. Мы с ним не виделись с мая. За это время у нас родился сын, которого он еще не видел.

Я стою на платформе. Из тоннеля вылетает поезд. На платформу спускается, как мне кажется в первый момент, мне совсем незнакомый человек. За более чем полгода в экспедиции Андрей отрастил бороду и в

дальнейшем ее не стриг. Так проще. Он не умел и не любил бриться. Я смирилась.

xxx

Выпал снег. Нам было очень хорошо. Мы сидели в теплой, натопленной средней комнате, а спать уходили к маме, на ее знаменитую кровать, купленную еще до войны. Пружины мягко проваливались. На высоких спинках блестели шарики. Хорошо!

xxx

Снег! Как это бывает? Еще вчера мы расстлали на площадке матрасы и грелись на солнце. Температура поднималась до 25 градусов, и мы загорали в купальниках, а дети лежали голенькими. Но вдруг погода резко испортилась. Казалось невероятным, что еще вчера было так хорошо, повесенному тепло.

Долгие тёплые дни сменились ливнями. Дождь лил непрерывно в течение суток так сильно, что видна была лишь сплошная стена ливня. Вдоль дорог, по склонам холмов бурные и быстрые ручьи смывали почву. Тучи стояли низко. Море стального цвета штормило. На улицу выходить не хотелось. Вся зелень была пропитана влагой. С края площадки мы видели бушующее, пестревшее белыми барашками море. Пенящиеся волны охватывали снаружи выдающийся в море мыс города Батуми.

Непогода сопровождалась бурей и грозой. Молнии сверкали на ночном небе, расцветивая его фантастическими огненными и серебристо-голубыми стрелами. Ветер ломал ветви деревьев. Иногда сыпал град.

А затем неожиданно наступило затишье. Все на глазах изменилась. Большие бесшумные хлопья снега бесконечной чередой падали из низких туч, застилающих небо. За несколько часов навалило горы снега. Замело дороги. Снег толстыми слоями лег на ветви деревьев, провода. То тут, то там он с шумом падал с деревьев, сваливаясь в огромные сугробы. Высокие стройные кипарисы, криптомерии, кедры стали похожими на заснеженные холмы и горы.

Снегопад на Зеленом мысу. Видны корпуса санатория «Аджария»

Через несколько дней распогодилось. Снег стал быстро таять, потекли ручьи.

Под деревьями лежали груды опавших листьев, веток, под соснами – горы шишек и хвои, под куннингамиями и криптомериями - большие скопления сухих опавших веток, под кордилинами – слой сухих листьев, а под конфетными деревьями – веточки с мясистыми плодоножками, «конфетами». Налипший снег быстро скатывался с ветвей. Падение большой груды снега с высоких крон сопровождалось звуком, похожим на «буханье» далёких артиллерийских выстрелов.

Мы гуляли. Сильно пригревало солнце. Под крупными деревьями стоять было опасно. Того и гляди, окажешься внутри огромного сугроба. Природа казалась фантастической. В воздухе тепло, а кругом блестит снег, совершенно скрывший под собой чайные кусты, мандариновые деревья. Зелень пробивается повсюду. Очень экзотично выглядели на фоне снега пальмы.

Когда Андрей уезжал, от снега почти не осталось следов.

Он грустил, расставаясь с нами. Говорил, что в Москве еще зима. А тут весна в январе!

В начале 1964 года, в марте приехал на Зеленый мыс композитор Андрей Волконский. Знаменитая личность. Он женат на падчерице Паустовского Галине Арбузовой, также заезжавшей к маме. Андрей злится на свою мать Киру за то, что она покинула Париж и вернулась с ним на родину. Он мечтает вернуться в Париж и надеется пересечь границу, которая как известно, «на замке». В Москве с музыкантом Маркизом он организовал ансамбль под названием «Клавесин». Просвещенный музыкант, он возрождал малоизвестные произведения не только самого Баха, но и его многочисленных сыновей.

xxx

Весна. С каждым днем становилось теплее, красивее. Об отъезде думать не хотелось. Пышно цвела мимоза, на площадке тонко распространялся аромат дафны индийской. Каскадами маленьких белых колокольчиков покрылись кусты андромеды.

Я с детьми гуляла по даче Карелиных. Цвели подснежники. На южных склонах фиалка с маленькими душистыми цветками распространяла тонкий аромат. Пригревало солнце. Но декретный отпуск заканчивался, пора было возвращаться

xxx

Последние весенние дни были омрачены очередным грандиозным скандалом. Олег продолжал бездельничать, есть варенье, которое тетка ставила под его кровать. Он очень любил и томатный соус, банки с которым также стояли под кроватью. А я задумала приготовить борщ. Пошла в его комнату и самовольно взяла этот соус для заправки. Борщ ведь для всех. В результате Олег нажаловался. Разразился очередной скандал. Как всегда, сопровождавшийся криками: «Он у меня один!» Дверь захлопнулась на засов.

Страсти накалялись. Олег кончал школу, и нужно было его определить. Мама вычитала в газете о приеме в какое-то училище. Принесла вырезку. А тетка надулась.

– Разве моему сыну предназначена такая карьера?

Его – единственного, лучшего – принижают! Так что соус был последней каплей.

Мы остались на своей половине и готовились к отъезду. А Олега охватил хозяйственный порыв. Кажется, это единственный в его жизни случай, когда он что-то делал своими руками. На даче Карелиных только что прошла страда посадок. Между старыми деревьями были посажены молодые мандариновые саженцы. Олег их выкапывал, сажал на междудорожье, столбил территорию. Промежуток между дорогами оставался бесхозным.

По-прежнему границ не было. Порыв Олега быстро заглох.

xxx

Стало очевидно – маме необходимо оставить старый дом и построить свой. Лучше всего на конце площадки. Так хотел прадед. Я пошла к Осману Джиджавадзе, соседу-аджарцу. Он горячо откликнулся. Вспомнил, что и он поселился на земле моего прадеда, поэтому обязан помочь Венерике. Так, коверкая слова, называли маму аджарцы. Стали подсчитывать стоимость постройки одноэтажного дома. Оказалось, совсем недорого. Всего одна тысяча. Да где ее взять? Я, горя желанием освободить маму от тетки, пообещала, что буду ежемесячно высылать ей 5 рублей. Отрывать от нашего, очень скудного бюджета. Сказано – сделано. Как только смогла – выслала. А мама уже все позабыла, написала мне: благодарю, подписалась на журнал «Иностранная литература». Больше денег ей я не посылала.

xxx

Прямо за кухней крутой склон грозился подмыть саму кухню. Я посадила офиопогон, зеленую траву с корневищами, ограждающий склон от смыва. Но какая это защита! Угроза осталась. Как не хотелось расставаться с Зеленым мысом!

xxx

Осенью приехал Леонид Михайлович и организовал стройку бетонной площадки за кухней.

1963г. Леонид Михайлович Ишов и Вероника Генриховна Зельгейм

Прочная бетонная стена заканчивалась большим помещением под ванную и туалет. Над ванной была построена маленькая комнатка, куда поднимались по крутой лесенке. Мама назвала ее «Иверия». Была пристроена и большая комната, выходящая окнами во дворик Майи Генриховны. Тетка принимала активное участие в этой стройке. Снабжала деньгами. Мама получала мизерную зарплату. Леонид Михайлович, отлучаясь на время от своей ленинградской семьи, приезжал без денег.

xxx

Мама рассказывала: Олег бездельничал, дразнил и подначивал работающего и уже довольно пожилого Леонида Михайловича.

Когда все было построено, он демонстративно первым пошел принимать душ. Имел право. Его мать платила за цемент.

xxx

После стройки и сдачи мандаринов мама вместе с Леонидом Михайловичем совершили большое путешествие в Среднюю Азию, в Ташкент. Останавливались у Фатаховых. Это моя студенческая приятельница. Ездили за мамин счет. Леонид Михайлович, как мама с восторгом рассказывала, взял большой чемодан с мандаринами. Они быстро

их продали. Мама повидала Среднюю Азию, Ташкент, где она родилась. Больше никуда, кроме как ко мне в Москву, она не ездила.

xxx

Далее о постройке дома не упоминалось.

В Москве вскоре родители Андрея переехали в новое кооперативное жилье. Мы стали жить самостоятельно в большой двухкомнатной квартире.

Весна 1965 года

Андрей продолжал ранней весной ездить на Кавказ. И конечно, на Зеленый мыс. Собирал много новых растений.

В это время в Аджарии на побережье тепло, ярко, травы идут в рост, начинают раскрывать почки деревья и кустарники. А совсем недалеко в горах еще лежит снег. Ущелье реки Чаквисцкали совсем недалеко. Туда можно доехать на автобусе до села Чаисубани, а потом идти вдоль реки, углубляясь в горы. Андрея больше всего привлекал приток Чаквисцкали Бзонис, где он в 1959 году нашел новый вид галантуса.

В это время в ботаническом саду появился новый сотрудник Иржи Понерт. Он чех, его жена – гречанка, врач из-под Ростова. Семья Понертов получила квартиру в жилом доме ботанического сада. Молодой, спортивный Иржи решил пойти в горы вместе с Андреем. Ушли они рано утром. Под вечер Андрей пришел домой один. Наутро обнаружилось, что Иржи домой не пришел, пропал. Аджария страна маленькая. Пропажа иностранца всколыхнула всю пограничную республику и прежде всего ботанический сад. Андрея арестовали. Для него это не впервой. Ранее, когда он работал в Кобулету, ходил на природу один, его несколько раз арестовывали бдительные местные жители. Потом отпускали. На этот раз дело приняло крайне неприятный оборот. Андрей рассказывал: они с Иржи поднялись в горы. Он, как обычно, не оборачивался, ушел вперед. Ноги проваливались в снег, кеды промокли. Андрей ждал Иржи, но тот его не догнал. Чтобы не отморозить ноги, Андрей спустился вниз, не дождавшись Иржи. К счастью,

Иржи был одет тепло. На ногах ботинки. Он не стал догонять Андрея, переночевал в горах и утром вернулся целый и невредимый.

Мама рассказывала, что в тот день, когда узнали о пропаже Иржи, ее сотрудницы стали вспоминать мамины прегрешения, кричать, что она гулящая. А ведь она в то время была уже уважаемой заведующей библиотекой. После этой истории жена Иржи никогда с ней не поддерживала отношений.

Женщина свободных нравов, сама она заводила романы с местными мужчинами. Иржи все знал и молчал. В маленьком коллективе, где все на виду, это вызывало многочисленные толки. С другой стороны, к жене Иржи как к детскому врачу постоянно обращались за врачебной помощью.

xxx

Еще одно приключение Андрея связано с очень маленьким отпуском и желанием остаться на Зеленом мысу на несколько дней. Весь отпуск лили холодные дожди, а перед отъездом распогодилось. Так хотелось еще хоть немного углубиться в природу!

Моя тетка, работавшая в психоневрологическом диспансере, каждый день, возвращаясь с работы, воспевала свое учреждение. Говорила о бюллетенях, которые она может выправить. Тетка уговорила Андрея лечь в диспансер – для того, чтобы получить бюллетень. И Андрей лег. Попал в палату с действительно больными людьми. У него всегда было плохо со сном, а тут тяжелый запах, храп. Ночь он не спал. Когда на следующий день увидел мою маму, пришедшую к нему с визитом, бросился к ней, умолял забрать его. Но, видимо, это было совсем непросто. Все это я знаю по сумбурным рассказам мамы и скупым Андрея.

У тетки в то время был начальник, назовем его Вахтангом. Как у любого грузина, у него пышные усы. Он беседует с Андреем и спрашивает его – почему он носит бороду?

В те времена борода у мужчин была редкостью. Мой сосед, встретив нас на Зеленом мысу, с сочувствием спрашивал:

– Наверное, у него умерли родители?

На Кавказе традиция – не стричь волосы в знак траура.

На вопрос врача, почему Андрей носит бороду, тот отпарировал таким же вопросом:

– А почему вы носите усы?

Андрей был непочтителен, оскорбил грузинское достоинство начальника. В каком ключе шла беседа, теперь сказать трудно. Но врач передал моей тетке свое возмущение и сказал: «Он наш...». То есть не совсем или совсем ненормальный человек.

Потом некоторое время на этот счет шутили. Но быстро выветрилось.

Бюллетень выдал психоневрологический диспансер. Показывать его на работе было не совсем удобно. Зато тетка упивалась своей значительностью. Постоянно воспевала достоинства аминазина и каждому пыталась его впарить. И иногда удавалось. Например, как осенью 1963 года дяде Вите.

xxx

Во второй половине шестидесятых годов, когда наши дети подрастали, мы их отправляли на лето на Зеленый мыс с няньками. Все организовывала маман, большая в этом деле искусница. А мы могли ездить в экспедиции. На Зеленый мыс в те годы я приезжала лишь на считанные дни. Но связь с мамой не прерывалась. Между нами шла постоянная переписка. Она надолго приезжала ко мне в Москву, часто с Леонидом Михайловичем.

xxx

Когда приезжает мама, я стараюсь, чтобы она попала в консерваторию или в театр. Однажды мне удалось купить ей билет в консерваторию в первый ряд. На Зару Долуханову. Мне самой билета не досталось. Мама рассказывала, что с ней заговорил какой-то музыкант. А она стеснялась своих грубых натруженных рук.

xxx

Вероятнее всего, это было несколько позже, когда попасть в театр на Таганке, особенно на Высоцкого, было почти невозможно, а я уже работала в Магадане и так же, как и мама, приезжала в Москву на считанные дни.

Я, мама и Леонид Михайлович стоим в плотной толпе перед началом спектакля «Добрый человек из Сезуана». Это самый главный спектакль театра. Увидеть Владимира Высоцкого, нашего кумира, очень хочется.

Но вряд ли удастся достать билетик. Уж очень много желающих. И – о чудо! Я покупаю с рук один билет. Отправляем маму. Спектакль вот-вот начнется. Но толпа желающих купить лишний билетик не расходится. Я продолжаю спрашивать, а Леонид Михайлович молчит и как бы меня пасет. Ходит за мной. Знает: достану билетик – отдам ему. А я про себя злюсь и тоже хорошо знаю, что отдам ему билет, если достанется. Но билета не досталось ни мне, ни Леониду Михайловичу. Придя домой, сильно замерзнув, я забралась в ванную и рыдала от досады на себя.

xxx

Приезжали ко мне в Москву и Саша с Тамарой. Тамара – за покупками, в основном за одеждой, которая была в Грузии дефицитом. Саша работал в Тбилисском НИИ, связанном с Ярославлем. Проездом в Москве всегда останавливался у нас. От него я знала об его отношениях с дедом, который в Тбилиси жил с ним по соседству. Отношения были своеобразными. Дед звонил Саше и просил помочь. Саша приходил, помогал, но требовал за работу рубль. Дед любил всякие новшества, приспособления. Они часто ломались, и помощь Саши была необходима. Саша унаследовал, возможно, от немецких предков, аккуратность и любовь к технике. В этом деле он был мастером.

xxx

Через год после того, как тетка Тамары купила им комнату, шайка Кутаисского банка была обнаружена. Воры сели за решетку, в том числе и Тамарина тетка. На много лет. По рассказам мамы я знала, что тетка широко сорила деньгами, из ее щедрот перепало даже Олегу. Ему купили модные

туфли. Мама буднично рассказывала о том, что процесс был очень большим, предан огласке в прессе, что один из персонажей был убит или покончил самоубийством уже в тюрьме. Что у Тамары где-то прикопаны теткинны богатства. Что на ее попечении сын тетки. Подрастающего сына я как-то мельком видела на Зеленом мысу. Его привозила Тамара. О тетке я больше не расспрашивала, тем более что с Тамарой, проживавшей в Тбилиси, не общалась. С мамой у нее отношения не складывались. И были на то веские причины.

Саша должен был два года служить в армии. Его распределили в Красноводск, где ему очень не понравилось. И он с помощью мамы, просившей за сына, перевелся в Батуми. Его часть располагалась за аэропортом, в Кахабери, в 10 километрах от нашего дома на Зеленом мысу. Мама напряглась и купила Саше мотоцикл. Одновременно и тетка купила Олегу мотоцикл «Ява». Саша с Олегом общался мало. Видимо, сказывалась разница в 7 лет. Хотя оба они были завсегдатаями нашего дома отдыха. И оба пользовались у отдыхающих женщин сумасшедшим успехом.

Светловолосый Олег покорял сердца юных девушек, а черноволосый и очень красивый грузин Саша производил впечатление на дам более старшего возраста. Саша подружился с Гоги Гиgienишвили. Кроме того, в нашем доме стал постоянно бывать Зураб Махарадзе, работающий на тбилисском телевидении. Последнее особенно производило впечатление на дам. Зураб не был женат. Одинокая его мать работала медсестрой на вокзале, в медпункте. Я ее видела однажды, когда много позже Зураб неожиданно пропал, и она приехала к нам домой на его поиски.

Саша, Гоги и Зураб составили веселую кампанию. Любили покутить и в ресторане, но не за счет Саши – большого жмота. У Гоги и Зураба также много денег не водилось. Но они были по-грузински щедрыми.

Главную роль, конечно, в их жизни тогда играли дамы. На конце нашей площадки мама построила маленькую избушку на одну комнату. Заборов не было, и эта избушка служила домом свиданий. Веселая Сашина жизнь на

курорте, свидания с дамами не укрепляли симпатии между мамой и невесткой Тamarой. А мама, не видевшая своего сына с раннего детства, теперь баловала его как могла.

xxx

Олег в это время мужал. И, как мне казалось, совершенно не заботился о своем будущем. Жил только удовольствиями. Его вполне можно было причислить к нескольким постоянно обслуживающим прекрасных дам молодым людям при доме отдыха.

Он также гостил у нас в Москве. В основном зимой. Но родственного контакта у меня с ним не было.

Мы с Олегом совершенно разные люди. Как ни копаюсь я в своей памяти, больше одного-двух разговоров с ним не могу припомнить. В те времена он как-то спросил у меня совета по поводу избранницы. Что я могла ему посоветовать? Их было так много, я их не знала. Посоветовала выбрать по душе. Но я и самого Олега совсем не знала. Он, в отличие от своей матери, был молчаливым. Помня о его подростковых пакостях, я старалась с ним быть осторожной.

Так же, как и Саша, приезжая к нам в гости, он был скуповат. Подарков не привозил. А у нас двое детей, жили мы довольно бедно. Встречала его я, как и Сашу, по-родственному. У нас гостило много знакомых, с которыми мы встречались в экспедициях, гостеприимством которых пользовались.

Запомнился один случай. Как правило, зимой привозили к Новому году мандарины. Привез их и Олег, но от моей мамы. А свои оставил себе, для визитов. Когда Олег уезжал, дети неожиданно открыли его чемодан и увидели, что он полон мандаринов.

xxx

В армию Олег не попал. Хотя он учился весьма слабо, тетке удалось благодаря батумским знакомствам и подношениям протолкнуть его в Батумское мореходное училище. Морская форма ему очень шла, усиливая мужское обаяние.

Тетка была счастлива. Ее сын – студент! Его сверстники из других городов скучали по домашнему уюту. В воскресенье тетка готовила парадный обед. Олег приезжал с товарищами. Но за гостеприимство нужно было отплатить. Однокурсники, как правило, чинили его мотоцикл. К технике Олег не притрагивался, он в ней не разбирался. Запрограммированный своей матерью на избранность, он был прекрасным организатором своей жизни.

На несколько дней 1966

В 1966 году перед 8 марта я попала на Зеленый мыс. Меня от месткома послали за мимозой для женщин Главного ботанического сада. Так было обидно, что всего на два дня! Добрый директор Батумского ботанического сада Нури Мемедович Шакарашидзе распорядился срезать самые лучшие ветви с цветами. У меня в руках оказался большой тюк со свежесрезанными ветвями цветущей мимозы. В то время – чуть ли не единственные цветы, которые продавались в Москве из-под полы ко дню 8 марта.

Мы с мамой стояли на платформе в Махинджаури. Везущих мимозу в Москву для спекуляции оказалось много. Мама еле впихнула меня в вагон. Атмосфера была очень нервной. Но проводник оказался добрым. Мой пакет поместил в холодильник, который располагается под полом вагона, и мимоза не испортилась. В вагоне было грязно, полно подозрительных людей. Беспредел. Я, «такая правильная», приехав в Москву, тут же настрочила в газету о безобразиях в поезде. И, конечно, получила ответ, что это единичный случай. Что второй, плохой, проводник там был временным, он уже не работает. Какая странная наивность – искать справедливости! Это качество до сих пор у меня не выветрилось.

xxx

Нури Мемедович Шакарашидзе, которого я помнила в студенческие годы приятным молодым человеком, подающим надежды, теперь стал директором ботанического сада. Нури – местное имя. А официально –

Нодари. Употребляют как первое, так и второе. Нури защитил кандидатскую диссертацию по физиологии растений.

Давид Владимирович Манджавидзе переехал в Тбилиси, в столицу, осуществив свою давнюю мечту (Батуми считался у грузин провинцией). Вслед за ним перебрался в Тбилиси Баланчивадзе. Потом – Алеша Цицвидзе. Нури Мемедович из местных. Он лаз. Эта народность жила на побережье Черного моря за Чорохом, на запад и за Трабзоном. В девяностых годах в Турции, в Орхави, на северном побережье Черного моря, я встретила с художником из Стамбула, который с гордостью сообщил, что он – лаз. В Турции принадлежность к этому маленькому народу упоминается часто. А в Аджарии он почти полностью забыт. Хотя, когда я с А.А.Дмитриевой в 1959 году была в Гонио, можно было видеть черты национального костюма лазов у женщин – большие передники с яркими продольными полосами.

У Нури в Гонио был огромный апельсиновый сад. Он завидный и очень богатый жених. Вскоре, после моего отъезда в Москву, он вошел в богатую семью Кариоглы, наделы которых на Зеленом мысу находятся ниже чайного техникума на южной стороне. Кариоглы в сталинские времена были переименованы на грузинский лад в Боквадзе. Местные люди употребляли как ту, так и другую фамилии. Его супругой стала Мери. Молодые сначала жили на Зеленом мысу в родовом доме Мери, а потом в собственном доме в Батуми. Подрастали двое детей: дочь и сын.

Милейший и тишайший Нури Мемедович задумал защищать докторскую диссертацию по физиологии растений. Приехал в Москву, в Главный ботанический сад на апробацию. Я – лаборант в отделе флоры, узнав о предзащите диссертации, пошла послушать. В чем была суть работы, я не помню. Присутствовал известный биохимик Андрей Васильевич Благовещенский, на которого находил стих, когда он сталкивался со слабыми работами. И он стал почему-то ругать работу Нури. Тот сидел в зале, толстый и красный, как рак. Я мечтала потихоньку выйти, но двери были закрыты. Слышала, как Андрей Васильевич в сердцах говорил: «пучок сена». Это и

запомнилось. Я боялась, что мое присутствие на позорной предзащите скажется на добрых отношениях Нури с моей мамой. Но робкий Нури после такого опыта навсегда оставил желание защищаться. А с мамой у него сохранились вполне дружеские отношения. Как и при Манджавидзе, в глубоком кресле темного огромного кабинета у огромного стола теперь сидел Нури.

Судьба его была решена, когда он соединил свою судьбу с Кариоглы-Боквадзе. Его супруга Мери унаследовала черты своего рода. Нури Мемедович ей подчинялся во всем. И попал однажды в очень неприятную историю.

В директорах Нури пробыл до самой своей смерти в 1989 году. Его похоронили в Гонио по мусульманскому обряду. При нем в ботаническом саду, как и во всей стране, строгости и боязнь власти сильно ослабли.

xxx

Осенью 1963 года, когда я осталась с маленькими детьми на Зеленом мысу и гуляла в окрестностях нашего дома на даче Карелиных, на китайской даче, обратила внимание на интересное явление. Многие заносные растения, оказавшиеся в Аджарии случайно, разрослись, образовали свою экологическую нишу: растут в определенных местах, что особенно заметно осенью, массово цветут. Когда Андрей приехал к нам зимой, я ему рассказала о своем открытии. Он его одобрил и, вернувшись в Москву, я написала статью. Мой шеф Владимир Николаевич Ворошилов посоветовал получить рецензию на статью из Батумского ботанического сада. В редакции Бюллетеня Главного ботанического сада, куда я отнесла эту статью, ее отправили Дмитриевой Александре Алексеевне. Я не сомневалась в ее доброжелательном ко мне отношении. Но нет, Александра Алексеевна поступила совсем иначе. Статья у нее пролежала почти год, после чего она ее с большими замечаниями отправила не в редакцию, а заместителю директора Петру Ивановичу Лапину. У него эта статья пролежала тоже очень долго. И вышла в свет спустя 4 года! К тому времени мы с Андреем уже собрали

большой материал по заносным видам всей Колхиды. В Бюллетене Московского общества испытателей природы опубликовали статью. На нее писал рецензию знаток флоры Колхиды, работавший в Сухуми, – Колаковский Альфред Алексеевич, хорошо знавший меня и Андрея. Он со своей супругой Видой Савельевной Ябровой относились ко мне по-родственному тепло. В рецензии было особенно приятно читать о том, что обзор литературы сделан подробно и очень хорошо. Переезд на север оторвал нас от Колхиды, в том числе от этой интересной темы.

Мне было обидно и непонятно недоброжелательное отношение Александры Алексеевны. Я ведь выросла у нее на глазах.

Видимо, секрет ее недоброжелательности в том, что она считала мое маленькое открытие своим. У нее была статья, которая касалась этой темы. А я ее невольно опередила. В дальнейшем, в семидесятые годы, когда в ботаническом саду у нее появился аспирант – Мурман Давитадзе, она его послала стажироваться в Москву. В своих статьях он никогда не цитировал мою работу. Возможно, по наводке руководителя – Александры Алексеевны. Дмитриеву я не могу назвать в числе своих наставников, хотя она была рядом со мной все мои студенческие годы.

Судьба ее собственной приемной дочери оказалась незавидной. Хотя Александра Алексеевна очень старалась ее образовать, Туся была не способна к творческой деятельности. Толстая, неповоротливая, она работала в ботаническом саду на метеорологической станции и прижила ребенка, девочку Таню, от милиционера ботанического сада. Когда в семидесятые годы был построен дом для сотрудников в городе Батуми, Туся потребовала у матери, чтобы та получила там квартиру. Это было неудобно для Александры Алексеевны. Она все свое время посвящала обработкам флоры Аджарии. Но интересы дочки и внучки перетянули. В восьмидесятые годы, когда я снова приехала на Зеленый мыс и садилась в автобус на Хоздворе, Александра Алексеевна, сидя рядом, жаловалась мне, говорила что ей это очень неудобно. Ее гибель также связана с поездками в город.

xxx

Заведовать кавказским отделом и гербарием стал молодой, подающий надежды Важа Мамидадзе. Гербарий перевезли из дирекции в жилой дом, на место закрытой школы. Он оказался в сыром, неотапливаемом и не проветриваемом помещении. Такой микроклимат не подходит для хранения гербария. Много, собранное за прошлые годы, прежде всего Дмитриевой, погибло. Маленькая, седая, она сидела с большой лупой в холоде, определяла растения. Такой я ее помню в восьмидесятые годы. Когда в начале девяностых не стало транспорта, бензина, она, как и все остальные сотрудники, добиралась до работы пешком. Электрички ходили нерегулярно. Александра Алексеевна, уже ослабевшая, шла пешком вдоль железнодорожных путей. На повороте к Зеленому мысу, у скалы, она не услышала предупреждающего сигнала электрички, и ее отбросило воздушной волной в сторону. Она погибла. Похоронили ее на русском кладбище на Зеленом мысу, на крутом склоне. Памятника на могиле приемной матери Туся поставить не успела. Время было суровое. Не до памятников. Дирекция во главе с Ваню Мамунидзе не задумалась о том, чтобы помочь, увековечить память известного ботаника. К тому времени внучка Таня вышла замуж и уехала на Кубань. Забрала Тусю. Она жила у дочери в достатке в большом частном доме. Времена были голодные. Маша Овчинникова, получая письма от Туси, радовалась ее благополучию.

xxx

Зеленый мыс был и далеко, и близко. Там родной дом, мама, которая пишет мне часто. Приезжает ко мне в Москву, знакомит с новостями: чередой следуют рождения, свадьбы и, увы, смерти. Наши дети проводят лето, как правило, на Зеленом мысу. И хотя я бываю там считанные дни, я не расстаюсь с этим местом. Живу мечтой приехать в родной дом на более долгий срок. Но отпуск у меня маленький. Я по-прежнему только лаборант. Мне положено всего 18 дней отпуска в году.

У мамы в то время часто гостил Олег Хамзаев – геолог из Тбилиси, с которым и тетка, и мама знакомы с молодости. Он приезжал с группой грузинских геологов на машине. Для маминого хозяйства вещь важная. Можно что-то привезти из тяжелых и очень нужных вещей.

Осенью была в командировке и гостила у нас бриолог из Львова Лена Высоцкая. Интеллигентная, моего возраста, она собирала мхи. Я с ней подружилась.

Мама всегда восторженно относилась к поездкам в горы. Представился случай. У Хамзаева дела в горах в соседней с Аджарией Гурии. Мы поехали под вечер. Как выяснилось, деятельность Хамзаева в Западной Грузии была в основном связана с частными подработками. В советские времена это считалось криминалом. Но в Грузии многие вели двойную жизнь. Подработки заключались в определении грунта, изучении геологической ситуации при постройке домов. Строились дома на крутых склонах холмов, без таких рекомендаций не обойтись: самостийно построенные большие и несуразные дома могли съехать вниз, примеров было достаточно.

Мы подъехали к деревне поздним вечером. Уже темнело. Олег с геологами и местными жителями ушел в горы. Мама, Лена и я остались в ожидании у маленькой речки. Спустилась ночь. Было холодно. На расцвеченном звездами небе плавно пролетел спутник. Олега все не было. Мы не только замерзли, но и сильно проголодались. Эта странная поездка вызывала досаду. Когда же появятся наши хозяева? Где машина? Очень поздно, уже за полночь, Олег и вся остальная компания наконец приехали. Пригласили в столовую. Это большой и неуютный бревенчатый сарай. За столом сидят только мужчины и мы, три женщины. На огромной сковороде аппетитно пахнет жареное мясо. На столе – батарея бутылок вина. Начинается чинное застолье. Произносятся тосты. За родителей, соседей и обязательно за мир. Речи, тосты торжественные и долгие. В каждом есть интрига. И, наконец, крещендо – произносится самый пышный и проникновенный тост за отца народов товарища Сталина. При этом нужно

обязательно, обязательно поднять бокал и выпить. На это нацелено все красноречие. Мама понимает обстановку и поднимает стакан. Лена отказывается наотрез. Я следую ее примеру.

Долгая пауза. Имя Сталина здесь священо.

1969. Генерал Иванов

Я уже вплотную занималась биоморфологией жимолостей, и мой руководитель, Владимир Николаевич Ворошилов, разрешил мне командировку в Батуми для изучения жимолости японской.

Декабрь. Дожди льют без перерыва. Холодно. Вот-вот пойдет снег. Но я счастлива: сижу и рисую, исследую мокрые побеги, вкушаю радость домашнего тепла и уюта. Слушаю рассказы мамы.

Темным дождливым вечером к нам нагрянули военные. Генерал Иванов, приехав из Москвы, захотел увидеть дом, где родился его внук.

Несколько военных во главе с широкоплечим крупным, средних лет генералом заполнили нашу застекленную шушабанду. Военный вел себя доброжелательно, часто вспоминал Тамару – сестру его невестки. Но ни разу не поблагодарил ни маму, ни тетку, которым на самом деле он был обязан появлением на свет своего внука Володи.

История такова. У Тамары, жены моего брата Саши, есть сестра Ира. Мы ее впервые увидели в 1960 году, когда на два дня заехали в Тбилиси к бабушке. Это была красивая девочка-подросток. Через год у Тамары родилась дочка, которую тоже назвали Иррой. Таким образом, в семье брата стало две Иры – большая и маленькая. Так их и

звали. Когда большая Ира кончила школу, она в качестве няньки маленькой Иррой подолгу жила на Зеленом мысу.

xxx

В это время 18-летний Олег учился в Батумском мореходном училище. Среди однокурсников Олега, приезжавших на воскресные дни на Зеленый мыс, оказался тонкий темноволосый мальчик – Володя Иванов. Сын генерала. Как попал Володя в Батумскую мореходку,

почему? Мама удивлялась. Говорили, что он скуповат и выпрашивает у Олега на папиросы. Возможно, генерал разгневался за какой-то проступок на сына и уславил его в Батуми, денег не давал. Но это мои догадки. Всю историю я знаю от мамы, но хорошо представляю, как это выглядело.

Весна. Молодость. Студенты. Любовь. Нянька Прасковья, строгая сибирячка, жившая на Зеленом мысу с моими детьми, ворчала, подсматривая за любовными играми моего брата и его товарищей.

Кончилось лето. Ирочка большая вместе с маленькой вернулись в Тбилиси. В ноябре немного пополнившая Ирочка большая неожиданно приехала на Зеленый мыс. Сообщила моей маме, что она ждет ребенка. Вскоре будет рожать. Трудно сказать, какие были у нее отношения с сестрой, если она не решилась ей рассказать о случившемся. Разразился скандал. Приехали Тамара с Сашей. Проклинали маму, тетку Майю, Иру. Разрабатывался план уничтожения плода, хотя Ира была на сносях. Тут уж возмутились мама и Майя. Постановили: Ира пусть рождает, а ребенка они усыновят. Ира осталась на Зеленом мысу. В конце декабря у нее родился сын. Она назвала его Володей. Была куплена ванночка, коляска, приданое. Студент Володя Иванов сразу объявился и признал ребенка. Но боялся сообщить о нем отцу. Приезжал каждое воскресенье на Зеленый мыс. Ирочка нянчила своего сына. Где же была ее сестра, мой брат? Эти нелюди не приезжали. Многозначительная тетка, гордая своим поступком, картинно показывала ребенка и рассказывала в красках всю историю, когда приходили соседи. Бедная Ирочка большая сидела, опустив глаза. Прошла зима, весна. Наступило лето. Володя уезжал на практику. Привез Ире халат. Мама расписывала мне красоту этого халата. В Тбилиси зашевелилась Тамара. Купила Ире шубу у спекулянтов и хорошее приданое ребенку. Все иностранное. Потом блюда. На блюда были картинно разложены плоды юга. Вместе с Ирой и ребенком прилетела в Москву. Генерал, отец Володи, увидев внука, смягчился. Ирочка большая осталась в Москве.

Мама рассказывала о том, что генерал Иванов – большая шишка. Он принимает парад на Красной площади. И перед моими глазами сразу возникала торжественная картина: зрители, готовые к параду войска, на белом коне выезжает на середину площади генерал Иванов, ему навстречу – тот, кто отвечает за парад. Громовым голосом, умноженным репродукторами, докладывает, что войска к параду готовы. И парад начинается! Позже Иванов выезжал, стоя в машине. Тоже очень торжественно. Все, кто жил в то время, хорошо помнят эти парады.

Прошло время. Ирочка жила благополучно. Мальчик подрастал. Но в закрытый военный мир Тамару с Сашей не допускали. А Тамара теперь мечтала хоть как-то присосаться к сестре. И присосалась. В середине семидесятых Иванов возглавлял военные части в ГДР. А там все заграничное, качественное, дефицитное: мебель, одежда и прочее. Можно заработать. Тамара выпросила у генерала командировку на несколько лет для себя и Саши. В ГДР она преподавала русский язык. Это меня всегда приводило в замешательство. Я и раньше встречала таких, мало интересующихся русской литературой, преподавателей. В ГДР она вступила в партию. Мама, рассказывая об успехах сына и невестки, особенно нажимала на рост Тамариной карьеры в связи с ее вступлением в партию. В Германии Тамара активно запасалась всевозможными дефицитными вещами.

А Саше в Тбилиси пришлось оставить интересную работу. В ГДР он работал не по специальности. Было неинтересно. Дочка, Ира маленькая, осталась в Тбилиси. Кончила школу, поступила в политехнический институт. Вела веселый, бесшабашный образ жизни. Девушка она милостивая, хорошо сложена. Очень любила готовить, вкусно поесть. Но случилось несчастье: нога попала в щель лифта, и она чуть не стала калекой. Ногу удалось восстановить.

Осенью 1980 года Ира маленькая пришла к нам в гости в Москве. В темном холле я ее по ошибке приняла за Иру большую и очень растрогалась. Моей племяннице Ире я была рада. Мама мне о ней много писала. Теперь я видела перед собой красивую девушку с карими, немного навывкате, как у Саши, глазами. Она рассказывала, что у них в квартире есть мебельный гарнитур, кроме того, в подвале хранятся два гарнитура, привезенные из ГДР. Девушка деловито объяснила, что в Тбилиси так принято. Это ее приданое. К сожалению, приданое ей не пригодилось. Замуж она не вышла.

xxx

Судьба Иры большой сложилась весьма благополучно. Володя Иванов был обласкан отцом, кончил институт международных отношений и работал за границей. Недавно я случайно услышала, что он работает дипломатом в Турции.

Военная, отделенная от народа среда, а возможно, и память о перенесенном позоре и особенности характера, отдалили эту пару от Зеленого мыса. Они не посетили его ни разу, даже в знак элементарной благодарности двум странным бесхозьяственным родственницам. В отличие от Саши, Тамары и Ирочки маленькой, которые на Зеленом мысу бывали не только наездами, но в девяностые, голодные для Тбилиси времена, переехали туда на постоянное место жительства. Как сейчас невыразительно сокращают: ПМЖ.

М.Т. Мазуренко. Утраченная Колхида 448стр. М., 2012.

2я часть

Бабушка и дедушка

1968г. Мадлен и Генрих Зельгейм.

Жизнь бабушки с дедушкой шла в прежнем ритме. Теплое время года они проводили на Зеленом мысу, зимой возвращались в Тбилиси, опекая подрастающую внучку Маришу. Девочка расцветала и стала очень красивой. Но была крайне избалована. Дед все свои заработки тратил на внучку. Все его помыслы были связаны с Маришей. Он постепенно оставил свою любимую мысль о переезде в Батуми. В конце пятидесятых-начале шестидесятых, приезжая на Зеленый мыс, дед всегда заявлял о своем желании обменять тбилисскую квартиру на Батуми. Вначале это вызывало у жителей Батуми живой интерес. Дед с бабушкой жили в самом центре Тбилиси, это очень соблазняло тех, кто всеми силами стремился в столицу. Но дед тянул. Ездил смотреть в Батуми варианты. Город небольшой, и вскоре стало ясно, что Генрих Антонович и не думает обменивать свою площадь. Этого требовала и Мариша. Ведь она наследовала его квартиру. С образованием у нее не ладилось. Зато женихов было полно и она, еще юная девушка, вышла замуж. Родился мальчик Владик. Тетка Дуду в нем души не чаяла, все свое время посвящала внуку. Однако брак Мариши оказался непрочным. Как утверждала моя невестка Тамара, по вине легкомысленной Мариши.

По сложившейся семейной традиции я регулярно переписывалась с дедом. Описывала наши далекие путешествия. Он мне в ответ писал о своих трудностях, старости, называя меня «самой дорогой и любимой внучкой», что меня слегка раздражало. Видимо, на Кавказе он приобрел лживую манеру льстить. О Марише если он и писал, то только с просьбами что-то ей купить в столице.

Деда и бабушку мне было искренне жаль. Они старились. Дед перенес неудачную операцию простаты, мочеиспускание у него было полностью нарушено. Но он мужественно переносил этот недуг, как и неприятности с ногой. А бабушка теряла память.

В конце шестидесятых на Зеленом мысу она ушла из дома. В течение нескольких дней ее не могли найти. Был объявлен розыск и наконец ее обнаружили. Все это я знаю от мамы. Во время своего побега бабушка утратила способность говорить по-русски и изъяснялась только по-французски. Поэтому сначала ее приняли за шпионку. На ее теле нашли следы побоев, а за пазухой – кучу окурков. Оставлять ее дома одну стало опасно. А деду, привыкшему к тому, что жизнь вертится вокруг него, все это было крайне тягостно.

Наступило время, когда бабушка уже не могла вставать. Мамины письма были похожи на вопль. Была куплена стиральная машина. Мама ежедневно стирала, подкладывала пеленки. Весь этот тяжелый труд ложился только на нее. Тетка избегала таких тяжелых повседневных работ. Я не помню, чтобы она стирала даже свое белье.

В это время в ботаническом саду стала работать сверхэнергичная бухгалтерша Нина Владимировна, которая бывала часто в Тбилиси. За мамины ежедневные труды и присмотр за бабушкой с помощью этой Нины Владимировны были вытребованы две бабушкины вещи: костюм итальянского бархата – мамина мечта и брильянтовое кольцо – подарок бабушке на свадьбу. Колец было два. Еще одно, с бирюзой, досталось Марише. По этому поводу было много разговоров.

Мама взяла отпуск, приехала ко мне в Москву, оставив бабушку на попечение Майи Генриховны. В первом же письме тетка сообщила, что она свою мать положила в психбольницу при диспансере, где работала. Подробно описывала, как бабушке там хорошо. Через несколько дней пришло очередное послание. В пафосных и восторженных тонах, на которые гораздо моя тетка, описывалось, как она отправила свою мать в Тбилиси к тетке Дуду. Подробно рассказывалось, как бабушку клали на носилки и в сопровождении медсестры грузили на поезд. Действительно, зимний сырой климат, неустроенность быта сильно затрудняли уход за старой и больной матерью. Но в Тбилиси было не легче. Все заботы о матери пали на Дуду. Как она ухаживала за больной и потерявшей память матерью, я знаю по отчаянному письму соседки. Человеком Дуду была добрым, но безрассудным. Бабушке оставалось мучиться полгода.

xxx

Это время совпало с моим переездом в Магадан, нелегким для нашей молодой семьи.

1964г. Москва. Семья. В верхнем ряду: я с маленьким сыном Павлом, Андрей с дочкой Олей. Нижний ряд: Николай Михайлович – брат Андрея, Ольга Андреевна – мать Андрея (маман), Верника Генриховна – моя мама.

У Андрея возник затяжной конфликт с начальником, который препятствовал его служебному повышению. Кроме того, научные положения, выдвигаемые Андреем, воспринимались в штыки. Его статьи не печатали. Заедало безденежье.

Счастливым случаем привел нас на Север, в Магадан, где был создан Институт биологических проблем Севера. Поэтому на похороны бабушки в апреле 1971 года я не попала. Но прилетела из Магадана в Тбилиси на похороны деда, который пережил бабушку всего на 40 дней.

Поиски. Конец 60-х годов

В начале шестидесятых годов Андрей вполне справился со своей темой. Вместо М.В.Культиасова заведующим отделом флоры Главного ботанического сада стал прогрессивный ученик В.Н. Сукачева, Павел Борисович Виппер. Он поддерживал Андрея во всех его начинаниях. Андрей успешно защитил кандидатскую диссертацию и по теме диссертации опубликовал книгу- «Эремурусы и их культура». Виппер способствовал публикации и его статей. В это время я определилась с темой по введению в культуру жимолости съедобной.

Сотрудничество с институтом лекарственных растений требовало формулировать прагматические темы исследований. Одна из них – введение в культуру адониса весеннего. С его поисками связаны экспедиционные поездки в Башкирию в 1965-1966 годы, в заповедники средней полосы России.

То были трудные годы. Маленьких детей мы водили в детский сад. Он был далеко, при ботаническом саде. Я работала лаборантом. Андрей – младшим научным сотрудником. Хронически не хватало денег.

После защиты кандидатской диссертации у Андрея уже была готова докторская. Теоретические положения ее кардинально не совпадали с общепринятым взглядом на происхождение однодольных растений. Оппозиция была мощной. Его статьи не принимались в печати. Анонимные рецензенты не стеснялись в выражениях. Неудовлетворенность нарастала. У Андрея развился невроз.

Пребывание Виппера в качестве заведующего отделом флоры оказалось кратковременным. Его сменил Владимир Николаевич Ворошилов, исследователь флоры Дальнего Востока. Он, в отличие от Виппера, не только

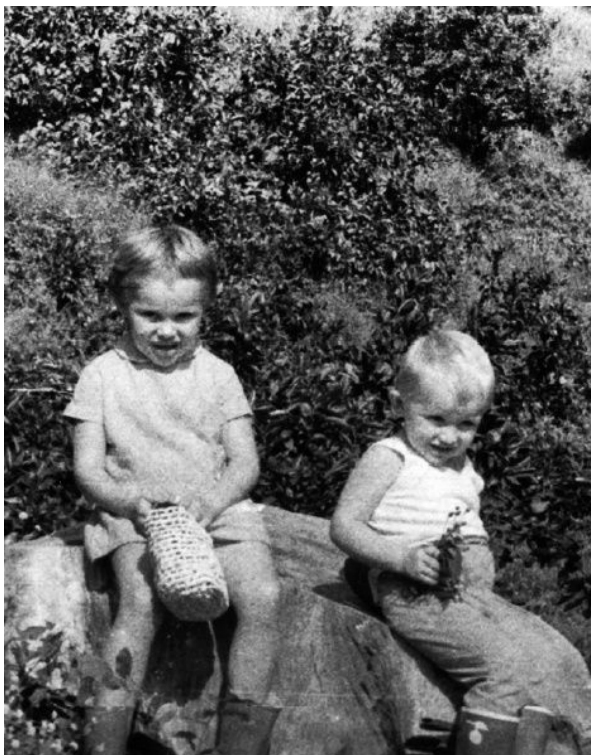
не продвигал исследования Андрея, а наоборот, всячески тормозил его служебный рост. Андрей оставался младшим научным сотрудником. И я, несмотря на то, что имела уже более 20 научных работ, не могла рассчитывать ни на что, кроме ставки лаборанта.

С 1967 года наши экспедиции были связаны с Сибирью и Дальним Востоком. Камчатка, Магаданская область, Якутия, Саяны. Мы стремились уехать работать на Дальний Восток.

Я считала: Андрей, прекрасный флорист, должен защитить докторскую диссертацию на фактическом материале, описав флору определенной области, желательно неисследованной. В течение нескольких лет шли поиски. В результате мы переехали в Магадан, нас взяли на работу в Институт биологических проблем севера.

Переезд отдалил нас от Зеленого мыса. Связь поддерживалась только постоянной перепиской с мамой и дедом. Наши днги постоянно проводили лето на Зеленом мысу.

Поэтому я была в курсе событий.

Зеленый мыс. Мои дети: Оля и Павлик.

1970г. Весной перед Магаданом

Наша судьба определилась: Андрей в начале лета 1970 должен был улететь в Магадан. Я ждала вакансии. Надеялись мы и на получение квартиры.

Весной поехали в Крым. Там проходила конференция молодых специалистов. Мы числились молодыми, хотя приближались уже к сорока. Весенний Крым полон очарования. Заседания проходили в главном здании Никитского ботанического сада. Андрей уже был признан вполне состоявшимся ученым, с его мнением считались.

По утрам из гостиницы в Массандре мы шли пешком вдоль моря. Окрестности сквозь дымку казались цветущим садом. Днем во время перерывов в заседаниях, выходили греться на холм мыса Мартьян. Было очень хорошее настроение. Будущее сулило удачу. После разъезда участников совещания мы еще некоторое время путешествовали по Крыму. Как и обычно, вся жизнь Андрея была связана с поездками на природу. Я следовала за ним. В это время у меня уже была написана кандидатская диссертация, круг исследований кустарников расширялся. Папка с рисунками раздулась. Из Крыма на корабле мы отправились в Батуми, завершив наше путешествие.

Это было прощание с Зеленым мысом.

Мне казалось, что отъезд в Магадан не оторвет нас ни от Зеленого мыса, ни от Москвы. Будущее вселяло только надежды, совершенно не пугали трудности. Ведь за спиной было три сезона трудных экспедиций, которые мы проделывали самостоятельно, нередко передвигаясь автостопом. Сейчас же мы поступали в новый институт, который возглавлял добрый и милый человек Витаутас Контримавичус, обещавший Андрею продвижение по службе. Там я, наконец выберусь из лаборантов. Получу ставку младшего научного сотрудника. Впереди были дальние дороги, неизведанные горы. Мы получим достойную зарплату и не потеряем московской квартиры: она бронируется. Мама не понимала таких настроений. Наше решение она воспринимала как добровольную ссылку. Ахала, ужасалась.

Последняя перед Магаданом весна запомнилась туманом, штормом, когда наш корабль входил в Батумскую бухту. Серое небо, серые гребешки высоких валов я видела и с нашей площадки. А на горизонте, то глубоко зарываясь носом в воду, то поднимаясь над валами, идет очередной корабль. На этом корабле прибыл из тропиков, из своего первого рейса Олег.

xxx

Многие, кто бывал на Зеленом мысу, потом вспоминали Олега. По разным поводам. Вспоминали, как он не хотел готовиться к поступлению в мореходное училище, как за него решали примеры, старались помочь. Просила тетка. Этот молодой человек привлекал внимание. Он был красив, хорошо сложен. Очень избалован матерью.

Учась в мореходке, Олег слыл покорителем сердец девушек, отдохавших в соседнем доме отдыха. Мама говорила, что устала от этих несчастных поклонниц, писавших Олегу письма. Прочных привязанностей у него не было, за исключением Нины Ериной – темненькой стильной девушки, которую я однажды видела.

Когда Олег кончал мореходное училище, у него возник более серьезный роман с очередной отдыхающей – Рачковской. Она была старше его. Жена известного журналиста, работавшего в ГДР. Отдыхала с маленьким сынишкой по соседству. Одевалась она во все иностранное, по последней моде. Стройная. Молодилась. Красиво смотрелась на мотоцикле рядом с Олегом. Когда истек срок отдыха, Рачковская поселилась в нашем доме, в комнате Олега. Осталась на зиму. Тетка злилась, а мама радовалась. Рачковская, аккуратная и доброжелательная, была маминой помощницей. Мама говорила:

–Наконец у Олега хоть какая-то постоянная привязанность!

Возможно, Рачковская была серьезно влюблена в Олега и строила планы на будущее. Тем более, что Олег относился ласково, со вниманием к ее маленькому сынишке, так же, как прежде к моему маленькому Павлу. Много лет спустя мой крайне неразговорчивый сын вспомнил, что в детстве

он пережил неприятные минуты, когда Олег резко переключился на сына Рачковской. Оба ребенка были Олегу не родными, а он – молодой парень. Поиграл – и будет.

После окончания мореходного училища он был распределен мотористом на один из кораблей Грузинского пароходства, совершающих рейсы за границу.

Помню: загоревший Олег демонстрирует сувениры- кокосовые орехи, бананы, иностранные тряпки. На его плече сидит пестрый попугай. Он побывал за границей! В те времена это большая редкость. Тетка в восторге. Она всегда любила что-то особенное и радовалась как ребенок. Однако сувениры – не самое главное.

Олег в отчаянии: машинное отделение в жарком трюме его не устраивало. Грохот. Дисциплина. Это не для Олега. Он не привык подчиняться. Он готовил себя совсем к другому. Олег бросился матери на шею.

Уезжая в непростые места Колымского края, не боясь трудностей, мы отнеслись с иронией к отчаянию матери и сына. Так уж он был воспитан. У него свой идеал жизни. Он вырос в чудном курортном месте. С детства не привык работать. Сам выработал свои критерии жизни.

Наблюдая работу своей матери врачом-психиатром, он совершенно правильно определил свой дальнейший путь. Окончание мореходки, среднее образование давало ему возможность поступать в высшее учебное заведение. Он решил стать врачом.

Летом, когда мы уезжали в Магадан, Олег приехал в Москву и, к моему крайнему удивлению, поступил во второй медицинский институт.

У Рачковской в Москве были кое-какие связи. О связях он позже помалкивал, а рассказывал о своем обаянии, которое сыграло главную роль при поступлении. И я верю этому. Вокруг меня многие были им очарованы. А у меня он с самого детства вызывал отторжение. Просто-напросто я была другой. Выросла на коммунистической морали, понятиях равенства, братства

и особенно справедливости. А ведь мы жили на одной и той же территории, казалось, вырастали на одной и той же почве, в одном и том же доме.

xxx

Много, много лет спустя, когда мне было уже далеко за 50, а ему почти 50, мы заехали на Зеленый мыс по дороге в Турцию. И Олег вроде по-дружески пришел к нашему костру из своего огромного несуразного дома. Много курил. Сильно обрюзг и, как всегда, не вызывал у меня симпатии. Вокруг бегали куры, убежавшие из его вольера и подбиравшие крошки у костра, на котором мы готовили пищу. Он рассказал какой-то банальный и глупый анекдот, который мне не понравился. Олег, как и его мать, был любителем анекдотов. Но у задорной тетки это получалось куда лучше, остроумнее, артистичнее. Я боялась, что он будет ехидничать и подкалывать Андрея. Но обошлось.

Когда это было? Зачем? Между безобразными боями? Пустой человек. Его идеал – денежное благополучие. Он достиг, чего хотел. Трудно сказать, удовлетворен ли результатом? Вполне возможно. Но унижаться ему иногда приходится.

Однажды в момент временного перемирия, он меня подвез до города. Чувствовала я себя в его красной машине не совсем уютно. Перед Бариханой, на подъезде к городу, Олега остановил милиционер. Он что-то нарушил. И он, со мной неприступный и надменный, даже несколько брезгливый, вдруг преобразился. Преобразился весь: фигура, лицо, голос. Да это совсем другой, обаятельный, дружелюбный человек! Вижу в зеркальце, как он кошачьей походкой подходит к милиционеру и склоняется перед ним в улыбке. Что-то объясняет. И милиционер в ответ улыбается. Олег платит, оба довольны.

xxx

Как только Олег был зачислен в институт, благотельницу Рачковскую он оставил навсегда. Женился на Нине, проживавшей в Балашихе под Москвой вместе с матерью, спекулянткой на Салтыковском

рынке, (по словам моей мамы). В те времена это не очень хорошая рекомендация. Но мать Нины очень любила двух своих девочек, старалась одеть их в самое лучшее, и это ей вполне удавалось. Об их отце ничего неизвестно, да я и не очень интересовалась. Все знала только из рассказов и писем мамы.

Осенью на свадьбе Олега и Нины побывал и мой Андрей. Мы только что переехали в Магадан. Андрей был в Москве в командировке. В качестве одного из подарков он временно прописал Олега в нашей квартире. Причем сделал это, видимо, по своей слабохарактерности. Ни мне, ни своей матери ничего не сказал. Спустя полгода весной, в Магадане я получила письмо от моей свекрови. Маман случайно узнала о том, что моя тетка Майя Генриховна, будучи в гостях у Олега и Нины в Балашихе, приезжала и в Москву, ходила в домоуправление, которое находилось как раз под нашей квартирой на первом этаже, дарила мандарины противной и явно блатной бабе домоуправу. И советовалась, как Олега прописать постоянно в нашей квартире. А нам, владельцам квартиры – ни слова. Узнав об этом, я впала в отчаяние. Родители Андрея всегда, всеми силами устраивали наш быт, переехали в кооперативную квартиру, освободив для нас площадь. А Олег, живя у жены, явно претендует на нашу квартиру, в это время пустующую. Когда я спросила Андрея, почему он совершил такой необдуманный поступок, он мне объяснил: не хотел, чтобы моя мама с Майей, моей теткой, ссорились. Вскоре я оказалась в Москве, проконсультировалась у юриста. Он мне разъяснил: если у Олега родится ребенок – никакими силами его потом не выписать. Тогда я не продлила прописку, и Олег остался у жены в Балашихе.

xxx

Тетке ее работа нравилась. Она часто с упоением разбирала различные случаи, нисколько не заботясь о служебной тайне, деликатности. Рассказывала, как она пропагандировала совсем простые методы лечения,

например простую или морскую воду. И ее методы убеждения действовали. Но она имела дело в основном с не совсем адекватными пациентами.

Мама отдыхала в Боржоми, когда пришла очень тревожная телеграмма. Пациент ударил тетку графином по голове. Нужно знать, каковы графины с водой, которые стоят на столах в Аджарии: из толстого стекла и внешне напоминают сильно увеличенную гранату. На толстых стенках выделяется выпуклый орнамент, обычно виноградная кисть. Часто такие графины не прозрачные, а розоватого оттенка. Вот таким графином со всей силой, как потом картинно рассказывала тетка, ее ударил пациент. Тетка получила сотрясение мозга. Мама, получив телеграмму, в тот же день уехала из Боржоми на Зеленый мыс. Но тетка держалась молодцом. Стремление справиться с болезнью у нее было сильным. Она дала себе установку. И выздоровела. Свежий воздух, настрой на выздоровление поставили ее на ноги. Я попала на Зеленый мыс спустя четыре года после этого случая и не заметила у тетки следов заболевания. И даже репертуар бодрых рассказов о пациентах сильно увеличился. Особенно подробно рассказывала она о своей стойкости после удара.

xxx

В начале семидесятых на Зеленом мысу разразился очень крупный скандал. От мамы в Магадан приходили отчаянные, сумбурные письма. Из них следовало, что причиной затянувшейся ссоры и конфликта были Тамара с Сашей. Летом они приехали на Зеленый мыс – по привычке, на все готовое. Утром, когда вся семья села за стол, Олег учинил разборку. Поставил вопрос ребром: «Кто будет платить за еду?». Сделал это, как рассказывала мама, в очень неприличной форме. Фигурировала жареная картошка. В горах Аджарии выращивают особенно вкусный картофель. А Тамара в еде знает толк. Готовила она искусно, для Ирочки маленькой была готова на все. Поэтому жарили картошку с утра. Позже тетка вспоминала об этой картошке. Мама же вспоминала только скандал: как надменный Олег потребовал раздела, стал делить вилки, ложки. Для мамы это отдалось тяжким

воспоминанием о том, как ее бывший муж Шурик делил вилки. А я вспоминала грандиозный скандал, когда я у Олега взяла томатный соус. Саша с Тамарой, поругавшись с Олегом, в тот же день уехали. А мама осталась в одиночестве. Трудное время началось для нее.

Ххх

Тетка, щедрая и бездумная, на тот момент в семье была самой обеспеченной. Больные приносили подарки и деньги почти каждый день. Она покупала продукты, привозила их из города и не считалась по мелочам.

Олег же был скуп. Его разозлило, что понаехали на хлебники: Сашка с семьей. Тамара – хитрая, всегда садилась на мамины и на теткин хлеб за компанию. Сашка также скуп и не дурак поесть, попить, попользоваться за мамин и теткин счет. А сам никогда и ничего не привозил. Это действительно вызывает досаду. И, видимо, были все основания для того, чтобы поставить все на свои места. Но в какой форме все это было сделано? Мама писала, что в самой грубой. Я вполне представляла эту картину.

Маме в одиночестве было очень тяжело, и она решила продать свой сад. Приглашала покупателей. Тетка разволновалась. Написала мне письмо, в котором просила образумить маму. Объясняла: невестка Тамара плохая. Мама Сашке не нужна. Тетка была по-своему права. Она всегда пристально, со вкусом разбирала поведение родных, соседей. Да и вообще только дай ей поговорить! Но что касалось Олега - тут она была слепая, тут не тронь.

Что я могла сделать издалека? Ничего. Мы совсем недавно уехали в Магадан, на край света.

В конце лета Олег уехал. Мир, как писала мне мама, был восстановлен с трудом. Писала, что тетка никак не хотела мириться. Не было мира в нашем доме, а я была далеко.

1974г. Февраль после защиты

В Магадан я уезжала с детьми осенью 1971 года, пройдя в Главном ботаническом саду предзащиту кандидатской диссертации. Мой руководитель В.Н. Ворошилов был формальным, ни разу не видел моей

работы. Через год после переезда в Магадан я повезла ему в Москву свой труд с доработками. Но он заболел, был при смерти. Прошел еще год, когда я совершенствовалась, изменяла свою работу. Одновременно велись переговоры о защите докторской диссертации Андрея. С ней были особенные трудности. Напряжение нарастало: ему отказывали, не признавали выставленных на защиту положений. Андрей решил защищаться во Владивостоке. Его поддерживал известный зоолог Н.Н.Воронцов и директор нашего института В.Л.Контримавичус.

xxx

В Магадане началась очень интересная, напряженная жизнь. Сначала мы планировали пробыть на севере три года, соответственно контракту. Хотели собрать материал для написания монографии о флоре Магаданской области. Но северная жизнь растянулась на 15 лет, вплоть до 1984 года. Ежегодно с началом полевого сезона в начале июня мы улетали в труднодоступные районы Камчатки, Чукотки, Колымского нагорья. Нас забрасывали на вертолетах на точку. Мы жили в палатках, ходили в маршруты. Потом нас перебрасывали на новую точку. В осенние месяцы летели на юг, в Приморье, на Курильские острова. Зимой обрабатывали собранный материал, писали статьи и монографии. Такая напряженная жизнь отдала нас от Зеленого мыса. Но он оставался постоянной мечтой.

Я смогла вырваться туда всего на одну неделю в феврале 1974 года, сразу после защиты своей кандидатской диссертации.

В это время мы в Москве съезжались с родителями Андрея. Маман ослепла. Ее дети от первого брака, Николай и Людмила, часто говорили о том что «дядя Паша», то есть мой свекор, им не родной, и что обязанность ухода за стареющими родителями лежит на Андрее. Наша пустующая московская квартира привлекала внимание не только Олега, но и других родственников. Необходимо было съезжаться с родителями. Мы объединились в большой четырехкомнатной квартире у станции метро «Аэропорт».

Здание находилось рядом с тем местом, где Андрей родился. Тогда там был маленький дом у Инвалидного рынка. Когда мы переехали, на его месте был выстроен большой многоэтажный дом. Только большая ветла напоминала о времени, когда Андрей был маленьким и ходил мимо станции метро в школу.

xxx

После смерти деда Генриха в 1971 году связь с Зеленым мысом поддерживалась исключительно благодаря регулярным маминым письмам. Я была в курсе всех домашних событий и событий поселка, ботанического сада. Но сама я попала на Зеленый мыс только в феврале 1974 года.

xxx

Жившие раньше в одной из комнат нашей квартиры супруги когда-то погибли в авиакатастрофе. Поэтому свекровь просила меня поехать на Зеленый мыс поездом. Комичность просьбы заключалась в том, что в Магадан летают только самолеты. В экспедициях мы не вылезали из вертолетов. Другого транспорта не было. Но я уступила свекрови. Ехала поездом, досадовала, что теряю драгоценные минуты. Ох, как же я соскучилась по Зеленому мысу! Как его давно я не видела!

xxx

Февраль. Холодно. Поезд, выйдя из тоннеля, протягивается далеко. Построена новая высокая платформа. Мама, сильно постаревшая, счастливая, бежит к моему вагону. Какая радость!

У нее что-то с зубами. Всегда болели, а теперь нужно протезировать. Она постоянно приклеивает выпадающие зубы.

Я сплю на веранде. Сразу за ней проходит дорога. Вечерами под окном то и дело вверх-вниз проезжают машины. Это меня удивляет. Времена изменились. Теперь у кавалеров-аджарцев свои машины. Они везут дам на дачу Карелиных, к ущелью.

xxx

Сад, посаженный мамой в конце пятидесятих годов, сильно попрос. Вся площадка теперь покрыта темной зеленью. А в остальном все по-старому.

xxx

В ботаническом саду также ничего не изменилось. Как всегда, на центральной дороге две рабочие в старых халатах: толстая Таня Баранова и согнутая Таисия Гуджабидзе со скрюченными от ревматизма руками. Сажают вдоль дороги цветы, ухаживают за неизменным ассортиментом растений. Над ними, как всегда, стоит агротехник Мирца. Она следит за посадками.

По дороге встречаются знакомые сотрудники: Галина Милентьевна, Цуца, Циала Татаришвили и многие другие. При встрече мы целуемся по заведенному порядку. Расспрашивают о семье. Меня тут знают с детства. Зовут не Майей Тимофеевной, как в Магадане, а Аей.

Батумский ботанический сад. Слева Вероника Генрихвна Зельгейм. Справа - Вано Рафаилович Папунидзе.

1976г Лето с детьми

Прошли еще два года полной разлуки с Зеленым мысом.

Летом 1976 я твердо решила ехать туда в отпуск. Андрей отказался. В декабре 1974 года во Владивостоке он защитил докторскую диссертацию при отрицательном отзыве внешнего учреждения и еще нескольких других. В результате многие члены ученого совета проголосовали отрицательно, но

общий результат голосования был положительным. В ВАКе высшей аттестационной комиссии, утверждение диссертации затянулось. Черные, то есть анонимные для диссертанта оппоненты, избранные ВАКом, пишут отрицательные рецензии. Об этом становится известно. Знакомые сообщают о ходе дела. Пока все складывается неблагоприятно.

Андрей находил успокоение в работе. Спешил собрать материал, для того чтобы быстрее написать «Флору Магаданской области». Поехал в экспедицию на Омолон, приток Колымы.

В июне я летела в Батуми с моими детьми-подростками – Олей и Павликом. Мы попали в грозу, и самолет задержали в Сухуми. С нами направлялись в командировку в Батумский ботанический сад сотрудники Главного ботанического сада Лилиан Плотникова и Ира Петрова из отдела дендрологии, мои хорошие знакомые.

В Сухуми льет дождь. Пассажиры сгрудились на небольшой площадке аэровокзала. Здесь нам придется ночевать. Я иду в диспетчерскую. Меня встречает красивый молодой грузин. Удастся его убедить: у меня двое детей, нужно устроиться в гостиницу. И он идет мне навстречу. Устраивает не только меня, но и моих попутчиц.

Когда он увидел моих рослых детей – улыбнулся:

–Для матери дети всегда дети!

Лилиан стала вспоминать, как мне удавалось уговаривать вертолетчиков и вертолеты поднимались. Это было в 1967 году на Камчатке, в экспедиции. Вот что значит активность и убеждение! Отдых начинался с приключения.

xxx

Дома, на Зеленом мысу, на меня обрушились все прелести юга. Я снова увидела наш старенький дом, зеленую Карелинскую дачу с ее беседками и лестницами, бук в конце площадки, откуда открывался такой знакомый, такой для меня дорогой вид на Батумскую бухту и мыс города Батуми!

Главное – не нужно было считать дни до отъезда. Можно было не спешить и наслаждаться солнцем, зеленью, морем!

xxx

Приехал Олег с супругой и ее сестрой Таней, со своими знакомыми. Много праздного народу. Все хотят отдохнуть. Еще приехал мамин знакомый – художник Николай Гришин. Дом напоминает переполненный теремок. За стол садится более 15 человек. Мама носится из кухни на веранду-столовую. Из кухни поднимается по лесенкам в среднюю комнату, пересекает ее, спускается по двум маршам лестницы, ставит на стол кастрюли, тарелки. И обратно тем же путем. Так устроен дом. Далеко. Утомительно.

У мамы высокое давление, она задыхается на подъеме, сказывается больное сердце. А приготовление пищи, подача, раздача – все лежит на ней. Я решила поменьше доставлять хлопот маме и питаться отдельно. Тетке это совсем не понравилось. Мама тоже надулась. С ее стороны это выглядело странно. Она боялась гнева Майи. А я старалась для нее, настояла. Устроила для себя, для мамы и ее гостя отдельную столовую в угловой комнате, предоставив тетке с Олегом и с его многочисленными гостями всю остальную территорию. Тетка была в панике. Время, когда приезжал Олег, для нее священо. А тут у нее не оказалось денег. Я вышла из положения. Дала тетке деньги. Это очень облегчило мой отдых. Олег вел себя высокомерно. Гордый, со мной часто не здоровался, в этом деле не принимал участия. Его мать должна была кормить его семью и всех его многочисленных гостей. Нет, он не устраивал никаких сцен. Но я сама не хотела путаницы, не желала от кого-либо зависеть.

Олег только что окончил институт, и это событие пышно отмечалось. Когда тетка начинала возносить успехи своего сына, мама обязательно ввертывала слово и о моих успехах. Выглядело это довольно комично. Маленькое соревнование детьми. Мама вспоминала успешную защиту моей кандидатской диссертации, хотя с этого знаменательного события прошло уже два года.

xxx

В 1974 году у Олега родился сын Ромочка. Очень милый, с толстыми губками, с очень добрыми глазами. Малыш был радостью для всей семьи. Когда его привозили летом родители, тетка расцветала. И ласково говорила по старой своей привычке: «Он у меня единственный!».

xxx

На площадке рядом с клумбой, под мамиными окнами – большая будка. Там живут две стареющие овчарки. Их отдали маме пограничники. Джульбик – немецкая овчарка, а кавказская овчарка – Зяма. В летнюю жару ей тяжело: много шерсти. А у Джульбика зубы частично выпали. Но он сильнее Зямы и увязывается за нами на пляж. Обученный спасать утопающих, он плывет вместе со мной, а потом начинает «спасать», хватается за холку, за волосы, разбрызгивая вокруг воду. Отдыхающие, плавающие рядом, сердятся.

Я полюбила этих старых собак, подкармливала. В день отъезда уговорила Джульбика не увязываться со мной на пляж, была уверена, что старая Зяма не пойдет. А она пошла.

xxx

Я ночевала в верхней комнатке над ванной – так называемой Иверии. Чтобы попасть в нее, нужно обогнуть дом, пройти мимо будки с двумя на вид грозными собаками и взобраться по крутой лесенке. В середине ночи в комнату ворвалась девушка. Умоляла о помощи. Она в состоянии аффекта промчалась мимо собак и в темноте взобралась по лестнице в мою чердачную комнатку. По дороге потеряла туфли.

Оказалось, местный аджарец пригласил ее сначала в ресторан в Махинджаури, а затем, пригрозив ножом, потребовал мзду. Он вел ее два километра вдоль моря, а потом на гору, в рощу на дачу Карелиных. Наш дом последний перед мандариновыми садами этой дачи. Девчонке в последний момент удалось вырваться и убежать к нам во двор, подняться наугад в мою комнату. Моя боевая тетка проснулась и задержала разбойника-соседа,

которого прекрасно знала. Потребовала, чтобы он привел мать девушки. Пригрозила. Иначе она предаст огласке его безобразия.

Наутро появилась удивленная мать. Они отдыхающие с Урала. Ее старшая дочь гуляет с «порядочным» парнем. А вот младшая нарвалась на приключение.

Мама рассказывала, что подобные «приключения» случаются летом очень часто. Местные парни совсем распоясались. В Кобулету девушка выбросилась с высокого этажа и погибла.

xxx

Перед нашим отъездом неожиданно появился мой брат Саша. Красивый, стройный, с усиками и большими глазами несколько навывкате. Мама была с ним особенно нежна. Он вел себя со мной как чужой. Ерничал, поддевал не только меня, но и маму. Требовал, чтобы она приготовила мясо, подала вино. И она послушно и любяще добывала вино, готовила вкусную еду. Со мной же мама капризничала по любому поводу. Возникало непонимание. Мне было обидно, так как я почти весь свой отпуск посвятила работам на участке. У бука еще со времен прадеда был посажен бордюр из вечнозеленого буксуса-самшита. По утрам гости идут к буку, любуются рассветом, видом на море и одновременно справляют нужду. Запах стоит специфический, нашатырный. Мама сердилась. Просила выкорчевать самшит. Я выкорчевала и расширила площадку перед буком. Таскала камни, укрепляла склон. Офиопогон – невысокая вечнозеленая травка, обрамляющая дорожку к буку, которую я посадила еще студенткой, сильно разрослась. Мешает маме. По утрам сильная роса, в обувь попадает вода, а она любит пройти по этой дорожке к буку и любоваться морем. Да кто не любит! Я пересадила офиопогон. Но мои старания вызвали недовольство. Моя инициатива маме не нравится. Это ее, и только ее сад. Полное непонимание. Иногда так хорошо с ней, так нежно она ко мне прильнет, а иногда капризы, несправедливые упреки... Я соскучилась по родному саду. Хочу и маме помочь. Но я уже давно не была дома, и мама отвыкла считать меня частью

своей жизни. Она совершенно не понимает, как я живу. Да и в Магадан, ко мне в гости, куда я ее настойчиво приглашаю, ни за что не хочет лететь. Жизнь моя напряжена до предела. 1976 год – один из самых трудных. Андрей уже полтора года как уже не кандидат наук, но еще и не доктор. Не утвержден. Наши неудачи расстраивают маму. Зато она как ребенок радуется нашим успехам. В своей библиотеке завела отдельную полку для моих с Андреем работ, монографий. И каждому ботанику, который посещает ее библиотеку, с гордостью показывает наши труды.

1977г Осень. Приезд Андрея

1977 год для нас был особенно тяжелым: три года ожидания утверждения докторской диссертации, травля, предательство. Летом пришел отзыв «черного оппонента» из ВАКа, резко отрицательный. Этот отзыв Андрей от меня скрыл. Осенью его вызвали в Москву на перезащиту.

Андрей, привязанный к моей маме, надеялся на ее сочувствие. Писал ей душевные письма. Но нет, мама хочет только радостей и успехов. А у нас черная полоса. В это время в гости к Нури Мемедовичу, в Батумский ботанический сад приехал его знакомый, коллега. Тоже физиолог растений. Директор Кишиневского ботанического сада Чеботарь. Приехал он на белой машине, на «Волге». Этаким советский барин, добывающий средства для возвеличения своего ботанического сада, где гербарные шкафы из особого дерева, красиво отделаны. Чеботарь хвастается. Зайдя к маме в библиотеку, он сражает ее тем, что курит трубку! О, трубка! Она придает особый шарм и аромат мужчине! Леонид Михайлович также курил трубку с хорошим табаком!

Все бы ничего. Но выясняется, что Чеботарь – друг не только милого Нури, но и самого Армена Тахтаджяна! Директора БИНА, ботанического института в Ленинграде. И ему Тахтаджян поручил (как нам писали друзья) быть самым что ни на есть черным оппонентом диссертации Андрея. Теоретические положения Андрея не совпадают с таковыми великого Тахтаджяна.

А мама пишет мне восторженные письма о белой машине, красивой любовнице и трубке! Но ни словечка она не говорит этому Чеботарю об Андрее. Не показывает с гордостью его научные работы.

Это меня сильно возмущает.

xxx

Мне очень хотелось, чтобы Андрей отвлекся, отдохнул перед вызовом в ВАК. А что может быть лучше Зеленого мыса? И я его уговорила поехать туда на несколько дней. Но он остался недоволен. Лили дожди, не покидала тревога. Напряжение достигло высшей точки.

А на Зеленом мысу собралась веселая кампания. Приехал Сашка, мой брат. Пела куплеты оперная певица Казанцева. Гуляли. Но только не Андрей, который с раздражением мне писал о зеленомысской обстановке. Он с незнакомыми людьми трудно входил в контакт. Все время был поглощен своей работой. Совсем другой настрой. И все время черным крылом висела, давила эта предстоящая перезащита в ВАКе.

xxx

А Сашка блаженствовал. У него была постоянная любовница Алемасова, которая приезжала к маме из Москвы, когда Сашка гостил на Зеленом мысу. Мама во всем потакала сыну. Ей так же, как и тетке, нравилась эта легкая веселая обстановка, особенно если ее создают знаменитости, посещающие ее дом. Француженки!

xxx

В октябре диссертацию в ВАКе утвердили. Но пришлось ждать еще два месяца.

Тетка Майя и Олег

Мама, как и раньше, работает в ботаническом саду. По-прежнему красавица, но располнела. Ее наряды всегда смотрятся стильно. Несколько ярких ожерелий. Приехав очередной раз, я обнаружила, что к ней теперь обращаются не как к молодой одинокой женщине, с которой каждый не

прочь пофлиртовать, а с почтением, как это принято в Грузии по отношению к пожилым людям. Часто называют «пативцемуло», что означает уважаемая.

xxx

В конце семидесятых состав наших гостей сменился. Это уже не случайные отдыхающие. Теперь к маме приезжают известные люди. После смерти маминого приятеля-переводчика Эриха Айнгорна у мамы гостит его дочь Марина с подругами. Приезжают знакомые подруг. Есть и биологи с биофака МГУ.

xxx

Очень привязался к нашему дому Владимир Владимирович Петров. Он работает на кафедре геоботаники биофака МГУ. Человек интеллигентный, написал популярную книжку о Батумском ботаническом саду. Любит наш дом, а варенье из вкусной алычи, что растет за домом, называет «Матильдой». Поет: «Что может сравниться с Матильдой моей!»

Владимир Владимирович оставил нам такое стихотворение:

В этом милом приветливом доме

Было множество всяких гостей

Кто блаженствовал в сладкой истоме,

Кто трудился, не зная страстей.

В этом доме радушием и скромном

В госте ценят не шик, не костюм

Но зато здесь в почете огромном

Слово острое, живость и ум.

Пусть проходят года чередою

Пусть становится бабушкой мать

Но всегда, даже зимней порою,

В этом доме приятно бывать.

31 января 1975 г.

xxx

Гости, как и раньше, составляют важную часть жизни для мамы. Каждому были рады. Приезжали и жители серого холодного севера. На Зеленом мысу они расслаблялись. Можно было отключиться от повседневности. Отдохнуть в полном смысле этого слова. А шероховатости отношений между сестрами были незаметны. Олег же, наоборот, у многих вызывал неприязнь, даже у очень доброжелательного Владимира Владимировича.

xxx

К этому времени относится знакомство мамы с Ритой Яковлевной Райт-Ковалевой, известной переводчицей. Мама от нее в восторге. На красивой бумаге с изображением пальмы и моря Рита Яковлевна написала для мамы стихи. Приехал старый диссидент, писатель, которого маме прочат в женихи. Написал рассказ, в котором описываются сестры. Мама с восторгом показывает хранящийся у нее в особой папке машинописный экземпляр этого рассказа. Рассказ мне не понравился, но я не решилась быть искренней, в унисон восторгалась. Если мне что-то не нравилось, мама огорчалась, как ребенок. Называла меня «критиканша». Возможно, это была правда.

Праздная обстановка на Зеленом мысе меня часто раздражала.

Леонид Михайлович уже не приезжал, старел. В Ленинграде он ходил в клуб ветеранов. Писал маме большие письма бисерным почерком, досадовал на то, что у мамы интересная жизнь. Мама к нему явно охладела. В конце семидесятых его не стало.

Фамилии известных людей, посетивших Зеленый мыс, мама с восторгом перечисляла в своих письмах. Это хитроватый биолог с биофака Валя Мазин с девицами, переводчица Таня Хейфец, Медников – биолог-дарвинист, научные идеи которого Андрей не признавал. А мама с восторгом показывала его популярные книжки с дарственными надписями. И еще, и еще...

Каждый новый приезжий, особенно ученый со степенью, вызывал у мамы восторг. Она хотела соответствовать. Часто, в разных обстоятельствах подчеркивалось, что она знает три языка, полиглот.

Маленький домик на конце площадки использовался для приюта гостей. Стены его для оригинальности были кем-то несуразно расписаны. Рядом мама стала создавать сад камней. Если был транспорт, на пляже она выбирала камень оригинальной формы и устанавливала в маленьком дворике перед домиком. Не могу сказать, чтобы это было особенно красиво, но мама глубокомысленно вела гостей в этот садик камней и показывала камень, который ей что-то напоминал. Особенно ей нравился один, по ее мнению с силуэтом артиста Плятта – одного из главных персонажей популярного в то время телефильма «17 мгновений весны».

xxx

Бэллочка Головнер, дама средних лет, среди маминых знакомых занимала особое место. Она работала в Москве в институте информации. Любое свободное время использовала для того чтобы побывать на Зеленом мысу. Приезжая в Москву, она привозила от мамы фрукты, подолгу разговаривала по телефону с маман. Стала почти совсем родной и в московском и зеленомысском домах.

Ее долгие и довольно нудные разговоры стали привычными. Даже я, которая бывала в Москве и на Зеленом мысу урывками, принимала ее как родного, близкого человека. Все ее любили.

Как-то я с трудом купила тачку для садовых работ – большой дефицит в то время. С трудом передала ее в поезд Бэллочке, ехавшей на Зеленый мыс.

Внешне невзрачная, она свою личную жизнь не устроила. Жила с сестрой, которая родила мальчика без отца. Сестры отдали ему всю свою неистраченную любовь. Вскоре Бэлла осиротела – умерла сестра. Забота о племяннике, уже студенте, была главной темой ее длинных писем. В очередном письме Бэллочка сообщила о том, что племянник женился на однокурснице из Донецка. Затем родился малыш. Письма приобрели

трагический оттенок. Невестка, получив прописку, стала особенно грубой. А Бэллочка перенесла всю свою любовь на внука. Писала о безобразных скандалах. Ее то ли выгоняли, то ли закрывали перед ней двери. Мама была в ужасе. А через два года Бэллочка погибла. Племянник написал: она случайно сгорела, когда хотела повесить белье над газовой плитой, и оно вспыхнуло. Перед смертью она, сильно обожженная, просила молодых жить в ладу. Когда я переехала на Зеленый мыс, племянник как-то появился летним жарким днем с веселой кампанией ровесников. Жена его добилась развода и московской квартиры. Он сам собирался в Израиль. Потом я его потеряла из виду.

xxx

Гости приносили семье доход. Мама купила большой телевизор.

А у тетки телевизора не было. Она беспардонно смотрела фильмы допоздна в маминой комнате. Курила. Маму с больным сердцем это не только раздражало, но и угнетало.

Она досадовала. Хотела, чтобы тетка купила себе свой телевизор. Но тетка, человек щедрый, тогда этого сделать не могла: Олег нашел способ полностью прибрать деньги матери к рукам.

xxx

Долгое время тетка ездила с работы на такси. Ей неудобно на автобусе. Таскать сумки она не привыкла, еще и на гору забираться. Да и заработок позволял.

Неразборчивая в связях, она завела довольно длительный роман с одним из таксистов, усатым Джафаром. Он чаще всех ее подвозил домой. Иногда приезжал с благообразной женой. И тогда тетка подводила теоретическую базу. Говорила о мусульманской традиции, нескольких женах, и о том, что именно она является старшей женой по имени «дедопали». Джафар был порядочной скотиной. Кроме тетки, он примерялся ко всем женщинам, бывавшим в нашем доме. Прежде всего, к маме. Потом тетка Джафару надоела, и он стал приезжать довольно редко.

На ее работе нашелся шофер Дурсун Мгеладзе: милостивый, средних лет аджарец из Махинджаури. Человек семейный, положительный. С Майей у него явно близких отношений не было. Он приезжал за ней по утрам на очень старенькой «победе». Привозил тетку домой и после работы. По дороге она заезжала на рынок, покупала продукты. Самые лучшие – когда приезжал Олег.

Машину нужно было обязательно встречать, брать в руки сумки и вносить в дом, восхваляя тетку и ее продукты. Этот ритуал повторялся ежедневно. Затем садились за стол ужинать. Тетка начинала свои рассказы о пациентах, случаях в диспансере в Батуми. Каждый раз подчеркивалось, какой она великий и мудрый врач. Мама в ответ надувалась и начинала вспоминать свои успехи. Зимой тетка читала большие письма Олега. Мама это называла «испытание письмами». Сын чаще всего жаловался.

К этому времени у него разгорелся крупный конфликт с тещей. Рассказы тетки Майи были расцвечены подробностями о скандалах в Балашихе, о невыносимо трудной жизни сына. Олег и Майя написали письма-жалобы в «Комсомольскую правду». Жалобы не принесли желаемого результата. Теща оказалась боевой. Любила и пестовала маленького внука Рому.

С годами тетка, кроме постоянного курения, пристрастилась пить по утрам кофеин. Нос у нее белел. Она становилась агрессивной. Мама мне с ужасом показывала коробки от пустых ампул.

xxx

Олег стал, как и мать, врачом-психиатром и работал в институте им. В.П. Сербского в Москве. В то время туда часто направляли диссидентов с диагнозом «вялотекущая шизофрения». Олег к этому имел прямое отношение. Рита Яковлевна Райт меня предупреждала о его грязных делах. Принадлежа к литературной среде, она была в курсе таких трагических историй. Но я не вникала в подробности.

Мама рассказывала, что Олег, человек деловой, прекрасный организатор, нашел себе не только хорошего руководителя, но и исполнителя его диссертации: одного из его пациентов, который приезжал на отдых на Зеленый мыс и писал ему работу. Так ли оно было? Мама была большой говоруньей и не лишена фантазии. Диссертацию Олег защитил. Тетка с гордостью показывала автореферат. В те времена я мало интересовалась Олегом. Не помню темы диссертации. Наша жизнь была очень напряженной.

Главная задача, которую Андрей поставил себе на севере – написать «Флору Магаданской области» – близилась к завершению. Была написана монография об эволюции жизненных форм растений. У меня выходила книга о дальневосточных рододендронах. Подрастали дети, заканчивали школу. Родители Андрея, его слепая мать также требовали внимания.

xxx

Тетка любила, как и моя мама, сорить деньгами. В те времена, чтобы купить машину, нужно было получить разрешение. В учреждениях существовал лимит. Талон на покупку выдавали только по знакомству или по очереди. Как получил Олег такое разрешение? Теперь трудно сказать. Опять же мама рассказывала, возможно, сочиняя, о полезных знакомствах Олега в Балашихе. Все рассказы об Олеге я слушала в пол-уха, невнимательно. Возглавлял Балашиху, где жил Олег, некий Риничев. Известный функционер, который сделал блестящую карьеру в спорте и в дальнейшем мог бы стать одним из лидеров страны. Имел знакомства, но пил. Как рассказывала мама, Олег был в близких отношениях с его супругой, которая посетила Зеленый мыс. Об этом также очень много говорили. Вполне возможно, через эту связь Олег получил возможность купить «Жигули». На покупку были нужны деньги. И Дурсун Мгеладзе, шофер тетки, их ей одолжил. Тетка лишилась зарплаты, регулярно выплачивала долг. Дурсун оказался человеком сметливым. Для того, чтобы тетка имела хоть какие-то деньги, он время от времени возил ее в далекие горные деревни. Там обеспечивал прием у местных жителей, которые обожают лечиться. На новый телевизор тетка

собрать не могла: расплата за машину поглощала все деньги, в том числе и полученные со сдачи мандаринов.

К концу семидесятых на площадке у мамы подросли апельсины, стали давать урожай. Мама стала получать больше в сравнении с предыдущими годами. Сумма, полученная мамой за урожай, волновала тетку. Она сравнивала, завидовала. Хотя сама все годы имела довольно много даровых денег. За садом она не ухаживала, растений не любила.

xxx

Такая безхозяйственность раздражала соседа Сулеймана, чей участок граничил с теткин. Талантливый агротехник, он сажал по всей границе плодовые деревья. Когда деревья подросли и стали плодоносить, их ветви стали дотягиваться до теткиной территории. Созревала мушмула-эриоботрия, вкусная кисло-сладкая ягода. Тетка требовала себе половину урожая. Начинала вспоминать, как помогала, лечила детей Сулеймана. Возник скандал. Недавно я, узнавая зеленомысские новости, слышала о том, что спор о пограничном дереве эриоботрии продолжает Олег.

xxx

Мама решила освободиться от тетки, которая по вечерам продолжала смотреть фильмы в ее комнате: на свои деньги купила ей телевизор. Подарок был ее гордостью. Ведь все годы она зависела от сестры. Теперь тетка сидела в своей комнате и смотрела любимые передачи, особенно балет. Обожала танцоров-мужчин. В одном крыле дома – «тонная» меланхоличная мама с большими запросами. В другом – более простая, но со своими запросами тетка. У каждой свой стиль жизни. Тетку сильно раздражали московские интеллигенты. Как только они приезжали, она по старой привычке весело обрушивала на них всю свою обойму анекдотов. Но ее лексикон не подходил маминим гостям. Тетка не могла с ними вести утонченных бесед. Ее возмущало и то, что среди гостей есть диссиденты.

Гл5 часть2 наездами

Соседи

Со времен моего отрочества состав соседей остался почти прежним, только каждый построил себе прочные каменные дома. Приезжая домой, проходя мимо по дороге, я изредка их вижу, здороваюсь. Они меня спрашивают о моей жизни.

Ближайшие соседи – Джиджавадзе живут выше нашего дома. К ним идти старой аробной дорогой, которая вьется серпантином по даче Карелиных. Ниже уходят в овраг террасы молодого мандаринового сада.

Темури – низкий, коренастый, усатый, с приятным лицом и сообразительными черными глазами. Жена Мери – высокая, некрасивая, на лице резко выделяется горбатый нос. Темури не выбирал Мери. По обычаю горцев его женили. Характерами они не сошлись, и он ушел. Но родня потребовала объединения, о чем он иногда рассказывает, жалея о том, что вернулся в лоно семьи. У них трое детей. Старший сын Гурам с таким же огромным, как у матери носом – ненормальный. Тетка, у которой на все есть самые примитивные объяснения, рассказывает, что в самом раннем детстве Гурам сильно болел желудком. Диспепсия ослабила организм и, как говорит тетка «съела мозги». Когда Гурам подрос и вошел в возраст, его женили на Нателе, маленькой коренастой аджарке родом из Шуахеви. Поговаривали – скрыли от родственников слабоумие Гурама. Натела не говорит ни слова по-русски. Работящая невестка пасет корову, работает по дому. У нее двое сыновей, вполне нормальных, что дает повод тетке еще раз говорить о происхождении болезни Гурама.

У Мери с Темуром еще две дочки. Старшая, полная миловидная Дали, была выдана замуж за богатого, но в первый же день убежала, так как молодой муж оказался садистом. Приданое пришлось забирать обратно. Часть вернуть не удалось.

Мама рассказывает: молодая девушка Русудан – писаная красавица, далекая родственница Деметридзе, что живут ниже нашего дома на северной части холма, тоже была выдана за садиста. И тоже убежала. Теперь ни дочь

Темури Дали, ни Русудан уже не выйдут замуж. На них лежит клеймо. Мама горестно качает головой.

Прошло несколько лет. Наступили новые времена. Русудан сама нашла себе мужа и уехала с Зеленого мыса. А Дали выдали замуж за богатого вдовца из Чаквы. У него после смерти жены осталось несколько детей. Я ее иногда видела. Располневшая, спокойная, она приезжала с многочисленными, своими и приемными детьми в гости к родителям. Темури работает слесарем в доме отдыха. Он хозяйственный.

Дорога к его дому идет мимо нашего дома. То и дело видишь, как Темури вместе с Гурамом как муравьи тащат в свой дом то большую трубу, то шпалу. Темури иногда таскает инструменты и у мамы с теткой. Если одолжит – забывает вернуть. Мама волнуется. У нее самый ходовой инструмент – топорик, пассатижи, молоток – хранятся в ее комнате в ящике комода.

xxx

Рядом с Деметридзе, над могилой моих прадедушки и прабабушки, построил одноэтажный каменный дом Зивер – сын Сулеймана. Сулейман постарался, чтобы в колхозе для него выделили последний незанятый кусок земли бывшего холма Зельгейм на северном крутом склоне ущелья. Теперь вся гора занята приусадебными участками, домами. Зивер, мой ровесник, человек спокойный, несколько нудный и ограниченный, вырастил сад, который дает ему хороший доход. Женился на Нине, женщине из-под Воронежа. У Зивера и Нины детей нет. Всезнающая тетка часто в подробностях рассказывает о том, что причиной отсутствия детей является Зивер. Нина работает массажисткой в доме отдыха четвертого управления. Это ей приносит хороший доход. Разводит свиней, птицу. Мама с большими глазами сообщает, что Нина перепродает хорошие вещи, которые привозит из Воронежа или перекупает у отдыхающих.

Зивера я не люблю. Он часто пытается продвинуться на маленький лесной участок у могил. Там кусты рододендрона понтийского, большой

куст черники. Над могилами растет высокая красивая сосна приморская, которую Зивер хочет срубить- боится, что дерево во время бури упадет на его дом.

Приезжая на Зеленый мыс, я беру тоху –тяпку, бамбуковый веник и иду на могилы прабабушки и прадедушки. Потоки дождей наносят глину на плиты. Много сорняков, которые я выпалываю. Зивер старается уничтожить и ограду. Но я ее восстанавливаю. Каждый раз прошу других соседей в мое отсутствие присматривать за могилами.

Перед своим домом Зивер соорудил площадку. Привез гравий. Эта площадка находится над могилами. Там мой дед Генрих когда-то посадил молодой бук. Но Зивер его срубил. Дед был еще жив и устроил по этому поводу скандал.

xxx

Ниже усадьбы Хечинова – дом и участок Брунджадзе. Я, проходя мимо, часто вижу главу семейства, Ибрагима. Длинный, молчаливый, никогда не улыбается. Все время перебирает четки. Жена и невестка постоянно заняты работой по дому. Сын Нодари, в отличие от отца, бойкий и нахальный. В молодости гулял вместе с Олегом. Потом остепенился, женился на миловидной Медико. Хоть и продолжает гулять, но в меру. Хозяйственный, занимается торговлей и умеренно преуспевает. В его доме бывают частые застолья. Медико – невестка. На ней лежат все домашние заботы. В молодости она стремилась учиться, по вечерам ездила на курсы. Но не выдержала, осела в доме. Работает в библиотеке дома отдыха «Магнолия». Говорит она по-русски плохо, но объясниться с ней можно. У нее неудачный зубной протез. Всегда болит. Подросли дочери, которых набожный Брунджадзе отдал замуж в Азербайджан.

xxx

Выше Брунджадзе, там, где заканчивается надел Хечинова, стоит огромный дуб мирнолистный, посаженный моим прадедом. Под его большими ветвями темно даже днем. Рядом проходит главная дорога,

названная маман-«Зельгеймштрассе». В жару хорошо отдыхать на бамбуковой скамейке, которую поставил Сулейман. Его дом выходит к этому дубу.

У Сулеймана дом на южном склоне, каменный. У скромной жены Сулеймана Шуры, кроме Зивера, еще Сережа. Две их дочери вышли замуж и уехали. Сережа тоже уезжал, но характер у него беспокойный. Любит выпить и тогда дерется. Семью оставил, вернулся домой. Родители ему выделили комнату. Он работает слесарем в доме отдыха четвертого управления. От него зависит водоснабжение нашего маленького поселочка, подверженного власти всех стихий.

Сулейман состарился, на пенсии. Его жена сдает отдыхающим помещение.

xxx

Вниз за наделом Сулеймана – земля Османа Джиджавадзе. Теперь у Османа большой двухэтажный дом. Подрос сын Реваз. В доме отдыха он отвечает за танцы: вечерами заводит пластинки и в микрофон кричит: «Дамы приглашают кавалерию!» Всем очень нравится. Осман не работает. В колхозе никто не работает. Среднего роста, щуплый, Осман всегда неожиданно появляется на дороге – подвыпивший, но не сильно. Это его постоянное состояние. Жена его Зекие сильно располнела, работает в столовой вместе с невесткой – женой Реваза. Место хлебное. Улыбка Зекие изменилась, теперь нет в ней приятной доброжелательности, которую я помню с детства. Появилось что-то надменное, напоминающее о том, что она – уважаемая матрона.

В каменном их доме – идеальная чистота, как во всех аджарских домах.

xxx

На вершине холма, над домом Сулеймана, как и прежде, в образцовом порядке и идеальной чистоте живут уже сильно постаревшие тетя Катя Щепетова и дядя Вася. Теперь они частые гости в нашем доме, особенно зимой, когда поток отдыхающих редет. Раньше, когда телевизор был только у мамы,

они почти каждый вечер приходили посмотреть кино и сильно утомляли маму. Но потом завели свой собственный. С особенным почтением они теперь относятся к Майе. Она врач, притом при деньгах и лекарствах. Безалаберная тетка любит лечить и раздавать лекарства бесплатно, чем широко пользуются Катя с Васей.

При встречах главный предмет бесед – дети. У Кати благополучная дочь Рита, моя ровесница. Живет в Ташкенте. Летом наезжает к матери. Рассказывает и о племяннице Шуре, тоже благополучной. А вот бедная Оля Щепетова – неродная. Она живет рядом, в ботаническом саду. О ней говорится всегда свысока, с презрением. Судьба бедной Оли печальна.

Рассказ «Птица счастья» или Оля Щепетова

«Птица счастья, выбери меня!» Настойчивый и очень бодрый мотив отвлекал от важного и нудного дела. Опять, словно дятел долбит. Требует: «Выбери меня! Выбери меня!». Что это за птица? Именно она выбирает или ты сам? Вопрос философский. Он отвлек меня, и я занялась своим любимым делом. То есть размышлениями, сопоставлениями, воспоминаниями.

Оля Щепетова. В моих первых воспоминаниях это очень красивая темненькая девочка лет семи. Я видела ее изредка у тети Кати, матери Риты, моей ровесницы. Она дочка дяди Васи. Живет с бабушкой Надеждой Васильевной. Я случайно услышала – мать Оли от нее отказалась, а тете Кате она тоже не нужна. У нее есть Рита. Бабушка живет на Зеленом мысу в одной из комнат дачи Карцевадзе. Самих Карцевадзе репрессировали.

Оля училась плохо. Об этом часто говорила тетя Катя, девочку стали считать глупой. С трудом она окончила восьмилетнюю школу. Рита тоже подросла. Светловолосая, с правильными чертами, она очень нравилась мальчикам. Оля тоже расцвела.

Ах, «не родись красивой, а родись счастливой». Счастья-то у Оли немного. Отец совсем не занимается дочкой, он приймак: пришел в дом тети Кати. Катя строгая, чистоплотная. Правильная.

Годы летели, девочки подросли. Рита вышла замуж за офицера и уехала с Зеленого мыса. Она не единственная, кто уезжал. Зеленый мыс, несмотря на Черное море, красивые холмы, дома отдыха и санаторий – увы, далекая провинция. Многие девушки Зеленого мыса мечтали выйти замуж и уехать в большой мир. Там не нужно носить воду из колодца. Топить печь. Нет трудностей, а есть уютная, комфортная жизнь. Жизнь Риты так и складывалась. Офицер оказался душевным, приятным человеком. Любил Риту. И она, сияя от счастья, летом приезжала к матери, рассказывала о своем уютном городском житье-бытье. И разжигала желание Оли приобрести такое же счастье.

С годами Оля стала пышной красавицей. Она работала в маленькой библиотечке круглогодичного санатория «Аджария». Хотя поздней осенью на Зеленом мысу наступал мертвый сезон, в санатории, несмотря на холодные ливни и даже снегопады, продолжалась курортная жизнь – с вечерними танцами, прогулками к морю и другими радостями жизни. Кавалеров у Оли хватало – приезжие, красивые, молодые и немолодые. Но за короткие 24 дня времени хватало только на знакомство, несколько танцев и две-три прогулки по красивому парку на склонах холма под санаторием. Возможно, Оля была слишком разборчивой. Красивую серьезную девушку отмечали и сотрудники санатория. Например, фотограф Витя Партикуляр. Молодой, приятной наружности еврей постоянно носил с собой тяжелую треногу и при любом намеке фотографировал отдыхающих: на пляже, в парке, в ботаническом саду. Он рассаживал, красиво располагал отдыхающих группами и поодиночке. Несмотря на жару, накрывал голову с фотоаппаратом черной накидкой, прицеливался. Если что не так, снова располагал фотографирующихся, чтобы снимок был удачным. Потом вечерами, с наступлением темноты проявлял, печатал фотографии, надписывал место и день съемок. И уже на следующий день раздавал фотографии за умеренную цену. Трудился Партикуляр словно

муравей. Его постоянный, надежный заработок сулил прочное будущее. Забегая вперед, скажу, что так оно и получилось. С годами он освоил и цветную фотографию, совершенствовался. Настолько обеспечил себя и семью, что сумел приобрести квартиру в самом престижном районе города Батуми.

Но тут проявилась либо глупость, либо чванливость Оли. Разве может быть приличным мужем человек по фамилии Партикуляр, да к тому же еврей? На Кавказе национальности придают огромное значение, но к евреям относятся очень терпимо. Олино заявление меня удивило. Ведь Ритин муж как раз был евреем. Он создал для нее максимальный комфорт, семейное счастье.

Среди молодых сотрудников санатория был и аджарец Казим. На перевале у его родителей большой дом. Он должен был жениться по аджарскому обычаю. Ему найдут достойную, из богатой семьи невесту. Но Казим сопротивлялся. Мечтал об Оле. Но Оля, привыкшая к мужскому вниманию, не обращала внимания на намеки Казима, когда его видела ежедневно на работе. А чувство Казима было глубоким. Тому подтверждение несчастный случай. Сотрудники санатория, в том числе Оля, ехали на машине и на одном из крутых поворотов машина накренилась, чуть не упала в обрыв. Люди выпали. Некоторые поранились. Но обошлось. Казим подобрал передник одной из сотрудниц, думал, что это Олин. Наконец произошло серьезное объяснение. Казим показал ей передник, который он хранил. Увы, Оля не поняла его чувства и, чванливо засмеялась. За аджарца она не выйдет замуж никогда. И не вышла. А вышла за казака из Артемовска, с Кубани, отдохавшего в санатории. Несмотря на множество ухажеров, Оля берегла как зеницу ока свою девственность. Честная девушка. А для казака никаких глубоких принципов не существовало. Он ухаживал энергично и увез Олю в Артемовск. Счастливый брак по любви, подумала я. Но, увы, уже через два месяца Оля вернулась домой под бабушкин кров, в ту же комнату, на то же место в санатории. Рассказывала: степь, дом мужа, свекровь ей очень не понравились. Грубые крестьяне. А Оля – городская. Так ее

восприняли в казачьей станице. Работать она не хотела. С мужем счастья также не получалось. Конфликт нарастал стремительно, и молодой муж просто-напросто выгнал Олю.

Время шло неотвратимо. Мечта устроить свою личную жизнь не оставляла Олю. Как и раньше, приезжали в санаторий отдыхающие. Одна из отдыхающих, молодая бойкая женщина из Мурманска, искренне прониклась Олиной судьбой. Успокоила: в Заполярье красивых моряков очень много. Именно там Оля найдет для себя достойную пару. Оля загорелась. Взяла на работе расчет и по приглашению новой знакомой уехала в Мурманск.

На теплом юге народ очень щедрый. На севере – иначе. Южане, приехав на север, наслушавшись заверений в дружбе, особенно за бутылкой чудесного игристого вина, обычно не получают того, чего ожидают. Новая подруга приняла Олю. Но сама жила тесно, скудно. Через несколько дней Оля устроилась в разделочный цех большого рыбного комбината. Стояла на конвейере. Рыба мелькала перед глазами. За окном – метель. Наступила долгая полярная ночь. Нежная красивая Оля простудилась. На работу не вышла. А так как она работала недавно, выплаты по бюллетеню ей не полагалась. Знакомая отвернулась от нее, и никого вокруг не было. По улицам действительно шеренгами и по-одиночке, ходили и маршировали моряки. Но Оле до них уже не было дела! Она пропахла рыбой. Девушки в общежитии на соседних койках были грубыми, часто матерились. Впору впасть в отчаяние. Бабушка на Зеленом мысу, которой Оля писала отчаянные письма, встревожилась. Пошла к сыну Васе. Включилась и Катя. У нее крепкие родственные связи на юге Украины, откуда она родом. Оле выслали на дорогу деньги, и она оказалась в большом украинском селе, где стала работать на свиноферме.

Я потеряла Олю из виду на два года. Потом она вернулась к бабушке, но не одна, а с очень красивым белокурым малышом. Рассказывала о своей печальной Одиссее, о Мурманске, о свиноферме. Как она вставала на рассвете и спешила в свинарник. Там стая голодных поросят мчалась ей

навстречу так резко, что она боялась их. Насыпала корм, убирала. И так изо дня в день. Теперь она пропахла не рыбой, а свинарником.

Шло время, и Зеленый мыс с цветущими садами мандаринов и магнолий становился чудесной сказкой, постепенно отдаляясь в повседневных заботах о поросятах. Но вдруг ее посетило счастье. Красивый белокурый парень влюбился в Олю. Она забеременела и работать в свинарнике уже не могла. Белокурый красавец охладел. Не помогло и рождение мальчика, такого красивого и очень похожего на отца. Этот краткий рассказ был поведан мне Олей на ходу. Я любовалась чудесным малышом. Его светлая головка в любящих руках. Не менее прелестна склоненная над сыном голова Оли в темных кудрях. Бабушка очень обрадовалась правнуку. Он наполнил ее жизнь, а Оля устроилась работать садовой рабочей в ботанический сад. После свинофермы работа по прополке ботанических редкостей показалась Оле несложной. Но платили такой мизер, что прокормить ребенка, одеться не было никакой возможности. Как всегда, выручала бабушка. Оле выделили комнату на самой окраине ботанического сада, рядом с платформой «Ботанический сад» в сыром ущелье небольшой речки. В одноэтажном доме, где жили рабочие сада. Никакого комфорта, никаких удобств. Там она жила с бабушкой и маленьким сыном.

Шли годы. Мальчик вырос. Умерла бабушка. Большинство связей были временными и распадались, хотя Оля в полной зрелости продолжала быть весьма привлекательной. Серьезный роман с командировочным из Московского университета, Владимиром Владимировичем Петровым, сулил счастье. Человек одинокий, интеллигентный, он отнесся к отношениям с Олей с полной серьезностью. Но вот незадача: сын Оли был уже подростком с довольно противным характером. Это и привело к разрыву отношений. Не знаю, жалел ли об этом Владимир Владимирович, но Оля очень грустила. Самое обидное, что этому ученому очень надоело одиночество, и вскоре он женился на своей студентке из далекой провинции. И через полгода умер.

А Олина мечта о городе сбылась. Она переехала в Батуми. Стала работать на фанерном заводе. Работа была тяжелой, но она наконец получила от государства квартиру со всеми удобствами.

Отец с тетей Катей состарились и стали подумывать, как бы привлечь Олю к себе. Нужна помощь. Сын Оли – уже красивый белокурый молодец – стал часто заглядывать к дедушке. Но Катя не любила ни свою падчерицу, ни ее сына.

В девяностые годы, когда многие русские уезжали из Аджарии, Оля продала квартиру и вместе со взрослым сыном уехала, не сообщив об этом отцу. И след ее пропал.

xxx

К соседям можно отнести и сотрудников дома отдыха. Они тут работают годами. Я часто встречаю директора дома отдыха Вахтанга Ахвледиани с неискренней слащавой улыбкой. Она как бы застыла на его лице. Он – бывший министр культуры, отец моей школьной подруги Нанули. Мы здороваемся. Я его никогда не спрашиваю о доме. Все осталось в детстве и юности.

Дальние соседи

Более далекие, через холм соседи – семья Жубер-Моцкобили. Мама после работы по дороге заглядывает к Валентине Васильевне. Она на пенсии. Высокая, с милой улыбкой, Валентина Васильевна изумительно мастерит игрушки, вяжет панно и ухаживает за своей матерью Зоей Ильиничной. Зоя Ильинична, старенькая, очень набожная, встречает меня с улыбкой: «Аечка! Дай я тебя перекрещу!» Много позже, приходя на карелинское кладбище, я всегда подходила к палисаднику, за которым заросшая полиантовой розой могила Зои Ильиничны. Теперь за этой оградой лежит и Валентина Васильевна.

xxx

Александр Рожденович Чиракадзе, проживавший на даче Моат на подступах к чайтехникуму, умер. У его дочери Наны подрос сын Тамазик.

В начале семидесятых годов на месте деревянного двухэтажного дома князя Абашидзе, мужского общежития техникума, было построено четырехэтажное серое здание с благоустроенными квартирами – Дом учителя. Нана за заслуги своего отца и свои собственные (она преподает биологию) получила в этом доме квартиру. Но Нана живет на даче Моат, которая с каждым годом приходит в упадок. Проживая в крыле старой усадьбы, она может разводить кур, свиней. На просторной веранде всегда что-то сушится – то кукурузные початки, привезенные из родной гурийской деревни, то стручки лобии. Нана живет своим маленьким подворьем очень скромно. Высокая, с аскетическим лицом, уже седая, она строго соблюдает все традиции. На красную горку ездит на кладбища всех знакомых – и близких, и дальних родственников. Брат Наны вернулся из заключения больным и сломленным. Женился, но вскоре умер. Нана опекает своих племянников. Спокойная, благопристойная, она у чванливых преподавателей и особенно преподавательниц, недавно спустившихся с гор и сразу отрекшихся от любого физического труда, вызывает удивление.

Тамазик, ее подросший сын, бывает в нашем доме часто. Он тянется к знаниям. Чисто говорит по-русски. Похож на деда, но в отличие от него, полноват. Мать свою зовет Нана. Память деда для него священна.

Моя племянница Ира-маленькая, студентка, часто приезжает на Зеленый мыс к своей бабушке, моей маме. Бывает в нашем доме и Тамазик. Нана поощряет эту дружбу: Ирочка – грузинка. Но Тамара воспротивилась. Они с Сашей в это время жили в ГДР, а Ирочка одна в Тбилиси. Очередной раз, приехав на Зеленый мыс, она простудилась. Тетка сразу же обнаружила гланды и настоятельно рекомендовала сделать операцию. Ирочка согласилась. Мама с восторгом рассказывала, как к Ире в больницу приходил Тамазик. Как были милы эти два голубка. Как Ира после операции не могла некоторое время разговаривать, и они объяснялись знаками. Ира и Тамазик были бы прекрасной парой. Но приехала Тамара, устроила маме скандал и увезла Иру. Видимо, надеялась выдать ее замуж более выгодно. Позже Ира

неоднократно пыталась возобновить этот роман, но неудачно. Она уже была разбалована столицей.

Тамазик поехал получать высшее образование в Сибирь. Учился на инженера. Но с учебой у него не ладилось. Поговаривали, что в Сибири у него русская жена, что Нана препятствует этому браку. Возможно, вполне возможно, это только досужие сплетни. В деревнях и на Зеленом мысу они широко распространены. Пробыв в Сибири довольно долго, Тамазик вернулся домой без жены и стал жить с матерью, помогая по хозяйству. Пристроил коровник. В тяжелые девяностые годы у него было несколько маленьких, как везде в Аджарии, коровок, которых он выпасал на даче Карелиных. Мечтал получить земельный надел, хлопотал. Но бесполезно. Земля вся распределена.

Квартира в Доме учителя большей частью пустует. Тамазик остался холостяком.

xxx

Недалеко от Чаквинского перевала, под вершиной горы – дом Абдульчика Багратиони. В нашей семье он известен тем, что помнит нашего прадеда. Человек достойный, пожилой. Он помнил имя китайца, который жил в ботаническом саду, а его жена Хаджер ходила с моей мамой во время войны на Омбалури собирать чай. Об этом всегда вспоминают, когда встречаются.

xxx

К далеким соседям относятся и Васильевы, о которых я уже упоминала. В середине семидесятых годов центральная часть большого васильевского дома была продана скромному грузину – учителю Сулико. Правое крыло по-прежнему принадлежит Вете и ее супругу. Вете не везло. Двое ее сыновей оказались неудачными. Один покончил жизнь самоубийством. Второй сын пил и сгинул. Умер и муж. Вета сильно располнела, еле двигается. Когда я изредка заглядываю к тете Веете, от нее исходит симпатия и добро.

При встрече она всегда улыбается, называет меня не иначе как «Аичка». В комнатах ужасный беспорядок. Живет она за счет доходов от огромного сада. Левое крыло по-прежнему занимает Адяка со своей женой Локой и ее сестрой Женей. Адяка вышел на пенсию. Живет в полном достатке. Огромный сад приносит большой доход. В отличие от Веты, у Адяки идеальный порядок, заведенный очень давно, еще до войны. Тогда все были молоды, и мой франтоватый дед, тогда еще не ставший дедом, приходил на веселые вечеринки к Васильевым. Над домом – крутой склон. Тропинка выводит на шоссе, по которому непрерывным потоком идут машины. Выше шоссе, в стороне над дорогой в живописном месте прилепился красивый финский домик. Там живет Аллочка Васильева с Борей Лисицким. У Веты и Адяки был брат Митя, женатый на красивой армянке Кате. Митя – ветеринар. Он умер в конце войны. Выросли две девочки: старшая Аллочка, младшая Наташа. Младшая вышла замуж за офицера Толю Степурко и уехала.

Аллочка стала врачом, вышла замуж и уехала к родственникам в Астрахань. Первый брак распался. Подростал сын. Связи между соседями были крепкими. Ниже дачи Моат находилось большое имение Лисицких, пограничное с Карелинской дачей. Катя Васильева и Мария Федоровна Лисицкая дружили. Сын Лисицкой Борис был также разведен. Матерям удалось их свести. Алла и Боря начали новый виток жизни на Зеленом мысу. Отделили для себя часть огромного сада, купили маленький, но очень удобный деревянный финский дом. Родился у них сын Юра. Аллочка работает врачом в городе на скорой помощи. Боря – инженер на судоремонтном заводе. Живут они гармонично. Аллочка похожа на всех женщин семьи Васильевых: невысокая, с приятным лицом.

На очень крутом повороте машины, начиная подъем к перевалу, газуют.

У остановки – скамейки. На колоннах надпись с орнаментом указывает, что за воротами начинается чайный техникум. Отсюда до Аллочки и Бори совсем близко. Метров сто, прижимаясь к крутому склону и опасаясь машин, идти неприятно. Но потом, войдя в калитку, забываешь о машинах, дороге. Попадаешь в другой мир. Сначала тропинка ведет к дому под кронами камфарных лавров. Ощущается лечебный запах. К освещенному откосу южного склона прилепились кактусы, агавы. Они большие, некоторые, самые роскошные, цветут. На площадке у дома – большой кедр гималайский. Отсюда открывается вид на батумскую бухту, особенно красивый вечерами, когда сквозь ветви вдалеке сверкают огни Батума.

Дом обвит глицинией. Огромные кисти сиреневых соцветий весной благоухают, а летом дают тень большой, хорошо прогреваемой веранде. Гостеприимные хозяева всегда тебе рады. Хлебосольство в крови у Васильевых. Готовят они особенно вкусно.

В конце семидесятых, когда я изредка заглядывала в этот уютный дом, меня охватывало желание иметь такой же. Там все было очень хорошо: и дом, и его хозяева, и окружение. Особенно мне нравилась большая веранда, на которой в мае подсыхал свежескрученный, приготовленный самой Аллочкой чай, распространяющий неповторимый чайный аромат.

Позже, когда я переехала на Зеленый мыс и никак не могла осуществить свою мечту построить дом, я часто после работы поворачивала к перевалу, заходила в гости к гостеприимным соседям. Любовалась. Окруженная уютом, бросала взор на ущелье и

прорезавшую его параллельно дороге, по которой непрерывным потоком текли машины.

xxx

Выше Аллочкиного и Бориного дома среди зарослей по тропинке можно подняться к дому Ноя. Это большое одноэтажное строение, вернее – огромный сарай. Ной – высокий сутулый милиционер ботанического сада, родом из горной Аджарии. Он под видом сторожки построил непрочное, из всякого хлама большое жилище и перевез семью. Надеется узаконить. Но когда я его встречаю, начинает жаловаться, что узаконить дом не удастся, что его могут выгнать.

Граница с Хечиновым

По-прежнему ни у мамы, ни у тетки границы не обозначены. Забора нет.

Из дома отдыха пройти к избушке по зарослям междудорожья не составляет труда. Туда пробираются с дамами местные знатоки.

В конце площадки – там, где большой бук и под ним скамья, начинается крутой склон владений Хечинашвили. Граница ничем, кроме резкого спуска, не обозначена. Старый хозяин, знаменитый гинеколог Георгий Гаврилович, умер. Два его старших сына уехали в Ленинград. Теперь владелец дачи - младший сын Леван. Он врач- уролог. В молодости отличался горячим нравом, устраивал попойки в красивом загородном доме.

Буйного Левана отец выдал за грузинку из Тбилиси, тем самым укрепив свое грузинское происхождение. С тех пор звучит только фамилия Хечинашвили.

Невысокий Леван производит впечатление крайне нервного, резкого и самоуверенного, особенно рядом с крупной лошадинообразной супругой.

Мама рассказывает, что жена Левана большей частью живет в Тбилиси. почти не говорит по-русски.

На террасах его сада апельсины сомкнулись кронами. В пустующем доме на первом этаже в качестве зрителя и охранницы живет маленькая, напоминающая ведьму злобная женщина – Тамара Максимовна. При столкновении с кем-либо она сразу начинает кричать.

xxx

Леван решил поставить новый забор – сетку-рабицу. У мамы денег нет, особенно на крупное мероприятие. Да она и не задумывалась о границе. Все пограничные вопросы решались не заборами, а устными разборками с Майей, которая всегда старалась прибрать себе что-то пограничное.

Садовник решил выслужиться перед Леваном, а возможно выполнял его заказ. То есть продвинуться по границе. Мама, придя домой после работы, обнаружила вновь поставленную сетку. Никто с ней о границе не разговаривал. Пришли рабочие, ставили столбы, цементировали. Укрепляли их камнями, взятыми у домика из маминого сада камней, то есть композициями. Мамин сад камней – ее гордость, и она пришла в отчаяние. Сильно кричала, но на этом инцидент был закончен. Граница осталась прежней.

xxx

С северной стороны на склоне еще при прадеде была посажена чайная плантация. Мама была обязана собирать там чай и сдавать в колхоз. Но в семидесятых годах этот небольшой участок никто не учитывал. Он зарос ежевикой, которая покрыла мощными дугами чайные кусты. Образовались норы, в которых стали жить шакалы. Зимой они воровали маминых кур. Их лай напоминал детский плач.

Ботанический сад в конце семидесятых

Приезжая домой на Зеленый мыс, мы обязательно идем в ботанический сад. Сначала заходим к маме в библиотеку, в темное и длинное книгохранилище. Мама с восторгом рассказывает о тех, кто за последнее время посетил ботанический сад, библиотеку. С гордостью показывает выставленные в ряд работы Андрея и мои. Это для нас большая реклама.

Диссертацию Андрея ВАК утвердил. Он стал доктором наук. Мы с Андреем издали книгу по морфогенезу кустарников.

xxx

После смерти мамы у меня вышла большая статья в журнале общей биологии. Но никто уже ее не рекламировал. Я представляла себе, как гордилась бы мама выходу этой статьи, как бы показывала ее своим сослуживцам и приезжим ботаникам.

xxx

Мама нам показывала и новинки, важные издания флоры, полученные ею с большим трудом, купленные или подаренные. Потом вела к директору, к Нодари Мемедовичу. Затем следовало посещение нового заместителя директора Ваню Рафаиловича Мамунидзе, недавно поступившего на работу в ботанический сад. Ваню – крупный полный мужчина выше среднего роста, с большим плоским лицом, на котором всегда играет румянец. Бросаются в глаза небольшие красные губы. Так и хочется сказать – «губки». И, конечно, усы – принадлежность каждого грузина. Ваню говорит по-русски плохо, речь его замедляется, он обдумывает каждое слово. Он ученик Василия Захаровича Гулисашвили – известного лесоведа. Родной брат Варлама Рафаиловича Мамунидзе – первого секретаря Аджарии, то есть главного человека автономной республики. Ваню родом из горной Аджарии, из села Кеда, районного центра. У него, кроме Варлама есть еще брат – директор консервного завода.

Потом мы идем в бухгалтерию, также здороваемся. Там сидят старые сотрудники – худенькая Цуца и сильно постаревшая жеманная Галина Милентьевна. Главный бухгалтер по-прежнему Нина Владимировна – великий комбинатор. С ее нелегкой руки была вывезена в Тбилиси мраморная нимфа, сохранявшаяся на камине в отделе интродукции со времен Баратова. Это произошло в момент переезда отдела интродукции в жилой дом сотрудников сада, тогда когда самые уважаемые получили квартиры в новом доме в Батуми. На даче Баратова часть помещений стала

жилем. Их занял новый сотрудник с семьей Давид, Дато Гвианидзе, родом из села Аджарисцкали. Он занимается дубами.

xxx

Многие научные сотрудники-грузины перебрались в столицу, в Тбилиси. Это Баланчивадзе, Манджавидзе, Цицивидзе. Их места стали занимать местные кадры: Мамунидзе, Гвианидзе, Мурман Давитадзе, Важа Мамиадзе. Еще Хасанчик Бакуридзе. Мама о каждом много рассказывает. Она всем помогает с подготовкой диссертации. Переводит иностранную литературу, составляет библиографию. И все бесплатно. За улыбки, за спасибо. То же самое она делает и сотрудникам ЗОС ВИЛАР (станция лекарственных растений) в Кобулету. Они часто наезжают к маме в библиотеку.

Появилась новая управделами – Хедие Боквадзе, сестра жены директора. Крупная, с большим длинным лицом. Сидит за пишущей машинкой в приемной перед кабинетом Ваню. Мама буднично рассказывает – она в близких отношениях с Ваню. У Хедие муж Бидзина. Родом он из села Тхилнари за Чорохом. Там он строит красивый дом. Это его главное занятие. На его добром лице главное – огромный нос. Сам он маленький, шупленький, едва по плечо Хедие. Рядом с ней его мелкость особенно бросается в глаза. У них двое детей, очень похожих на отца.

Незаметно для меня ушел из жизни Ашот Багратович. В отделе интродукции по-прежнему работает Морозова.

Ушла из жизни и Нина Петровна Георгадзе.

Рассказ о Нине Петровне Георгадзе

Первая моя встреча Ниной Петровной произошла еще во время войны, то есть в году 1943-1944. Я была школьницей первых классов. Училась у бабушки в Тбилиси, а на лето приезжала домой на Зеленый мыс к маме. В течение всего моего детства, юности, Нина Петровна числилась единственной постоянной приятельницей нашего старенького дома. Сын Нины Петровны Эдик иногда тоже мелькал на нашей площадке. Нина

Петровна в девичестве была Неклюдова. У нее кокетливая сестра, которая иногда приезжает к ней в гости. Сестра зарабатывает на жизнь вязанием свитеров. Она и маме и мне связала красивые свитера. Мы долго копили, чтобы их оплатить. Времена были голодными, безденежными.

Нина Петровна в городе знакома с Владыковым. О, Владыков!! Это этаким законодатель мнений среди батумской интеллигенции. К нему попасть трудно. Ездят как на поклон. Узнаю, что он знаток Николая Рериха и еще кого-то. Это я слышу изредка от взрослых, от Нины Петровны. Через Владыкова мама познакомилась с Ишовым Леонидом Михайловичем, капитаном первого ранга из Ленинграда, который во время очередного приезда посетил своего знакомого Владыкова и случайно там встретил маму. Нужно сказать что каждый, каждый без исключения мужчина, взглянув на маму, влюблялся. Она была необычайно хороша. Нежная, очаровательная француженка. Роман с Леонидом Михайловичем оказался настолько прочным, что растянулся на долгие годы. Мама считала Леонида Михайловича своим гражданским мужем, а «правильная» Нина Петровна осуждала себя за знакомство. Владыков тем более осуждал. Он насаждал в Батуми правильное, благородное поведение. Вокруг него вились ученицы, которым он вещал нравственные законы. Был весьма категоричен. Когда я, поступив в Тимирязевскую академию, встретила его случайно на базаре, он спросил меня об этом, я ему ответила что поступила в Тимирязевку. В ответ раздался презрительный ответ, что небрежное слово «Тимирязевка» недостойно произносить. Это сокращение, вульгаризм. Но что от меня можно ожидать, если у меня низкий лоб! А это верный признак ограниченности. Диагноз и приговор был поставлен на всю жизнь. Со лбом я как-то справилась и вспоминала редко. А вот Тимирязевка – слово, ставшее нарицательным и ласковым, которое звучит везде, напоминает мне надутого старичка в чесучовом легком пиджаке и соломенной, а ля канапе шляпе. Далекие времена середины пятидесятых...

Нина Петровна принимала участие в жизни нашей семьи, часто весьма благотворно. Узнав, что я постоянно пою, повела меня в городе к знаменитой певице. Она уже была на пенсии. Посреди комнаты стоял большой рояль. На стенах под стеклом – портреты знаменитостей, в том числе Собинова. Пожилая дама проверила мой голос. Нашла его сильным и предложила давать уроки. Но у нас дома было постоянное безденежье, в маминых руках деньги не держались. О каких уроках могла быть речь! Тема была закрыта навсегда.

Сын Нины Петровны закончил школу в городе. Учился он средне. Нина Петровна отправила его в Ленинград к сестре, где он поступил в пожарное училище.

Нина Петровна осталась в Батуми одна. Комнату под крышей она обменяла на темную, но просторную, с окнами, выходящими на веранду, какие в моде в южных городах. Из ее комнаты были слышны крики соседок, собиравшихся у крана во дворе на первом этаже. Туалет во дворе издавал неприятные запахи, особенно в летнюю жару. Нину Петровну все чаще тянуло к нам на зеленый холм. С работой тоже не ладилось. Кроме того, характер у Нины Петровны был своеобразным, властным. А мама слабая, часто поддавалась влиянию. Нина Петровна менторствовала, делала замечания. Это все любя. Действительно, она была привязана к маме и, возможно, именно то, что мама работала в ботаническом саду, послужило поводом для Нины Петровны обменять свою комнату в городе на комнату в ботаническом саду. Новое ее жилье находилось на втором этаже над столовой. Два светлых окна были обращены на море. Вдали можно было разглядеть поселок Чакву. Везде зелень. По утрам солнце с востока освещало ее просторную комнату. Хорошо. Соседи попались тоже очень хорошие. Цуца, тихая девушка-гурийка из бухгалтерии, сама смиренность и доброжелательность. Нину Петровну взяли по рекомендации мамы в штат ботанического сада художницей. Как рисовала Нина Петровна, трудно сказать. После нее осталось два довольно неудачных черно-белых рисунка

растений в книге А.А. Дмитриевой «Флора Аджарии», готовившейся в то время к изданию.

Переход Нины Петровны в ботанический сад свершился за полгода до моего отъезда из Аджарии. Я работала в Нижнем парке на даче Баратовых. Со своим строгим, но очень добрым начальником Ашотом Багратовичем я вполне сработалась. Рядом сидела Галина Алексеевна Морозова, часто делавшая мне замечания. Но она не была моей начальницей, и это спасало положение. Теперь рядом с Галиной Алексеевной стала сидеть Нина Петровна и поток замечаний резко возрос. Часто они придирались ко мне вдвоем. Мирная жизнь тихого уголка была нарушена.

В это время за мной ухаживал мой будущий супруг. Мы с ним часто бродили по ботаническому саду, собирая семена. Это была моя прямая обязанность. Придирки и мелкие конфликты сваливались на меня во время длительных в тех местах дождей. Вскоре я уехала и все отодвинулось далеко. О некоторых событиях, которые развивались далее, я слышала от мамы и подруг-сослуживиц моих ровесниц, которые сменили меня в семенной лаборатории в отделе интродукции. Как и следовало ожидать, Галина Алексеевна и Нина Петровна рассорились и не могли видеть друг друга. Галина Алексеевна изобрела экран из картонок и «отдалилась» от Нины Петровны. Та, в свою очередь отгородилась картиной и стремилась к маме в книгохранилище, где и расположилась за стеллажами. Подслушивала разговоры и портила жизнь мамы на правах подруги. Но этого я уже не застала.

Эдик, сын Нины Петровны, закончив пожарное училище, был распределен в Тбилиси, стал успешно работать в одной из пожарных частей. Его повышению по служебной лестнице способствовала и его фамилия, и национальность. Он был по отцу грузином. Удачно женился. В год моего замужества мы с мужем попали в Тбилиси на несколько дней к деду и бабушке. Старики устроили званый обед. Позвали и молодых Георгадзе.

Рядом с красивым белокурым Эдуардом маленькая изящная жена гляделась очень мило.

В 1963 году я приехала надолго на Зеленый мыс с маленькой дочкой, ждала второго ребенка. Стояло жаркое лето. У Нины Петровны гостил сын с невесткой и внуком. Нина Петровна была счастлива. Жила в это время отдельно у соседки, у Цуцы и всеми силами ублажала молодых.

Далее жизнь надолго меня оторвала от Зеленого мыса. Но мама мне писала часто и делилась зеленомысскими новостями регулярно.

Через некоторое время Нина Петровна рассорилась с невесткой и сыном настолько, что ее полностью разлучили с внуком. Она продолжала жить одиноко. Рисовала потихоньку и особенно преуспела в плетении корзин из хвои североамериканских сосен. Мама рассказывала, что она сплела однажды не только красивую корзину, но и пальто! И это было произведение искусства.

Жизнь ботанического сада текла тихо. Нина Петровна была очень экономной. Но здоровье ее на глазах рушилось. Она и раньше болела базедовой болезнью, но теперь, в середине семидесятых годов, болезнь резко усилилась. Мучил ее и грибок под ногтями рук. Постоянно она их мазала какой-то адской коричневой смесью. Глаза навывкате, руки, разукрашенные темной жидкостью. Ее жалели. Но от сына не было вестей. Наконец встал вопрос о стационарном лечении, и ее направили в больницу в Тбилиси. Там Нина Петровна лежала в ожидании сына. Но он не приходил. В Тбилиси принято нянечкам, санитаркам давать мелкие монеты за услуги, оказываемые больным. Но Нина Петровна не платила. Принципиально. Каждую копейку она собирала для сына, чтобы оставить ему деньги в наследство. Мечтала, чтобы он пришел, приник к ней больной. Но безуспешно. Не приходил и не пришел... К тому времени Эдуард вырос по службе, получил высокий чин. Этому способствовал счастливый для него случай. Руководил в то время Грузией первый секретарь М. Каким-то образом Эдуард Георгадзе спас М. То ли покушались на него, а Эдуард спас, то ли помог при пожаре. Оказал

большую услугу большому человеку. Тем самым заслужил не только повышение, но и дружбу, и доверие самого высокого лица. Все эти подробности я знаю по рассказам мамы, потому детали мне неизвестны.

Больную и уже плохо передвигающуюся Нину Петровну сотрудники ботанического сада доставили на Зеленый мыс. На выручку пришла та же милая и безответная Цуца. Ей Нина Петровна завещала комнату. Но все деньги, скопленные многолетним трудом по крохам, были завещаны Эдику. Для него, видимо, это были гроши. Цуца на глазах у всех сотрудников ботанического сада бескорыстно смотрела за тяжелобольной. Умерла Нина Петровна в конце семидесятых годов. Похоронена на большом зеленомысском кладбище, на склоне одного из крутых холмов.

Мама рассказывала: однажды к ней в библиотеку постучал высокий военный чин. В библиотеке полутемно, и она с трудом узнала в роскошном мужчине в форме Эдуарда. Да, это был сын Нины Петровны, который приехал в сопровождении большой свиты подчиненных. Просил маму показать могилу матери. Поехали на кладбище. Мама видела склоненного над могилой сына. Он рыдал.

Когда мама мне рассказывала об этом запоздалом визите, мне невольно припомнился «Станционный смотритель» Пушкина.

Гульнара Гулиашвили

На вершине холма гималайского отдела, недалеко от жилого дома, был выстроен одноэтажный просторный клуб. Он очень холодный и большей частью пустует. В полуподвальном помещении жители дома устроили склад удобрений.

xxx

Переезд в батумский многоэтажный дом был отмечен грандиозным скандалом, неожиданно потрясшим ботанический сад. Для этого стоит вспомнить Верочку Гулиашвили. До войны Верочка с мужем приехала из Гурии. Муж погиб на войне.

Верочка – вдова фронтовика, сестра Трифона Уплисовича, осталась с двумя детьми: Резо и Гульнарой. Она работала, не покладая рук. Как рабочая ботанического сада занимала комнату в жилом доме сотрудников. Держала корову, плела коврики из драцены, растила детей. Заработала доброе имя. Гульнара подросла и поступила в чайный техникум. Там же учился сын Мусовича.

Мусович родом из соседнего с ботаническим садом села Сахалвашо. В ботаническом саду он работает агротехником, то есть следит за работой садовых рабочих. Я его помню с раннего детства. Очень высокий, со светлыми волосами. Встречая меня с мамой, всегда улыбается.

Гульнара и сын Мусовича полюбили друг друга. По обычаю принято женить и выдавать замуж, исходя из интересов семьи, то есть за богатых или очень уважаемых, а не по воле молодых. А Гульнара – бесприданница, к тому же не аджарка. Влюбленные понимали, что официально не получают разрешения на брак и решили инсценировать воровство невесты. Сын Мусовича так и поступил, поставив свою родню перед фактом. Пришлось смириться. Но красивую Гульнару родня Мусовича не признала. После окончания чайтехникума Гульнара работала в ботаническом саду. Молодожены стали жить на задворках дачи Ратишвили. Комнаты первого этажа со стороны холма, к которому примыкает роскошный дом-дворец, очень темные. Узкий коридор выводит из комнат на такой же сырой и темный двор. Усиливает темноту и мрачность помещения скрывающий свет мостик на втором этаже, ведущий в главные светлые помещения дворца, уже давно заселенного сотрудниками ботанического сада. У молодого мужа оказались слабые легкие, он заболел туберкулезом. Плохое жилье усиливало болезнь. Родилась девочка Нина, тоже слабая здоровьем.

Отъезд лучших людей ботанического сада, долго ждавших постройки дома в Батуми, переселение других в жилой дом на место переезжающих всколыхнуло других сотрудников. В том числе и Гульнару. Она пошла к директору Нодари Мемедовичу Шакарашидзе (Нури) просить светлую

комнату в жилом доме в центре сада. В том доме, где она выросла. Но Нури ей отказал. Возможно, потому что Мусович ее, самовольную, не любил – без его ведома увела сына. Или потому, что Гульнара никакого веса в саду не имела, работала лаборантом. Нури – человек добрейший. Вполне вероятно, что многие дела сада в то время решала жена директора – Мери и ее сестра Хедие. При распределении квартир в батумском новом доме Нури присмотрел себе не одну, а две смежные квартиры, которые предполагалось объединить в одну и сделать ее очень большой. При этом у Нури огромный дом и огромный апельсиновый сад в Гонио, за Чорохом. У родителей его жены Мери большой дом на Зеленом мысу и также большой мандариновый сад. Люди они даже по меркам состоятельных местных жителей очень богатые. Но, как говорится в народе, «богатство к богатству, деньги к деньгам». Об аппетитах Нури Мемедовича и особенно его жены Мери знали почти все и считали это естественным. Он же директор!

Но не знал Нури характера самолюбивой и решительной Гульнары. Да и поступал он весьма несправедливо. Муж болел, Гульнара жила на очень маленькую зарплату, девочка тоже болела. Гульнара решилась. Поехала в Москву и пошла на прием к космонавту Валентине Терешковой в комитет по женским вопросам. Возможно, она обращалась и в более высокие инстанции. Написала жалобу, где называла своего директора Нури Шакарашидзе «красным кулаком». Жалобу приняли. Сигнал был услышан. Как только Гульнара вернулась в Батуми из Москвы, ее и Нури вызвали в высшую инстанцию и допросили с пристрастием. Спрашивали, как она сумела написать жалобу по-русски так грамотно. Писала ли сама? Гульнара гордо ответила, что кончила чайный техникум и учила русский. Нури стоял, опустив голову. В результате квартир его лишили. А Гульнара получила в новом доме двухкомнатную квартиру со всеми удобствами.

Но сотрудники ботанического сада встретили Гульнару враждебно. Девять лет с ней никто не разговаривал. Муж продолжал болеть, умер совсем

молодым. Приезжая к маме, я видела Гульнару – в черном, красивую, но с отрешенным лицом.

Шло время. Когда пришел в сад Вано Ммунидзе, он поддержал Гульнару, прошлые обиды постепенно стерлись. Гульнара стала человеком почти равным с другими. Она собирала материал для книги Вано по лекарственным растениям. Смерть сына смягчила Мусовича и его родню. Гульнару и уже подростковую Нину приняли в свой клан, стали помогать деньгами. Гульнара в ответ стала соблюдать обычаи аджарской семьи. Она прекрасная хозяйка. Когда собирался очередной стол с угощениями, то есть пурмарили, «хлеб-соль», Гульнара всегда была звана как знаток и одна из лучших кулинарок.

Когда я снова приехала на Зеленый мыс и стала работать в ботаническом саду, Гульнара была уже научным сотрудником, курировала мексиканский отдел. Судьба в дальнейшем готовила ей новые удары, которым она мужественно сопротивлялась.

Новые дома

В конце семидесятых, в разгар вседозволенности застоя в Аджарии, а возможно, и во всей Грузии бросалось в глаза строительство новых домов – не только частных, но и государственных.

В Батуми были построены два высоких двенадцатиэтажных дома в виде серых параллелепипедов. Они изменили силуэт города Батуми, который мы видели с нашей площадки. Ранее длинный заостренный мыс в основании бухты был украшен только шпилями католического костела. Теперь стали видны и эти два дома с острыми углами и полным отсутствием архитектуры. Символ эпохи.

Такой же серый и прямоугольный пятиэтажный Дом учителя вырос на противоположном холме от нашего дома на месте деревянного дома князя Абашидзе. На фундаменте дома Карелиных было построено большое трехэтажное общежитие для студентов. Вытянутый вдоль склона дом тоже серый, с балконами. Внизу, в подвальном помещении, котельная. Студенты

оказались диковатыми. Это большей частью молодежь из горных поселков. Уже давно преподавание в техникуме идет только на грузинском языке. Прекрасные помещения быстро превратились в свинарник. Везде грязь, сорванные замки. В темной роще магнолий – там, где когда-то бил фонтан, стали попадаться выброшенные с балконов коврики, разбитые стулья, кастрюли, сковородки, консервные банки.

xxx

В чайтехникуме ниже красивой площадки, обрамленной магнолиями, на южном склоне холма выстроено большое здание учебного корпуса, прилепившееся к южному склону. Несколько вогнутой формы. Три этажа с внешней стороны украшены красивым рисунком: горцы танцуют гардаган, собирают виноград. Проезжая по главному шоссе по противоположному к техникуму холму за оврагом, видишь эти корпуса и картину. Очень красиво. С задней стороны от учебных корпусов к площадке с магнолиями поднимаются крутые лесенки. Есть и переходы. Светлые корпуса учебного корпуса впечатляют. Да вот незадача: при постройке не учли выход грунтовых вод, размывающих фундамент. Во время тяжелого снегопада корпус треснул пополам. Его долго ремонтировали. Ушла масса цемента не только на восстановление корпуса, но и для тех, кто ремонтировал.

xxx

В те же годы к даче Стюр пристроился высокий многоэтажный серый параллелепипед дома отдыха четвертого управления. Никому и в голову не пришло, что это здание не вписывается в пейзаж. Выросло оно быстро. Никакого забора уже нет. Можно спокойно подойти, обогнуть параллелепипед, зайти на площадку перед двухэтажным зданием с колоннами. Оно остается нетронутым. Можно сесть на скамейку, как это, по всей видимости, делал Михаил Афанасьевич Булгаков. Полюбоваться, как в Черное море садится солнце, увидеть его последний луч.

xxx

В 2005 году это здание разрушили. Так мне по телефону рассказала Нели Моцкобили - дочь Валентины Васильевны, унаследовавшая дачу Жубер (девочка в красной шапочке, которую не смогла увидеть мать при отправке этапа в Казахстан).

xxx

На берегу моря по пути в Махинджаури работает большой цех, что-то вроде маленького завода. Песка вдоволь. Рядом море. Цемента также много. Его регулярно подвозят из центральных районов страны, как и другие строительные материалы. В цеху на открытом воздухе лепятся большие цементные брикеты. Они дешевые. Это главный строительный материал. На склонах очень быстро вырастают большие квадраты домов в два, а то и три этажа. Соседи соревнуются. Хвастаются. Перегоняют друг друга в величине дома. Дома отапливаются. Есть и маленькие котельные. Но чаще вся семья ютится около бухари на первом этаже, а второй холодный этаж – гостевые комнаты. На балконах сушат белье. В домах идеальная чистота. Невестки, словно пчелки, с утра до вечера суетятся по хозяйству.

xxx

Неожиданно при входе в ботанический сад рядом с дачей Ратишвили вырос большой дом Корнелия, завхоза ботанического сада.

Там, где был скромный деревянный домик с кассой для кассира, поселился Корнелий. Мама, когда мы проходим мимо, всегда подчеркивала, что он сван. Это в наших краях редкость. Вверх по реке Ингури находится верхняя Сванетия. Люди спускаются с гор в долины. Корнелий – невысокий, уже седеющий, с хитроватым незлым лицом. У него приятная полнеющая жена Женя. Работает на метеостанции. Двое крупных красивых детей. Сын Бесики и дочь Бэла. Они как будто выращены на сметане. На самом деле – на самых лучших продуктах. Корнелий – умелый завхоз. Ему принадлежит идея перенести хозяйственный двор из центра ботанического сада на задворки с удобным выездом на трассу. Подальше от людских глаз. Там выстроен дом, организован милицейский пост. Ржавеют трактора и еще какая-то техника.

На новом хоздворе все производит впечатление развала, тишины, запустения. Но это ложная тишина.

При входе в сад, на его территории, на месте будки Корнелий выстроил свой большой двухэтажный дом. Склон крутой. Второй этаж на уровне входа. Там балкон. На нем отдыхает Женя. В комнатах постоянно работает телевизор. Когда мы проходим мимо, выходя из ботанического сада, Женя улыбается, зазывает на чашечку кофе. Мама делится новостями, здоровается. Территория дворика рядом с домом постепенно увеличивается. В субботу, в воскресенье, когда сотрудники ботанического сада отдыхают, Корнелий активно работает. В это время роется терраса. Уничтожаются редкие посадки. А это ведь территория ботанического сада. Исчез птеростиракс, даже большие хвойные деревья. Нужно же Корнелию иметь свой двор, оплетенный виноградом! По воскресеньям вывозится втихаря земля. Сотрудники, идя на работу в понедельник, видят результат. Мама, проходя мимо, тихо шепчет: «безобразие!». И только. Большая часть ее жизни прошла на Зеленом мысу, в ботаническом саду, но она не осмеливается протестовать громко.

xxx

Кстати. Во время негласной войны в Афганистане Корнелий сумел найти нужные знакомства. Освободил, отмазал своего наливного розового Бесики от армии. И для других сотрудников постарался, поделился знакомствами.

xxx

Тихий Корнелий гнул свою линию жизни. Объединил жителей соседней дачи Ратишвили. Образовалось нечто похожее на поселочек. Удачно женил Бэлу. Справил роскошную свадьбу. Новые родственники – богатые и достойны красивой пышной Бэлы.

Бесики тоже удачно женился. Казалось, все катится не вниз, а вверх. Но судьба иногда играет с человеком. В последний раз, в 2004 году, проходя мимо гостеприимного дома Корнелия, я увидела его. Маленького,

сгорбленного. На Женином лице тоже не было улыбки. Корнелий по какой-то важной причине уже не работал в ботаническом саду. Он это объяснял своей национальностью. Он сван, а не аджарец. Возможно, это сыграло свою коварную роль. Потерял хлебное место. Чтобы прожить, торговал мелочевкой на автобусной остановке у перевала, на повороте дороги. Там в то время часто проезжали машины, следуя в Турцию и обратно. Голодные времена!

xxx

По дороге, ведущей из ботанического сада мимо дачи Ратишвили к чайтехникуму, живет Реджеб Багратиони. Он купил дом, который ранее принадлежал Мхеидзе, одному из бывших директоров ботанического сада. Реджеб, в прошлом министр юстиции, участвовал в репрессиях. Многие помнят о его черных делах.

xxx

На вершине горы Фридэ батареи уже давно нет. На ее месте выстроена телевизионная антенна. Там есть телефон, которым иногда пользуются мои друзья Васильевы. Однажды и я ходила туда звонить в Москву. Было срочное дело. Телевышка высоко. Там своя жизнь. Ее обслуживают незнакомые специалисты из Батуми.

xxx

Прогресс встраивался в жизнь Зеленого мыса, всей Аджарии. Стали летать большие самолеты, ежедневно из Москвы несколько рейсов. Да и из других городов. Но все равно достать билет трудно. Хотя мои повзрослевшие дети-студенты прилетают к маме часто, иногда на два-три дня, на праздники. Билеты дешевые.

xxx

В горную Аджарию, несмотря на кордоны, заставы, с автостанции один за другим едут маневренные ПАЗы – маленькие автобусы, проникающие в самые отдаленные уголки горной страны. Автобусы без всякого расписания

через каждые 15-20 минут курсируют между Зеленым мысом и Батуми. С чуть большим интервалом ходят автобусы и между Кобулети и Батуми.

xxx

В Кобулети тоже строились высокие дома, тоже в виде параллелепипедов по моде того времени. Иногда с несуразным козырьком перед входом.

Кобулети был самым модным курортом для тбилисцев. Большие частные дома на два этажа с боковой лестницей со двора идут чередой, впритык друг к другу вдоль единственной, протянувшейся вдоль побережья, улице Сталина, от железнодорожного вокзала до Чолоки – маленькой пограничной речки. За ней начинается Менгрелия. Следов бывших вилл, домов богатых дачников давно нет. Главная достопримечательность – гостиница Интурист, высокая, многоэтажная, тоже прямоугольная.

xxx

К новым, вырастающим как грибы, домам частных владельцев подведены дороги, электричество. Подвозится и газ в баллонах. Газ очень дешевый. По горным дорогам едут машины, нагруженные большими, часто ржавыми баллонами с газом. Около калитки выставляются использованные. Мама под баллон кладет деньги. Шофер забирает пустые, взамен оставляет новые, с газом. Они довольно тяжелые. Мама их катит к кухне на тележке. Нужно установить, заменить баллон и подключить. Это требует физических усилий и умения. Подключается баллон к шлангу каким-то хитрым способом. Не всегда это удается с первого раза. А под ливнем особенно неприятно. Но потом, когда газ подключен, синий его огонек горит долго. Теперь готовят пищу только на газе.

xxx

В советские времена были города-побратимы. С ними дружили. Так, в центре Твери, ранее города Калинина, появилась площадь Капошвары. Тверь-Калинин дружила с Венгрией. А Батуми с Благоевградом, с Болгарией. В ботанический сад приехала делегация. Было много красивых речей, выпито

много хорошего грузинского вина. На бывшей даче Баратова установлена мемориальная доска. Оказывается, в свое время, когда эта дача была правительственной, здесь отдыхал вождь болгарского народа Георгий Димитров. Доска оказалась непрочной, как и все, что создавалось в эпоху застоя. Уже через несколько лет она пришла в негодность, позолота облупилась, и имя вождя Болгарии можно было прочитать с трудом.

xxx

Совхозный дом в долине речки Вонючки возник также в конце семидесятых и влился в большую семью домов поселочка Хоздвор. Получили жилье в этом доме самые заслуженные, в основном пожилые, рабочие совхоза. Проходя мимо по шоссе, я видела у порога уставших женщин, «закрывающих» банки с заготовками. Там живет Вовчик. Я его знаю очень давно. Невысокий, всегда пьяный, он сидит у входа и хриплым голосом приветствует проходящих.

О Магадане, Москве, Зеленом мысе

За десять лет жизни в Магадане мы привязались к северу.

Наша жизнь протекала в напряженном, четко определенном ритме.

Полевой сезон – в начале июня. Из Магадана улетали на все короткое северное лето в отдаленные районы Колымского нагорья. В намеченные места нас забрасывали вертолетом, а потом перемещали на новые точки. Полевой сезон продолжался и после того, как наступали холода на Колыме. В еще теплом сентябре и октябре мы работали в Приморье, на Камчатке и Курильских островах. В зимний период обрабатывали материал, писали статьи, монографии. Ездили в Москву и в Ленинград в командировки. Отпуск проводили чаще всего в Москве, где с 1974 года остались с родителями Андрея наши дети. Став студентами, они лето проводят с нами в экспедициях. На Зеленый мыс ездят самостоятельно на каникулы.

Дорога дешевая, можно прилететь на праздники, на каникулы, на несколько дней. Это очень сближало маму с внуками.

Из-за напряженного ритма жизни на Зеленом мысу мы сами бывали редко, приезжая на очень короткие сроки.

Цели, которые мы поставили перед собой, отправляясь на север, были достигнуты. За это время я защитила диссертацию, получила степень кандидата биологических наук и собрала материал для докторской диссертации. Андрей стал доктором наук. Почти готова к изданию монография «Флора Магаданской области». Кроме того, нами было написано и издано несколько книг.

Все чаще мы задумывались о возвращении на «материк». Это было связано с тем, что родители состарились. Мать Андрея слепая. Моя мама сильно болела.

За прошедшие десять лет Саша с Тамарой работали в ГДР. Их дочка Ира в Тбилиси стала студенткой.

Внуки очень привязаны к бабушке, они зовут ее «Бабука».

Олег стал кандидатом медицинских наук, купил машину. У него подрастает сын Роман.

Пожилые сестры – мама и Майя вдвоем живут в старом доме. Но там, кроме внуков и детей, бывают многочисленные гости и они не чувствуют себя одинокими.

У мамы сердечная недостаточность, на подъеме она сильно задыхается.

Несмотря на болезнь, она радуется подросшему саду, готовит вино, варенья. Посылает фрукты в Москву. Ищет любую оказию, чтобы передать дары юга.

Все чаще мы задумываемся о возвращении. С одной стороны, магаданская жизнь очень интересная, особенная. У нас прекрасная зарплата. С другой стороны – Москва, которую мы считаем своим домом, где остались родители, слепая мать Андрея, наши друзья. Зеленый мыс – вариант на старость. Ведь там живет моя мама. Можно работать в уникальном ботаническом саду, ездить в горы.

Правда, сестры часто не ладят. Чем сильнее болеет мама, тем сильнее раздражается моя тетка. Но помочь установиться миру в сестринских отношениях не в моих силах. Хочется бывать на Зеленом мысу чаще. Но для этого остается только осень, зима. Попадаем туда мы всегда ненадолго.

В декабре 1981 года

После напряженного полевого сезона на Колыме мы планировали отдохнуть на Зеленом мысу осенью. Я очень соскучилась по маме.

Но мы попали туда только в конце ноября. Этому предшествовало редактирование моей монографии «Кустарнички Дальнего востока» в Москве в издательстве «Наука». Туда я отправлялась каждый день как на пытку. Технический редактор Н.Бабурина выводила меня в круглый красивый холл издательства и там мы с ней сидели над рукописью, снимали вопросы. Я почти ничего не соображала, так как в столе лежали «гвоздики» от сигарет, которые отвратительно пахли. Бабурина пыталась любыми путями исправлять мой текст. В результате она выбросила итоговую главу о классификации кустарничков. До сих пор жалею и вступаю с ней в невидимый спор, отстаивая свою правоту, которую тогда по малодушию не отстаивала. Давно погибла Бабурина. Бросилась в Ильинке под электричку. Но обида до сих пор жжет мне сердце. Много гадостей сделала Бабурина и Андрею. И не только ему.

xxx

Странное это было время, когда технический редактор мог изменить твой текст, а ты не имеешь права возразить. Еще ранее, когда Бабурина редактировала наши с Андреем «Кустарники», она с особым удовольствием везде вымарывала слово «Россия». России в те времена, в конце семидесятых, не существовало.

xxx

Пока меня мучила Бабурина, у нас дома моя свекровь отстаивала наши интересы.

Олег обратился к нам с просьбой. Его сын, восьмилетний Рома, нашел красивого пушистого щеночка. Этого щеночка нужно перевезти на Зеленый мыс. Потому что в Москве его держать невозможно. Отказать Олегу я не могла: рассердится моя тетка. А если рассердится – будет скандал. А мне хочется спокойствия, мира и такого желанного отдыха! Больная мама зависит от тетки.

Для перевозки щенка необходима справка от ветеринара. Маман в результате долгих настойчивых и упорных переговоров добилась того, что Олег не только достал справку, но и обещал, что отвезет нас в аэропорт.

Утром в день нашего отлета он вошел к нам с очаровательным пушистым щеночком. Осмотрел нашу квартиру. Тут же сказал, что у него такая же кухня и мебельный гарнитур тоже высокого качества, причем лакированный. В те времена это было признаком благополучия.

Олег был несколько напряжен и недоволен: у него рабочий день, он потратил много времени. Но мы были ему весьма благодарны.

xxx

Прилетели в пасмурный сырой день. Как всегда, первым делом восторженная мама повела нас к буку и я вдохнула воздух родины. Увидела самый любимый вид – на Батумскую бухту. Наконец я в родном доме! Мама устроила нам в угловой комнате уютное, по ее представлениям, гнездышко. Она, как могла, утепляла эту комнатку. Очень старалась. Повесила полочки. Окна занавесила от ветра. В декабре в Батуми уже холодно. В то время у мамы водились деньги и она сделала ремонт угловой комнатенки, в которой мы спали. Станный ремонт: брала простыню, мочила ее в масляной краске и закрывала старые «раны». Ушло много краски и ткани. Но мама все это сделала сама и очень гордилась! Ей хотелось хоть небольшого уюта, которого, увы, не было. Но был сад, бук, вид на море. Часто соседи заводили разговоры на тему – мол, зачем стоит на площадке это большое дерево, последнее на Зеленом мысу? В горах таких полно! Его нужно срубить и

посадить мандариновые деревья. Они дадут урожай и, соответственно деньги. Мама в ответ гордо отвечала: «У вас есть мандарины, а у меня бук!» И действительно, бук был роскошным. Огромная шаровидная крона принимала все ветры с моря, шелестела листвой. Большой, в несколько обхватов, ствол был испещрен древесными морщинами. Это создавало эффект старости, а на самом деле болезни. Это женский экземпляр, но чинарики-орешки на нем не вызревали. Олег когда-то повесил на бук цепь. Отдыхающие сразу же вспоминали сказки Пушкина, восхищались деревом. На нижние ветки можно было залезть по лестнице, сидеть там и смотреть на бухту, на далекий Батумский мыс.

xxx

В ноябре в Батуми лили дожди, а в декабре распогодилось и мы весь отпуск загорали на крыше Иверии комнатки над ванной. В первый вечер я все не могла прийти в себя от издевательств Бабуриной. Сидя в уютном кресле в маминой комнате, глядя на экран телевизора, вместо музыки Бетховена вступала в мысленный спор с ней. Прошло несколько дней, пока впечатления юга наконец залечили стресс.

Щенок всем очень понравился. Майя Генриховна положила его спать в свою комнату. Но в первую же ночь обнаружилось, что он еще малыш и ночью сильно скулит. Поэтому моя нахальная тетка решила его спихнуть в нашу угловую. Я и Андрей этому твердо воспротивились, чем вызвали гнев и недовольство Майи.

Сильно портили настроение Андрею и вечерние рассказы Майи Генриховны. Вечером, сидя за ужином, когда вся семья собиралась в теплой средней комнате, тетка, по установленной годами традиции, рассказывала батумские новости, чаще из своей практики. В те последние брежневские времена многое уже совсем рассыпалось. Разваливался и санаторий «Аджария». Проржавела сантехника и случилась беда. Сорвало кран, кипящая вода обварила отдыхавшую там женщину, принимавшую ванны. Майя Генриховна нажимала: «Обварились все срамные места!!!» Повторяла

несколько раз. И еще другие рассказы, смачно сопровождающиеся отборным матом.

После двух-трех таких вечеров Андрей мне говорит: – Не пора ли нам, Мая, вернуться в Москву? Я больше не могу слушать рассказы Майи Генриховны! Я пришла в смятение. Еле уговорила остаться.

Ведь я так долго стремилась к маме на Зеленый мыс! Так хотелось побыть дома!

Мы остались. Щенок скулил в Майиной комнате. Я по установившейся с самого детства привычке звала тетку на «ты» и по имени. В старости это вдруг стало ее раздражать. Но избавиться от этой привычки до конца я уже не смогла.

xxx

Кроме тети и мамы, в доме уже два года живет Коля. Кто такой Коля? Как он попал в наш дом? Коля исполняет роль мальчика для поручений, ему за это платят. Он из Махинджаури, сын русского рабочего совхоза. Отец его, хваткий мужик, рассчитывает прибрать к рукам участок моей мамы. С этой целью он собрался женить своего не совсем нормального сына на Оле, моей дочке, в то время студентке. Оля часто приезжает на Зеленый мыс на каникулы. У Коли искаженное болезнью лицо, которое производит не совсем приятное впечатление. Он безотказно ездит по просьбе мамы за продуктами, выполняет мелкие поручения, что-то вскапывает на участке. Правда, не совсем добросовестно выполняет эти обязанности: ленится, немного обсчитывает пожилую и не очень внимательную маму. Время от времени возникают разговоры – стоит ли Коле жить в нашем доме? Мама – за, тетка – против, но терпит. А маме приятно держать в доме прислугу. В ней сидит барство – переломленное, странное, но нет-нет, да и проявится. Баронесса.

xxx

Вот уже несколько лет бывает у сестер Витя Физгеер. Он средних лет, офицер, служит в Батуми. Невысокий, чернявый, с приятным круглым лицом, на котором выделяются черные живые глаза. Витя всеми силами

тянется к культуре. Очень гордится дружбой с артистом Малого театра Виталием Коняевым – его другом детства. У Вити есть альбом, в котором «лучшие люди» (в его понимании должны написать что-то на память. Я удостоилась этой чести. Мама не была приглашена написать в альбом. Мне стало обидно за нее.

У Вити любовница – знакомая мамы, активнейшая дама Галина Наумовна Морозова. Она живет в Москве, приезжает на Зеленый мыс отдыхать. В прошлом она жена посла, (возможно, вымышленного). Перепечатывает на машинке песни Высоцкого, стихи Цветаевой. И продает «дефицит». Относительно молодой Витя рядом со стареющей щупленькой Галиной млеет. Ему важны культурные связи, которыми Морозова при каждом удобном случае щеголяет. Эти связи также магически действуют и на маму.

Галина Наумовна Морозова имеет приятелей в литературной среде, знакома с магаданским писателем Мифтахутдиновым. Хочет познакомиться и со мной, завела переписку. Она знает, что в Магадане можно достать хорошие книги – в то время большой дефицит. Думает, что я имею «связи».

Я не оправдала надежд Галины Наумовны. Полезных знакомств у меня не было. Зимой я была настолько занята, что не успевала читать даже толстые журналы, которые выписывала. Да то, что в конце семидесятых–начале восьмидесятых там печаталось, было скучным, выхолощенным. В книжные магазины я заглядывала редко. Там на полках стояла в основном советская, совершенно неинтересная литература. С Мифтахутдиновым мой Андрей как-то встречался на Омолоне. В путевых заметках этого магаданского писателя было сказано, что А.Хохряков ведет себя на стационаре института биологических проблем отчужденно, у него своя тема... Только и всего. Но все же написано! В лабораторию принесли заметки, читали. А потом понеслась веселая частушка: «Что написано Мифтой, называется туфтой».

Я не стала расстраивать этим воспоминанием Галину Наумовну.

У Вити есть «полезные» знакомые и в Батуми: портной, ювелир. С ювелиром более тесные отношения: Витя собирает на берегу халцедоны, приносит своему приятелю.

xxx

Витя, добрый малый, изредка присылал к маме солдатиков, которых она кормила, а они помогали в садовых работах. К концу семидесятых мама уже сильно задыхалась, не могла долго работать физически.

На северном склоне небольшая плантация чая, оказавшись бесхозной, густо заросла ежевикой. Солдаты сверху, с площадки, бросали в чай изношенные покрышки, шины от машин и поджигали. Таким образом, они расчистили дебри чайной плантации, граничащей с садом Хечинова, а ниже с Деметридзе. Корни чая оказались настолько стойкими, что сохранили почки, в дальнейшем отросли ветки, и чайная плантация восстановилась. Ежевика исчезла, а чай стал отрастать, омолодился. Освободился участок и под огород, в котором возилась рабочая из Махинджаури. Ей мама приплачивала. Своим огородом мама тоже очень гордилась.

xxx

Приехав в очередной раз, Витя продал нам хороший отрез на костюм (у него запасной, на службе выдают хорошее сукно) и в городе рекомендовал знакомого портного.

Неприятности с длительным неутверждением диссертации не прошли даром для Андрея. Он заболел гипертонией, сильно располнел. Батуми славится портными. На улице Ленина в ряд тянутся швейные мастерские. За прозрачными витринами видны столы с отрезами, вокруг которых суетятся служащие. Странно смотрятся огромные старинные утюги. Из дверей пахнет подгоревшим сукном.

Портной долго мерил. Записывал данные. В результате был сшит очень элегантный костюм.

xxx

С ювелиром также возникли контакты. Мама подарила своей внучке Ирочке серебряные сережки, заказанные у этого ювелира. И захотела заказать и мне такие же, в виде розочек.

Мы едем в Батуми. Мастерская в старом городе, рядом с турецкой кофейней. Это малюсенькая комнатка с витриной и выходом на улицу. Ювелир – средних лет грузин с капризным лицом. Мама показывает ему свое бриллиантовое кольцо. Предмет ее гордости. Ювелир презрительно осматривает. Глаз у него загорается, но он не подает виду, говорит, что его нужно вставить в современную оправу. Мама молча прячет кольцо. Оно действительно красивое. Кроме кольца, мама очень ценит бархатный костюм, всегда подчеркивая, что это итальянский бархат, доставшийся ей из сундуков моей бабушки Мадлен. Единственное, что она буквально выдрала из «богатств» своих родителей.

xxx

Есть еще одна тема, которая волнует маму. Она, закатывая глаза, рассказывает о том, что сестры Жубер пригласили в дом нотариуса. Зоя Ильинична составила завещание. Ей под девяносто, она лежащая больная.

Тетка Майя тоже пригласила нотариуса по наущению Олега. Мама рассказывает, как приехала молодая кикелка, содрала с тетки большую сумму за составление завещания о том, что все свое имущество она завещает сыну.

Витя, наслушавшись этих разговоров, говорит, что Олег ему неприятен, но он везунчик, хочет захватить весь участок. Поэтому Витя идет к маме, советует ей тоже написать завещание. Маме очень не хочется, но она поддается. Под вечер мы едем в Хелвачаури на троллейбусе. Это далеко за Батумом, в Кахабери. Темнеет. Теплый ветер мчится по долине. Шумят кронами огромные эвкалипты. В неуютной комнате сидит нотариус с лошадиным лицом, Нинель Вахтанговна. Она видит трепещущую маму, что-то спрашивает, посылает к машинистке на соседнюю с нотариальной конторой чайную фабрику. Девушка неумело печатает на машинке

завещание – такое же, как у тетки. На небольшой бумажке написано: все, что принадлежит Зельгейм Веронике Генриховне, она в равных долях завещает своим детям: сыну и дочери, то есть мне и Саше. Мама очень разволновалась, все порывалась дать на чай. На обратном пути я просила ее не посвящать тетку в это событие, не волновать Олега. Про себя я сравнивала Олега с кукушонком, а тетку – с кукушкой. Тетка с сыном в последнее время вели себя так, как будто решили «птичку» – мою маму – выбросить из гнезда и присвоить весь участок.

Но разве мама выдержит? Разве она может смолчать? В первый же вечер ее подмывало рассказать все тетке. Так она и сделала. На следующий день тетка позвонила в Москву, разволновала Олега. Когда мы вернулись в Москву, тут же позвонил Олег и долго с возмущением рассказывал о гадкой кикелке. Я так и не поняла, чего же он добивался. Но во всех этих разговорах ощущался какой-то подвох. Слишком долго я не была на Зеленом мысу. Майя и Олег привыкли к мысли, что нужно прибрать к рукам мамину площадку. Мама говорила об этом с досадой.

xxx

Дома обстановка была довольно нервной. За столом тетка, рассказывая случаи из своей практики, преувеличивала свои врачебные заслуги, хвалилась, как она самыми простыми средствами вылечила тяжелых больных. Это раздражало маму, и она в ответ сразу же начинала вспоминать о своей высокой квалификации, о знании нескольких языков.

Мы с Андреем шутили между собой: количество языков, которые знает моя мама, прибывает с каждым нашим приездом. Она и вправду пыталась освоить испанский, зная два романских языка. Трудно сказать, в какой мере она их изучила, но среди сотрудников ботанического сада прочно закрепилось мнение о том, что она – полиглот. Приезжающим в командировки и на отдых тут же об этом сообщалось. Все это было очень мило и совсем безобидно. Но рождало искру соперничества и недоброжелательности между сестрами.

Но главным камнем преткновения была, конечно, собственность. Мама дрожащим голосом напоминала:

–Аичка, имей ввиду: этот дом – мой. Я плачу налоги. Да. Платила из своих жалких грошей и ни разу не пошла в сельсовет, не выяснила, что на самом деле принадлежит ей, а что – сестре.

Когда к маме приезжали мы, тетка понимала: у Вероники есть защитники, поэтому нельзя травить сестру. Подспудно тетка догадывалась, что я не верю в ее образование и примитивные способы лечения, вроде питья морской воды. Ее злило, но она не могла вслух это выразить. И опять распускала перья.

Несмотря на все, мне нравилась ее жизненная стойкость, несклонность к унынию. А мама злилась. Когда я приезжала, она выговаривалась, перечисляя все обиды, нанесенные ей теткой за тот период, что мы не виделись.

Немалую роль в этих рассказах играл аминазин. Сильнейший препарат для душевнобольных. С того момента как тетка стала работать в психоневрологическом диспансере, это название не сходило с ее уст. Она пыталась накормить аминазином всех окружающих, в том числе маму. Часто приносила и другие лекарства – те, что были маме необходимы. Но мама их не пила, боялась. Тетка любила развивать мысль, особенно во время ссор, что мама тоже имеет отклонения в психике. Подводилась теоретическая база.

Мама всегда была робкой. Всю жизнь трепетно боялась начальства. Агрессия сестры вызывала у нее очередной страх.

Как-то мама показала мне справку, которую тайно хранила. В справке было указано, что она психически здорова. Эту справку оформила ей Майя для предъявления в доме отдыха, куда она ездила отдыхать. Мама отнеслась к этой справке с полной серьезностью. Это был документ, подтверждающий ее «нормальность».

Тогда я не понимала до конца, какому натиску подвергается мама почти ежедневно. Я была далеко. Казалось, что ссоры эти не слишком серьезны, что на самом деле две одинокие сестры обеспечивают друг другу взаимную поддержку в старости.

xxx

У мамы на спине был жировик. Он нарастал от одного моего приезда до другого. Я приезжала и выдавливала его. Сестру мама об этом не просила, ждала меня. Я нажимала на погруженный в тело комочек, вылетали брызги жира. Маме становилось легче. Как сейчас вижу перед собой ее спину в грече, в коричневых пятнах.

Жалоб на Майю хватало. Когда тетка уезжала утром на работу – мама шла в ее комнату, открывала большой неопрятный стол и показывала коробки с ампулами. Тетка по утрам пила из ампул кофеин, подбадривалась. И становилась агрессивной. Мама говорила шепотом: «Посмотри, у нее нос белеет».

В тетке и без того хватало резкости. Но поражала бодрость, жизненность, хвастовство. С мамой у них были сложные отношения соперниц. Живя с ними, я все время боялась взрыва, ссоры. Нельзя было сказать то, что думаешь.

xxx

Я, словно Элиза в сказке Андерсена, лихорадочно вязала маме платье, спешила – хотела закончить до отъезда. Нам в Магадане выдали для полевых работ теплый водолазный костюм из верблюжьей шерсти. Он мне не понадобился, и я решила связать маме платье. Но тетка хотела такое платье и себе. В то время она много и несуразно вязала, в основном на работе, в перерывах между приемом больных. Вкуса у нее не было, но она умела вывязывать сложные узоры. А я, наоборот вязала просто, но любила интересные цветовые сочетания.

Я распустила огромные водолазные штаны. Получилось несколько клубков. Начала вязать. Тетка, не спросив меня ни о чем, схватила клубки и

тоже стала вязать себе платье. Главная моя задача заключалась в том, чтобы опередить тетку и закончить вязку раньше. Шерсти могло не хватить на два больших платья. Тетка была невысокой, но так же, как и мама в старости, располнела.

xxx

Я сижу в купальнике на крыше рядом с Иверией, загораю и вяжу.

Погода стоит замечательная: тихая, теплая, даже жаркая! Вдали синее море, рядом на соседней даче Карелиных мандарины еще не собраны, обильно желтеют на деревьях.

xxx

Вечером, когда тетка вечером после работы возвращалась из города, каждый демонстрировал свои вязальные достижения. Тетка понимала суть соревнования и тоже спешила. О том, что шерсть предназначалась изначально маме, я не упоминала, боялась скандала.

Мне повезло. Она начала работу узко, пришлось ей часть распустить и вязать снова. Это исправило положение. Шерсти хватило на два платья.

Помню маму в этом платье – приятного бежевого цвета, оно облегло ее пополневшую фигуру. В нем она и умерла. По дикому местному обычаю, платье закопали в углу нашей площадки. Край этот полон суеверий и предрассудков.

xxx

Мы с мамой спустились в мандариновый сад. Мама увидела, что на косо проходящей границе ее участка посажена впритык полиантовая роза, которая уже забралась и на мамину территорию. Мама возмутилась. Я ей попыталась объяснить – нужен хотя бы забор. Но на забор никогда денег не хватало. Да и не только на забор. Денег не было никогда. Когда они появлялись – сразу же тратились до последнего рубля.

xxx

Чтобы успокоить маму, я между владениями тетки и мамы посадила новозеландский лен. Это четко обозначило границу. Тетка потом увидела и

вырвала кустики льна. Видимо, они с Олегом договорились продвигаться на мамину территорию.

Я была далеко, в Магадане. Саша в Тбилиси, он не собирался жить в Батуми. Беспринципная тетка ничего не стеснялась.

Когда была обнаружена полиантовая роза, мама разволновалась, долго рассказывала о споре по поводу одного большого мандаринового дерева в глубине сада. Тетка доказывала, что это дерево ее, а мама протестовала. И какое же нужно было иметь нахальство, обладая 70 взрослыми деревьями, приносящим очень большой доход, отвоевывать еще дерево у мамы! У нее их было всего 19. Это и раньше меня всегда возмущало. Ведь благодаря маме на Зеленом мысу сохранился сад, она ухаживала за старой бабушкой Марией Константиновной, да и Олега помогала сестре выращивать!

xxx

Апельсины сдают позже мандаринов – в декабре. На площадке стоят наполненные плодами ящики, которые мама должна отправить на склад. Тетка всегда болезненно относилась к маминим успехам: отслеживала количество сданных килограммов, ящиков, сумму, которую получила мама, хотя она всегда меньше той, что получает сестра.

У тетки обнаружилась опухоль в груди. Ее прооперировали и врачи приказали не курить. Она стала жевать жвачку, преодолевая желание закурить.

Вечером подъехала машина. Ящики выстроены друг над другом. Свет еле горел у входа в дом. Темные тени грузчиков с ящиками мелькали у входа. Я заметила среди них толстого мальчика в кепке, который что-то жевал и с интересом подходил к машине, подсчитывал ящики. Мне это показалось странным. «Откуда взялся этот мальчик?». Ящики погрузили. Мама села в кабину, уехала на склад, а странный мальчик остался. В нем я узнала мою тетку. Она была невысокого роста и всегда с мальчишескими привычками. Впечатление усилила кепка набок!

– А был ли мальчик? – спрашивала я себя и усмехалась.

xxx

С мамой мне было очень тепло, хорошо. В то время по утрам ее часто возил на работу сосед Тимур. Мама ему приплачивала. Подниматься в гору она уже не могла. Очень сильно задыхалась.

xxx

В ботаническом саду в библиотеке я выхожу на балкон, обвитый чайной розой. Любуюсь видом на море.

Дух захватывает от красоты, игры воздуха. В бурю особенно! Внизу под балконом – обрыв. Я волнуюсь, говорю маме, что она должна себе выхлопотать комнату с другой стороны здания. Ей лучше быть на южной, прогреваемой стороне, где нет сквозняка. И необходимо устроить себе место для отдыха за стеллажами. Я принесла раскладушку. Но мама стеснялась, а ее помощница, толстая Лейла, пользовалась этим местом.

Более светлое и сухое помещение маме я выхлопотала у Нури Мемедовича. Но так всегда получалось, что мама приписывала это своим заслугам, а мои старания не упоминались, что меня задевало. Хотя теперь смешно. Я от всего, всего сердца хотела ей помочь! Но порой обижала мамина несправедливость.

Сегодня меня часто преследует мысль о том, что мама потеряла здоровье из-за того что всю свою жизнь просидела в темном сыром помещении. Постоянно, когда открывалась дверь - на сильном сквозняке ее продувало. Я начинаю мысленно переставлять стеллажи, располагать стол так, чтобы было светло и не было-бы сквозняка. Но мамы нет в живых почти 30 лет!

xxx

Шли разговоры о нашем возможном переезде на Зеленый мыс. Мы с Андреем предложили Ваню написать совместную популярную книгу о Колхиде. Ваню воспринял это с энтузиазмом. Говорил, что готов нас принять на работу. Улыбались все: Дуся и Хедие, работавшие секретарями у Ваню, все остальные. Такое радушие очень вдохновляло. Мама в столовой устроила

маленький банкет, на который запросто был зван Ваню и несколько сотрудников. Мама с тревогой намекала про какие-то другие отношения в саду, подозревала, что я не смогу работать при таком положении вещей. Но я совершенно не понимала двойственности поведения восточных людей и мечтала переехать на Зеленый мыс. Пропускала мамини слова мимо ушей. Трудности меня совершенно не пугали. Я знала, как больна мама, что я могу ей помочь. И это совпадало с моей мечтой вернуться на Зеленый мыс. Я так истосковалась по родине!

Мама плохо себя чувствовала. Но мы привыкли к тому, что она часто жалуется, считали, что это в пределах нормы. На самом деле все было серьезней.

Уехали мы в конце декабря – как всегда, нагруженные мамини вареньями, мандаринами, апельсинами.

Весна 1982 года

В один из воскресных дней конца марта в Магадане я получила толстое письмо от моей тетки Майи Генриховны. Она сообщала, что мама при смерти.

Мне бы вспомнить о теткинх чудачествах. О диком письме про мою дочку, Олю в 1979 году, с рисунком сердца в красках. Но на сей раз я понимала – дело очень серьезно. Мы оба сразу же решили – нужно мне лететь на Зеленый мыс, срочно выяснить положение дел.

В аэропорту я была уже через два часа. Села на первый же самолет, а через день утром 4 апреля подлетала к Батумскому аэропорту.

Сколько раз, прилетая в Батуми, я видела одну и ту же картину: сначала самолет, пролетев над вершинами Кавказа, быстро снижается. Видна Абхазия, Черное море. Через несколько минут – вираж над Батумской бухтой и самолет мгновенно садится на бетон полосы. Бешено тормозит. Видны серые кроны эвкалиптов, темно-зеленая роща сквера у аэропорта. Потом в иллюминаторе обычно показывались мамини ноги. Она, радостная, бежала

нас встречать, еще не видя нас. А мы ее видим – так приятно! Спускаемся по трапу и идем навстречу. Мы на родине!

В этот раз мама меня не встречала. Но по ее просьбе за мной на своих красных «Жигулях» приехал Казим Багратиони – сотрудник ботанического сада, многим обязанный маме. Пытаюсь узнать у Казима:

– Что с мамой?

– Она лежит в больнице, сейчас поедem к ней.

Больница недалеко, на окраине города. Вхожу в большой коридор, а затем в палату. Здание древнее, дореволюционное. Затхлый запах, подержанные одеяла. Несколько коек в ряд заполняют всю палату. Мама на кровати, очень бледная. Белый цвет лица бросается в глаза.

Через месяц после нашего отъезда она почувствовала себя совсем плохо. Майя продолжала издеваться. Мама легла в больницу.

Нужны были деньги. Поэтому мама взяла взносы на устройство водопровода у дяди Васи Щепетова. Это потом очень осложнило мою жизнь.

xxx

Зимой тетка навещала маму почти каждый день. Она как психиатр курировала эту больницу. В палате она привыкла говорить громко и наставительно. Соседи мамы по палате – это большей частью жители высокогорных районов Аджарии: Шуахеви, Хуло. Они обожают лечиться. Тетка всех щедро кормит транквилизаторами. Особенно – маму.

xxx

Мама рассказала, что большую часть своего пребывания в больнице она была в затуманенном состоянии. Ей, страдающей сердечной недостаточностью, приходилось ходить в большой общественный туалет с очком. Она удивлялась, как ей удавалось проделывать эту процедуру, требующую напряжения всех сил.

Первое, о чем мы договорились – через день я ее забираю из больницы и мы лечиться будем дома, на свежем воздухе.

xxx

Я снова на нашей горе, в нашем доме. Первое, что меня поразило – состояние природы. Как будто ничего не изменилось с декабря, со времени моего отъезда. Так же, как в декабре, все темно-зеленое, по-зимнему сурово и неуютно. Словно я уехала только вчера.

Пушистый щенок, которого мы привезли зимой, пропал. Майя Генриховна говорила, что его украли. Очень горевала. Теперь у нее новая собака – молодая овчарка. Привел ее восторженный Тамазик Чиракадзе. Овчарка привязана у нас под окнами. Молодая, игривая, она напропалую топчет мамину клумбу. Я сразу подумала, что крупная сильная собака может, играя, положить свои лапы на мамины плечи. А этого она может не пережить.

xxx

На следующий день маму выписывают. Она будет ждать меня и Майю Генриховну в больнице после десяти утра. Еду в город, беру такси и подъезжаю к психо-неврологическому диспансеру, к тетке на работу.

Улица Тебел Абусеридзе. Тупик. Безликое двухэтажное здание. Крутая лестница. На втором этаже унылого учреждения в большом кабинете за столом восседает тетка. Напротив – пациентка средних лет. Она из горного села Кеда. Майя восторженно встречает меня и сразу же просит присоединиться, посмотреть на ее рисунок. Подробно объясняет: у пациентки сын в армии, ему оперировали желудок. Теперь она рисует внутренности, объясняет, как оперировали. И совершенно не торопится, приглашает меня сесть. Но я стою в дверях: внизу нас ждет такси. Тороплю свою тетушку. Это вызывает некоторое недовольство. Беседа продолжается, пациентка благоговейно смотрит на рисунок, ничего не понимая. Я представляю, как мама волнуется, ждет нас в больнице.

Наконец беседа окончена. Едем. Солнечный сырой день. Свежий ветерок. Мелькают улицы. Двор большого больничного городка.

Мама уже давно выписана и ждет в коридоре. Майя Генриховна сразу же представляет мою маму шоферу такси, рассказывает с пафосом – мол, везет свою сестру после инфаркта домой. Это преподносится театрально, с гордостью. Как будто инфаркт – что-то особенное и интересное. Такое, что не всякому дано. Тут же тетка с места в карьер объявляет, что и у нее было два инфаркта. Пока она хвастается своими инфарктами, мелькает дорога вдоль побережья. Затем мы быстро забираемся на высоту нашего холма. Когда выходим из машины я вижу, как ослабла мама. Она растерянная, бледная, еле идет. Такой я ее не знала. Но тетке все нипочем, она постоянно пытается задирать сестру. Никакой жалости. Мама все время напряжена.

xxx

Конфликт возник из-за собаки. Я попросила привязать ее за домом под окном Майи Генриховны. К такому повороту она не была готова. Вся жизнь шла с другой стороны, на большой площадке. Мое предложение протянуть проволоку и привязать собаку, чтобы бегала по проволоке, было воспринято в штыки. Но я настояла. Тогда в очередной раз тетка стала жаловаться на то, что она в этом доме ничего не значит, что любое ее начинание отвергается. Старая песня... Но я хорошо знаю, что тетка на себя никаких обязанностей не захочет брать. Вся жизнь будет, как и раньше, идти на маминой стороне дома. Трудная ситуация.

Я вызвала Тамазика, объяснила: собаку нужно увезти. Подъехал автобус из дома отдыха четвертого управления, где работал Тамазик. Собаку увезли. Майя Генриховна патетически стонала.

xxx

Мама закинула брильянтовое кольцо на антресоль, которую в свое время пристроил в ее комнате Леонид Михайлович. Туда тетка не добралась. Хотя искала его и говорила об этом.

xxx

В апреле дни сырые. Море еще не отогрелось. Я спала в средней, наиболее теплой комнате. Майя у себя смотрит телевизор – Фантомаса, которого показывают ночью. Всю ночь раздаются восторженные крики. У нее всегда мальчишеская бравада. Она смотрит любые трюки с упоением.

xxx

В апреле природа стала просыпаться. На рассвете – птичьи хоры, вечерами – кваканье лягушек! Везде молодые ростки, свежая зелень и яркие цветы, особенно азалий и рододендронов. Бук – мамина гордость – в один из теплых дней как по мановению волшебной палочки покрылся нежной изумрудной листвой. Все так прекрасно! Мощная волна жизни с наступлением тепла охватила холмы Зеленого мыса.

xxx

Еще один офицер посещает наш старый дом. Все его зовут просто Высоцкий. Стройный, подтянутый по-военному, он приезжает погулять со своей любовницей. Солнечный весенний день. Пасха. Тепло. Везде зеленые ростки. Я спекла кулич и покрасила яйца, написав на них ХВ. Высоцкий не знал слов «Христос Воскресе». Пришлось объяснять.

xxx

Мама постепенно приходила в себя. Мы с ней много говорили, были вместе. В один из дней у мамы хватило сил спуститься в сад, снова увидеть границу с посаженными мной в декабре кустиками новозеландского льна. Тетка их вырвала. Граница была опять не обозначена. Мама разволновалась.

У меня были деньги. Я их везла на Зеленый мыс. Боялась, что с мамой случится непоправимое. Решила эти деньги потратить на установку забора: провести четкую границу. Но как это сделать, чтобы Майя Генриховна не подняла скандал? Как?

Обратилась к Абдульчику Багратиони – пожилому аджарцу, который пользуется на Зеленом мысу авторитетом. На майские праздники прилетел Павел, мой сын. Мы с мамой пригласили Абдульчика, чтобы в его присутствии Майя Генриховна сама провела границу.

Жаркий ясный день первого мая. Абдульчик спустился к нам с горы, все ему обрадовались. Майя Генриховна тоже. Она не подозревала, с какой целью он пришел к нам. Сидим за столом на гнутых фамильных скамейках. На столе компоты. Особенно хорош из фейхоа. Ведем светский разговор. Мама меня предупредила, что не выдержит скандала. Пусть Майя проведет границу так, как она хочет. Я считаю это несправедливым, но это воля мамы, и я не спорю. Наступает решительный момент. Мы объявляем о том, что хотим поставить забор: Абдульчик будет свидетелем, а Майя Генриховна сама поставит колышки, которые заготовил заранее Павел. Тетка растеряна. Но возражать не смеет, вынуждена согласиться на межевой раздел. Своими руками обозначает границу, ставит колышки. На ее лице – кипение страстей, но при Абдульчике она не смеет скандалить. Граница проведена. Мама совершила еще один странный поступок: «спорное» дерево в конце участка отдала тетке. Из-за этого дерева, она рассказывала, были скандалы, мама настаивала на том, что дерево ее, тетка же считала его своим.

Я развила большую деятельность по благоустройству площадки. С далекой дачи Карелиных, с развалин когда-то существовавшей оранжереи, возила на тачке камни для оформления клумбы.

На следующий день после обозначения границ я с утра везу тачку, а передо мной раскинулся мандариновый сад Майи Генриховны. Он занимает весь склон. Мамины 19 деревьев – это всего лишь маленький клин. И она, эта нахальная тетка, еще смеет спорить! Мне стало противно. Качу тачку, приближаюсь к дому. В это время Майя проснулась, вышла из своей комнаты и стала подстригать лианы под окном, разговаривая сама с собой.

Жалуется на свою судьбу, на то, что она вечно обижена и все захватывают ей принадлежащее, а она ничего не имеет. Я остановилась передохнуть. Всегда терпела, молчала, старалась спустить на тормозах скандалы. А тут взорвалась:

– Какой огромный сад у тебя, а ты еще жалуешься! – и что-то еще. Но хорошо помню, сидело в мозгу: мама далеко, не слышит. Могу высказать тетке свой гнев, то, что накопилось. Мама рассказывала, что теткинны скандальные выступления она уже не может слышать: начинает волноваться и выходит из положения, включая радиоприемник. Мама не должна слышать наш разговор с теткой.

В тот день второго мая наши соседи Катя и Вася Щепетовы устраивали праздничный прием. Позвали соседей Авдишвили: Нину с Зивером, Сулеймана, Сережу, меня, маму и Майю. На большой веранде Щепетовых празднично, уютно. Как всегда, у Кати вкусная еда, стол красиво сервирован. Мне очень приятно, что Катя собирает соседей. Это их сближает.

Мама надела свой бархатный костюм. Я вижу, как ей трудно ходить.

Я в душе боялась гнева Майи. Но какая метаморфоза: тетка, наоборот, заискивала, заглядывала мне в глаза! Мне стало легче: обошлось. Хотя бы на время...

У дяди Васи была гитара. Я пела «Виноградную косточку в теплую землю зарю».

Зеленый мыс. 1 мая 1982г. Соседи у Щепетовых. Слева направо. Василий Александрович Щепетов аккомпанирует мне на гитаре, Шура Авдзивици, Майя Генриховна, Нина Авдзивици, Катя Щепетова, я пою, Сулейман Авдзивици.

Крона бука очень разрослась и сильно затемняла площадку. Для отопления нужны дрова. Я организовала рабочих-горцев обрубить ветви бука. Они из верхней Аджарии, работают на Карелинской даче, живут в чайтехникуме. Это даст больше света на площадку и уравновесит крону. Сажу на скамейке, смотрю на роскошную крону, люблюсь на стройного горца, который мелькает в зеленых ветвях. Топором с длинной ручкой он привычно ловко обрубает ветви. Картина красивая. Оказалось, горец не только рубит сучки, но и поглядывает вниз. Спустившись, приглашает меня в домик – место свиданий! Я возмутилась, а потом мы с мамой смеялись, называли его приглашение «самашедший успех» или еще: «до первого мужчины». Последняя фраза объяснялась тем, что у нас всегда было женское хозяйство и каждого сильного мужчину я всегда, со студенческих лет, старалась использовать для каких-то необходимых мелких в хозяйстве дел.

С мамой мне было очень хорошо. Но Майя продолжала злиться. С ней нужно быть начеку.

xxx

Мама хвалила врача-кардиолога, которая лечила ее в больнице. Нужно ей показаться. Об этом много говорит и Майя. В один из весенних дней мы втроем едем в больницу. Оказалось, Майя не договорилась с врачом. Та рассердилась, не хотела принимать маму. Тетка стояла растерянная,

виноватая. Почему нельзя было договориться, ведь обещала? Мы стоим, ждем. Помалкиваем. Сделали кардиограмму. Ничего хорошего. Выписали лекарства. Мама и я очень расстроились. И все же на свежем воздухе, с наступлением тепла маме с каждым днем становилось легче.

Витя Физгеер прислал трех солдат. Они крупные, белолицые. Дети богатых грузин из Гали. Мама с их помощью организовала перестановку старой мебели. Потом, стесняясь этих богатых мальчиков, рассуждала об убогости обстановки в нашем доме. Да, действительно, в Гали живут богатые грузины, в основном мингрелы. У всех большие дома. У них мебель, привезенная из Москвы, добытая за из-под полы за деньги.

Мама вышла на работу. На гору она не поднималась. Мы с ней, как и прошлой осенью, спускались вниз на шоссе. От хоздвора на попутном транспорте по серпантинам нас подвозил вверх к перевалу попутный автобус. Оттуда, не торопясь, любясь видами батумской бухты, деревьями ботанического сада, шли в библиотеку. Лейла пользовалась раскладушкой, которую я принесла прошлой зимой. Толстая, как жаба, она на ней отдыхала. А мама стеснялась. Вела себя с ней не как с подчиненной, смотрела сквозь пальцы на то, что Лейла не работает, а только числится. Разрешала ей приходить и уходить с работы, когда заблагорассудится. И та так привыкла, что почти не считала маму своей начальницей.

xxx

После смерти мамы, когда на ее место пришла очень неприятная Туманова – опасный крючоктвор, Лейла сразу же почувствовала в ней начальника. Я все это видела мельком, издалека. Рана еще была совсем свежая, и я старалась не бывать в библиотеке. Мне было до боли обидно за маму.

xxx

К тому времени относится рассказ Майи Генриховны о Гализге. В студенческие годы тетку с однокурсниками послали в горное селение в

верховьях реки Гализги в Абхазии. Майя рассказывала, как она однажды смотрела вниз на реку, на нижнее селение. Там текла мирная жизнь: крестьянин гнал быков, в деревне сутились люди. Неожиданно Майя Генриховна увидела скатывающийся с гор бурлящий поток. Через несколько мгновений поток настиг и крестьянина с быками, и деревню. На глазах все исчезло в пучине. Мама раздражалась, ревновала меня к тетке. Она этот рассказ слышала много раз на своем веку. Он ей надоел. Но я-то его слышала впервые и слушала внимательно.

xxx

С того времени прошло 20 лет. Я ехала по разбитой дороге из Сухума в Сочи. Осень. Лил проливной дождь. В окно автобуса я увидела разливы реки Гализги перед ее впадением в море. Вспомнила рассказ моей тетки.

xxx

В конце мая прилетел внук Майи Генриховны Ромочка – милый губошлепистый восьмилетний мальчик. Он чувствует любовь бабушки. Старается выпросить все, что ему хочется. Тетка привозит каждый день по новому игрушечному пистолету. Старается кормить внука особенно и, как и раньше, то и дело раздается: «Он у меня единственный!» Единственный внук был тихим и милым, широко пользовался теткиной любовью.

xxx

На сильно заросшем междудорожье Ромочка, представляя себя Робинзоном, устроил гнездо на дереве. Майя Генриховна была его «Пятницей». Мы с мамой под вечер возвращаемся с работы и видим такую сцену. Победоносный Ромочка сидит на дереве в своем гнезде. Плачущая тетка идет мимо нас с кастрюлей. Забирается на дерево к любимому внуку, единственному – чтобы покормить!

xxx

В мае удалось поставить забор. Я наняла милиционера ботанического сада Ноя. Мама вспоминала: Ной участвовал вместе с Леонидом Михайловичем в строительстве фундамента. Купили сетку рабицу. Столбы Ной вырубил из акации, -твердого дерева.

xxx

Пасмурный воскресный день. С утра наблюдаю такую картину: Майя Генриховна с трагическим лицом, кругленькая, толстая, с надрывом погрузила на тачку пирамиду из пустых мандариновых ящиков и везет их мимо наших окон по площадке, складывает у сарая. Ящики заказывают и привозят заранее. Осенью, во время сбора мандарин, их добыть невозможно – дефицит. Привезли и свалили за домом, около двери Майи Генриховны. Ей эти ящики мешают, но просить меня убрать их не хочет. Удобнее представить себя «жертвой». Я подбежала, стала ей помогать. Рабочие устанавливали забор, ставили столбы. Я возилась долго. Надеялась на то, что тетка приготовит обед. Неожиданно приехал Джафар, бывший любовник Майи Генриховны. Теперь он иногда появлялся с целью бегать за мамой. Она, больная, еле отбивалась. И другим приезжим женщинам доставалось. Я как-то съездила его палкой, но он продолжал приставать. Майя вместе с Джафаром уединилась в своей комнате. Через некоторое время выходит, сообщает: Джафар желает прогуляться в Чакву, погулять на берегу, приглашает и меня. Я возмутилась: мама больна, обед некому готовить, нужно кормить рабочих. Но на мое возмущение Майя не обратила внимания и сама уехала с Джафаром. Курортная атмосфера парила в воздухе, хотя до сексуальной революции было довольно далеко. Теперь все это кажется таким далеким и смешным. А тогда меня возмущало.

xxx

Тетка, будучи врачом-психиатром, сильно разбаловалась. Брала взятки. Оформляла ложные документы на инвалидность. А с теми, кто денег не давал, вредничала.

Рассказывала, как к ней привезли больного солдата. Она должна была освидетельствовать его вменяемость или, наоборот, пожалеть, поставить диагноз и тем самым освободить от дедовщины. Он просил. Она не пожалела.

xxx

Осенью мы с Андреем собирались в средиземноморский круиз. Летней одежды у меня не было. Все лето я носила штормовой костюм. Нужно было сшить хоть что-то нарядное. Я купила отрез материи. Тетка меня рекомендовала кикелке-портнихе, по соседству с психдиспансером. На лице этой чванной тетки было капризное, несколько презрительное выражение. А я неосторожно рассказала ей, что я из Магадана. Для кикелки это означало, что я русская, живу далеко, меня можно обворовать. Что и произошло: деньги, довольно большие, заплачены, сшито было неаккуратно, а часть материи исчезла. Досада! Я веду себя как тряпка. Даже слова протеста не выразила. Дома плачу. Тетка смотрит на меня, удивляется – мол, обычно я произвожу впечатление другого человека. А у меня нервы сдали, да и интеллигентность «подвела»...

xxx

В доме отдыха – горячий душ. Можно пойти, помыться. Я собираюсь туда вместе с теткой. Долго ждем. Душевая занята. Там какая-то нахалка долго моется, нас не пускает. Неожиданно тетка со вкусом покрыла ее отборным матом. Я в шоке! А для нее – наслаждение.

xxx

Наступило время улетать. Впереди была Колыма, Чебукулах и Коркодон! Потом Средиземноморский круиз, золотая свадьба родителей Андрея. И снова Магадан. Долгая зима. Травма ноги.

В следующий раз я попаду на Зеленый мыс через год.

Лето 1983 года

В мае мы с Андреем были участниками ботанического съезда в Донецке. Нури Мемедович Шакарашидзе также приехал на съезд. Он сказал мне: мама болеет, упала во время отдыха в Пицунде. Скорей бы на Зеленый мыс! Я туда собиралась сразу после съезда. Но в Москве было много дел.

Возвращались из Донецка в Москву вместе с Татьяной Ивановной Серебряковой, заведующей кафедрой ботаники педагогического института. Она жила на улице Черняховского, с нами по соседству. Прилетели во Внуково. Сели вместе в такси. Мимо мелькают московские улицы, памятники. Я говорю Татьяне Ивановне: «Скоро полечу к маме». По дороге говорили о Москве, о провинции, о том, что мы хотим перебраться с севера на юг. Татьяна Ивановна, сдержанная и отстраненная, высокомерно сказала нам, что Москву ни на какое другое место не променяет. А я все дергаюсь и дергаюсь, как-то тревожно на душе.

В Москве я несколько дней занималась хозяйством и перезванивалась с теткой Майей, которая гостила у Олега в Балашихе. Я что-то вспомнила, а она мне: «Мы не шизофреники, прошлого не помним...»

Я в ответ: «А как же опыт прошлого?»

Она что-то говорила о том, что маме совсем плохо, с головой – особенно. Я волновалась. Спешила. Была почему-то уверена, что батумские рейсы летают из Внуково.

В день полета, приехав во Внуково, обнаружила, что рейсы в Батуми теперь летают из Домодедово, и я не успеваю. Оказалось – многие так ошибались. Позже на билете стали указывать аэропорт, из которого вылетает самолет.

С билетами плохо. Достать их, как всегда, трудно. Расстроенная, я стою в кассах у метро «Площадь Дзержинского» (ныне Лубянка). Смогу улететь только через три дня. Делать нечего. Оказалось, мама волновалась, посылала соседа Тимура Джаджавадзе встречать меня. В тот же день должна была лететь и тетка. Каково было мое удивление, когда раздался ее звонок, и Майя Генриховна оказалась в Балашихе. Она тоже опоздала. Но по другой

причине: Олег вез ее на своей машине впритык, попали в пробку. А всему виной – плохая невестка Нина. Она долго прихорашивалась, потому-то тетка на самолет опоздала. Оказалось, что мы летим в один день, но на разных самолетах, причем самолеты вылетают из Москвы с разницей всего в полчаса.

Меня провожает сын Павел. В аэропорту Домодедово вещи уже зарегистрированы. Появляется тетка. Провожают Олег с женой: надутый, с неприятным и высокомерным выражением белокурый индюк, рядом с ним также довольно высокомерная тоненькая Нина. И хоть мы родственники, и я знаю этого Олежку с раннего детства, он ни со мной, ни с Павлом не здоровается. Как будто вовсе не было его просьб.

Дело в том, что за это время я поставила забор, а мама написала завешание. Это его бесит. Тетка, наоборот, заигрывает со мной, договариваемся друг друга дождаться в аэропорту Батуми. Лечу. Рядом со мной два знаменитых киноартиста: Юрий Соломин и Леонид Куравлев. У Соломина шея в гипсе. Через полтора часа самолет приземляется. Тетка ждет. А артистов никто не встречает. Но теперь это мне уже неинтересно. Едем по кахаберскому шоссе, потом вдоль моря. Родина! Въезжаем на гору, к нашему дому. Я снова на площадке. Мама стоит в длинном халате, радостная, взволнованная. Первым делом показывает рассаженные мной в прошлом году ирисы. Ирис Кемпфера с плоским замысловатым цветком. Ряд белых, сиреневых и синих цветов обворожителен.

–Аинька! Как я волновалась, думала – ты их не увидишь, отцветут!

Начались разговоры о болезни. Тетка, как всегда резко, рассказывает о том, что мама упала и подвинулась умом... Мама соглашается.

Все случилось в Пицунде, куда она поехала по путевке. Говорит, что падение было серьезным. Поскользнулась на ковре, поломала ребро, почувствовала себя плохо. Сообщила Сашке. Просила сына приехать за ней, отвезти домой. Но тот ей отказал. Мама еще сильнее расстроилась. Купила билет на катер «Комета». Мчались быстро, всю дорогу гремела музыка.

Тетка перепутала московское время с местным, опоздала со встречей. А маме было плохо. Она села на такси, поехала домой. Тетка на нее набросилась, хотя сама была виновата. Такой она была в то время неуравновешенной.

Все это наперебой рассказывали тетка и мама.

xxx

Зимой в Магадане я связала маме большую теплую кофту. Ей в ней было уютно, но она путалась: не ту пуговицу застегивала, не в ту петлю попадала. Тетку это раздражало. Она постоянно намекала на мамино слабоумие. Мама шаркала в домашних туфлях – тоже повод для раздражения. А чем я могла помочь маме? Чем? Я жила далеко.

Андрей с нетерпением ждал меня в Магадане. Сплавлялся по реке Каве. Настроение у него было паршивое. В институте, где мы работали, оппозиция против него нарастала. Но настоящей грозы пока не было. Мы оба все чаще подумывали о переезде на Зеленый мыс. Особенно я. Думала: где расположусь, в какой комнате? Но маму мой переезд не радовал. Она панически боялась, что потеряет то, чем владеет. Чем она, бедная, владела? Здоровье у нее было совершенно разрушено, сердце совсем не тянуло.

Сидит на скамейке под буком и артистически, с трагическими нотами в голосе мне говорит, показывая рукой вокруг себя:

– После моего ухода из жизни это никому не будет нужно.

Я ей в ответ с обидой:

– О чем ты говоришь? Я ведь хочу к тебе переехать!

Нет, она не понимала. На Сашку жаловалась, но о некоторых вещах не заикалась. Неожиданно он приехал. С женой, тонкогубой Тамарой и толстой дочкой Ирочкой.

Оказалось, что в конце площадки Тамара с Сашей хотят построить для себя домик. Для отдыха. Мама соглашалась на все.

Я сижу на скамейке, загораю, вяжу из драцены очередную циновку. Это занятие меня захватило. Выходит мама и говорит, что подарила Тамаре картину Васи Северова: «Весна». Это меня повергает в отчаяние. Акварели

Васи я обожаю. Он приезжает из Георгиевска: странный малый, пишет стихи, иногда рисует, ерничает и живет в Махинджаури у некой Панцыр – из бывшего знатного рода. Для меня главное – рисунки Васи. Ведь эту картину мама мне подарила! Теперь она об этом забыла и передарила Тамаре. Я надулась и попросила все вернуть на место. Мне, плохой, уже нечего было терять. Картина с ворчанием была возвращена. Странное дело! Эта картинка чуть было не пропала у меня и второй раз – у Павла в Химках. Но теперь она висит в моей спальне. И я вижу нашу площадку ранней весной, в марте, когда слива «Матильда» покрылась белым цветом. Дорогое воспоминание...

Стоит ли сейчас бук? Большой вопрос. Сосну вскоре срубил Олег. Камелии, посаженные прадедом, тоже уничтожил. И еще многое, многое другое.

xxx

В жаркий день пышнотелая Ирочка решила после морского купания не одеваться. Села в Сашкину машину, едва прикрывая тело. Молодые девочки из грузинской столицы приезжали на курорт и «отрывались», то есть щеголяли вольными нравами, странными манерами и нарядами. Местное население смотрело на них с презрением. Но потом потянулись за ними.

xxx

Мама попросила Сашу поехать в Пичвнари. «Пичви» в переводе с грузинского – сосна. Роци сосен посажены на песках между Кобулети и Поти на берегу моря. Там попадаются грибы. Мама их обожает. Из одного гриба она может сварить соус бешамель, и он будет вкусным, будет пахнуть грибами. Мы едем сначала в ботанический сад. Там у мамы тоже есть заветное грибное место. Но все неудачно. Мама спотыкается. Большой палец болит. Позже оказалось – поломала. Ей в начале года очень не везло.

Едем, а я про себя усмехаюсь. Чего-чего, а грибов на Колыме в августе так много, что если я начну сейчас рассказывать об их необычайном обилии, мне никто не поверит!

В Пичвнари мы сидим на берегу моря. Тамара вместе с Ирочкой отдельно. Они обожают друг друга. Саша копается в песке. Ищет очередную мелочевку, рапаны. Это его страсть. Мы с мамой – в сторонке. Меня очень тянет к маме, хочется быть к ней поближе.

xxx

Из Москвы я улетала с Олей в Магадан. В аэропорту Домодедово шли огромным длинным коридором на посадку. Тем же коридором, но на другой самолет шла дочка тети Кати Рита Конторович со своим внуком Стасом. Я летела на восток, а Рита – на юг, на родной Зеленый мыс. Впереди была Колымская трасса, Хандыга, Алдан. Масса приключений. Последняя большая экспедиция на Верхоянский хребет.

Ноябрь 1983 года

Осенью я в отпуске. Как всегда, поглощают дела: старые родители Андрея, работа над рукописью. В начале ноября у моих детей-студентов – несколько свободных дней. Хотим помочь маме со сбором мандаринов. Но билетов на самолет не достать. Решили лететь сначала до Тбилиси. Я звонила к Саше, хотела и с ним повидаться. Просила его купить билеты на поезд до Батуми.

Со второй моей теткой – Идой Генриховной, то есть Дуду, у меня завязалась переписка. Перед отлетом я с ней созвонилась, и она с восторгом просила к ней заехать. Доброжелательность звучала в каждом ее слове.

Встреча с родным городом меня взволновала. В Тбилиси я не была давно. С 1971 года, когда хоронили деда Генриха.

Встречал нас брат Саша. Он купил нам билеты на тбилисский поезд. У нас был целый день на прогулку, осмотр города, встречу с теткой. Саша на мои восторги реагировал странно: передразнивал, ерничал. Но я не обращала внимания. По дороге из аэропорта бросились в глаза катящиеся по склонам улиц шары перекати-поля, кермека. Воспоминание детства...

Приехали на улицу Атарбекова, в знакомую квартиру деда и бабушки. Теперь она принадлежала дочке Дуду Марише. Забалованная дедом Мариша

была хороша собой, но неумна. Первый ее брак распался. Остался сын Владик. Во втором браке Мариша была замужем за евреем-рецидивистом. Так шепотом рассказывала мама, делясь новостями во время очередного моего приезда. Тетка пестовала маленького Илюшу, второго сына Мариши, радовалась. В квартире я не нашла ничего, связанного с дорогими воспоминаниями, с дедом и бабушкой. На всем лежала печать бедности и запущенности. На смотровую площадку подняться не удалось: развалилась лестница. Сашка продолжал подтрунивать – теперь над теткой, довольно зло. Требовал подать ее разносолы. Когда-то она любила готовить много и вкусно. А теперь у нее был лишь суп из фасоли (лобио). Но Дуду принимала нас восторженно, была нам очень рада.

Сашка на книжной полке сразу обнаружил потрепанный уголовный кодекс законов, показал нам его многозначительно – я не поняла, к чему. Под вечер мы заехали в школу за Тамарой. Саша возил ее с другого конца города домой в Глдани, где они жили на окраине. Тамара очень гордилась собой. Она партийная, к тому же директор школы. Оказалось, мой брат был на днях у мамы на Зеленом мысу. Привез дары нашего сада и вино. Он бывал там часто. Его новая машина «Жигули», такая же красная, как у Олега – предмет гордости. То, что он весной не привез больную маму, уже давно забыто.

xxx

Начало ноября на Зеленом мысу – чудесное время. Тепло. Светит солнце.

Шкала градусника может подниматься до 25 градусов, и тогда жители, так же как и летом, ходят в летних одеждах, не думая о холодах. Тихие теплые дни. Становится сухо днем и ночью. Природа млеет, на солнце светятся летящие паутинки – признак бабьего лета. Благодаря особенно прозрачному воздуху и тихой безветренной погоде на рассвете силуэты гор, деревьев четко очерчиваются. Особенно красив силуэт веерной пальмы с пышной шапкой листьев, трепещущих даже при слабом дуновении ветра. Быстро гаснут звезды, блекнет серп луны, и из-за гор показываются лучи

солнца. Пока его самого не видно. Только в десятом часу оно поднимается довольно низко, освещая мандариновые сады с созревшими желтыми плодами, краснеющие яркими листьями кроны хурмы в желтых плодах, сумах яванский с ярко-красными листьями и многие другие, прелестные в эту пору деревья.

Это месяц контрастов. Днем поражает разница между освещенными, яркими, хорошо прогреваемыми южными склонами и северными – темными, затененными, сырыми и холодными.

Воздух прозрачный. Синеет тихое море. В прозрачной глубине хорошо просматриваются шершавые скалы, обросшие темными мидиями. Если присмотреться – видны их раскрытые створки. Колышутся темно-зеленые водоросли, проплывают стайки маленьких серебряных рыбок. Особенно красивы скопления прозрачных бело-кружевных медуз. В такие тихие и теплые дни можно загорать, быстро окунуться в море. Солнце уже давно нежаркое, воду не нагревает. Плавать решаются только закалённые. Зато как приятно растереться полотенцем после освежающего купания!

Солнце садится рано, уже в пятом часу мы его видим на горизонте, расцвеченном ярким закатом. Фантастические картины пылают на предвечернем небе. После захода солнца быстро темнеет. На небе яркие звезды. Хорошо виден млечный путь, часто падают звезды. Вдали светят огни Батуми. Встает огромная луна, освещая холмы. Наутро все травы покрывает обильная роса.

На море собираются в большие стаи водоплавающих птиц – бакланы и нырки. У берегов появляются косяки рыбы: сначала хамсы, а после – ставриды. Заметно увеличивается число медуз, крупных колоколообразных, до полуметра в диаметре и более многочисленных мелких «крестовиков» – величиной с чайное блюдце и крестообразным рисунком. Заметно возрастает и число пауков, повсюду плетущих свои радиально-кольцевые сети. Но к концу месяца они исчезают: град, дожди и ветер срывают все эти непрочные сооружения. Да и насекомые прекращают лёт.

xxx

Сбор мандаринов в полном разгаре. Обильные грозди желтых плодов сгибают ветви. Приехала и Олина подруга. У мамы дома гостит Наташа Капульцевич, ленинградская знакомая средних лет. Она постоянно курит и моет посуду. Весьма полезное занятие на фоне молодых и веселых студентов.

Молодое вино, виноград. На столе красивые композиции из плодов. У всех приподнятое настроение.

xxx

Стояли ясные, тихие дни. На рассвете мы с Павлом бегали на море. Штиль. Море было настолько прозрачным, что на большой глубине можно рассмотреть камни. Это нам очень пригодилось. Павел заплыл баттерфляем и во время очередного вдоха уронил в воду временный протез. Он в школьные годы потерял передние зубы. В 1980 году в его школе был установлен в качестве планки для прыжков кусок водопроводной трубы. Во время прыжка труба ударилась о стену, а затем рикошетом попала ему в челюсть. Теперь, до того как будет установлен постоянный протез, он носит временный. Я смогла увидеть утерянный протез на дне. Нырнула и достала!

xxx

Желтые мандарины висели гирляндами. Девочки срезали их и укладывали плоды в ведра. Павел носил. Мама готовила вкусные обеды. На веранде на столе в больших блюдах горой лежали мандарины и апельсины, виноград, хурма, фейхоа, груши. Созрело молодое вино маджари.

xxx

Молодежь хотела веселиться. Мы с Наташей Капульцевич в роли дуэний отправлялись с Олей и ее подружкой Юлей в наш дом отдыха «Магнолия» на танцы. Это были совсем другие танцы по сравнению с танцами в доме отдыха в мои студенческие годы. Никто никого не приглашал. Танцевали сами по себе. Так давно было принято. По старинке Реваз, наш сосед, заводил одни и те же заигранные пластинки. Местных молодых аджарцев я не знала, подросло новое поколение. Они глядели на

девчонок хищными взорами. Меня успокаивало только то, что Реваз наш сосед и в случае чего объяснит местным, что мы тут свои.

После танцев по просьбе моей дочери мы сели в машину Реваза. Он нас повезет к перевалу смотреть на вид батумской бухты с горы Фриде. Это сумасшедшее путешествие, объясняющееся горячим темпераментом Реваза, я запомнила навсегда. Реваз на самой высокой скорости брал очередной крутой поворот серпантина. Мне все время казалось, что мы летим в пропасть. Дороги Зеленого мыса мне очень хорошо известны. Мы выехали к перевалу. Внизу множеством огней светился город Батуми. Прожекторы прочерчивали гладь бухты. В бухте стояли корабли на наливе. И над всем этим обилием электрического света сияла мертвенно-желтая огромная луна.

Обратно ехали в том же темпе. Но остались живы!

xxx

В такой же яркий лунный, но уже прохладный вечер мы с теткой шли по террасам дачи Карелиных, взбирались на холм. Нужно было исправить трубки доморощенного водопровода. Старый водозабор почти иссяк, железные водопроводные трубы прохудились. Мощный родник на склоне карелинской дачи снабжает прекрасной водой весь дом отдыха. Разрешили пользоваться родником и сестрам. Белые пластмассовые трубки, несущие от него воду, лежат на поверхности. Когда студенты работают на плантациях, они лопатой перерубают трубку, для того чтобы напиться. Для починки мы взяли лейкопластырь. Пошли по холмам. Белая путеводная трубка привела нас к прорыву. Мы ее починили и потом тихо шли вместе, любовались в тишине удивительной картиной освещенного лунной пейзажа.

xxx

Несколько дней на Зеленом мысу пролетели быстро. Дети уехали. Лунным холодным вечером я почувствовала сильный озноб, поднялась высокая температура. Оказалось – рожистое воспаление. Когда я работала в саду, в ранку на пальце попал стрептококк. Температуру сбить не удалось. Я

лежала на веранде. На синем фоне неба светились красными фонарями плоды хурмы, прочерченные серебристыми паутинами.

Через день налетел ураган. Но вернуться в Москву было необходимо. С билетами плохо. Если задержусь, потом в срок не попаду в Магадан. Подкатила машина. Расцеловались. Маму я видела живой последний раз. Полет был сложным. Над Россией разразилась непогода. Буран. Самолет посадили в Вильнюсе. Я с температурой просидела весь день в аэропорту. Только через день, с большим риском, летчик посадил самолет в Москве.

Новый приступ рожистого воспаления был связан с тем, что я в парикмахерской сделала маникюр. Мне обрезали в основании ногтей кожу. Там и возникло воспаление. Улетала в Магадан с забинтованными руками. Поэтому на посадке меня пропустили без очереди. Я шутила: «очень выгодно». У трапа всегда толпится народ. Только в Магадане, после серии облучений кварцем, все стабилизировалось.

Там уже давно была долгая и снежная зима. Мела метель. Андрей встречал, организовал машину.

1984 – 1993 Снова на Родине

Гл 6 ч1 Снова на Родине

Смерть мамы. Похороны

13 марта 1984 года умерла моя мама. Я переехала на Зеленый мыс и поступила на работу в ботанический сад. Прожила там девять трудных лет. Столкнулась с характерами моих родственников, видела изнутри жизнь Зеленого мыса, ботанического сада, горной Аджарии. Много было интересного, трудного и комичного.

xxx

Все годы в далеком Магадане почти каждый день я получала от мамы письма. Была в курсе ее дел. Наши дети студенты летали к ней регулярно.

Билеты были в то время дешевыми, и зимние каникулы они проводили на Зеленом мысу.

Выбраться на Зеленый мыс в начале года я не смогла. Несколько неотложных и неожиданных дел, связанных с незаслуженным выговором Андрею, не позволили мне организовать такой необходимый приезд. Это очень огорчило маму. В это время Андрей был в Москве и в конце февраля во время студенческих каникул вместе с Павлом прилетел к ней в гости. Это было за две недели до ее смерти.

Она меня очень ждала и, видимо, предчувствовала скорый конец. Но не довелось мне её увидеть перед смертью...

Это были мои последние дни на Севере.

В начале марта я достала на улице из сумки пачку писем от мамы. Их подхватило метелью. Мама мне прислала записку из газеты, где рассказывалось о ней, о ее жизни и заслугах. Я глянула на её фотографию в газете и поняла – умирает. Расплакалась, затосковала.

Около 8 марта мама прислала телеграмму: сообщала о смерти Шурика Твалчрелидзе – ее второго мужа, Сашиного отца, моего отчима. Она с ним не была в разводе. Тетка потом говорила на полном серьезе, что Шурик ее затащил за собой.

Нужно было срочно послать телеграмму с соболезнованием. В Грузии этому придают большое значение. 8 марта. Выходной. Телеграф закрыт. Мы пошли к знакомым, чтобы послать телеграмму по телефону. Я затеяла гадание. У нашего приятеля было старинное, чуть ли не первое издание Пушкина. Называешь номер страницы, строку, читаешь. Мне досталось какое-то странное стихотворение «Погребальное». Я потом нигде не встречала в собраниях сочинений Пушкина этого стихотворения. И я подумала не об умершем Шурике, а о маме. Но надеялась на лучшее.

Мама умерла 13 марта. Я была так потрясена, что не могла читать текст телеграммы. Не верилось! Внутри всё дрожало.

Начиналась новая страница моей жизни, новая веха. Магадан закончился. Я побежала в сберкассе. Сняла крупную сумму на похороны. Потом искала рыбу для поминок.

В самолете я вспоминала маму, писала о ней, какой я ее знала. И совсем-совсем не верила в ее смерть.

В круглом иллюминаторе – полная темнота. Смерть.

xxx

Через двое суток я подъехала к нашему дому на такси. Все так близко, знакомо. Родное. Вхожу на застекленную веранду, а там посередине – закрытый гроб. Вокруг люди, родственники, все в черном. Стало легче, что не вижу маму мертвой.

Оля и Павлик уже здесь. Я как в тумане. Захожу в дом. Первым делом тетка протягивает мне мамину шапку из соболя – мой подарок – и просит отдать ей.

–Конечно, бери, – говорю равнодушно. Только спустя несколько дней я вспомнила об этом. Видимо, она завидовала маме, этому соболю.

Похоронами заправляют соседи. Сотрудники. По аджарскому обычаю, родственники не принимают большого участия: сидят у закрытого гроба, скорбят, принимают соболезнования. То и дело подъезжают машины. Люди идут вереницей. На столике перед верандой мужчины оставляют головные уборы. Входят. Обходят вокруг гроба. Пожимают руки родственникам. Соседи готовят пищу, по очереди приносят. Некоторые садятся рядом – на несколько минут. Обычно прощание растягивается на несколько дней. В данном случае ждали меня. Готовят пищу и для грандиозных поминок. Без мяса: лобио, рыба, сыр, хачапури. Все по особому ритуальному рецепту.

Я дала деньги на поминки. Саша, мой брат, помалкивал и денег не дал. Но я об этом не думала.

Не стало мамы. Вот ее комната... Мы спим там вдвоем с Олей. В доме полно народу. Прилетели Олег с Ниной. Здесь и тетя Дуду. Все время кто-то

толчется, распоряжается. Принесли черные повязки. Тетке выкрасили платье в черный цвет. В Батуми для этого специально работает красильный цех.

В доме все так знакомо. Родное. Но нет мамы. Тетка с Олегом хотят пройти в мамину комнату, ищут брильянтовое кольцо. Мама его отдала Павлу две недели назад. Нэцке, маленькие японские человечки слоновой кости, привезенные дедом в молодости из Японии и подаренные им своей невесте – моей бабушке, которые хранила мама, тетке удалось взять себе. А мама, видимо, чувствовала свой уход: оставила записку, что она нэцке завещает Оле.

Главная забота о келехе – поминках. Приезжает-уезжает Вану Мамунидзе. Он в этом деле большой специалист. У него в Батуми знакомства на рыбном заводе. Несколько банок дефицитных консервов, привезенных мной из Магадана, здесь капля в море. Все делается по определенным правилам, с большим размахом.

Сотрудники – большие специалисты по приготовлению еды. Это их сближает. Каждый показывает свое искусство.

xxx

Долгие разговоры о могиле. Мама оставила записку. Просила похоронить ее рядом с ее дедом и бабушкой на семейном кладбище.

Март. Сыро, дождливо, холодно. Я иду на могилу прадеда и прабабушки. Высокая сосна стоит над могилами. Две плиты окружены темным бордюром из кустов рододендрона. За этим бордюром на вершине холма впритык стоит квадратный дом Зивера. Когда дед Генрих приходил сюда на могилы отца и матери, сильно припадая на одну ногу, всегда кричал на Зивера: его куры паслись на могилах. Падал туда и мусор. И если бы не крики деда – то Зивер, постепенно захватывая по сантиметрам жалкие остатки маленького лесного массива, давно бы сравнял могилы. Крики помогали.

Ко мне подходит маленький человечек с неестественно большой головой, увеличенной сидящими пышными кудрями. Депутат. Уговорил похоронить на русском, то есть карелинском кладбище.

В день похорон на рассвете тетка с соседкой Зекие, женой Османа, обмывают маму. Я на другом конце дома. Тетка зовет. Я иду и вижу: мама сидит с распущенными волосами. Тетка: «посмотри, как живая». Я падаю в обморок.

Павлик принес розовый букет магнолии, кладет в гроб. Вереница незнакомых людей последний раз обходит гроб, люди толпятся во дворе. По серпантинам карелинской дачи несут гроб. За ним венки. Их тоже много. Спуск. Вдоль тропинки посажена алыча. Весной она вся белая, в цвету. Вот и могила. Опускают гроб.

xxx

Поминки грандиозные, в Лажварди. Это огромное помещение, выстроенное на месте пруда внизу, в ущелье рядом с домом Лабунченко. Пруд засыпали. На прочном дореволюционном фундаменте возвели летнюю большую столовую. Летом сюда приходят отдыхающие – только питаться, живут в частном секторе. Зимой это большое несуразное непрочное здание используется для поминок и свадеб. Удобно. Количество людей всегда не менее 200, а то и 400.

xxx

Произносятся поминальные тосты. Нури Мемедович под конец отозвал меня и сказал, что возьмет меня в ботанический сад на работу.

Маму похоронили с почетом.

Мой братец прекрасно знал, что на похороны собирают деньги. Пока их нам не отдали, не уезжал в Тбилиси. Я этого обычая не знала.

Спустя некоторое время, присмотревшись к жизни окружающих, я узнала, что большинство аджарских семей, да и многих грузинских, находится в определенных отношениях с окружающими соседями, близкими знакомыми, родственниками: далекими и близкими. На свадьбу и похороны

соседа нужно внести сумму. Тот, кто участвует в этом сборе денег, когда у него в семье свадьба или похороны – тоже получает сумму сборов. Ведутся записи о внесенной сумме. Мама в этой игре не участвовала. Но в ботаническом саду собрали деньги и отдали Саше, сыну. В Грузии сын важнее дочери, он – глава семьи. Это совпало с девятым днем со дня смерти, днем, когда поминают покойника близкие. Но Саша получил деньги и, не участвуя в поминках, тут же уехал в Тбилиси.

Накануне вся семья сидела в теплой средней комнате. Саша разобрал Олины часы. Я наблюдала за его работой. Восхищалась его умением. Нужно было пригласить Нану Чиракадзе, чтобы пришла на следующий день помянуть маму. Хорошо бы попросить Сашу поехать к Нане на машине. Но путь на машине длинный, в объезд. Я не хотела тревожить семейного единения и решила пойти сама, кратким путем, через дачу Карелиных. Как поднялась к Нане, то есть к даче Моат – не помню. Но на обратном пути, когда шла привычными скользкими дорожками и старыми лестницами карелинской дачи в полнейшей темноте, начала ощущать внизу, в овраге присутствие кладбища, маминой могилы. Мне, обычно бесстрашной, стало очень не по себе. Дома, в тепле я никому не сказала о своих страхах.

xxx

Пора было ехать в Магадан, увольняться и быстро возвращаться к следующим поминкам, сороковинам.

1984г. Весна. На новом месте

О переезде на Зеленый мыс мы столько раз говорили во время долгих зимних прогулок с Андреем по окрестностям Магадана... Работа на севере была завершена, возникла необходимость поправить здоровье. Многое складывалось так, словно сама судьба распорядилась нашим переездом.

Но очень многие вещи я не предусмотрела. И главное – разницу в наших характерах. Андрей, типичный академический ученый, отнюдь не хозяин, должен был организовывать строительство дома. Я знала его

характер, но думала, что все преодолимо. Еще чувствовала себя нестарой и сильной. Думала, что меня окружают добрые соседи. В дальнейшем пришлось убедиться в обратном.

Мне тогда казалось, что мы с Андреем настроены одинаково. Он любил юг, мечтал, что мы вместе переедем на Зеленый мыс. Все выглядело логично. Но на самом деле Андрей еще раздумывал, отмалчивался. Он был москвичом и, как бы мы не соскучились по материку, взгляд на жизнь у него был иной. Главное для него была – его работа. А на севере еще столько не исследовано! Все вопросы мы всегда обсуждали вместе. Но часто я предлагала, а он помалкивал. Я считала, что он согласен. И думала прежде всего о том, что нам нужно обеспечить себе место, где мы можем безбедно жить на старости лет. Считала, что Зеленый мыс идеален для нас.

Но Андрей не хотел сразу уезжать с севера. Потом обнаружилось, что он то ли забыл, то ли сделал вид, что забыл о нашей договоренности... И как-то заявил, что я в один миг бросила его и умчалась на Зеленый мыс. Конечно, если бы он так поставил вопрос, я пожертвовала бы своей мечтой о родине не задумываясь. Андрей был моей половиной в полном смысле этого слова. И то, что он думал иначе, позже меня очень задевало.

Но в то время я об этом не задумывалась. Я потеряла маму. Мне так хотелось быть рядом с ней! А теперь ее нет, и не будет уже никогда. Теперь я снова на Зеленом мысу. Чувство горечи смешивается с ощущением, что я снова на Родине, дома. Нужно организовать будущую жизнь.

xxx

В середине марта я пошла в сельсовет, чтобы выяснить положение с земельным наделом. Двухэтажное серое здание в центре поселка Махинджаури граничит со школой, в которой я училась. Перед сельсоветом выходит на шоссе одноэтажное здание милиции. Постоянно можно видеть милиционера, дежурящего на шоссе и останавливающего проезжающих.

На первом этаже сельсовета – темный неопрятный холл. Тянет сыростью и запахом из туалета. Обшарпанная лестница ведет на второй этаж.

Отсюда вход в канцелярию, в кабинет председателя и большое помещение для собраний. Канцелярия такая же обшарпанная, грязная. Там сидит носатая девица-секретарь, строчит на пишущей машинке.

Кабинет председателя разительно отличается от обстановки в этом здании. Стены обшиты деревом. Большой, просторный полированный стол буквой «Г». По бокам стулья. Они заняты несколькими просителями. Здесь обычай не ждать, а заходить не стучась и садиться в ожидании, когда предыдущий посетитель освободится, даст возможность следующему просителю обратиться с просьбой. Привычка эта тягостная, у просителя занимает массу времени. Но на востоке не торопятся. Ожидающие своей очереди живо интересуются разбираемым вопросом, высказывают свое мнение. Получается общее обсуждение.

За столом восседает толстый как бочка черноволосый председатель Нодари Беридзе. Лицо полное, не без приятности, но хитрое.

Я сижу за столом и жду своей очереди. Хочется смотреть не на председателя, а в огромные окна, за которыми синее море. Эта живая картина очень отвлекает от важного дела. Беридзе раскрывает подержанный грессбук, находит старую, 1939 года, запись, когда мой отчим Александр Александрович Твалчрелидзе и мама вступили в колхоз. В объекте, то есть в колхозном наделе, записана и я. Теперь, чтобы за мной закрепили землю при доме, нужно, чтобы все это утвердили на собрании колхозников, которые бывают дважды в год. Для этого нужна моя метрика. Ее у меня нет. Потерялась.

Вано Мамунидзе, у которого большие связи в Академии наук Грузии, хлопочет для меня о месте старшего научного сотрудника. Обещает обеспечить место и для Андрея.

Я еду в Тбилиси. Там я родилась. Иду в архив. На полках лежат записи. Вано сопровождает меня, прилагает все свое обаяние, чтобы копию метрики мне выдали сразу же, а не через месяц, как положено. Это большая услуга. Приходится по наущению Вано деликатно протянуть определенную

денежную сумму. Две тощие девицы заполняют копию. Я получаю зеленую книжечку и легкомысленно не перечитываю. Плохая привычка, которая меня подводила несколько раз. Поэтому сегодня я не Майя, а Мая, я не Тимофеевна, а Темофеевна.

В зеленой книжечке читаю. Мать – Зельгейм Вероника Генриховна – немка. Отец – Тимофей Андреевич Мазуренко – немец (хотя он по национальности украинец) Дочь, т.е. я – Мазуренко Мая Темофеевна – украинка. Хорошо бы мне быть грузинкой в тот момент! Но нет, я украинка.

В начале апреля с большим букетом цветущей розовой азалии я улетела в Москву и через день была в Магадане. Ушла с работы и выписалась из квартиры.

xxx

Обратно в Батуми я прилетела в начале мая. На моей будущей работе все меня знали. Это было хорошо знакомое, почти родное место. Хотя я еще не была оформлена, но уже считалась своей. Ваню Рафаилович хлопотал о моем устройстве. В то время он был человек с большим весом. Его брат – самый главный человек в Аджарии, первый секретарь КПСС! Слава брата сильно поднимает Ваню не только в ботаническом саду, но и во всей Аджарии. Наблюдаю такую картину: торжественно входит в магазин величественный Ваню. Продавцы сразу же делают стойку, шепотом сообщают, словно по рации: «Ваню, Ваню». Ваню нужен дефицит, главным образом продукты: самые лучшие, припасенные для самых лучших людей.

С продуктами в Советском Союзе хронически плохо уже давно. В магазинах не то чтобы совсем пусто. Нет, стоят какие-то товары. В основном трехлитровые банки с маринованными огромными огурцами. В Батуми – батареи хорошего грузинского вина. Но других повседневных пищевых продуктов нет. Это дефицит. Мясные консервы, сгущенку, масло и сахар мне все годы, что я жила на Зеленом мысу, привозил мой сын Павел. В самолет можно было брать только 20 килограмм. Потому мы пользовались оказиями. Я же посылала домой в Москву фрукты, варенья.

Конечно, и в советских магазинах бывали хорошие продукты. Но их припрятывали для своих родных, для нужных людей. Все дефицитное можно достать только по благу, то есть по знакомству.

У Ваню знакомства и в билетной кассе – как в аэропорту, так и в городской железнодорожной. Он величественно раздвигает плотную толпу, делает знаки кассирше – «белой головке» Нелли, которую знает весь город. Ее так зовут из-за огромной белокурой прически с начесом. Нелли, такая неприступная и гордая, сразу же улыбается, отдает Ваню дефицитные билеты.

С билетами на самолет всегда очень сложно. Особенно в курортный сезон. Все 9 лет, что я прожила на Зеленом мысу, пришлось пользоваться связями моего начальника.

xxx

Нужно срочно организовывать вторые поминки – сороковины. По обычаю на них подается уже не постная пища, а обильная скромная. Я привезла из Москвы дефицитные колбасы, ветчину. Были куплены два поросенка. Приехала Ирочка Твалчрелидзе, моя племянница, большая специалистка в кулинарии. Но главной «законодательницей» была Нана Чиракадзе.

Поминки пришлось переложить с 9 мая на 11, на два дня. Большинство сотрудников ботанического сада в начале мая уезжали в свои селения копать, сеять кукурузу и картошку.

Пришлось ехать в город, звонить Саше. Никак не соединяли. Глдани, где он живет – окраина Тбилиси. Там перебои с телефонной связью. Поэтому я звоню тете Дуду. Она мне сочувствует, обещает связаться с Сашей. Я вновь пытаюсь дозвониться до брата. Неожиданно слышу разговор между ним и Дуду. Он почему зря меня прокликает. Тетка защищает. Слушаю и удивляюсь. Я ведь никогда ничего плохого ему не делала. Спустя несколько минут снова звоню в Глдани. Саша поднимает трубку – тихий, благостный. Начинаю понимать, что на помощь брата мне рассчитывать не приходится. Но я всегда

все брала на себя, не рассчитывая на других. Было очень обидно. Я так хотела быть с братом заодно, любила его.

xxx

За дефицитными продуктами Ваню посылали своего шофера или ездил сам. Машина Ваню – «козлик». Он ее получил в Академии наук, пользуясь своими связями. Шофер – Исакий Багратиони. По аджарскому обычаю, если в семье несколько сыновей, землю наследует старший сын. Остальные остаются безземельными. Безземельному семья покупает квартиру. Поэтому Исакий живет в хорошей квартире в батумской новостройке недалеко от Степановки. Степановка – это батумские Черемушки, расположенные в начале Кахаберской низменности за Батумом по дороге в аэропорт. Безликие, однотипные пятиэтажки стоят рядами. Их разнообразят лишь неаккуратно и вразнобой застекленные лоджии, да длинные, протянутые между домами проволоки для белья, которое развеивается, словно флаги на ветру. Как это принято на юге, между домами большие дворы. Там беседки, обвитые виноградом. Соседи общаются. У Исакия хорошие соседи. Все сталинисты, как и он сам. 9 мая 1984 года, когда к власти пришел Черненко, началась реставрация Иосифа Сталина. Исакий с соседями решили восстановить «справедливость» – поставить в середине своего двора памятник Сталину. Был найден бюст вождя. Такие бюсты из гипса стояли в свое время в каждом клубе. Решили к бюсту приделать туловище, руки и ноги. Поставить вождя снова в полный рост. Приделывали туловище сообща, с любовью. Исакий мне рассказывал с пафосом, как они соберут митинг, будет торжественное открытие. Но осторожный Варлам Мамунидзе – первый секретарь Аджарии и родной брат Ваню – мирно прекратил этот ажиотаж. Памятник не был установлен.

xxx

Весна. Природа уже проснулась, очень тепло. Все яркое и зеленое. Много цветущих растений. Но сыро, как это бывает в начале мая.

За нашим домом на большой плоской площадке, там, где когда-то возвышался величественный платан, поставили столы, скамейки, взятые напрокат. Нана Чиракадзе настояла, чтобы установили и отдельный столик с лучшей едой и питьем. За этот столик никто не садится. Последняя трапеза моей мамы перед дальней дорогой. Куда?

Народу собралось много: соседи, будущие сотрудники. Поминали маму. Вдруг полил дождь. А Саша, мой братец, не взял напрокат тент. Пришлось прервать долгую поминальную трапезу. Соседи и мои будущие сотрудники очень огорчились, обвиняли сына Вероники Генриховны. Сын отвечает за хозяйство. Тогда я еще не понимала, как сильны традиции на Кавказе.

xxx

Я приводила в порядок мамину комнату, теперь мою. Это отвлекало от грустных мыслей. Много возилась с полом. Старые толстые доски расщепились. К ним маленькими гвоздиками был прибит линолеум. Я оторвала линолеум и методично вырывала гвоздики. Проводила рукой, опять находила гвоздик. И так много раз. Потом несколько раз красила старый прочный деревянный пол. Так загроутовала, что он стал как новый.

А крыша текла. На чердаке стояли тазы, в которые во время ливней набиралась вода. Дом постройки 1914 года был очень старым. Но строился он основательно, умно. Хотя и предназначался для садовника. Позже я часто

думала о том, как важно правильно спланировать, поставить дом.

Зеленый мыс. Вид на наш «домик садовника» со стороны дачи Карелиных.

Мы ведь собирались построить дом и там жить до конца дней.

Особенно любил рисовать проекты дома мой сын. Огромные квадраты домов над обрывами в горах наводили на размышления. Раздражал неразумный гигантизм. Наш домик был самым гармоничным из всех увиденных за мою долгую жизнь домов. Проблем с фундаментом, с устойчивостью не было никогда. Он стоял на вершине холма прочно. Подпол был сухим. Стены обшиты жостью. Сухие доски не портились. Мама говорила, что это привезенная из Франции сосна, видимо, приморская. Красная тяжелая черепица, тоже в свое время привезенная из Франции, лежала основательно на островерхой крыше. Все в этом домике было продумано.

xxx

Чувство возвращения на Родину восстанавливало силы. Я так ощущала это возвращение! Во время затяжного дождя спокойно думала о том, что после наступит солнечная чудесная погода. Пусть он, этот бесконечный дождь, льет и льет. Впереди долгая жизнь, счастливая старость.

Это мой берег.

Такой я видела батумскую бухту с нашего холма каждый день

Я все время прощалась с мамой, думала о ней. Представляла, как она прожила почти всю свою жизнь в этой комнате.

xxx

Начались морские купания. Ночной полет светлячков! Благоухание садов! Неужели это навсегда? Приезжая на Зеленый мыс, мы всегда считали драгоценные дни, проведенные тут. Очень досадовали на затяжные дожди, воровавшие у нашего отдыха солнце. А теперь можно было спокойно любоваться сплошной стеной дождя и знать – он пройдет. Будет рай, будет солнце, и я никуда не уеду.

xxx

Мама когда-то вспоминала, как она радовалась дождю: не надо идти на работы в колхоз.

xxx

Мои отношения с теткой Майей изменились. Ведет себя она тихо, но насторожена, побаивается. Нет контакта, который иногда между нами возникал. Но мы ладим. Хотя и без душевности, жалости ко мне, потерявшей мать. Да она и не вспоминает сестру.

Я что-то забыла, потеряла, искала. Тетка подвела базу – я потеряла память. Это меня настораживает. Говорит со знанием дела, как врач, как

специалист. И я тоже начинаю думать, что после перенесенного стресса у меня на самом деле с памятью не все в порядке.

Я и сама отношусь к тетке без сердечности. Выросла стена.

К ней часто приходят соседи, пациенты, мне мало знакомые. Она по своей привычке обсуждает смерть мамы, ситуацию в доме. И я вижу, как она раскованна в оценке характеров близких. Слушателей у нее хватает. Вначале я до конца не понимала, какую роль в жизни тетки играют соседи. А ведь она с каждым, без разбора, начинала обсуждать.

xxx

Мне важно прописаться и выяснить свои права. Чтобы каждый знал, что ему принадлежит. Путаница, неопределенность всегда вызывали споры. Мне нужна конкретность: хочу построить дом.

xxx

В конце мая умерла Кето Деметридзе, соседка. У Деметридзе, каменный дом на северном склоне ниже нашего дома. Их две сестры – старые девы и брат Павлик. К этому времени старшая, Тамара, кандидат наук, состарилась. Она кичится своим грузинским происхождением, отделяя себя от более низких, по ее мнению, провинциальных аджарцев. В этой сложной иерархии русские, которые постоянно живут на Зеленом мысу, теперь вытеснены на задний план. Их ряды сильно поредели, а память об их достижениях развеялась. Наоборот, проникают подспудно настроения о том, что русские тут – народ пришлый, чужой. Их терпят. Отдыхающие – другое дело. Особенно женщины. Именно они, веселые и раскованные, привлекают внимание молодых и не очень молодых мужчин. Создано прочное мнение о гулящих отдыхающих русских.

Кето – честная грузинка. Я вспомнила красивую пышноволосую женщину, которая всю свою жизнь просидела в маленькой комнатке-клетушке почты при санатории «Аджария». Так однообразно прошла ее жизнь.

Павлика нет в живых. Зато его жена Татьяна, работая в доме отдыха кастеляншей, сумела пристроить к каменному дому длинную сигаровидную пристройку. Семья большая. Подросли дети. Манана – старая дева, как и тетя, работает в ботаническом саду научным сотрудником. Пытается разводить розы. Не получается. Бесталанная.

Павлик, любимый брат, был добрым, мягким. В него пошел его сын – тоже добрый, мягкий Зурикела, круглый, полный, с большой головой. С ним приятно при встрече обменяться двумя-тремя словами, как и с его матерью Татьяной. Сын женат на чернявой миловидной Гиули. Она родом тоже из Гурии. Работает на соседней горе в доме отдыха четвертого управления. Веселая, улыбающаяся, бойкая, она любит петь, и, как говорят, развлекается с отдыхающими. А тихий болезненный муж не обращает внимания. Есть и дети, две красивые девочки – радость всех женщин семьи.

xxx

Помня помощь соседей с мамиными поминками, я пошла помогать готовить еду для келеха Кето. Всем опять заправляла Нана Чиракадзе. Я наблюдала, как готовят баклажаны. Режут на пластины, солят. Потом выжимают руками. Одновременно из орехов делают подливу бажу. Ритуал давно и хорошо изученный. Услышала, что родные беспокоятся: никого нет обмывать покойницу. Я в порыве благодарности за участие в маминых похоронах предложила свои услуги. Просили и Зекие, которая обмывала вместе с моей теткой мою маму. Но Зекие стала крутить носом. Она аджарка, а Деметрадзе – грузины. Сложные отношения.

На рассвете от Деметридзе пришли просители. Я с теткой, большой любительницей таких процедур, отправилась к ним. Уговорили и Зекие. Вспоминаю теперь с содроганием: Деметридзе оказались весьма неблагодарными людьми. Когда начался конфликт с Олегом и теткой, они приняли в нем самое активное и неблагоприятное участие.

xxx

Первая стычка с теткой возникла из-за кур. На юге куры ночуют на деревьях, сидят на ветвях как на насесте. У мамы с теткой их было двадцать штук. Они устраивались на ветвях куннингамии напротив окна и мешали спать. Попросили моего сына отпилить большую ветвь, облюбованную курами. Безобразный обрубок портил вид из окна несколько лет, пока отросшие новые ветви его не закрыли. Я решила устроить кур в курятнике за домом. Просила соседа Темури перенести курятник. Придя домой с работы, увидела во дворе Темури и тетку. Тетка распалилась – злая, нахохлившаяся:

– Курятника за домом не будет!

Я не возражала. 10 кур, теткина половина, перекочевали к Мери – супруге Темури. Все несушки. Я вначале не понимала, какая это ценность – теплые яйца в гнезде. У меня осталось десять кур. Курятник я установила далеко от дома и шакалы вскоре залезли туда и утащили самых глупых. Другие устроились на новой ветке ореха. В последующие годы мамины куры старели, а новых я не завела. Однажды попыталась, но выводок красивых пушистых цыплят – всех до одного – украла ласка.

xxx

В мае почтить память мамы заехали ее знакомые – переводчица с английского Таня Хейфец и ее супруг Веня, экстрасенс. Супруги часто заезжали к маме и были хорошо знакомы с домашней атмосферой. Веня мне посоветовал срочно отгородиться, поставить на границе забор, калитку. Завести собаку, лучше ротвеллера. Я думала иначе: тетка одна, Олег в Москве, я должна ее опекать. Мы будем жить вместе, и я найду с ней общий язык. Ведь она уже немолода, моя поддержка на старости ей нужна. Позже я часто вспоминала слова Вени. Но поступить, так как он советовал, не могла. Наверное, так же как и моя мама. Не было решительности. Хотелось мира.

Снова в ботаническом саду (начало работы)

С 20 мая, через десять дней после сороковин, одновременно с хлопотами о прописке я стала работать в ботаническом саду старшим научным сотрудником в отделе интродукции. Ваню Рафаилович Мамунидзе – теперь мой прямой начальник.

xxx

Отдел интродукции находится в центре ботанического сада, в так называемом большом доме. Этот дом построили в начале тридцатых годов, он предназначался для сотрудников. Там же был детский сад и начальная школа. За то время, что я отсутствовала, на Зеленом мысу произошли некоторые изменения. Многие сотрудники продолжали жить в этом доме, но школа закрылась. Теперь в ее помещениях располагался гербарий, который переместили сюда из дирекции. Сюда перевели с дачи Баратова и отдел интродукции, где теперь я работаю.

Большой дом находится в самом центре ботанического сада на вершине приморского холма. Отсюда открываются в разные стороны света неповторимые по своей красоте виды, как будто демонстрирующие все прелести природы приморской Аджарии. С вершины холма – обрыв, покрытый ярко-зеленым бамбуком, за которым аллея кипарисовиков ведет к могиле А.Н.Краснова, основателя сада. Далее Чаква, а за ней вдалеке виднеется Цихис-дзирский мыс.

Батумский ботанический сад. Рядом с могилой А.Н.Краснова. Вид на холмы в районе Чаквы и горы Аджаро-Имеретинского хребта. В обрамлении сосен Монтецумы.

Вдали в хорошую погоду можно увидеть снеговые вершины Кавказского хребта. Кажется, что они спускаются прямо в море. А на севере

я вижу горы Аджарии, в мае уже бесснежные. Сколько раз, приезжая зимой, ранней весной, проходя по дорожкам ботанического сада, я сквозь деревья любовалась заснеженными горами, которые казались совсем близкими! Теперь я ими любуюсь сквозь алые шары соцветий рододендрона понтийского. Глядя на запад, вижу густую рощу эвкалиптов и все время ощущаю особенный запах эфирных масел, особенно сильный после дождей, когда сильно парит.

Я выхожу на площадку перед домом, огибаю его и смотрю на юг, на безбрежное море...

Прошло 20 с лишним лет, как я уехала в Москву, а потом в Магадан. Теперь я вернулась!

Я спускаюсь скользкой дорожкой вниз. Обочины краснеют. Красноземы, знаменитые красноземы, на которых так хорошо растет чай. Прохожу аллеей к могиле А.Н.Краснова.

Батумский ботанический са. По дороге к могиле А.Н.Краснова. Бидзина Перцелидзе и я.

Там теперь стоит памятник. В моей юности его еще не было. На склоне поднялись сосны Монтецумы и мешают обзору, о котором писал в своем завещании Краснов. Но сквозь длинную свисающую хвою, словно в раме,

виды на Чакву, на горы Аджарии особенно красивы. Отсюда круто вниз ведут лесенки. Спускаясь, попадаешь под сень ликвидамбаров.

Помню, как я мчалась по этим лесенкам и пела, пела! Это был один из самых счастливых дней в моей жизни. Андрей – мой жених! В то время, как я неслась вниз, Андрей приехал из Кобулету на пригородном поезде и, поднимаясь вверх, услышал мое пение. На этой дорожке мы встретились и уже вдвоем продолжили прогулку по одному из самых красивых парков мира...

Теперь я могу видеть эти красоты каждый день. Иду на работу, пересекая большую часть ботанического сада!

xxx

На второй этаж, в отдел интродукции, ведет лестница, над которой крыша сильно прохудилась, видны большие просветы. Во время ливней лестницу регулярно заливает, но о ремонте никто не задумывается. Отдел интродукции занимает две бывшие квартиры, но в одной из комнат живет пожилая одинокая Тамара Петровна, в прошлом заведующая детским садиком.

xxx

До войны судьба Тамары Петровны складывалась удачно. Красавица, жена капитана, мать двух красивых близнецов. Капитан уходил в плавание, а Тамара Петровна вместе со своей мамой растила сыновей, заведовала детским садиком. Я хорошо помню, как меня в пять лет повели на елку в ботанический сад. Там под мотив «Светит месяц» танцевали близнецы. Аккомпанировала Тамара Петровна.

Во время войны пригородные поезда брали с боем. Тамаре Петровне не повезло. Ее столкнули на ходу, отрезало ногу. Капитан не вернулся к безногой жене. Помогала мама. Дети выросли, устроили свои судьбы. Живут далеко. Мамы давно нет в живых. Тамаре Петровне помогают сотрудники отдела. Привозят продукты из города. Она пишет список необходимого. Строго следит за чистотой в туалете. Там всегда пахнет керосином,

выстроились веники и венички из прочных пальмовых волос на длинных бамбуковых палках. Чтобы не мешать сотрудникам, Тамара Петровна начинает активную жизнь после их ухода, а днем ее даже не видно.

xxx

Вторая комната квартиры занята семенами. Они лежат на больших противнях. Здесь же и рабочие столы сотрудников. На балконе – горшки с посеянными редкостями. Соседняя квартира занята рабочими кабинетами сотрудников. Две светлые комнаты большей частью пустуют. Дато Гвианидзе, один из научных сотрудников, на работе появляется крайне редко. Он занимается дубами. В его кабинете полный беспорядок: желуди, засохшие ветки. Художественный беспорядок говорит о былой активности, когда он писал кандидатскую диссертацию. До женитьбы, как все говорят, Дато работал хорошо. Но в последние годы он полностью переключился на семью: красавицу Тамрико и двух прелестных дочек.

xxx

Мне выделен отдельный кабинет. Это кухня квартиры рядом с кабинетом Дато. Она длинная, но не более 5 квадратных метров. Я просила большой стол. Его мне любезно поставили, и он занял почти всю комнату. Окно выходит во двор. В конце комнатки – шкаф для книг. Здесь очень душно, особенно летом, в жару. Рядом в еще меньшей комнатке, бывшей кладовке, ютится Галина Алексеевна Морозова. Теперь она состарилась. Лицо сморщилось, но осталось миловидным. Давно овдовела. В городе у нее сестра, племянник.

Галина Алексеевна занята в основном определением восточноазиатских экзотов в гербарии.

xxx

Многих сотрудников я знаю с тех пор, как здесь работала в юности. С другими меня знакомила мама, когда я приезжала. Я считала ботанический сад частью моего дома.

xxx

В отделе интродукции работает и Циала Цхоидзе, моя ровесница. Большая семья Цхоидзе живет и работает в ботаническом саду давно. Капитон, отец Циалы, был агротехником. Мирца, сестра Циалы, пошла по стопам отца. Она тоже агротехник. Миловидная Циала окончила институт и получила квартиру в городе. Замужем. У нее двое детей – дочка Дали и сын Гурам. Оба студенты. Вполне благополучная семья. Каждые выходные они едут в деревню, в Гурию. Там у свекра собирают чай, обрабатывают сад, виноградник.

Научный сотрудник отдела интродукции – Гульнара Гулиашвили. Кроме научных сотрудников, курирует семена Маша Овчинникова, старше меня на два года. Во времена моей молодости работала на питомнике. Теперь работает агрономом. Почему не научный сотрудник? Возможно, потому что русская, выбивалась из простых рабочих, получала заочное образование в сельскохозяйственном институте в Тбилиси. Все с большими трудностями. Она, как в далекое время я, отвечает за сбор и рассылку семян. У нее верная помощница – дочь Мирцы, очень исполнительная, тихая, средних лет Неличка.

xxx

Неличка приходит на работу очень точно, ровно в девять. По ней можно сверять часы. Она живет с матерью в соседнем крыле дома. Неличка аккуратно разбирает семена. О таких говорят – безответная. Маша рассказала, что в милovidную девушку влюбился Джага, фотограф с турбазы. Я его хорошо помню. Когда я студенткой работала экскурсоводом, он с длинной треногой сопровождал экскурсантов. Через день отдыхающие получали фотографии. Хороший заработок. Джага посватался к Неличке. У него дом в богатом селении, в Чакве. Сыграли свадьбу. Мирца, мать Нелички, объяснила родителям, что девочка не совсем развита. Но Джага любил ее. Это главное. Прошел год, и Неличку вернули в родительский дом. Сейчас ей уже сорок. Она располнела, не утратив милovidности.

xxx

Маша Овчинникова живет в двух комнатах второго этажа над столовой в центре сада. Рядом на склоне, на террасах – огород. Ее страсть – цыплята, куры. Их у нее целый выводок. Куры бродят около милиции, расположенной на первом этаже рядом со столовой. Помещение столовой пустует. В последующие годы столовая открывалась ненадолго. Сын рабочей Таисии Леван там был за повара и готовил такие котлеты, вкус которых я запомнила навсегда. Потом не сработался с Ваню. Столовую закрыли. Сегодня Леван – повар в одном из ресторанов Москвы.

xxx

Машина судьба в ботаническом саду складывалась непросто. Когда я уезжала в Москву, она была рабочей в питомнике под началом Ашота Багратовича. Работящую, аккуратную девушку присмотрела для себя Тамара Лазаревна Самхарадзе – волевая грузинка, которая в молодости занималась анатомией тунга, перспективной масличной культурой. Тамара Лазаревна успешно защитила кандидатскую диссертацию и осталась работать в Батумском ботаническом саду. Стала заниматься розами. Место под розарий было выбрано крайне неудачно.

Розарий расположен в центре ботанического сада на северном крутом склоне, обращенном к морю. Параллельно прорезаны террасы с посадками хилых роз. К ним ведут лесенки из бамбука. Там стала работать садовой рабочей Маша, одновременно поступив на заочное отделение института. Тамара способствовала тому, чтобы Маша получила комнату. Работа оказалась очень трудной. Розам необходима богатая почва, а в Абхазии почвы промываются ливнями. Огородники это знают хорошо. Только мощные древовидные розы прекрасно цветут круглый год. А небольшие – чахнут. Тамара Лазаревна выписывала редкие сорта роз. Их нужно было поливать в периоды сухости, носить сверху по террасам в ведрах воду, удобрения. Маша в течение нескольких лет безропотно выполняла эту тяжелую работу и не могла работать агрономом. Но Тамара ее не отпускала. Конфликт нарастал. Маше удалось вернуться к Ашоту Багратовичу. Сейчас

Маша рассказывает о переходе в отдел интродукции с гордостью. И есть чем гордиться. У Тамары железная хватка. Она и сегодня работает в отделе цветоводства и продолжает выписывать сорта роз, которые быстро гибнут. В отличие от роскошного дендрария, розарий в жалком состоянии.

Маша с годами получила и вторую комнату. Получилось что-то вроде маленькой квартиры с чудесным видом на море, главную дорогу. Но теперь она, как и многие сотрудники, мечтает получить квартиру в Батуми. Жизнь в городе, в столице Аджарии – предел мечтаний.

Маша не получила квартиры. Дом не был выстроен. В голодные годы в начале девяностых она разводила не только кур, но и завела козу, которую назвала Сабриной.

Маша, как и раньше, любит странно шутить и рассказывать пошлые анекдоты. Но в ее устах все звучит невинно. А сотрудники не обращают внимания или добродушно хихикают. Семьи Маша так и не создала. Одинокая, она мечтает поехать на родину, в село Красное. Много об этом говорит, иногда начинает плакать. Маша научилась водить экскурсии. Она хорошо знает, как называются основные породы сада, где они расположены.

xxx

Кроме старшего поколения в отделе интродукции появился целый выводок молоденьких лаборанток. Их родители в родстве или близком знакомстве с Ваню или директором Нури Мемедовичем. Скромные, незамужние. Не стремятся выйти замуж. Это время их свободы. Их обязательно выдадут замуж. Если уж очень сильно засидятся в девках – найдут вдовца.

xxx

Большинство сотрудников живет в Батуми в доме, выстроенном в семидесятых годах. Туда за ними по утрам подъезжает автобус, везет на работу в ботанический сад. Вечером привозит обратно.

Автобус ботанического сада – старый, выдавший виды ПАЗ. Он явно требует ремонта. Однажды у него отказали тормоза. А дороги здесь идут

вдоль крутых склонов. Только счастливый случай помог избежать пропасти. Скорость была минимальной. Воткнулись в дерево. Шофер автобуса Исмаил Багратиони – седой старик. Глядя на автобус, на Исмаила, думаешь о том, что и автобус, и водитель давно уже износились. Но по местным законам все продолжают тянуть свою жизнь на работе.

Старшее поколение сотрудников, заполняющих автобус, под стать Исмаилу. Георгий Габричидзе, мой бывший начальник, даже в жаркие дни в теплом осеннем поношенном пальто. Тамара Самхарадзе, ее сестра Маро – кассирша, Нермин Багратиони – ученый секретарь – в одежде старого покроя. Молодые лаборантки, в отличие от пожилых сотрудников, одеты и причесаны нарядно, по местной моде – с бантами на голове, в длинных юбках.

Автобус движется медленно, кружит по серпантинам сада, по дороге высаживая сотрудников.

xxx

По приезде сотрудники отдела собираются в большой комнате семенной лаборатории на утренний кофе. Маленькие кофейные чашечки есть в каждом отделе. Варят кофе в маленьком ковшике джезвике, разливают по чашечкам и глубокомысленно пьют. Выпив, откидывают чашку от себя и ставят на блюдечко, чтобы жидкость стекла, а крупинки кофе остались, образовав рисунок. Этот рисунок на дне чашечки очень важен: по нему гадают. После того как чашка выпита, приступают к десерту. Все привозят фрукты. Их много, у большинства сотрудников есть сады. После севера меня поражает фруктовое изобилие. С яблок, груш срезают шкурку, красиво нарезают, раскладывают на тарелке. Затем приступают к гаданию. Одна из самых проверенных и опытных гадалок – Гульнара Гулиашвили. Она берет чашку, долго рассматривает рисунок и изрекает, что нас ждет. Так же, как когда-то Шушаник. Но, в отличие от Шушаник, которая гадала редко и была истинной провидицей, здесь гадают каждый день. Гадание – это просто

ежедневный ритуал. Кроме того, обязательно рассказывают новости и сны и вместе их долго разгадывают.

На разминку уходит час. В одиннадцатом часу приступают к работе, то есть расходятся по участкам, чистят семена и прочее. Обед ровно в 13 часов. К этому времени все сотрудники собираются в отделе. О времени обеда никогда не забывают. Не помню ни одного случая, чтобы кто-то опоздал к обеду. Красиво готовят салаты, греют привезенную еду в основном молодые лаборантки, аккуратные и чистоплотные. После обеда вся посуда чисто моется и убирается. Это делает только молодежь. На обед уходит примерно час. Обед завершается опять кофе и гаданием, десертом. Середина дня – самый пик жары в летнюю пору. Работать трудно. После обеда на участки уже не ходят. По делам идут только в дирекцию, куда к концу работы подходит и автобус. Развозит сотрудников по домам.

Я постепенно втягивалась в установленный ритм работы. По утрам пила кофе. Но от обедов вскоре отказалась, проводя время в райских рощах сада.

xxx

Пур-марили (праздничное угощение), устраивают по значительным и незначительным поводам. Ваню Рафаилович большой любитель застолий. Жизнелюб, он особенно любит насладиться едой. На столе не только хлеб-соль, но, по заведенному порядку: сациви, султанские пирожки, гоми с сыром, салат, пхали черное и белое и многое другое. И обязательно ачма. Это по-особенному сваренные листы теста, проложенные сыром и запеченные в масле. Венчает серию яств пахлава – сладкий пирожок с орехами, медом и маслом.

Масло стекает по толстым пальцам Ваню. Он причмокивает от наслаждения толстыми розовыми губками. И, конечно, вино – хорошее, грузинское. Большое плоское лицо Ваню краснеет. Произносятся бесконечные тосты.

Застолья собираются быстро, в рабочее время. Все готовится заранее. Если событие значительное и закусок много – застолье растягивается на несколько дней, пока все не будет съедено и выпито.

xxx

На прописку у меня ушел целый месяц. Паспортный стол нашего поселка находится на первом этаже сельсовета в маленькой темной комнатке. За столом сидит молодой паспортист. На стенах плакаты, призывающие к бдительности. Изредка паспортист, собрав документы, едет в Хелвачаури – районный центр нашего поселка и поселков, окружающих Батуми. С Хелвачаури скоро мне пришлось познакомиться в деталях. Позже я назвала это своеобразное место «страна Хелвачаурия».

Наконец я прописана! Теперь впервые могу попасть в верхнюю Аджарию, закрытую зону. Но только если мой шеф мне выпишет командировку и она будет заверена в пограничном управлении.

xxx

В самом начале моей работы, когда азалии в ботаническом саду были в полном цвету, произошло одно знаменательное событие, которое, на первый взгляд, трудно объяснить.

В самом центре ботанического сада, там, где вдоль центральной дороги стоят огромные платаны, находится двухэтажный дом. На первом этаже – магазин. На втором – жилые помещения. Рядом с домом конец холма, где большая пещера, занятая под гараж. А сам холм покрыт разнообразными сортами азалий: красными, белыми, розовыми. Во время их долгого цветения в апреле, мае весь холм пестреет яркими красками.

Недавно на окраине сада построен новый хозяйственный двор. Поэтому машин в гараже-пещере уже нет.

Рядом проходит центральная дорога. Для нее в давние времена холм прорезали, края с одной и с другой стороны переплели проволокой, по которой густо вьется поэрария с большими листьями. В жаркий день,

попадая в тень живого тоннеля, ощущаешь прохладу и на время остываешь от жары, душной влажности, палящего солнца.

Неожиданно в конце мая, как раз когда я поступила на работу, холм с посадками больших цветущих кустов азалий снесли. Исчезла и своеобразная беседка-тоннель и пещера.

На месте холма образовался унылый пустырь. Одновременно были срублены старые высокие криптомерии, посаженные около дома со стороны морского склона. Разрушение холма имело неприятные последствия. Крутой склон, на вершине которого был гараж, а вокруг – посадки криптомерий с рощей бамбуков, после очередных ливней стал сползать и угрожал обвалиться на железную дорогу перед тоннелем. Никто не выяснял причин этого варварства. Цветущие кусты редких сортов азалий погибли. Прелестный тоннель-беседка остался лишь в воспоминаниях. Подозреваю, что кому-то нужно было заработать на вывозе грунта и заодно прибрать к рукам строительный лес, то есть высокие деревья криптомерий.

Любопытно, что никто из сотрудников не выяснял причин вырубки, сноса холма. Намекали на хозяйственного Корнелия, завхоза. Он придумал построить новый гараж на окраине сада с выходом на главное в Аджарии шоссе. Оттуда легко выезжать. Но во время своей десятилетней работы в ботаническом саду я никогда не видела машин в этом новом гараже.

xxx

Кроме нашего отдела интродукции, главного в ботаническом саду, есть еще несколько отделов: физиологии, гербарий, отдел флоры, отдел цветоводства.

Гербарий на первом этаже – ряды шкафов в темном сыром помещении. Растения, которые собирались многие годы, сыреют. В этом холодном и неуютном месте чаще всего в одиночестве сидит Александра Алексеевна Дмитриева – автор «Флоры Аджарии». Маленькая, светловолосая, обычно склонившаяся над гербарным листом с большой лупой. Рядом в комнате пьют кофе лаборантки. Заведующий гербарием Важа Мемидадзе – гордость

Аджарии. Он знает флору, ездил в горы. Но заболел ревматоидным артритом. Из окна второго этажа я часто вижу, как он приезжает на работу в своей легковой машине, с трудом выходит из нее. Болезнь прогрессирует.

В этом отделе числится и Мурман Давитадзе – черноволосый приятный аджарец. После защиты диссертации он редко бывает в саду.

Здесь течет тихая размеренная жизнь.

xxx

Постройка нового дома в Батуми заботит всех, кто живет на территории сада. Уже давно создан проект, выбрано место. Вано хлопочет в академии о финансировании. Вождеденный дом вот-вот должен начать строиться. Поэтому сегодня в разные комнатки ботанического сада активно внедряются родственники Вано, знакомые и просто бойкие люди. Но пока все эти тонкости мне непонятны и неизвестны. С ними я буду сталкиваться постепенно, по мере работы в саду.

xxx

Дорога на работу у меня занимает более часа. Сначала нужно подняться по тропинкам к верхнему входу в ботанический сад со стороны перевала, а потом пройти по территории сада. Это довольно далеко, но сама дорога доставляет наслаждение. Я наблюдаю растения, их развитие, веду записи. То и дело люблюсь живыми картинами поразительной красоты, которые разворачиваются на фоне моря.

Дорогу в сад я хорошо знаю еще с детства.

К верхнему входу можно подняться двумя путями: через дачу Ратишвили или через техникум. Оба пути почти равноценны. Поднявшись скользкими дорожками на дачу Карелиных, я, минуя общежитие техникума, поднимаюсь к даче Моат. Огибаю ее. Давно нет маленькой парикмахерской. Помещение забито, ветшает. Выше учебные корпуса. Проходя, я слышу гортанные голоса: идут занятия.

Наконец достигаю самой высокой точки моего подъема под горой Фриде, откуда начинаю плавный спуск ко входу в сад.

Открывается вид на всю батумскую бухту. И если с нашей площадки я вижу Батуми «в профиль», а бухта обрамлена холмами, то отсюда она раскрывается в своей полной красе. В непогоду мощный темный поток Чороха вырывается за Батуми, прочерчивая море коричневой полосой. Белые буруны волн в тихую погоду исчезают, и бухта светится лазурью, сливаясь с горизонтом. А за городом синеют горы Анатолии.

Миную дачу Ратишвили с ее шпилем и остатками княжеской роскоши. Далее вход в ботанический сад, где стоит дом Корнелия.

Другой путь по тропинкам. Поднявшись на дачу Карелиных, я спускаюсь к повороту дороги, ведущей к санаторию «Аджария» и по тропинке начинаю взбираться вверх. Белые корпуса на крутом склоне, с большим размахом выстроенные в середине шестидесятых годов, приходят в упадок. Рушатся колонны.

Я набираю высоту. Позади остается одна из бывших дач, уже почти потерявшая облик. Названия ее не помню. В ней ютятся в пристроенных клетушках сотрудники санатория. Затем беру круто вверх по лестнице к подножию дачи Ратишвили. Удивительным образом ступеньки широкой лестницы не разрушены. Хотя и выщерблены, но вполне пригодны для подъема.

Наверху лестницы передо мной вырастает громада дома Ратишвили. На первом этаже, где во времена моей молодости было общежитие, теперь живет с молодой женой Авто Пахуридзе, бывший милиционер ботанического сада, а ныне – начальник махинджаурской милиции. Из залы он сделал несколько комнат, снаружи оградив их беседкой. Получилось нечто автономное. На втором этаже, в комнатах с очень высокими потолками, которые весьма трудно отапливать, живут несколько семей. Я огибаю двор и оказываюсь рядом с самыми темными и сырыми помещениями, прилепленными к холму. Их занимает Лиза Каменева. Лиза – самый главный дворник ботанического сада. Она много лет аккуратно и рьяно подметает дорожки сада бамбуковым веником, ругается матом, на кого-то сердится. Ее

всегда сопровождает маленькая дворняжка, поразительно похожая на хозяйку. Но во дворе дачи Ратишвили главный – большой гусь Лизы, который при встрече шипит и норовит ущипнуть. Собачка лает. Лиза матюкается... А я беру круто вверх и оказываюсь у входа в сад, то есть у дома Корнелия. В саду я иду по главной, знакомой с детства дороге, погружаясь в зелень высоких деревьев.

На повороте открывается вид на белое здание дирекции и далекое море. Я снова в тени деревьев, сохранившихся со времен Татаринова. На склоне большая роща японского каштана. Осенью каштаны обильно плодоносят. Семена в два раза крупнее привычного аборигена Аджарии, каштана посевного. Милиционер Абдул, проживающий на даче Ратишвили, считает, что урожай этих каштанов принадлежит только ему и никому более. Каштаны в Аджарии очень любят, варят, угощают на десерт. Осенью по утрам я вижу под каштанами Абдула. Вооружившись палкой, он ищет в траве каштановые ежики, собирает семена. На его плантацию ходить нельзя. Я однажды наблюдала, как он той же палкой выгонял соседа, покусившегося на его самовольно присвоенное богатство. У соседа в руках также была палка. Издалека казалось, что они фехтуют.

Далее дорога в «большой дом» идет по территории ботанического сада. Дорога под кронами полна красоты и меняется в течение года. Осенью и весной на фоне темной зелени «расцветают» красные листья кленов. Весной жужжат пчелы в кроне ландышевого дерева – идезии, распространяющего чудесный ландышевый аромат. За каждым поворотом – новый вид. Сквозь кроны проглядывает вдалеке море. Белое здание дирекции с башенкой остается внизу.

Новый поворот. Отсюда выход на центральную дорогу к тому месту, где был живой тоннель из поэрарии. Справа от дороги начинается ущелье горной речки. По веерной пальме густо вьется плющ. В сентябре, когда он цветет, вокруг него жужжат пчелы. Дорога снова попадает под тень огромных платанов с колоннами стволов, покрытых пестрой, словно шкура

жирафа, корой. Вдоль центральной дороги – прудик с золотыми рыбками. В его центре раскрыл огромные листья-вайи папоротник осмунда царская. Зимой вайи отмирают, постепенно ржавея, а рыбки как ни в чем не бывало плавают. Интересно их наблюдать во время снегопада. Красные скользящие тельца мелькают в темной воде. По краям прудика белая снеговая оторочка.

Австралийский и новозеландский отделы. Над головой шумят огромные кроны эвкалиптов. После бури на дороге валяются ветки. Я их собираю в большую охапку и несу в свою кухню-кабинетик, развешиваю. Листья, высыхая, издают эвкалиптовый аромат. Это прекрасная прокладка для банок с вареньем, которое я укладываю в ящики и отправляю в Москву детям, родителям. Там они служат и лекарством.

Метеорологическая станция – маленький уютный домик с площадкой, где стоят мерные приборы. Флюгер. Ведет наблюдения Женя, жена Корнелия. В домике тихо живут две пожилые сестры. Они из Белоруссии, бывшие партизанки. Давно на пенсии. В солнечный день сидят на ступеньках в пиджаках, которые они не снимают и в жару. Несколько медалей у каждой блестят на солнце. Отсюда вниз к ручью ведет крутая лестница. В самом неудобном, сыром и тенистом ущелье недавно поселился Джумбер – молодой человек из Кеда. Он родственник Ваню, о чем при каждом удобном случае напоминает. У него русская жена Настя и несколько детей. Он быстро построил из всяких подручных материалов домик на сваях. Под жилыми помещениями между свай – коровник. У Джумбера две коровы. И это в самом центре ботанического сада! Само строение имеет странный вид: ветхий балкон выстроен из разных досок, крыша крыта кусками старой ржавой жести. Проходящие по центральной дороге экскурсанты вправе думать, что тут снимается кинофильм. Тем более что экскурсоводы не преминут вспомнить о том, что в ботаническом саду снимался фильм «Пятнадцатилетний капитан». Маша Овчинникова участвовала в массовке, чем очень гордится.

За метеостанцией – так называемая «Красновская» оранжерея. Уютная, небольшая, на два крыла оранжерея с вазоном при входе, с красивыми овальными лесенками и фронтоном в стиле модерн была построена еще при А.Н. Краснове. Рядом примостился деревянный дом в два этажа. На первом – разводочная оранжерейка, на втором – жилые помещения, в которых живет Отари с супругой. Оба маленькие, толстые. Супруга работает в саду, а Отари в автосервисе в Махинджаури. Веселый и очень аккуратный, он каждый день из длинного шланга поливает свои красные жигули. Отари страстно любит свою машину, как джигиты – коня. Когда проходишь мимо Отари, он всегда громко ругает Ваню. Они когда-то не поладили, и теперь независимый Отари может себе позволить такую вольность.

Наконец передо мной гималайская горка, на вершине которой большой дом. Я поднимаюсь в свою кухоньку, распахиваю окно и вдыхаю запах эвкалиптов. Совсем рядом, на склоне, шумят их высокие кроны.

Обратный путь также полон очарования. Особенно зимой, когда уже часов в пять начинает темнеть, а закатное красно-оранжевое небо просматривается сквозь темные кроны. Я выхожу на простор. Все небо полыхает, потом краски меркнут, и вечерняя тьма входит в свои права. Если припоздниться – домой приходишь уже в полной темноте.

Но если ливень непрерывно льет несколько дней, дорога домой не доставляет большого удовольствия. Ноги скользят. Темно. Ливень хлещет, без фонарика можно упасть. Фонарик и зонт, плащ и резиновые сапоги необходимы, особенно в зимнюю пору.

xxx

Жизнь, совсем не похожая на магаданскую, буквально обрушилась на меня. Но я жила с мыслью о том, что я оказалась в прекрасном саду, где никто не мешает мне работать. Правда, вначале встраиваться в ритм было непросто. В дирекцию я заходила редко. Все там напоминало о маме. Ваню принял на работу невысокую, с неприятным лицом Туманову. Она сразу же организовала инвентаризацию. Разговаривать с Тумановой было крайне

неприятно. Она могла придраться к любому слову и повернуть разговор так, что потом не отвяжешься. С грустью я вспоминала, как мама волновалась, что собираются инвентаризировать библиотеку. Боялась, что будут обнаружены потери. Хотя сама была до крайности предана своему делу.

1984 Лето (Лето на родине)

Андрей оставался один в Магадане. Против него в институте организовали травлю. Дирекция искала любой повод, чтобы объявить ему выговор и с позором выгнать. Хотя нужно было не выгонять, а гордиться им. Редчайший случай, когда всего за 15 лет была обследована огромная территория и написана монография «Флора Магаданской области».

Андрей не скрывал, что уедет вслед за мной. Друзья советовали трехкомнатную квартиру обменять на комнату и таким образом получить деньги. Так делали все без исключения при отъезде. Формально никто не может придраться. Придумывались разные способы, как обойти закон. Но мы не были способны на такие ухищрения, да и Андрей пока оставался в Магадане. Нужно было в Батуми получить для него место в ботаническом саду. Полной гарантии не было.

Андрей просил директора прописать своего молодого сотрудника Сашу Егорова – сына известного зоолога Олега Егорова, уже покойного. Дом, в котором мы жили в Магадане, был ведомственным. Директор – Георгий Краснощеков – написал жалобу в магаданский обком, что А.Хохряков хочет продать ведомственную квартиру. В результате наша квартира не досталась ни Саше Егорову, ни институту.

В начале июня, когда я уже работала в Батумском ботаническом саду, от Андрея пришло отчаянное письмо. Он мне писал о том, что у него нервный срыв. Он видит всё в двойном изображении. У моей бабушки Мадлен после гриппа было подобное осложнение. Потом она потеряла память. Это письмо с другого конца света повергло меня в отчаяние. Я в тот же день послала мужу телеграмму. Просила его срочно приехать. Андрей оформил отпуск, прилетел на Зеленый мыс на всё лето. Зрение

восстановилось. Он ходил на море, загорал и чувствовал себя прекрасно. Подружился с лодочником Муратом. Восхищался светлячками, радовался нашему переезду.

xxx

Июнь – жаркий месяц. В начале его среднесуточные температуры достигают + 20^о, а днем, когда солнце стоит высоко, градусник иногда поднимается до + 30^о. Ночи – теплые, темные, наступают быстро. Сумерки очень короткие. В хорошую погоду ночное небо расцвечивается массой ярких звезд, а вокруг в темноте летают и мигают светляки. Раздается «пение» квакш, стрекотание кузнечиков, цикад и сверчков. Все это создает особое романтическое настроение. Лунные ночи очень светлые, яркие! А вечера! На фоне постепенно темнеющего, но еще светлого неба пронсятся в беззвучном быстром полете летучие мыши.

Погода весь июнь стоит, как правило, солнечная. Воздух неподвижен, а в безветрие жара переносится куда хуже. Единственное спасение – берег моря, где дует легкий бриз, так как вода согревается медленнее, чем суша. Облака видны только над горами. Бывают и облачные дни. Или вдруг налетает циклон и начинается ливень, как в тропиках. Бурные ручьи, стекая с холмов, смывают почву. Все небо обложено тучами, и кажется, что дождю не будет конца. Но это не так. В это время проливной дождь редко длится двое-трое суток. Обычно уже на следующий день солнце снова сияет. Однако дождь сделал свое дело, напоил почву и растения, избавил их от засухи. Если же дождь запаздывает, то листья безжизненно повисают.

Даже если недавно прошел дождь, уже через несколько часов с приходом хорошей породы земля быстро высыхает. Пористость красноземов вулканической природы создает сложности крестьянам. Если жаркие дни стоят несколько дней, срочно необходим полив, особенно для влаголюбивых огурцов и помидоров.

Начались морские купания, но купающихся было немного: море все еще прохладное. Зато загорающих – масса. Они собираются на пляже часов в

одиннадцать. К часу дня уже так жарко, что камни раскаляются. В это время загорать опасно, можно сильно «сгореть». И лишь в пять вечера становится прохладнее.

С мая по сентябрь, но чаще в июне-июле бывает, несколько дней стоит жаркая погода, и температура может подняться выше 35°. Неожиданно утомительный штиль прерывается первым несильным порывом ветра. Сразу же за ним следует сокрушительный шквал. Ветер огромной силы срывает листву, гудит, разбивает стекла открытых окон, иногда сносит крыши сараев. На море, на горизонте, могут закручиваться смерчи. Вместе с ветром приходит освежающий дождь или ливень. Становится прохладно.

Утренние птичьи хоры продолжаются, но птицы поют не так бойко, как весной, у большинства из них уже вывелись птенцы. Многие принимаются за вторую кладку. Забавно наблюдать, как небольшие птички методично вырывают прочные «волосы» из сухих листовых влагалищ на стволах пальм для своих гнезд.

xxx

Мы с Андреем глубоко ощущали всю прелесть южной природы, сравнивая ее с севером. Ведь там в начале июня только-только отступают холода. Здесь – все в полном развитии, особенно в мае.

xxx

Вспоминала я и свое детство, когда росла в саду и видела многих интересных насекомых. Сейчас большинство из них исчезли.

Лет двадцать назад на июнь приходился лет крупных жуков-носорогов и жуков-олений. Их жирные большие личинки часто встречались в гниющей древесине крупных деревьев – буков, грабов, платанов. Представьте себе прилетающее вечером к вашей садовой лампе огромное жужжащее насекомое сантиметров 3-5 длиной! Могли прилететь и шершни, довольно опасные.

Не осталось следа от пестрых черно-красных «солдатики» – клопов, забавно сцепившихся друг с другом в длинные ленты, жуков-скарабеев.

Раньше в чайных кустах вили красивые паутины пауки-крестовики. Забавно «молились», переливаясь разными цветами от красного до зеленого, богомолы, сидя под кустами. Были среди них и довольно крупные, до 15 см. Злые головки богомолов-хищников внушали опасение – могут укусить.

Исчезли крупные ночные бабочки. Только живучие моли кружатся у ламп.

Ярко-зеленые ящерицы, как и раньше, в жаркую погоду выползают на каменный фундамент шушабанды, греются на солнце.

В сырых местах, особенно в щелях гниющих досок сараев, в сырое теплое летнее время много скорпионов. Маленькие или довольно крупные, величиной с полпальца, они облюбовали угловую комнатку, где доски сильно прогнили. Неожиданно из щели может появиться это не очень симпатичное насекомое.

xxx

Лето – курортный сезон. Все не располагало к интенсивной научной работе. Я постепенно вживалась в новую обстановку. В Батуми приходили один за другим теплоходы, совершавшие круизы по Черному морю. Отдельно граждане Советского Союза, отдельно из демократических стран. Группы отдыхающих водили в сад экскурсоводы из Батуми, явно не специалисты. Стоя на верхней дорожке ботанического сада и прислушиваясь к тому, что говорили экскурсантам бойкие девицы и парни на нижней тропинке, я поражалась их фантазиям. Но отдыхающим нравилось. Однажды услышала анекдот. Экскурсовод, видимо, армянин, заигрывал с отдыхающими и спрашивал, почему Пушкина считают армянином. Отвечал: у памятника Пушкину надпись «газон посеян». Поэтому имя человека, которому поставлен памятник – Газон, а фамилия – Посеян. Все смеются. Довольны!

Вспоминала, как строго относились к квалификации экскурсовода в мои студенческие годы.

xxx

Пик лета. Дома отдыха, санаторий, пансионаты заполнены отдыхающими. Гремит на все лады музыка. С утра до позднего вечера отдыхающие идут на море плотной массой, как в метро. Даже днем, когда камни раскалены и солнце палит нестерпимо, пляжи не пусты.

С Зеленого мыса к санаторию «Аджария» людей поднимает подъемник.

На посадке качели быстро поворачиваются: нужно успеть вскочить, сесть на сидение и закрепиться. Ты начинаешь подниматься, набирать высоту, болтая ногами. Удобно устраиваясь, глядишь вниз, вокруг. Под сидением плавно проплывает сквер у станции Зеленого мыса с деревьями, железной дорогой. Справа на даче Стюр, то есть у дома отдыха четвертого управления, зеленеет роща бамбуков. Далее – глубокое ущелье. Наверху у выхода опять поворот. Снова необходимо быстро и ловко соскочить. Дать мелочь парню, который следит за работой подъемника.

Парни развлекаются. Я как-то наблюдала, как они усаживали полную даму в узкое для нее сиденье. Вся процедура нужно было сделать быстро. А толстой даме, у которой полный зад не помещается в сиденье, трудно сразу сесть. Парень старается что есть сил. Торопится. На его лице разлито выражение удовольствия. Наконец тетка упакована. Стул кряхтит. Кряхтят и ржавеющие цепи, и стальной канат.

xxx

В середине лета ботанический сад организовал экскурсию в Сванетию. Сотрудники не торопятся. Собираются медленно, в течение часа. Никого это не волнует, кроме Андрея. Директор Нури Шакарашидзе сидит спокойно, терпеливо ждет, когда все соберутся. Вдруг Андрей выскакивает из автобуса. Я догоняю. Еле уговорила вернуться. Он в отчаянии говорит: «Как же при таком положении работать?». Восточная неторопливая жизнь его раздражает. Наконец все собрались и в радостном настроении поехали. Дорога в верхнюю Сванетию шла мимо огромного водозабора Ингургэс. Сотрудники веселились, играли в фанты, даже танцевали в автобусе.

xxx

Я, как и при жизни мамы, возвращаясь с работы, обязательно заглядываю в гостеприимный дом Валентины Васильевны Жубер-Моцобили. Живет она одна. Ее сестра Вера (косметичка) недавно умерла. Эта смерть взволновала ее сына, племянника Валентины Васильевны. Он из Батуми, женат на богатой грузинке. Решил выяснить, что ему положено по наследству после смерти матери в доме на Зеленом мысу. Начались переговоры с нотариусом. Оказалось, всего несколько метров. А ему хочется отстроить целый дом, отдельно. Для себя. Валентина Васильевна посвящала меня в суть тяжбы. Я ей сочувствовала.

В июне среди ночи меня разбудила моя тетка:

– Горит дом Жубер! – на противоположном холме я увидела огромный столб пламени. Побежала. Быстро взобралась на гору. Из соседнего с Жуберами дома мне навстречу шла Валентина Васильевна. Высокая, худая, в халате:

– Аичка! Что творится!

Толпа народу во главе с председателем сельсовета Беридзе наблюдала, как сгорали последние доски деревянного дома.

Валентина Васильевна не сомневалась: это дело рук ее племянника. Но доказательств нет. Накануне пожара она видела пьяницу Сашу Павличенко, который ходил по ее двору. Подозревала, что наливал бензин. Так быстро загореться весь большой домодновременно с разных концов не мог. К счастью, завещание, спрятанное в железной коробке, не сгорело. Вскоре на каменном обгоревшем фундаменте зять Валентины Васильевны отстроит новый дом. Для племянника оставили закуток – несколько метров. Все, что полагалось по завещанию. Племянник не воспользовался оставленным для него помещением. Валентина Васильевна отвела его под курятник. Ее зять Лева возглавлял в Батуми птицефабрику, и недостатка в цыплятах не было.

В июне приехал Олег с семьей, многочисленными родственниками жены и знакомыми. С самого начала он был настроен воинственно, даже не стал со мной разговаривать.

Я пыталась поговорить, но он высокомерно заявил, что я совершила непоправимую ошибку. Гордыня! Невысокий, надутый. Из-за его спины выглядывает злая тетка. Я для нее стала врагом. Без причины. Но через несколько дней причина выяснилась. Оказалось, Олегу такая позиция выгодна.

Неожиданно приехала большая бригада строителей из соседнего поселка Чаква. На междудорожье срубили деревья, разровняли склон, вырыли большой котлован. Для фундамента будущего дома. Я опять обратилась к Майе и Олегу. Просила объяснить. Говорила, что мы с Сашей должны ждать полгода до вступления в права и потому просила ничего пока не предпринимать. Они со мной не разговаривали. Дверь очередной раз захлопнулась.

Я поехала в сельсовет. Но там Беридзе сказал мне, что я еще не вступила в права наследства и не могу обжаловать этот незаконный шаг. Я пыталась объяснить, что это земля моей мамы, что строить они не имеют права.

Тетка и Олег спешили. Начали строительство без разрешения, как в тех краях практиковалось, заручившись поддержкой председателя сельсовета.

Слева от площадки открывался вид на синие горы Турции. Будущий дом Олега, судя по фундаменту, закроет не только этот вид, но и часть площадки. Это приводило меня в отчаяние. В будущем так и получилось. Когда я очередной раз пыталась разговаривать, закрывали дверь на засов.

xxx

Дом до предела заполнился гостями и родственниками Олега. Летний отдых! Стройка!

Нам осталась только бывшая мамина комната, откуда я выходила на кухню через среднюю, где обедали Олег с семьей. Мы же с Андреем обедали

в моей комнате. Но летом вся жизнь идет на воздухе, на площадке, среди цветов. Сокращение жилой площади до минимума воспринималось как небольшое временное неудобство.

На газовой плите – четыре горелки. Олег молча отставляет мою кастрюлю, «перегораживает» плиту на две части. Демонстрирует свои права. Кухонные разборки сначала веселили. Супруга Олега Нина соблюдала нейтралитет. Тетка же была весьма агрессивной. Но к ее поведению я привыкла и теперь старалась поменьше встречаться.

xxx

Олегу везет. Об этом мне уши прожужжал Витя Физгеер. Все ему идет в руки – говорит Витя. Я согласна с Витей. Олег умеет использовать связи, приспособливаться. Окружающая среда загнивающего застоя способствовала его продвижению. Теперь, спустя годы, анализируя мою жизнь на Зеленом мысу, я понимаю, что ссора ему была выгодна. Наступление, незаконный захват, создание общественного мнения против меня. Самыми активными способами этот человек стремился завладеть всей территорией. Я же заняла оборонительную позицию. А что я могла сделать?

xxx

Зеленый мыс – большая деревня с разбросанными по холмам домами. Соседи встречаются не только на Зеленом мысу, но и в городе, на остановке автобуса. Часто заходят к тетке на прием. Интересуются. Тетка, не жалея сил, в полное удовольствие старается меня и Андрея очернить. Она врач. Ей верят. Лечиться в Аджарии любят. Тетку знают давно, всю жизнь. Мои родственные отношения с теткой и Олегом, которые худо-бедно поддерживались при жизни мамы, забыты. И уже не будут восстановлены. Возникает барьер, который не преодолеть. Наверное, так оно случилось с неразлучными друзьями Иваном Ивановичем и Иваном Никифоровичем в знаменитой повести Николая Васильевича Гоголя. И то хорошее, что еще теплится, вымывается гадостями до конца. «Скучно на этом свете, господа!». Ох, как скучно! И эту чашу ты пьешь от года к году...

Об одной из пакостей узнала случайно. Тетка и Олег распространяют слухи, что я не поставила на могиле мамы памятник. Олег начал стройку, у него много цемента, и он готов сам поставить памятник своей любимой тете, то есть моей маме. Старейшина Абдульчик ставит вопрос ребром: если через год я не поставлю маме памятник, тогда Олегу – зеленая улица. Но меня обо всем этом не информируют.

xxx

Летом у меня гостила старая знакомая Светлана Лях. По соседству отдыхали однокурсники Андрея – чета Пименовых. Столовались в доме отдыха. Там они познакомились с профессором-филологом из Тбилиси – Димой Тухарели. В санатории отдыхал знакомый нашего друга Гасана Гусейнова, поэт Каллегорский. Собралась приятная кампания. По вечерам в нашей беседке читали стихи, совершали экскурсии в ботанический сад. Заходили в мой так называемый кабинет. Когда Дима увидел просвечивающую крышу над лестницей при входе в дом, где предназначалось работать Андрею, он произнес крылатую фразу. Мы потом ее часто повторяли: «Жаль папусика!» Дочка Оля, прочтя воспоминания Людмилы Гурченко, звала отца папусиком.

xxx

Нужно было обеспечить работу Андрею. О месте старшего научного сотрудника для него Ваню хлопчет в Тбилиси. У него знакомства в Академии наук. Ваню воспринимают как истинного директора не только в ботаническом саду, но и в Тбилиси. Обещает – будет наверняка. Но для того, чтобы было «совсем наверняка», мы решили отметить день рождения Андрея в ресторане. 2 сентября пригласили руководителей ботанического сада и друзей, близких соседей. Всем заправлял Ваню. Он заказал роскошный стол в гостинице «Месхети» – высоком прямоугольном здании на берегу моря.

Андрей, изучив состав гостей, хотел, чтобы присутствовали не только аджарцы и грузины, но и русские. Были приглашены наши друзья: Аллочка и

Боря Лисицкие, Валентина Васильевна Жубер с сестрой Татой.

Возвращались из Батуми приятным теплым вечером, полные надежд.

xxx

18 сентября, в день маминого рождения, мы устроили поминки.

Накрыли столы на нашей площадке перед домом. Под вечер солнце стоит высоко, и только тень от беседки, увитой виноградом, умеряет жару. Вдруг столы покачнулись, да так сильно, что зазвенела посуда, тарелки накренились. Землетрясения на Зеленом мысу, как правило, бывают не сильными. Но иногда так трясет, что рушатся сараи.

xxx

Созрел виноград. Андрей лазал на деревья, собирал спелые гроздья, учился делать вино. Часто пробовал молодое маджари. Это доставляло ему большое удовольствие. Я над ним, загоревшим и похожим на Пана на знаменитой картине Врубеля, подшучивала: не стал ли он поклонником Бахуса?

Летний праздник кончался. Андрей улетел сначала в Москву править рукопись «Флоры Магаданской области»– главного итога нашей работы на севере, затем – в Магадан. Я осталась одна.

1984г. Осень (Первая осень после возвращения)

В конце сентября истекал шестимесячный срок после смерти мамы. Мы с братом Сашей Твалчрелидзе могли вступать в наследство. Саша приехал в отпуск, и мы поехали в Хелвачаури к нотариусу. В маленькой уютной комнатке сидела Нинель Вахтанговна. Я ее уже видела два года назад, когда мама написала завещание. Теперь необходимо было выяснить, что же принадлежало моей маме. С этого момента и начались мои мытарства. Потому что мама при жизни ничего толком не выяснила. С подачи той же Нинель в завещании было написано: «все, что мне принадлежит, в равных долях наследуют дочь и сын». Итак, дом: три комнаты. Остальное – пристройки. Половина принадлежит тетке. Вторая половина в равных долях делится между мной и братом.

Я тогда не задумывалась о будущих неприятностях. Была уверена: войдем в наследство, разделим все по закону. И сами построим дом.

Мой сын Павел еще при жизни мамы любил рисовать, как будет выглядеть наш будущий дом.

А пока мы едем домой. По дороге я, рассчитывая на сочувствие, говорю брату: «Как мне в этом году достается!» Действительно: умерла мама, заболел Андрей. Но мой брат с досадой и удивлением оборачивается ко мне:

«На что ты жалуешься? У тебя готова докторская диссертация, у тебя есть сын, ты живешь на Зеленом мысу!»

Что я могла ответить? Зря сказала. Нельзя себя жалеть никогда!

Способному, но не сделавшему и кандидатской диссертации, находящемуся под пятой своей супруги и не имеющему сына, брату было меня не понять. В Грузии сын – это особенно важно. На Зеленый мыс он не переехал, как это сделала я, взяв на себя обязанность сохранить и уберечь от Олега наше наследство. Слабый и неудовлетворенный, мой брат всегда считал себя обделенным.

xxx

В конце сентября-начале октября бархатный сезон продолжается. Но становится значительно холоднее, особенно по ночам. Днем температура в ясные дни по-прежнему высокая – часто выше 20 градусов. Вполне можно загорать. Камни пляжа теплые, но не раскаленные, как летом. Очень легко пропустить время, нагревшись, когда дневной зной сменяется вечерней прохладой, ещё недавно такой желанной. Осенью, когда дует легкий ветерок, легко подхватить простуду. Поэтому пляжи редуют. Море уже не теплое.купаются недолго и только днем. Медуз становится значительно больше. В прозрачной воде большие и маленькие белые купола очень красивы. Некоторых прибывает к берегу, и они лежат студнеобразным слоем.

Уже в 18 часов быстро темнеет и сразу температура падает до 15, а то и до 10 градусов. Поднимается луна, освещая холмы. Сыро и холодно ночами

так, что необходимо укрываться теплым одеялом. По утрам обильные росы долго не высыхают. Солнце стоит невысоко и только к полудню становится жарко. Днем люди ходят в летней одежде, а вечерами надевают плащи и жакеты.

Долгие периоды тихих безветренных солнечных дней сменяются непогодой. Море сильно штормит. Сильные дожди характерны для Колхиды круглый год, но в октябре их больше всего и они особенно сильные.

Ручьи мутной воды стекают с холмов. Каждая ложбинка превращается в бурлящий поток. Это уже не теплые летние ливни. В непогоду тучи над морем опускаются низко. Их лохмотья, обрывками висящие снизу, кажется, касаются самой поверхности свинцовой воды. Иногда возникает смерч. Чаще всего не один, а целое семейство: один покрупнее и два-три помельче. Жуткая картина! Однако, приближаясь к суше, смерчи рассыпаются.

С наступлением времени бурь и смерчей бархатный сезон кончается. Море постепенно остывает. Прохлада и сырость сохраняются в тени и днем (утренняя роса как бы сходит с вечерней).

Листопад все заметнее. Начинают желтеть или буреть все листопадные породы.

По дороге на работу я через овраг вижу буковый лес, в котором уже тронута осенью листва. Часто вся крона у бука еще зеленая, желтеют лишь небольшие вкрапления. То же самое происходит и с грабами. А каштан еще полностью зеленый. Желтые или коричневые ежики его колючих плодов рассыпаны под деревьями в опавшей листве. Созрели и упали на землю коробочки буков. Они твердые, продолговатые, величиной с мелкую сливу. Светло-коричневые, покрыты короткими деревянистыми «волосками». На верхушке чинарики растрескиваются, и из них высыпаются светло-коричневые орешки, которые едят в жареном виде.

xxx

С Колымской трассы, из Сеймчана, Магаданской области, приехал к нам на отдых наш знакомый врач Толик Будко.

Магаданская область. Толик Будко на стойбище эвенов

Вместе с Сашей они ходят в дом отдыха «Магнолия», танцуют, загорают на пляже. В октябре бывают чудесные теплые дни! Толик привязался к Саше. Ему очень нравилось его грузинское остроумие. Саша любит погулять, пошутить. Но только не со мной! А я к нему тянусь. Но Сашка помнит, что я росла вместе с мамой, а он у бабушки. У него комплекс обделенного. Всегда обижен на судьбу. После похорон мамы я спросила тетку, кто в ее понимании Сашка? Она задумалась, потом ответила чётко: «клоун». Любил он, не затратив ни копейки, что совершенно не характерно для широкой грузинской природы, попользоваться на халяву. Мелочность и скарденность – феноменальные. Толик Будко не понял истинного его лица. Всю осень они вместе хороводили, заводили знакомства с отдыхающими дамами. Я неожиданно поняла, чем был в последние годы наш зеленомысский дом. Вспомнился Казим, какие-то девицы из МГУ, Хасанчик, приходящий Тамазик. Всё это было похоже на курортный полупритон. Больная мама разрешала этим холостякам и не холостякам встречаться с ее гостями в своем доме. В свою очередь они ее возили на своих машинах. Вот и вся плата! Но эти мысли пришли позднее. Я размышляла о мамином характере. Старалась отстраниться от своих дочерних обид.

Толика Будко сменил Зураб. Сашин отдых продолжался.

Вот тогда-то и произошло небольшое приключение, стоившее моему брату больших переживаний. По этому поводу я написала маленький рассказ.

xxx

«Шведская спичка по-зеленомысски». Почти по А.П.Чехову.

Мой брат Саша Гвалчрелидзе живет в Тбилиси. Это стройный красивый грузин, не и похож на молодого Бубу Кикабидзе – такого, каким мы помним его в фильме «Горюй». Повадки кинто-весельчака. Как только выпадет возможность приехать на Зеленый мыс и погулять с отдыхающими дамами – он тут как тут. Зураб Махарадзе – лучший друг нашей семьи.

Это полнеющий грузин средних лет с круглым, уже немного обрюзгшим от праздничных застолий лицом. Он работает на тбилисском телевидении, но большую часть времени проводит в домах отдыха Зеленого мыса.

Сашка и Зураб – закадычные друзья.

Зреет виноград. Молодое вино маджари кружит голову. Вечерами веселые Сашка и Зураб ходили в дом отдыха «Магнолия» на танцы. Изредка ездили и в Батуми, в рестораны. Портила настроение любимая машина Сашки – старый москвич. Что-то в ней надломилось, и она заводилась только после того, как ее начинали толкать сзади. Упрячилась. Но все равно придавала шарм своему владельцу.

В один прекрасный день Зураб исчез. Это не вызвало ни малейшей тревоги. Во-первых, его мама живет в Батуми. Она медсестра на вокзале. Во-вторых, Зураб часто отсутствовал и раньше и довольно надолго. Ведь он корреспондент на телевидении, столичном телевидении. Вначале никто не встревожился и прекрасные осенние дни катились один за другим.

Одно настораживало. Бархатный сезон был в полном разгаре. То и дело появлялись на горизонте пышные уралочки, наливные сибирячки, не говоря уж о москвичках!

Спустя неделю женщина в черном молча поднялась по лесенке в мансарду к своему сном праведника Сашке. Это мать Зураба. Она его ищет, беспокоится. Он пропал. Сашка обещал поискать Зураба. Но машина не заводилась, очередная уралочка была известной, вино игристым... Прошло еще несколько дней. Наконец заволновался сам Сашка и отправился в уголовный розыск. Там его встретили странно. Допросили с угрозами. Грозно предупредили: если через день Зураб не разыщется – самого Сашку посадят в КПЗ и обвинят в убийстве бедного Зураба. Надо знать Сашку, он логический трус. Приехал домой с выпученными глазами, в отчаянии ломал руки.

е чего завел машину и отправился на поиски. Сначала были обследованы все
омиские и махинджаурские пляжи. Увы, поиск не привел ни к чему. Зураба не было
е. Время текло неумолимо, время ареста приближалось. И Сашка перевалил через
инский перевал, спустился в райскую долину чайных плантаций, изображенную на
их спичечных коробках, проехал мимо заманчивой рекламы местного ресторана «
бка прошлого» и повернул к маленьким домикам чаквинской турбазы,
оложенным у самого берега моря.

Был чудесный теплый день. Большой пляж, тихое море. Послеобеденный отдых. За
иком под грибком сидел Зураб за шахматной партией. Идиллия, увы, была прервана, а
б доставлен в милицию как яркое доказательство прекрасной жизни. Сашку не
дили. Я спросила брата – знает ли он произведение Антона Павловича Чехова
«Шведская спичка». Увы, Саша его не читал...

xxx

Зураб с Сашкой то и дело заглядывают к тетке на ее половину. После отъезда Олега
сталась в одиночестве. Завела маленькую собачку Дульку. Поит гуляк чачей, которую
осят больные. Почем свет ругает меня с Андреем. Красноречивый Саша, набравшись
кой чачи, заявил, что в доме обстановка опасная. Эти слова придали тетке куражу. Я
ту на работе, что тетка распространяет слух о том, что я хочу ее отравить. Все это мне
тся смешным. Но смеяться не стоило.

xxx

В октябре в Ереване состоялся очередной Совет ботанических садов Закавказья. Я
тела туда и на время отвлеклась от домашних дрызг. Ежегодное торжественное
ание сопровождается определённым порядком, застольями, тостами. Всё это
авляет директор Тбилисского ботанического сада Мамия Гоголишвили. Приятный
ий человек. Родом из Кобулети. Сначала доклады, заседания. Но самое главное –
ет. Каждая республика показывает себя, встречает своих гостей должным образом.
минают, как роскошно встречали кавказских ботаников в Баку. Теперь очередь за
нами.

xxx

Банкет состоялся в ресторане на берегу озера Севан в высокогорье. Но сначала – посещение ботанического сада. Главное там – яблони. Плоды на них из-за отсутствия насекомых сладкие и как бы вяленые. Когда смотришь на зеркало озера, хорошо видно, насколько уровень воды опустился из-за постройки плотины. Рыба ишхан – главное блюдо этого помпезного вечера – была особенно вкусной.

xxx

Мне срочно нужно заканчивать книгу по биоморфологическим адаптациям Севера. Новый объект – представители семейства вересковых. Поэтому из Еревана я полетела в Армению изучать земляничник мелкоплодный. Взяла с собой лаборантку нашего отдела Нази Аветисян. Она хорошо рисует. Маленькая, ярко-рыжая, с круглым конопатыми личиком, очаровательная девочка. Я ее иногда называю козочкой.

Крым пламенел осенними красками. Мы жили в общежитии Никитского ботанического сада. Разнообразие хризантем перед главным зданием было поразительным. Видна работа садоводов. А я стеснялась, вспоминая запущенность Батумского ботанического сада, сравнивая его с Никитским. Когда заговорила об этом с Нази, она меня не поняла. В свою очередь она с восторгом рассказывала мне, как недавно в гостинице высокопоставленных сокурсников жила в номерах интуриста в Массандре.

xxx

В Симферополе сели самолет. Под нами полуостров Крым – как на ладони, затем море вдоль Черного моря. Через час я стою в аэропорту, а через полчаса у себя дома. Как же все близко! Я еще многое меряю северными категориями. Сравниваю и никак не могу полностью переключиться, встроиться в иной ритм, в быт новой жизни.

xxx

Дома я обнаружила Зураба который, развалившись, словно блудливый кот, продолжал наслаждаться теплом юга в моих комнатах. Сашка уехал, прихватив большую часть маминей библиотеки. И еще прабабушкины книги на готическом. Запер свое жилище, то есть Иверию.

xxx

В начале ноября собирается комиссия колхоза, чтобы определить границы моего и соседнего надель. Затем их нужно утвердить на колхозном собрании. Тетка хочет

ннить за собой междудорожье, пользуясь своими знакомствами. Там уже залили асфальт ее будущего дома.

На ноябрьские праздники прилетел ко мне сын Павел. Комиссия во главе с председателем колхоза, хитроумным Темури Ахвледиани, мерила участки тщательно, но в пользу тетки. Мы сидим в беседке. А Павел залез на куннингамию, собирает град прямо над нашей головой. Вдруг сверху падает корзина с виноградом, совсем рядом с председателем, чуть ли не на его голову. Сколько впереди комиссий! Но эта – едва ли не с летальным исходом.

xxx

Тетка со мной не общается, но чего только не придумывает! Например, заставляет своих клиентов побить меня. Приходит ко мне малознакомый человек, едва слышимый по-русски. Неразборчиво угрожает. В то же время тетка создает впечатление у окружающих, что она меня и брата боится. Её шофер Мгеладзе, мол, слышал, что Саша Чирелидзе грозился ее отравить. Поэтому она переселилась к шоферу в Махинджаури, маленькую собачку Дульку оставила у себя в комнате. Дулька не дает мне спать, скулит. Но тетка

под вечер со злобным видом приезжает на несколько минут, кормит собачку и уходит.

Сбор мандарин

В ноябре созрели мандарины. Нужно собрать урожай, сдать на склад. Я знала только, что нужно, но как это делается, полностью не представляла. Отдыхающие дома отдыхали, а мы занялись резать мандарины. Я была в этом деле неопытна и не знала, что чаще не воруют, а воровали. Только и разговоров о сборе! Сначала – кто сколько ящиков заказал, потом – сколько собрал и сдал. Уложиться со сбором необходимо в первые две недели. Потом непогода и град, а то и ранний снег могут погубить урожай. Нужно быть внимательным: каждый погожий день на счету, затяжные дожди могут быть и в начале ноября. Сбор мандаринов – непростое дело. На каждом дереве, высотой до 7 метров, все ветви увешаны сочными плодами, гнутся от тяжести. Каждое дерево может дать до 200 кг плодов. С нижних ветвей собирать легко, но на верхние приходится забираться по лестнице, вешать на крючок ведро, а потом его спускать. Утомительно! Плоды не

аются руками, а осторожно срезаются секатором. Нужно срезать так, чтобы острая лезвие не поранила нежную кору соседних плодов при укладке в ящик. С нижних холмов поднимают плоды наверх. Поэтому сборщики делятся на две партии: те, что поднимают плоды и укладывают в ведра и корзины, и те, кто в больших, плетеных из лозы корзинах-годорах носит на спине урожай к дому и там ссыпает в ящики. Тут же плоды сортируются по величине и укладываются в ящики.

В начале ноября на холмах слышится гомон сборщиков, смех, шутки. Работают споро, так как вечер наступает рано. Но бывает, что сбор приходится проводить и в конце месяца, под дождем. Ноги скользят по размокшим склонам, дождь, а иногда и снег забираются за ворот.

Второй этап – это сдать на приемный пункт ящики с плодами. Тоже проблема. Склад в Махинджаури забит ящиками с мандаринами. Это огромный ангар, к которому подъезжают машины. Стоит большая очередь. Утомительная процедура занимает несколько дней. Мандарины в ящиках могут загнить. Поэтому при сдаче приемщик обязательно начисляет какой-то процент брака. Наконец ящики ставят на весы, приемщик выписывает квитанцию. Через несколько дней в кассе колхоза можно получить деньги. Это основной заработок владельцев мандариновых садов. У некоторых сады очень большие, велик и заработок. А у меня всего 19 деревьев. Но забот хватает.

xxx

В начале декабря с грехом пополам, одна, без помощи Саши, я сдала мандарины. Освобожденная, усталая, пройдя всю сложную процедуру сдачи на Махинджаурском складе, под вечер пришла домой. Вижу – прилетел Олег из Москвы и Саша из Тбилиси. Видимо, сговорились. Теперь Олег любезен как никогда. Просит всех собраться. Вечером разместились в средней комнате. Тетка при Олеге тихая. Он просит меня уступить междудорожье и еще прирезать себе 50 метров около дома. Обещает, что будем дружить. Сашка тоже тихий, но хорохорится, обижается. Говорит, что его все считают второсортным «бумбало», то есть чем-то вроде клоуна. Мне пришлось

сказать моим родственникам: все, что у нас происходит, не должно выходить за рамки семьи. Не стоит создавать ложное общественное мнение. Олег удивляется. «Как ты, такая обаятельная и коммуникабельная, могла возражать против строительства моего дома?». «Олег! Ты начал строительство на земле моей мамы. Отказался со мной разговаривать. Воспользовался тем, что мы с Сашей еще не вступили в права. Ты сам повел себя неправильно». Я напомнила тетке, что она в свое время собиралась строить дом за дорогой. Почему она считает междудорожье своим наделом?

Но уже заложен фундамент...

Моя учительница Инна Васильевна говорила, что я максималистка и романтик. Ссориться не хочется. Пошла на уступки.

Договор закрепили в сельсовете. За длинным столом Олег, тетка вся в черном. Воздела руки. У нее явно артистические способности. Просит чтобы не было споров, чтобы прирезать Олегу еще земли.

По договору я Олегу уступаю междудорожье, отдаю 50 метров от площадки вокруг фундамента.

Андрей, узнав о моей уступке, прислал категорическую телеграмму: «» «Ты ничего не уступишь Олегу, иначе я не приеду на Зеленый мыс». Одновременно Олег, решив, что получил свое, в тот же вечер закрыл передо мной дверь на засов. Этот вечный засов! В своей комнате тетка с Олегом громко смеются. Ловко обставили... Слышимость в нашем доме идеальная.

Наконец тетка выходит на кухню. Я напоминаю ей о долге. Она обещала его вернуть с мандариновых денег. Но она усмехается и показывает мне кукиш. Смеется. Я чувствую себя «Пышкой» из знаменитого рассказа Ги де Мопассана. Олег опять не разговаривает, важничает.

Что делать? Что делать?!

На работе в отчаянии рассказываю о своих невеселых делах.

Категоричная Гульнара Гулиашвили советует забрать из сельсовета бумагу.

Волнуюсь, спешу. На первой же машине, быстро, по серпантинам главного шоссе спускаюсь с горы в Махинджаури. В сельсовете тишина. Секретарша вышла. Я подхожу к столу. На нем лежит папка. Быстро открываю. Там лежит мое соглашение. Беру и ухожу.

Теперь я отказываю Олегу. Он опешил. Уехал домой не солоно хлебавши.

xxx

В ботаническом саду нас, сотрудников, «гоняли» на сбор мандаринов. Мандариновый сад в ботаническом саду находится на террасах дачи Баратова. Вместе со всеми собирала мандарины и очень пожилая Галина Алексеевна Морозова.

Большая группа сотрудников отряжалась на сбор на плантации директора. В Гонио у него огромный сад мандаринов и апельсинов. Он не успеваает со сбором.

xxx

Декабрь был очень теплый. Температура поднималась выше 20 градусов. Стояли тихие прекрасные дни затянувшейся осени. Я бродила по дорожкам ботанического сада. Сине-голубое море было тихим и спокойным, гладким как зеркало, только у самого берега лениво плескалась маленькая прибойная волна. И всё вокруг зеленело: мандарины и чай, камелии, пальмы и кордилины, стройные ряды криптомерий. На фоне темной зелени выделялись огромные сероватые кроны эвкалиптов с бело-серой корой высоких стволов. Заросли вечнозеленых кустарников образуют густой подлесок в буково-каштановых лесах. Когда я возвращалась с работы и шла по главной дороге, внизу, в заповеднике, видела оголенные деревья, на которых зеленел плющ колхидский, поднимающийся по стволам деревьев почти до вершин и образующий темно-зеленые муфты на стволах.

Солнце уже в пять вечера уходило за горизонт. Играли яркие краски заката. Пахла прелая листва, шурша под ногами.

Я думала: как прекрасна природа, которая не засыпает, а лишь притихает на время в непогоду, а потом опять возрождается с приходом тепла. Все, все вызывало у меня восторг и надежду на будущее. После долгих лет на севере я чувствовала – этот климат мне подходит. Климат моего детства, юности. После работы, не торопясь, я выходила из глубины парка на простор и видела всю бухту как на ладони. Над ней пламенели гигантские картины заката. Спускалась с горы к дому. Входила в свою комнату и долго, до самой темноты сидела у окна, любуясь угасающим вечером, темными силуэтами оголенных ветвей хурмы.

xxx

Вечер. В комнате тетки собирается «Манана клуб», то есть приходит молодая соседка Манана Деметридзе, племянница Тамары. Она работает в ботаническом саду, в соседнем отделе цветоводства. Выкладывает тетке все, что узнает обо мне на работе. Тетка ей в ответ сочиняет мои новые «преступления». Частый гость и тетя Катя. Это ближайшие соседи.

xxx

В одиночестве я встретила Новый год. Вышла ночью на край площадки, к буку. Наблюдала перекресты прожекторов, рассматривала на темном небе яркие большие южные звезды. У меня не было сомнений: я преодолею все трудности. Мы будем вместе с Андреем. Построим дом. Главное – Ваню уже выхлопотал для Андрея место научного сотрудника в ботаническом саду. Мы будем вместе, как всегда, и дома, и на работе.

xxx

Оказалось, необходима апробация моей докторской диссертации в Магадане. В начале января 1985 года я полетела в Москву, затем в Магадан.

Глб ч 2 Снова на Родине

1985г. На перепутье

Начало 1985 года было напряженным. Я закончила монографию по адаптациям северных растений. Оформление документов, выверка текста книги были полностью на Андрее. Осенью в Магадане он оказался без меня, без моей постоянной опеки и поддержки. В Институте против него организовали травлю. Андрей искал запасные варианты в Якутии, в Приморье. Расставаться с Дальним Востоком ему не хотелось. Он был на перепутье: закончил большой труд – «Флору Магаданской области» и нужно было определяться с будущими исследованиями. А я уже бесповоротно остановилась на Зеленом мысе, работала там.

Апробировать докторскую диссертацию я прилетела в Магадан всего на несколько дней в конце января. Нужно было отправить контейнер, упаковать вещи. Со мной полетел постоянный помощник, наш сын Павел. Благо, у него были студенческие каникулы.

Снег. Метель. Магаданская квартира в полном запустении. У Андрея сильная простуда, смахивающая на воспаление легких. Он так болен, что на апробацию моей диссертации прийти не смог. Несколько дней ушло на заказ и погрузку контейнера.

Я успешно прошла апробацию. Это совпало с уходом Андрея с работы. В Институте, где мы вместе проработали более 15 лет, где он написал свой главный труд – «Флору Магаданской области», конфликт достиг пика. До последнего дня Андрею чинили всяческие пакости. Поэтому улетали мы без сожаления.

В Магадане мела сильная метель, а впереди нас ждало тепло юга.

xxx

Вано выполнил свои обещания. Выбил в АН Грузии единицу старшего научного сотрудника. Был объявлен конкурс. Но это только формальность. Никто не собирался соперничать с Андреем. Я была уверена в том, что в Батуми мы прочно обоснуемся. Но Андрей, коренной москвич, до последнего момента надеялся на московский вариант. Мне об этом он не говорил. Он не выписался из Магадана. Еще в течение полугода он имел возможность вернуться в Москву. Таковы были условия бронирования жилплощади для жителей севера.

xxx

В начале февраля 1985г мы прилетели в Москву. Андрей выяснял возможность работы в МГУ, звонил заведующему кафедрой Вадиму Павлову, с которым он был, казалось, в приятельских отношениях. Но тот ему отказал. Нас звали на очень хорошие должности в Горький (ныне Нижний Новгород). Андрею предлагали заведование кафедрой ботаники в университете, а мне в сельхозинституте. Обещали квартиру. В то время в Горьком был в заключении академик Сахаров. Возможно, мы поступили неверно. Нужно было ехать в Горький. Но я уже, казалось, закрепилась на юге. Собираясь в дорогу купила складную теплицу. Нет, до конца я не понимала жизни на юге. Теплица не пригодилась.

Все мои знакомые на Зеленом мысу жили постоянно, в давно установленном ритме. А я за долгие годы привыкла бывать подолгу в Москве, заботиться о родителях Андрея, о наших детях. Год делился на две части. Одна – более длительная – в экспедициях, вторая – дома, когда мы обрабатывали собранный материал. В дальнейшем наша жизнь тоже раскололась на две части: на Москву и на Зеленый мыс.

xxx

Мы устроили большой званый ужин на масленицу – мы так делали всегда, когда прилетали из Магадана «на материк». Хотелось пообщаться с друзьями.

Уже были куплены билеты на Зеленый мыс. Моя многолетняя мечта жить на Родине, провести там счастливую старость, казалось, близка к осуществлению. Я обсуждала это с друзьями, собравшимися у нас дома.

В это время раздался телефонный звонок. Звонил Ваню. Сообщал о том, что самолеты не летают. Всю Аджарию завалило снегом.

xxx

Отъезд на Зеленый мыс был задержан непогодой. На юге Черноморского побережья столбик термометра упал до минус четырнадцати градусов. Такие перепады случаются на юге раз в 20 лет. Пришлось ехать поездом. Начиная с Сухуми, поезд часто останавливался из-за снежных навалов. В Батуми прибыли поздно ночью.

Город завалило снегом. Гололед. Неприспособленные к снегопадам жители в легких пальто выглядели несуразно, словно мокрые курицы.

Наутро на вокзале нас торжественно встречал Ваню Мамунидзе с сотрудниками. В огромном промерзшем привокзальном ресторане с дореволюционной лепниной на потолке угостил нас горячим чаем с хачапури, которое в Батуми готовят по особому аджарскому рецепту. Открытый пирожок под названием «пенерлы» в форме лодочки величиной с ладонь. Он с запеченным сыром, а в лодочке плавает яйцо! Со сладким

горячим чаем это очень вкусно. Горячее угощение вернуло нас к жизни. Сопровождавшая Ваню ученый секретарь ботанического сада Нермин Багратиони поздравила Андрея с приездом в Аджарию. Выражала надежду на то, что он не покинет эту землю. Ее пожелание мне показалось неуместным. Я не сомневалась в том, что мы приехали навсегда!

«Козлик» Ваню, несмотря на высокую проходимость, смог забраться на наш холм, но не доехал до дома, только до «Магнолии». Далее мы тащили вещи по протоптанным в глубоком снегу траншеям.

Снег пригнул и разорвал стволы многих мандариновых деревьев, накрыл их полностью. Серое море батумской бухты, обрамленное белыми заснеженными берегами, с площадки выглядело необычно. Андрей растопил на террасе маленькую железную печурку и заявил, что он счастлив, что наконец он приехал домой. Я же думала совсем иначе: «Как мы будем жить в таких условиях? Что нас ждет впереди?» Подкрадывались опасения. Но я думала, что мы преодолеем трудности. Обязательно!

xxx

Я думала, что Батумский ботанический сад – тихое, мирное место. Здесь не будет интриг, которые в последние годы измучили нас в Магадане. Никто не выкинет за борт, на пенсию. Помнила, как в Москве в 55 лет увольняли научных сотрудников, полных сил и желания работать и работать. А для Андрея уход на пенсию был бы равносителен смерти. Он жил только настоящим.

Я была уверена, что мы построим себе дом. Есть сбережения. Есть изумительный сад. Родное теплое место. После Севера отогреемся, восстановим здоровье. Дети будут прилетать к нам в отпуск отдыхать. Надолго разлучаться с ними не придется. Кроме того, в Батумский ботанический сад будут приезжать из научных центров ботаники, и мы не оторвемся от передовой научной мысли, от прогресса. Андрей займется изучением Кавказа, который он так любит. А мне жизненных форм субтропических растений хватит до конца дней. Все бы так, но получилось совсем иначе!

xxx

В связи со снегопадом жизнь Зеленого мыса и ботанического сада на время замерла. Поваленные ветром, разломанные деревья, замерзшие теплолюбивые растения. Потери были огромными. Везде валялись ветви. У гигантских вечнозеленых эвкалиптов сохранились лишь стволы.

Батумский ботанический сад. После снегопада в новозеландском отделе. Кордилины под снегом

Вано с Тумановой, новой заведующей библиотекой, организовали инвентаризацию, перенос книг в холодный клуб на окраине сада. Пропали редкие энциклопедии и многое другое. По всей видимости, книги были распроданы. Мы с Андреем во время зимнего снегопада под окном обнаружили на земле энциклопедию Гранат. Красная обложка сверкала на снегу. Позвали милиционера, волновались, сообщили властям. Наивные!

xxx

Разломало мандариновые и деревья на нашей площадке. Мы подпирали ветви, стволы, пытались хоть что-то восстановить. Но многое приходилось выпиливать и сжигать. Раны замазывали краской, поскольку на юге при наступлении тепла паразитические грибы быстро забираются под кору.

xxx

В начале марта солнце растопило снег.

Магнолия Суланжа в марте уже в полном цвету. Тает снег на цветках

Потекли ручьи. Мы ходили по ботаническому саду и наблюдали, как рабочие собирают упавшие ветви в огромные кучи, поливают их бензином и поджигают. Эти кучи лежат на корнях деревьев, оставшихся в живых. Никому до этого не было дела. Рассуждения на тему: «не стоит жечь, лучше сложить в компостную кучу» любезно выслушивали – и только. Галина Алексеевна вспоминала прошлые времена, когда в саду

была такая компостная куча. Но помнила о ней только она.

В центре Батумского ботанического сада. Весна. Граб раскрывает почки

Андрея оформили на работу. По этому поводу был организован большой банкет в отделе интродукции. В те времена с продуктами было плохо. Все добывали из-под полы. Большую часть продуктов я привезла из Москвы. Ваню также приложил максимум усилий. Использовал свои знакомства. Сотрудники отдела интродукции, особенно умелая в этом деле Гульнара Гулиашвили, горячо обсуждали меню. То и дело я слышала пока непривычные слова: «черный пхали», «ачма» «пахлава» и другие. Служебную машину гоняли несколько раз в город на базар за покупками. Процесс приготовления разнообразных блюд доставил не меньшее удовольствие, чем сам банкет. В магазине под руководством Ваню было закуплено несколько ящиков лучшего вина.

На банкет кроме сотрудников отдела интродукции, были званы все заведующие отделами, сотрудники, которых я знала с молодых лет. В отделе интродукции были накрыты столы, за ними сидели почти исключительно мужчины. Из женщин удостоились этой чести только пожилые. Я была причислена к таковым. Ваню возглавлял стол как начальник. Остальные женщины подавали еду, за стол не садились. По восточному обычаю после основного банкета, после того как были убраны столы и помыта посуда, они накрыли стол для себя.

Во время банкета произносились торжественные тосты. Красноречию не было предела. Тамада говорил долго. А тот, кому предназначен тост, послушно и терпеливо стоял с поднятым бокалом. После тамады произносили тосты все присутствующие, расписывая достоинства «жертвы». После того как был произнесен последний тост, тостующемуся нужно достойно ответить тем, кто оценил твои достоинства, почтить вниманием тех, кто так искренне и приятно восхвалял тебя. И только после этого торжественно опустошают бокалы до дна.

Пили и ели три дня подряд, несмотря на рабочее расписание. Во время перерыва Ваню деловито приезжал к накрытым столам. После винопития пили кофе, гадали. Позже я была избалована банкетами, которые Ваню называл «пур-марили». Причмокивая от наслаждения алыми губками, он переводил на русский язык слово «пур-марили»: оно означает «хлеб-соль». Ваню закатывал глаза в предвкушении очередного застолья.

xxx

В течение девяти лет, которые я вторично прожила в Аджарии, меня звали на многие «пур-марили». Я была почетным гостем, «кали профессори», то есть женщина-профессор. Присутствуя на банкетах, я понимала что играю роль свадебного генерала. В мою честь произносили тосты, мной гордились. И я постепенно привыкла к этим банкетам. Вначале еда меня восхищала. Эти замечательные зажаренные поросята, ачма, плавающая в масле, по-особому приготовленная бажа – специальный соус на основе грецких орехов, сациви, жареная рыба, для которой готовится особый соус, горячий кукурузный хлеб с соленым сыром, густая кукурузная каша гоми, которую подают горячей с сыром. Все необыкновенно вкусно. С годами я разбаловалась. Мне надоело постоянное, хотя и очень вкусное меню. Но вначале все было интересно.

xxx

В мои студенческие годы в ботаническом саду такого чревоугодия не наблюдалось. Были другие порядки. Теперь аджарцы насадили свои привычные традиции. Многие сотрудники сада были родственниками, и получалось что-то похожее на большую семью.

xxx

Нужно было налаживать жизнь. Андрей по утрам рубил дрова. Это занятие ему очень нравилось. Затем, не замечая того, что он измазан сажей, глиной, шел на работу. В ботинках, измазанных глиной, заходил в дом. Я сердилась.

xxx

Тетка жила на своей половине. По-прежнему по утрам за ней заезжал Дурсун Мгеладзе, чтобы отвезти на работу. Вечером к ней заходили соседи, и она громко на нас жаловалась, для чего находила любой повод. Ни о какой дружбе, даже о нормальных отношениях, и речи не было.

xxx

Пришел контейнер с вещами, в том числе с кухонной утварью. Большое количество ножей в моем хозяйстве показалось тетке подозрительным. Она заявила соседям, что мы хотим ее зарезать. Об этом мне в ботаническом саду с полной серьезностью рассказал благообразный пожилой парторг. Я его плохо знала. Он работал в отделе биохимии. Как

мне было реагировать? Не оправдываться же! И все же я до конца не понимала, что тут живут такими сплетнями. Это как длинный сериал.

xxx

Необходимо было выяснить не только границы земельных наделов, но и то, что же принадлежит мне, Саше и тетке в доме. Я склонялась к тому, чтобы тетка построила новый дом, а старый оставила мне и Саше. Дом стоит на бывшем мамином наделе. Но это не учитывалось.

xxx

Под майские праздники прилетел Олег. Он тоже с нами не здоровался. Строительство его дома шло ускоренными темпами. Теткин шофер Мгеладзе очередной раз одолжил тетке и Олегу деньги на строительство, нашел бригаду строителей и помогал знакомствами. Он познакомил Олега с первым секретарем обкома Хелвачаурского района Ниязом Гогитидзе, своим родственником. Тогда при имени Гогитидзе все ходили по струнке. Олег воспользовался этим знакомством: неожиданно на нашей площадке появилась многочисленная комиссия из района.

Снова мерили землю. Намерили в пользу тетки. В качестве свидетелей позвали соседей. Я смирилась. Скандал надоел. Мы пошли на мировую. Пусть строит, но нас не трогает.

Но не тот человек Олег. Ему никогда нельзя давать никаких уступок. Он их обернет в свою пользу. Мир закрепился всего на несколько дней. Потом начались новые военные действия.

Брат мой Саша ведет себя неприятно, двурушничает. Ему, как городскому жителю полагается 600 квадратных метров земли. А мне, как жителю села, 1500 метров.

В бывшем мамином наделе 1500 метров. Я решила выделить брату самые старые большие деревья на склоне. 19 деревьев приносят доход. А мне останется площадка – то, что больше всего любила мама, то, что я так люблю.

Я могла бы ничего брату не давать. Я как сельский житель имела право на весь надел. Но хотелось все уладить миром. Приехав из Тбилиси, настороженный и недоброжелательный, мой брат Саша долго обмерял участок. Пришел к выводу: там, где находятся 19 деревьев, на склоне нет 600 метров. А ему они нужны и именно из моего надела. Он как всегда обижен. По старой памяти бегаёт вечерами к тетке. Жалуется на меня. Та его поит вином. Жалеет. Когда он со мной разговаривает, то пытается сказать, что я его обделила. Я объясняю: земли полно, есть она и за домом, на склоне.

– Дались тебе эти 100 метров, Саша!

В ответ он молчит. Я начинаю понимать, что Олегу нужна территория вокруг будущего дома. Саша ему может в этом деле помочь: прирезать полагающиеся ему еще 100 метров.

Олегу нужно забраться на площадку, и он за моей спиной договаривается с Сашей. Понимаю – в будущем Олег намерен вести наступление на всю площадку. Я уже вижу как мой родной брат. Я связана с ним одной нитью, которую рвать не хочу и не могу. Часто он в запальчивости говорит о своем грузинском происхождении, намекая, что мое – русское. Я это сначала воспринимала с юмором. Пыталась объяснить, что и в нем не очень много грузинского, и во мне русского. Тогда глаза его становятся еще более круглыми и злыми. Особенно он не любит Андрея – человека спокойного, но умеющего невзначай сказать острое слово.

Андрей в ботаническом саду.

На работе в ботаническом саду Андрею выделили место в большой просторной комнате вместе с Дато Гвианидзе, который, как правило, на работу не ходит. Комната сырая, завалена всяким хламом. Потолок во время ливней протекает.

Андрея раздражало течение жизни ботанического сада. Особенно то, что на территории сада находятся жилые дома сотрудников, и они держат не только кур, но и коров, свиней и коз. Когда я заговариваю на эту тему, меня не понимают: а как же иначе?

Ботанический сад воспринимается всеми как большая деревня.

xxx

Я помнила: раньше в питомнике была всего одна рабочая, однако сеянцы на террасах были всегда прополоты. Теперь в маленькой оранжерее у печурки сидят две толстые тетки, Назико и Дарико. Они часто гадают на кофейной гуще, но за работой я их ни разу не видела. Они уходят домой сразу же после перерыва. При этом территория питомника сократилась в два раза. Я помню, как летом крышу теплички затеняли тентами из бамбуковых стеблей. Теперь рабочие о таких приспособлениях даже не слышали.

Догадаться нетрудно: за свое безделье работницы делятся с Ваню зарплатой.

xxx

Агротехники следят за рабочими. А рабочих всего один-два. Иногда это выглядит комично. Мирцу я помню молодой. Она, так же как и всегда, стоит столбиком на центральной дороге. Теперь ей уже за пятьдесят. Две рабочие рядом с ней пропалывают и сажают цветы, ассортимент которых не изменился.

xxx

Молчаливый Андрей обошел границы сада и написал пространную докладную директору, высказав свои взгляды на развитие сада. Мне он скупно, с досадой говорил, что

мандарины, и только мандарины уничтожают оставшуюся в саду природу, вклиниваются в ботанический сад, в заповедник кавказской флоры на территории сада.

xxx

Нури сидит тихо: слушает, кивает, молчит. Двойная жизнь. Докладная Андрея положена навсегда под сукно.

Xxx

В отчаянии и досаде Андрей говорил, что теперь уже нет Зеленого мыса – его заполнили дома. Действительно, несуразные, большие дома с крышами-зонтами выросли на Зеленом мысу как грибы после дождя. Хозяева к ним подводили дороги. И там, где был привычный, знакомый с раннего детства старый парк, неожиданно выросли серый дом из брикетов. Облик Зеленого мыса менялся на глазах. Безжалостно рубили высокие деревья.

Вид на второй холм от моря из Батумского ботанического сада. Стоит обратить внимание на большие квадратные дома выстроенные вразброс.

Зеленый мыс. Вид с горы Фриде. Батумская бухта в дымке. Слева видна военно-грузинская дорога. Стоит обратить внимание на большие однообразные дома, разбросанные по холмам.

Вдоль дороги на подъеме с Зеленого мыса, на склоне холма выросло странное образование из нескольких пристроек и пристроек. Андрей назвал их Папикяновкой. Спускаясь на Зеленый мыс почти ежедневно, мы видим это странное нагромождение комнаток, пристроек, прилепившихся друг к другу. И каждый раз досадуем.

Папикяновка

Рядом с домом Карцевадзе-Халваши, которые давно вернулись из казахстанской ссылки, по дороге к Зеленому мысу, на склоне находится небольшая плантация, принадлежащая махинджаурскому совхозу. Ее стал сторожить в мандариновую страду милиционер ботанического сада Сережа Папикян. В тревожное время сторож криками и выстрелами из одностволки пугал тех, кто ворует мандарины. В лунные ночи это случается часто.

Сережа построил маленькую сторожку якобы для охраны сада. Но вскоре там поселилась вся его семья. Потом была пристроена еще одна сторожка: из Армении приехали родственники. Таким путем прилепились друг к другу около десяти разноликих строений, к которым на маленькую площадку ведет лесенка.

Во время своих скитаний в поисках закона я изредка встречала в сакребуло (сельсовете) Сережу Папикяна. Время от времени, когда грозились снести эти странные строения, Сергей вешал на пиджак свои ветеранские медали и от него отставали. Время передышек использовалось для новой пристройки.

xxx

В начале апреля, с приходом тепла, природа преобразилась. Везде зазеленела трава, быстро скрыв то, что погубила зимняя стужа. По утрам пели птицы. Зацвели большие кусты азалий, рододендронов. Распустил листья бук. Мы почувствовали южное тепло. Наслаждались природой.

xxx

По утрам так приятно слушать хор птиц! В шесть утра серп луны блекнет, вырисовываются контуры пальмовых листьев. Тьма быстро сменяется светом. Первые лучи солнца появляются из-за гор. Но ещё по-утреннему сыrovато, свежо. Днем же солнце сильно припекает, а в редких случаях становится очень жарко: температура поднимается выше 30°. И тогда нужно заранее закрыть окна. Вдруг после томительной жары и штиля неожиданно с моря налетает сильный порыв ветра, срывает молодую листву. Следующий порыв подобен шквальному, потом ещё сильнее, ещё, ещё! Начинается дождь, становится прохладно.

Вечерами на деревьях начинают свои концерты маленькие ярко-зеленые квакши, оглушая окрестности своеобразным, не похожим на кваканье болотных лягушек, звуками. Болотные лягушки тоже устраивают дружные концерты, их трескучий хор слышно ещё в марте, но в апреле по вечерам он доносится из ущелий с особенной силой.

Апрельские грозы сопровождаются теплыми ливнями. После грозы становится ещё жарче. Контрасты между теплом и вновь наступающими промозглыми холодами

становятся более резкими.

По дороге на работу я любовалась заповедником. Он через овраг справа от дороги. Буково-грабово-каштановый лес зазеленел. Еще вчера сквозь ветви и стволы просматривалась зелень холмов. Теперь огромные кроны в яркой зелени. Зацвел рододендрон понтийский. В тени леса цветков у него немного, а на опушках цветение обильное. Каждое соцветие – целый букет.

Рододендрон понтийский

Цветы яркие: фиолетово-красные, сиренево-розовые или бледно-сиреневые. Каждый куст имеет свой оттенок цвета. Расположенные рядом кусты могут быть в разной стадии цветения. Одни в бутонах, на других цветки только начинают раскрываться, третьи полностью раскрылись. Есть и с увядающими цветками. Теплые, очень жаркие дни ускоряют цветение. На фоне голубого яркого неба и далеких заснеженных гор цветущие рододендроны особенно эффектны. На освещенных опушках цветет лавровишня. Жужжат пчелы.

Субботник

Как и во всем Советском Союзе, нам необходимо отработать на субботнике. Мы с Андреем оделись в полевое, пошли поработать в ботаническом саду, что-то посадить, сделать полезное.

С утра в саду – никого. Не спешат. Холодно. Сыро. У Андрея болит горло. Зашли на маленький медпункт к медсестре Наргиз. Она налила Андрею из мензурки спирта. Он

выпил, согрелся. Долго ходим по дорожкам сада. Ждем и вспоминаем, как год назад Андрей ходил на субботник в Магадане. Как это непохоже на то, что мы видим здесь! Там в его подчинении был маленький дружный коллектив, все работали, потом завтракали, выпивали и расходились по домам, довольные друг другом и чувством коллектива, локтя. Здесь все по-другому.

xxx

Наконец в одиннадцатом часу потянулись научные сотрудники. Но никто из них не собирается работать. Среди мужчин Андрей – единственный, кто хочет поработать физически. И единственный доктор наук в ботаническом саду. Ваню в голубой, хорошо отглаженной рубашке похаживает около работающих и строго приказывает работать хорошо. И мы работаем. На крутом склоне, чтобы предотвратить смыв почвы вместе с растениями, посадили несколько молоденьких самосево вечнозеленых дубков мирзинолистных. Позже они поднялись, расправили ветви. Потом проходя по дорожке от здания дирекции, я смотрела на крутой обрыв. Снизу поднимались, расправляли кроны, посаженные нами дубки. Я думала о том, какой здесь поразительный, почти тропический климат! Все растет почти на глазах! И это спасает от полной деградации.

xxx

Пришел контейнер. Ило Беридзе – веселый шофер ботанического сада – везет меня на большом грузовике на товарную станцию за Степановкой. Мы выезжаем на окраину Батуми в Кахабери. Передо мной вырастает нечто безобразное. Рядами впритык стоят пятиэтажки. Большой микрорайон. Разноликие застекленные лоджии отсвечивают на ярком весеннем солнце. Между домами протянуты бельевые веревки – канаты, на которых развешано чистейшее белье, раздувающееся на весеннем ветерке. В субтропиках, в краю редких красивейших растений, здесь я не вижу ни одного дерева. Ни одного. Однако Степановка с благоустроенными квартирами, канализацией, в Батуми считается престижным районом. Сюда многие стремятся попасть даже из центра города.

xxx

На товарной станции жду контейнера, который за два месяца пересек всю огромную страну. Рядом прокатный пункт. Берут напрокат тенты, скамейки для поминок или свадьбы. Разговорилась с благообразным аджарцем. Он из села Чайсубани, после свадьбы сдает скамейки. Рассказывает, что теперь свадьба должна собрать не менее 400, а то и 500 человек. Я задумалась. В стране перебои с питанием. Масло, сыр мне привозят попутчики, дети, приезжая на Зеленый мыс. А тут роскошно кормят огромную ораву народа.

xxx

Наступили теплые дни. Андрей, бродя по ботаническому саду, разогревался. Потным приходил в холодную и сырую комнату (свой кабинет). Здесь он садился за машинку и пытался работать. Я видела, что он чаще всего молчит, досадует.

Наша дочка, прилетев на несколько дней, пришла в ботанический сад. Первым делом спрашивает: «Как вы тут?». Ничем ее я не могла порадовать. У Андрея – кризис и отчаяние. Зашли в заповедник. Какая красота, когда идёшь по горной дороге и повсюду на каменистых местах с обрывов на дорогу свешиваются соцветия синих цветков омфалодеса! Невозможно равнодушно пройти мимо.

Рядом с омфалодесом, но на менее крутых участках, образует густой покров касатик лазский. Длинные ремневидные, острые по краям и на верхушке вечнозеленые жёсткие листья торчат вверх или повисают концами. Если они направлены вниз, то среди них легко заметить голубовато-жёлтые цветки. Поднялись на холм и обнаружили мандариновую плантацию, отвоёванную у заповедника. Оборачиваюсь и наблюдаю странную картину. Андрей отстал от нас, ломает ветви мандариновых деревьев. Мы ничего не можем понять. А это акт отчаяния. Кричит: «Будьте прокляты!» Потом зеленомысский Дон Кихот успокоился. Но я поняла: здесь ему оставаться нельзя.

xxx

Мандарины приносят доход. Поэтому их сажают везде, где только можно, предпочитая всем другим культурам. Я говорю соседу Темури: раньше вокруг наших домов был буковый лес. Я помню. А он мне в ответ: «Тут всегда были мандарины»!

xxx

Андрей написал Вадиму Николаевичу Тихомирову, заведующему кафедрой высших растений в МГУ, борцу за охрану природы: «Хочу изложить тебе причины, почему я собираюсь отсюда, то есть из Батумского ботанического сада, уйти. Здесь нет не только ученых или ботаников, но даже и таких людей, которые бы просто любили растения, не говоря уж о природе в целом. Все заняты своими личными делами и тем, как бы больше настричь с сада. Прошедшая зима с ее гигантскими снегопадами очень тому способствовала, и сейчас сад буквально вырубает и выжигают. Мысли, что дерево можно спасти – поднять, подвязать, закрасить сломанное место, – здесь и в помине нет. Мелочь жгут часто на корнях. Мы по этому поводу много говорили, но бесполезно. Были обещания, но их не выполнили. Это тоже страшно раздражает. Всё выслушают внимательно, понимая, но ничего не сделают. Вдвоем спасти сад невозможно. Есть еще проблема – уменьшение территории: то электролинию проведут, то водопровод. Но чаще – владельцы соседних домов втихомолку прирезают себе кусочки. Обычно это сами

сотрудники сада. Но и простой народ этим не гнушается. И самое страшное – отхватывают куски от заповедного леса, «никому не нужного». По саду всюду разгуливают куры, индюшки, даже бараны и коровы. Только свиней не хватает, но я не уверен, что их нет. Все «освобождающиеся» места в саду (из-за снегопадов, ветровалов) занимают мандаринами».

Так же откровенно он пишет проректору по науке Горьковского университета Анисимову: «Я решил окончательно и бесповоротно пробыть здесь, то есть в Батумском ботаническом саду, как можно меньше, то есть убраться отсюда как можно скорее, желательно, конечно, в Россию, и вовсе не из-за того, что здесь грузины или аджарцы, а из-за того, главным образом, что здесь нет ни ботаников, ни ученых вообще, а есть корыстные хищники или, в лучшем случае, равнодушные байбаки, озабоченные чем угодно, но только не делами сада, не состоянием растений. Прошедшая суровая зима это показала во всей своей красе. Поломало и поморозило много деревьев. Казалось бы, надо принимать меры к спасению того, что осталось, но все эти меры свелись к одному – пилке, рубке, сжиганию, зачастую на корнях, живых деревьев. У меня сердце кровью обливается, когда я вижу все это каждый день своими глазами. Просить, уговаривать сделать как надо – бесполезно».

Это письмо как нельзя лучше отражает наше состояние. Мы сразу же оказались оторванными от привычной деловой интересной жизни. В старом домике с неустроенным деревенским бытом, в десяти километрах от города жить трудно.

Идиллические мечты о счастливой старости, о постройке дома на Зеленом мысу рушились на глазах.

xxx

Прописки в Аджарии у Андрея нет. Въезд в пограничные районы ему запрещен. В канцелярии, кроме Хедие, работает машинисткой Дуся. Печатает по-русски. Она верно служит Вану. По его приказу она выманила у Андрея военный билет, положила в сейф. Наивному Андрею объяснила – так положено. Он и отдал. Я, случайно узнав, удивилась. А вдруг мобилизация? Чего хотел добиться этим Вану – трудно сказать. Возможно, боялся, что Андрей пересечет границу?

xxx

Андрей срочно летит в Москву. Там вышел сигнал его книги «Флора Магаданской области». Надеялся ли он в то время остаться в Москве? Какие мысли бродили в его голове? Много позже он мне рассказывал, что у него было что-то похожее на депрессию. Он лежал и размышлял. Вот он так много работал, а теперь никому не нужен.

xxx

В Москве простудилась дочка Оля, лежит в больнице. Воспаление легких. А у нее госэкзамены. Я полетела в Москву. После больницы Оля сдала экзамены и я ее с астматическими сипами отправила в Крым, под Судак.

Одновременно пыталась выхлопотать место для Андрея в Главном ботаническом саду. Поход туда закончился полной неудачей. Но Господь нас пожалел. Я попала на прием к студенческому другу Андрея, декану биологического факультета МГУ, Михаилу Викторовичу Гусеву. Он пообещал выхлопотать место для Андрея.

xxx

Я была в Москве, а Андрей собрался на стационары в Казбеги и Бакуриани. Перед отъездом в Тбилиси он собрал свежий чай, яйца наших кур. Повез гостинцы Саше и Тамаре. О, Тамара понимала толк в этих свежих яйцах! Но встретила Андрея более чем прохладно. Видимо, сначала не рассмотрела или представить себе не могла этого милого и непосредственного поступка. Андрей стоит на пороге, а Додо, (в Грузии постоянно сокращают, переделывают имена), то есть Тамара, стоит, не приглашает и кричит в глубину квартиры: «Саша, это к тебе!» Такое вот гостеприимство. Андрей немногословен. Когда я вернулась из Москвы, кое-что узнала. Саша живет отдельно, на лоджии. Там у него свой мир железок, болтов и болтиков. Жалуется на Тамару, которая полностью себя посвятила разбалованной дочке Ирочке. Когда Андрей уезжал в горы, договорились, что ключи будут у соседки. Андрей, нагруженный гербарием, пришел к соседке, а у нее ключа нет. Пришлось на жаре до позднего вечера ждать хозяев. Говорил: «было трудно после дороги». Тихий, спокойный, мой муж не мог до конца осмыслить подлый характер этих людей. Да и я тоже. Родственники!

xxx

Случайно узнаю: поездки Андрея вызывают недовольство сотрудников. Почему он постоянно ездит? Казалось бы, человек активно работает, должны поощрять. Но нет: считают, что Андрей тратит зря деньги, катается. Добрый Нури Мамедович никому ни в чем не отказывает.

1985 Середина лета (Вторая половина года)

Июль – зенит лета, его макушка. В ясные дни круглые сутки жарко. Светает в 5 утра, солнце заходит в десятом часу вечера. Убывание дня незаметно. Только по утрам, ещё до восхода солнца, ощущается приятная утренняя прохлада. Но уже в девятом часу солнце сильно печёт, а днём становится так жарко, что камни на морском пляже раскаляются. Вдали колыхается жаркий воздух. Асфальт плавится.

Морские купания в полном разгаре. Пляжи заполнены курортниками, но с 12 до 17 часов они пустеют. Жара! В это время даже местные жители предпочитают дневной

отдых, нечто вроде сиесты.

Ясные дни могут резко смениться проливными ливнями с грозами. Потоки воды обрушиваются на землю, низвергаются вниз с холмов, смывая почвенный слой, прибывая к земле высокие стебли молодой кукурузы, срывая листья с деревьев. Во время ливней море сильно штормит. С высоких холмов хорошо видна мутная полоса грязной взмученной воды, огибающей батумский мыс. Это бурные воды Чороха и Аджарисцкали выносят далеко в море смытую с холмов и гор почву.

После таких шквалов не редкость затяжные долгие морозящие дожди. И тогда днём держится довольно высокая температура 23 – 24 градуса, но ночью из-за высокой влажности температура может упасть до 15 – 17 градусов. Становится неприятно, промозгло.

Июль местное население называет гнилым месяцем. Огородные культуры – огурцы и помидоры – часто сгнивают, не дозрев. Парит словно в огромной оранжерее. В ясную погоду температура постоянно, и днем и ночью, держится в пределах 25- 30, а то и подскакивает до 35 градусов.

Ливни, перепады температуры, жару Андрей переносил трудно.

xxx

Середина лета. Олег приехал из Москвы. Его стройка идет полным ходом: договаривается о подвозе бетонного раствора, брикетов, бригада строителей возводит стены. Несмотря на перемирие, отношения у меня с Олегом и теткой холодные. Каждый живет на своей половине, встречаясь лишь на кухне, в местах общего пользования.

Саша с Тамарой в очередной раз приехали на Зеленый мыс. Тамара картинно заявляет: «Пусть Саша хоть что-то сделает для меня! Получит наследство».

Стройка Олега вызывает у моей невестки зависть. Она жалуется: в свое время не сообразила, сама не построила. Олега она недооценила, считала шалопаем. А он – настоящий хозяин. Саша же любит только застолья. Возбужденная Тамара рассказывает с восхищением, как Олегу удастся договариваться о подвозе незаконного раствора бетона.

«Прямо с завода! Прямо с завода!» – с придыханием, закатывая глаза, повторяет Тамара.

Я успокаиваю:

«Все встанет на свои места. Мы тоже не бедные. Построим свой дом».

Нет. В советском государстве законы уже не работали. В Аджарии особенно.

Коварная Тамара решила за моей спиной договориться с Олегом.

xxx

Середина теплой южной ночи. Я волнуюсь о здоровье дочки. Вниз по дороге от нашего дома на дереве у дома Щепетовых висит почтовый ящик. Ночью я решила проверить, нет ли письма. Спустилась по тропинке к почтовому ящику. Вынула письмо, очень обрадовалась. Возвращаюсь. Дорога плавно поднимается к нашему дому. Вижу за домом на освещенной площадке застолье. Под электрической лампой за столом сидят: тетка, Олег, Саша.

Думаю с досадой: наверное Сашка пошел к Олегу очередной раз выпивать, жаловаться на жизнь! Залаяли собаки. Я решила пойти предупредить Тамару. Поднялась в Иверию. А ее нет. Начинаю понимать, что и она сидит с теткой и Олегом за домом. Как только я захлопнула дверь – Тамара открыла дверь на половине тетки, проверяла – сплю ли я. Я стала раздумывать: как поступить? Открыть их предательство сейчас? Решила промолчать. До этого момента еще теплилась надежда. Брат. Но уже накапливалось презрение.

xxx

Олег продолжает наступление. На этот раз для нас весьма выгодное, о чем он и не подозревал. Ваню работает над докторской диссертацией. Надеется на нашу помощь и поддержку. Поэтому, как я подозреваю, он так активно хлопотал о местах для нас в ботаническом саду. Правда, вслух об этом не заговаривает. Ваню может меня защищать, он ведь брат первого секретаря всей Аджарии, который выше Гогитидзе. Через несколько дней Ваню мне в испуге рассказывает: к нему приходил Олег и сказал, что знает, почему он нас пригласил на работу в ботанический сад. Мы пишем ему диссертацию. А у Олега связи в ВАКе, высшей аттестационной комиссии. Если Ваню будет меня защищать, он постарается, чтобы Ваню не защитил своей диссертации. Я усмехнулась. Блефует мой нахальный брат!

Каков натиск! Не знаю уж, были ли у него связи в ВАКе. Но я думаю, он не преминул бы написать жалобу, ведь они с матерью в этом деле большие умельцы.

К чести Ваню нужно сказать, что с просьбами о диссертации он к нам не обращался.

xxx

Пошел второй год строительства дома Олега. Он строил его без всякого разрешения, торопился. Не жил на Зеленом мысу, но когда приезжал, пользовался знакомствами. Когда я обращалась в колхоз, в район с просьбой разрешить наш спорный вопрос – дело с утверждением земельного участка затягивалось. Тетка перед соседями представляла нас плохими людьми, которые хотят ей навредить.

xxx

Спустя более года, как я переехала на Зеленый мыс, состоялось колхозное собрание. Тетка приехала, но ее присутствие не сыграло роли, и за нами был закреплен земельный надел. Я имела право на 1000 квадратных метров, а Саша на 500. Но реальные границы в будущем стали предметом многочисленных перемеров. Саша хотел 600 метров, Олег хотел продвинуться на площадку. Наступление шло против меня. Олегу было выгодно, что мне не дают разрешения на строительство дома из-за того, что он затеял самовольное строительство. А я хотела получить разрешение на строительство законным путем. Но сложилась неразрешимая ситуация: и новый дом тетке не утверждают, и старый наш дом остается спорным.

xxx

Как и раньше, тетка создавала обо мне отрицательное мнение не только среди ближайших соседей, но и у всех, с кем она встречалась. Она создала облик женщины непорядочной, гулящей, приехавшей из страшных мест – из Магадана.

Мне казалось это бредом. Но, как показало будущее, дело приняло зловещий для меня оборот.

xxx

Катя и Вася Щепетовы сделали выбор. Их дочь Рита в Москве очередной раз передавала через меня продукты. Хотя можно провезти только 20 кило и продукты нужны нам самим, я взяла. Когда я принесла Щепетовым передачу, обратила внимание на смущение тети Кати. С одной стороны масло, продукт важный. А с другой стороны – моя тетка их лечит, и нежелательно, чтобы она видела, как я заглядываю по-соседски к Щепетовым. Я поняла и больше не заходила. А позже шутила, что тетя Катя, когда попадет в загробный мир, будет жариться на этом масле.

Проблемы с водой (водяные проблемы)

Вернувшись в родной дом после смерти моей мамы, я столкнулась с многими бытовыми трудностями. Например, с проблемой обеспечения водой. Очень давно на площадке был колодец, а на склоне холма – замечательный родник. Вода особенная, кристально чистая, вкусная! Но когда я оказалась на Зеленом мысу второй раз, колодец уже был завален мусором, а сверху положена большая бетонная плита. Цоколь соскочил с колосников, опустился, воды не стало. Главное – не стало специалистов, которые могли бы восстановить воду в колодце. Зацах и родник. Он находился теперь на территории Деметридзе. Они превратили в помойку место, куда я в детстве с прабабушкой ходила за водой. Проходя мимо, я часто вспоминаю далекие, уже почти нереальные времена.

Позже выше нашего дома у другого родника был сделан большой водозабор. От него к нашему дому и домам соседей были проведены трубы. А так как соседние дома

находятся довольно далеко друг от друга, то железные трубы были длинными. Потом трубы состарились, заржавели и во многих местах стали протекать. Дядя Вася Щепетов хотел обнаруживать прорыв трубы своеобразным способом. Он считал, что на некотором расстоянии друг от друга нужно просверлить трубу и наблюдать, течет сверху вода или нет. Такой метод вызывал много споров и даже насмешек. Но водопровод прохудился и без этого странного эксперимента. Тогда взоры моей мамы и тетки обратились на большой водозабор на даче Карелиных, выстроенный еще в дореволюционные времена. Родник с чистой водой бьет сильно. Из него берут воду для всего дома отдыха «Магнолия», расположенного довольно далеко. Директор дома отдыха пошел навстречу тетке и маме, разрешил пристроиться к воде. Были закуплены белые пластмассовые трубы, их по земле протянули с вершины холма через мандариновый сад к нашему дому. Трубки пересекали тропинки, террасы. Расстояние большое. Вода текла. А между тем соседи скинулись для сооружения общего водопровода. Планировали присоединиться к дому отдыха Четвертого управления. Это тоже довольно далеко, но более надежно, так как туда качают воду из глубокой артезианской скважины. Но дело затягивалось, и многие соседи присоединились к маминым белым трубкам. Особенно просили об этом Щепетовы, Катя с Васей – самые дальние. Летом к ним приезжала дочка с маленькой внучкой. Мама и тетка не возражали. Да вот беда: студенты техникума субтропических культур спускались с лопатами на террасы, ежегодно делая перекопку, или с тохами (тяпками). Иногда этот техникум в шутку называли тохникум, намекая на то, что студенты выполняют роль рабочих. Для того чтобы напиться воды, студенты ловким ударом тохи или лопаты перебивали белую трубку. Просто беда! Больная мама, тетка или кто другой, кто оказывался в это время в нашем доме, отправлялись по холмам с изоляционной лентой и пассатижами, чтобы найти разрыв и склеить. Часто вставлялись новые трубки. Но все же мама и тетя и все, кто к ним присоединился, пользовались прекрасной родниковой водой.

Потом дядя Вася сообразил: чем меньше будет пайщиков, тем меньше забот, тем больше воды им достанется. Логика железная. Дядя Вася хоть и ветеран, но подловатый. Забыл, как он слезно просился присоединиться к белому водопроводу. Теперь маме и тетке было отказано. Мол, у них есть вода, а все остальные продолжают страдать от перебоев в старом водозаборе.

Мамы уже нет в живых, и меня лишить права пользования водой теперь легко. Беда нагрянула неожиданно: водозабор «Магнолии» тоже стал мелеть. Мне отказали, трубки вырвали и сожгли. Я осталась без воды. Дядя Вася упирается, не хочет помочь.

Мой муж смотрит на проблему совсем спокойно: воды на Зеленом мысу вполне хватает. Она упадет на нас с неба. Он объясняет: –Это самое дождливое место в Европе. 2500 мм осадков в год!

–Но ведь в бочке размножаются как бешеные комариные личинки! – отвечаю я. Любит Андрей иногда так шутить и ничего не предпринимать. Все решится само собой. Философ!

Я бреду в отчаянии в Сакребуло, бывший сельсовет, то есть в местную администрацию. Оказалось: если заплатить побольше – все сладится. И сладилось. Дядя Вася притих. Сосед Сережа Авдишвили работал слесарем в доме отдыха Четвертого управления. Он присоединил к скважине всех соседей. И меня тоже. В воде я больше не нуждалась до самого отъезда с Зеленого мыса.

xxx

Работы в ботаническом саду идут своим чередом. Я постоянно вижу косаря под кронами деревьев верхнего парка. Он скашивает нежный женский папоротник. Для чего? Начинаю понимать. Косить его легко, а деньги выписывают за скошенную площадь. В то же время косить высокий жесткий мискантус тяжело. Поэтому там, где он растет, косят редко. Мискантус забивает молодые посадки. Часто скашивают и эти посадки вместе с травой. Чтобы косарь увидел посадки, ставят рядом высокую палку. Но это не спасает. Я предлагала яркие метки, но никто меня не услышал, никому не было дела.

xxx

Теперь эта история почти позабыта. Капитон Цхоидзе, отец Мирцы и Циалы, в настоящее время уже ушел в лучший мир. В ботаническом саду трудятся его дети и внуки.

Случай, о котором рассказывали шепотом, произошел во время Великой Отечественной войны, примерно в 1943 году. В саду стал работать научным сотрудником известный ботаник Михаил Григорьевич Попов. Беспартийный. Агротехником работал Капитон Цхоидзе. Партийный. Капитон по небрежности скошил посаженную Поповым редкость. Высокая была вокруг трава. Попов набросился на Капитона с кулаками. Разгорелся скандал. Михаилу Григорьевичу пришлось уехать. Возможно, это его спасло от репрессий.

xxx

Проявлять инициативу в ботаническом саду не принято. Все идет по давно установленному порядку. Красивые беседки из бамбука состарились и разрушились. Не видно бамбуковых оград и оградок. Они состарились, а новых не сделали. Фасон забыли. А какие красивые я помню! Их изготавливал Николай Михайлович Пурцхванидзе. Он знал секреты обработки бамбука. Но Николай Михайлович, состарившись, не передал

никому свое искусство. Это был агротехник высокого класса. Такой же, как и состарившийся Сулейман. Кто их учил субтропическому садоводству?

Теперь чай деградирует, тунг пропал. Срублены сорта хурмы, описанные в моем дипломе. Но ботанический сад сохраняется. Все так же тенисты его дорожки. Так же стоят высокие деревья. Хотя... Новые посадки проводятся. Но сажают растения поодиночке, на террасах. То, что выживет, что не будет скошено – выстоит. Другие посадки заглохнут. Но стоит задуматься, как бы это выглядело, если бы в саду был архитектор, гармонично размещающий посадки в соответствии с их будущим размером. Как это сделал в кратчайшие сроки Андрей Николаевич Краснов.

А чему учат студентов техникума? Я не знаю. Там преподают на грузинском языке. Куда после окончания техникума попадают на работу выпускники? Из них в саду только Гульнара Гулиашвили. Но ее квалификация оставляет желать лучшего. Она отвечает за коллекцию американских растений. Я увидела у нее на участке японскую абелию и посоветовала пересадить. Она мне гордо заявила: «Раз она там растет – значит, она американская». Спорить бесполезно. Гульнара гордая. Портить с ней отношения нельзя – она еще и мстительная.

xxx

В середине лета я впервые попала в верхнюю Аджарию, на перевал Годердзи. У Андрея нет прописки, и он в пограничную зону ездить не может.

Вано – лесовод. Часто с гордостью говорит: «Мы лесники!». У него на перевале Годердзи заповедные, огороженные участки букового леса. Он там ведет наблюдения, мы поедем работать на эти участки.

xxx

Валентина Васильевна Моцкобли, узнав, что я поеду в район Бешуми, просит меня привезти оттуда, с яйл, сиреневую скабиозу, которую она там собирала в молодости вместе со своим мужем. Дорогие для нее воспоминания.

Скоро, скоро моя мечта побывать в горах сбудется!

xxx

За мной должны приехать утром. Я волнуюсь, жду. Ведь я впервые попаду в горную Аджарию, о которой слышала с детства как о какой-то замечательной недоступной стране.

Ожидание сильно затягивается. Наконец в середине дня к нашему дому подкатывает «виллис» Вано. За рулем Автандил Беридзе, молодой человек с неприятными пронзительными глазами, родственник Вано. Рядом с ним Вано и Бидзина. На заднем сидении я с Нази, Гия Леонидзе и Хедие. В ногах и за спиной стоят ящики, корзины с

продуктами, в основном с овощами и фруктами для детей Хедие и Бидзины. С нами поедет и Славик Кипнис – почвовед.

xxx

Славик в ботаническом саду недавно. Ваню возлагает на него большие надежды. В диссертации Ваню, посвященной лесам Аджарии, почвы играют большую роль. Кипнис недавно развелся с женой, приехал из Киева и теперь живет в Батуми с матерью, которая преподает русский в педагогическом институте, уже переименованном в университет.

Славу мы искали долго, более часа. Оказалось, его никто не предупредил о поездке, и он собрался на пляж. Наконец отряд в полном составе. Дело остается за штампами в командировочных удостоверениях, пропусками в запретную зону. Ваню в отделе пропусков свой человек. Он сам забирает наши паспорта, встречается с нужным начальником и через полчаса, гордый и довольный, выходит из пограничного управления. Можем ехать! Вторая половина дня...

Плотно набитая людьми и продуктами машина набирает скорость. Пересекаем Кахаберскую низменность. За Хелвачаури начинается неизвестная для меня страна. Дорога вьется вдоль Чороха. На склонах зеленеет буковый лес. У слияния Чороха с рекой Аджарисцкали, давшей имя всему краю, – пограничный пост. Тут скопилось несколько ПАЗов с пассажирами. Людей высаживают, пограничники тщательно изучают их паспорта: у жителей горной Аджарии должен быть штамп о том, что они проживают в пограничной зоне. Наши командировки также проверены, и мы едем дальше. Дорога вьется вдоль реки, постепенно набирая высоту. Проезжаем селение Пирвели маиси. У Махунцети скалы противоположных берегов почти смыкаются. Дневная жара разогревает машину.

Кеда – районный центр в широкой долине. На холмах рассыпаны большие дома. Отсюда родом Ваню и его брат – первый секретарь! Все показывают на дом Мамунидзе. Я вижу на горе большой дом, ничем не отличимый от других крупных домов.

Остановка у родника Дандало. Тут, как правило, машины останавливаются на несколько минут, чтобы пассажиры могли напиться прозрачной воды из большого, мощно бьющего родника. Рядом торгуют чхинти – вареной молодой кукурузой. Жаркий ветер развеивает соцветия высокой кукурузы. Около домов на нитках нанизаны гирлянды больших листьев табака.

Следующий районный центр – Шуахеви. «Шуа» в переводе – середина. Недалеко от поселка нас встречает пограничный городок из нескольких квадратных пятиэтажек. Тут он смотрится как что-то нелепое. На противоположном берегу узкого ущелья реки – развалины старинной крепости. Они красиво вписываются в горный пейзаж с обрывами,

скалами, высокими темными елями. В центре поселка крутая лестница ведет к администрации. Лестницу венчает памятник Ленину. Он такой большой, что, кажется, заполнил все ущелье и выглядит совершенно несуразно. Стоит полуденная жара. Дорога берет круто вверх. Река блестящей лентой вьется по узкому ущелью.

Долина Аджарис цкали. Слева вьется главная дорога ведущая к перевалу Годердзи.

Вскоре мы въезжаем в Хуло – следующий районный центр Аджарии, самый высокогорный. Дома прилеплены к правому берегу. Остановка у администрации. Обшарпанное здание производит печальное впечатление. Ваню хочет встретиться с главой района, местным первым секретарем. Но тот поехал договариваться о кормах для скота. Далее едем без остановок вплоть до перевала Годердзи. Горный пейзаж портят дома. Они разбросаны, рассыпаны по склонам. Пересекаем красивые луга с высокими травами. Тут скот не выпасают. Берем несколько более крутых серпантинов и въезжаем на перевал. Вокруг все голо: трава выщипана мелким (едва по пояс человеку) скотом, который поодиночке бродит по высокогорьям. Поворачиваем в сторону, едем мимо летовок – маленьких деревянных домиков из досок. Въезжаем в один из таких летних поселочков, Бешуми. В домике с большими щелями, с широкими полатями отдыхают дети Хедие и Бидзины. Девочка и мальчик – копия отца. У них такой же огромный горбатый нос. Высокогорный воздух пошел им на пользу. Нежные лица покрылись красивым загаром, сквозь который пробивается здоровый румянец.

xxx

Бешуми – горный курорт. В середине лета внизу, на побережье, стоит влажная жара. Раньше в заболоченных долинах размножался малярийный комар анофелес. От жары и малярии в самый жаркий месяц, который назывался гнилым («дампис тве»), люди уезжали в горы. Когда с малярией справились, традиция уезжать в горы сохранилась.

xxx

Здесь довольно холодно, понадобились теплые кофты. Хедие угощает жареной картошкой. В горной Аджарии она особенно вкусная, выращивается на крутых склонах, так же как кукуруза.

Застолье на этом не кончилось. Мы званы к более высоким гостям в большой дом, более похожий на сарай. Там угощают по-царски. Льется вино, в честь Ваню произносятся пышные тосты. Толстые улыбающиеся люди, видимо, хорошо известные и занимающие хлебные места в Аджарии, произносят красивые, витиеватые тосты. Принимают ведь экспедицию! Знаменитого ученого! Он родной брат Варлама, первого секретаря! В конце застолья на столе оказался арбуз огромных размеров. Кофе подает сестра самого Нияза Гогитидзе, первого секретаря Хелвачаурского района. На ее пальце сверкает перстень с большим бриллиантом.

Наевшись до отвала, поздним вечером мы покинули гостеприимный сарай. Поехали в гостиницу, расположенную на плоском плато на вершине перевала. Это одноэтажное здание из блоков. Внутри вполне комфортно. Мне и Нази, моей сопровождающей, выделяют уютный номер. Мужчины – в другом. Завтра предстоит работа. Ваню благоговейно показывает мне особый номер гостиницы, объясняет. Тут останавливается его великий брат – Варлам. Говорится это с почтением, с придыханием.

Выхожу из гостиницы. Тишина. Огромная луна освещает бархатные горы, каскадом уходящие вниз, в темные ущелья.

xxx

Встали рано. Важный Ваню собирает свой отряд. Завтракать мы не будем. Слава Кипнис, у которого больной желудок, начинает возмущаться. Но не громко. Жалуется мне. Я еще не знаю привычек Ваню. Позже пойму: он привык, так же как и его предки, есть редко, но много, а между трапезами может быть большой перерыв.

Ботанический отряд едет на объект. У Бидзины в руках высокая мерная линейка. Огороженный лесок подвергался потравам. Во многих местах сетка рабица, которой огорожен лес, порвана. Недалеко на пригорке дом лесника. Он должен охранять участок, но делал эту работу плохо. Подлесок из рододендрона, трава во многих местах объедены скотом. За проволокой – только деревья. Травы нет совсем. Нет и подлеска. Низкий худой скот уныло поодиночке бродит между деревьями, выискивая, что бы пощипать. Не тронуты лишь небольшие куртины ядовитой дафны понтийской. Все это производит тяжелое впечатление. Не лучше и на безлесных участках яйлы. Там, где когда-то были высокие травы, все выщипано, выбито. Во многих местах образовались овраги. Гербарий

собирать совершенно невозможно! Только во влажных мочажинах кое-что успевает немного отрасти.

Весь день Бидзина мерит, Гия Леонидзе записывает. Кипнис и я бездельничаем, бродим по лесу. Слава возмущен: у нас с утра ни крошки во рту! Ваню надеется на гостеприимство лесника, но тот прячется. Ведь нужно накормить большую ораву, которая хочет и вина попробовать, и вкусной густой сметаной каймагом полакомиться, и попробовать красиво скрученный по особому фасону сыр. Лесник небогат, где ему взять такое угощение? Под вечер мы, голодные, возвращаемся в гостиницу. По дороге нам навстречу едет запыленный «виллис». В нем такой же запыленный, усталый первый секретарь Хулойского района. Машины остановились. Началось братание. На лице усталого секретаря явно читается досада. Но он принужденно расплывается в улыбке, зовет нас на банкет в ресторан на перевале. Завтра утром.

xxx

Ваню озабочен: брат поручил ему в аэропорту встретить почетного гостя. Время прилета самолета, на котором летит гость, Ваню неизвестно. Но от этого зависят сроки нашей «экспедиции». В гостинице телефон работает плохо. На голых покатых отрогах перевала расположен летний филиал пограничной заставы. У пограничников хорошо налажена телефонная связь. Ваню с Бидзиной и Гией несколько раз ходит к пограничникам. Связаться не удалось. Необходимо возвращаться вниз, в Батуми, встречать гостя.

xxx

Солнце встает из-за гор. Освещает зеленые холмы в утренней прохладе. День обещает быть жарким. Опять идут телефонные переговоры. Гость прилетает в первой половине дня. Нужно срочно ехать вниз, в Батуми! С другой стороны, мы приглашены в ресторан. Он находится тут же, недалеко от гостиницы. Секретарь Хулойского района уже прибыл, чтобы достойно угостить высокого гостя, то есть брата первого секретаря.

Ресторан – блочное одноэтажное вытянутое здание. В большом зале длинный стол расположен буквой Т. Идут приготовления. Мы бродим вокруг ресторана. Ваню объясняет мне тонкости местной кулинарии. Его красное плоское лицо расплывается в предвкушении вкусной еды. Причмокивая, объясняет, что утром положено есть жирный бульон. Он это произносит как-то по-особенному, с акцентом: «жирный бульон по утрам – это очень вкусно и полезно!».

Через несколько минут вся наша группа приглашена за стол, который ломится от еды. Дымятся только что приготовленные мчады – кукурузный хлеб. Горкой лежит свитый в косички сыр. Рядом густая сметана каймаг и жирный бульон с крупными

кусками мяса. На столах водка и вино. Первый секретарь начинает серию тостов. Первый тост пьется за первого секретаря – за Варлама, которого сравнивают с солнцем!

После обильной трапезы нужно спешить вниз, на аэродром. И мы на предельной скорости, разомлевшие, мчимся вниз горными дорогами. Мелькают поселки. Всего через два часа мы прибыли на аэродром. К досаде Ваню, гость уже приехал и сориентировался сам. На этом заканчивается мое первое знакомство с горной Аджарией. Скабиозы с сиреневыми соцветиями я там не увидела...

xxx

Вторая поездка намечена в Колхети, то есть в Колхиду, на лесные посадки в болотистых окрестностях Поты, сделанные Ваню в то время, когда он готовил свою кандидатскую диссертацию.

С утра собирались очень долго. Приготовили пачку газет для гербария. С утра долго ждали Бидзину. Он задержался в Тхилнари, у себя дома. Это в 20 километрах от ботанического сада. Когда он появился, оказалось что главный инструмент – мерная линейка – забыта. Пришлось снова возвращаться в Тхилнари. На это ушло более трех часов. В результате поехали уже за полдень. Но в Аджарии и соседней с ней Мингрелией все близко. Поэтому в заболоченном леске, наполненном комарами, мы оказались в середине дня, в самый пик жары. Душная влажность, комары и нудные измерения до позднего вечера – вот что осталось в памяти о второй поездке. А так как Олег вскоре пригрозил Ваню своими знакомствами в ВАКе, Ваню больше меня в горы с собой не брал. Хотя я была включена в тему по охране горных лесов.

xxx

Я сижу в кабинете Ваню. По местной привычке в кабинет входят все кто хочет. Вошедшие долго сидят за столом, ждут, когда очередной посетитель переговорит с Ваню и уйдет. Ваню долго мне говорит о том, что моя тема «сидит» в плане. Почему не стоит? Ах, не все ли равно: сидит, стоит... Одни говорят так, другие этак. Я слушаю терпеливо.

Ваню рассказывает о том, что в лесу, на границе, был обнаружен тоннель, по которому уходили в Турцию из Советского Союза. Правда ли? Тогда я сомневалась. Но через несколько лет, попав в Скурдиди на границу, поняла – вполне вероятно. Так густ колхидский подлесок. С другой стороны, для того чтобы прорыть тоннель в горах, в земле, требуется огромная рабочая сила. Возможно, проделали тоннель в зарослях. А может Ваню пугал или выдумывал, так как военный билет Андрея заперт в сейфе? Возможно, предупреждал на восточный манер.

xxx

В середине лета истек срок московской брони. Я очень боялась, что Андрей потеряет московскую прописку. Уговаривала его уволиться и ехать в Москву, прописываться. Но Андрей уперся. Пока не будет места, в Москву ехать не соглашался. Все наше будущее висело на волоске.

xxx

Я наняла адвоката, некоего Манукяна. Но он вел двойную игру и, по всей вероятности, был подкуплен Олегом. Это обнаружилось позднее. А тогда я наивно верила этому адвокату, ездила постоянно в город, выясняла ситуацию со строительством.

xxx

Жаркое лето достигло пика. Разница между дневными и ночными температурами сравнялась, ночь не давала отдыха. Мы спали на улице. Только морской бриз под названием «ниави» приносил некоторое облегчение. Часто, видя бледное лицо Андрея, я вспоминала: у него больное сердце. На севере, при головокружительных подъемах, где он никогда не щадил себя, эта мысль не приходила мне в голову. Жаркий влажный климат не подходил здоровью моего мужа, оно стало ухудшаться.

xxx

Олег решил дразнить Андрея, зная, как болезненно он относится к порубке деревьев. Жаркий влажный день. Я спустилась от дома на плантацию, собираю чайный лист. Слышу издали – Андрей кричит не своим голосом. Поднимаюсь. На площадке стоит молодой, красивый и наглый лесник Хелвачаурского лесничества. Одет с иголочки. А перед ним потный, в одних трусах Андрей. Лесник, улыбаясь, говорит: он подаст на нас в суд за то, что мы якобы срубили грушу. Ничего не понимаю. Вижу на стройке ухмыляющегося Олега. Лесник продолжает: высокую куннингамию у строящегося дома Олега он срубил. Она стоит очень близко от будущего дома. Андрея таким отчаянным, иступленным я никогда не видела. Он кричал, рвался в драку. Лесник ушел. Я пыталась успокоить Андрея. Быстрее бы отсюда уехать... Быстрее бы!

На следующий день, когда мы возвращались с работы и с верхних ступенек дачи Карелиных смотрели вниз, Андрею привиделось срубленное дерево. Он в отчаянии сел на ступеньки, не хотел идти домой. К счастью, куннингамию не срубили. Олег только дразнил. Но в следующие годы была срублена высокая сосна веймутова, большой граб.

xxx

Приехал на каникулы наш сын Павел. Приехала в гости с сыном моя приятельница Лада Шафранова. Вместе с ними Андрей поехал в высокогорья в Южную Осетию на стационар ботанического института. Он, как всегда, не терял времени и любую минуту использовал для сбора гербария.

xx

Лето – разгар курортного сезона. Приезжают знакомые. Денег за постой с них, как это делала мама, я не брала. Не могла преодолеть этот барьер и позже.

Среди маминых знакомых, которых она упоминала в своих письмах в последний год жизни, была молодая женщина Наташа из Тбилиси. Мама писала, что она ей оказывает знаки внимания. После смерти мамы Наташа прислала мне гречневую крупу и альбом с репродукциями. Писала, что хотела бы приехать на Зеленый мыс, пойти на могилу мамы. Я, конечно, откликнулась.

В начале лета на моей половине появилась миловидная черноволосая молодая женщина. С Наташей приехала и ее сестра. Я устроила гостей в угловой комнате, забитой вещами, прибывшими из Магадана. Места у меня почти не было. На следующий день под вечер на пляже я увидела сестру своей гостыи в объятиях известного на Зеленом мысу ловеласа. Он прыгал на спине красавицы, делая жесткий массаж. Зрелище впечатляло. Придя домой, я обнаружила Наташу на половине Олега. Через пару дней сестра испарилась. Наташа застряла на Зеленом мысу надолго, прожила на теткиной половине почти год, якобы охраняя мою тетку от меня. Она также числилась поварихой большой бригады строителей.

xxx

Ко времени отъезда Олега, в сентябре, строящийся дом достиг третьего этажа. Выглядел он весьма своеобразно: первый этаж по площади меньше второго, который опоясан балконом. Получилось что-то трапециевидное. Дом занял все пространство междудорожья и прилепился к краю площадки.

xxx

Гусев сдержал слово. В сентябре он сообщил, что выхлопотал для Андрея вакансию ведущего научного сотрудника в ботаническом саду на биологическом факультете в МГУ. В октябре Андрей ушел с работы. Дуся вернула ему военный билет. Мы с Андреем поехали в Хелвачаури в военкомат, там его открепили.

В Батумском ботаническом саду Андрей проработал всего 8 месяцев.

К счастью, после окончания срока брони прописываться в Москве можно было в течение полугода. Сколько было пережито! Сколько раз, ночами, лежа в постели, я во время бессонницы молила Бога о благополучном исходе, о возвращении Андрея в Москву. Странное его упрямство, легкомысленное отношение к судьбе всей нашей семьи меня порой возмущало. Но я никакими силами не могла уговорить мужа уехать раньше, чем ему подтвердят ставку в МГУ. Гусев писал ему, что о месте на факультете он позаботится, но прописку сделать не сможет.

В декабре, в крайний уже срок, московская прописка была восстановлена и Андрей вышел на работу. Стал работать в ботаническом саду на проспекте Мира, в Аптекарском огороде. Самом первом в России ботаническом саду, основанном Петром Первым.

А я осталась на Зеленом мысу. Теперь я в любое время могла вернуться в Москву, прописаться к мужу. Но я пока оставалась на Зеленом мысу, мечта построить дом казалась еще осуществимой.

xxx

Нужно собирать в очередной раз мандарины, а я осталась одна. На помощь приехал из Липецка наш старый знакомый Николай Федорович. Невысокого роста, коренастый пожилой мужчина. Всю жизнь он проработал на металлургическом комбинате. Теперь на пенсии, построил дом. Давно развелся с женой, отобрал у нее сына Артурчика. «Сам воспитал», мрачно произносит он. Со всеми он старается быть тихим и любезным. Однако, когда вспоминает свою невестку, которую привел в дом Артурчик, закипает. Молодка работает в детском мире, ногти покрашенные, за сыном своим, то есть внуком Николая Федоровича, не смотрит, стирать не любит. Так он рассказывает. Еще сильнее закипает Николай Федорович, когда вечерами приходит в мою комнату смотреть по телевизору «Прожектор перестройки».

xxx

В 1985 году пришел к власти Горбачев. Приятный на вид, улыбается, размахивает руками, вселяет надежды. А «Прожектор перестройки» рассказывает о беспорядках в стране. У Николая Федоровича, человека правильного, от недовольства окружающей действительностью уже был инфаркт. Когда я видела его досаду, боялась повторения. Человек он работающий, неторопливый, мастеровой. Кроме помощи со сбором и сдачей мандаринов, перебрал тяжелую черепицу на крыше. В дальнейшем я уже никогда не думала о том, что крыша может протекать. Николай Федорович также неторопливо заменял гнилые доски в ветхих пристройках.

xxx

После отъезда Олега тетка обитает на своей половине с Наташей. Наташа должна ее «охранять» от меня. На моей половине в угловой комнате живет Николай Федорович. К тетке вечерами заглядывают соседи: Манана и тетя Катя. Тетя Катя, не стеснясь, заходит в мою комнату, когда Николай Федорович смотрит телевизор, подозрительно рассматривает его.

Поздняя осень. Ужинаем в средней, самой теплой комнате. Выглядит это весьма своеобразно. Наташа накрывает на стол в одном углу, ужинает с теткой. Та при мне сидит тихо, делая вид, что меня боится. Тут же сел за стол и Николай Федорович, благостно

зовет Наташу «Наташок», неторопливо начинает есть. Ест он так неаккуратно, запихивая куски в рот, чмокая, что я не поднимаю на него глаза и чаще вместе с этой кампанией не ем, оставляя ужин на более позднее время. Зато Манана в ботанический сад принесла новость: Андрей уехал, а я сразу же завела любовника.

xxx

Вано благородно не сердился на быстрый отъезд Андрея, был настроен мирно, только назвал его в шутку предателем. Однако с отъездом Андрея мои позиции резко ослабли.

В ноябре в Сочи состоялся очередной Совет ботанических садов.

Вано по протекции своего великого брата для этого путешествия достал небольшой маневренный микроавтобус. В те времена это была большая редкость. По дороге Вано нас развлекал, «шутил». Например, спрячет у задремавшего соседа сумку. Когда проснувшийся пассажир ее не находит и волнуется – все долго смеются. Заседания проходили в Сочинском дендрарии.

xxx

В начале своей работы в ботаническом саду я наивно думала, что работающие там девушки-лаборантки интересуются ботаникой и могут быть моими ученицами. Для того чтобы их заинтересовать, я в своих статьях ставила и их фамилию. Такой подарок я сделала Нази Учамадзе, рассчитывая на то, что она с моей помощью со временем приобретет квалификацию. На конференции в Сочи я заявила совместный доклад. Нази, палец о палец не ударив, подходит ко мне и предлагает себя в качестве докладчика. Работать эти девочки не собирались, а пользоваться были готовы всегда! Но просить их о чем-либо я не могла: все равно ничего не сделают. Да и верить их данным нельзя.

Больше я им таких «подарков» не делала.

xxx

Обратно мы ехали весь день по жаре. Микроавтобус раскалился, несмотря на то, что была уже вторая половина ноября. Слева всю дорогу над нами маячили белые вершины Кавказа. К вечеру проголодались, но никто не думал остановиться поесть. Только к вечеру, в Мингрелии, за Зугдиди, в какой-то столовой удалось съесть что-то огненное от красного перца, холодное и неожиданно вкусное. Весь путь из Сочи до Батуми занял всего 8 часов.

xxx

В начале декабря, после сдачи мандаринов, нагруженная фруктами и вареньями, я уехала в Москву отмечать нашу серебряную свадьбу. Настроение было радостным. Если станет совсем плохо на Зеленом мысу, я смогу вернуться к Андрею.

Зима и весна 1986 года

В течение восьми лет текла своеобразная жизнь, разделенная между Зеленым мысом и Москвой. В начале этого долгого периода мне казалось, что вот-вот я осуществлю свою мечту. Долголетнюю, выстраданную, вынашиваемую под вой северного ветра. Но время неумолимо тянулось, а ситуация не изменялась. О том, что мы вместе будем жить на старости на Зеленом мысу, я уже думала как о чем-то отдаленном. Основной мой дом был в Москве.

xxx

После отпуска 12 января я улетала на Зеленый мыс. Весь день провела во Внуково и так и не дождалась самолета. В темноте большие самолеты не садятся на Батумском аэродроме. Усталая, приехала домой. В Москве устоявшаяся «счастливая» жизнь, а на Зеленом мысу неустроенно и холодно. Но я не теряю надежды. Не уезжать же с Зеленого мыса, как говаривал наш магаданский приятель Савелий Томирдиаро «с побитой мордой». На следующий день благополучно улетела. Погрузилась в зелень и тепло.

xxx

Зеленый мыс встретил своими заботами. В доме по-прежнему живет Николай Федорович, ремонтирует по мелочам. На половине тетки с ней по-прежнему живет Наташа.

Долго, долго, вплоть до февраля, стояла чудесная теплая погода с фенами. Но когда зимой очень долго стоит теплая погода – она обязательно кончится снегопадом, грозой, холодом, оборванными проводами. Как-то проснулась на рассвете, глянула в окно. Ветер гнул березу в конце площадки, ломал ветви бука. Выпал снег. Николай Федорович заготавливал дрова. Откуда взялись шпалы, пропитанные креозотом? Видимо, он думал: будут гореть особенно хорошо. На застекленной веранде растопил печурку поленьями из шпал. Они не разгораются. Ветер дует в печную трубу. Вся веранда окутана густым едким дымом с неприятным запахом креозота. Вдруг в дверях вырисовывается крупная фигура милиционера из Махинджаури. Он пришел для того, чтобы выяснить личность Николая Федоровича. Тетка настучала – тунядец!

Нужно сказать, что Николай Федорович был вполне законопослушным пенсионером. В дымовой завесе под грозный окрик участкового быстро развернул документ, подтверждающий его личность. Участковый потребовал от меня объяснительную: я должна удостоверить милицию, что Николай Федорович покинет мой дом. На второй половине дома, за фанерной перегородкой тетка с Наташей ликовали. Я возмутилась – кто же тогда Наташа? По советским законам – типичная тунядка. На мои вопросы по этому поводу милиционер делал вид, что не понимает их.

Оробевший Николай Федорович от греха подальше уехал.

xxx

Вано помог с камнем для памятника на мамину могилу. Черный мрамор. На большой прямоугольной отполированной плите крест, фамилия, имя и отчество. Вероника Генриховна Зельгейм. Даты жизни. 1914-1984. С Дато Гвианидзе на его новых жигулях привезли плиту домой. На работе помнили маму и помогали мне. Оставалось доставить памятник на карелинское кладбище.

В гости в очередной раз приехал мой сводный брат Юра Мазуренко. Его характер во многом противоположен Сашиному. Крепкий, хозяйственный, работает в Минске на военном заводе. Часто ездит в командировки в Поти и заезжает ко мне на несколько дней. Помогает по хозяйству. Мы с Юрой соорудили катки, крутыми дорожками покатали памятник на кладбище. Поставили. Зацементировали плиту несколько наклонно, чтобы вода стекала во время ливней. Юра любил мою маму. Говорил: «Как я рад, что участвовал в установке памятника для тети Вероники». Юра помогал всегда, с давних пор, когда приезжал на Зеленый мыс.

Вскоре прибыл Саша. Как всегда настороженный, с недовольным видом. Сразу стал интересоваться, во сколько мне обошелся памятник. И только! Представить себе его катящим катки с плитой по крутым склонам невозможно. Он одет по-городскому, туфли всегда блестят, как будто нет на Зеленом мысу вязкой глины и дождей. Типичный житель Тбилиси. Никогда в руки не берет лопаты или тохи.

xxx

Стоит ли говорить о национальном характере моего брата Саши? Пожалуй, нет. В нем, как и во мне, много кровей. Дед его по отцовской линии – рачинец, из Рача Сванетии, восточной Грузии, грузин. Но широта натуры, свойственная грузинскому характеру, у Саши полностью отсутствует.

Его бабушка Аничка – полячка. По маминой линии в нем французкая, немецкая, шведская крови. А Олег? По материнской линии – так же, как у Саши и у меня. А по отцовской? Кто был сибиряк Шпаков? Кто они, сибиряки? Выходцы из разных мест. Широтой натуры Олег также не отличался. Но, как показало будущее, свой быт обставил с большим размахом.

Поездка в Сарпи

Умерла в селе Сарпи тетя Нури Шакарашидзе. Нужно выразить соболезнование покойнице, родственнице директора. Я давно, с молодых лет слышана об этом селе. Сарпи разделено на две части государственной границей. Об обрывах над морем говорят,

что они одни из самых красивых на побережье. На этих обрывах растут редкие растения. Дато Гвианидзе едет туда на своей машине, берет меня в попутчики.

По мосту пересекаем Чорох. Впереди на склоне раскинулось большое село Тхилнари. Дома серыми точками выделяются на фоне темно-зеленых плантаций чая и мандаринов. На повороте к селу Гонио – второй пограничный пост. В маленькой сторожке два русских пограничника забирают у нас паспорта. На столике я вижу большую гору паспортов. Они принадлежат тем, кто проехал на поминки. Впереди у села Квариати отвесные скалы заросли плющом. Позже мы с Андреем много раз будем ползать по этим склонам, когда доступ в этот регион станет относительно свободным. Очередной поворот дороги – и перед нами открывается село Сарпи на склоне холма. За ним пограничный пост и проволока. Нейтральная полоса. Вдалеке на турецкой стороне виден высокий минарет.

Медленно поднимаемся по большим ступеням к дому покойной тети Нури. Вокруг на террасах плантации апельсинов.

Когда была проведена граница, разлучили родственников, живших по соседству. Рассказывают, что только во время поминок, во время плача, речитативом родственники сообщают друг другу новости своей семьи с этой и с другой стороны. Связь почти полностью прервана. Граница на замке.

По высоким ступеням подходим к большому двухэтажному дому. Перед ним толпа соболезнующих. Они приехали со всей Аджарии. Нужно пройти вокруг гроба. На скамейках вокруг в два ряда сидят родственники в черном. Среди них я вижу Мери, жену директора, ее сестру Хедие. После обхода нас ведут в соседний дом. Там поминаем покойницу. На столе вино, сыр, рыба, лобио. Поминальные блюда. Мы с Дато едим, пьем в одиночестве, поминая закрытую в гробе старушку.

Накормить большое количество людей трудно. Самые главные поминки – впереди, в день похорон. Покойник может лежать долго, пока все, кто приезжает издалека, не помянут, не выразят соболезнования.

Зимним вечером на «Холодной речке»

Я улетела на совещание в Абхазию.

Темным зимним вечером вышла из электрички на полустанке «Холодная речка». Стала подниматься по очень крутому склону к домам стационара Главного ботанического сада. Два уютных домика регулярно используются как база отдыха сотрудников сада. Наверху ярко светятся огни. На их фоне я рассмотрела родную, знакомую фигуру Андрея. Мы снова вместе! Заседания мини-совещания проходили в очень теплой обстановке. Особенно хлебосольными оказались киевлянки: Т.М.Черевченко и Д.Н.Доброчаева. Во время прогулки по берегу моря я с Доброчаевой – директором киевского ботанического

музея – обсуждала возможность защиты моей докторской диссертации. Получила одобрение.

xxx

Из Гагр мы ездили на экскурсию в Адлер, в знаменитый совхоз «Южные культуры», на берегу которого находится один из лучших парков на черноморском побережье. Бросилась в глаза его запущенность, поваленные и искалеченные ураганом деревья.

В мои студенческие годы этот парк содержался образцово, славился цветочной коллекцией. Помню, как-то под вечер я шла с моря. Вокруг источали южные терпкие запахи цветы. Из дома, с открытой веранды доносился волнующий «Революционный этюд» Шопена. Кто-то играл на фортепиано. Воспоминание молодости!

xxx

Судьба парка печальна. В настоящее время каждый клочок на побережье большого Сочи используется для строительства несуразных частных мини-гостиниц. В 2006 году я по радио услышала о том, что парк был отдан под частное строительство. Печальная, но типичная история!

xxx

Юрий Николаевич Карпун, директор ботанического сада у санатория «Белые ночи», - знаток истории. Повез нас на крутые склоны парка, окружающего санаторий «Горняк» в окрестностях Сочи. Показывал территорию, в конце XIX века принадлежавшую Андрею Николаевичу Краснову – основателю Батумского ботанического сада. Это были остатки первого опыта Краснова – созданных им географических отделов субтропических растений. Краснов, получивший предложение создать ботанический сад, продал сочинский участок и поехал в Батуми. В Сочи пароход, который следовал в Батуми, сел на мель. Он, глядя на берега сочинского побережья, мысленно переносился в Батуми, на Зеленый мыс. Написал замечательное произведение о будущем расцвете Колхиды: «Сон на Черном море». Увы, реальным прогнозам Краснова не суждено было осуществиться! Но его произведение не потеряло своей актуальности и сегодня.

xxx

Из Адлера мы с Андреем поехали в Очамчири на лесную опытную станцию ботанического института Академии наук Грузии. Ее директор Карло Тугуши, невысокий темноволосый, с живыми глазами интеллигентный грузин, встретил нас по всем правилам кавказского гостеприимства. Лесная станция создана знаменитым лесоводом Василием Захаровичем Гулисашвили.

Перед домом дирекции – большой зеленый лужок, на котором пасутся куры. Зеленое каре газона обрамлено двухэтажной гостиницей, широко используемой в летний период. С другого края – корпуса лабораторий. За ними чеки, то есть большие квадраты с посадками и посевами экзотических деревьев, которые могут использоваться для лесных посадок в горах. Работают на станции активно. Нас пригласили сделать доклад. Вечером мы званы на ужин к Карло. Его жена и дочь живут в Тбилиси. Это нас сближает. Похоже на нашу судьбу. Под замечательное вино мы непринужденно беседуем. Приносят запеченную в столовой по заказу Карло курочку. Выглядит она необычно. На животике скорбно лежат скрюченные лапки. Карло объясняет – это для того, чтобы не дай Бог он, директор, не подумал, что лапки будут использованы поварами столовой для себя. Они люди честные!

Мы – любимые гости директора. По утрам нам приносят мацони и сыр.

Гостеприимству Карло нет предела. Он везет нас в Мюссерский заповедник. Там над берегом моря большие деревья земляничника, древовидный вереск. Это единственное место, где вереск растет на северном побережье Черного моря.

Кроме Мюссеры, Карло повез нас в Скурчу – маленький заповедник самшита на берегу моря, созданный Гулисашвили. К сожалению, территория заповедника не огорожена и подвергается активным потравам скотом, который бродит сам по себе.

xxx

Мы разлетелись. Андрей – в Москву, я в Батуми.

Дом чая.

Бывая в городе, особенно в непогоду, я люблю бродить по старым районам, протянувшимся вдоль морского порта за набережной. Этот квартал вырос в конце XIX - начале XX веков. Несколько улиц из каменных двухэтажных домов. Есть несколько красивых, в стиле модерн. Здесь сохранилась и православная церковь. В прошлом она считалась греческой. Во время ливней улицы пустынные, а если и встретится прохожий, то он скрыт под большим черным зонтом. Вода скапливается в водосточных трубах, вытекая, пенится, образует маленькие водовороты. Дождь хлещет, отмывая асфальт на узких улочках. Потоки бурлят в канавках, через которые на улице Сталина перекинуты забавные маленькие горбатые мостики. Все вокруг серо и погружено в туман. Серое небо, низкие тучи. На пристани волны бьются о набережную, заливая берег. Но мне приятно бродить в одиночестве.

В такие дни кажется, что дождю нет конца.

На улице, недалеко от базара, как и в старые времена, работают несколько жестяных цехов. Они открыты для обозрения. Стучат молотки. Тут делают печурки

разного фасона: деревянные или с керосиновыми капельницами, типа форсунки, особенно пожароопасные. Лудильных цехов давно нет. Исчезла и медная посуда.

xxx

Я люблю заходить в дом чая. Двухэтажное каменное здание начала XX века выходит окнами на набережную. На первом этаже просторный холл, на стенах которого стилизованная мозаика, изображающая горцев и горянок в национальных костюмах за сбором чая и винограда. Чтобы выпить чашку чая, нужно подняться на второй этаж. Там несколько столиков. Из полукруглых больших окон, упирающихся в потолок, открывается вид на бухту.

У стойки, расположенной у противоположной стены, стоит огромный самовар и большой чайник с заваркой. В кухне позади стойки выпекают хачапури. Приятный запах свежего хлеба. Хачапури – крупные, величиной с ладонь, пирожки с соленым сыром в форме лодочки с заостренными краями. Их выпекают партиями, поэтому небольшая очередь стоит у стойки: ждет, когда вынесут очередной противень.

Над стойкой на стене висит небольшая, засиженная мухами черно-белая фотография начала XX века. На ней изображен вид на бухту, который открывается из окна. Вполне возможно, здесь и в начале века было кафе, и это фото осталось с тех времен. На фото пристани нет. Маленькие фелюги разбросаны по всей бухте. На рейде дымит большой пароход. Я смотрю направо, на старое фото, потом поворачиваюсь налево, гляжу в окно, сопоставляю.

Наконец на большом подносе выносят горячие хачапури. Толстая буфетчица в грязноватом белом переднике наливает чай в граненые стаканы. Сажусь за столик. Неторопливо пью горячий чай, согреваюсь. Ем хачапури. В сырую холодную погоду это особенно приятно.

Культура чаепития не привита в Грузии. Дом чая – едва ли не единственное место, где его пьют. Возможно, это связано с отсутствием традиции и относительно недавним внедрением чая в западную Грузию. В жаркие дни здесь предпочитают пить лимонад, боржоми, которые пришли из восточной Грузии, где славятся знаменитые воды Логидзе.

О неважном качестве чая, который с каждым годом ухудшается, много говорят и даже шутят. Говорят что в нем есть сушеные ящерицы... В этих шутках есть резон. Изобретены чаесборочные машины, которые во время срезки чая порой засасывают вместе с собранным листом и ящериц, выползающих греться под кустами. Правильный сбор чая, такой строгий и аккуратный, с использованием качественных сортов, выведенных знаменитой женщиной-селекционером Бахтадзе, утрачен. Кофеиновый завод по производству кофеина из грубого листа, опадающего при подстрижке чайных кустов,

закрылся в конце пятидесятих годов, когда подстрижку уже не вели или вели нерегулярно. Сбор по правилам, который я видела в раннем детстве, также остался в прошлом. Чайные плантации зарастали дичающими лианами, сорняками. Качество чая упало настолько, что была принята официальная программа реставрации сухого чайного продукта. Готовый к употреблению чайный лист смешивали с индийским чаем, который был высокого качества и считался дефицитом. Но и тут не обошлось без курьеза.

Индийский чай воровали, и качество грузинского чая не повышалось.

Приезжая на Зеленый мыс к маме в начале восьмидесятих годов, мы пили только индийский чай, который приносили тетке Майе в виде подарков пациенты. Это были пакеты, упакованные в фольгу, величиной с конфетную коробку. В то время я не умела готовить чайный лист в домашних условиях. Теперь могу сравнивать. Индийский чай был менее качественным по сравнению с тем, что я готовила в течение лета.

xxx

Позже, когда мы с Андреем ездили в Турцию, то обратили внимание на то, что кофе там дороже чая. Чай, производимый в восточной Турции, некачественный. Интересно, что культура кофепития прочно укрепилась в Аджарии – видимо, с турецких времен. В семидесятих годах в Аджарии были дефицитом кустарно производимые в виде короткой маленькой трубки кофемолки с ручкой. Хозяйка насыпала жареные зерна в трубу, завинчивала крышку и крутила ручку. Вокруг распространялся приятный кофейный запах, который в ясные дни, особенно по утрам стелился над всем старым городом, смешиваясь с запахом свежеспеченного лаваша.

Осип Манделъштам.

Сидя за столиком, разморенная горячим чаем, я не тороплюсь покинуть это уютное место. Размышляю, вспоминая фотографию на стене, одновременно гляжу на бухту, затянутую туманом, где волны переваливают за каменные укрепления пристани, достигая шоссе. В те времена, когда фотограф отобразил батумскую бухту, в августе 1920 года, тут побывал Осип Манделъштам, тогда уже знаменитый поэт. Он приплыл из революционного Крыма, из Феодосии. Из Батума можно было попасть как в Россию, так и в Стамбул. Любопытно, что Манделъштам Батуму не посвятил ни одного стихотворения. Но написал несколько очерков с описанием города под названием «Меньшевики в Грузии», «Батум». Вот его сравнения: «Оранжевая. Город – колибри. Город пальм в кадках. Город малярии и нежных японских холмов». «В эти дни Грузия была единственной отдушиной для Крыма, единственным путем в Россию». Много любопытного в этих очерках. Например «Меньшевистский Батум был плохой грузинский город. Высокие аджарцы в бабьих платках, коренные жители, составляли низшую касту –

торговали мелочью на базарах. Все – грузины, армяне, греки, персы, англичане, итальянцы – говорили по-русски. Дикий воляпюк, черноморское русское эсперанто носился в воздухе».

Аджарцев в их замысловатых башлыках, которые показались Осипу Мандельшаму бабьими платками, почти не было в Батуми. Они жили в горах. Русский язык, насажденный империей, оставался главным в многонациональном конгломерате. Когда я была маленькой, персов, англичан и итальянцев уже не было в Батуми. Грузины, армяне, греки оставались. Через несколько лет начался исход греков на историческую родину. Грузины стремились в столицу, в Тбилиси. Аджарцы спускались с гор в Батуми и на побережье. Этот процесс шел плавно.

xxx

Каким странным был меньшевистский Батум в 1920 году, когда Мандельштам на фелюге пришел из Феодосии в надежде уехать в Москву! Тут его арестовали. «Люди лежат на полу. Тесно как в курятнике. Военнопленный австриец, матрос из Керчи, человек, который неосторожно зашел в русскую миссию, буржуа из Константинополя, юродивый молодой турок, скребущий пол зубной щеткой, белый офицер, бежавший из Ганджи. Нас много. Ничем не кормят, как в восточной тюрьме. Кое у кого есть деньги. Стража благодушно бегает за хлебом и виноградом. Раскрывают дверь и выпускают духанщика с подносом персидского чаю. Читаю нацарапанные надписи. Одна запомнилась: «Мы бандитов не боимся пытки, ловко фабрикуем Жордания кредитки». Похоже на фарс, на какую-то оперетку. Я вышел в город за хлебом со спутником-конвойным. Его звали Чигуа. Я запомнил его имя, потому что этот человек меня спас. Он сказал: – У нас два часа времени, можно хлопотать, пойдем, куда хочешь.

И таинственно прибавил: – Я люблю большевиков. Может, ты большевик?

Я, оборванец каторжного вида, с разорванной штаниной, и часовой с винтовкой ходили по игрушечным улицам, мимо кофейен с оркестрами, мимо итальянских контор. Пахло турецким крепким кофе, тянуло вином из погребов. Чигуа знал куда ведет. Какой-то человек в типографии всплеснул руками и позвонил по телефону. Он звонил к гражданскому генерал-губернатору. Старый социал-демократ смущен. Он извиняется. Военная власть действует независимо от гражданской. Я свободен. Могу курить английский табак и ехать в Москву».

Был Мандельштам в Батуми и зимой. Один из его очерков «Батум» начинается так: «Дождь, дождь, дождь – это значит нельзя выйти на улицу. Дождь может идти и завтра и послезавтра: зимний дождь в Батуме – это грандиозный теплый душ на несколько недель. Никто его не боится и, если нужно по делу, всякий батумец пойдет куда угодно

даже в такой потоп, когда Ной побоится высунуться из ковчега... Но дождь идет не вечно. Как по волшебству высыхают чистенькие улицы. Батумский потоп – это царство проточной воды. После дождя город только омылся, освежился. Начинается зимнее гулянье на бульваре. В январе люди сидят на теплом щебне пляжа, близко, у самых волн, только что не купаются. Тут-то начинается праздник для портовых турецких кофеен – это сердцевина всего города. Его маленькие клубы и биржи».

Действительно, после затяжных холодных дождей, когда солнце согревает город, он словно оживает. Как и в то время, когда тут побывал Мандельшам, люди выходят на улицы, идут на бульвар, к морю. Свежий ветер нагоняет волны. Можно долго смотреть вдаль, любоваться чудесной картиной.

xxx

В мое отсутствие тетка переехала в новый дом. Там уже полностью отстроен первый этаж. А в старом доме свою половину закрыла.

Дом, построенный самовольно, тетке не утверждают. Она живет в новом доме, но числится в старом. Я надеялась, что построенный дом Олегу и тетке утвердят, а старый они оставят нам с Сашей. Так логично. Половина отойдет Саше. Таким образом, на первое время, пока мне не дадут разрешения на строительство, проблема будет решена.

xxx

Теперь я живу одна. Это сильно облегчило пребывание в доме. Я уже не вижу тетки с Наташей, не вижу в нашем доме соседей. Лишь изредка они вместе заходят в старый дом, проверяют, не захватила ли я помещение Майи.

xxx

Время для меня напряженное. Вышла моя книга по адаптациям северных растений. По этой книге я могу защищать докторскую диссертацию. Андрей еще зимой договаривался об этом в Новосибирске, в ботаническом саду.

Наша дочка окончила институт и собирается замуж. Мой будущий зять Александр Мартынов – сибиряк, заканчивает МВТУ имени Баумана. Я часто езжу в город, звоню в Москву.

xxx.

Тетка, хотя живет в своем новом доме, не оставляет меня в покое. Проходя мимо, она грозитя расправиться с моим сыном Павлом. Это ее заявление меня насторожило. Павел только что окончил авиационный институт и был распределен на работу в конструкторское бюро имени Лавочкина. Я знаю способности тетки писать жалобы. Моя тетка Дуду в письме спрашивала, где работает Павел. Я помалкивала. Жизнь в нашем поселке меня научила молчать, но видимо, не до конца.

Круг моего общения был очень небольшим. Идя с работы, я заглядывала к Валентине Васильевне Жубер-Моцкобили. Ее зять уже построил на месте сгоревшего дома новый на старом фундаменте. Изредка по пути на работу я перекидывалась несколькими словами с Наной Чиракадзе. Вот и все общение. Ближайших соседей я видела только изредка, встречаясь по дороге.

Тетя Катя, которая часто говорила, что любит меня за то, что я работающая, честная, вместе с мужем дядей Васей теперь со мной перестала общаться. Кто я для нее? На Зеленом мысу живу не постоянно. Часто отлучаюсь в Москву, а когда приезжает Андрей, еду с ним в горы.

Так что с ближайшими соседями я не общалась. Ни с кем. Новый дом Олега отгородил площадку. Все остальные соседи живут ниже, и я их не вижу. Только Темури Джиджавадзе с семьей проходят мимо, поднимаясь к себе.

xxx

Когда я одна, то в основном вожусь в саду. Сад с кустами азалий, гардениями, питтоспорумом, плодовыми и ягодными деревьями и кустарниками доставляет мне огромное удовольствие.

xxx

На работу пришла жалоба. Мне ее дает секретарша. Смущается. Читаю листы, исписанные корявым почерком тетки. Она сообщает, что я ее пыталась отравить, била. Много всего. Я иду к директору, к Нури Мемедовичу. Он говорит, чтобы я не боялась. Все пустое. Неприятно писать

объяснительную, но нужно. Жалоба написана на имя районного начальства, а копии пересланы в Махинджаурское Сакребуло (бывший сельсовет) и мне на работу. Жалоба очень похожа на бред сумасшедшего. Тетка пишет о том, что соседи ей сочувствуют и видят мои бесчинства.

После разговора с Нури я успокоилась. Дел хватало.

xxx

В середине апреля я улетела в Москву. Наша дочка Ольга 10 мая вышла замуж. После свадьбы я отправила молодых на Зеленый мыс проводить медовый месяц. Прилетела вслед, через несколько дней.

xxx

Произошла катастрофа в Чернобыле. Умалчивают степень облучения. На работе разговоры о том, что майский чай готовить нельзя: высокая радиоактивность. Все рынки завалены свежей ставридой, никто ее не покупает по той же причине.

xxx

Дом Олега получился большим, в два этажа, но построен без всякого понятия об архитектуре. Получилась усеченная трапеция. Позже наверху, на большой плоской крыше второго этажа будет построен домик с покатой крышей, то есть третий этаж. Небольшая мансарда. Все вместе создает очень странное впечатление.

xxx

Май. На второй день после моего приезда на плоской крыше, там, где в будущем была выстроена мансарда, бригада строителей устроила прощальный банкет. Их работа завершалась. Подняли наверх и тетку. Установили магнитофон, протянули свет. Начались танцы под громкую музыку, которые длились до рассвета. Картина завораживающая, фантастическая. На вершине темного ущелья, на крыше большого дома горит свет. Там пляшут и пьют вино. Большие тени усиливают впечатление. Заунывная громкая музыка разносится по всей округе, экранирует на соседний холм, резко усиливая звук. Тетка любит такие выходки. Со

строителями плясала не только тетка, но и Наташа. После их отъезда она исчезла.

xxx

Тетка говорила, что Олег собирается переехать на Зеленый мыс. Я не поверила. В Москве, в столице у него были прочные связи. Он умел ими пользоваться. Жил благополучно.

Но, видимо, в Москве наступали не лучшие времена – времена перестройки. Репутация института, в котором работал Олег, была не из лучших. Много говорили о том, что туда помещали диссидентов под видом душевнобольных. Олег ушел из института психиатрии и перевелся врачом на скорую помощь. Связи рвались. Распался и его брак. Об этом я узнала много позже.

xxx

Теперь мы с Андреем живем на два дома. Наша жизнь приобрела определенные ритмы. То я лечу в Москву, то Андрей – на Зеленый мыс. Теперь есть возможность ездить в верхнюю Аджарию.

xxx

Моя книга «Биоморфологические адаптации растений к условиям Арктики» вышла в издательстве «Наука». Книгу приняли к защите в диссертационном совете ботанического сада в Новосибирске.

Иногда кажется, что все было решено на небесах: так гладко продвигалось это дело, в отличие от затяжной многолетней эпопеи с защитой моей кандидатской диссертации.

Страна «Хелвачаурия»

Теперь я хорошо знаю дорогу в страну Хелвачаурию. На базарной площади сажусь в троллейбус. Он пересекает город и углубляется в Кахаберскую долину. Сначала окраины. По левую сторону – Степановка. Потом начинается двадцатикилометровая аллея из эвкалиптов. Ветер раскачивает кроны высоких деревьев. Справа, у впадения в море – разливы рукавов Чороха. В долине – аэродром. Дорога прямая. За эвкалиптами

сплошные посадки мандариновых деревьев. Еду мимо военного городка. Наконец троллейбус въезжает в поселок. В центре несколько типовых зданий в середине которых главное- администрация.

xxx

Перед одноликим белым квадратом небольшой сквер, куда часто забредают коровы из соседних домов, окруженных мандариновыми садами. На первом этаже темные комнаты служащих. На втором – пышные кабинеты партийных работников во главе с самим Гогитидзе, первым секретарем. А на третьем – «власть», районный совет. В сырых коридорах на этажах тянет уборной. В кабинете архитектора горой лежат запыленные планы домов. Но это камуфляж. Все местные строят самовольно по собственному разумению. Заранее или по факту платят архитектору и еще многим, взятку. Потом дом утверждают.

Архитектор – низенький, с большим, не соответствующим его росту, лицом, с высокой курчавой шевелюрой. Он мне всегда отказывает. Получается, что нового дома нет, раз он не узаконен. Пока мы с братом не выясним запутанного положения со старым домом, новый я не могу строить. Несолоно хлебавши, возвращаюсь долгим путем в Батуми.

xxx

В начале июня Андрей прислал мне несколько телеграмм. В Новосибирске назначена предзащита моей диссертации. Он летит ко мне в командировку. Но билет в Батуми не смог достать и поэтому летит в Сухуми. Предлагает прилететь туда и мне, чтобы снова поехать по Абхазии, собрать материал по земляничнику и толокнянке, а потом ехать в Батуми.

На маленьком самолете я прилетела в Сухуми. В ожидании аэробуса, на котором должен прилететь Андрей, провела несколько часов в аэропорту. Обратила внимание на то, что новый аэропорт, площадь, зал ожидания разительно отличаются в лучшую сторону от Батумского аэропорта.

xxx

В зале ожидания меня поразили развешанные на стенах огромные мрачные картины – сюжеты из грузинского эпоса.

Аэробус приземлился. Двери раскрылись и выпустили на раскаленный асфальт пассажиров, среди которых и мой Андрей. Мы поехали в Очамчири на лесную станцию к Карло. Чемоданы тяжелые. По установленному правилу, из Москвы на Зеленый мыс привозятся крупы, масло, сыр. Этого в Батуми в продаже не бывает.

Совсем скоро мы подъехали к Очамчири. Так же, как и зимой, Карло Тугуши устроил нас в гостинице с огромными пыльными занавесками, которые теперь оказались очень кстати: солнце палило нещадно.

Через день мы уехали в Пицунду. Остановились в гостинице заповедника. Милейший директор Хачапуридзе и его сотрудница Женя Пучкина устроили нас в отдельном номере с балконом на море. Ранним утром на рассвете я бежала по большому пляжу, с разбегу бросалась в тихую прохладную воду.

Женя нам показала большие деревья земляничника на крутых склонах холмов. Скот везде выбил остатки травы. В ограде заповедной рощи из пицундской сосны – большие дыры. Вокруг все выбито. Три огромных многоэтажных дома на берегу жили своей курортной жизнью. На озере Рица, куда мы без труда попали на попутном автобусе, жизнь тоже кипела по курортному. В ларьках продавали сувениры, хачапури и лимонад с вином. Озеро бойко бороздили катера. Толокнянка в сосняке на противоположной стороне озера точь-в-точь была похожа на ту, что я морозным сентябрьским днем собирала под Якутском.

Посещение Абхазии ознаменовалось званым обедом у Колаковских: Альфреда Алексеевича и Виды Савельевны. Они живут в прекрасной квартире с видом на ботанический сад в самом центре Сухума. Я с завистью думала о том, как удобно им живется. Не сравнить с нашими бытовыми трудностями, с нашей жизнью в разлуке. Я с досадой рассказывала Альфреду Алексеевичу о порядках в Аджарии, о сыром и запущенном гербарии в

Батумском ботаническом саду. Он говорил, что Аджария – это тупик, сравнивал с мешком.

Орфанидезия

Через день мы были уже дома на Зеленом мысу. Наконец Андрей может попасть в верхнюю Аджарию! Теперь у него командировочное удостоверение со всеми нужными штампами.

Вано организовал поездку в Кедский район, берет нас с собой. Он хочет увидеть одну из главных ботанических достопримечательностей Аджарии – орфанидезию, вернее, эпигею гаультериевидную.

Орфанидезия относится к древнему семейству вересковых. Три вида эпигеи растут очень далеко друг от друга. Один на Атлантическом побережье Америки, второй в Японии, а эпигея гаультериевидная, то есть орфанидезия – на севере Турции. Лишь однажды была найдена в Аджарии. Ее нашел князь Сергей Голицын. Когда-то имение Голицыных с красивым особняком возвышалось на крутом приморском холме в Цихис-дзири. После советизации Грузии молодой ботаник жил при имении. Он совершал экскурсии в горную Аджарию. В одном из притоков в верховьях реки Королисцкали, впадающей в Черное море у основания Батумской бухты, в те времена проходила скотопрогонная тропа. Голицын шел по тропе, переваливая по ней в бассейн Аджарисцкали. На крутом склоне вдоль тропы он обнаружил редчайшее растение – орфанидезию. Когда горная Аджария стала строго пограничной зоной, скот перестали перегонять. Тропа заросла густым подлеском – шкериани. Позже несколько раз искали орфанидезию, но никак не могли найти. Недавно ее обнаружил лесник, который единственный может показать местонахождение.

В «виллисе» Вано, кроме нас с Андреем, свита: лесовод Зураб Манвелидзе, сын министра лесного хозяйства, Нази с фотоаппаратом, Гия Леонидзе, тихий и исполнительный. На первом кордоне в Эрге Андрея задерживают: что-то не вписано в командировку. Могут не пустить. Но Вано идет к начальнику, хлопчет. Пропустили. Как только выехали, Андрей с

досадой вписывает недостающие данные. Чертыхается. На втором кордоне перед Махунцети уже не придираются.

В родном для Ваню Кеда, в лесничестве, приезд экспедиции – полная неожиданность. Ваню любит сюрпризы, не сообщает о своем приезде. Его должны знать и уважать все. Такое поведение задерживает экспедицию на час. Ищут проводника, обнаружившего орфанидезию. Доставляют. Едем по горным дорогам в буковом лесу. Дорога плохая, но «виллис» берет немислимые крутые препятствия. И все же до вершины на машине нам не добраться. Еще восемь километров нужно идти вверх пешком. Серые стволы буков колоннами выстроились на крутых склонах. Под сомкнутыми кронами – полутьма. По тропе нам навстречу идет лесник. Одет бедно. Сразу начинает угощать чачей. Небольшая остановка. Выходим на вершину отрога. Лес редет. Вечнозеленый подлесок становится особенно густым. Орфанидезия растет на отвесном склоне. Снежные лавины срывают растительность и на обнаженной породе заметен небольшой кустарничек. Она уже отцвела. Андрей, хватаясь за ветви, спускается в овраг-пропасть. Важный Ваню похаживает по коньку отрога. Я и Гия делаем описание, фотографируем. Жду Андрея. Он всегда ловко лазает по деревьям, стволам. Но его все нет и нет. Ваню сердится. Я волнуясь. Наконец вижу: с трудом, словно по канату, по веткам прочного рододендронпо краю пропасти вылезает Андрей. Он стал грузным. После стрессов в Магадане началась гипертония.

В сторону моря Батумская бухта совсем близко, лежит как на ладони. В середине стоят несколько наливных судов. Это кажется удивительным. Но с моря сюда добраться через непроходимый подлесок невозможно.

Ваню доволен. Экспедиция завершена, и он со своей свитой уезжает домой. Мы остаемся на попечении лесников. Хотим попасть в село Мериси недалеко от границы с Турцией. Там, на Шавшетском хребте, есть еще одна достопримечательность – рододендрон Смирнова с ярко-алыми цветками. Он распространен в Турции, а в Абхазии встречается только на границе.

Сначала нас везут в селение Дандало, не доезжая Шуахеви. Через Аджарисцкали перекинут древний горбатый мост царицы Тамары. Так в Аджарии называют прочнейшие горбатые мосты, прекрасно сохранившиеся до наших дней. В Дандало находится самый большой из виденных мной горбатовых древних мостов.

Нас встречают с почетом. Долго сидим голодные, а две худые невестки носятся по двору, готовят ужин. Загнанные, робкие, они тут, как и во всей Аджарии - безгласные существа, отвечающие за все хозяйство. Наконец ужин готов. За стол садятся только мужчины во главе с пожилым хозяином. Сажают и меня как почетного гостя. Произносятся торжественные тосты. Главный – за мир во всем мире.

Наутро на машине лесника спускаемся в Кеда. Оттуда по серпантинам грунтовой дороги начинаем подъем к селу Мериси. Вдоль дороги часто встречаются большие квадратные дома, прилепленные к склону так, что второй этаж граничит с дорогой, а нижний предназначен для скота. Верхний парадный – это гостевые комнаты с новой полированной мебелью, добытой по благу в Москве или Ленинграде.

С двумя лесниками мы углубились в вековой буковый лес. Серые огромные стволы стоят колоннами. Под ними темная зелень вечнозеленого подлеска из рододендрона и лавровишни. Рододендрона Смирнова не нашли. Но обнаружили очень красивый его гибрид. Ярко-розовые шары соцветий играют на солнце.

Вполне довольные, надеясь в будущем найти рододендрон Смирнова, мы вернулись домой. Мне нужно срочно лететь в Новосибирск на предзащиту диссертации.

xxx

В Академгородке, куда я полетела с Андреем, мой доклад прошел гладко, не критиковали. Я боялась генетиков и обвинения в ламаркизме. Подружилась с ученым секретарем диссертационного совета Эльвирой Александровной Ершовой. Пригласила ее и референта отдохнуть на Зеленом

мысу. Приезд этих двух сотрудниц сыграл важную роль в моей защите. Они воочию увидели обстановку на Зеленом мысу, мой дом и дом Олега. Потом, когда на меня обрушились жалобы в ученый совет, смогли понять истинное положение вещей.

xxx

Середина лета. Билетов на Батум из Москвы не достать. Я уже проверенным путем полетела в Сухуми. В аэропорту жара. На батумский самолет билетов нет. Можно добраться на автобусе. Перед аэропортом стоит большой Икарус, набирает пассажиров. Шофер млеет на жаре. Пассажиры тянутся медленно. Выехали. Асфальт плавится, блестит на солнце. Большой автобус лавирует между лежащими на асфальте коровами, спокойно жующими жвачку. Набираем скорость. Вижу, шофер дремлет или спит. Жара сморила. Сначала не верю. Пригляделась – стала волноваться. На ровной дороге еще ничего. Но впереди крутые подъемы, два перевала. Перед Поти стала будить. Шофер не просыпается, иногда встряхивается и снова засыпает. Потом разозлился. Снова заснул. В полудремотном состоянии все же дотянул. На Чаквинском перевале я вышла и облегченно вздохнула.

xxx

Нужно срочно издавать автореферат. Ко мне из Магадана летела на отдых приятельница. С ней Андрей передал текст автореферата, который я оставила в Москве. Леночка Кудряшова – очаровательная белокурая женщина, похожа на Аленушку из русских сказок. Я иду домой и с холма дачи Карелиных вижу на балконе дома Олега сидящую рядом с ним Леночку. Прилетев, она оказалась перед запертой дверью моего дома. Олег сразу пригласил ее на пляж. Лена волновалась, автореферат положила на дно сумки. Вечером рассказывала, что Олег сразу же постарался меня очернить.

xxx

Автореферат я напечатала. Приехавшая из Новосибирска Эльвира Ершова отвезла его в институт. Защиту назначили на декабрь.

xxx

Приехал с семьей и мой брат Юра. Народу на моей половине много. Все подружились. С детьми ходили на пляж. Вечером приезжает милиционер: проверяет. Ему звонила тетка, сообщила, что у меня притон и наркотики. Мой брат рассердился, накричал. Мне смешно. Я воспринимала эти жалобы, звонки как глупость. Но смеяться не стоило. Она прикладывала все силы для того, чтобы меня выгнать с Зеленого мыса. И Олег, и тетка привыкли к вседозволенности.

xxx

Лето. Если вода в бочке застоится, в ней начинают кишеть личинки комаров. Мелкие, по вечерам сильно кусаются.

Всего 50 лет назад летом горцы боялись спускаться к морю, в долины. В болотах, заполненных водой, кишмя кишели комары, в том числе и малярийные. Малярийная лихорадка была бичом приморских районов. Отсюда, с гнилого и опасного для здоровья побережья, уезжали на лето в горы. Русские, отвоевавшие этот край, столкнулись с малярией. Пили хину. Она на время избавляла от лихорадки, но не излечивала. Плазмодий – простейшее животное, переносчиком которого является малярийный комар, поражал кровь человека. В советское время от анофелеса избавились. Были организованы малярийные станции. В чистых незагрязнённых водах стали разводить маленькую рыбку гамбузию. Она быстро поедала личинки комаров. Более действенным средством был керосин, тонкой плёнкой ложившийся на водную поверхность стоячих вод и не позволивший комарам откладывать свои яйца, а их многочисленным личинкам дышать. Регулярно, после больших дождей, в жаркую погоду, особенно благоприятную для размножения комаров, работники малярийной станции вели борьбу с личинками. Из большого чайника, наполненного керосином, поливали все стоячие водоёмы и лужи. Но позже, когда весь край был освобождён от малярии и превращён в модный курорт, об этой опасной болезни забыли и уже не поливали водоёмы, не разводили гамбузию, а радовались тёплому морю, к которому стремились многочисленные курортники.

«Черные дела белой мушки».

За мандариновым садом дачи Карелиных почти не ухаживают. То, что это была дача Карелиных, уже никто не помнит, а участки с мандариновыми садами, принадлежащие чайтехникуму, называют по номерам.

Летний уход за садами чайтехникума заключался в борьбе с белой мушкой – белокрылкой. Мелкая мушка в период влажной жары летала тучами под мандариновыми деревьями, покрывая черным налетом листья. Андрей говорил: «Черные дела белой мушки». Еще боролись с щитовкой, облеплявшей молодые побеги и листья.

Давно уже были позабыты тяжеловесные баллоны, которые нужно было носить на спине по крутым склонам с террасы на террасу. Днем приезжала машина с огромной бочкой ядовитой жидкости. Из огромного длинного шланга поливался весь сад. Жидкости много, поливают неаккуратно, в основном сверху. Я бегу к машине. Даю 30 рублей, и мой сад также поливают за компанию. Такой массовый и сильный полив привел к исчезновению многих насекомых.

Вместе с белой мушкой погибли и редкие южные насекомые, в том числе и цикады. Как только в связи с развалом Советского Союза перестали опрыскивать мандариновые плантации, цикады появились и вновь застрекотали по вечерам.

Глава 6 часть 3 СНОВА НА РОДИНЕ

Защита докторской диссертации. Шторм

Макушка лета. Жара. Я прихожу на работу в ботанический сад, и снова на меня обрушиваются плохие новости. Теперь на меня написана коллективная жалоба. Подписались все ближайшие соседи, кроме Авдишвили. В первую очередь Деметридзе. Это понятно. Потом какой-то

депутат. (Догадалась позже: несчастная невестка Брунджадзе, Медико). Подписался Осман Джиджавадзе, с которым я в 1964 году обсуждала, как построить маме отдельный дом. А главное – глазам не верю, подписались и Щепетовы – ветеран дядя Вася с тетей Катей! Они-то почти каждый день бывают у тетки. Тетя Катя прекрасно знает положение вещей.

Жалоба совсем нешуточная. Подозреваю, что над ней поработал юрист. В кампании подписавшихся и сын Щепетовых Александр. Он военный, офицер, служит в Пскове. Приехал к родителям на отдых.

В день приезда из Новосибирска я встретила его, и он поинтересовался: в Магадане ли я защищаюсь? Я по простоте ответила: защита будет в Новосибирске. И тем самым выдала важные сведения для Олега. Саша Щепетов – друг его детства. Истинно, истинно: молчание – золото!

Подписался и Леван Хечинашвили, сын Георгия Гавриловича. Врач-уролог, живущий в Батуми и изредка наезжающий в свой роскошный дом. Я его видела всего пару раз за последние три года.

Меня обвиняют в травле тетки. Те же обвинения, что и в ее жалобе, написанной весной, но изложенные так убедительно, что можно и впрямь поверить.

Я удивляюсь. Где же могли видеть соседи все мои «бесчинства»? Я встречаюсь с ними только изредка по дороге. В гости ни к кому не хожу. Как они могли клеветать?

xxx

На работе я делюсь с Галиной Алексеевной Морозовой. Весной мы с ней вместе отвечали на первую жалобу моей тетки.

Уже тогда я думала, что не стоит всерьез принимать ее клевету. И теперь противно отвечать на этот абсурд. Галина Алексеевна другого мнения. Волнуется, настаивает:

– Поезжайте, Аичка, в Хелвачаури, в милицию. Это все не шутка!

«Суд» в «Магнолии»

В середине очень жаркого дня я еду в Хелвачаури, в милицию. Начальника нет на месте. Принимает заместитель Алеша Родинадзе. В маленьком, раскаленном на летнем солнце кабинете сидит невысокий светловолосый человек. Его форменный милицейский пиджак висит на плечиках на стене. Я подаю текст жалобы и говорю:

– Если тут хоть слово правды – арестуйте меня, прошу защиты.

Он читает:

– Что у вас там творится? Я вам ничего не обещаю. Во вторник приеду и соберу ваших соседей. Ничего им не говорите. Постарайтесь привести на это собрание нескольких ваших сотрудников.

Я так и сделала.

Во вторник под вечер подъехали: председатель Сакребуло толстый Нодари Беридзе вместе с Родинадзе. Из ботанического сада пришло несколько человек во главе с ученым секретарем Нермин Багратиони. Родинадзе собрал соседей в клубе дома отдыха «Магнолия». Олег отсутствовал. Он всегда прятался за спины.

Моя тетья – главная жалобщица – сидит рядом с властями. Родинадзе держит жалобу в руках, спрашивает меня, что я могу сказать в свое оправдание. Удивительным образом, по наитию, я сказала, что к тетке никаких претензий не имею, это семейный спор из-за земли. И я готова его решать с Олегом. Кратко и ясно. Помню, дядя Вася Щепетов рвался говорить. В клубе присутствовали мои тбилисские друзья: профессор-филолог тбилисского университета Дима Тухарели с женой Зоей. Они в это время отдыхали в доме отдыха. С удивлением наблюдали весь этот «суд». В зал вошел подвыпивший Осман Чиджавадзе. Он постоянно находился в таком состоянии. Говорит, указывая на жалобу: «Все, что тут написано – правда!». Родинадзе спрашивает: «Что написано в жалобе?». «Не знаю, что написано, но там все правда». После такого заявления Родинадзе очень строго сказал, что это все клевета и что у соседей нет доказательств моих преступлений. Они должны вести себя по-добрососедски. На этом разборка

закончилась. Запомнился Леван Хечинашвили – человек крайне нервный и возбудимый. Он кричал: «Она привела сотрудников – потому и победила!» До сих пор меня удивляет его агрессивность. Ведь он меня совсем не знал! Возможно, вел себя так, потому что я собиралась стать доктором наук, а он только кандидат. Через полгода, в декабре, в то время когда я защищала диссертацию, он неожиданно умер от инфаркта.

Не пойму я и других соседей. Только семейство Авдишвили соблюдало нейтралитет, вызывая мое уважение.

В милиции я получила справку, удостоверяющую, что жалоба соседей клеветническая. Подписал ее Родинадзе. Написана она по-грузински. С этой справкой я могла свободно обратиться в суд. Но разве можно судиться с соседями?

xxx

Всего четыре года прошло с тех пор, как тетя Катя на майские праздники собрала соседей на своей красивой веранде, когда мы с дядей Васей под гитару пели, а мама надела свой черный бархатный костюм. Все дружили, и ничто не предвещало будущих безобразий...

До 1993 года я больше не видела Родинадзе, который спас меня. В Батуми у морского порта я встретила его, уже сильно постаревшего, и бросилась к нему здороваться. Он меня не узнал.

xxx

Незадолго до этого странного суда прилетел Саша.

Солнце на Зеленом мысу в зените лета садится поздно. Я хорошо знаю, какой жаркий котел в августе в Тбилиси. Вижу его усталого, потного. Говорю: «Давай быстрее на море! Окунешься, освежишься!» Мы спускаемся на пляж. Это небольшая полоса галечника у поворота железной дороги по пути к Махинджаури. Она вся заполнена телами отдыхающих, которые не торопятся покинуть морской берег. Все хотят увидеть зеленый луч заката.

После десяти вечера заходить в море запрещено.

Саша медленно раздевается, я его тороплю, боюсь пограничного обхода. Хоть бы успел окунуться! Но как только он зашел в воду, по кромке берега в полной форме с автоматами идут два пограничника. Пот струится по их лицам. Видят моего брата в воде и требуют, чтобы он вышел. Я подхожу к ним, прошу, чтобы он еще немного побыл в воде. Но тут неожиданно слышу, как Сашка начинает выступать: «Кто вы такие? Вы – русские на моей грузинской земле!». Не верю своим ушам. Вижу, пограничник закипает и берет в руки автомат. Но Сашка продолжает духариться и нехотя выходит из моря.

xxx

У Эльвиры приемный сын. Ему пять лет. Мальчик добрый. Помани – пойдет за каждым. С ним Сашка шутит. Важно называет его Шкурик. Тому нравится, он млеет.

xxx

На «суде» Сашки не было. Он уехал за несколько дней до разборки. Я с ним делилась, но он делал вид, что это его не касается. Защиты у него я не просила. Приехав позже, он упрекал меня: почему я его не позвала? Нет, я не собиралась его звать. Я была уверена в его предательстве. Он и раньше вместе с Тамарой за моей спиной устраивал переговоры с Олегом. Постоянно выбирал, что ему выгоднее. Я иногда шутила: «Где обедал мой воробей?» Но он из моих уст шуток не воспринимал.

Рододендрон Смирнова

В октябре прилетел Андрей – в очередную командировку.

Вместе с лаборантками нашего отдела Мэри и Наной мы поехали в Мериси и Намонастреви, чтобы увидеть рододендрон Смирнова. Мэри родом из Мэрисы. Ее родители переехали в Кахабери, а в Мериси живет тетя. Позже вся семья оказалась в Батуми. Горцы мечтают спуститься с гор в цивилизованный город.

Без приключений на маленьком автобусе ПАЗ по центральной трассе, заасфальтированной Варламом Мамунидзе, мы приехали в Кеда, а оттуда по

грунтовой дороге взобрались на отроги Шавшетского хребта. Трехэтажный каменный дом, где живет большое семейство тети Мэри, расположен на крутом склоне. С балкона второго этажа открывается замечательный вид на узкое глубокое ущелье, склоны которого поросли буковым лесом. Осенью листья начинают ржаветь. Внизу, на первом этаже, сушатся листья табака. Несколько кустов табака еще в цвету. Снизу тянет тонким дурманящим, очень приятным запахом. На открытой шушабанде сушатся початки кукурузы, висят гирлянды сушеных слив и светятся на солнце ярко-оранжевые связки цветов тагетеса для приготовления сунели – пряности, употребляемой для сациви. Рядом в ящиках подсыхают грецкие орехи. Без грецких орехов не обходится ни одно блюдо. В последние годы грецкий орех стал плохо плодоносить. Это очень огорчает местных жителей. Всесильный Варлам предпринял посадку молодых деревьев грецких орехов вдоль основной трассы от Батуми до Хуло. Проезжая по пыльной дороге, можно увидеть молодые неокрепшие посадки. (Позже они все погибли).

Семья тети собирается на первом этаже в большой столовой около бухари –камина с каменной трубой, выведенной не внутрь помещения, как обычно, а наружу. Такой странный фасон удивляет. Но это ради противопожарной безопасности. Ведь каменные дома в Аджарии – новинка. Обычны деревянные, с плотно притертыми, но тонкими досками. Зима здесь снежная и короткая.

У бухари собирается вся семья, гости. Нас помещают в холодных гостевых комнатах с полированной чешской мебелью.

Еще светло. Андрей спешит обследовать окрестности. Поднимаемся вверх по ручью, наблюдая, как худые коровы и большой козел бродят вокруг буковых стволов, щиплют редкую траву. Выходим к большому водопаду. Андрей хочет залезть на крутую стенку. Темнеет. Я его прошу вернуться. Воспитанные девушки молчат. Тут не принято спорить с мужчиной. Слышу обычное «черт, проклятье»! Почти в полной темноте мы возвращаемся в гостеприимный дом.

Наша цель – рододендрон Смирнова. А он растет в горах у селения Намонастреви. Там живет родственник Мэри, Камал. На следующий день мы приходим к дому Камала и его брата. У Камала тоже большой дом, он собирает старинную утварь. На втором этаже что-то вроде музея. Его гордость. Хозяева очень рады гостям. Пока жена брата готовит ужин, нас ведут в помещение, где в больших чанах кипит, бродит темное вино качичи. Камал берет ковш, и мы пьем молодое вино маджари. Оно сладкое. Его можно выпить много. Но валит с ног. Вино должно выстояться.

Камал нас ведет в свой музей и показывает сабли, утюги, блюда. Интересно. Наконец нас приглашают на ужин. На столе дымящееся гоми, сыр, сациви. Все очень вкусно. Произносятся длинные тосты. Наконец можно выбраться наверх в гостевую комнату. Холодно. Мертвенно светит огромная луна. В углу лежат в большой куче, благоухая, яблоки сорта «Али ага». Я забираюсь под большое шерстяное одеяло с чистейшим бельем. Сначала пронизывает холод. Но затем согреваюсь и блаженно засыпаю.

На следующий день встаем очень рано. Нам нужно подняться в горы, на яйлу Кослис-тави, в субальпийский пояс, где растет рододендрон Смирнова.

Сначала по узкой лесной тропе спускаемся вниз к ручью. По жердочкам переходим его и начинаем подъем по тропе вверх в буково-каштановом лесу. Под ногами шуршит густой слой листьев. Я беру палку, весь путь она мне верно служит. В густом лесу – полутень. Подъем на крутую гору дается трудно. Через два часа мы выходим на большую прогалину. Тут родник. В выдолбленном большом стволе в виде корыта вода для скота. Небольшой перерыв. Нужно спешить. Время уходит. Лес редет, начинаются заросли рододендрона Унгерна, стелющегося дуба понтийского. Красивые блестящие круглые желуди на дорожке. Выше встречаем заросли стелющейся березы мингрельской. Во время снегопадов снег прижимает и укрывает большие стволы. Встречаем одновременно цветущую и плодоносящую чернику кавказскую. Ее высокие заросли встречаются только

в субальпийском поясе и на побережье. Наконец вышли на высокогорье. На скалах растут поодиночке большие круглые кусты рододендрона Смирнова. Осень, и цветов уже давно нет. На яйле пустынно. Уже давно отогнали скот. По хребту проходит граница с Турцией. На турецкой стороне прямо перед нами – огромная серая гора Карчхал высотой более 3000 метров. Это те синие горы, которые я видела постоянно со своей площадки на Зеленом мысу. Кажется, Карчхал совсем близко. Но за Шавшетским хребтом, на котором мы стоим, глубокое ущелье речки Мачахелы. Она берет начало на этой большой горе. Я думаю: никогда я не увижу этой горы, почти сто лет граница на замке. Кто бы мог знать, что всего через несколько лет мы побываем на Карчхале. И не один раз!

Около одной летовки мы нашли огород с редиской. Выкопали, позавтракали. Любуемся окрестностями. Отроги Шавшетского хребта в сторону Аджарисцкали кажутся вполне доступными и близкими. Обман зрения!

На обратном пути торопимся, но входим в каштановый лес напротив дома Камала уже в полной темноте. Дорогу приходится осторожно нащупывать. Слышим крики из дома. Хозяева беспокоятся. Мы кричим им в ответ. Успокаиваем. В полной темноте, не разбирая дороги, спускаемся, переходим холодный ручей. Последний рывок вверх к огням гостеприимного дома.

xxx

Мы побывали и в Шуахевском лесничестве. Познакомились с лесником Нодари Абусеридзе. Он в окрестностях лесничества, почти в центре поселка Шуахеви, обнаружил земляничник.

Нодари – стройный, приятной наружности, средних лет мужчина. Повел нас к земляничнику. Скот бродит на крутых склонах, срывает землю, обрушивает камни.

Возвращались из Шуахеви в переполненном автобусе. В проходе нас усадили на свои баулы супруги Абашидзе: Назико и Джемал. Они из Хуло.

Милая красивая пара.

Раздел дома

В конце октября в Хелвачаури состоялся суд по разделу дома между теткой и нами с Сашей. Мы очень надеялись на то, что будет учтен новый дом. Но на суде все представлялось так, как будто тетка живет в старом доме. Судья явно подкуплен. Опытный, он вначале подыграл нам, а решение вынесли совсем противоположное. Так же вел себя наш адвокат Манукян. В общую площадь вошли не три комнаты, а все фанерные ветхие пристройки. В заседателях был старый теткин любовник, о чем говорилось вслух. На суде присутствовали все соседи-клеветники. По суду мне доставалась мамина комната без выхода. Но пока я пользовалась и кухонькой, и проходной средней комнатой, которую присудили Саше. После решения суда он сразу же побежал к Олегу. Там его поили, жалели.

xxx

Я часто размышляла – как было бы хорошо, если бы вся семья шла друг другу навстречу и не делила этот старый дом! Но как вспомню взаимоотношения тетки с мамой, надутого Олега, завистливого Сашу, злую Тамару-Додо – становится тошно. Нет, никакой дружбы и быть не могло.

xxx

Осенью на несколько дней заехал ко мне мой брат Юра. 19 октября – мой день рождения. Тетка в новом доме одна, ей скучно. Она идет мимо, видит Юру. А Юра помнит время, когда он подростком приезжал к нам, ходил к тетке в дом отдыха, слушал ее анекдоты. Таким образом, тетка оказалась у нас за столом на площадке. И сразу начала вещать. Я ушам не поверила. Оказывается, она лечит пациентов радиоактивной картошкой, которую привозят с Украины, из района Чернобольской АЭС. Говорит убежденно, уверенно. Одна-две картофелины пойдут на пользу. Что самое удивительное – ее слушают, верят. Я такие ее штучки называла: «невежества губительный позор». Прошли годы. Легенда о враче, который лечил все болезни, сохранилась. Велика сила убеждения! Года два назад я услышала

рассказ об одном из методов ее лечения. Пожилой Абдульчик, который жил на горе Фриде высотой 100 м над уровнем моря, имел неосторожность пожаловаться Майе Генриховне на бессонницу. Она посоветовала ему спускаться к морю и с тяжелым камнем подниматься обратно на гору несколько раз. Прекрасный рецепт от бессонницы! Как рукой сняло. Я пыталась возражать. Как же так – климат жаркий, человек пожилой, у него гипертония... Но это не в счет. Удивительным образом Абдульчик остался жив. А главное – избавился от бессонницы.

xxx

Олег переехал из Москвы в Батуми, устроился на работу наркологом.

xxx

Октябрьские теплые дни сменились в ноябре холодной непогодой. На сбор мандаринов Саша привез из Тбилиси своего начальника Алика, приятного интеллигентного человека примерно моего возраста. В Грузии интеллигенты особенные. В них сочетается порядочность, восточная мягкость, забота. Приятнейшие люди! Из тех, кого я хорошо знала: Дмитрий Тухарели, Карло Тугуши, Наргиз Тавадзе, любимая Заира Гвинианидзе, вся ее семья.

xxx

Каждую пятницу вечером по тбилисскому телевидению шла передача «Иллюзион». Показывали известные фильмы. В Магадане я была лишена этого удовольствия. Мировое кино при советской власти было почти недоступным. А знаменитые грузинские фильмы Отара Иоселиани я увидела только в кинотеатре повторного фильма в Москве. Но самым любимым был фильм Тенгиза Абуладзе «Древо желаний». Потому мне очень хотелось посмотреть его фильм «Покаяние». Об этом фильме много говорили. Наконец показали. Саша сначала стал смотреть, потом сказал, что это мура, и ушел спать. Мне трудно было проследить за сложным сюжетом в грузинском варианте. На следующий день вечером я разговорилась с Аликом. Он стал рассказывать. Этот фильм о нем, о его маме. Отец его – один из самых

высоких чинов Грузии был арестован в 1937 году. Соседи от его матери шарахались. Она осталась с совсем маленьким сыном, то есть с Аликом. Были арестованы и родственники. В большой комнате на Кирочной улице ютилась вся большая семья – жены с детьми, все те, кого не арестовали.

Отца расстреляли. Мальчик вырос, стал комсомольцем и захотел вступить в партию. На собрании встал вопрос – можно ли принимать сына врага народа в партию? Нашелся защитник. Это был Эдуард Шеварднадзе – молодой, подающий надежды комсомольский вожак, присматривавший для себя кадры. Алика в партию приняли. Но когда Шеварднадзе стал его активно агитировать пойти по партийной линии, мать категорически была против. Она не могла рисковать. Он у нее один. Алик не вошел в окружение Шеварднадзе. Но когда изредка встречались – тот снова спрашивал, не готов ли он с ним работать. Алик до сих пор сомневается – правильно ли он поступил. На нынешней работе в вычислительном центре он не достиг такого положения, как мог бы. Рассказал, как пошел в органы и попросил дело отца. Приносят папку только с одной подшитой бумагой. Там фамилии доносчиков, погубивших его отца. Начальник папку захлопнул, сказал: «не надо тебе знать, живи сегодняшним днем». «Это фильм обо мне, – продолжал Алик. – Я ходил с матерью, смотрел на платформы, на которых лежали привезенные с севера бревна. На них были надписи тех, кто сидел далеко, на лесоповале».

Мы разговаривали до позднего вечера. Он говорит: «Саша! Саша! Какая у тебя сестра!» Но Саша смотрит на меня недобрыми глазами.

Через год Алик умер от воспаления мозга. Осталась пожилая мать. «Божий одуванчик» – сказал Сашка.

xxx

После раздела земли Саша собирает урожай со своих 19 больших деревьев на склоне отдельно от меня. Я собираю свой с площадки. Никакого разговора о помощи мне нет. Приехал, собрал и уехал.

Защита докторской диссертации. Родилась внучка Галочка

Конец ноября. Защита моей докторской диссертации в Новосибирске, в ботаническом саду в академгородке, назначена на 16 декабря.

Льет дождь. На площадке у дома стоят штабеля, наполненные ящиками собранных мандаринов. На складе в Махинджаури огромная очередь. Чтобы сдать мандарины, люди простаивают сутками. А мне нужно лететь на защиту. Я никак не успею сдать мандарины. Нана Концелидзе, лаборантка нашего отдела, советует: «Идите к председателю колхоза, просите». Иду к председателю Темури Ахвледиани. Это невысокий, с хитрым лицом человек обладает большой властью. Земли нашего поселка в его руках. Он заправляет межевыми вопросами и относится ко мне плохо, на стороне тетки. От него зависит и очередь сдачи мандаринов. Сообщаю ему, что еду на защиту. Нужно срочно сдать мандарины. Он отказывает. Тогда я ему заявляю, что оставлю ящики с мандаринами у дома и уеду. Он сдаётся. Назначает сдачу в первой бригаде, то есть в тот же день. Спешу. Машина заказана. Ящики погружены. Я на складе. В портфеле у меня доклад, который я готовлю для защиты. Вместе с мужчинами первой бригады сижу у костра, жду очереди. Огромное помещение склада заполнено до потолка ящиками с мандаринами. У меня совсем немного, а сдать надо. Есть такие сады, в которых собирают мандарины тоннами. Ведь одно мандариновое дерево дает до двухсот килограммов плодов. Машины с ящиками, заполненными мандаринами, стоят у больших ворот огромного павильона, куда нужно заехать и поставить на весы ящики. Мандарины – скоропортящийся товар. Бракуют. Нужно сдать быстрее. Всю ночь сидим у костра, греемся. Я иногда настраиваюсь на доклад. Но куда там – нужно следить за очередью. Вдруг проносится весть: так как склад затоварен, он на время закрывается! Будут отправлять мандарины на консервный комбинат. Еще сутки ожидания. В середине ночи следующего дня подошла моя очередь. Но машина учительницы выскакивает первой, толкает мою. Мои давнишние соседи, постаревшие школьные товарищи, возмущаются: «Она учительница, а ты ученый». Смешно. Поздней

ночью мои ящики поставлены на весы, выписана квитанция. Я, качаясь от усталости, выхожу на шоссе. Еще два километра идти по шоссе, потом в гору. Боюсь, не выдержу. В махинджаурской милиции, в центре поселка дежурит Нодари, тот, что летом по наводке тетки приезжал вечерами, проверял моих гостей, не наркоманы ли. Теперь его очередь помочь мне. Пусть везет меня домой. Садимся в воронок, и я через несколько минут дома.

xxx

Ломаю голову. Кто останется дома в мое отсутствие? Вызываю из Липецка Николая Федоровича. Он быстро приезжает. Жалуется: вез мешок хорошего лука, сам вырастил, а в поезде цыган украл.

Дом будет под присмотром. Кроме того, врач из Москвы Антонина Ивановна, пенсионерка, решила прожить зиму на Зеленом мысу. Живет то у одних, то у других соседей. Присоседилась и к моему дому. Благо, много фруктов, виноград, вино, варенья.

xxx

Я постоянно посылаю посылки в Москву с оказией, когда отдыхающие едут домой. Так мне удалось передать мандарины в Сибирь новым родственникам, в Мурманск, где теперь живет моя дочка, и конечно, в Москву. Я собираю плоды юга для отъезда. Нужно привезти гостинцы и в Новосибирск. Куплены билеты. Мы с Николаем Федоровичем едем в аэропорт. Оказалось, за мной пристально следили Олег с теткой. Решили жалобу приурочить точно ко дню моей защиты. Место защиты им известно, но сроки – нет. Это, возможно, и спасло положение.

xxx

Задержка самолетов. Боковой сильный ветер дует по Кахаберской низменности. Когда он закончится – неизвестно. Двое суток я в напряжении сижу в аэропорту, жду, когда смогу улететь. Под конец не выдерживаю. Четвертого декабря еду на вокзал, сажусь в московский поезд. Мой попутчик до Ростова – полковник. Приятный собеседник. Говорим на разные темы. Я

рассказываю свою историю. Особенно его возмущает офицер из Пскова. Он советует написать высшим чинам, называет фамилии.

В Москве меня встречали Андрей с Павлом. Сообщили, что я стала бабушкой. Пятого декабря в Мурманске родилась моя первая внучка. Назвали ее Галиной в честь матери моего зятя.

xxx

В Москве я иду в нотариальную контору у станции «Кировская», (теперь Чистые пруды). Это самая крупная нотариальная контора в Москве. Мне нужно перевести на русский язык справку о том, что жалоба соседей является клеветой. Перевести не удалось. Досадую. Утром перед выходом, когда я стою уже с чемоданом в руках, Андрей мне говорит:

–ты обязательно возьми справку, постарайся перевести. Твоя тетя тебя не пожалела. Звонила из Новосибирска Эльвира (ученый секретарь). Волнуется. Пришла телеграмма. 80 слов. Я несколько не волновалась. У меня была уверенность в благополучном исходе. И при опасности никогда не боюсь. Это спасает.

В Новосибирске, в Академгородке, как только я вошла в номер гостиницы, позвонила Эльвира и возбужденно, радостным голосом мне сообщила, что чудом смогла прозвониться в Батумский ботанический сад, говорила с Ваню, который подтвердил мою хорошую характеристику. Это важно для защиты. Тетка написала новую жалобу, в которой все повторялось: и то, что я хотела ее убить, захватить площадь, и что у меня три особняка и большая квартира в Москве и прочее. Мои враги рассчитывали прислать телеграмму прямо на защиту, высчитывали день. Но ошиблись. А Эльвира успела созвониться с Ваню. Радовалась больше моего.

xxx

Совет по защите в Новосибирске – объединенный. Собираются из нескольких городов Сибири на сессию. В течение нескольких дней проходит несколько защит. Единственная докторская диссертация – моя.

В Новосибирске жила сестра зятя. А его мать, моя сватья, летела в Мурманск, чтобы повидать новорожденную внучку. Там я с ней и познакомилась.

xxx

Процедура защиты шла своим чередом. В середине принесли телеграмму. Эльвира улыбается, знаками показывает, чтобы я не волновалась. Но я даже не подумала о том, что это могла быть телеграмма тетки. Была уверена в успехе. Оказалось, Татьяна Николаевна Ульянова, известный ботаник из Ленинграда, прислала свой положительный отзыв телеграфом.

xxx

Члены ученого совета, как и положено, были со здоровой психикой. Жалоба была подписана: «тетя». Что за тетя такая? – удивлялись члены ученого совета. Какое это имеет отношение к докторской диссертации?

Проголосовали единогласно.

17 лет работы на севере в самых трудных условиях, на Колыме, вся моя научная карьера были под угрозой. Спасибо сибирякам! Спасибо и Ваню.

xxx

Мороз. Снег скрипит под ногами. Выходя из номера гостиницы, ловлю себя на мысли – не взяла зонта. Да, в Батуми дожди. И уже прочно укрепились привычка всегда иметь при себе зонт.

В Сибири бросилось в глаз спокойствие, отсутствие криков в общественных местах, порядок и чистота в столовой. После обшарпанных стен, грязи, всего, что я видела на юге, это вызывало уважение.

xxx

В Москве, в МГУ под новый год проходило очередное совещание по филогении растений. Мой доклад имел успех. Знакомые поздравляли. Но впереди еще были бои. Родственники не собирались останавливаться.

Я – доктор наук!

Я прилетела на Зеленый мыс в начале января. Батуми и его окрестности находятся под большим впечатлением от обнаруженной в городе шайки бандитов, которые в течение 9 лет шантажировали детей обеспеченных людей.

xxx

Сижу у Нури Мемедовича в его большом темном кабинете. Он поздравляет меня и сообщает последние новости. О них говорит весь Батуми. Я ушам не верю. Действительно, Олег везунчик. В психиатрической больнице врачи девять лет шантажировали детей богатых людей. Сначала присматривали жертву – любящего погулять молодого человека. Милиционер останавливал его машину, привозил в психбольницу обследовать на наркотики. Тут ему невзначай из чайника (о чайнике больше всего разговоров) наливали, якобы для анализа, стакан воды со слабо растворенными наркотиками. Анализ всегда давал положительный результат. На втором этапе выманивали большие суммы у родителей для освобождения любимого чада.

Вполне возможно, кто-то прознал об этом. Один из пойманных молодых людей, не наркоман, доставленный милицией в психбольницу, вместо того чтобы послушно выпить жидкость из коварного стакана, схватил чайник с раствором и убежал. Чайник и стал главным доказательством. Об этом писали в газетах. Главного врача и его окружение сняли с работы – лишили хлебного места. Нужно было искать на это место врача, не связанного ни с кем родственными связями. Врач этот сразу же нашелся: Олег. Как будто угадал. Именно он, молодой и способный, приехал из столицы, для того чтобы занять это довольно хлебное место. Главный врач может отмазать от армии, от Афгана. От него зависит выдача удостоверений на вождение машины и так далее. Нетрудно сообразить, как возвысился, какую силу приобрел Олег в нашем районе.

xxx

Дома на моей половине зимовали Николай Федорович и Антонина. Как только я прилетела, тетка вышла на свой балкон, подозвала Николая Федоровича. Осведомилась, как прошла моя защита. Николай Федорович ответил, что все у меня благополучно. В ответ тетка выкрикнула: «Мы еще ей покажем!» И показали. Эльвира в панике звонила из Новосибирска Андрею в Москву, говорила, что пришел большой пакет с жалобами из ВАКа (высшей аттестационной комиссии). Именно туда и послал Олег очередные жалобы. В ответ Андрей горько шутил, спрашивал, на сколько килограмм потянут жалобы. Эльвира отвечала, что килограмм на восемь. Я тоже шутила, писала Андрею, что у меня в ответ только килограмма два с трудом наберется.

xxx

Мне нужно было оправдываться, послать развернутый ответ на жалобы, поступившие в Новосибирск. Подписать мою характеристику на работе, среди соседей, подтвердить, что я не владею несколькими особняками, не хотела убить тетю, не выгоняла ее из дома, не третировала, и прочее. Варианты первой жалобы сильно обросли разными подробностями и обработаны ловкой рукой адвоката. В стране доносы, жалобы и наветы продолжают быть в большой чести.

xxx

В ботаническом саду собирается расширенный ученый совет, куда приглашен и милиционер Нодари. Мы с ним уже друзья. Я могу позвать и соседей, которые охарактеризуют мою личность как благонадежную и нравственную: Валентину Васильевну Моцкобили-Жубер, Аллочку Васильеву, Нану Чиракадзе. Они меня знают с детства. Меня хорошо знает и Катя Звягина – главный бухгалтер нашего ботанического сада. Но Катя демонстративно на совет не идет.

Катя Звягина

Катя младше меня года на два-три. Ее мама Феничка работала в чайном техникуме, когда тетка моя была там медсестрой. Тетка – крестная этой

Катеньки. Хотя моя тетка не крещенная. Ей сам черт не брат! Предполагаю, что Феничка об этом не знала, верила. Тем более в теткиной комнате висела небольшая картина написанная маслом с изображением богородицы. Не икона, именно картина. Тетка думала старинная. Давала проверить. Оказалось – нет, не старинная. Откуда у нее была эта картина – не знаю. Как и картина изображающая Аристотеля у одра умирающего Александра Македонского. Возможно. эти две картины достались тетке от прабабушки, комнату которой после ее смерти она заняла.

Может быть, это главная причина, почему Катя не идет меня защищать. Маленькую хорошенькую Катю я помню на вечере в клубе нашего колхоза. Она трогательно пела песню о добром, родном и любимом Сталине, выбивая слезу у зрителей.

Теперь Катя – главный бухгалтер. В комнатах дирекции ей удалось занять самую солнечную, с видом на батумскую бухту, комнату. Там она командует двумя экономистами, занимается интригами и дебетом-кредитом, часто в свою пользу и в пользу Ваню Мамунидзе.

Ниже среднего роста, крепко сбитая, средних лет, с острыми глазками, она хорошо говорит по-грузински и часто заглядывает в кабинет Ваню, особенно в день зарплаты. Следом за ней входит пожилая кассирша Маро, приносит Ваню зарплату. Он важно расписывается. При этом несколько сотрудников послушно сидят рядом, ждут аудиенции.

Катя меня не любит. Кисло улыбается, когда я захожу в бухгалтерию, прошу выписать нужное для работы оборудование. Ясно – не сделает. Позарез нужна пишущая машинка. И только. Это рабочий инструмент. Я об этом несколько раз прошу с тех пор, как снова стала работать в ботаническом саду. Но Катя как будто не слышит. Пришлось обратиться к Ваню. Наконец Катя выписала пишущую машинку «Москва» упрощенного типа. Хуже не придумаешь. Литеры кривые, неровные. Для того, чтобы получить большую букву, нужно ударить по клавише два раза. И так далее. Не работа, а мучение. Я, зайдя в бухгалтерию, на столе Кати увидела красивую

портативную югославскую пишущую машинку. Бухгалтер смотрела на меня, ждала моей реакции. Показывала, кто тут начальник. Я простодушно стала рассказывать о своих мучениях. Но тут восторжествовала справедливость: сотрудница бухгалтерии, добрая милая Цуца, которая меня тоже знает очень давно, говорит:

–Поднимись, Ая, на чердак, там лежат ненужные пишущие машинки. Среди них есть небольшая немецкая машинка «Мюнхен». Она вполне пригодная. Ее выбросили. Возьми.

С этого момента у меня на рабочем столе появилось что-то чудесное. На тяжелейшем пьедестале машинка весом в двадцать с лишним кило. Я догадалась – выбросили ее потому, что шрифт мелкий. Зато, какой гладкий ход! И стучать сильно не надо. О, немцы! Великие умельцы – каждый раз думала я, когда пользовалась машинкой.

xxx

На расширенном ученом совете были старые сотрудники, с которыми я работала еще в юности: Нури Мемедович Шакарашидзе, Тамара Ясоновна Самхарадзе и ее сестра Маро, Нермин Багратиони, Галина Алексеевна Морозова, Циала Цхоидзе и другие. Многого запомнилось, многое было для меня откровением. Говорили обо мне хорошо. Запомнила Арчила Нестеровича Татаришвили, бессменного партийного секретаря ботанического сада. Но особенно растрогал меня Георгий Авденагович Габричидзе. Он сказал: «И это та плохая женщина, которая портила студентов в техникуме, хочет погубить девочку, которая у меня работала и всегда пела...» Спасибо ему. То, что я пела на работе, я уже не помнила. Цену тетке хорошо знали, хотя она себя уже давно представляла как великого врача. А мне, «девочке», было уже за пятьдесят.

xxx

Позже я часто вспоминала, как важна была для меня защита этих справедливых людей. И как вовремя! Прошло совсем немного времени, и не

стало Нури Мемедовича, Георгия Авденаговича и других, кто знал меня в детстве и юности. Смыло очередной волной времени.

xxx

Было сказано много хорошего в мой адрес и соседями. Спасибо им! Стенограмму я обработала с Нермин, а собранные документы нужно было отправить в Новосибирск. Я улетела в Сухуми и оттуда отправила документы в Новосибирск. Обернулась за два дня.

В Хуло

В начале февраля прилетел Андрей. Мы сразу уехали в Хуло, к нашим новым знакомым Абашидзе. В высокогорном поселке дома прилепились к крутому южному склону. Вниз уходит глубокое ущелье Аджарисцкали. От площадки автостанции через ущелье Аджарисцкали, на противоположную гору проведена канатная дорога. Она не работала, и мне так и не удалось ни разу по ней прокатиться. Двухэтажный дом гостеприимных хозяев – просторный, довольно скромный. Когда вечером мы поднимаемся на ночлег в гостевую комнату на второй этаж, пол раскачивается, словно мы в открытом море. Из окна вид на долину реки, ельники на противоположном берегу и уходящие за горизонт синие горы. Сейчас они полностью заснежены. Черноглазая кудрявая красавица Назико работает медсестрой в роддоме. Ее уже лысеющий муж – редактор газеты «Шрома», что означает «работа». Он честный коммунист, партийный работник, выпускает эту маленькую газетку на полном энтузиазме. Зарабатывает в основном своим трудом, выращивая картофель и кукурузу и вывозя эти продукты на батумский рынок. Трое детей: две девочки-подростки с красивыми голосами и сын Гоча, надежда семьи. Он будет поступать в медицинский институт. Хозяин очень интересуется старинными грузинскими книгами-карабадинами. Ему хочется восстановить шевелюру. Он верит в зимовник, высокую траву, цветущую зимой в глубоких оврагах. Вместе с ним мы спускаемся по крутым склонам почти до реки. Потом с большим трудом поднимаемся, нагруженные не только гербарием, но и корневищами.

Маршрут на гору принес огорчения. Думаешь, что сейчас попадешь в дикое место. Ничего подобного: после немыслимого подъема попадаешь на очередную площадку большого двора, к каменному дому.

Здесь не знают, что такое деревня с домами, стоящими в ряд.

Отдельные строения словно рассыпаны по склону. В давние времена, когда выпасы на яйлах были сильно истощены, люди спускались в лес, корчевали и строили свой дом с огородом. И их сыновья, так же как и родители, выбирали новое место в лесу, расчищали лес, строили дом. Таким образом, теперь вся горная Аджария застроена, но уже не деревянными домами, а большими, из серых брикетов, каменными, без всякого намека на архитектуру. Так как площадь дома большая, крыши выглядят огромными блестящими зонтами.

Во второй половине дня с полными папками, усталые, мы вышли на главную дорогу. Не прошло и нескольких минут, как подъехал мотоцикл с милиционером. Нас арестовали, посадили в коляску, доставили в здание КГБ. Оно такое же серое, невзрачное. Пришлось просить о помощи нашего хозяина. Глава КГБ оказался его родственником, отпустил. Вечером пришел в гости с бутылкой вина.

Дарчидзееби

Вторая весенняя поездка в Дарчидзееби. Мы рассчитывали на помощь лесника Нодари Абусеридзе. Думали жить у него. Но оказалось, Нодари живет в лесном поясе, на склоне другого ущелья. А нам нужны высокогорья.

По его рекомендации мы едем в Дарчидзееби. Лесники посадили нас в переполненный автобус, который на каждом повороте кренится, кряхтел, но брал высоту. Все выше и выше. Далее нас ждет грузовик, куда с гиканьем пересаживаются пассажиры. Водитель гортанно кричит, шутит. Уже в полной темноте мы достигли селения Дарчидзееби. Место, где впервые поселился когда-то Дарчидзе. В этом горном селе из высоких деревянных домов дома стоят впритык. Улица ярко освещена. Нас принимает пожилой лесник. В гостевой комнате второго этажа словно в гостинице: кровати,

тумбочки, стол. Долго ждем желанного ужина. Приходит хозяин, ведет неторопливую беседу. Наконец ужин готов: снизу наверх невестки приносят на блюде дмящуюся жареную картошку, сыр, каймаг, лобио и, конечно, вино. На десерт кофе в маленьких чашечках.

xxx

На яйлах еще лежал глубокий снег. Транспорта вниз не предвиделось. Через несколько дней мы спустились вниз, в Шуахеви, пешком. В лесном поясе все склоны розовели рододендронами в полном цвету. На горных полях, клочках земли, отвоеванной у леса, женщины тохали, сажали кукурузу и фасоль. Для этого делают большую лунку, сыплют золу. В лунку сеют несколько зерен кукурузы и фасоли. Когда кукуруза подрастет и ее ствол станет крепким, ростки фасоли обвивают его. Весеннее солнце очень сильное. Мы долго идем, нас разморило. У очередного дома вдоль дороги два бойких чернявых молодых человека решили нас арестовать. Шпиономания в этих, очень охраняемых местах, сильно распространена. За поимку шпиона обещают большую награду. Парни говорят по-русски плохо. Это осложняет положение. Наконец выяснили. Их близкий родственник Зураб Махарадзе преподает в чайном техникуме. Он наш сосед. Поэтому сразу же пригласили выпить холодного мацони, что очень нас ободрило. Добравшись до Шуахеви, мы сели в проходящий автобус и вскоре были в Батуми.

xxx

В начале марта я полетела в Мурманск знакомиться с моей внучкой Галочкой. Разницу между югом и севером я ощутила сразу же. Прилетела в Мурманск в модной дубленке с широким воротом. В руках две большие сумки с продуктами и огромный плюшевый мишка. Каково было мое удивление, когда меня никто не встретил. А я была настолько уверена, что не удосужилась узнать адрес! Прождав в зале ожидания порядочное время, позвонила в Москву, узнала, как ехать. Автобус меня довез до вокзала. Оттуда я намеревалась добраться в поселок Роста на такси, где жили молодые. Но только что пришел поезд. Очередь. Машин почти нет. Я

чувствую, скоро совсем замерзну. На счастье нашелся попутчик, любезно проводил меня прямо до квартиры. Дома меня встретил заспанный зять. Второй раз в жизни я увидела его настороженный и неприветливый взгляд. Оля гуляла с девочкой.

Зять оправдывался тем, что перепутал рейсы.

xxx

В начале мая я снова прилетела в Мурманск, чтобы увезти Олю с ребенком на московскую дачу.

В информационном выпуске по телевизору услышала о том, что в Батуми был сильный ураган, погиб человек.

На Зеленом мысу в это время у меня жила Антонина. Когда я ей позвонила, она мне невнятно объясняла, что ураган свалил ветви бука, но волноваться не стоит. Все обошлось.

В Москве я застряла. Галочку крестили. Я приводила в порядок дачу. Я так прилепилась к своей первой внучке, что отрываться от нее было очень трудно. Потом долго доставала билеты. Когда прилетела в Батуми и подъехав к дому вошла в калитку— ничего узнать не смогла. Свет заливал всю площадку. Ее пространство было наполовину завалено ветвями бука. Оказалось, ветер во время урагана свалил крону бука и она, упав, погубила многие мандариновые деревья. Раздавила и маленькую избушку, которую Николай Федорович перенес под бук. Там были сложены вещи, привезенные с севера. Мне так нравился этот домик! Когда приезжали гости, я их оставляла в доме смотреть телевизор, а сама забиралась в избушку.

С трудом прошла сквозь ветровал к разрушенной избушке. В мое отсутствие лили дожди. Вещи сгнили. Но задняя стенка осталась невредимой, и на ней висело совсем целое зеркало. Это меня успокоило.

Мой брат Юра, приехавший в очередной раз, помог убрать ветки. А крона у бука за несколько лет восстановилась.

Спустя годы этот случай можно расценить как намек сверху. Не приживалась я на юге...

Юра, мой брат, не понимал характера Саши и хотел в его комнате поселить своего друга детства Гиви из Поты, теперь заместителя начальника пароходства. Но мне было неловко объяснять Юре, что Саша не способен на широкое грузинское гостеприимство. Отказала. И правильно сделала.

xxx

Идея иметь учениц не оставляла меня. Преподавательница Ленинградского университета Ира Антонова, привозившая студентов на практику в ботанический сад, прислала мне двух студенток. Я их должна была обучать методикам. Но из этого ничего хорошего не получилось. Девушки хотели отдыхать, а не учиться. Вечерами к ним потянулись молодые кавалеры – студенты техникума.

xxx

В доме отдыха четвертого управления гостила преподавательница кафедры ботаники Тимирязевской академии – Лара Родман. Сидим под букром, любуемся видом на бухту. Я ей рассказываю о том, что ботанический сад нужно спасать. Я ищу пути для того, чтобы этой проблемой занялись природоохранные ведомства. Лара рассказала о своем знакомом журналисте, который пишет на экологические темы, в том числе об Аджарии. Он знаком с самим Варламом Мамунидзе. Лара говорила – журналист может заинтересоваться, помочь.

xxx

В Москве я встретила с этим журналистом. Он живет в районе Курского вокзала в роскошной квартире. По случаю лета все ковры скатаны. Высокий, раскормленный, аристократичный. Я на него скороговоркой свалила все беды ботанического сада. По границе идет наступление на территорию. Ботанический сад – это шагреновая кожа, его скоро не будет. Наступление идет и изнутри. Скот выпасают, коллекции под угрозой. Аристократ от журналистики слушал меня внимательно. Проблема его не заинтересовала. Он мне подарил парадную статейку о расцвете Аджарии. Мне он может помочь только тем, что подарит несколько коробок

иностранный законсервированной ветчины. То есть подкормит провинциальную глупую и наивную чудачку. Консервы я, растерявшись, взяла. Не пожалела. Ветчина была очень вкусной. А в Аджарии с продуктами плохо.

xxx

После всего пережитого я с благодарностью относилась к семье соседей Авдишвили, не принявших участия в позорном деле. Иногда заглядывала к Шуре. Ее младший сын Сережа работал слесарем в доме отдыха четвертого управления. Там он познакомился с Венерой из Душанбе. Женился. К строгой умной Венере я привязалась. Это еще больше сблизило меня с Авдишвили.

Заходя к ним, я видела через дорогу дом Олега. Он активно его обустроивал. Его красные «жигули» стояли у широких ворот в гараж.

Экспедиция из МГУ

В середине лета Андрей мне сообщил, что он неожиданно назначен начальником экспедиции, организованной ботаническим садом МГУ. Мы можем встретиться в Сухуми. Туда приедет из Москвы экспедиционная машина. Сначала будут поездки по западной Грузии, потом по Джавахетии и Армении. Подробности этой своеобразной экспедиции описаны мной в книге «Дорогой мой ботаник». Здесь же привожу сокращенный вариант, показывающий особенности не только характеров своеобразных участников экспедиции и моего мужа, но и гостеприимных аджарцев.

Сесть на ракету до Сухума не составило труда. Жарким летним днем я оказалась в Сухумском ботаническом саду. Экспедиция еще не приехала. Ее ждет Сергей Язвенко – аспирант кафедры высших растений на биофаке МГУ. От него узнаю: ранее эту небольшую экспедицию должен был возглавлять Михаил Пименов, наш давний знакомый, который занимается растениями семейства зонтичных. Но он уехал в Среднюю Азию. Поедут его сотрудники, которым он поручил собирать материал. С Сергеем будет ездить его жена Маша Смит – не ботаник.

В ботаническом саду я встретила Альфреда Алексеевича Колаковским и узнала грустные новости. Он овдовел. Умерла Вида Савельевна. И сгорело одно крыло в здании ботанического сада. Там хранился колхидский гербарий.

Экспедиция прибыла. С первого мгновения я поняла, что это очень своеобразный коллектив, разбитый на несколько группочек. Шофер – пьяница, уходит на рыбалку, не слушает распоряжений начальника. Андрей в растерянности. Одна группа – преданные Пименову сотрудники – Миловидова и Юля, вторая – супружеская пара Язвенко, третья – Татьяна Кузнецова с сопровождающим ее студентом, и последняя – это я с Андреем.

Нет мира в этом отряде. Миловидова шипит на Язвенко, считает его бездельником. Вечером, почти в темноте, она, надев на лоб лупу, со значительным видом определяет растения семейства зонтичных. Для нее главное – работа.

Из Сухуми поехали в Кодорское ущелье, в Южный приют. Только отбыли, шофер отказался ехать вверх. Без объяснений. Мы взяли палатку, спальники и поехали на попутке. В тех краях народ доброжелательный. Над нами горы, огромные водопады. Остановились у небольшой турбазы в Южном приюте. Сюда через перевал приходят пешим ходом туристы. Потом спускаются вниз к морю. Рассказывают, что именно здесь замерзли альпинисты немецкого отряда «Эдельвейс» во время войны, и сейчас можно увидеть их замурованными во льдах. Как только поставили палатки, Кузнецова со студентом и Язвенко с супругой ушли вверх в горы. Мы остались с Юлей и Миловидовой. Наутро следующего дня пошли в горы. У Юли повреждено колено. Идти быстро она не может. Поэтому мы с Андреем вскоре оторвались. Впереди снежный завал. Далеко внизу видна сорванная зимой опора линии электропередач. У меня легкие кеды и идти по скользкой, едва протоптанной тропинке на другую сторону завала трудно. Но Андрей не оглядывается и я, дрожа, не глядя вниз, медленно впечатывая каждый шаг в

снег, перехожу. На другой стороне цветущий альпийский луг. Лучше не думать об обратном пути. Лучше любоваться.

По возвращении обнаружили: первые две группы уже вернулись. Оказалось, студент сорвался, повредил ногу, но не сильно.

С попутной машиной спустились вниз. К вечеру по моему приглашению, приехали на лесную станцию в Очамчири. Карло принес овощи, бутылку чачи. У Миловидовой кислое лицо. Она, как и многие, рассчитывает на полный пансион и полное обслуживание. Разбаловали грузины русских. Встречают с распростертыми объятиями, угощают. А потом обижаются, почему к ним в столице нет такого же отношения.

xxx

В Батуми прилетел сын Павел. Привез открытку из ВАКа о том, что моя докторская диссертация утверждена. Я стала доктором наук.

xxx

Маршрут экспедиции должен следовать из Батуми в верхнюю Аджарию, затем Джавахетию по границе с Турцией и далее в Армению.

Выехали на рассвете. Но на первом же посту шофер нагло заявил, что у него нет паспорта. Мы стоим на раскаленном солнце. Пограничники нам сочувствуют. Как поступить? Андрей, начальник экспедиции, решает ехать дальше своим ходом. Берем только самое необходимое, рассчитывая на ночлег в лесничестве, а затем в гостиницах. Оборудование оставляем в машине. В Шуахевское лесничество мы попадаем во второй половине дня. Наутро вместе с лесниками поднимаемся в лес. К обеду, после похода в жарком пекле, нас ведут в ресторан. Кормят до отвала. Позже я увидела, как скромно живет Нодари Абусеридзе со своей большой семьей. Но угостить в ресторане гостей – это долг гостеприимства. Разморенных, сытых, нас сажают в машину и доставляют в Хулинское лесничество. Это красивый двухэтажный каменный дом на южном крутом склоне.

Мы объяснили нашим попутчикам, что на перевале ботаникам делать нечего, там все вытравлено и выбито голодным скотом. Собирать растения

для гербария можно только на огороженных участках склонов, предназначенных для покоса. Мы давно хотели побывать в таком месте. Село Даниспараули по дороге к перевалу как раз подходит для этой цели. У наших хулинских друзей Абашидзе в этом селе есть родственники. Под вечер мы отправились к ним, чтобы заручиться рекомендательным письмом. Только вышли – на подъеме нас догнал мотоцикл. Очередной раз арестовали и благополучно доставили к друзьям. С ними мы провели очень приятный вечер. Девочки красиво, на несколько голосов пели – так, как умеют грузины. Как я люблю эти замечательные хоры: и женские, и мужские!

Наутро, спустившись к лесничеству, мы обнаружили большую машину ГАЗ-66, готовую отправиться на перевал. Оказалось, в наше отсутствие участники экспедиции подружились с лесниками и договорились о транспорте на перевал. Во главе начальник лесничества – полный и очень красивый молодой человек с круглой головой, круглыми румяными щеками. О таких говорят – породистый.

Наше предложение ехать в Даниспараули было проигнорировано. Мы шестеро и директор лесничества в сопровождении пятерых молодых подчиненных забрались в кузов. Меня, самую старшую, удостоили сесть рядом с шофером в кабину. Быстро взяли высоту, проехав мимо поворота на Даниспараули. Хотя я просила шофера остановить машину, снова предложила ехать туда. На перевале нас высадили у ветхой избушки с окнами без рам и сразу же пригласили в ресторан. Там всех накормили по-царски. Без меры лилось вино и водка. Дамы также хорошо приложились, к радости молодого табунка лесников.

Сытые и довольно веселые, стоим у избушки. Как мы тут будем ночевать? Андрея с Павлом это мало интересует. Главное – мы можем попасть на озеро. Опять садимся в машину и долго едем по грязной дороге. Въезжаем в лес. Вдали сквозь туман виднеется озеро. Все выбито, мелкий скот уныло бродит между стволами. Андрей с Павлом убегают собирать растения, а остальная компания располагается у большого бука. Опять льется

вино. Приносят сыр с каймагом. Веселье продолжается. Я начинаю беспокоиться. Где же мы будем ночевать? Уже довольно поздно. Наконец Андрей с Павлом возвращаются с полными папками. Когда мы возвращаемся на перевал, шофер мне объясняет: за девиц заплачено. Они накормлены и теперь принадлежат начальнику. Если не удастся получить добычу – не избежать неприятностей.

Мы снова в избушке на перевале. Я волнуюсь. Пытаюсь объяснить, что тут ночевать невыносимо. Но Андрей глух к моим словам. Парни-лесники стоят рядом с избушкой. В руках у них стаканы. То и дело они их наполняют, пьют из бутылок, возникающих как по волшебству.

На перевале – филиал заставы. Несколько брезентовых палаток. Я иду к ним. Выходит среднего роста коренастый начальник, на лице которого явное недовольство. К солдату приехала на побывку мать, привезла гостинцы, угощает капитана, а тут я с просьбами. Но я убеждаю, прошу оказать помощь, предоставить нам ночлег, говорю об опасности. Он раздумывает, затем соглашается. К нам подходит с документом в красной обложке один из кавалеров, размахивает им, напирая на то, что на заставе посторонние не должны находиться. Но капитан разрешает.

В большой палатке нас кормят сытным ужином. Весь вечер мы втроем: я, Павел и Андрей закладываем гербарий. Мужчин оставляют ночевать в больших палатках. Женщины должны ночевать в своей. Поздно, когда гербарий заложен, я выхожу на улицу. На перевале тишина. Над горными вершинами сияет огромная луна.

Рано утром, не сообщая Андрею, наши спутники решили спуститься в огороженную часть, вниз. А мы втроем идем в маршрут по выбитым холмам перевала. После обеда встречаемся. Партии Язвенко, Кузнецовой и Миловидовой решили вернуться в Батуми. Андрей не возражает. Но твердо решил продолжать намеченный маршрут.

Стоим на остановке. Ждем автобус в Джавахетию, до Аспиндзы. Наши уже бывшие спутники ждут встречный – до Батуми. Молоденькая Юля обращается к Андрею:

–Андрей Павлович, отойдите, не создавайте массовости!

Я удивляюсь. Не привыкла к такому обращению со старшими, тем более к начальнику, хотя бы временному. Но позже, когда я вернулась в Россию, в Москве я часто наблюдала такое неуважение. На Кавказе с почтением относятся к пожилым. Хотя мне через несколько минут пришлось убедиться в том, что и здесь не все ладно.

Вскоре сели в проходящий ПАЗ до Аспиндзы. На спуске пейзаж и растительность изменились. Мы попали в сухую страну. На склонах цвел красивый розовый ксантиум. Молодой парень купил хлеб и небрежно его бросил на капот. Старик в башлыке, завязанном на голове по старинному фасону в виде замысловатой шляпы, сидевший рядом с парнем, хлопнул его по руке. «Это ведь хлеб, пури!». В ответ подвыпивший парень разозлился и так же ответил старику, хлопнул его по руке. Старик опешил, растерялся. Всю остальную дорогу молчал.

xxx

Втроем мы проехали Джавахетию, южную Армению. Из Еревана поехали в высокогорья, поднимались на Арагац, где на яйлах за нами бежали мальчишки-пастухи, громко крича «Бабушка, дедушка!».

Из Еревана поехали в Тбилиси, а оттуда вернулись на Зеленый мыс.

Улица детства

Середина августа. Тбилиси. Вечер. Мы идем на улицу Каргаретели, улицу моего детства. Все знакомо, и в то же время печать другой жизни лежит на этом маленьком дворике, старинном дворце племянника Наполеона, который в детстве я видела из окна нашей большой комнаты. Стою на улице, заглядываю вверх на второй этаж и вижу ярко горящую люстру. Андрей и Павел равнодушны. Им эта улица ничего не говорит. Я их веду по бывшей Татьянинской и Ольгинской улицам. Выходим к Кирочной.

Я ищу храм, кирху, куда однажды маленькой девочкой я зашла в воскресенье и горячо молилась. Церковь существует. Но в моем воображении она другая. Вижу сусальный лубок.

xxx

Из Батуми в августе улететь невысказано. Миловидова на экспедиционной машине вернулась в Москву. Андрей не спешил, вместе с Павлом ездил в горы, работал. Я воспользовалась очередной раз знакомствами Ваню. Дежурила в аэропорту. Провела три дня у двери начальника аэропорта. Рядом со мной ожидала средних лет крестьянка из-под Горького (Нижний Новгород). Ее сына в цинковом гробу отправили домой из Афганистана. Начальник, толстый, раскормленный, с большим животом, сочувствовал. Достал ей билет вне очереди. Стоя у двери этого сытого и довольного жизнью человека, я вспоминала, как на батумском пляже случайно разговорилась с женщиной, сидевшей на скамейке. Она летела в Афганистан опознавать своего сына. Сама из русской глубинки. Эта неизвестная, тайная война накрыла черным крылом Россию. Многие грузины и аджарцы, мои соседи, находили знакомства, отмазывали своих детей. И я их не осуждала.

Гурам Джиджавадзе

С семьей Темури Джиджавадзе мне приходится сталкиваюсь ежедневно. Их взрослая, на выданье, дочь Нино – приятной наружности, с черными локонами. Играет на фортепиано, красиво поет. Работает музыкальным работником в детском саду ботанического сада. Из своего рабочего кабинета на втором этаже я иногда слышу из детского сада музыку. Это Нино обучает детей пению. Когда она приходит в ботанический сад на занятия, девушки собираются в детском саду у фортепиано и поют на несколько голосов.

Нино выдали замуж за богатого парня в Чакве. Получилось так же как и с первой дочкой. Сыграли свадьбу, а парень оказался наркоманом. Нино убежала домой. Возможно, вернули ее обратно. Опозорили. Об этом

шепотом говорят в нашем отделе. О том, что приданое в виде золотых колец и украшений не вернули. Нино навсегда осталась в родительском доме. Я однажды посоветовала ей куда-нибудь уехать. Но она молча выслушала и ничего не ответила. До сих пор, одинокая, живет в родительском доме. Хотя на особом положении. Всю черную работу делает невестка Натела.

Она пасет корову в мандариновом саду за нашим домом на карелинской даче, то есть привязывает ее к одному из мандариновых деревьев на длинную веревку. Корова методично, без аппетита срывает листья мандаринов. Что бы сказал сегодня агроном Саникидзе? Но времена Саникидзе давно позади.

xxx

В первую зиму, когда я только переехала, я увидела как Реваз, сын Нателы, целится в птичку из рогатки. Я попыталась отобрать. Реваз не отдавал, а я держала крепко. Он тянул. Я упала на дорогу, но продолжала держать. Мы разнялись только после того, как у меня в руках осталась рогатка. Больше Реваз при мне в птиц не стрелял.

xxx

Главный мой мучитель – это Гурам, больной сын Темури Джиджавадзе нашего соседа, живущего выше нашего дома. Он высокий, несколько сутулый, с таким же огромным, как у матери носом. Раньше по утрам, идя на работу, я видела его издали в мандариновых кустах, где он занимался онанизмом. Старалась пройти мимо по узкой дорожке. Он, видя меня издали, стесняясь, уходил. Теперь все иначе. Тетка постоянно его зазывает, говорит, что я хотела ее убить, что нужно отомстить. Поэтому Гурам ждет меня на дорожке с палкой, кричит, что я обижаю тетю Майю, что он меня сейчас убьет. Первый раз я побежала к Темури, стала просить Мэри, чтобы она уняла Гурама. Но в аджарской семье к сыну, наследнику, относятся подобострастно, с уважением. Мои просьбы не действовали. Пришлось вооружаться большой палкой для самозащиты. В бой со мной он не вступал. Только издали кричал и грозился.

В конце лета ко мне в гости приехала из Сибири сестра моего зятя с маленькой дочкой. Вечером я уехала в Батуми звонить в Москву, оставила приезжую гостью дома. Когда вернулась, обнаружила ее в большом смятении. В полной темноте южной ночи с балкона Олега Гурам разразился криками в мой адрес. Можно догадаться – тетка проводила сеанс внушения.

xxx

На северном крутом склоне от нашего дома была чайная плантация, посаженная моим прадедом. Я приложила много усилий для того, чтобы ее окультурить. Мама и тетка кидали мусор с площадки внутреннего дворика под откос, в дебри заросшего чая. Летели туда и бутылки. Осколков в кустах видимо-невидимо. Я спускалась вниз всегда с ведром для осколков. Набиралось много. Часто резала то палец на руке, то ногу. Но кусты давали чай, я его собирала. Постепенно освоила технологию, у меня получалось отлично. Отправляла родным в Москву. Доставалось и друзьям. Сегодня есть знакомые, которые при встрече со мной вспоминают этот незабываемый чай – майский и летний. Но приготовление чая вручную требует большого внимания и сил.

xxx

Во время нескольких перемеров нашего с братом надела чайная плантация оставалась колхозной. Вроде бы ничейной. Но на нее посматривали соседи. Тетка с Олегом агитировали Темури Джиджавадзе оформить на себя эту плантацию. Гурам там выпасал корову, подолгу сидел в чайных кустах, наблюдая мой двор, покушался на куриные яйца. Когда я обратилась с вопросом к Темури, он потупил взор. Земля в Аджарии ценность, а участок вполне хороший и для строительства дома. Подрастают внуки. Однако присвоить эту землю Темури не удалось.

xxx

Осенним вечером, я усталая, шла из Махинджаури. У дома отдыха «Магнолия» по пути меня окликнула сестра-хозяйка. Попросила одолжить ей сто пятьдесят рублей. Это было единственный раз, когда меня просили о

такой услуге. Эту женщину я знала только шапочно. Деньги я хранила в ящике комода. Если бы она не попросила одолжить, я бы не обнаружила пропажи. Денег на месте не было. Неприятная история. Я живу особняком. Кто мог украсть? В Махинджаури, в милиции, беседую с начальником. Расспрашивает, был ли кто рядом. Вспоминаю Гурама, он сидел в чайных кустах в белой рубашке. Как оказалось, за Гурамом такие проделки числятся давно. Мне советуют пойти к Джиджавадзе и сказать, что у всех соседей взяли отпечатки пальцев. Передать Гураму, что всех вызывают в милицию.

Дома вижу следы. Кто-то залезал в незапертое окно. Иду к Джиджавадзе. Гурам догоняет меня и говорит, что больше меня не будет обижать. На следующий день узнала: Гураму в милиции пригрозили, и он во всем признался. Вечером ко мне пришли его отец и мать. Долго мялись, просили прощения. Нужно вернуть деньги. Утром приходит Гурам, мнет в руке деньги. Отдает.

xxx

В колхозе – новые веяния. Разбирают, прирезают и оформляют колхозную землю с мандариновыми и чайными плантациями в аренду. После этой истории и я стала хлопотать о том, чтобы взять чайную плантацию в аренду.

Через год мне ее отдали в аренду на 49 лет.

Заботы Гульнары

На работе во время утреннего кофе рассказывают, сочувствуют. У Гульнары Гулиашвили очередные неприятности.

Подросла дочка Гульнары. Она, как в свое время ее мать, учится в чайном техникуме. Красивая, нежная Нина, (так зовут дочку Гульнары), полюбила красивого, но разбалованного парня из богатой семьи в Чакве. И также, как в свое время ее мать, молодые договорились о том, что жених украдет невесту. В последнее время так поступают многие молодые влюбленные. Сами решают свою судьбу, а родители смиряются, отмечают событие свадьбой, как у женской родни, так и у мужской. По заведенному

порядку. Женская сторона приносит в дом жениха приданое в виде колец, серег, браслетов, ожерелий, то есть драгоценности. Родня богатого чаквинца недовольна. Дочка Гульнары – бесприданница. К тому моменту, как Нина стала решать свою судьбу, у Гульнары также изменились семейные обстоятельства.

После смерти отца Нины Гульнара своим примерным поведением и хозяйственными способностями заслужила уважение в семье покойного мужа. С трудом была там принята и по неписаным, но вековым правилам, должна была до конца своих дней оставаться благообразной вдовой. Но Гульнара – еще молодая, красивая женщина. Ее брат Резо живет с семьей в Махинджаури. Гульнара очень дружит с братом, а у брата друг Джемал. Бойкий, средних лет мужчина. С ним Гульнара и сошлась. Семья Нининого отца, оказавшая Гульнаре большую честь, оскорбилась. Мусович, отец первого мужа Гульнары, работает агротехником в ботаническом саду. Он опять перестал узнавать невестку.

Гульнара прикладывает максимум усилий, чтобы обеспечить дочку. Едет в Сахалвашо, договаривается с бывшей родней, с дедом, просит их принять деятельное участие в организации свадьбы. И добивается. Сама из последних сил тянется, одалживает деньги, покупает кольца. В Батуми в своей, полученной с таким трудом квартире, устраивает свадьбу, зовет новых родственников. Девочку приводят в дом мужа. Там также отмечают замужество пышной и богатой свадьбой. Казалось: все завершается как в сказке. Но в жизни бывает иначе.

Нежная и болезненная Нина оказалась неспособной к роли невестки. Не работала на огороде, беременная сидела дома, не угождала свекрови и многочисленным сестрам мужа, которые по правилам сваливали всю работу по дому на невестку. Защиты от всевидящих и придирающихся женщин у Нины не было, так как мужа забрали в армию. Когда у Нины родилась дочка, ее с девочкой отправили обратно к Гульнаре. Гульнара поехала в Чакву. Боевая, твердая, она сумела убедить родню зятя в том, что они не правы.

Пыталась предупредить, что с ней шутки плохи. Маленькой дочке Нины уже было девять месяцев, когда вернулся из армии муж. Родня не успокоилась и снова отослала Нину с ребенком к Гульнаре.

Жизнь, как известно, борьба. Перестройка набрала силу. Часто я слышала о новом честном лидере, первом секретаре Кобулетского района Правишвили. Поселок Чаква относится к Кобулетскому району. На маленькую девочку и дочку Гульнара надевает все лучшее, купленное у моряков, заграничное и едет в Кобулету на прием к первому секретарю. Секретарь, увидев нежную красивую Нину и не менее прелестную малютку, проникся справедливым гневом. Чаквинская родня была тут же вызвана на ковер, ее приструнили. После поездки в Кобулету Гульнара приехала на работу. Я увидела ее – воинственную, в темной одежде, похожую на Медею. И Нину всю в розовом и белом, с малюткой. Розовое на черном. Нина не обладает бойцовскими качествами Гульнары, она робкая и болезненная. Гульнара долго хлопотала, чтобы она получила инвалидность. Часто навевалась в Чакву. Следила за тем, чтобы родственники ее не обижали.

Гульнара числится в нашем отделе научным сотрудником. Я ей от души симпатизирую и хочу помочь. Написала статью и поставила также ее фамилию. Но она повела себя соответственно своему характеру. Мою фамилию вычеркнула, все выдала за свое. Я это обнаружила, когда увидела уже вышедший сборник с научными статьями.

xxx

Грузинка Гульнара очень четко разделяла русских, грузин и аджарцев нашего сада. Когда во время застолий подходила ее очередь и произносились тосты в ее честь, прежде всего вспоминали ее мать, работающую Верочку. Достоинств Гульнары не упоминали. Она это очень болезненно переживала.

В 1991 году, когда к власти пришел Звиад Гамсахурдиа, именно она и Нази Учамадзе возглавили в нашем отделе движение звиадистов. Усилили национальную тему. Последний раз я видела Гульнару в 1993 году, когда я вынуждена была покинуть родину. На работу я уже не ходила. Мой кабинет

был захвачен мингрелкой Этери. Гульнара с пристрастием меня спросила: «Где границы твоей России?». Мне сразу привиделась Чукотка, Берингов пролив и серые волны, омывающие скалы. А Гульнара мне со злобой:

– Скоро твоя Россия будет только Москва!

Бедная Гульнара! В Аджарии в середине девяностых стало голодно. Сотрудники на работу ходили редко. В Батуми она пекла пирожки и продавала, чтобы подкормить семью.

xxx

Закрытая половина в старом доме постепенно разрушается. Упала печная труба. От старости рассыпались кирпичи. Дом чуть не сгорел.

Мои добросердечные сослуживицы советовали поджечь старый дом. Говорили, что таким образом проблема будет решена. Но я на такой поступок не способна, хотя, возможно, они были правы.

Разрешения на строительство нового дома мне не давали. Без плана ничего строить нельзя. Нужно утвердить план. В то же время вокруг вырастают, как грибы, новые дома, построенные без всяких планов и разрешений.

Когда приезжает Саша, он мне не помогает, а вечерами, стараясь, чтобы я не увидела, ходит к тетке и Олегу.

Он мечтал иметь свою собственность. Хоть маленькую, но свою. А как поделишь дом, в котором один выход? И у каждого всего несколько метров? Брат мне доказывает что ему принадлежит мамина комната, с выходом на площадку, в которой я живу. Аргумент – он там родился. А я помню, что он родился в Тбилиси.

– Какие глупости! – говорю я.

– Саша, тут делить нечего. Ты приезжаешь, у нас все общее. Рано или поздно Олег и тетя Майя определятся. Дом, который они построили, узаконят, а старый мы поделим на две части. Когда-нибудь нам все же выдадут разрешение на строительство.

Он вроде бы соглашается.

xxx

В Москве я протезирую зубы у Дмитрия Ильича Спивака. Это известный в Москве протезист с большими связями. Он советует проконсультироваться у его знакомого юриста. Называет фамилию. У Белорусского вокзала в юридической консультации я попадаю к брезгливому дядьке. Скороговоркой начинаю объяснять ситуацию. Он мне с упреком:

–Вы в ссоре со своей теткой, с двумя братьями, чего же вы хотите?

Видимо, дело в Вас! Вот и вся консультация. Я выхожу на площадь Белорусского вокзала. Непогода, слякоть, толпа серых людей вливается в метро. Я медленно иду, слезы текут ручьем по щекам. Меня хлопает по плечу дюжий парень:

–Не грусти мать, все будет хорошо!

xxx

Я размышляла: может, стоит дать взятку? Мы с Андреем на севере заработали по тем времена большую сумму – почти 50 тысяч рублей. Но никакими взятками я не могла бы перещеголять Олега. Я- женщина, (на Кавказе это имеет значение), русскоязычная, не врач. А Олег набрал большой вес.

Поездка в Тбилиси

В декабре после сбора мандаринов мы с Андреем поехали в Тбилиси в ботанический институт.

Стиль работы сотрудников ботанического института резко отличается от стиля работы в Батумском ботаническом саду. Ботаники продолжают традиции известных предшественников: Александра Альфонсовича Гроссгейма, Анны Лукьяновны Харадзе.

Здесь я подружилась с Заирой Ильиничной Гвинианидзе, возглавляющей гербарий.

Тбилиси. Ботанический институт. Крайняя справа Заира Ильинична Гвинианидзе.

Остановились в гостинице Академии наук в Ваке. Это большое трехэтажное здание, расположенное на склоне горы. В гостинице свои порядки. Двери не закрываются. На месте неоднократно сорванных замков большие дыры. В номере тяжелый запах курева, отсутствуют стулья. Ни буфета, ни чая. Плата за неудобство большая.

xxx

Два года назад мой брат Саша по инициативе жены Тамары обменял квартиру в Глдани на более престижный район Ваке. Теперь дом, в котором живут Саша, Тамара и их дочка Ирочка, находится как раз над гостиницей. Это высокая башня. Андрей по наивности не понимает, что просить их о гостеприимстве не стоит. Чувствую – обязательно откажут. Лучше жить независимо. При расплате за гостиничный номер оказалось, что денег у нас не хватает. Пошли просить у Саши. Отказал. Братец у меня своеобразный. Настороженный, скупой и жалкий. Выручила Заира. Она мне в те годы была очень близка, как сестра. А если бы не Заира?

Летом Варлам Мамунидзе, первый секретарь Аджарии, попал в Кремлевскую больницу. Ваню приезжал по этому поводу в Москву, посещал любимого брата.

Рассказывал, что на очередном приеме в Сухуми брат переел. В результате- заворот кишок. Успели спасти. Зимой Варлам неожиданно трагически умер. Тихо говорили, что покончил жизнь самоубийством. Другие поговаривали, что это инсценировка. В сплетни, которые я слышу краем уха, не совсем верю. Но разговоров много. Хоронили Варлама без почестей. Дом, где жили лучшие люди правительства, находится в центре Батуми на улице Сталина. На темной, неосвещенной улице толпа. Поднимаемся на четвертый этаж в большую квартиру. Гроб. Родственники и убитая горем мать, все в черном, сидят у гроба в два ряда. От ботанического сада был сделан особо красивый венок с черной лентой и надписью, как и положено.

К власти пришел Аслан Абашидзе.

1988г .Родилась внучка Майечка!

Новый год мы с Андреем встречали на Зеленом мысу вместе. Бушевало темно-серое море. Почти черные тучи на небе разрывались, открывая синее небо, которое тут же заволакивало.

1 января в гости к нам пришли мои школьные друзья Витя Кабак со своей женой Этери Зоидзе. В молодости он был упрямым и очень энергичным, а Этери – нежной, тихой, с золотистыми косами. Теперь к ним и к нам подступала старость. Но мы еще были бодры, полны сил.

Сидели на веранде, пили вино. Дрова уютно трещали в маленькой печке.

1988г. На новый год пришли в гости мои школьные друзья Витя Кабак и Этери Кабак (в девичестве Зоидзе). Я с собакой Марсиком

xxx

Выпал снег. Андрей дома строчил на машинке. Железная печурка сразу давала тепло, потом быстро остывала. Как только температура падала ниже 10 градусов, промозглый холод охватывал до костей. Сказывалась высокая сырость.

Бедные птички!

Заповедник природной флоры в ботаническом саду – буково-каштановый лес. Для горцев, привыкших жить в лесах, это обычный лес. Что такое заповедник, они не понимают.

Основной пост милиции ботанического сада находится на первом этаже двухэтажного дома в центре сада. В большой комнате стоят кровати. Похоже на общежитие. В саду еще два поста милиции – при входе со стороны Зеленого мыса и со стороны Чаквы. Там можно обнаружить милиционеров. На постах тоже есть постель для ночлега во время дежурств. Обходов милиционеры не делают.

xxx

Во время снегопада мужчины окрестных сел идут в заповедник стрелять птиц. Просыпается охотничий инстинкт. Встретить в ботаническом

саду и на Зеленом мысу такого охотника с одностволкой или с двустволкой, а главное – с гирляндой малюсеньких пичуг на поясе, в это время легко.

Охотятся и милиционеры. Большинство из них – приезжие из горных сел.

Работать мне трудно: в заповеднике, через овраг, постоянно раздаются выстрелы. Начинаю звонить Ваню, Нури Мемедовичу, в милицию. На мои звонки всегда обещают срочно принять меры. Главное – не отказать. Но никаких мер не принимается и я снова слышу выстрелы. Радуюсь, что о них не знает Андрей, который очень переживает, вспоминая о том, что многие южные птицы здесь зимуют и им уже грозит полное исчезновение.

xxx

В воскресный день мы с Андреем возвращаемся с рынка. У чайного техникума видим незнакомого охотника с одностволкой. У Андрея в руке авоська, наполненная овощами. Он размахивается и неожиданно для меня и для охотника ударяет его авоськой. Охотник гортанно выкрикивает ругательства, целится в Андрея. Все происходит мгновенно. Я повисаю на ружье и начинаю звать: «Реджеб! Реджеб!»

Реджеб – один из главных охранников природы – живет недалеко, на горе. Но, конечно, услышать он меня не может. Это моя инстинктивная реакция. Охотник, ругаясь, отступает.

xxx

Реджеб Багратиони в конце тридцатых годов был министром юстиции и участвовал в репрессиях. Грузия – небольшая страна. Об этом помнят. Недавно его имя, как одного из главарей репрессий, упоминалось в журнале «Литературная Грузия». Нермин Багратиони, его дальняя родственница, говорит об этом с досадой.

Реджеб

Реджеб – невысокий, хорошо сохранившийся кряжистый старик со стеклянными, настороженными глазами. Его дом выходит на верхнюю дорогу, ведущую в ботанический сад. Когда мы следуем мимо его дома, он стоит при входе, словно сторожит. Возможно, от безделья. Встречая Андрея

и меня, громко, вроде как причитая, называет нас учеными, умными, дорогими. Рассыпает приятные слова, которые звучат весьма неискренне. Андрей долго беседует с Реджебом об охране природы, о бедственном положении ботанического сада. Реджеб сочувствует, рассказывает, каким был ботанический сад давно, до войны. Рисует райские картины. Действительно, тогда вход в ботанический сад начинался почти на повороте к перевалу. Там находилась касса, которую я помню в своем раннем детстве. Потом очень долго, когда входа уже не было и в помине, о нем напоминал столб с круглым шаром на верхушке. Весь склон и сама экспроприированная дача Ратишвили принадлежали ботаническому саду. Помещения дачи остались за ботаническим садом, а на склоне образовались усадьбы. Теперь вниз по склону, вплоть до санатория «Аджария» выстроено несколько серых каменных двухэтажных домов с большими мандариновыми плантациями. Жители этих домов мне хорошо известны. Каждая семья имеет свою историю. Например, Джинчарадзе. Помню хозяйку: когда я была школьницей, она отличалась как подающий надежды комсомольский вожак. Ее по довоенной традиции выдвигали. Были свои герои труда и на чайных плантациях. Теперь она мать большого семейства, сильно располнела и ее энергичные привлекательные черты расплылись. Стахановок выбирали по внешности.

Еще ниже Ратишвили – большой дом Кукуладзе. Их я помню молодых. Они жили в маленькой сторожке у сгоревшего дома Карелиных. Когда я иду на работу нижней дорогой, надо мной высится огромный дом Кукуладзе. На балкон выходит уже очень пожилая, но не утратившая своей красоты Тамрико. Вижу иногда и ее уже очень старого мужа Серго. Через несколько лет он свалится с подъемника и погибнет.

xxx

С балкона дома Реджеба открывается замечательный вид на батумскую бухту – как на ладони. Я ее вижу каждый день, идя на работу, и не могу оторвать глаз.

Реджеб зазывает полюбоваться. Но никогда не приглашает в дом. Иногда на балкон выходит его супруга Ольга. Невысокая, невыразительная, она всегда одета по тбилисской моде довольно несуразно. Обязательно на голове шляпка с искусственными розами или с большими полями. Улыбается. Однажды я, стоя на веранде, ненароком решила заглянуть в дом. Но Реджеб взволнованно стал звать супругу. Я поняла – там охраняемая территория. Есть у Реджеба и Ольги дочка-учительница. Средних лет, типичная кикелка. Что такое кикелка? Это модница-кривляка. Одета в немыслимые наряды для того чтобы выделиться.

xxx

Я часто вижу Реджеба в кабинете Ваню. Он разглагольствует об охране природы и, видимо, сильно надоел. Но Ваню принимает его, слушает.

Перестройка катилась к закату. Как гром прозвучало в печати известие о том, что на месте старой телевышки будет выстроена новая – грандиозная, которая будет транслировать очень далеко, даже на другой берег Черного моря, в Болгарию. В последние советские годы все чаще разыгрывалась карта присоединения Болгарии к Советскому Союзу.

Постройка очень высокой телевышки грозила сносу вершины горы Фриде. Меня очень огорчало то, что часть ботанического сада с восточного склона горы погибнет. С западной стороны постройка телевышки грозила дому Реджеба. Он заволновался. Привлек для этого все свои старые, но прочные знакомства в КГБ. Вызвал солидную комиссию во главе с директором Главного ботанического сада, Сибирского ботанического сада и еще нескольких партийных и солидных ученых. Было сделано заключение. Отправлено по инстанциям. Но главный защитник природы Реджеб продолжал волноваться. Не верил.

Зря волновался. Вскоре Советский Союз развалится, станет не до новой телевышки.

Скоро никому уже дела не будет до строительства не только телевышки, но и вообще строительства. Все силы будут направлены на питание, отопление, выживание.

Золотые рыбки в болоте

О продовольственной программе не перестают говорить призывают каждого внести и свою лепту. Я считаю, что в Батумском ботаническом саду необходим отдел культурных растений. Его возможности далеко не исчерпаны. В других ботанических садах есть отделы культурных растений, показывающие достижения интродукции. Иду к директору, излагаю свою идею. Необходимо создать экспозиции культурных растений в самом теплом, защищенном от морских ветров месте ботанического сада. Ниже дирекции Всеволод Владимирович Ангельский выращивал многолетние корневища чайота. К докладной прилагаю списки, план размещения. Ответа нет.

Ранее я писала докладную об оформлении обочин дорог Аджарии, ботанического сада посадками декоративных кустарников. Голубая пышная гортензия цветет в середине лета, в разгар курортного сезона. Вырастить ее очень легко. Уход минимальный. Если вместо обочин, заросших сорняками, экалой и ежевикой, засверкали бы синие шары соцветий гортензии, как бы это было красиво! Причем не требует больших затрат. Но все, о чем я писала директору, осталось невостребованным.

xxx

В грузинской газете «Сабчота Аджара» появилась статья: «Золотые рыбки в болоте». Подписано неизвестной фамилией. На самом деле вполне известной. Говорят, что ее писал Дато Гвианидзе. Недостаточная охрана природы, рыбки в болоте, плохое состояние сада, красочно описанные в этой статье, совершенно ни при чем. Это борется Дато с Ваном. Ван не дает Дато должности заведующего отделом, на которую целится не только Дато, но и сын министра лесного хозяйства, Зураб Манвелидзе. Дато на работу почти не ходит, ботаникой почти не интересуется. Зураб же помогает Вану с диссертацией. Поэтому у него преимущества. По этому поводу собирают

ученый совет. Ученые ботанического сада пытаются выяснить, к какой партии я отношусь. Ваню – мой прямой начальник. В политике сада я не разбираюсь и принципиально не хочу участвовать в интригах. Но статья, по моему мнению, вполне справедливая. На ученом совете, собранном по этому поводу в большом темном кабинете директора, я говорю: сад необходимо спасти! Очень больной Важа Мемиадзе обращается ко мне: «Не твое дело сад, сиди в своем отделе!» Я разозлилась, разволновалась, ответила ему: «Откуда ты знаешь, что я думаю? Почему только один отдел, а не весь ботанический сад? Может быть, у меня космическое мышление. Прежде всего – это моя родина», – заявляю я гордо.

Но спорить, вникать в их дела не стоит. Спасибо, что я могу ни от кого не зависеть. Нури Мамедович – человек сверхдобрый. Мне, как и всем, кто к нему обращается, ни в чем не отказывает. Спасибо! Позже, после смерти Нури, когда к власти пришел Ваню, я почувствую большую разницу в руководстве.

xxx

В мае в ботаническом саду должен состояться очередной Совет ботанических садов Закавказья. Я удивляюсь: никакой подготовки к встрече гостей не идет. Сад в самом тяжелом состоянии. Коллекции в неприглядном виде. В японском садике запустение. Японский прудик зарос и обмелел. Золотые рыбки погибли. И уже давно забыты нарядные витые ограды из бамбука, оригинальные навесы, которые были здесь когда-то. Сток воды в прудик нарушился.

По-прежнему после бурь ветки собирают в кучи, поливают бензином и поджигают.

Вдоль центральной дороги протянулись столбы электропроводки. Один из них стоит у японского садика. Ветви высокого сциадопитиса разрослись. Это очень редкий крупный экземпляр. Красавец! Вместо того чтобы перенести столб (это нетрудно), ветви сциадопитиса обрубили. Подобных случаев много. Решили побелить здание дирекции. В результате была

уничтожена уникальная глициния и редкая, единственная в Колхиде, роза. Маша Овчинникова выращивала коллекцию магнолий. Они заросли травой, их скосили. И так далее. Новые виды сажают в единственном экземпляре. Объясняют – места мало. Единственный экземпляр араукарии чилийской погиб. Высокие деревья, посаженные Красновым, пока еще стоят. Но на грани гибели редкая коллекция азалий в японском отделе.

Корнелий отхватывает все новые куски земли в начале сада. На склоне построил уже два коровника! Это безобразие вижу каждый день, идя на работу. При входе в ботанический сад торчит огромный пенёк погибшего кипариса лузитанского. Никто не удосужится хотя бы выкорчевать его. Полное впечатление, что это беспокоит только меня. В который раз я опять начинаю вспоминать, как маму раздражал мой характер, как она, восторженная, говорила, что я – критиканша, вижу все в дурном свете, не умею восхищаться. Да, я такая. Я прекрасно представляю, как бы было, если бы приложили хоть маленькие усилия, сохранили хотя бы прежние достижения. Ведь А.Н.Краснов мог в этом чудесном месте создать волшебный сад всего за два года!

xxx

Наступил май. Отросшая молодая листва прикрыла неприглядные места. Совет ботанических садов состоялся. Главное событие – банкет. Как и раньше, на самом высоком уровне. Глава Совета, его председатель Мамия Гоголишвили вел стол артистически. Он вызывал представителя того или иного ботанического сада. Тот должен сказать красивые слова о своем саде. Было много гостей: из России, Украины. Кто не захочет побывать в Батуми в мае!

xxx

22 апреля в Мурманске родилась моя вторая внучка, названная в честь меня Майей. Зять уезжал в Минск на учебу. Я привезла Олю с двумя маленькими дочками на Зеленый мыс. Галю устроила в детский сад на первом этаже того здания, где я работаю. В него водят детей сотрудников.

Странное дело! Я прекрасно знаю, какая идеальная чистота в домах местного населения. Но тут – учреждение государственное. В помещениях садика сыро. Простыни серые. Матрацы лежалые. Грязновато и на кухне. Симпатичная заведующая садиком в конце дня несет домой две большие сумки.

xxx

Майечке, моей внучке, исполнилось три недели после рождения, когда мы прилетели в Батуми.

Совсем недавно мы видели еще заснеженные сопки Мурманска, а тут – шпалеры цветущей кремовой розы, полностью покрытые благоухающими цветами. Началось цветение цитрусовых, распространяющих дурманящий аромат, особенно сильно ощутимый вечерами. Белые кисти соцветий светились в теплой ночи. Родина!

xxx

Майечка была совсем маленькой. На посадке в самолет ее приняли за куклу. В один из первых и особенно жарких дней к нам в комнату залетело несколько шершней. Это крупные насекомые. Их укусы особенно ядовиты. Я схватила полотенце и с трудом выгнала их наружу. Вышла из дома и вдалеке за домом тети Кати Щепетовой увидела клубы дыма. Оказалось, что шершни свили гнездо в полом, выгнившем стволе кипариса. А бравый сосед дядя Вася Щепетов решил избавиться от шершней, запалив пук сена в основании ствола. Сильная тяга полого ствола-трубы выгнала шершней и одновременно подожгла кипарис. Еле потушили.

xxx

Нужно Майечку поставить на учет в детской поликлинике. Приготовили подарок врачу Луаре. Она молодая и красивая, на пальцах обеих рук нанизаны кольца с брильянтами.

В поликлинике воды нет. Оборудование минимальное или полностью отсутствует. Грязные стены, выкрашенные в темно-синий цвет. К врачу идут все скопом, не соблюдая порядка. В кабинет набивается масса народа.

Летом Майечка заболела: сильный кашель. Мы вызвали Луару. Но мне сказали, что врачи по вызову не ходят. Нужно обеспечить их транспортом. К моему удивлению, Луара поднялась к нам на гору. Взяла на руки Майечку и произнесла: «Кукла, кукла, немецкий кукла» (в те времена большой дефицит красивые куклы из ГДР). Потом обернулась к Оле и спросила: «Мальчик? Девочка?» А Майечка у нее на руках раздетая. Потом мы на этот счет часто шутили.

xxx

Олег закончил и внутреннюю отделку своего дома. На подъезде к его дому постоянно находится несколько машин с пациентами, которые приехали на консультацию. Случайно обнаружила: он поставил капитальный забор и подвинулся на мою территорию.

xxx

В Тбилиси, в Академии наук, я должна получить диплом доктора наук. Одновременно решила обратиться в центральный комитет партии Грузии. Олега прикрывают в Аджарии. Может быть, разберутся вышестоящие партийные лица Грузии? В красивом здании в центре города, в большом нарядном кабинете сидит расфуфыренная русская тетка. Цинично и высокомерно заявляет:

–Мы партия – никто, мы только контроль, нас это не касается. Идите в Совет министров.

В Совет министров я не пошла. Бесплезные игры. Партия-оборотень, странный оборотень. Именно они и есть власть, эти раскормленные крошки Цахесы. Во всем ложь, во всем!

xxx

В Академии наук – чистые длинные коридоры, тихие кабинеты. В одном из них аккуратный пожилой, весь в черном, чиновник достает из сейфа мой диплом и буднично мне его отдает. А я надеялась: руку пожмут, поздравят. Андрею вручали диплом в торжественной обстановке. Ладно. Теперь я действительно доктор наук. Диплом не восстанавливается, а копии

будут очень нужны. Где сделать копию? С множительной техникой в Тбилиси плохо. В академии ее нет. Меня адресуют в грязную контору под раскаленной железной крышей в самом центре главной площади – Ленина. Бабушка эту площадь называла Эриванской. Мне сделали ксероксы на синей бумаге. Видимо, и с бумагой у них плохо.

Поездка в Хино

Научный сотрудник Кинтришского заповедника Джумбер Джобава живет в центре Кобулету. Его жена Татьяна родом из Твери, учительница. У них взрослые дети: сын и две дочки. Большой недостроенный каменный дом. Летом жизнь большой дружной семьи идет в основном на открытой веранде второго этажа.

Джумбер – интеллигентный грузин, влюблен в заповедник и его растительность. Я стала изучать каштан. В результате вместе с Джумбером были написаны совместные статьи, посвященные этой культуре. В благодарность за все, что для нас бескорыстно делал Джумбер, Андрей в честь него описал новый вид рябчика – небольшого красивого цветка, найденного в высокогорьях Сарбиелы.

xxx

У меня была запланирована тема, которой я должна заниматься в горах Аджарии. Темой руководит мой начальник Ваню. Но только на словах. Работу нужно сделать за пять лет. В конце срока написать отчет. Когда я обращаюсь к Ваню для предоставления экспедиционной машины и лаборанта, как указано в плане, мне отвечают, что машины нет.

Однако в саду есть экспедиционная машина. Это высокопроходимый в горах «козлик». Большею частью на этом козлике ездит родственник Ваню - Автандил Беридзе. Говорят, возит людей и грузы в дальние горные маршруты. А гонораром делится с Ваню. Но это только слухи.

На экспедиционную машину, таким образом, нам надеяться не приходится. Поэтому мы с Андреем, который собирает материал по флоре

Аджарии, пользуемся личными знакомствами и беспредельным гостеприимством горных жителей.

xxx

Река Кинтриши – вторая по значимости река Аджарии – впадает в Черное море в районе Кобулет. В долине реки – заповедный буково-каштановый лес. В верховьях Кинтриши – старинное село Хино. Его называют Нижнее Хино. Потому что есть и Верхнее Хино в высокогорьях на хребте Сарбиела.

xxx

В ботаническом саду появился новый сотрудник Эмзари Нагервадзе. Приятной наружности молодой человек проявляет большой интерес к растениям. Хочет заниматься лилиями, особенно высокогорной лилией Кессельринга. В середине лета мы втроем – я, Андрей и Эмзари – отправились в верхнее Хино.

Из Батуми в Кобулет каждые полчаса курсируют большие автобусы. Два крутых перевала, Чаквинский и Цихисдзирский, преодолеваются быстро. Только на крутых подъемах большой автобус с трудом, словно тужась, берет высоту. Зато вниз идет плавно, быстро лавируя на очень крутых поворотах. На дорогу уходит менее часа. С Чаквинского перевала дорога резко заворачивает. На первом повороте находится красиво оформленный родник. Раньше его называли Бериевским. Когда в Колхиде Лаврентий Павлович был одним из первых людей, он любил тут остановиться, попить чистой воды. Подобострастные подхалимы назвали родник в его честь.

За очередным резким поворотом перед пассажирами разворачивается незабываемая, известная всему Советскому Союзу, картина. Пологие холмы, покрытые чайными плантациями. Вдали цепи гор. Картину можно видеть на спичечных, папиросных, чайных коробках.

xxx

В 2003 году я отдыхала на севере Ленинградской области в военном санатории. На стенах огромной столовой художник изобразил масляными

красками эту, хорошо знакомую с детства, картину. Но, видимо, кустарь списал ее с какой-то старой этикетки на спичечной коробке. Узнать замечательную картину, такую мне знакомую с детства, на стене было весьма трудно.

xxx

Слева, на границе с заповедником ботанического сада – большая, весело зеленеющая бамбуковая роща. Мы плавно спускаемся в долину речки Чаквисцкали, где раскинулся поселок Чаква. Тут в конце XIX века начиналось чайное дело. После спуска дорога некоторое время тянется вдоль железнодорожных путей. У станции Чаква стоят заржавленные товарные вагоны. Снова дорога берет круто вверх к Цихисдзирскому перевалу. Она огибает высокий, выше 150 м высотой, холм с южной стороны. С вершины перевала снова открывается вид на море, на дачу князей Голицыных, теперь дом отдыха. Очередной поворот, и на хребте над морем можно увидеть каменную кладку, остатки крепости Петра, а в далеком, очень далеком прошлом – важный форпост греков, гунуэзцев, турок. Теперь это развалины. На южной, противоположной к морю, хорошо прогреваемой стене крепости в конце тридцатых годов был построен лимонарий – высокие застекленные теплицы. Теперь это почти полностью разрушенное строение, вызывающее только досаду разбитыми стеклами, покореженными рамами. Снова вниз. Пересекаем железную дорогу и едем по прямому шоссе несколько километров по приморской долине. Дорога когда-то была обрамлена большими пальмами канарского финика. Пальмы вырубали. О том, что они действительно были, часто вспоминают, адресуя к грузинскому фильму «Стрекоза». Героиня фильма едет по этой красивой аллее. Рядом со станцией Кобулету – сквер с большими деревьями гинкго.

xxx

В село нижнее Хино мы ехали по грунтовой дороге на грузовой машине заповедника. Сначала дорога тянется по широкой речной долине, полностью занятой чайными плантациями. Только изредка можно увидеть

тунговые невысокие деревья. В конце двадцатых годов культуре тунга придавали большое значение. В долине Кинтриша были значительные его посадки. Эту ценную породу выращивали ради маслянистых крупных, величиной с грецкий орех, семян. Они содержат ценные вещества, используемые для изготовления высококачественных масел. Но тунговые деревья живут недолго. Плантации не возобновлялись и почти полностью исчезли.

Вдоль дороги на обочине чайной плантации – православное кладбище. На могилах стоят кресты. Это могилы русских солдат, погибших в 1878 году при штурме Цихисдзирской крепости Петра. Владимир Гиляровский, «дядя Гиляй», русский писатель, оставил воспоминания об этом штурме.

Начинаются предгорья. Холмы, так же как и на Зеленом мысу, полностью заняты приусадебными садами, мандариновыми плантациями. Есть очень большие дома, как бы повисшие над сужающимся ущельем реки. Выше начинается заповедная территория. Каштан цветет поздно, в начале июня. Во время цветения по всему ущелью распространяется пряный неповторимый аромат его цветов, собранных в большие, похожие на фонтанчик, соцветия. Цветение каштана настолько обильное, что с дороги противоположный склон горы, покрытый каштановым лесом, белеет. Дорога идет над обрывами реки, набирает высоту. Начинаются дома селения Нижнее Хино: старые, деревянные, из каштана. Каштан – замечательная порода. Древесина его пропитана дубильными веществами и в сыром виде прекрасно поддается обработке. Но стоит доскам высохнуть, они темнеют и становятся прочными, словно каменными, не гниют.

В таком большом каштановом доме мы останавливаемся у лесника Романадзе. С открытой веранды открывается очень красивый вид на бурлящую реку. Противоположный берег покрыт буково-каштановым лесом. По берегам высокотравье. Вокруг дома огороды, отвоєванные у леса. Тут посадки кукурузы с лобии, грядки с зеленью. Под домом коровник. Навоз можно выгребать прямо на огород и кукурузную плантацию. Дом очень

старый, с щелями. В центре дома очаг, на котором готовят пищу. Зимой дом заваливает снегом. Поэтому в люльке «аквани» детей держат плотно спеленутыми, чтобы не простудились.

xxx

Аквани – это низкая люлька, в основании ее полукруглые обода, для того чтобы она качалась. От люльки идет длинная веревка. Потянешь – люлька начинает качаться. Ребенок плотно запеленут. Под его попкой в пеленке и в люльке дырка. Под полом люльки привязана банка, куда сливается моча. Мы во влажном и дождливом климате измучились стирать и сушить пеленки маленькой Майечки. Я на работе пожаловалась. Мне стали объяснять, как удобно и разумно держать ребенка в аквани. Следы аквани можно увидеть у мужчин. Это усеченный плоский затылок. Видимо, такие же затылки и у женщин, но под волосами не видно.

xxx

В Верхнее Хино мы пойдем ранним утром, пока прохладно. У хозяина арендуем лошадь. На ней доставят наши сетки, газеты, вещи.

У дома стоят две небольшие кряжистые лошади. На одну хозяин навьючил наши вещи и те, которые он везет семье. На вторую садится сам. Мы пешком идем налегке вслед за ним. По дороге вдоль поселка собирается несколько конных, уходят вверх по лесной тропинке. По мере подъема становится жарко. Дорога все круче и круче. Начинают встречаться субальпийские виды. Лес поредел. Начались густые заросли рододендрона кавказского – деки. Туман накрыл вершину. Проводник кнутом показывает направление и исчезает в тумане. Выходим на плато, надеясь увидеть летние домики. Ничего тут нет. Только снег лежит пеленой да проталины. Бредем между снегов как в тоннеле. Изредка впереди мелькает силуэт всадника. Пройдя довольно много по горному заснеженному плато, мы неожиданно начинаем снижаться и опять попадаем в лес. Неужели снова спуск? Проводник говорит только по-грузински. Спускаемся и видим летний поселочек на противоположной стороне горного ручья. Это нас ободряет.

Идем дальше, пересекаем ручей. Но еще нужно подняться к поселочку. Дождь. Мы вымокли и очень устали.

Этот ручей уже течет по другому склону Малого Кавказа в Бахмаро, куда, как мы потом узнали, такой же путь, как и в Нижнее Хино. Горные плато с яйлами, на которых выпасается скот, сообщаются между собой. С Сарбиелы можно, пересекая на восток яйлу, попасть и в бассейн Аджарисцкали.

xxx

От деда я часто слышала старинную легенду, как возникло название Бахмаро. Он картинно рассказывал отдыхающим дамам: молодой джигит украл любимую, но соперник догонял его. Тогда джигит на глазах у соперника сказал: «Бах Маро». То есть она не достанется ни тебе, ни мне. Зарезал бедную девушку. Место трагедии получило такое название.

xxx

В поселочке нам выделяют пустующую летовку. Это дом на столбах, в который можно забраться на второй этаж по колеблющимся мосткам. На первом этаже, прилепленном к склону, – коровник. Помещение наверху – большое, просторное. В центре очаг. На жестяной подставке угли, зола. У стен свалены клеклые шкуры. Ночью они нас очень выручили. Мы с Андреем совершенно обессилели. Отдыхаем. Молодой и жизнерадостный Эмзари уходит добывать воду для приготовления чая. Вскоре он, как всегда улыбающийся, приходит с кувшином-гугунчиком, который подвешивает над огнем. Ночуем под шкурами.

Непогода держалась несколько дней, поэтому гербарий сох плохо. Собрали много интересного. Однажды чуть не сожгли домик. Ушли в поход, а сетки поставили вокруг очага. Поленья разгорелись. Мы, возвращаясь, издалека увидели дым из под крыши. Побежали. Очередной раз выручил Эмзари. Быстро наполнил гугунчик, залил уже занявшиеся доски деревянного домика.

Меня пригласили в один из домиков в качестве врача. В горах часто ученого путают с «экимо» – врачом. В тех местах очень любят лечиться. Думаю, потому что в горах раньше не было никакой врачебной помощи. Задышающуюся от астмы пожилую женщину специально привезли в горы на чистый воздух. Она продолжает задыхаться. Снизу из коровника поднимаются ядовитые испарения.

Мы приглашены на званый ужин в семью Романадзе. Полная жена и две хорошенькие дочки угощают нас каймагом, витым сыром. В домике очень чисто, особенно впечатляет натертая до блеска алюминиевая посуда, большие чаны, в которых варится и настаивается сыр. Медной посуды уже давно нет.

Погода установилась, а наш гербарий раздулся. Кончились газеты. Для того чтобы сохранить собранное, нужно срочно вернуться домой, высушить. В обратный путь мы идем пешком, нагруженные гербарием. Теперь мы можем ориентироваться на местности. Видимость идеальная. Поднялись на плато. Домики летовок остались далеко внизу и выглядят игрушечными. За ними цепи гор и вдалеке весь в белых снегах главный Кавказский хребет. Идем по плато, любимся зарослями цветущего рододендрона. Под ним растут очень знакомые по северу голубика и водяника, брусника. Но какие они тут маленькие! Прячутся под густыми вечнозелеными ветвями рододендрона. Андрей указывает на маленькую одинокую избушку, прилепившуюся под горой на склоне. Он там уже бывал. Дорога вниз прошла без приключений. Нужно спешить. Перед Хино повеяло влажной жарой. Это с моря, из узкого ущелья Кинтриши, поднимается жаркий воздух. Середина дня. Идем уже сильно уставшие, видим издали: у дома Романадзе стоит грузовик. На нем хорошо бы спуститься в Кобулету. Ускоряем шаг, почти бежим. Успели! Забираемся в кузов. Машина трогается. Сначала над обрывами. Река остается далеко внизу. Лес кончается. Начинаются мандариновые, затем чайные плантации. Быстрее бы сесть на автобус. На жарком солнце гербарий может запариться. В автобусе тоже жара. Выходим

у чайтехникума. Быстро спускаемся к нашему дому. Первым делом перебираем сетки, ставим их к масляному обогревателю. Даже на солнце воздух влажный.

xxx

Эмзари оказался прекрасным спутником. Он всегда выйдет из положения, поможет. У него есть чувство юмора.

Следующая поездка в Бешуми. Едем туда на маршрутном автобусе. Дорога в горную Аджарию стала для меня привычной, хорошо знакомой. Пейзажи мгновенно меняются. За Хелвачаури на первом же повороте по правой стороне Чороха сухие обрывы, а на противоположной стороне шумят красивые буковые леса. Совсем вскоре слияние Аджарисцкали с Чорохом. Снова поворот, село Эрге и потом все вверх и вверх, очень быстро одно село сменяет другое. В Бешуми, недалеко от Годердзского перевала, приехали через два часа и остановились в гостинице. Это двухэтажное длинное барачного типа здание. У нас большая комната на первом этаже. Все удобства на улице. Нужно выйти из здания, пересечь довольно большую площадь. Там одиноко стоит бревенчатый домик туалета. Дверь не запирается. Внутрь заглядывать не хочется. Туалетная тема, в которой как нигде отражается наше бескультурье, меня всегда беспокоит. Сразу вспомнились ужасные туалеты на Колымской трассе. Один был особенный, без задней стенки. Но и другие не лучше. Здесь, слава Богу, стены присутствуют, но на них подозрительные пятна, которые я наблюдала и в каменном привокзальном туалете Батуми.

Ходим далеко за поселок. Только в еловом лесу на южном склоне не видим разрушительной деятельности человека. Удивляемся. Какой же это курорт, где на каждом шагу пеньки срубленных елей, пыльные улицы? На беду, меня свалила ангина. Полил дождь. В соседних номерах отдыхают семьями. Поэтому я осталась в номере. Целый день по коридору ездят с криками дети на детских велосипедах. Дом сотрясается, раскачивается как при большой качке. Качка меня усыпляла. Эмзари наладил быт. Мы взяли с

собой сухие супы, которые он где-то заваривал и приносил с неизменной улыбкой.

xxx

В середине лета заболела не только я, но все в доме: Оля, внучка Галя, маленькая Майечка. Мы лежали в средней комнате, и я рассматривала разохшийся потолок с огромными щелями. Необходим ремонт! А стоит ли его делать? Положение оставалось весьма запутанным.

Нас выручал приехавший из Сеймчана Толик Будко. Привозил продукты и лекарства.

Рассказ. Толик Будко или «Шашка Вас не уважает»

В 1982 году на Юкагирском плато на Колымском нагорье в Магаданской области в совершенно безлюдном месте мы восемь дней ждали вертолет. Помогли пастухи. Вызывали санрейс. Так мы оказались в Рассохе. Эвены летом выпасали оленей, поэтому избы пустовали. Мы расположились в одной из них. То и дело прилетали-улетали новые люди: ветеринары, вертолетчики, агроном совхоза, геоботаники из Росгипрозема. Над поселком дважды в день пролетал вертолет брать золото. Выше по реке Рассохе артель мыла золото. Связь с поселком Сеймчн на реке Колыме была самая тесная. Хотя самолет АН-2 до Рассохи летит из Сеймчана два с половиной часа. То есть горячее в нем «под завязку». С очередным рейсом прилетел в Рассоху Толик Будко – врач из Сеймчана. Он сразу же пригласил девочек нашего отряда на экскурсию осматривать эвенское кладбище. После долгого тревожного ожидания вертолета мы оказались в центре летней жизни поселка. Подружились с Толиком. Знакомство продолжилось и в Сеймчане, где у Толика отец – геолог на пенсии. У него дом и теплица, в которой выращиваются разнообразные овощи. Сеймчан славится своими овощами. Особенно капустой. Здесь, в широкой долине Колымы, лето жаркое. Климат континентальный. Мы после Рассохи жили на лесоохране, долго ждали машину из Магадана. Толик оказывал нам всяческое внимание. Подружились. После он несколько раз заезжал к нам в Магадан.

В 1984 году я переехала на Зеленый мыс. Осенью Толик прилетел отдыхать. Вместе с моим братом Сашей Твалчрелидзе, который тоже приехал на отдых из Тбилиси, они стали завсегдатаями дома отдыха «Магнолия». Маленький щуплый Толик с рядами железных зубов, казалось, ничем не мог привлечь внимание пышных курортниц. Особенно на фоне статного и красивого Саши. Но нет, они его любили. Толик хороший врач, по натуре очень добрый, вызывал симпатии у чутких аджарцев. Они его даже приглашали на свадьбу в горы. Толик нежно полюбил Сашу. Он связывал с ним обильное солнце, обильные плоды, теплое море, приятную праздность – все то, что отсутствовало в холодном Сеймчане. Осень пролетела быстро. Толик появился на Зеленом мысу снова в 1988 году, памятуя о застольях с Сашей, которого считал своим другом. На Севере люди, не сомневаясь, обращаются с просьбами часто к почти незнакомым людям. Толик, видимо, к этому привык. В течение своего отпуска он очень ждал Сашу. Писал, просил его купить фотопленки. И был несколько удивлен, когда Саша не откликнулся и не приехал. Отдых Толика заканчивался. У него язва желудка, которую он лечил хурмой. Решил взять ее и с собой на север. У меня в саду он срывал тяжелые, недоспевшие плоды и укладывал в большие деревянные ящики, предназначенные для мандаринов во время осеннего сбора. До последнего дня он ждал Сашу, надеялся на его помощь. Я живу на горе. Крутая, извивающаяся серпантинами дорога ведет вниз на шоссе, откуда в город Батуми далее едут на автобусе. Как будет нести тяжелые ящики Толик? Их у него пять... А Саши все нет и не будет. Толик может опоздать на самолет. Толику нужно помочь. У меня есть удобная тачка. Мы грузим на нее ящики, привязываем и впрягаемся. Катим тачку вниз к остановке. Других помощников наивный Толик не нашел. В то время я уже бабушка, но довольно бодрая. Мы катим тачку вниз. Я досаую:

– Где же это твой друг Шашка? - так ласково звал его Толик. В ответ Толик мне заявляет:

–Шашка вас не любит, Вас не уважает. Ничего себе, думаю я. Вот тебе и благодарность!

Почему же Толик так любит Сашку? За что? Ведь он скупой и неблагодарный. Потом понимаю: Сашка для Толика символ всего прекрасного на юге, а главное – приятных воспоминаний. Позже мы часто шутили: «Шашка вас не уважает».

Соседи у Хоздвора

В начале осени Андрей мне написал, что обнаружил новый вид иссопа – красивой пряной травы, которая растет на скалах около Шуахеви.

Утром я сажусь на автобус, приезжаю в Шуахеви в середине дня. На скалах, недалеко от лесничества, быстро нахожу красивую пахучую травку с белыми цветами, поднимаюсь в лес. На старых пнях собираю опенки. Спускаюсь к автостанции. Полно автобусов. Я воспользовалась попутной легковой машиной. Так быстрее. Народ в Аджарии доброжелательный. Летим словно птица вниз. Я смотрю по сторонам, вижу испещренные точками домов склоны гор. Размышляю – хотела бы я себе такой дом? Мои раздумья прерывает симпатичный полный водитель. Хвастается: в Аджарии дома все очень хорошие, большие, а его дом лучше всех. Я ему начинаю возражать: мол, большие, да некрасивые, нет архитектуры, одни коробки. Он мне в ответ – у него дом с украшениями, красивый. Он живет в Эрге. Его трехэтажный дом примыкает к дороге, на стенах лепнина – разукрашенные розочки. Позже, проезжая мимо, я всегда обращала внимание на эти розочки.

Но это исключение. К исключению относится и семья Веры и Дурсуна Беридзе, которые имеют большой двухэтажный дом у Хоздвора. Дом у Веры двухэтажный, просторный. Она очень работающая деятельная казачка, работает поваром на турбазе. У нее два сына и дочь. Муж, сыновья – все строители. Я их часто вижу. Они самозабвенно мешают цемент, делают очередной замес. Тарик решил украсить свой дом самодельной кариатидой. Большой серый старик в два человеческих роста подпирает второй этаж. В

большой дружной семье Веры и Хасана, да и во всей округе Хоздвора, мать Веры пользуется большим уважением.

xxx

Напротив дома Веры стоит двухэтажный, небольшой по меркам Аджарии, уютный дом Ляли и Саша Ферадзе. Они наши старые знакомые. Мама знала Лялю с тех времен, когда работала в биллиардной санатория ВЦСПС. Ляля там до сих пор работает старшей медсестрой. Она дочь генерала. Помню ее в отрочестве молодой, красивой, она довольно сильно прихрамывала, но это ей не мешало танцевать с офицерами танго. Залюбуешься! Саша Ферадзе – аджарец. Он так влюбился в Лялю, что оставил свою первую жену-аджарку и женился на Ляле. Немыслимый в наших местах поступок. Но бойкая на язык Ляля держала Сашу крепко всю жизнь. Они построили дом, родили двух детей.

Саша всю жизнь работал в санатории экспедитором. Обеспечивал отдыхающих билетами. А так как с билетами и на поезд, и на самолет все годы был сильный дефицит, то дорога в дом Ферадзе не зарастала. Мы, приезжая, заранее шли к Саше с Лялей и заказывали билеты. Он всегда их доставал за умеренную доплату. Когда заходили к Ляльке, она смущала маму своим дежурным ворпосом-шуткой: «Как живете? С кем живете?».

Их дочь Джульетта подросла и удачно вышла замуж за моряка, который плавал за границу, привозил джинсы. У них квартира на БНЗ. Что касается сына Гурама, то он неказистый, черненький и маленький, долго не женился. Наконец познакомился с девушкой из-под Горького. Светочка, так звали невестку Ляли, была тихая и безмолвная, но не забитая. Ляля ее невлюбила. Когда мы приходили к Саше по делам, уже пожилая Ляля долго распространялась о том, какое маленькое приданое у этой Светы, а Гурам – наследник их дома. У молодых родилась девочка. Света оказалась прекрасной матерью. В конце восьмидесятых годов умер Саша. Его хоронили на магометанском кладбище. Тогда я увидела магометанский обычай похорон. Ляля умерла вскоре вслед за Сашей. У Джульетты и Гурама

начались наследственные споры. Джульетта оказалась крепким орешком. А Гурам стал большим любителем женщин. Светочка с подрастающей дочкой жила одна на втором этаже, рукодельничала. В 1992 году, когда в Аджарии стало совсем плохо с едой и с деньгами, Света должна была определить девочку в школу. Русское отделение в Махинджаури закрывали. Выбраться на Родину в Горький (Нижний Новгород) денег не хватало. С едой тоже было плохо. Но в начале 1993 года Свете удалось выбраться – в Россию. Потом я ее след потеряла. Жалею. Она мне была очень симпатична.

Олег

Олег к этому времени женился на миловидной молодой женщине Наташе. До Олега она побывала уже дважды замужем. И оба раза за грузинами. От первого брака у нее сын Рома, ровесник сына Олега, которого также зовут Ромой. От второго – маленькая дочка Илона. Тетка вышла на пенсию и пестует маленькую девочку. Через некоторое время, проходя мимо, она разговорилась со мной, сказала что Наташа ждет ребенка. Будет девочка, но это ничего. Я про себя усмехнулась. У моей тетки был пунктик. Она всегда гордилась тем, что когда она принимала роды, это всегда были мальчики. Спустя положенное время родилась девочка, которую назвали Викторией.

xxx

Я не имею права строить дом отдельно от Саши и даже от тетки. Ведь новый самострой Олега нигде не указан, числится как фантом. Опять я в тупике. Опять еду в Хелвачаури, долго стою в очереди в райисполкоме и встречаюсь с доброжелательным председателем райисполкома Мегрелишвили, он снова твердит о том, что строить я не имею права.

Инна Васильевна

Поездки в Хелвачаури, в райисполком с прошениями, выяснениями были для меня постоянной мукой. На обратном пути я часто заглядывала к моей постаревшей учительнице Инне Васильевне Сандалиди. Она живет в самом центре города, на улице Камо, в старом двухэтажном доме рядом с

бывшей гостиницей «Франция». Там, где когда-то ожидала приема у Берии молодая Нина Калистратова.

У Инны Васильевны на втором этаже комната с балконом на улицу. С противоположной стороны – выход на веранду, опоясывающую второй этаж и выходящую во двор. В комнату Инны Васильевны вход с веранды. Подъезд без двери. Надо по широкой старой каменной лестнице подняться на второй этаж, повернуть направо и сильно постучать в большую прочную дверь. Центральную часть комнаты занимает стол, на котором по краю аккуратно лежат стопки книг. Другая часть стола предназначена для еды. Вдоль стены умывальник, разноликие вазы, за ними большой и постоянно включенный телевизор, внизу скамеечка, на которой стоит маленькая плитка, где в джезве по мере надобности варится кофе. Большой диван, рядом кресло и телефон. В углу большой шифоньер. На балконе нечто вроде кухни. На этом малом пространстве Инна Васильевна живет много лет вместе со своим мужем Колей. Он младше нее.

Инне Васильевне я обязана своей любовью к литературе. Она привила мне вкус к сочинениям. Молодая, очень аккуратная, всегда с завивкой, в красивых платьях, она была строга к нам, старшеклассникам. Но мы очень ее уважали. Она наполовину гречанка, но среди ее родственников есть и немцы. В молодости ее сослали в Казахстан. Первый брак оказался неудачным. Вырос сын Костя, который работает на заводе, приходит под вечер. Живет одиноко. Инна Васильевна его кормит. Инна Васильевна не заслужила никакого звания. Не получила и жилья. Хотя, на мой взгляд, это самая, самая заслуженная учительница, прекрасно знающая литературу. К ней приходят ученики, она продолжает репетиторство, что дает небольшой приварок к пенсии. Но главный добытчик – Коля. Он чинит в городе телефонные аппараты. Коля очень любит Инну Васильевну. Когда она бывает резкой, подчиняется. Они очень дружны. Кроме Кости и учеников, к ней постоянно заглядывают знакомые и соседи, сестра. Она варит кофе и гости пьют его из маленьких чашечек. Когда приезжает Андрей, мы покупаем бутылку вина и

дружно распиваем с Колей и Инной Васильевной. Резкая, она гордо повторяет, что она гречанка-каппадокийка, то есть ее предки из Каппадокии. Громко заявляет, что русские дураки, а грузины тоже дураки.

Инну Васильевну знают давно. Прощают ее выступления. Она очень любит распространяться о том, что Батуми был многонациональным городом, поэтому ее дед – немец по фамилии Бауэр. Говорит, что у нее хорошие, в отличие от меня, манеры...

Телевизоры, их у нее два, постоянно включены. Инна Васильевна следит за политикой, комментирует события и всегда ругает политических деятелей. Разочарована в Горбачеве, что у меня вызывает протест. Так хочется верить в прогресс, в справедливость!

Когда я приезжаю из Хелвачаури, по пути домой в городе захожу к Инне Васильевне. Сижу усталая в кресле, снимаю босоножки и кладу босые ноги на не очень чистый пол, остужаю. Она сразу обвиняет меня в плебействе.

Каждый раз она выслушивает подробности моих отношений с родственниками, с домом. Сочувствует, а потом советует, побыстрее уезжать в Россию. Но я упрямая. Мне так не хочется покинуть родину. Передохнув, взбодрившись кофе, я иду на автостанцию и еду домой, погружаюсь в зелень, в красоту. Батуми, Хелвачаури – совсем другой мир.

Тамара Максимовна

К нам постоянно стала заходить Тамара Максимовна, уже очень пожилая сморщенная маленькая старушка. Она живет в помещении для сотрудников под столовой дома отдыха «Магнолия» в большой холодной комнате. В комнате – высокая кровать с подзорами, половики. В углу керосинка, на ней она готовит пищу. Тамара Максимовна работает уборщицей. Убирает и душ. И хотя сил у нее уже немного, делает она это очень аккуратно.

В середине семидесятых, когда я бывала наездами на Зеленом мысу, она жила в особняке Хечинова. охраняла дом. Сидя под буком, я иногда

сверху видела ее злое личико, выглядывающее из комнаты на первом этаже. Любила, также как и Шушаник на даче Баратова, кричать на любого проходящего мимо.

С моими соседями она не общается, с теткой тоже. Почему? Я не задумывалась. Возможно, гордая, не хочет унижаться. А возможно, испортила отношения. Тамара Максимовна, подходя к дому, заранее кричит, отпугивает собак. Хотя собаки у меня нет. Видимо, эта привычка выработалась во время ее жизни в гурийской деревне. Приносит свежий хлеб. С нами обедает и часто смотрит телевизор. Она мне очень сочувствует. Характер у нее более твердый, чем мой. Тамара Максимовна меня осудила за то, что я уступила Сашке часть площадки. И была права. Я ей благодарна за принципиальность. Я ведь окружена врагами и ее мнение для меня моральная поддержка.

Рассказывает сумбурно о своей судьбе. Она из казаков, из степного Крыма. Семья жила в достатке. Но потом голод. Мор. В молодости, потеряв семью, она попала в Грузию, в Гурию. Вышла замуж за грузина в далекой деревне. Был дом, достаток. Выращивала кур и продавала в Махарадзе. Была независимой. С мужем прожила долго. Детей не было. Муж умер. Грузинская родня не простила ей ее русского происхождения и характера. Хотели присвоить дом. А ей удалось его продать. Поэтому у нее есть сбережения и она может покупать себе фрукты. Изредка кто-то из деревни к ней навещается. Она неплохо говорит по-грузински, но теперь стала забывать. По телевизору видит Шеварднадзе. Он тогда был министром иностранных дел СССР. Тамара Максимовна рассказывает: семья Шеварднадзе была очень богатой, жили по соседству с ней.

Ловкий Квирикадзе

В ущелье под нашей горой на повороте к центральной дороге на месте бывшего дома Лабунченко, напротив столовой «Лажварди», построил себе дом Квирикадзе. Он родом из Кеда, молодой и ладный. Над усами большой нос и шустрые глаза. Нрав веселый. Всегда здороваётся. Быстро разрушил

старый дом Лабунченко и выстроил серый гигант, заполнивший все пространство за дорогой. Только над ручьем осталась беседка, обвитая виноградом – маленькая память о Лабунченко. Участочек вокруг дома сырой и маленький. По краю быстро выросли фруктовые деревья. Часть дороги не захватишь, а далее по ручью – территория неприкосновенная, совхозная. Но если дать взятку – то можно откусить немного, по границе. Все новшества, переделки, стройку я вижу каждый день, проходя мимо. Передвинута распределительная будка электроэнергии. Поставлен забор, который время от времени и довольно далеко передвигается. Быстро подрастают фруктовые деревья.

xxx

Квирикадзе лесник. Учится во Львове. Решил что я, его соседка, должна написать ему контрольную. Но я принципиальная. Подобрала ему литературу, советовала написать самому. Он с досадой и некоторым презрением сказал мне, что прекрасно обойдется: за 30 рублей ему напишут.

xxx

У Квирикадзе молодая красивая белокурая жена Русудан, то есть Русико. Она работает в доме отдыха сестрой-хозяйкой и на зависть другим невесткам живет в доме самостоятельно. Ее не угнетает свекровь. Тамара Максимовна рассказывает: мать Русудан русская. Давно попала в Кеда и там полностью огрузинилась, забыла русский, вышла замуж. Родила детей. У Русудан нет детей. В Аджарии это очень плохо. Рассказывают о зверском средневековом обычае. Когда нет детей в семье, муж считает виновной жену. Иногда в этом случае инсценируют самоубийство. Я, услышав такой рассказ, не поверила. Нет, с Русудан, слава Богу, все иначе. Вдруг я увидела у нее на руках красивого грудного бутуза. Та же Тамара Максимовна объяснила: сестра Русико, у которой детей много, одного отдала сестре навсегда, по договору. Русудан при встрече рассказала, что кормит его мацони, он набирает вес.

Квирикадзе также, набирал вес. Рядом с большим домом появилась лесопилка. Звук пилы постоянно сопровождал меня пока я, проходя мимо, огибала его дом. Два худых горца постоянно работали на лесопилке. С лесом стало плохо. Квирикадзе так увлекся, что покусился на святая святых – аллею стройных криптомерий, посаженных в начале века Иваном Ивановичем Ляо Джин Джао. А территорию на склоне, где ранее находились криптомерии, Квирикадзе тоже прирезал себе. Рушился порядок, установленный целым веком!

xxx

В августе в Алма-ата состоялся ботанический съезд, куда я полетела вместе с Нури Мемедовичем. Встретилась со многими своими знакомыми, коллегами, которые, как мне казалось, жили в нормальных, комфортных условиях.

xxx

Жизнь продолжалась в определенном ритме. У каждого были свои цели, свои ориентиры. Для Андрея Зеленый мыс, Аджария стали постоянным местом исследований. Собирался интересный материал. Выходили статьи. Кроме флоры, он вместе со мной занимался ритмами растений. Это было удобно. Мне с юга уезжать не хотелось. Я вела наблюдения за ритмами растений, одновременно заканчивала книгу по северу. Постоянно приезжали дети. Андрей планировал свои приезды так, чтобы заватить все времена года.

xxx

Обратила внимание: я уже не неизвестная «приезжая». Вполне прижилась на Зеленом мысу и чувствую к себе доброжелательное отношение. К сожалению, это не касается ближайших соседей.

xxx

Очередной приезд комиссии и обмер земли не принес радости. С помощью главного землемера был отрезан кусок площадки у дома Олега, якобы для Саши. У него, мол, не хватает. Для замирения мне дали в аренду

участок с чайными кустами на склоне. Таким образом Олег внедрился на площадку.

xxx

Я установила высокие бамбуковые столбы, вокруг которых обвилились лианы. Теперь не вижу первого этажа дома Олега.

xxx

Авто Беридзе родом из Шуахеви. В ботаническом саду он недавно устроился рабочим. Маленький, ловкий. Уже несколько лет как я с ним скооперировалась. Он осенью собирает у меня в саду виноград, потом мы с ним готовим вино, чачу. Когда вино готово, Авто получает половину, увозит в стеклянных баллонах. Они на вес золота.

xxx

В декабре я с Олей и моими маленькими внучками Галей и Майечкой улетали в Москву. Авто с Эмзари провожали нас. В маленький запорожец Авто загрузил баллон с вином. У Эмзари рожала жена. Мы по дороге заехали в роддом узнать как дела. Через две минуты из дверей выскочил радостный Эмзари:

– Девочка! Девочка!

Влетел в машину. А в запорожце для экономии места хитрый вход. Грузный и возбужденный Эмзари при входе налетел на баллон с вином и разбил его. Вино залило весь пол. Но Авто не расстроился. Человек родился! Это важнее.

xxx

Мы улетали 10 декабря. Как раз тогда случилось землетрясение в Лениакане и Спитаке. В Москве, когда мы ехали на такси из аэропорта, в темноте одна за другой перед нами мелькали машины скорой помощи.

Не верилось. Еще год назад жарким летом в центре Лениакана мы видели из окна гостиницы нарядную площадь, гуляющих людей. Теперь города не стало...

Гл7 1989 год. Одна на Родине

Я так любила Зеленый мыс, что сама мысль о разлуке с ним мне претила.

В Москве заболел раком отец Андрея, мой свекор Павел Александрович. Сделали операцию. Казалось, все успокоилось. Сердце у него было крепким, это вселяло надежду. И все-таки я решила переезжать в Москву. Обидно! И суд проиграла, и строить мне не дают. Олег вместе с Сашкой отвоевали у меня кусок площадки.

xxx

В Москве зимой я прошла по конкурсу в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию на место директора малюсенького ботанического сада при кафедре ботаники. Договорилась о том, что ко мне на Зеленый мыс приедут помогать с отправкой контейнера два сотрудника кафедры. Дело оставалось за утверждением на ученом совете. Я планировала отъезд на конец апреля.

xxx

Приехав на Зеленый мыс в феврале, я первым делом увидела поваленное дерево веймутовой сосны, посаженной еще моим прадедом. Она стояла рядом с домом Олега. Срубил он и большой, примыкавший к его дому граб. xxx

Дом отдыха «Магнолия» не работает, он заполнен армянами, пострадавшими во время Спитакского землетрясения в декабре прошлого года. Живут они и в пансионате «Махинджаури» и на Зеленомысской турбазе. Аслан Абашидзе – первый секретарь коммунистической партии – оказал им гостеприимство.

xxx

Националистические настроения резко обострились. За утренним кофе только и разговоров об этом. В одном из толстых журналов опубликован рассказ Виктора Астафьева «Ловля форели по-грузински». Этот журнал в

Аджарии нарасхват. Рассказывают, что его читали, возмущались даже в Хуло! Мне с трудом его одолжили на один день.

По пятницам на центральном телевидении идет передача в прямом эфире под названием «Взгляд». Она пользуется популярностью. На этой передаче грузины выразили свой протест писателю. Требуют публичного извинения. Рассказ, по моему мнению, искренний. В нем Астафьев осуждает чванство. Его возмущает то, что женщины не садятся за стол вместе с мужчинами. Ничего особенного, на мой взгляд. Астафьев не знает и не понимает кавказских традиций. Но этот рассказ задел грузинскую гордость. Идут разговоры о том, что русские плохие, хотят их унижить. В нашем отделе больше всех распаляются Гульнара и Нази. В Тбилиси у университета собираются демонстрации.

Ххх

Март на Зеленом мысу полон очарования. Начинается весна.

«Морские» облака начинают наплывать на сушу, закрывая собой прибрежные холмы. Эти облака негустые: зелень и белые цветущие сады просматриваются сквозь их легкую дымку. Днем туман рассеивается.

ххх

Андрей с Павлом уехали в Талыш. Я давно мечтала там побывать. Но предпочла попрощаться с Зеленым мысом, собрать вещи. С каждым днем долгое прощанье становилось все невыносимее. Слезы наворачивались на глаза, когда я вечерами сидела под букром и прощалась со всем, что мне так дорого. Глодало меня и чувство полного поражения. Приехали молодые сотрудники кафедры ботаники из Тимирязевской академии в командировку. Казалось бы, они должны что-то знать о моем переводе. Но они молчат. Нужно организовывать контейнер, а я в неведении. Вызова нет! Добрейший Нури Мамедович требовал от меня конкретного решения.

Расцвели розы. Покрылась зеленью винограда беседка. Его цветы, мелкие и ароматные, дождем падали на голову. В небе вились ласточки. И я решила остаться. Безумный поступок! Зов родины, который я не смогла

преодолеть. Продлила свое непростое существование на Зеленом мысу еще почти на пять лет.

9 апреля. Трагедия в Тбилиси

Грузия требовала самоопределения. 9 апреля молодежь собралась на демонстрацию перед зданием правительства. Не расходились и ночью. Произносились лозунги против Советского Союза и России. Навести порядок не удалось. Кто-то дал команду стрелять в демонстрантов. Пролилась кровь. Было убито 9 человек. В город ввели войска. Потом долго и лживо выясняли ситуацию. Ставился вопрос ребром и на партийном съезде депутатов, который проходил через месяц в Москве. Выясняли, кто дал команду стрелять в мирную демонстрацию. Так и заболтали. Распространялись слухи о том, что русский солдат с автоматом бежал по всему проспекту Руставели за бабушкой и, настигнув ее, убил. По слухам, грузины задирали солдат, плевали им в лицо и требовали убраться с их родной земли. А солдаты на службе, с оружием.

Был объявлен всесоюзный траур. Андрей с Павлом ехали через Тбилиси 11 апреля, видели танки.

12 апреля я встречала в Махинджаури поезд, на котором они приехали. В саду было так прекрасно, как бывает в мае. Андрей одобрил мое решение остаться на Зеленом мысу.

Катастрофа в Цаблане

Одновременно с событиями в Тбилиси случилась экологическая катастрофа в Аджарии. В селе Цаблана, расположенном на склоне крутой горы в долине реки Чирухи, обвалилась половина горы и погребла под собой 50 домов с людьми. Было много жертв. В момент обвала по дороге под горой ехал автобус. И его завалило обвалом. Все произошло мгновенно.

На второй день мы с Ваню поехали на место катастрофы. От Шуахеви повернули в сторону Шавшетского хребта вверх по речке Чирухи, притоку Аджарисцкали. Гора, под которой была погребена деревня, зияла скалами оставшейся половины. В завале работали люди, пытались откопать

исчезнувшие дома. После обвала образовалась плотина. Но ко времени нашего приезда ее прорвало. Течение горной реки постепенно уносило землю.

Объявлен всесоюзный траур. Трагедия, подобная цабланской, могла произойти в любом месте горной Аджарии. Подвела гигантомания. Огромные однообразные квадраты домов над обрывами всюду стоят, словно висят, на крутых склонах. Часто видишь блестящие на солнце огромные крыши-зонты. Иногда они искорежены под навалами снега.

xxx

В июне, когда проходил знаменитый съезд депутатов, и выступления делегатов воспринимались как выступления артистов, я оказалась в Москве. Город опустел.

Моя подруга Рита Назарова – преподаватель университета во Владивостоке – просила оказать помощь. На практику в Батумский ботанический сад ехали несколько студенток с руководительницей. В Москве они были проездом, и я хотела показать им панораму Москвы. Но по Москве-реке речные трамваи не ходили. Город замер. Все прилепились к экранам телевизоров, слушали выступления. Я решила показать ботанический сад на проспекте Мира, Аптекарский огород. А студентам хотелось на Арбат.

Наконец девушки улетели в Батуми, а я из Москвы поехала в командировку в Ригу. Я волновалась: как устроятся на Зеленом мысу красивые девушки, не сталкивавшиеся с нравами местных молодых людей?

Прилетев домой, была приятно удивлена. Оказалось, девочек устроили в общежитии чайного техникума, которое курировала Нана Александровна Чиракадзе. Она мне рассказала о том, что руководительница студенток живет не со студентками, а отдельно в гостинице ботанического сада, то есть на даче Баратова под присмотром Ваню Мамунидзе. Меня удивило легкомысленное отношение руководительницы к своим подопечным. Но Нана меня успокоила: студенты опекают девушек, защищают их от посторонних посягателей и вечерами устраивают танцы. Никаких

неприятностей не было. Я была очень обрадована. Единственный случай в истории!

Ведь все годы, которые я прожила на Зеленом мысу после возвращения из Магадана, меня удивляло полное отсутствие контакта ботанического сада с чайным техникумом. Это учебное заведение было создано для того, чтобы усваивать опыт ботанического сада. В свою очередь студенты могли бы проходить практику в ботаническом саду. Ежедневно я видела целую армию студентов, но я ни разу не увидела студентов на занятиях в ботаническом саду. Ни разу! А рабочих рук у нас не хватало.

Эти два учреждения, казалось, созданные друг для друга, совершенно не общались. Только по-соседски, на бытовом уровне встречались, дружили, разговаривали, слетничали жители Зеленого мыса в который влился и Зеленый мыс. Я иногда на эту тему разговаривала с Наной Чиракадзе. Но она была в этом отношении безинициативной. Вполне возможно боялась начальства. У нее изъян. Она на государственной территории держит хозяйство. Могут придраться. А в спокойном месте, каким был чайтехникум, все по старинке идет в заведенном порядке.

xxx

Я люблю свой сад, люблю ухаживать за растениями. Там забываю о том, что дом требует ремонта, работаю с удовольствием. Андрей сердится, говорит: «ребенок заигрывается, а ты – зарабатываешься».

Середина лета. Гостей нет. Решила делать ремонт.

xxx

Мне изредка помогает Зураб Чхаидзе – сотрудник ботанического сада. Он живет через овраг от моего дома, в доме учителя чайтехникума. Зураб кажется честным малым. Родом он из села Дологани. Жена его Лиля – абхазка, преподает русский язык в чайтехникуме. Позже оказалось, что Зураб и Лиля очень хотели купить мою землю. Я ведь собиралась уехать.

Травма ноги

Стол, на котором я стояла с кистью, покачнулся. Я упала на раскрытую дверцу печки.

На правой ноге – большая рваная рана. На счастье, в соседней комнате был Зураб Чхаидзе. Помогал мне с ремонтом. Он побежал к Олегу. Поехали в больницу на БНЗ. Странного вида хирург, больше похожий на толстого мясника, небрежно зашивая рану, с пристрастием расспрашивал Олега, каким образом я поранилась. Тот быстро от меня отмежевался. Мол, ничего не знает, только доставил в больницу.

Дома я лежала одна в пустой комнате. Мебель во время ремонта вынесли. На улице бегали маленькие, только что вылупившиеся цыплята. Ночью они пропали.

Через два дня прилетели Андрей с Павлом. Оля с девочками на это лето улетела из Мурманска на родину зятя – в Плотниково Кемеровской области.

В течение лета на ноге прогрессировал некроз. Через каждые два дня мне вырезали кусок отмершей ткани. Только в сентябре нога зажила, хотя остался большой шрам.

xxx

Олег мне оказал услугу и решил этим воспользоваться.

На моей террасе появилась молодая, самоуверенная прокурор из Батуми. Театрально, громко, словно декламировала на сцене, говорила о том, что в нашей семье никогда не было ссор, что нужно дать согласие на то, чтобы самострой Олега утвердили. Для этого я должна отказаться от всего, о чем раньше писала. Написать просьбу об утверждении его дома в Сельсовет и прокуратуру Аджарии. Я на это отвечала, что и мне должны утвердить одновременно разрешение на строительство дома.

Но Олег хотел решить только свой вопрос.

xxx

На террасе, где происходил разговор с женщиной-прокурором, стояла большая батарея сеток с гербарием. Андрей с Павлом привозили сборы, я их

досушивала. Олег, глядя на сетки, с презрением заявил, что Андрей занимается никчемным делом, постоянно собирает гербарий. Ему это было не понять. Разъяснений он не хотел слушать и не понимал нашей работы. И когда он прочел мою заметку «Они пришли с Красновым, а не с Язоном», высокомерно высказался по этому поводу. А я писала о том, что в наши края вместе с культурными растениями поселились и многочисленные незваные пришельцы с востока. Потому что этот край по своему климату очень похож на японский, о чем писал основатель сада Краснов. И его мнение подтвердилось. Нас окружают восточноазиатские растения. А средиземноморская флора, греческая, здесь не приживается.

xxx

Лето было жарким. Я лежала в беседке, обвитой виноградом и киви, положив на большую подушку раненую ногу, наблюдала перебежки черной крысы по проволокам беседки. Это особый вид крыс, которые умеют лазать по деревьям.

xxx

Андрей с Павлом ездили в горы. Пользовались знакомствами с горцами, которые устроились работать на побережье, гостеприимством их родственников, живущих в горной Аджарии. Пограничный контроль ослабился. Теперь можно было подниматься на ранее недоступный Шавшетский хребет, граничащий с Турцией. Новые сборы приносили обильный урожай.

xxx

Маленький хитроватый Нодари недавно внедрился в ботанический сад. В бамбуковой роще построил хибарку. Вроде как сторожит. Надеется вскоре перевезти туда всю семью. Подружился с Андреем, звал в горы. К нему в его родное горное село Чвана поехали Андрей с Павлом. Там Нодари показал им большой деревянный дом, предназначенный на продажу. Андрей, приехав, вспоминал этот дом с восторгом. Там хватит места на всех – и нам, и Саше!

Его можно разделить на две части. Дом деревянный, двухэтажный и есть маленькая надстройка для разборки гербария.

Я устала от тяжбы. Так хотелось спокойной жизни! Стала склоняться к такому решению. Но нужно посмотреть на этот дом, получить разрешение, договориться с Сашей.

xxx

Неожиданно приехали Тамара с Ирой. Выглядело это картинно. Входят в комнату, где я лежу и преподносят три гвоздики и маленькую коробочку. Подарок. Гвоздики довольно неуместны, потому что мы живем в цветочном раю. Тамара боялась, что я могу ее не принять. Почему? Мне это странно, так как они всегда приезжали сюда как в родной дом. Расточаются улыбки, из тонких губ льются льстивые речи.

xxx

Мне необходимо огородить участок с посадками чая, взятый в аренду. Теперь Гурама с коровой я там не вижу. Я купила сетку, столбы.

xxx

Кроме Тамары, приехал на отдых из Сибири друг моего зятя Горчуков с двумя дочками-старшеклассницами. Он вместе с Павлом огородил участок с чаем, где год назад бесчинствовал Гурам.

Образовался, как это часто бывало в нашем доме летом, маленький коллектив. Но контакта у Тамары с семьей Горчукова не получается. Она придирается к горчуковским девочкам. Те помалкивают.

О жизни тетки и Олега я почти ничего не знала. Приезд Тамары с Ирочкой все изменил: они постоянно бегают к тетке за лекарствами, и я то и дело слышу восторженные отзывы о шикарном доме Олега, о его богатстве и о его второй жене Наташе.

Наташа работает в морском порту картографом. Тетка Майя пестует маленьких девочек. Я слышу из дома Олега песенку, которую мне в детстве пела бабушка Мадлен. Теперь ее поет тетка: «Как-то летом на лужайке

господин учитель жук основал для насекомых школу чтения и наук».

Приятное воспоминание!

xxx

Идея поставить совместный дом Тамаре очень понравилась. Мы с ней договорились о покупке дома в Чване у Дарчидзе, так зовут хозяина дома.

Все было на доверии. А доверить этой «черной» женщине было нельзя.

xxx

Тамаре очень хочется выдать Ирочку замуж. И жених вроде бы есть. Это наш сосед Тамазик Чиракадзе. Ирочка сильно переспела. Когда она была студенткой и гостила у моей мамы, Тамазик был в нее влюблен. Мама с теткой умилялись. Но это было давно. Тамазик часто к нам заглядывает. Он и раньше любил заходить к маме, поговорить о литературе. Он погуливает в доме отдыха четвертого управления и вполне доволен своей жизнью в свои тридцать лет. Чем не жених! Когда он к нам приходит, Тамара млеет, умиляется и надеется. Но как только мать уехала и оставила Ирочку показывать свои прелести молодым мужчинам, один из них позвал ее в Батуми любоваться вечерними огнями. Ирочка поехала, одновременно назначив свидание Тамазику. Спустился вечер. Тамазик пришел с бутылкой, напрасно ждал. Потом до отъезда Ирочки мы его больше не видели.

Воровство невесты

У Циалы Цхоидзе, моей сотрудницы, двое детей: девочка и мальчик, погодки. Дети получают образование в Ленинграде в строительном институте. Там учится несколько грузинов, у них что-то вроде землячества. Среди них есть мингрел. Дочка Циалы, Дали, окончив институт, приехала домой.

Через несколько дней Циала пришла на работу растерянная, в отчаянии. Мингрел украл ее дочку. В большом доме, где мы работаем, живет сестра Циалы Мирца и мы узнаем от нее подробности этого, широко распространенного в Грузии воровства.

В Батуми на машине приехала тетка умыкателя из Гали, откуда родом мингрел. Молодые договорились заранее. Дали села в машину к тетке, уехала на родину жениха. Сообщили матери. Циала в тот же час, подозревая о поступке непослушной дочери, поехала вслед, в Гали. Ночью, как она рассказывала, ее встретили родственники с почетом. Успокоили. Девочка находится у тетки. Утром мать встретилась с дочкой и прилюдно ее спросила: добровольно ее желание остаться здесь или недобровольно? Дали ответила, что совершила такой шаг добровольно. Циале и Гураму пришлось смириться.

За очередным десертом шли разговоры о том, что красивая Дали должна была выйти замуж не за мингрела, а за гурийца, своего. Но семья достойная, богатая. Будет свадьба. Сначала в Гали. Затем ответный жест в гурийском селе. Свадьбу справили через два месяца. Циала привезла фотографии. Невеста очень хороша, в красивом платье. По словам Циалы жених, маленький и неказистый. Однако на фотографии выглядел вполне достойным петушком. Свадьба была богатой. В огромном зале, украшенном гирляндами, шарами, цветами сидело более 400 человек. Циалу с Гурамом и родственниками снабдили на обратную дорогу угощением. В дорогу дали и большую голову быка, особо приготовленную.

В дальнейшие годы зять стал абхазским беженцем. В Гали были бои. Он живет в Батуми, в квартире Гурама и Циалы.

Сын Циалы долго не женился. Потом случилась беда. Он во время работы попал под ток и погиб.

xxx

Летом политические страсти в Абхазии накалились до предела. Абхазы считают себя независимым государством под патронатом России. Говорят очень чисто по-русски без акцента. А грузины говорят всегда с сильным акцентом. Даже русские, которые долго живут в Тбилиси, имеют характерный акцент.

У нас на работе во время застолий, утреннего кофе обязательно поднимаются споры об Абхазии. Подчеркивается, что абхазов уже почти не осталось, их всего 17%. Кто подсчитывал? А остальные – мингрелы. Такую точку зрения разделяют все сотрудники нашего отдела. Маша и Галина Алексеевна молчат. Я изредка высказываюсь. Это еще сильнее накаляет страсти.

Рассказывают, что в Сухумском университете хотели открыть грузинское отделение, а абхазы противились. На большой площади перед кинотеатром сошлись друг против друга 300 человек. Произошло кровопролитие.

Я эту площадь хорошо знаю. В Сухуми все близко. В этом кинотеатре два года назад, ожидая экспедицию из Москвы, мы с Сережей Язвенко смотрели французскую кинокомедию. Было очень душно. Когда мы вышли на площадь, солнце так раскалило асфальт, что он плавился под ногами, оставляя следы от подошв.

Смерть Нури

Осень. Всего год прошел с тех пор, как мы с Нури Мемедовичем после ботанического съезда летели из Алма-Аты в Батуми. Он мне говорил, что уже был два раза в Алма-Ате и больше туда не поедет.

Да, больше он там не будет. Инфаркт. Нури умер. Его хоронят по магометанскому обычаю на его родине в Гонию, за Батумом. Приехали почтить память сотрудники ботанических садов, коллеги из Тбилиси, Сухуми. Народ толпится около стен Гонийской крепости, недалеко от большого дома Нури. Панихида. Произносятся речи, вспоминают его – тихого, спокойного и доброго. Я стою рядом с Сергеем Бебия и Таней Гуланян – научными сотрудниками Сухумского ботанического сада. Они приехали на похороны на микроавтобусе и спешат обратно. В Сухуми объявлен комендантский час. Нужно успеть доехать до темноты. Я не устаю удивляться небольшим расстояниям на Кавказе. Коллеги меня быстро подвезли до Чаквинского перевала. По дороге домой, спускаясь вниз мимо

богатых домов Боквадзе, я вспоминала, как увидела Нури впервые. Молодого, но уже полнеющего. В 1960 году, когда я кончала институт и за мной ухаживал Андрей, в командировку приехала красивая девушка, аспирантка из Чехословакии. Белокурая, с высокой грудью. Нури в нее влюбился. Приглашал в рестораны, ухаживал. Но вскоре женился на Мери. Очень богатый, он был завидным женихом.

Много доброго мне сделал этот тихий человек. Не был злопамятным, не отказывал мне в поездках в Москву к семье, в командировки. Мир его праху!

xxx

Осенью я съездила в Чвану, посмотрела деревянный дом, который мы собирались купить. Дом большой, красивый. Его вполне можно разделить на две части. У каждого будет автономный вход. И я дала Дарчидзе, хозяину дома, задаток для покупки дома. Казалось, все было налажено. Оставалось Тамаре с Сашей поехать и посмотреть на дом. Но в последний момент Тамара отказалась покупать. Задаток пропал! Нельзя было верить Тамаре.

xxx

Октябрь. Осень только-только вступает в права. Много цветущих растений. Это время сбора винограда. Виноград вьется по высоким деревьям. Основной сорт – «Изабелла». Сборщики забираются на деревья. Срывают кисти винограда и наполняют корзины, заостренные в нижней части. На длинных веревках опускают полную корзину, которая своей тяжестью пробивает толщу веток и упирается в землю под деревом. После того как корзина освобождается, сборщик снова подтягивает ее на дерево. Вокруг красивых темно-синих кистей вьются пчелы. Виноград идет на изготовление сока, винограда. Варят пеламуш: кашу из кукурузной муки на молодом вине маджари. По утрам сотрудницы приносят вместе с фруктами и виноградом и это лакомство.

Среди осеннего изобилия в тихой прохладе на старых пнях неожиданно выскакивают опята. Их всегда много. В это время любители грибов начинают поиск. Ходят с палками, разгребая опавшие листья в заветных местах.

Ходят и на карелинское кладбище. Там заросли, большая роща старых магнолий. Пеньки.

Катя. Похороны зятя

Обычно карелинское кладбище пустынно. Только Гурам или Натела выпасают тут свою мелкую коровенку.

Но весной, на пасху, на кладбище оживление. Приходят родственники. На мамину могилу иду и я. Соседи убирают могилы, разговляются, обмениваются новостями. Тепло. Цветут розы.

Разбогатевший врач Зинковский похоронил здесь своего отца. Оформил могилу по всем правилам батумской «моды»: на доске из черного мрамора выбит портрет. Квадратная площадка под памятником посыпана пестрой каменной крошкой.

Приходят родственники и тех, кто после войны приехал с Кубани, с хутора Чернышова. Это несколько семей, в том числе Катя Звягина. Катя работает главным бухгалтером в ботаническом саду. Вместе с Катей на могилы приходит ее красивая дочь и любимый зять-грузин, с которым Катя особенно дружна. Редкий случай. Младшая дочь Кати толстая и непутевая.

Катя с зятем говорят по-грузински. Приготовлено много грузинских поминальных вкусных блюд, вино. Пришла соседка Настя, сотрудница столовой техникума, их землячка. Настя ходит сюда часто. Летом, когда высокая трава скрывает могилы, она пропалывает, очищает, ухаживает за цветами.

Карелинское кладбище продолжает быть русским. Грузинское – в городе, то есть в Батуми на Сауксу.

xxx

В начале октября я сижу в своей беседке, обвитой киви. Вокруг висят многочисленные мохнатые плоды. Катя с зятем возвращаются с кладбища.

Они там искали грибы. Зашли ко мне по-соседски. Зять восхищается киви, хочет вырастить в Батуми. Он только что получил с великими трудами однокомнатную квартиру в новом доме в самом центре Батуми.

xxx

Через два дня неожиданно узнаю – зять, молодой сорокалетний мужчина, умер от инфаркта. Катя хочет похоронить его среди своей родни на карелинском кладбище. Мать-гурийка требует, чтобы сын был похоронен в родном селе в Гурии, в Озургетском районе. Но Катя уперлась. Два брата покойного просят меня показать кладбище. Оно, конечно, им не нравится.

Теплый тихий день. На кладбище тянется большая процессия. Хоронят зятя. Я вижу Катю, всю в черном. Она стоит на верхних ступеньках, возвышаясь над толпой. Театрально говорит по-грузински о том, что зять для нее более чем родной, он ей близкий человек.

Прошло три дня. После долгих тихих и теплых дней разразилась непогода. Ливень без перерыва стучал по крыше день и ночь. Днем ко мне на веранду зашла совершенно мокрая Катя. Спросила, не слышали ли мы ночью, проезжал ли кто мимо. Проезжая дорога идет прямо под нашей верандой. Гремел гром. Мы ничего не слышали. Оказалось, в середине ночи братья раскопали могилу и увезли гроб в Гурию!

Представляю. Темно. Хоть глаз выколи. Гроза, ливень. Несут по узким дорожкам гроб. Грузят на машину...

Следующей весной снова светило солнце, снова поминали покойников. Катя говорила, что считает – ее зять лежит здесь, на Карелинском кладбище.

xxx

Не прошло и месяца, как Катя заболела. У нее рак легких в тяжелой форме. Сотрудники бухгалтерии собирают листья фиалки – известное народное отхаркивающее средство. Катя знала, что умирает. Ее больше всего заботил ремонт квартиры. Ведь вокруг гроба будут проходить люди всего поселка БНЗ, ботанического сада. Она жила в новой квадратной пятиэтажке рядом с моей школой в БНЗ. Поселок сильно разросся за железной дорогой.

В августе ее не стало. У меня расцвел огромный красный цветок. Хедихиум. С этим красным султаном я пошла отдать Кате последний долг. После того как я прошла вокруг закрытого гроба, посидела с родственниками, Петя, муж Кати, пошел меня провожать. Рассказал с обидой. Катя просила свою крестную – мою тетку Майю, прийти к ней. Тетка обещала, как только приедет сын. Долго ждал Петя под дубом на майдане, недалеко от дома Олега. Заглядывал в окна. Тетка не выходила. Не дождавшись, уехал к себе на БНЗ.

Катя лежит на Карелинском кладбище.

xxx

В Москву я улетала в конце декабря. Билеты доставала с большим трудом. На посадке была такая давка, что у меня в руках большая сумка осталась в ногах. Но в очереди ее передали по головам. В Москве я вошла в дом всего за два часа до Нового года.

xxx

В течение всего года меня мучили мысли о том, что я поступила опрометчиво, необдуманно, оставшись на Зеленом мысу. И сейчас мне кажется это странным. Но я не могла оторваться от этого места. Часто говорила Андрею, что меня нужно связать, как в свое время сделали попутчики Одиссея у острова сирен. Завязать глаза и увезти. На эти сентенции Андрей отвечал, что я в любое время могу сесть на поезд и приехать в Москву.

И сегодня что-то неприятное, неудовлетворенное гложет меня. Иногда думаю, что неспроста я упала на печку и поранила ногу.

Вано директор

Всю зиму я провела в Москве. У моего свекра, которого я звала отцом, начались метастазы. Основной уход за очень дорогим мне человеком выпал на меня. Наша дочка с маленькими девочками осталась в Москве. Шли долгие переговоры о переезде зятя из Мурманска в Москву. Мы предлагали ему за наш счет купить машину. Но он не собирался переезжать. Начиная пить. К тому

времени в Мурманске у него уже была новая семья. Он скрывал это и обещал приехать со дня на день. Оля искала работу. Мы помогали, водили девочек в ясли и детский сад. Забот хватало. Все это надолго отвлекло меня от Зеленого мыса. Жизнь семьи требовала внимания. Но я себя успокаивала: в любой момент можно было улететь и через два часа быть в Батуми. Так мы и поступали. Казалось, ничто не нарушит этого ритма жизни.

На Зеленый мыс я попала всего на несколько дней в начале марта. В саду неожиданно праздновали женский день. Ранее никогда торжеств по этому поводу не было. Советские праздники всегда носили формальный характер: зачитают из газеты избитые фразы о равенстве женщин и быстро разбегаются по домам. Года три назад Ваню должен был отвезти в Тбилиси, в академию наук Грузии какой-то важный для него материал. Приказал сотрудницам отдела – мне, Циале, Галине Алексеевне – 8 марта работать. Мы весь день в его кабинете проверяли текст. И намек на праздник не было. Саша мой брат, подвозивший меня на работу, тогда возмущался.

xxx

В Магадане, в нашем институте биологических проблем Севера, вслед за массовым праздником дня защитников отечества, то есть мужским днем, который отмечался застольями в лабораториях, не менее весело отмечали и женский день. Женщинам обязательно дарили цветы. Под восьмое марта и Москва была завалена цветами. В руках женщин охапки букетов.

xxx

В саду много молодых девушек, парней. Им хочется праздника. В большом и очень холодном зале библиотеки, которым давно никто не пользуется, накрыли столы. Эмзари сделал красивые композиции из весенних цветов. Он талантливый оранжировщик. Пели песни. Танцевали. Праздник удался!

xxx

Через два дня пришла телеграмма: отцу стало хуже. Я в тот же день улетела в Москву. Через две недели моего свекра не стало. И это горе опять надолго задержало меня в Москве.

xxx

Начинался курортный сезон. С авиабилетами в Батуми по-прежнему было плохо. Поэтому я, Андрей и наш сын Павел решили сначала на автобусе прилететь в Абхазию и там поработать, а потом ехать в Батуми.

В Сухуми нас устроили как почетных гостей – в домике на территории ботанического сада. Крики обезьян раздавались в чернильной темноте теплой ночи. Обезьяний питомник совсем близко – на горе над ботаническим садом.

За территорией сада несколько одноэтажных домиков. Тепло. Двери открыты. Вечерами у телевизора собираются соседи, переживают за судьбу Ельцина, которого поддерживает народ. И тут, в Сухуми, как и во всей стране, болеют за Ельцина, называют его «мировым парнем». В Москве моя свекровь, активно следящая за политикой, также переживала за судьбу нового лидера.

С ботаниками Сережей Бебия, Савелием Читанава и Таней Гуланян по Бзыбскому ущелью мы поднялись в субальпийский пояс. Снег только-только стоял. На снежных проталинах нарядно цвели первые весенние травы. По озеру Рица бойко сновали катера.

Директор сухумского ботанического сада Гиви Григорьевич Айба – невысокого роста, с большой головой и черными, недобрыми, пронзительными глазами – сидит за большим письменным столом в просторном кабинете. Тут есть и лежанка, коврики. Над его головой висит большая, во всю стену, объемная картина из местных материалов. Круглая морская галька в основании картины обрамляет клумбу. Из центра клумбы возносятся приклеенные к полотну пальмы. Все время ловлю себя на мысли: а если вдруг эта тяжелая картина упадет на голову Гиви Григорьевича? Айба сетует на возрастающую демократию. Особенно упирает на то, что он за

границей видел, как скромно живут там директора ботанических садов. Никто из них не имеет такого большого и красивого кабинета, как у него.

xxx

В Сухуми тревожно, вечерами ходить опасно. На неосвещенных площадях собираются группы людей. Слышны гортанные возбужденные голоса. С каждым днем абхазско-мингрельский конфликт набирает силу. Да и днем довольно беспокойно. На пирсе перед посадкой на катер молодые агрессивные девушки вроде бы ненароком чуть не столкнули меня в воду.

xxx

На работе тоже беспокойно. Но по другому поводу. А ведь весной ничто не предвещало бури. После смерти Нури Мемедовича Ваню, уже давно считавший себя самым главным, должен был вступить в свои законные права. Казалось, ничто не может помешать ему стать директором.

Но разгорелся скандал между двумя партиями, борющимися за власть.

У Ваню нет больше поддержки в лице ушедшего из жизни брата. Молодые и наивные люди рассчитывали сбросить Ваню. После смерти Нури Мемедовича нужно было официально в академии наук избрать Ваню на директорский пост.

Партия, возглавляемая Зурабом Чхаидзе, предлагает мне стать директором ботанического сада. Я отказываюсь наотрез. Как бы я ни болела за судьбу ботанического сада, прекрасно понимаю – в Аджарии свои негласные законы. Прежде всего, я женщина, русскоязычная. К Зурабу я отношусь с большой симпатией. Он мне иногда помогал, когда я оставалась одна. Ваню давно сводит с ним счеты: не хотел его переаттестовывать. Но я и Циала Цхоидзе отстояли его. На переаттестации Зураба Ваню обвинял его в том, что он мало работал и ему почти нечем отчитываться. Но многие научные сотрудники ботанического сада такие же.

Зураб Чхаидзе и Хасанчик Бакуридзе написали жалобу и поехали на заседание президиума Академии наук Грузинской ССР. Ваню ничего не подозревал, когда приехавшие в Тбилиси заговорщики прилюдно отдали

письмо президенту. Просили его зачитать. Кажется, зачитывали. Нермин, ученый секретарь, присутствовавшая на этом заседании, рассказывала, как красное лицо Ваню стало багровым! Ваню поступил умно. Сразу сориентировался и созвал комиссию. Комиссия решила вопрос в его пользу.

Во время этого скандала я была в Сухуми. Накануне комиссии мне звонил Ваню – видимо, рассчитывал на поддержку. Я оказалась в неловком положении. Приехав, застала уже затухающий скандал. Зурабу Чхаидзе я высказала свою точку зрения. Он очень обиделся и перестал со мной общаться. Коварные молодые люди не щадили Ваню. У него была уже подготовлена к защите докторская диссертация и он рассчитывал защищаться в конце года. И защитился, несмотря на недовольство некоторых сотрудников.

Кинтришский заповедник

Проторенными путями мы очередной раз поехали в Кинтришский заповедник. С нами Джумбер Джобава, наш сын Павел, Савелий Читанава – сотрудник Сухумского ботанического сада и лаборантка отдела интродукции Этери Ачумадзе.

Савелий – темноволосый коренастый молодой ботаник. Под влиянием революционной обстановки в Абхазии он наэлектризован, затевает споры. Но аджарцы далеки от абхазско-грузинского конфликта. Особенно в горах.

Андрей с Павлом и Савелием ушли в горы – на яйлы Сарбиелы. В горах ранняя весна. Там они нашли новый вид рябчика, который Андрей назвал в честь Джумбера рябчиком Джобавы. А мы с Джумбером в это время в Хино изучали каштан.

Большой старый дом Романадзе на склоне горы, как большинство аджарских домов, двухэтажный. Не поддающиеся гниению каштановые доски со временем потемнели. Между ними большие щели. В центре дома горит бухари, на котором хозяйка готовит традиционные аджарские блюда.

Вокруг дома с трудом отвоеванная у леса земля. Она занята под большое кукурузное поле и несколько грядок с зеленью. Женщины – хозяйка и взрослые дочери – постоянно работают то на пашне, то в доме.

Буйные травы выросли выше человеческого роста, шумят горные ручьи и реки. Ходить по влажной жаре среди высокотравья совсем непросто. Но как хорошо, как красиво все вокруг! Я работаю. Но время от времени отвлекаюсь и слушаю шум горной реки, любуюсь мириадами брызг. Здесь еще весна!

xxx

После поездки в Кинтришский заповедник Андрей с Павлом собирались в Дагестан, на высокогорный стационар Куруш. У Андрея возник контакт с Махачкалинскими ботаниками и он заключил договор.

Мне очень не хочется расставаться с Андреем и Павлом. Я решила их проводить до Тбилиси. Есть дела в ботаническом институте. Утром, приехав в Тбилиси, я с ними поехала на автостанцию. А там подумала: может быть, поехать в Махачкалу? И я села в автобус вместе со своими дорогими мужем и сыном. Мы быстро, всего за два часа пересекли Кавказский хребет, ехали через Крестовый перевал и в час дня были в Орджоникидзе (Владикавказ), а затем ехали весь день до вечера через Чечню по равнине в Махачкалу! До того как была организована экспедиционная машина в Куруш, ездили по окрестностям. Самое интересное – это бархан Сары-кум с раскаленными летним зноем песками. У меня не было полевой одежды, иначе бы я и в горы поехала. Но нужно было возвращаться в Тбилиси. Тем же путем вернулась и уже в три часа дня я стучалась в дверь дорогой моей Заиры.

Во время этого путешествия, которое можно вполне назвать экспромтом, меня все время точила совесть. Я ведь в этом году почти не была на работе! Что подумает мой шеф? Правда, я ездила в Кинтришский заповедник. Но все же никогда такого самовольства себе не позволяла! Каково было мое удивление и даже досада на то, что я не осталась с Андреем

в Дагестане, когда по возвращении Ваню поставил меня в пример сотрудникам отдела интродукции.

xxx

В середине лета я на Зеленом мысу одна. Главное – нужно закончить рукопись популярной книги о сезонном развитии северных растений. Ее я пишу вместе со своей магаданской коллегой Татьяной Александровной Москалюк. Книга называется «Краски северного лета».

xxx

Утром собираю чай и сливы, варю варенье из чудесной алычи под названием «Матильда». Эта алыча с темными круглыми, как у вишни костянками, необычайно сладкими. В моем саду зреют персики, черешня. Есть и небольшой огород. У меня маленькое хозяйство: четыре курицы, щенок и кошка. Идиллия! Утром не торопясь иду на работу с блокнотом. Записываю наблюдения, люблюсь живыми картинами. Днем в обеденный перерыв спускаюсь по крутым склонам к морю, окунаюсь, греюсь на солнце и слушаю прибой, обдумываю под мерный его ритм очередную главу. На теплом жарком юге уношусь мыслями на север. Вспоминаю красочные ковры горной тундры. Колымское нагорье. Потом поднимаюсь очень крутыми дорожками к большому дому в свой кабинетик. Пью крепкий чай и сижу за машинкой до вечера. В это лето была написана и статья об орфанидезии, чернике кавказской. Обработан материал по лавровишне лекарственной, каштану посевному. Собрала материал по однолетникам, их ритмам развития.

xxx

Я живу на своей половине тихо, ни с кем из соседей не общаюсь. И мне кажется, интерес к моей персоне несколько утих. Тетку я почти не вижу, так как высокие бамбуковые столбы, которые я поставила вдоль стены Олегова дома, обвила жимолость и образовала красивую зеленую стену.

xxx

В Куруше Андрей простудился. Вернулся в Москву, а у него сильный приступ радикулита. Настроение у него плохое. Не прошло и двух дней, как я уже встречала его в аэропорту. При встрече он был сильно смущен. На посадке не нашел билета и его пожалели, пустили. Поиски билета увенчались успехом. Он оказался в запасном кармане портфеля.

xxx

В Махинджаури живет мой школьный товарищ Витя Павловский. Мы с ним учились в восьмилетней русской школе. Тогда он был длинным и несуразным. Последнее время я его постоянно встречаю по дороге в Махинджаури. Он строитель, красиво кладет гладкую плитку вдоль шоссе. Мы здороваемся, и он мне каждый раз сообщает, что читает мои статейки в газете «Советская Аджария». Рассказывает, что и он знает север. Ездил на шабашку. Хорошо заработал и построил в Махинджаури большой двухэтажный дом. Живет в достатке. Его жена Маша работает главным поваром в санатории «Серные ванны». Они в Махинджаури – люди уважаемые.

xxx

Я воспользовалась знакомством с Витей. Его жена устроила меня и Андрея в санаторий. Каждый день мы долго идем по дороге, посыпанной гравием. В санатории грязновато и запущенно, а главное – серный дух едва ощущается. Разве это серные воды! Вспоминаю Камчатку и Курилы, где серные реки стекают в океан. Богатство! Андрея вылечила прекрасная массажистка с сильными руками.

По дороге с серных ванн мы однажды решили заглянуть к Маше и Вите. Дом блистал полированной мебелью. Аристократы от Махинджаури манерно подали маленькие чашечки с кофе. Больше заходить к Павловским мне не захотелось. Двое взрослых сыновей Вити – военные. Витя рассказал: уезжая из ГДР, купили автомашины. Предел мечтаний! У сына родилась девочка с одной ручкой. Невестка с Машей решили ее не брать из роддома. Но в Махинджаури есть общественное мнение. Спустя два года я встречала

Машу, уже безработную, с коляской и маленькой, очень хорошенькой загорелой внучкой.

Снова Сарбиела

Как только со спиной стало легче, мы снова отправились в высокогорья Кинтриша. Конец августа. Ночами уже сильно холодает. Совсем скоро скот отгонят с пастбищ. Погода стоит прекрасная. Видимость идеальная. Поднимаемся на яйлы Сарбиелы и Сармихели из Нижнего Хино пешим ходом. Взяли с собой только папки и бумагу для гербария. На Сарбиеле остановились в малюсенькой избушке под горой. Вместе с толстой хозяйкой мы с трудом поместились на грязных полатах. К вечеру под избушкой собирается скот. Ночью под его мычание спать трудно. Рано утром хозяйка совершает намаз, обратившись на восток. Ее сын, веселый стройный парень из окрестностей Дандало, хвастается, что всего за два часа он может спуститься в Нижнее Хино и перевалить оттуда в долину Аджарисцкали. Торные тропинки, существующие тут веками, если их знать, могут сильно сокращать дорогу. Горцы ими пользуются.

С плато Сарбиелы горные цепи как на ладони. Мы стоим на одной из вершин Малого Кавказа. Белые вершины большого Кавказского хребта очень хорошо просматриваются отсюда. Можно перевалить и по другую сторону хребта и оказаться в Гурии, в Бахмаро. Лошадей в Аджарии теперь мало. В горах большей частью ходят пешком. Поэтому все горцы, в отличие от аджарцев, живущих на побережье, тонкие и стройные. А те, что живут на побережье, в большинстве своем полные. Это сразу бросается в глаза.

xxx

В командировку из Москвы приехал начальник Андрея, директор ботанического сада МГУ Владимир Николаевич Новиков. Я показываю ему ботанический сад. Совершаем большой путь с подъемами, спусками, обзором коллекции в дальних уголках. Я стараюсь обратить его внимание на бедственное положение растений. Мы с Андреем продолжаем бороться за сохранение коллекции, а главное – территории сада. Но для свежего взгляда

жителя севера все в саду кажется прекрасным: интересные виды, много зелени.

Владимиру Николаевичу нужно купить билет для того чтобы уехать обратно в Москву. А это сложно, займет много времени. Нужно ехать в город. Стоять в очереди. Я звоню Ване. Прошу содействовать в покупке билета, послать лаборантку, позвонить кому надо, если будут трудности. Владимир Николаевич ведь директор ботанического сада! Ване соглашается, но ничего не делает. Проходит два дня и я снова беспокою своего начальника. И он раздраженно кричит в трубку:

– Ая Тимофеевна! Почему вы мне звоните? Он что, ваш родственник?
xxx

Ко мне домой часто заглядывает студент чайтехникума Каха Хоштария. Он маленький, юркий, круглолицый. Родом из Мингрелии. Как видит на высоком дереве созревшую черешню, мушмулу, сливу, алычу или груши – так сразу предлагает:

– Тетя, давай продам!

Я соглашаюсь. Залезть на высокое дерево я не могу. Тем более продавать дары юга, такие обильные. Каха умеет продавать и получает от этого удовольствие. Сам или с товарищем они забираются на высокие деревья, ловко собирают плоды, продают. Приносят выручку. Я отдаю половину.

xxx

Сию у Ване вместе с другими посетителями за столом в форме буквы Т. Ване в центре. Пока он занят с другими, я рассматриваю кабинет, обшитый деревом. На шкафу стоят огромные часы в стиле барокко. Они из дешевого белого материала. Розовые купидоны, девушки окружают циферблат. Такие часы только для спальни. Видимо, подарок. Не ходят.

«Господи! Куда улетают драгоценные минуты моей жизни! Сколько я их разбазарила!» - думаю я, продолжая ждать.

Наконец очередь подходит. Нужно отчитываться за пять лет, на которые была рассчитана тема по охране лесов Аджарии. Написать отчет. Все пять лет Ваню ничего не сделал для выполнения работы. А он – руководитель. Работу я делала самостоятельно. С помощью добрых жителей горной Аджарии, Джумбера, но только не с помощью руководителя. И я решаюсь. Говорю, что у меня не было ни машины, ни лаборанта, ни стационара. Ваню преображается. Приказывает: через несколько дней я должна сдать отчет. И я сдаю ему отчет. Красное лицо расплывается в улыбке. Доволен! Мне выписывают большую премию. Но выдают только половину. Вторая половина – вклад на очередной банкет по поводу отчетов.

xxx

С Зеленого мыса уезжают мои друзья Аллочка Васильева и Боря Лисицкий. Потомственные жители Зеленого мыса, почти последние. Они быстро продали дом и уехали на своей машине в Астрахань. Боря жалел, расставаясь навсегда с родиной. А я оставалась.

Мама рассказывала: ниже дачи Моат на крутом склоне было имение Лисицких. Был ли у них дом? Я уже ничего не застала. Земля, ранее принадлежащая Лисицким, отошла Махинджаурскому совхозу. Это мандариновый сад. Внизу он граничит с карелинским кладбищем. Боря как-то сказал, что не любит вспоминать прошлое. Его мать Мария Федоровна имела квартиру на БНЗ, часто заезжала на Зеленый мыс, где у нее сохранились старые знакомые. Несколько лет назад, когда я после работы заходила к Аллочке с Борей, а скандал с моей теткой был уже в полном разгаре, произошел неприятный случай.

Поселок БНЗ постепенно заселялся новыми жильцами, не имеющими отношения к заводу, сливался с городом. Мария Федоровна жила в коммунальной двухкомнатной квартире. Недавно одну комнату стал занимать пожилой выпивающий мужчина. Он изнасиловал старушку. Алла с Борей и Марией Федоровной поехали к моей тетке в диспансер. Искали поддержки. Но моя тетка выступила в своем амплуа. Стала расспрашивать

Марию Федоровну о подробностях случившегося. Причем интересовалась, какие чувства испытывала Мария Федоровна. Бедная Мария Федоровна, уже очень пожилой человек, была вся в синяках! Аллочка с возмущением мне об этом рассказывала. Видимо они до конца не знали испорченности моей тетки. Хотели подавать в суд. Алла врач на скорой помощи, Боря инженер на судоремонтном заводе. Но не стали. Ситуация деликатная. Старый больной человек, судопроизводство не самое лучшее... Мария Федоровна стала жить у них на Зеленом мысу, а комнату они вскоре продали.

xxx

Аллочка – фронтовичка. Была медсестрой на передовой. В Батуми работала на скорой помощи. У нее больное бедро. Рассказывала с удивлением, что в тяжелую зиму 1985 года, когда завалило все побережье снегом и им с Борей пришлось идти из Батума пешком, она еще хорошо ходила. Жизнь на Зеленом мысу во многом зависит от погоды: снегопадов, бурь, перебоев с электричеством, когда ветер обрывает провода, перебоев с водой.

В Астрахани супруги купили дом. Боря его обустроил. А вскоре Алла уже совсем не могла ходить, передвигалась на инвалидном кресле.

xxx

Возвращаясь с работы, я неожиданно обнаружила, что на южном склоне совхозного сада, бывшего имения Лисицких, вырос огромный трехэтажный каменный дом. Как гриб после дождя. Тамазик Чиракадзе с восторгом объясняет: это маленький и всегда улыбающийся рабочий совхоза, который всего 5 лет назад переехал из Хуло, выстроил для своей семьи серую типовую трехэтажную громаду – как у себя в горах.

xxx

Мне из своего дома хорошо видно главное шоссе, пересекающее противоположный холм. Там непрерывным потоком друг за другом едут машины. Их так много, что мне кажется: будто дети играют в машинки. Издалека они кажутся игрушечными. Горючее не очень качественное. В

хорошую погоду можно вдалеке увидеть цепи большого Кавказского хребта, а в их основании плотную темно-серую полосу смога.

xxx

Я продолжала хлопотать о разрешении на постройку дома. Мне важно построить свой дом, без брата. Ведь Тамара с Сашей меня подвели. И не раз! Продолжались долгие переговоры.

xxx

В октябре под вечер, возвращаясь с работы домой, я обследую старые пеньки в роще магнолий Карелинской дачи. Ищу опят. У меня конкурент – Петя, сын парикмахера Тимоши. Он мой ровесник, живет с женой Таней в доме учителя в однокомнатной квартире, работает истопником в общежитии. У него преимущество: может обследовать магнолии в любое время, а я только вечером. Но если грибы выскочат неожиданно, то их хватит на двоих. Я собрала много и вечером варю, мариную. Грибной дух распространяется по всему дому.

Прекрасный теплый вечер. Появляется мой брат Саша. Он два дня назад приехал из Тбилиси. Подходит к окну:

– Ая, я подал на тебя в суд, дай мне газету, пожалуйста, мне нужно бумаги завернуть!

Настроение мигом испарилось.

– Где я буду жить? Где? И дом строить не разрешают!

Я еще раз пытаюсь поговорить с братом, усювестить. Не лучше ли по-старому вместе хлопотать о старом доме. Нет.

– Ведь я лишусь кухни.

– Это твое дело – меня не касается.

– Но ты мой брат!

Молчание.

Вано

В декабре в Тбилиси, в ботаническом институте проходила защита докторской диссертации Вано Рафаиловича Мамунидзе. Этому

знаменательному событию предшествовала тщательная подготовка.

Диссертация посвящена лесам Аджарии. Помогал писать диссертацию научный сотрудник из Института леса в Красноярске. Его супруга отдыхала в санатории «Серные ванны». Аспирант, который печатал работу, отдыхал в доме отдыха четвертого управления. Руководителю была подарена дубленка и еще что-то. Все эти сведения мне рассказала «верная» Дуся-секретарь, работавшая связной между нужными людьми.

xxx

Совет по защите проходил в почти домашней обстановке. В большом и длинном кабинете директора ботанического института сидело много народу. Приехавшие поездом сотрудники Батумского ботанического сада стояли у входа. Ваню сидя зачитывал доклад по-грузински. Потом, по правилам ВАК, секретарь совета зачитывал часть доклада по-русски. Все шло очень гладко. Заира, сидевшая рядом со мной, тихо сказала:

–Помни, он будет академиком!

Действительно. Ваню сегодня академик.

После защиты – грандиозный банкет. К нему Ваню готовился не менее тщательно. В этом важнейшем мероприятии принимало участие все село Кеда, откуда родом Ваню.

Гостиница «Иверия» – высокое красивое здание в центре Тбилиси. В конце улицы Руставели стоит памятник Шота Руставели. Задумчивый автор «Витязя в тигровой шкуре» смотрит вниз на красивый вид, на Куру, набережную. На склоне – высокая гостиница. В банкетном зале этой гостиницы и происходило главное действие.

Огромный зал поражает своими размерами. В нем два яруса. На первом в центре большой подиум. Для артистов. А второй ярус – расположенные в ряд столы.

На подиуме за столами сидят: мать Ваню и родственники успешно защитившего диссертанта, почти все село Кеда. А вверху, в центре – сам Ваню и лучшие люди, в том числе научный сотрудник из Красноярска с

супругой. Мы, сотрудники ботанического сада, заняли одну из крайних позиций. Столы ломятся от яств. Тарелки с закусками поставлены друг на друга. Аджарский колорит: пхали из экалы, то есть сассапарили, приготовленное с орехами, ачма, пахлава. Вино и тосты – все, как принято по традиции. Убирала тарелки, подносила новые блюда сама супруга Вано Рафияиловича Нанули – милостивая дама среднего возраста.

xxx

Под Новый год я должна была улететь в Москву оппонировать диссертацию в Главном ботаническом саду. Нели, прозванная за прическу «белой головкой» – батумская достопримечательность. Нужный человек – кассирша в авиакассах.

В очереди я стою с утра. У меня от Вано записка и я уверена в том, что получу билет.

Холодно. Сыро. Неуютно. Неожиданно свет гаснет. Всесильная Нели прерывает выдачу билетов. Мы стоим в очереди. Я разговорилась. Нели слышит, о чем я беседую с соседями в очереди. И таким образом узнает, что я имею большую квартиру в Москве и еще какие-то блага. Загорается свет. Одновременно загораются злобой глаза «белой головки» и она мне выдает сполна. Ее страна Аджария – богатая, теплая и красивая. Но воды нет, света нет! А в маленьком Израиле есть все. В дискуссию с этой дамой вступать я уже не стала. Прикусила язык. Умоляла продать билет. За свое смирение его получила.

На волне демократии

Зимой 1990г, когда я была в отпуске, в Москве раздался звонок. Автандил Беридзе предложил мне участвовать в выборах. Я согласилась. Это для меня большая честь. Я разделяю демократические взгляды. Автандил – высокий, статный, средних лет – работает в Хелвачаури в отделе профсоюзов. Человек интеллигентный и образованный, он мне сочувствует.

xxx

В то время зарождалось и росло движение демократов. Они выступали против режима Аслана Абашидзе, который называл себя князем. Говорили

что у него несколько фабрик в Турции. Беридзе, Бердзенишвили, Зоидзе и еще несколько прогрессивных людей возглавили партию демократов в Аджарии. Летом должны состояться выборы, на которых они надеялись победить.

xxx

Аслана Абашидзе я видела несколько раз. Однажды, когда он с большой свитой пересекал ботанический сад и останавливался в центре у прудика, я несколько минут с ним разговаривала. Во время светской беседы он сообщил, что очень ценит сокровищницу растений – Батумский ботанический сад. Однако это были только красивые речи, так широко принятые в Аджарии. Аслан Абашидзе совершенно не понимал значения ботанического сада, не понимал, какое это богатство. Абашидзе властвовал в очень своеобразное время, когда из Батуми был единственный на всю страну выход в Турцию. На границе у таможни в селе Сарпи стояли огромные очереди. Все, что можно было вывезти из Советского Союза в Турцию, вывозилось через Аджарию. Продавали там металл, ширпотреб. Взамен покупали дефицит: ковры, кожаные изделия. В этот период Абашидзе и его окружение сказочно разбогатели. А народ голодал.

xxx

По неписаному правилу, из осторожности, Аслан не трогал Ваню. Ведь он сменил предшественника брата Ваню. У нас на работе все разговоры за кофе, десертами, когда касались Абашидзе, сводились к тому, что Абашидзе не любит Ваню. Если едет из Кобулети в Батуми, то едет нижней, более удобной дорогой через ботанический сад. Проезжая мимо, не заезжает к Ваню, как принято.

Основная дорога в Батуми идет через перевал, но можно проехать и через ботанический сад, короче. Однако через сад ездить запрещено: заповедная зона. Многие норовят ею пользоваться – видимо, за определенную мзду на постах милиции при входе в ботанический сад. А Абашидзе – хозяин Аджарии. Ему все позволено!

xxx

Год назад Ваню торжественно мне представил новую лаборантку, потенциальную мою ученицу Этери Ачумадзе. Она кончила в Тбилиси лесной институт. Я долго и восторженно беседовала с ней. Писала планы, предполагая изучение каштана, которым я тогда сама занималась вплотную. Она меня слушала, молча кивала. В тот же день, идя в дирекцию, я увидела на дорожке под криптомериями брошенные бумажки. Это были написанные мной планы.

Невысокая, с большим выразительным лицом, на котором выделяется большой нос с горбинкой, Этери одевалась согласно принятой в то время среди молодежи моде. Волосы собраны в пучок и украшены большим черным бантом. Длинная юбка.

Ваню поставил Этери курить питомник. За питомником начинается заповедник. Стоят вековые каштаны. Случайно узнаю, что она договорилась о продаже большого каштанового дерева своему брату, торгующему строительным материалом. Каштан – на вес золота.

xxx

В марте Андрей мне пишет: «Не отчаивайся. Живи с верой в то, что мы всегда с тобой. Мы, то есть наша семья. Но я все же малость завидую политической каше. Всё же это жизнь: какая-то живая струя. А что же бывает без борьбы? Если бы выбирать из двух: либо сонная жизнь, либо борьба, я бы выбрал второе».

xxx

Так Андрей реагирует на мои тревожные письма относительно усиливающихся националистических настроений. Предвижу предстоящие неприятности и тупиковое положение с домом. В своем саду я провожу все свободное время. Я полностью освоила технологию приготовления чая. Он у меня получается очень вкусным. Ухаживаю за фруктовыми деревьями и кустарниками. Круглый год можно увидеть какое-либо цветущее или плодоносящее растение.

Любимая Заира

Приезжая в Тбилиси, я останавливаюсь не у брата, не у тети Дуду. Они полностью на стороне Олега. Я останавливаюсь у Заиры Ильиничны Гвинианидзе – заведующей гербарием в ботаническом институте. Она вдова, живет недалеко от университета в центре Тбилиси в многоэтажном доме. Ее покойный муж занимал в Тбилиси видное положение. У Заиры в современном доме большая квартира. Подобной планировки я еще не видела. В квартире есть гостевая комната с отдельным туалетом, огромная гостиная, сообщающаяся с кухней, две ванны. А главное, с балкона открывается вид на Мтацминда. Видны пики пирамидальных кипарисов. Стою у окна и не устаю любоваться.

Заира Ильинична – не только моя подруга, я ее люблю как сестру. В самое трудное время она меня поддерживает своей улыбкой на круглом ясном лице. Она всегда в черном. Носит траур по мужу. Три года назад ушел из жизни любимый брат. Теперь к ней каждый день приходит сестра Таили. Она живет рядом. У Заиры две дочки, красивая внучка.

В большой квартире очень холодно. Мы пытаемся согреться у калориферов, но это не помогает. С электричеством перебои. Лифт не работает.

Заира приглашает меня съездить к дочери. Она известный гинеколог. Отмечают день рождения зятя. Мы попадаем на застолье. Стол ломится от вкусной еды. Много зелени. Много песен. Я сразу балдею от мужского многоголосного хора, накатывают слезы. Поет куплеты бойкая красивая женщина. Танцуют по-тбилиски танец кинто, то есть кинтаури. Все это мне так близко! Хозяйка быстрая, то и дело подает новые угощения, меняет тарелки. Заира мне шепчет, видя спорящих между собой мужчин:

–Это как в «Белой гвардии» во время гражданской войны. Близкие друзья – противники.

После работы, возвращаясь под вечер, я не смогла попасть к Заире. Демонстрация. По проспекту Руставели не ходят троллейбусы. Вокруг университета – толпа молодежи.

Я иду в гости к Диме Тухарели, филологу, преподавателю русского языка, профессору университета. Он живет в красивом доме преподавателей университета. Дом как дом. Но на каждом этаже, на лестнице – арка с открытым балкончиком. Оттуда вид на горы, на Мтацминда. Я останавливаюсь, любуюсь. Открывает мне сын Димы, строгий молодой человек. Он здоровается по-грузински и принципиально говорит со мной по-грузински. Дима извиняется. Сын удаляется. Напряжение, вызванное таким своеобразным националистическим выпадом, исчезает.

Жена Димы – Зоя, русская. Тоже преподает в университете. Они учились вместе с Булатом Окуджавой, что мне особенно интересно. Супруги, однако, без восторга говорят о Булате Шалвовиче. С грустью вспоминают его жену Таню, с которой он расстался. Дима и Зоя угощают меня дарами своего нового сада. Греки уезжают из Тбилиси в Грецию. Продают сады. В Батуми идет тот же процесс.

xxx

28 марта. Пасха. Андрей прилетел ко мне на Зеленый мыс.

На улице сыро и прохладно. Взошло солнце, согрело застекленную веранду. На столе кулич, крашеные яйца. Мы разговляемся. В проеме двери неожиданно появляется мой брат Саша. Он приехал из Тбилиси. Объявляет: суд будет через два дня. Настроение испорчено. Я зову брата сесть с нами за стол. Нет, он не садится. Я его разочаровываю: мне как кандидату в депутаты можно отказаться от присутствия на суде, пока я баллотируюсь.

-У тебя иммунитет? - произносит он картинно. Артист! Тут же уходит к Олегу и тетке. Я не знаю, что творится за большими серыми стенами их дома. Саша у них – один из важных козырей в усиливающейся национальной волне. Он грузин.

xxx

Разворачивается предвыборная кампания. Ваню тоже баллотируется. Неожиданно оказывается, что он мой политический противник! Баллотируется от другого блока. Я от демократов, от блока «Аджара».

В воскресный день у пансионата «Махинджаури» большое скопление народа. Сканируют фамилии Асанидзе. Агитируют за них. Это два брата, живущие в Кахабери. Хотят стать депутатами. И стали ими. Силой и подкупами борются за голоса. Два года спустя их взяли под стражу. Оказались бандитами.

xxx

Дато Гвианидзе родом из села Аджарисцкали, стоящего на горе при слиянии Чороха с рекой Аджарисцкали. Дато говорит, что там возможно найти новые виды. Андрей загорелся.

Солнце. Апрель. Очень тепло. Дато везет нас в село Мачахелу. За горой, где стоит родовой дом Дато, всего в нескольких километрах в Чорох вливается и река Мачахела. Она низвергается с горы Карчхал по узким каньонам почти у границы с Турцией. Ранее она для ботаников была недоступна. Почти на каждом шагу Андрей с Дато останавливают машину и лезут вверх на склоны, принося охапки свежесобранных растений. Листья блестят на солнце, отмытые весенними дождями. Едем выше и выше. Доезжаем до маленькой деревни. Дальше дороги нет. Отсюда огромная гора Карчхал совсем близко – рукой подать. Но она за границей, на турецкой стороне. На обратном пути за час мы подъехали к дому сестры Дато, он недалеко от Батумского аэропорта. Скоро сядет самолет. Мы встречаем сына Павла.

Милая полная улыбающаяся сестра Дато одета в байковый халат. Так принято. Потчует нас лобио. Еда очень вкусная. Двор заасфальтирован, ни одной травинки. Только большое дерево лавровишни у калитки темнеет жесткими блестящими листьями. Его основание залито асфальтом. На ветвях большие свечи ароматных соцветий, вокруг которых вьются пчелы. Их так много, что стоит гул.

xxx

Мы используем любую возможность для поездок на природу в горную Аджарию. Многое тут еще предстоит исследовать. Мы едем к знакомым на автобусе. У них ночуем, пользуемся их гостеприимством, ходим в горы. Быстро возвращаемся домой досушивать собранный гербарий. Это очень удобно. Каждая поездка приносит новые находки.

xxx

Выше Шуахеви в окрестностях села Замлети по крутым склонам, цепляясь за ветви и стволы дуба чорохского, мы то поднимаемся, то спускаемся в ущелье реки Аджарисцкали.

Одна из ценных находок в Шуахеви – желтая асфodelь, выросшая на скале над рекой. Достать ее трудно. Позже еще раз обнаружили её в Чирухи. И спустя несколько лет – уже в Турции. И всегда в этих краях поодиночке. Желтый цветок смерти, согласно греческому преданию, добывается трудно.

xxx

С 22 по 29 апреля в Тбилиси проходил 4-й конгресс европейско-средиземноморского отделения МАБС. Что означает МАБС, до сих пор для меня осталось загадкой. Конгресс – сказано слишком пышно. Иностранцев всего два. Их лелеяли.

В современной с красивыми балконами гостинице «Ваке», в которой остановились участники конгресса, на первых этажах живут беженцы-грузины из южной Осетии. В Грузии уже были столкновения с осетинами.

В программе – экскурсия по ботаническому саду. Он отгорожен от города отрогом Коджорского ущелья. Крутые склоны гор с дикой растительностью прорезаны узкими параллельными тропинками.

И еще экскурсии в Боржоми, в Цинандали, в Лагодехский заповедник. Программа большая. По пути в Боржоми, в Гори нас подвезли к домику Сталина. Это знаменитое место – предмет поклонения. Маленький деревянный домик окружен мраморными колоннами.

Поездка в Кахетию – Телави и Лагодехский заповедник – сопровождалась приятными застольями с множеством разнообразных вин, осмотром имения Чавчавадзе. Все говорит о щедрости, радушии и гостеприимстве. Подчеркивается особо, что русские в течение всего XIX века грабили Грузию, увезли в Россию главные ее драгоценности. Одновременно забывая, что весь XIX век Грузия, ранее раздираемая соседями – Ираном и Турцией, была под прочным патронатом России.

Все эти несправедливые высказывания нам, русскоязычным, неприятны.

1990. Лето с внучками. Штиль

На небольшом самолете мы возвращались из Тбилиси. Внизу простирались широкие долины, горы. Любимая, родная Грузия! В тот же день из Москвы прилетела Оля с девочками. Майечке три года, Гале – четыре. Жаркий день, какие бывают в мае. Все сияет. Девочки и Оля под впечатлением обилия запахов, зелени. Майечку положили спать в угловой комнате с выходом на улицу. И вдруг затрясло, да так сильно, что стены пошли вкось, накренились. Я бросилась к постельке и вынесла ее на улицу.

На следующий день в ботаническом саду, сидя в бамбуковой беседке, я делилась впечатлениями о поездке. И вдруг – скрип, треск! Беседка кренится. Потом выпрямляется.

Трагедия в Сахлвашо

Через несколько дней, когда я шла на работу, с противоположного холма, из дома Назико, которая работает на питомнике, мы слышали крики, вопли.

Семья Назико живет в полном достатке. Выстроен большой дом. Муж работает на хлебном месте. Я была в этом доме во время комиссии ботанического сада по выяснению границ сада. Хасан, так зовут мужа Назико, продвинулся за границу ботанического сада, как и многие другие, кто с ним граничит. Поэтому членов комиссии обильно угощали. Хозяин надеялся, что его захват останется незамеченным.

У Хасана и Назико взрослый женатый сын. У молодых – грудной ребенок. Оказалось, сын Назико наркоман, гуляет ежедневно в Махинджаури, в большой компании таких же сытно и беззаботно живущих молодых людей. Ночью молодежь напилась и накурилась. Пospорили, не поладили. Дело кончилось поножовщиной. Сына Назико и Хасана убили и выкололи глаз, а тело спрятали недалеко, в большую водопроводную трубу на брошенной стройке.

Утром преступление обнаружилось. Убийц несколько. Есть среди них родственники сотрудников ботанического сада. Их арестовали и поместили в милицию на БНЗ.

У Хасана семь дружных братьев. Все живут в Чакве и Сахалвашо – соседней с ботаническим садом деревне. Они вооружились. Беспрепятственно вошли в милицию и захватили убийц. Убили. У одного из них вырезали глаз. Его принесли для Назико к гробу сына. Говорили, что Аслан Абашидзе дал добро самосуду.

xxx

И снова мы разъезжаемся. Майские письма Андрея из Москвы полны заботы о доме. Он, словно по традиции военных лет, сообщает цены на продукты. По талонам отоваривает сахар и водку. Ходит за ветеранским пайком для своей матери.

xxx

Оля одна улетала в Москву. Мне не хотелось расставаться с девочками. Лето, солнце, море – это здоровье. Девочки остались со мной на все лето. Я их устроила в детский сад.

Днем гуляли по ботаническому саду. Мы качались на ветках лавсонова кипариса у могилы Краснова, бродили по дорожкам японского сада. По дороге домой кормили рыбок, любовались видами.

По утрам, поднимаясь на гору, нужно было торопить девочек, чтобы они шли побыстрее. Я придумывала разные завлекалки. Сосали цветы жимолости японской. Вспоминала, как в детстве я делала то же самое.

Потом, когда наконец поднимались до техникума и начинался спуск, можно было бежать по наклонной. Я придумала, что они птицы-чайки.

Не торопясь, мы шли по длинной дороге. Девочки садились в бордюр из офопогона, отдыхали. Так добирались до большого дома.

xxx

В Хелвачаури я перестала ездить. Часто точила мысль о необходимости продвигать дело с домом. Но я ее отбрасывала. Оставлять детей на целый день, торопиться не хотелось. Нужна хоть маленькая передышка, и я ею пользовалась сполна. Возможно, была права.

xxx

В Грузии все русские в панике. Приходит к власти Звиад Гамсахурдиа – ярый националист. Не нравится он и местным. Говорят, в прошлом году приезжал в Батуми и в Чакве его побили. Может быть, слухи?

xxx

23 июня прошли выборы в Верховный Совет Аджарии.

За меня проголосовало всего несколько человек. Среди них Мурад, продавец в магазине на Хоздворе. Человек справедливый, Мурад в магазине при мне говорил покупателям, что я единственная честная среди кандидатов. Меня это растрогало. Ваню также не прошел. Но за него голосовало больше.

xxx

В середине лета ливни большой силы бушевали в горах. За одну ночь море выбросило на пляжи плавник, хорошо отточенный волнами. Его было так много, что он улегся большим слоем. Там были и большие бревна и мелкие, уже готовые для топки. Отдыхающие с турбазы на пляже устраивали большие костры. Мне было жаль, что они бесполезно жгут драгоценное топливо. Я с девочками ходила на море. Возвращаясь, мы всегда брали с собой палки. Несли на нашу гору. Один раз у Майечки волны унесли куклу Барби. Она стоит на берегу, плачет. Волны выбросили куклу обратно.

xxx

В нашем доме отдыха, так называемой «Монголии», как ее часто называют вместо «Магнолия», отдыхающих нет. Там живут жители горной Аджарии, потерпевшие бедствие после экологической катастрофы в Цаблане. Армяне, проживавшие в доме отдыха после Спитакского землетрясения, были вынуждены уехать. Говорили, они просили у правительства Аджарии разрешить им постоянную прописку, но им отказали.

xxx

В середине лета ко мне на работу пришел милостивый молодой человек. Его прислал Андрей. Он энтомолог, работает вместе с Андреем в ботаническом саду МГУ. С первого слова я поняла, что мне очень симпатичен этот интеллигентный мальчик, Рома Ракитов! С ним интересно. Темными южными вечерами Рома зажигает большую лампу, на которую летят разные мошки. Потом он их ловит и раскладывает на ватке.

Вместе мы ходили и на море. В пансионат «Махинджаури» на Зеленом мысу поселили военных из Западной Грузии. У нас на работе говорили, что приезжие в конфронтации с местными аджарцами. И те, и другие вооружены. Все ждали стычки.

xxx

Идем мимо корпусов пансионата на пляж. Около домов на скамейках сидят молодые, кровь с молоком, военные. У них в руках автоматы. Держат их на коленях, словно грудного ребенка качают. Проходить мимо них с детьми неприятно. Я, человек гражданский, спрашиваю Ромочку: «Что это такое, почему держат оружие?». Он мне в ответ: «Боятся, что украдут».

xxx

Демократическая партия «Аджара» во главе с Бердзенишвили была в оппозиции к Абашидзе. Митинговали. Очень скоро, поздней осенью, к власти придет Звиад Гамсахурдия и станет в Грузии очень плохо. Но в Аджарии боев не было. Мир приписали политике Абашидзе.

xxx

Летом Дуду, моя тетка, приехала к Олегу и Майе из Тбилиси. Олег пообещал ей отписать часть старого дома. В мое отсутствие удивленный Рома обнаружил у нас на веранде толстую старушку, которая ему объяснила, что осматривает свое будущее помещение. Но Олег, как всегда, блефовал. Так я с Дуду и не встретилась. Теперь ее нет в живых. Мир ее праху!

Не захотела она повидаться со мной, увидеть моих внушек. Тетка ее, видимо, сильно накрутила и напугала.

Как-то вечером я собирала малину рядом с домом Олега. Виден балкон, на котором бродит толстая старуха и трубным голосом кричит внуку:

–Илюша! Илюша! Прячься!

Слушать смешно: я догадываюсь, что это Дуду, которую настроили против меня. Та, которая когда-то так меня любила и с которой я никогда, никогда не ссорилась! Но чего только не сделает клевета! Чего только не сделает Дуду для своей любимой дочки Мариши, которой обещают дачу на Зеленом мысу! Так думаю я, продолжая в сумерках собирать малину.

Когда я в последний раз видела Маришу, то еле узнала. Куда девалась ее красота! Она ведь в юности была писаной красавицей. Теперь на меня смотрела странная маска, искаженная ехидными речами по поводу того, что я стала бабушкой. Меня это крайне удивило! Я была счастлива тем, что стала бабушкой! Сама Мариша так и не дождалась внуков. Судьба ее детей невеселая. Как и ее самой, любимицы деда Генриха.

xxx

Олег уже не главный врач психоневрологической больницы. Он заместитель главного врача по хозяйственной части. Это место как нельзя более ему подходит. Главным врачом, как и положено, назначен местный кадр, аджарец. Но и место хозяйственника очень хлебное. У Олега дом – полная чаша. Тетка не нарадуется сытости и благополучию, которое выпало ей на старости. Можно за нее порадоваться.

xxx

Осенью мы планировали поехать в Болгарию. Андрей активно переписывается с болгарскими друзьями. Выясняет, что нужно привезти туда для обмена и продажи. Нужны любые электроприборы, чайники. Все то, чего нет в магазинах и нужно отхватить по случаю, когда «выбрасывают». Андрей ищет эти дефицитные товары. К моему удивлению, что-то достает. Потом это очень пригодилось.

Дело оставалось за валютой. По закону разменять советские деньги на валюту было делом немыслимым. Жители среднеазиатских республик огромными кланами занимали очередь. Андрей наивно каждые 10 дней отмечался. Почти все лето никуда не ездил и досадовал. Потом махнул на это дело рукой и вместе с Павлом поехал в Дагестан.

Он дал мне слово приехать на Зеленый мыс ко дню рождения Павла – 11 августа. И выполнил. Приехали они грязные, уставшие. Работали в Цейском ущелье. Андрей и Павел крайне немногословны, слова не вытянешь. Но в этот раз взволнованно рассказывали о дороге, где совершали чудеса героизма. С трудом забирались в тамбур поезда. Андрей был под впечатлением надвигающейся анархии, развала. Рассказывал про культ Сталина. Осетины считают Сталина своим, осетином.

На яйле Чирухи

В августе Ваню договорился с лесниками о поездке в высокогорья. С нами на машине ГАЗ–66 на яйлу Чирухи едут Дато Гвианидзе, Гия Леонидзе и Нино Манвелидзе. Проезжаем Цаблану. После обвала – голый обрыв. В высокогорьях мы останавливаемся в доме лесника. Внизу ночует скот. Мычат коровы. Снизу поднимаются неприятные испарения.

Яйла представляет собой удручающую картину. Вся почва изрыта копытами. Летние домики стоят рядами, поднимаясь по небольшим ущельям. Дорога размыта. Везде овраги. У подножья Арсиянского хребта главная широкая грунтовая дорога соединяет между собой заставы. От нее в стороны расходятся дороги второго, третьего порядка, а затем скотобойные тропки.

Только на крутых скалах, куда не могут забраться голодные коровы, можно кое-что выкопать.

Застава Чирухи находится у соединения Арсиянского и Шавшетского хребтов. Только на нейтральной полосе можно представить, как выглядели ранее высокогорные луга. Травы в ложбинах – по пояс. Нам разрешили ходить по нейтральной полосе в сопровождении вооруженного пограничника. Тут я впервые смогла увидеть сиреневую скабиозу.

xxx

В конце августа ночью я слушала радиостанцию «Свобода». Ушам не поверила – в Москве государственный переворот! Слышны крики толпы. Не знала, что среди людей, собравшихся у Белого дома, и наш сын Павел. Днем по телевидению показывали «Лебединое озеро». Ждала известий. Но тревоги не было. Была твердая уверенность в том, что советский строй вернуть невозможно.

xxx

Сентябрь мы провели в Болгарии. А перед этим у нас было странное приключение, связанное с посадкой в автобус. Как и раньше на посадке в самолет, потом в автобус, нужно было стараться пролезть первыми. В самолете на твое место могли быть проданы два, а то и три билета. А мы летим с детьми. Вещи, часто одинаковые чемоданы, крутятся на транспортере. Талончики тоже одинаковые. Быстро получаем багаж, спешим к автобусу. А там свалка. Я с детьми протискиваюсь вперед. Андрей с Павлом запихивают вещи в багажник. Когда приехали на конечную остановку, на аэровокзал, я обнаружила пропажу портфеля с трехлитровой банкой варенья. Совершенно случайно в этом портфеле не оказалось документов. Я очень расстроена. Еду снова во Внуково в отдел потерянных вещей. Но никто портфеля не вернул. Поздно ночью, войдя в квартиру, среди сваленных в кучу вещей я обнаружила чужой чемодан! А где наш? На транспортере Андрей взял другой, похожий, мы в свалке не заметили! Открыли. А там новые турецкие женские наряды.

В моем чемодане оказалась моя записная книжка. Хозяин чемодана обратился в стол находок. Там ему говорят, что я уже приходила. Наутро хозяин чемодана приехал с нашим чемоданом. Он ездил в Турцию и вез вещи невесте. Боялся, что мы их присвоим. Неразбериха!

xxx

Октябрь. Наша дочка Оля устроилась на новую работу. Будет заниматься фитодизайном. Вместе со своей новой сотрудницей Светланой, женщиной средних лет, она приехала на Зеленый мыс, чтобы заготовить материал для зимних букетов. Нужны и живые веерные пальмы.

Стояла прекрасная погода. Материал для дизайна в это время на Зеленом мысу уникальный. Собрали много. К выкопке пальм мы подключили моего соседа Авто Беридзе-маленького. Он помог с пальмочками. Мы их упаковали. Договорились с проводником. Лил сильнейший ливень, когда мы с Авто таскали через высокий переходный мост упакованные пальмы и грузили в поезд на товарной станции. Проводник их установил в своем купе. Это был последний поезд, который шел на север. Поезда перестали ходить из Батуми в Москву и не ходят до сих пор.

xxx

Мокрые, уставшие, мы возвращались домой. В Махинджаури Авто у соседа узнал новость: в одном из горных сел рядом с Цабланой повесилась молодая женщина. Но местные знают, что это самоубийство – инсценировка, ее принудили за то, что у нее не было детей. Так поступают по обычаю – сказал мне Авто. Он тогда сильно переживал. В горной Аджарии все близко, все друг друга знают. Эта милая женщина жила как беженка в доме отдыха «Магнолия» после Цабланской трагедии. Я тоже ее помнила. Очень жестоко!

1990г Тяжелая зима

Неожиданно пришла печальная весть. От скоротечного рака умерла Заира. Не верилось: еще в мае мы с ней бродили по Лагодехскому заповеднику, были вместе на конгрессе МАБС, ездили в Телави. С высокого

этажа гостиницы любовались панорамой города. Заира, улыбаясь, обещала светлое будущее Грузии. «Наступает свобода!» – говорила она.

В Тбилиси вхожу в знакомую квартиру. В гостиной гроб. Едем на кладбище Ваке. Оно рядом с гостиницей, в которой мы весной останавливались, и я бродила между могил, любовалась букетиками в красивых корзиночках. Их принесли на пасху, на Красную горку.

В феврале мы с Заирой ехали мимо кладбища, и она мне рассказывала о том, что в ее семье из-за места на этом кладбище ссора. Тогда я удивилась: мне казалось, что в их семье все очень дружно, гладко. Она винила плохую невестку, жену покойного брата. Семейная распря.

Теперь я стою у могилы на этом же кладбище. Хоронят мою дорогую, любимую подругу, которая была мне поддержкой в самое трудное время.

xxx

В Махинджаури есть обувная мастерская. Там шьют сапоги. А в Москве плохо с обувью, да и с одеждой. Я заказываю сапоги не только себе, но и всем знакомым. Даже в Магадан посылаю. В мастерской работает мой школьный товарищ Вахтанг Георгадзе. Я его помню озорным мальчишкой. Он вспоминает, что я была в школьные годы гордой, всегда ходила с задранной головой. Оле заказываю красные сафьяновые сапоги. За ней начинает ухаживать молодой мастер. Говорит, что придет вечером в гости.

В октябре теплые вечера. Мы сидим в беседке под большой лампой. Пришел кавалер. Подает завернутую в газету бутылку водки. А мы пьем только чай. Ведем светскую беседу. Оля не откликнулась на ухаживания, ушла к девочкам спать. Мимо по дороге проходит сосед Гурам, он рассчитывает на выпивку. Мне не хочется обидеть местного, пришедшего в гости парня. Я продолжаю с ним беседовать. Надеюсь, что «прием» скоро кончится. А молодые люди не расходятся. Наконец кавалер говорит: «Ты женщина- клоун». Вот как он оценил мое красноречие!

Через несколько лет в Москве я подтвердила данную мне характеристику. Мы с внучками в большой компании собрались в цирк.

Билеты были дорогими. Ради шутки я надела на свой нос большой красный поролоновый нос, и меня пропустили без билета.

xxx

В селе Сарпи, за Чорохом – таможня. Теперь пограничный пост ликвидирован, можно свободно проехать к границе. А оттуда при соответствующих документах попасть в Турцию. Продать всякую утварь, получить доллары, а взамен купить ходовые в Советском Союзе товары: ковры, дубленки, кожаные куртки. В Батуми достать визу стоит дорого. Нужно переплатить нужным людям. Появились челноки и они везут в Турцию все, что попадется, что завалилось в советских магазинах. Особенно популярны велосипеды. Я постоянно вижу на противоположном холме на основной трассе машины, нагруженные велосипедами. Иногда велосипеды приторочены к автобусам.

У таможни в Сарпи скапливаются машины. Чтобы попасть в Турцию, люди ждут своей очереди неделями. Вокруг растут горы мусора. Этим воспользовались жители селения и стали брать налог «на экологию». Спустя несколько лет, когда было выстроено большое здание таможни и очереди исчезли, налог «на экологию» остался.

Андрей мечтает попасть в Турцию! Она ведь была в течение почти всего века закрытой страной. А там, в окрестностях Артвина, ботаники сделали интереснейшие находки, когда эта территория принадлежала Российской империи.

В Турцию ездят и сотрудники сада – те, что могут оформить себе за определенную сумму иностранный паспорт. Об этом столько разговоров! Но нужно иметь знакомства. Пока загранпаспорт – только мечта.

xxx

В связи с постоянными рейсами челноков попасть на самолет стало еще труднее. Перед посадкой через все летное поле женщины-челноки тащат огромные сумки с турецким товаром. Обычная картина.

Поэтому на посадке, как правило, свалка. А Оля летит с коробками высушенных растений, пальмочками и двумя моими маленькими внучками. На посадке я потеряла паспорт. Это очень осложнило мою жизнь, сломало все планы. На восстановление паспорта ушло более трех месяцев! Требовалось подтверждение моей личности из Магадана, где я последний раз получала паспорт. Еще требовалось свидетельство о браке. И это там, где я выросла и впервые получила паспорт! Свидетельство о браке лежало где-то в Москве. Андрей искал, не находил. В милиции мне помогла родственница Павличенко, (моих зеленомысских соседей). Она послала запрос в Магадан срочной почтой. Поездки в милицию в Хелвачаури, теперь были связаны с большими трудностями. Когда отключалось электричество, а это случалось часто, троллейбусы останавливались. Приходилось несколько километров идти пешком до Батуми.

xxx

Андрей пишет: «Вообще в Москве ходят страшные слухи, что зимой ничего не будет. Да и сейчас сахара нет. Выбросят кое-где – сразу огромная толпа набегает. Вчера получил ветеранский паек матери, так просто смех: кусочек масла 100 граммов, столько же сыра, баночка сгущенки, полкило колбасы. В магазины выбросили вареную колбасу, так за ней толпы, никуда не протиснешься. В магазинах пусто».

xxx

Все годы моей жизни в Аджарии я была привязана к телефонной станции. В то темное время разлуки и ожиданий я старалась звонить в Москву при каждой возможности. Чуть ли не каждый день ездила в город. В кабинках автоматы горстями «поедали» драгоценную денежную мелочь, бумажные деньги не разменивали, мелочи не хватало. В очереди курят, иногда в лицо. Но я привязана невидимыми нитями к этим кабинкам, к телефонной станции. Успокаиваюсь только когда слышу родные голоса.

xxx

В декабре темнеет рано. Холодный ливень. Электричество гаснет неожиданно, часто во всей Аджарии. Тогда жизнь останавливается.

Очередной раз я не смогла дозвониться домой в Москву.

Когда ехала домой, в Махинджаури отключили свет и поселок погрузился во тьму. Я нащупывала ногами дорогу, шла мимо милиции у шоссе. Неожиданно проваливаюсь в яму, неглубоко. Вылезла. Вымазанная в грязи, в темноте я с трудом добралась домой.

Наутро непогода сменилась ярким солнцем и я снова поехала в Батуми – звонить в Москву. Из автобуса, проезжая мимо Махинджаурской милиции, увидела яму, в которую провалилась накануне. И содрогнулась. Это был глубокий колодец, наполовину наполненный водой. Он остался от недостроенного водопровода Чаква-Батуми. По счастливой случайности в темноте я попала ногой на маленький бортик. Еще шажок – и ухнула бы вниз – вероятнее всего, навсегда...

xxx

В начале ноября, в самый разгар сбора мандаринов, неожиданно приехал наш старый знакомый Витя Физгеер из Таллинна, вместе с женой Людой, белокурой и хозяйственной. Она в восторге от батумских магазинов, где продают дешевый трикотаж. Витя рассчитывал на гостеприимство Олега в его большом доме. Привез дорогие подарки. Но Олег привык брать подарки. Взял, но устроил Витю с супругой не у себя, а в дорогом доме отдыха четвертого управления. Витя жалуется, приходя ко мне вечером пить чай. Он боится, что Олег или тетка увидят его у меня, пугливо оглядывается.

Приехал и мой братик, собирать свои мандарины. На этот раз он тихий, ничего не требует. Я успокоилась. Витя, вместо того чтобы помочь со сбором мне, собирал мандарины Саше. Видимо, мужская солидарность...

xxx

Витя сломал мой секатор. Секаторы для резки мандаринов на вес золота. Обрезают мягкий плод, чтобы плодоножка была полностью снята, до основания. Иначе она вопьется в соседний мягкий плод, повредит кору, и

мандарин быстро загниет. Секаторов в продаже нет. Их достают в Москве по случаю. Перед сбором мандаринов точат лезвия.

xxx

Люда, жена Вити, просила показать ботанический сад. День выдался замечательный – тихий, ясный. Насладившись красотой, приятными запахами, мы возвращались под вечер. Темнеет рано. Проходя мимо дома Олега, вижу, что он меня сторожит с двумя упитанными мертвыми бройлерами в руках. Это моя собака Трезор их придавила. За Олегом стоит и его супруга Наташа, восклицает: «Ей не жаль детей, ей жаль собаку!». В переводе это означает, что у нее малые дети, а Трезор моя любимая собака, и я ее жалею.

Трезор у меня недавно. Сам пришел. У меня жила молоденькая сучка. В сентябре у нее течка. Весь мой двор был заполнен кобелями. Лежат, мнут цветы. Не сгонишь. Свадьба закончилась. Собаки разбрелись, а одна невысокая полуовчарка осталась. Очень умная. Она ко мне привязалась и прекрасно охраняла дом.

Я взяла задушенных кур. Показывала Трезору, сильно отлупила. Он понял. Дохлых кур закопала. На работе меня осудили – нужно было сварить. Голодное время!

Пришла соседка Медико, депутат. Пожаловалась: Трезор стоит на пригорке, принохивается, сторожит ее кур. Обещала сказать мужу Нодари. В следующий раз застрелит. Я боялась. Под новый год Трезор приполз, раненый в живот. И раньше он хромал на одну ногу. А теперь слег. Я наливала в рану самодельную виноградную водку – чачу. Трезор выздоровел и еще сильнее привязался ко мне. Он был мне верен даже тогда, когда я надолго уезжала. Каждый раз встречал, улыбаясь и прихрамывая.

xxx

Новая напасть. Прихожу домой, захожу на площадку и вдруг понимаю – моя жизнь на Зеленом мысу закончена. Как я ни люблю его – закончена! Вокруг раздается грохот такой силы, что сотрясаются скамейки.

С электричеством постоянные перебои. Олег достал движок и теперь у него автономное электричество. Движок Олег поставил перед моим домом – у себя на задворках. Что делать? Впервые, и единственный раз, иду к Олегу. В большой комнате полно соседей. Олег только что приехал из Турции, демонстрирует покупки. Рядом тетка, смотрит злобно. Я, тихо:

– Олег, убери движок или закопай его по правилам.

В ответ Олег молчит. Я повторяю. Он театрально показывает на дверь:

– Вон!

Я ухожу.

xxx

Ко мне приехала из Магадана моя бывшая коллега Ксения Орловская со своим сыном Рустиком. Ксения миловидная, модная и стройная, с длинными ногами.

Следующим утром я отправляюсь в махинджаурскую милицию. Пишу заявление, чтобы Олег убрал движок.

Вечером по возвращении с работы застаю любопытную картину. Красивая Ксения сидит за столом вместе с милиционером. На столе бутылка дорогого коньяка. Ксения угощает, милиционер масляно улыбается и говорит, чтобы я не беспокоилась. Движок Олег уберет обязательно. Через день Олег перенес движок к себе в гараж на другую сторону. Соседи Авдишвили обиделись на меня: теперь гремит у них.

xxx

На работе постоянно ведутся разговоры о том, что всех пенсионеров вынудят уйти на пенсию. Больше всего огорчается Галина Алексеевна. А меня начальство представило на звание главного научного сотрудника, то есть на высшую должность, которую может иметь доктор наук.

xxx

25 ноября. Из письма к Андрею: «Господи, как хорошо на улице! Пахнет османтус, шуршат под ногами листья, гинкго весь в золоте, везде багрянец и золото, тишина прозрачного и холодного моря».

Ххх

Вано объявил сотрудникам: нужно придумать, как зарабатывать деньги. После сбора материала по фитодизайну для Оли я решила попробовать себя на этом поприще. Мне всегда нравилось делать сухие букеты, композиции из растений, коры. Такие украшения вошли в моду. В Тбилиси я видела настоящие произведения искусства в цветочных магазинах. А в ботаническом саду для этого имеется уникальный материал. Эмзари – настоящий мастер. Мы решили скооперироваться. В оранжерее отдела цветоводства вместе работали несколько дней с увлечением, смеялись, шутили. Идеи рождались на ходу в процессе работы. Я так увлеклась, что на время забыла о своей прямой специальности, то есть биоморфологии. После недели труда Вано, наслышанный о том, что мы изготавливаем венки, решил проверить. Дело в том, что в Грузии к венкам относятся по-особому. Это ритуал похорон. Пришла целая комиссия во главе с Вано. Наше мастерство было одобрено. Было решено организовать в городе выставку-распродажу. Настал день, когда нам выделили автобус. В него осторожно были уложены наши произведения. Выставка-продажа проходила в большом темном фойе кинотеатра «Тбилиси». Несмотря на полутьму и неудачное место, она имела большой успех. Особенно интересны были изделия из разнообразных шишек, хвои, коры. Мы заработали значительную сумму. В организации нам очень помог Бидзина.

Мы с Эмзари надеялись на поощрение хотя бы в виде премии. Но Вано сказал нам, что это изготовлено из материала ботанического сада, а наш долг – зарабатывать деньги. А мы и так получаем зарплату. Это было несправедливо и вызвало бурю гнева у экспансивного Эмзари. Я тоже огорчилась. Больше я дизайном не занималась. Эмзари ушел из ботанического сада, чествуя «жирного бульона», как в шутку между собой мы называли Вано. В дальнейшем Эмзари реализовал свой художественный дар, открыл свое дело. Теперь рядом с его квартирой небольшая мастерская-магазин.

xxx

Усилились ночные грабежи. Рассказывают, что таможенники стали очень богатыми людьми. Среди них мой молодой сосед, который живет недалеко, рядом с чайтехникумом. Вечером к нему ворвались бандиты в масках. Стали требовать деньги и драгоценности. Схватили ребенка. Мать не выдержала, показала место, где лежали деньги.

Валентина Васильевна Моцкобили-Жубер живет в новом доме, отстроенном на старом фундаменте. Одну комнату она сдает студентам техникума, которые не хотят жить в общежитии. Поздно вечером к ней ворвались молодые люди в черных масках, загнали ее в ванную комнату, один из них наставил на нее дуло автомата. В это время остальные обыскивали дом, искали драгоценности. Но их не оказалось. Забрали деньги, полученные за сдачу мандаринов. Валентина Васильевна рассказывала, что наставивший на нее дуло человек показывал знаками: мол, оружие не заряжено. Чтобы она не очень боялась. Гадали. Кто бы мог быть? Но так никто ничего не узнал.

xxx

Вечерами в темноте наши холмы сотрясают выстрелы. Днем, когда сияет солнце и поют птицы, все это кажется нереальным. Но когда наступает темнота, картина резко меняется. У меня в доме все открыто. Запоры, как и прежде, символические. И сейчас я ненавижу замки. «Замку цена – копейка». Окуджава прав. Любой замок откроют.

xxx

Мой брат добился суда по разделу нашей с ним пловины дома. Саше присудили среднюю комнату и кухню Я остаюсь в десятиметровой комнате без двери. А строить новый дом мне не разрешают. Тупик!

Он живет в Тбилиси. Приезжая, живет в пристроенной мамой комнате, так называемой Иверии. Столуется со мной. Неужели выгонит? Не хочется в это верить.

У власти Звиад Гамсахурдия

Звиад Гамсахурдия пришел к власти. Приезжал в Батуми. Его, в отличие от прошлой осени, теперь признают все. Аслан Абашидзе его встречает с почетом, возит по окрестностям, угощает.

xxx

Захожу по делам к Ваню. Вчера он водил супругу Звиада по ботаническому саду. Со значением показывает пачку цветных фотографий. Супруга Звиада Манана в черном бархатном костюме вместе с Ваню в японском садике. Сразу видно – гордыня. Позже говорили, что она хотела использовать несчастного, психически больного человека –своего мужа. Кто знает? На фотографиях в прессе лицо Звиада создает впечатление больного. Я читала книжку Амальрика, написанную задолго до того, как к власти пришел Звиад. Когда при власти Брежнева в Советском Союзе Амальрика на время выпустили из заключения, Звиад его взял к себе на работу то ли дворником, то ли садовником. Амальрик пишет: его не оставляла мысль, что у Звиада мания преследования. С другой стороны, хвосты КГБ были везде. И это тоже заметил Амальрик.

xxx

Декабрь. Я в доме одна. Жду получения паспорта. Ваню потребовал, чтобы я оформила отпуск в декабре. Да, это не Нодари Мемедович. Ваню не понимает моего положения. Пришлось взять отпуск и остаться на Зеленом мысу в ожидании паспорта. Я топила печурку и заканчивала книгу «Краски северного лета». Зимние краски юга были совсем другими в сравнении с северными. Я ими не переставала любоваться. Когда Москва вся в снегу, в декабре на Зеленом мысу бывает замечательная погода!

xxx

Почта находится в просторном двухэтажном здании на полпути к поселку Махинджаури. Заведует ею интеллигентная, симпатичная Лиза Концелидзе. Она замужем за очень приятным Джемалом Беридзе. Их дом на горе над почтой. К Лизе я часто заглядываю, иногда остаюсь вечерами в ее гостеприимном доме, любясь закатами, бухтой, которая с этого холма

выглядит совсем иначе, чем с моей площадки. Как-то зашел разговор о склепах. Лиза, коренная ленинградка, рассказывает, как во время блокады пряталась в склепах Смоленского кладбища от мародеров.

В один из вечеров Лиза принесла весть о том, что сын Олега застрел в Туапсе, заболел и попал в больницу. Олег ездил к нему на выручку. Через несколько дней я увидела сына Олега Рому на балконах Олегова дома. Он, как всегда, был со мной любезен и доброжелателен. Так же вел себя пасынок Олега, тоже Рома. Садясь в автолайн, по существующей в тех краях традиции заплатил за мой билет. Я была приятно удивлена, даже растрогана.

xxx

Тамара Максимовна тоже приходила ко мне. Она резко похудела, ослабла. Однажды на подходе к нашему дому упала. Я пыталась вызвать скорую помощь. Мне недавно поставили телефон. Но скорая не приехала. У всех есть машины и стариков привозят прямо в пункт скорой помощи.

Тамара Максимовна выздоровела. Но ушибленная грудь продолжала болеть.

Электричество

В моей комнате со старых времен осталась под потолком стеклянная, отороченная чугуном литьем в стиле модерн, подставка под большую керосиновую лампу. Когда провели электричество, ее перевернули и она стала люстрой. Много лет спустя благородный чугун покрасили краской «серебриной» и абажур потерял свою прелесть. Я ломала голову, как бы отмыть эту краску.

Когда я все оставила на Зеленом мысу, уезжая только с пачками гербария, пожалела о нескольких оставленных вещах. Первым делом о библиотеке, которую долго собирали, потом о столе красного дерева XIX века, который я с большими трудностями покупала Андрею в Москве перед отъездом в Магадан, о витых скамейках, которые стояли со времен моего прадеда и, наконец, о люстре. Но что поделаешь...

xxx

Мама вспоминала: когда провели электричество, сразу бросились в глаза углы, заплетенные паутиной. Во влажном батумском климате паутина очень быстро нарастает. А потом жили так, как будто электричество было всегда. Но я хорошо помню трагедии вокруг разбитого лампового стекла, фитильки керосинок, керогазы. Впритык к дому стоит толстый стальной столб. От него идут провода. Мама решила расширить террасу, пристроить кладовку. Столб оказался на краю маленькой кладовки. А разводные коммуникации выходили прямо из ее крыши. Во время сильных ливней вода текла по столбу. Рядом, над верхней полкой, мощным сверчком трещал счетчик. Там были пробки, основания которых обматывались проволокой. Все это называлось «жучок». С пробками часто возникали проблемы. Они были очень непрочными. Время от времени выскакивали, падали на цементный пол, терялись. Нужно было снова приноровиться, достать тонкую проволочку, замотать. Зима. Руки красные, замерзшие. Промозгло, холодно. Льет проливной дождь.

Прихожу домой – света нет. С фонариком пытаюсь наладить жучок. Но никак не получается. Нужен умелец. У меня их два. Один Зураб Чхаидзе – мой сотрудник. Нужно спуститься вниз по крутой и тоже скользкой тропинке, перейти взбухший от дождя ручей и по такой же крутой тропинке подняться к дому учителей, где живет Зураб. «Был бы он дома!» – молю я Бога. Безотказно и благородно вместе со мной Зураб спускается в овраг, поднимается к дому. Словно волшебник, быстро налаживает свет. О радость! На плитке готовится обед. Греется чайник. Включается маленькая масляная батарейка обогреватель. Включаю телевизор, смотрю интересные фильмы, которые показывают по «иллюзиону». За окном сплошная стена дождя, тьма. А здесь островок яркой и теплой жизни!

Еще при маме кто-то ей сделал отвод сети от основного щитка, чтобы платить меньше. Так у всех соседей.

Однажды в субботу приятным весенним утром, когда день сулит только радость, к дому подошел неизвестный мне человек среднего роста с

желчным злым лицом. Он из Чаквы. Инспектирует, проверяет счетчик, а главное – штрафует. Если я не заплачу штраф, то отключит электричество. И тогда блаженство света и тепла закончится! А для того, чтобы застукать врасплох и застать хозяев дома, этот опытный контролер выбрал утреннее время. Я, волнуясь, пытаюсь наладить отношения: не дай Бог отрежет свет! Но тут на мою беду выходит из своей комнаты Саша. Он вчера приехал из Тбилиси, живет в столице, мои трудности ему непонятны. Он человек горячий, хотя становится тишайшим там, где есть сила и власть. Сейчас он распаляется и, как тигр, с криками на грузинском, бросается на контролера. Я не понимаю половины гортанной грузинской быстрой речи, но прекрасно осознаю, что сейчас надолго лишусь света. А где потом искать концы? Где работает этот контролер? И мне приходится унижаться перед желчным человечком, утихомиривать не на шутку расходившегося Сашку. А потом платить огромный штраф.

xxx

За несколько лет до описываемых событий мы жили в Магадане на улице Дзержинского 10, на 5 этаже. На каждой лестничной площадке счетчик бешено крутится, накручивает киловатты. Вся жизнь в Магадане на электричестве: свет, плитки и прочее.

Дело происходило в субботу в середине дня. У нас гость – Даниил Яковлевич Берман. Мы только-только сели за стол и налили рюмки. Закуска на столе. Все в предвкушении вкусного обеда. Но вдруг неожиданно раздается звонок. Я открываю. Предо мной стоит низкая со злым лицом женщина-контролер. Она заявляет:

–Вы не оплатили по счету за электричество.

Если в течение получаса не оплатите, я его отключу. Мгновенно, не задумываясь, накидываю шубу, ноги ныряют в унты. На улице нешуточный мороз. По нагромождениям снега, гололеду, сугробам, что есть сил бегу к сберкассе. Она в одном квартале от нашего дома. Там в последние минуты перед перерывом плачиваю недостачу и таким же темпом бегу обратно.

Тетка уже все отключила. Но она еще в соседнем подъезде, чинит расправу. Еле уговорила ее восстановить, подключить свет.

Мы снова за столом. Можно отдышаться. Рассказываю, где была.

Берман:

–Ну и повезло тебе, Андрей, с женой! Я, обращаясь к Андрею:

–Что бы мы делали без света? Андрей спокойно:

–Купили бы свечи, пошли бы в Институт, в лабораторию, ведь это рядом. Любил подначивать!

xxx

Главное, на что справедливо взъелся контролер – это столб. Он опасный, его нужно менять! Однажды, когда была особенно сильная ночная гроза, молния ударила в столб.

Долгие хлопоты. Наконец приезжает бригада веселых ребят-электриков. С утра они хорошо зарядились. Будут менять столб, проводить отдельный мощный провод с хорошей изоляцией. Я в восторге. Неожиданно в эту же минуту к моему дому подкатывает легковая машина моего директора. Шофер привозит записку. Приехало столичное телевидение, мне необходимо срочно прибыть в ботанический сад. И я вынуждена оставить бригаду. Они будут проводить работы без меня. Провели. Но провод лег на крышу без изоляции. А под осень именно на эту крышу ложились лозы со спелым виноградом. И все остальное время, что я жила на Зеленом мысу, мне приходилось, словно в цирке, осторожно пересекать этот оголенный провод, собирать виноград, а через месяц и падающую на крышу хурму.

xxx

Для одного из веселых ребят вскоре все кончилось трагически. Он сгорел в трансформаторной будке. Видимо, взялся за оголенный провод.

xxx

Электричество часто отключают. Стали давать только на один-два часа в день, чтобы жители могли посмотреть сериал или эмоциональное выступление очередного лидера определенной партии.

Газ

В середине восьмидесятых газ был привозным, в баллонах. Их развозили по домам. Машины с баллонами поднимались высоко в горы. Возили баллоны и в наш тупик. Кончится газ в баллоне, мы тащим баллон за калитку. Выстраивается несколько пустых баллонов. Под баллон кладем деньги. Газ дешевый. Когда приезжает машина с баллонами, нам не обязательно присутствовать. Берут пустые, ставят полные. Вот и вся процедура. Коварство баллонов заключалось в другом. От плиты протянут шланг. Этот шланг нужно подключить к полному баллону особым способом, нажав на пробку. Не всякому это удастся. Проверить можно, только зажигая плиту: идет газ или не и дет. Баллон тяжелый, льет дождь. Никак не присоединяется шланг. В конце концов, борьба с баллоном заканчивается победой. Можно на время успокоиться. Баллоны старые, ключи к ним часто неисправные. Но есть газ!

xxx

Газ подорожал. Мои баллоны разворовали. Деньги стащили. Неприятно гадать, кто совершил эту пакость. Потом были украдены и пустые баллоны. Потом баллоны с газом стали на вес золота. Я стала готовить пищу на печке. Пришлось вспомнить о хворосте, дровах. Все эти трудности – на фоне прекрасной субтропической природы, изобилия фруктов, цветов. Как только долгие дожди кончались, наступали сказочной красоты теплые дни.

xxx

На хлопоты о паспорте, связанные с постоянными поездками в Хелвачаури, запросами в Магадан, получением от Андрея свидетельства о браке, ушло почти два с половиной месяца.

В одиночестве встретила Новый год. Соседи, Венера с Сережей, звали к себе. Но я предпочла одиночество. Сидела под букром, любовалась видом на бухту и размышляла о нашей жизни. Расставаться с Зеленым мысом я не думала, хотя вокруг в Грузии шли бои и связь с Москвой была с перебоями.

Весна 1992 года

Наконец в начале января я получила паспорт. Вырвалась в Москву только 13 января, на старый Новый год. Андрей уже и не чаял.

Московская жизнь с заботами о свекрови, внуках резко отодвинула меня от зеленомысских забот. В Москве было голодно. За продуктами собирались огромные очереди.

Еженедельно я ходила далеко по гололеду за получением ветеранского пайка свекрови. Это набор продуктов, совсем небольшой. Но свекровь требует, а паек действительно на некоторое время разнообразит жизнь. Основное время уходит на очереди в магазинах за продуктами.

Андрей радовался назревающим событиям, переменам. Следил за политическими событиями и время от времени писал в различные органы печати. Маман также очень радовалась не отрываясь от своего транзистора все время слушала новости и делилась с нами. Приход Ельцина к власти, трудный приход, развал Советского Союза – все воспринималось как хорошее знамение, вселяло надежды на будущее. Большинство сочувствовало Ельцину. Старая власть себя изжила.

xxx

В Грузии у власти Звиад Гамсахурдиа. У него помощники – Кетовани и Иоселиани. Они формируют свои маленькие армии, то есть дружины. Об этом я узнаю в Москве урывками.

Еще прошлой зимой редактор газеты «Советская Аджара», Лиана Менуагрия, когда я с надеждой говорила о народных патриотах – художнике Кетовани и литераторе Иоселиани – с горечью возражала. Называла их бандитами. Но меня так и тянуло ей возразить: это люди духовные! Звиад – сын знаменитого писателя-историка. На самом деле просто модно показывать себя в таком обличье. Трудно разобраться издалека, когда одни события быстро сменяют друг друга.

Я сижу у телевизора, смотрю передачу под названием «бенефис». Интервьюируют Иоселиани. Нет, это не интеллигентный человек. Он хвастается тем, что в тюрьме убивал людей.

xxx

Конец февраля. Я возвращаюсь в Батуми. Во Внуково развал, грязно. Разбитые кресла. Табло не работает. Ожидая своего рейса, я разговорилась с другой пассажиркой, Ириной Воиновой.

Раньше она работала в Ярославле директором кинотеатра. Но с наступлением новых времен стала челноком. Возит из Турции кожаные куртки. Теперь живет в Москве. Имеет хорошую квартиру на юго-западе. Муж спился. Она перетянула в Москву сестер, которые, пока она ездит в Турцию за товаром, присматривают за ее дочкой-старшеклассницей. Челноки готовы на любые трудности. Это их работа. Пахнет большими деньгами, авантюризмом.

На наш рейс пассажиров совсем мало, но попасть в самолет проблематично. Дюжие молодые украинцы, этакие запорожцы, грузят цепи и другой тяжелый металл. Летчики, не стесняясь, требуют свою долю. Вся эта дикость для непосвященного глупого пассажира кажется возмутительной. Но привыкали мы быстро.

xxx

Батуми встретил глубоким снегом. Дом холодный. Протоптала тропинку, затопила в комнате печурку. Обогрелась. Шел мимо к себе на гору Авто Беридзе-маленький. Поделился буханкой мягкого свежего хлеба, который только в Батуми бывает таким вкусным. Стало тепло на душе. Я вспомнила милого Нури Мемедовича, страдавшего от полноты. Он мне говорил, что не нужно есть свежего хлеба. От него полнота. Да разве удержишься! В Грузии свежий хлеб вместо гарнира. Его макают в соус, вкусный острый мясной соус!

xxx

Обнаружила разбитое стекло на кухне. Кто-то в мое отсутствие лазил в дом.

И опустошенный подвал! Там стояли баллоны с вином. Больше 500 литров вина! Мы его осенью вместе с Авто готовили, с трудом покупали

сахар. В погребе пусто. Но главное – украдены дефицитные стеклянные баллоны. Их нигде не достанешь. Я поручила соседу Сереже Авдишвили охранять дом. Да какой он охранник! Венера и Сережа – единственные соседи, к которым я иногда заглядываю попить кофе.

Теперь Сережа смотрит на меня невинными глазами, сочувствует. Я про себя догадываюсь: пропажа вина – это дело его рук. Он любит закладывать. Но ссориться с единственными соседями, которые ко мне доброжелательны, я не стану.

xxx

Две оставшиеся у меня курицы состарились, не могут уже взлетать на дерево. Ночуют в курятнике. К ним прибежал молодой петух от Нины, жены Зивера. Нина пришла за деньгами. Пришлось отдать 30 рублей. Деньги большие. Но мои куры старые, равнодушны к молодому и энергичному петуху. Он рассердился и решил уйти к молодым, к тетке Майе. Его там видели в вольере. Но когда я заикнулась о нем – тетка подняла крик. Чего только я не услышала:

–Этот петух пришел сам. А самцы всегда выбирают лучшие места! Не утратила боевого и хулиганского духа моя тетушка.

xxx

Опытная Гульнара Гулиашвили советует зарезать кур

– Они сами просят смерти – объясняет она. Нет, я к ним привыкла.

Одна из них пришла ко мне, когда я сидела на скамейке. Положила голову мне между колен и испустила дух. Вторая с трудом забралась в курятник и затихла навсегда.

xxx

Я навестила Тамару Максимовну. Она маленькая, слабая, злая, стояла на пороге. Я спросила, как она прожила зиму.

– Как муха – ответила она с обидой.

Она, видимо, надеялась на мою помощь, а я надолго уехала домой, в Москву.

Зимой ей особенно было плохо: дрова для печки не могла добывать, слабела.

xxx

Рассказывают об ужасах войны и разрухи. Положение в Грузии очень тяжелое. В Тбилиси холодно и голодно. Ночами автоматные очереди на соседней горе, экранируя, усиливают звуки стрельбы.

xxx

Выйдя на работу, я первым делом пошла к Вану с просьбой помочь мне вставить стекло. В ответ он возмутился:

– У вас, Ая Темофеевна, свой частный дом!

xxx

За утренним кофе только и разговоров, что о войне в Тбилиси, о разбоях.

Рассказывают, что ходить на Зеленом мысу небезопасно. Кого-то изнасиловали, кого-то ограбили. Имен не называют. Шайки мингрел проникают в Аджарию и грабят.

xxx

Зимой в Батуми приезжал Звиад Гамсахурдиа и патриарх Грузии Илия. Крестил население. Занятый под архив красивый католический костел теперь стал грузинской церковью. В Батуми в старой части города есть православная церковь. Это старинная греческая церковь. Но бывший костел, что подчеркивается особо, – это грузинская церковь. У девушек нашего отдела на цепочке крестики святой Нино: края креста приспущены вниз и крест очень похож на самолетик. Это модно.

Звиад Гамсахурдиа, человек верующий, считал, что Аджария должна быть чисто православной страной. Его отец, знаменитый писатель, в своих романах воспевал славу царицы Тамары, Давида Строителя. В средневековье территория современной Аджарии и еще многие земли были грузинскими, христианскими. В высокогорном селении Схалта до наших дней сохранился очень красивый, в византийской традиции, маленький христианский храм.

Ранее, когда Аджария в течение трехсот лет принадлежала Турции, а население стало исповедовать ислам, церковь была заброшена. Теперь ее открыли для посещения. Христианские настроения не понравились пожилым аджарцам-магометанам. Они пытались ее разрушить, осквернили.

Магометанство в Аджарии более сильно выражено в горах.

В Батуми были демонстрации, голодовки молодежи. Как в столице. Рассказывая, нажимают на слово «сухая голодовка». Потом, как выяснилось – голодовки вовсе не было. Студентки педагогического института хотели быть передовыми. Но под покровом ночи сытно обедали. Демонстрантов выследили и прогнали.

Огромный памятник Ленину на площади свалили. Соратники Звиада в экстазе надругались над поверженным Ильичем.

xxx

В марте я получила письмо из Тбилиси от Таили Гвинианидзе, сесты Заиры. Она убита горем. Осталась одна. Зима в Тбилиси была холодной и голодной. В центре города шли бои.

xxx

В четыре часа дня я решила идти домой нижней дорогой, через Зеленый мыс. На платформе пустынно. Мимо проезжает грузовик. Кузов набит военными. Издают боевые крики. Стреляют в воздух. Промчались. И снова зловещая тишина.

xxx

В Хелвачаури назначен новый префект – звиадист. Прислали из Тбилиси. Он из местных, но некоторым неугоден, потому что тбилисские – не указ аджарцам. Новый префект врач. Одни его хвалят. Другие говорят, что он не знает местных порядков.

Я надеюсь на его поддержку. Забрехала надежда на решение моего вопроса.

Поехала к нему на прием. Молодой, приятной наружности человек. Он меня заверил, что Олегу дом никогда не утвердят, что он подаст на него в

суд. Ему известны черные дела этого человека. Он знает, что «хороших ребят», как он выразился, Олег сажал в психбольницу.

Обнадежил меня: старый дом, в котором я живу, он оставляет за мной и братом, мы его разделим на равных. Все, что я услышала, показалось мне фантастическим. Я слишком устала от долголетнего ожидания.

xxx

В нашем маленьком околотке – волнение. Просочился слух, что дом Олега отдадут то ли под детский сад, то ли под приют.

Когда я это услышала – не поверила. Но на Олега и тетку префект действительно подал в суд за незаконное строительство дома.

xxx

На Зеленом мысу я – единственная, кто вырастила киви. Теперь, когда приоткрылись границы, то круглые, величиной с яйцо мохнатые плоды киви стали популярными. Их очень ценят, в них больше витаминов, чем в лимонах. Их привозят из-за границы из субтропических стран. Мохнатая крупная ягода впервые была окультурена и получила широкое распространение в Новой Зеландии. Она названа в честь птицы киви – эмблемы Новой Зеландии. А на самом деле эта ягода родом из Китая, официальное ее название – актинидия китайская.

Мне привезли из-за границы несколько плодов. Я посеяла семена, и теперь моя беседка обвита мощной лианой. Я дала сеянцы Сереже Авдишвили, привила. В Турции знают киви, покупают молодые растения. Поэтому в Аджарии киви пользуется особой популярностью. Саженцы вывозят в Турцию, продают. Мы с Сережей и Венерой решили арендовать на склоне Карелинской дачи кусок земли и выращивать киви. Надеялись на заработок.

Несмотря ни на что, я не собиралась покидать Зеленый мыс. Саженцы киви в ботаническом саду мне обменяли на молодые растения лимона. Я их посадила на арендованной территории среди чайных кустов.

xxx

Все рушилось, а я наивно продолжала на что-то надеяться, жить будущим, которое для меня было связано с Зеленым мысом.

xxx

Как доктору наук мне положен телефон. И его еще прошлой осенью установили. Я могу связываться с соседями, знакомыми в Батуми. Мы часто перезванивались. Прогресс!

xxx

В середине мая я ждала Андрея. Самолеты летали: целых три рейса в сутки. Но ни на одном из них Андрей не прилетел. Прошли сутки, я продолжала встречать.

И опять я в аэропорту. Вдруг оказалось, что тот рейс, которым должен был прилететь Андрей, прилетел еще вчера. А его нет. Оставаться в аэропорту бесполезно. Я еду на Махинджаурскую почту к моей подруге Миле. Сюда я хожу регулярно. Она работает на телеграфе, соединяет меня с Москвой, накручивая какую-то старинную машину начала века. Когда соединяет, я слышу родные голоса. Но сейчас связи нет. Ясный, теплый день. Я смотрю в окно, откуда открывается вид на море, на железную дорогу, (она тянется вдоль моря). Я вижу проходящий мимо длинный тбилисский поезд. Именно на этом поезде и приехал Андрей. Но я об этом не знаю. Совершенно опустошенная иду, домой. Заглушая тревогу, начинаю крутить, месить чайный лист. Но все внутри дрожит от тревоги. Мысли роятся. Поднимаю голову и вдруг в распахнутом окне вижу Андрея. Господи! Какое счастье! Оказывается, в Москве рейс на Батуми задержали. Тогда он сел на тбилисский рейс, а потом из Тбилиси приехал домой поездом. Слава Богу! Тревоги позади. Теперь мы вместе надолго.

Гл* 8 Снова на Родине

1992 Лето с Андреем. ШТОРМ

Андрей, как всегда, пользуется каждым днем, чтобы выбраться на природу, поработать. На несколько дней мы поехали в Кобулети к Джумберу. Работали на болотах. Там жаркое испарение. Среди напитанных водой мхов возвышается величественный папоротник чистоус царский.

Приехав обратно на Зеленый мыс с полными папками, мы поднялись к нашему дому. Жарко и парко. Андрей охлаждается под летним душем. Кабинка находится во внутреннем дворике. Неожиданно появляется мой брат. Он только что приехал из Тбилиси. С места в карьер в сильнейшем гневе кричит, чтобы я быстро освободила среднюю комнату. Проклинает. Хватает бамбуковую палку, которой я подпираю бельевую веревку и бросается на меня.

–Ты, русская, убирайся отсюда!. Я хватаю вторую палку, защищаюсь. Похоже на фехтование. Кричу Андрею, прошу о помощи. А тот голый, под душем. Стесняется. Наконец выходит и успокаивает страсти. И смех и грех. Появляется супруга Саши. Оказывается, она приехала вместе с братом. Я ее прошу подождать, утихомирить супруга.

–Я здесь живу постоянно, а вы в Тбилиси. Я в безвыходном положении. Оставьте мне на время кухню, – прошу я. – Вы же проходите через мой двор! Я могу в ответ его закрыть.

Если сейчас они закроют свои помещения, я остаюсь без кухни, воды, без выхода на свой двор. Временный мир установлен.

В тот момент я не думала, что военные события в Тбилиси и голод вынудят Сашу и Тамару переехать на Зеленый мыс. Тамара была директором школы, у Саши работа в Тбилиси. Он совсем не деревенский человек, землю не любит. Наверное, нужно было самой увидеть, как разбит войной город, чтобы понять их.

Одновременно с разбоем в Грузии сильно усиливались националистические настроения против русских. Я считалась русской. Мой брат об этом заявлял вслух, подчеркивая свое грузинское происхождение. Это меня смешило. Ведь у нас одна мать: полунемка, полуфранцуженка.

xxx

С Элей Цимблиниди я сблизилась в прошлом году осенью во время частых поездок в Хелвачаурский суд. Она дочь одного из бывших богатых владельцев дач на Зеленом мысу – грека Цимблиниди. В двадцатых годах ее отец приходил к моему прадеду в гости. Эля бывала у нас в гостях маленькой девочкой. Ее покойный муж был одним из самых состоятельных людей Батуми. В элитном девятиэтажном доме она живет в большой квартире с приемной дочерью, больной эпилепсией. В Махинджаури судится с родственником из-за части наследственного дома. Ездить в Махинджаури ей трудно. Дорога в горы к ее дому далекая. Родственники в дом не пускают. Нужно собирать мандарины, а ей, пожилой, тяжело.

По дороге в Хелвачаури я иногда к ней заглядываю. В доме где она живет, электричества чаще всего нет. Запущенный лифт не работает. Я взбираюсь по шатким лестницам на седьмой этаж и выслушиваю жалобы, рассказы о том, как зимой, без обогрева Эля и ее соседи пережидали холод, круглосуточно лежа под одеялами.

Ее соседка – вдова известного на весь Батуми хирурга Харитиди. Чванная дама живет в заставленных антиквариатом комнатах и вспоминает счастливые времена. И Эля и вдова Харитиди – последнее воспоминание о былых временах.

xxx

Андрей мечтает попасть в Турцию. На все оставшиеся деньги я по знакомству оформила два иностранных паспорта – себе и Андрею. Но поехать в Турцию не удалось. Денег на дорогу и на таможеню не осталось. Я вела переговоры с Дато Гвианидзе о поездке. Он часто ездит торговать в Турцию. Но он требует оплатить бензин.

Горджоми

В верхней Аджарии в горном селении Горджоми, живет отец моей приятельницы Наргиз Болквадзе. У нас на Зеленом мысу все зовут ее Додо. Фамилия отца Наргиз – Иремадзе, что означает в переводе «сын оленя».

Наргиз давно зовет нас поехать в горы в гости к ее отцу. Не откладывая в долгий ящик, мы быстро собрались и поехали.

Маленький ПАЗ бойко поднимается по серпантинам дорог в верхнюю Аджарию. В высокогорном селении Хуло дорога сворачивает в одно из боковых ущелий Аджаро-Имеретинского хребта – противоположного Шавшетскому. В Хуло мы неожиданно встречаем известного московского ботаника Андрея Георгиевича Еленевского, приехавшего в Батумский ботанический сад со своей супругой Люсей и молодым учеником-корейцем. Дело в том, что в ботаническом саду Андрей Георгиевич случайно слышал мой разговор с Наргиз, что мы с ней едем в пятницу, после работы. И решил поехать вслед.

По аджарским меркам Горджоми – глубинка. По крутым горным склонам везде разбросаны дома. Дороги размыты. Выше Горджоми транспорт не ходит. Вдоль дороги на горных отрогах огромные оползни – результат селей. В одном месте снесло часть горы, нарушив сообщение. Тут, как и везде в Аджарии, видны следы перенаселения, выпаса скотины, леса сведены. Цветет рододендрон желтый. Сильный его аромат проникает и в автобус. Несмотря на приближающиеся сумерки, вокруг цветущих и еще безлистных кустов обильно вьются пчелы. В Аджарии свой вид пчелы, стойкий к болезням. В горах развито бортничество. На ветвях высоких буковых крон можно увидеть колоды – пчелиные ульи. Мед из иели, как называют в Грузии желтый рододендрон, – темный, очень вкусный и часто ядовитый. Вызывает временное сумасшествие. Вокруг этого явления много разговоров и легенд.

Андрей Георгиевич, сев в автобус, намекает, что ему негде остановиться. А я знаю, что у отца Наргиз хоть и большой дом и места хватит всем, но кормить сразу шесть человек скромному пенсионеру с пожилой женой будет весьма накладно. Настроение у меня портится. Я прошу Наргиз не приглашать. Она смущена. Законы гостеприимства в Аджарии очень сильны. Шофер чувствует неловкость положения и сразу же

зовет к себе в гости Еленевского с сопровождающими. Это решило проблему. По выходе из автобуса в Горджоми мы договорились с Еленевским о том, что утром будем его ждать до 9 утра. Я беспокоилась, видя, как обрюзг Андрей Георгиевич. Нога у него больная, и я опасалась, что он не сможет подняться на хребет. На следующий день он не пришел. Позже рассказывал, что ходил вокруг поселка и кое-что для себя собрал.

Горджоми – большое село. Двухэтажные деревянные дома прижаты друг к другу. Длинные крутые улицы не замощены. Зелени, деревьев в поселке нет. Рядом с мечетью возвышается минарет. Здесь центр магометанской жизни Аджарии.

Горджоми живет по-старому, по магометанским обычаям. Во время намаза на минарете мечети включается микрофон с записью молитвы. Истошно и громко разносятся незнакомые нам слова.

Дом Иремадзе типичен для горной Аджарии. На первом этаже скот. Зимой во время обильных снегопадов первый этаж засыпает снег. Люди живут на втором этаже. К нашей радости, у хозяина нет коровы, что делает наше существование сущим раем. А так как дом находится над откосом, с узкого балкона второго этажа кажется, что мы находимся на четвертом этаже. Открывается замечательной красоты вид на синие горы Шавшетского хребта, отроги гор, заросшие ельниками. В углу балкона – туалет. Экскременты летят под откос на пашню, где их с нетерпением ждут куры. В домах идеальная чистота. Все выскоблено. Посуда блестит. Нам предоставляют отдельную комнату. Для закладки, сушки гербария лучше не придумаешь. Пожилой отец Додо – учитель. Он рассказывает, что был одним из организаторов советской власти в горной Аджарии.

С утра идем в горы. В июне в высокогорьях еще весна. Но солнце печет очень сильно. На хребет выйти непросто. Сначала довольно долго поднимаемся вверх по глинистой улице поселка. Затем пологий подъем бесконечными кукурузными полями. На окраине плантации стоит маленькая

избушка. В ней дремлет старик. С ним рядом – молодой парень. Он с удовольствием берется сопровождать нас на хребет.

Пьем холодный мацони и радуемся спутнику. Начинаем подъем. Ничто не предвещает опасности. Тропинка начинает исчезать, а заросли становятся все гуще. Наш спутник прямо на глазах изменяется, становится агрессивным и пытается сорвать у меня с руки кольцо. Я прошу Андрея не оставлять меня, идти рядом. Но муж всецело поглощен растениями, а парень становится все агрессивней. Наконец удалось уговорить Андрея вернуться в избушку. Андрей ругается и злится. Я что есть сил бегу вниз. Старик хватает палку, парень убегает. Оказалось, что это известный всему селу безобидный блаженный. Андрей досадует, торопится. Время потеряно. Близится полдень, а нужно подняться на хребет. По распадку, продираясь сквозь заросли высоких кустарников, выходим на вершину хребта Сакулаперди высотой 2500 м. В ложбинах еще лежит снег. Хребет крутой. Сюда скот не доходит, поэтому растительность не тронута и не выбита. Можно собирать растения в их естественном виде. Редкое место в Аджарии! Рядом со снегом вылезают эфемероиды: встреченный на Сарбиеле рябчик, пролески, прострелы. В легких кедах ходить нелегко. Мокрые ноги, проваливаясь в рыхлый снег, мерзнут. Для возвращения необходимо найти нужное ущелье и не уйти в сторону от села, хотя оно внизу видно как на ладони, а вой муэдзина так громок, что кажется – мечеть совсем рядом.

Отсюда хорошо видны и отроги и вершины Шавшетского, противоположного Сакулаперди, хребта, разделенного рекой Аджарисцкали. А по другую сторону также как на ладони – Аджаро-Имеретинский хребет. Горы каскадами уходят на север.

Идем по коньку хребта. С северной стороны завалы глубокого снега. Спускаемся вниз, переходя с одного отрога на другой. И чем ближе к поселку, тем больше выбитых скотом мест. Много скота разбрелось в беспорядке по жалким перелескам. Обычная в горной Аджарии картина.

Ночью у Андрея начался сердечный приступ, а мне залило кровью глаза. Резкие подъемы нам уже вредны.

В этом далеком селе сохранился обычай вышивать яркие цветы на белых полотнах. Стены в домах украшены разнообразными вышивками. Чемоданы приданого наполнены вышитыми простынями. Яркие, очень напоминают украинские. Рассказывают, такой обычай существовал во всей Аджарии, но с появлением моды на полированную мебель вышивки выбросили.

xxx

То и дело мы слышим как грабят поезда. Совсем недалеко от Батуми, в Поти, идут бои. Мингрелы-звиадисты выступают против партии Иоселиани-Кетовани. Оказалось, все бандиты. Госпиталь в Батуми забит ранеными. Фронт совсем рядом. Спасает закрытая узким горлом граница у реки Чолоки.

xxx

В Аджарии очень удобные границы. Когда в Мингрелии бесчинствовали банды Кетовани, Иоселиани, в Аджарии было мирно. Не стреляли. Маленький проход у моря у впадения реки Чолоки легко охранять, перегородить. В Кобулетской долине болота. Можно увязнуть. И Абашидзе этот проход перекрывал. В Тбилиси, в столицу Грузии, где кипели политические страсти, он не ездил. В народе гордо говорили о его независимости.

xxx

Начало лета. Еду в Хелвачаури на прием к префекту. Оказалось, что в тот же день в газете «Советская Аджария» было объявлено о том, что префект смещен. Боевые братья Асанидзе, ставшие депутатами, продвигали себя к власти в Хелвачаури. Глава Аджарии Абашидзе поощрял аджарские настроения, а префект – ставленник Звиада. В результате дом Олега по решению суда узаконили.

xxx

Мне наконец дали разрешение на постройку финского дома отдельно от брата. Я получила план. Теперь дело за покупкой дома.

Вершина Канлы. Хребет Шертули.

В Батумском ботаническом саду организована поездка в высокогорья Аджарии, в Чирухи.

Наш начальник – Зураб Манвелидзе – сотрудник ботанического сада, сын министра лесного хозяйства Аджарии. Невысокий, ярко-рыжий, он работает в отделе флоры. Отец дал ему на время свой «козлик». Его мы загрузили спальными мешками, сетками, бумагой, продуктами. С нами Нино и Гия – молодые ребята, которые ездили с нами год назад.

9 июля. Быстро мчимся вверх по долине Аджарисцкали по главному шоссе. Мелькают хорошо знакомые места. Проверочные пункты сняли. Остались одни столбы. Проезжаем Дологани, Пирвели, Маиси. Здесь ранней весной в прошлые годы Андрей нашел новую для науки незабудку. У села Махунцети скалы нависают над рекой. Выше – родник Дандало. Рядом с горбатым средневековым мостом царицы Тамары через Аджарисцкали построен большой современный мост. На противоположном берегу – дом Зураба. Отец-министр мирно тохает, окучивает кукурузу. Зураб ему сигналист. Тот в ответ машет рукой. От Шуахеви поворачиваем вправо. Горная грунтовая дорога вьется серпантинами вдоль речки Чирухи, притока Аджарисцкали. Набираем высоту. Крутые склоны покрыты ельниками. Зураб за рулем в приподнятом настроении. Все шутят и поют. По мере подъема восторг Зураба усиливается. В субальпийском поясе после очередного виража на полной скорости вылетаем на красочную поляну и останавливаемся над обрывом головокружительной высоты. Еще одно мгновение – и мы бы слетели в пропасть. Выходя из машины, переживаем счастливые минуты. Но пора и вверх, в поселок. Оказалось, наши приключения на этом не закончились. Так же с разбегу Зураб подъезжает к домам пастухов. Оказывается, он забыл залить воду в радиатор. Мотор загорается. Зураб в отчаянии отбегает, кричит нам, чтобы мы последовали

его примеру. Положение не из лучших. Вот-вот машина взорвется. На балконы соседних домов выбегают люди, смотрят. Советуют. Нино схватила мой развернутый спальный мешок и накрыла уже загоравшийся мотор. Пожар погашен. Зураб клянется зарезать самого жирного барана. На этом, к нашему счастью, приключения подобного рода закончились. Машина после маленького ремонта смогла ездить по холмам высокогорий.

Самые удачные сборы мы сделали на заставе Чирухи. Там нас уже хорошо знают. Начальник заставы в родственных отношениях с ботаником из Минска Н.Парфеновым. Предоставили жилье, дали сопровождающих. Мы поднимались на хребет Шертули, пограничный с Турцией. На нейтральной полосе чудесно цвели не вытопанные высокогорные луга.

Вторым значительным походом был подъем на самую высокую точку Аджарии – Канлы, высотой 3000 метров.

С заставы несколько километров едем на машине. На хребте Шертули большая седловина. С нее подъем идет круто в гору по осыпям и курумникам – точь-в-точь таким, по которым мы ходили на Колымском нагорье. Серые камни покрыты лишайниками. Вот только нет привычного багульника с голубикой. Подъемы такие же крутые. Нас с Андреем сопровождает солдат, вооруженный до зубов. Местность пустынная.

Мы стоим на вершине, а под нами лежит вся Аджария. Большая долина реки Аджарисцкали уходит вниз к морю. С одной стороны виден Арсиянский хребет, с противоположной Аджаро-Имеретинский хребет скрывается в далекой дымке.

Спускаемся. На седловине нас ожидают остальные участники экспедиции. Андрей захотел перейти границу и собрать растения на турецкой стороне за пограничным столбиком. Это вызывает гнев и отчаяние Зураба. Он кричит, заламывает руки. Андрей спокойно пересекает границу. Она весьма условна. Нейтральной полосы нет. Зеленый лужок. Андрей собирает растения под отчаянные крики Зураба. Пограничники молчат, усмеваются.

На обратном пути, на невысоком холме, поросшем ельником, нашли новую разновидность оносмь. Андрей описал ее в честь экспансивного Зураба.

Хихадзири. Хребет Бюютдаг

Наш сосед на Зеленом мысу – родом из горного села Хихадзири. Он рекомендует нас своим родственникам. Небольшой автобус ПАЗ везет нас в горы мимо Цабланы, еще не залечившей раны обвала 1989 года. Наши попутчики – большая семья, несколько лет назад переселившаяся из горной Аджарии на Кубань. Там тучные земли. Мать, окруженная детьми, прижимает их к себе. На остановках не хочет выходить из автобуса. Оказывается, по пути, в Мингрелии, бандиты устраивали обыски, убивали пассажиров. Им удалось с трудом выбраться в Аджарию.

В Хихадзири знакомых, к которым мы ехали, не оказалось на месте. Летом многие живут в горах, на пастбищах. Стоим в растерянности. Почтальон Резо зовет нас к себе домой. Берет наши папки, рюкзаки. По узкой тропинке мимо огромных домов поднимаемся по склону к его дому. Там пустынно. Жена его в горах на летнем пастбище Сары Чаири. В доме живет сестра Резо, девушка не в своем уме, но безобидная. Резо говорит нам, что на следующий день, вероятно, в горы пойдет попутная машина. А пока мы располагаемся в его огромном доме. В одной из комнат стоят рядами мешки с крупами, орехами, мукой. Похоже на магазин. Резо объясняет нам, что зимой, когда Аджарию заваливает снегом, запас продуктов необходим.

На следующий день спускаемся на дорогу, и весь день проводим на остановке в ожидании машины. С нами еще группа терпеливых горцев. Но машины нет и приходится снова возвратиться к Резо. Вещи мы предусмотрительно оставили в доме недалеко от остановки. Идти с ними вверх по тропкам еще обиднее.

Пошел второй день ожидания и томительного безделья. Погода портится. Вдруг появляется машина. Шофер капризничает, не хочет ехать. Нынче бензин на вес золота. Резо – благородная душа – платит за бензин. Это

он делает для нас, гостей. Сигнал к посадке. Множество людей разного возраста наполняют кузов: дети, взрослые, старики, которых заносит в кузов на руках. Прижавшись друг к другу, трясемся на камнях крупного галечника вдоль реки, а затем берем вверх по грунтовой, сильно размытой дороге. На склонах гор – ельники. Но чем выше в горы, тем сильнее эрозия, овраги. Верхняя граница леса представляет собой печальное зрелище. Везде торчат пеньки. Травы почти нет. Начинают появляться домики, разбросанные в горах без всякого порядка. Все совершенно одинаковые. Кажется удивительным, как местные жители узнают свой домик среди сотен подобных.

Долго развозят пассажиров. Резо ждет милостивая жена Марина с грудным ребенком. Марина и Резо – прекрасная пара. Оба невысокие, ладные. Наутро Резо оставляет нас на попечение Марины, а сам уходит раздавать по домикам пенсию. Кроме того, его беспокоит пропажа быка. Видимо, его украли. А может быть, этот бык заблудился между однообразными домиками или удрал на тучные луга Турции?

Утром просыпаемся в густом тумане. Даже соседнего дома не видно. Радоваться приходится лишь тому, что мы в высокогорьях, а не на остановке в Хихадзири. Три раза в день Марина выдвигает небольшой столик и ставит на стол сметану с сыром, чады и лобио. Жизнь крайне однообразна. Целую неделю никакого просвета!

Наконец туман разметало. На голубом небе ни облачка. Яркое солнце сушит горы. Ясность поразительная. Перед нами на пригорке, совсем рядом с нашим домом – застава. Это добротное кирпичное строение выглядит как нечто чуждое.

Начальник заставы идет нам навстречу. Завтра обещает подвезти нас к подножию главного пограничного хребта Бюют-даг, мы сможем подняться на самую высокую его точку. А сегодня нас отпускают без сопровождающего в западную часть охраняемой территории этой заставы, на нейтральную

полосу. Но и здесь много выбито и вытоптано, сюда в последние годы стали запускать скот.

Вдоль границы – маленькие столбики. Никого вокруг нет и Андрей преспокойно идет за границу. Я очень волнуюсь, умоляю его вернуться. Но он на меня не обращает внимания. Очень уж ему хочется побывать в Турции, хотя бы в нескольких шагах от границы.

Вечером разбираем сборы и готовимся к завтрашнему восхождению. Утром ГАЗ-66 везет нас вдоль границы к подножию высокой горы, на хребет Бюют-даг. Здесь нас оставляют одних, предупреждая, что приедут за нами вечером.

На подъеме каменистые осыпи сменяются субальпийским высокогорьем. Многие виды растений в полном цвету. Трудно собирать крупные виды. Высокие, в человеческий рост, прочные стебли лилии Кессельринга. Крупные цветки с дурманящим ароматом собраны в огромные соцветия, подобные канделябрам. Подъем крутой. Наконец выходим на хребет. Вдоль пограничных столбиков идем по коньку хребта на восток, досадуя на то, что нужно возвращаться назад.

Высокогорья под нами – как на ладони. Слева – зеленая турецкая сторона. Справа ярко-коричневая – аджарская. На ней уже почти нет травы и контраст между Аджарией и Турцией разительный. Места вдоль границы безлюдны. С аджарской стороны обрыв в несколько километров. Следующая за заставой Сары-чаири застава Васюхно находится у подножья этого обрыва-гиганта. Сверху домики заставы выглядят спичечными коробками. На спуске держимся не пограничной тропинки, а по осыпям заходим на территорию Турции. Внизу густые заросли у влажного лужка. Андрей лихорадочно копает, я закладываю. Пограничники на машине уже ждут нас и относятся к нашему нарушению границы снисходительно. Видят нас, не сигналият. Бежим. Последние сборы. Андрей нашел на турецкой стороне новый вид лютика.

Растений так много, что необходимо спуститься в Хихадзири, разжиться газетами, заложить гербарий и быстрее уехать на Зеленый мыс досушивать. Попасть на автобус трудно. Дорога стала дорогой, но пока нам по карману. Удалось удачно сесть на автобус. Через два часа мы оказались в Батуми на автобусной остановке.

В Батуми на автобус теперь попасть трудно. Все те же трудности с бензином. У базара вижу соседа Резо. Толстый, румяный, он грузит строительные материалы для своего нового дома, который строит над дорогой на противоположном от нашего дома холме. Обращаюсь с просьбой быстрее подвезти на Зеленый мыс. Беспokoимся за наши сборы: солнце – палит. Но получаю резкий отказ. А ведь сосед! В дальнейшем этот толстый и румяный Резо станет ректором чайтехникума, который переименуют в университет.

Коварная Тамара. Жалкий Саша. Подлый Олег.

Приехали Саша и Тамара с дочкой, нагруженные сумками. Я надеялась, что сохраню хоть худой, но мир. Пусть ненадолго. Но у моего брата с женой был другой план.

Тамара и ее дочка – прекрасные кулинарки. Получают удовольствие от приготовления кавказских пахучих блюд.

Времена непростые. С продуктами плохо. Но у меня есть запасы. Основа: соль, сахар, консервы. Утром я ушла на работу. Андрей на веранде разбирал гербарий.

Тамара приготовила аджаб сандал, Андрея к столу не позвала. Но моими продуктами пользуется. Андрей удивлялся. Аппетитные запахи разносились по всему дому. К столу не позвали.

В Хелвачаури Жужуна – секретарь суда – мне сообщила, что Тамара ходит каждый день в суд. Вызывает судебного исполнителя.

Я решила поговорить с ней. «Так ли это?» Нет, как я могу подумать! «Мы будем отдыхать, жить, как и раньше, вместе». Саша прячется, не разговаривает.

Я объясняю еще раз, что я получила разрешение на строительство и начну стройку. Лучше сохранять мирные отношения. Зачем ссориться?

xxx

Приезжаем мы из горной Аджарии ненадолго. Высушим гербарий и снова в горы.

В конце августа Тамара вызвала меня на веранду и торжественно стала показывать документ. Тетя Майя подарила ей, именно ей, а не Саше, свою половину. Теперь я должна освободить веранду. Смотреть на документ я не стала. Сказала:

–И по совести, и по праву считаю, что дом моей матери, который она сохранила во время войны и позже, должен быть разделен на две части. Я пока остаюсь на этой позиции. Мне пока нужно где-то жить. Не выгоните же вы меня из родного дома! Тем более что живете вы не здесь. Скоро я куплю дом. У меня есть разрешение .

xxx

Нет, я не учла ее способностей. При каждом удобном случае Тамара особо выделяла Андрея. Льстиво щебетала.

Андрей решил с ней поговорить. О чем они говорили, не знаю. Андрей немногоречив, но он был крайне возмущен. А ведь он человек спокойный.

xxx

Такова судьба. Построить дом, несмотря на все усилия, потери и разочарования не удалось.

Комнаты тети Майи открылись для Саши. Там идет уборка. Теперь вход на площадку семье Твалчрелидзе не нужен. Все дни Тамара с Ирочкой проводят у Олега и тетки. Там им оказывают максимум внимания.

xxx

Прежде чем строить дом, мы решили сначала сделать пристройку к моей комнате. Будет отдельный вход, кухня. Об этом договорились с соседом Сережей Авдишвили. Он дружит с Тариком, строителем с хоздвора. Для въезда машин нужно около ворот убрать дерево алычи.

Мы с Андреем корчем дерево. Мимо проходят Тамара с моей племянницей Ирой. На дороге земля. Они возмущены: испачкают обувь. В руках Тамары бумага. Она размахивает ею и улыбается. «Это жалоба» – говорит Ира, ни к кому не адресуясь. Удаляются в сторону дома Олега.

Шторм

Четвертого сентября Андрей улетел. Я снова осталась на Зеленом мысу одна. Лето было очень напряженным и в основном посвящено сборам растений, гербаризации. Теперь можно было спокойно заняться своими делами. После того, как уезжал Андрей, после того как уезжали гости, я любила остаться одна, размышлять, сосредоточиться на своих научных проблемах. Так в подготовке к работе я провела в кабинете целый день и сильно задержалась. Собирался дождь. Я подумала о том, что не взяла с собой зонта и успокоилась. Всегда был запасной. Домой не спешила. Пошла кружным путем. По аробной дороге. Потому и не видела того, что творилось в моем доме. Подхожу – глазам не верю. Веранды – застекленной шушабанды – нет! Ее снесли. Саша стоит, подметает осколки.

Сначала не могу понять, что произошло. Ведь на веранде были мои вещи, книги, мебель! Захожу. Первая мысль: взять себя в руки и не показать своего удивления, отчаяния. Мой брат со злобой визжит: «Убирайся с моей площади, русская сволочь!» И еще по-грузински матом! Вылезает из-за его спины Тамара, объясняет, мои вещи с веранды сложили в мою комнату и ночь я могу провести на их территории. Дверь в мою комнату забили.

Решаю сделать заявление в милицию. Иду к Венере. Она мне рассказывает: днем собрали соседей, приехал судебный исполнитель, дом вскрыли. Стемнело. Перед домом Авдишвили, куда я пришла, Олег с Сашей стоят на майдане – так я называю место под вечнозеленым дубом. Их тени мелькают. Сережа Авдишвили возмущен. Саша ему объясняет: «Это наше семейное дело. Не лезь в наши дела». Олег стоит рядом, молчит. Ухмыляется. Он себя здесь мнит царьком.

Понимаю: искать справедливости в милиции бесполезно. Венера постелила мне постель. Помню, ночью разразилась гроза, гремел гром, лил проливной дождь, а в голове стучало.

Наутро гроза прошла. На площадке валялись разбитые горшки с выброшенными кактусами, которые стояли на подоконнике веранды. Там были редкие виды. В дом не попасть. Все забито!

xxx

После дождя сыро. Сажу на скамейке предков, как у разбитого корыта. Размышляю: стоит ли оставаться здесь, окруженной недоброжелателями? О каких-либо родственных отношениях речи нет. Соседи – враги. На работе тоже усилились националистические настроения.

xxx

Два дня я жила у Авдишвили. В выходные пришел Тамазик, Сережа, их друзья. Раскрыли забитую дверь. У сарая сделали навес. Весь день выносили вещи. Книги заносили по лесенке в Иверию. Сложили в сарае сильно поцарапанную мебель, вещи. А сарай не запирается. Позже Саша, мелкий воришка, многое оттуда потаскал. В том числе и портрет мамы, написанный художником Владимировым.

xxx

Портрет позже удалось вернуть. Один из милиционеров ко мне относился по-дружески. Заставил Сашу отдать картину. Позже я его реставрировала, и сегодня он висит в моей московской квартире.

xxx

Вечером, уставшая, сажу на ступеньках разбитой веранды. Тамара предупредила: через час дверь забьют. Олег огибает разбитую веранду. Ухмыляется.

–Обещаю, будет хуже

–Может быть. Ты большой специалист. Но ты никогда не будешь доктором наук

–Мне это не надо!

Действительно, каков его критерий благополучия? Нужна ли ему наука, понимает ли он, что такое наука? Не нужна. Он прав.

xxx

Дверь забили. Теперь в комнату я могу попасть только через окно, по лесенке. Через неделю Сережа мне пробьет проход.

Лючия де ля Мур-мур, моя серая кошка, ко мне привязана. Когда у меня гости – я ее не вижу. Но как только я остаюсь одна и ложусь спать, она ползет ко мне с края кровати, обнимает. Говорят, лечит сердце. Рожать котят она тоже приходит ко мне в постель. Сегодня Лючия мне сочувствует. Поймала летучую мышь и принесла в подарок, забравшись в комнату, как и я – через окно. Своей летучей мышью она подавилась, ее вырвало. А как мыть пол?

xxx

Умер дядя Вася Щепетов. Жену его Екатерину Эмильевну забрала в Москву дочка Рита, моя ровесница. Сын Кати и Васи, Александр - с Олегом погодки. Когда-то он подписал жалобу на меня и выведывал место защиты моей диссертации. Теперь он продает дом. Покупает дом Кати руководитель всей торговой сети города Батуми Аслан Кикнадзе. Его жена – подруга жены Олега. Зовут ее Татьяной.

Все это я узнаю от Венеры с Сережей. Соседи на майдане, сидя на бамбуковой скамейке под дубом, обсуждают новости. Реваз, ближайший сосед тети Кати – сильно обижен, он очень хотел купить этот дом. Да Олег с Сашей Щепетовым не поставили его в известность.

Татьяна приезжает на белом мерседесе. Это ярко покрашенная, весьма вульгарная молодая особа. На каждом шагу употребляет крепкий русский мат.

Покупка совершена. Рассказывают – новый хозяин, Аслан, задумал на месте маленького и уютного домика тети Кати построить что-то грандиозное. Рядом с домом будет пруд, лебеди, фонтан. Торговая сеть приносит немалый доход. Вскоре по всей границе купленного Асланом участка вырос забор

выше человеческого роста из цементных брикетов. Срубили криптомерии, посаженные еще при моем прадеде. Новый сосед отхватил и часть мандаринового сада, принадлежащего совхозу. Аслан может все!

Из-за каменного забора тропинка сузилась, и Авдишвили оказались между высоким забором Аслана и стенами своего дома как в колодце. Едва пройдешь.

xxx

Андрей с помощью челнока Ирины Воиновой переслал деньги, и мне таким образом удалось купить брикеты для пристройки.

xxx

Конец сентября. Я улетела в командировку. Во время моего отсутствия соседи, Сережа Авдишвили и Тарик с хоздвора, привезли брикеты и вырыли траншею для фундамента пристройки к моей части дома. Я этот вопрос согласовала с Тamarой. Она не возражала. Наоборот, была рада, что будет стоять капитальная стена. Но она должна была полностью подчиняться Олегу, для того чтобы меня выгнать. Выполняла указания. Тем более, что в тот период это было взаимовыгодно.

Московские сюрпризы

В Москве меня ожидала очередная неприятность. Мой зять, расставшийся с нашей дочкой Олей, не расстался с мыслью быть москвичом и отсудить часть нашей московской квартиры. Он прописан в Москве, работает в Мурманске, у него броня. 12 октября состоится суд. Летом я писала в журнал «Огонек», в то время самый популярный, консультировалась по правовым вопросам. Мне прислали телефон известного адвоката по фамилии Басс. Я пошла к нему на прием. Это высокий интеллигентный спокойный человек. Он огорчается: фамилия судьи – Мартынова, такая же, как и у моего бывшего зятя Саши. Кроме того, говорит Басс, судья симпатизирует мужчинам. Но есть зацепка. Оказалось, у зятя срок московской брони истек. И он уже не работает в Мурманске, а числится в Твери в организации ЦЕНТРОН. Странно. Эта организация

оказалась совсем рядом с Тверским ботаническим садом, в котором я проработала шесть лет. Очередное совпадение!

Нужно срочно получить документы об окончании его брони. Мой зять уже не имеет права на московскую площадь. Я отправляюсь в единственное на всю Москву обменное бюро квартир в Банном переулке. Тетка, похожая на злую крысу с маленькими блестящими глазками, резко отказывает. Справку я получу только через месяц. Я поднимаюсь наверх, в большой кабинет начальника. Слезы ручьем текут по щекам. Начальник – интеллигентный, мягкий на вид человек, вызывает тетку. Строго требует, чтобы она выдала справку. Но та пищит, отказывает. Сходство с крысой становится поразительным. Справка наконец у меня в руках. Но это еще не решает исход дела. Басс мне советует, если я встречу с зятем, его припугнуть.

11 октября. Накануне суда мы на даче. Вместе с Олей и внучками пошли в лес. Приятная осенняя прохлада. Возвращаемся. Нам навстречу взволнованный Андрей

–Приехал Саша!

Вхожу в дом. Зять сидит у постели свекрови.

–Саша! Выйди на террасу, нужно поговорить!

Всех остальных прошу оставаться в доме. Мой муж Андрей – человек тихий. Сын мой Павел – такой же. Свекровь говаривала: «овцы». Ладно, зато я не овца! Недавно мы видели фильм «Палач». Девушка заказала убийство подлецов, надругавшихся над ней. Я под впечатлением.

–Нет, я не убийство закажу, а закажу отрезать твое достоинство, чтобы больше не производил на свет детей, которых ты бросаешь!

В ответ он что-то мямлит в свое оправдание, просит напоить его чаем. На веранде холодно, и мой муж выносит ему горячий чай. Я протестую. Ночевать он здесь не будет!

По совету Басса на первое заседание суда Оле идти не стоит.

На следующий день мы сидим в коридоре перед началом заседания. Напротив нас – зять, в красивом плаще с папкой в руках. Такой же ясный взгляд и приятное русское лицо с правильными чертами. Напротив я, Андрей, Павел. Теперь мы по разные стороны. В начале заседания зять забрал свое заявление. Спрашивал, не лягут ли на него в этом случае судебные издержки. Судья Мартынова объяснила, что в этом случае государство берет это на себя. Главное – мир.

«Овца» Андрей пригласил Сашу отметить мирное окончание этого дела. Я помалкивала. Главное, на что обратила внимание – когда он, мой бывший зять, вошел в нашу квартиру, какой у него был взгляд. Уже не свое!

Вот он, квартирный вопрос... Вот она, собственность! Все перепуталось при советской власти, люди часто превращались в нелюдей.

xxx

В начале октября в Бологое на турбазе «Озерное» проходила очередная школа по теоретической морфологии и анатомии растений. Организатором школы была кафедра ботаники Тверского университета. Мне предложили возглавить ботанический сад при университете.

1992 Поздней осенью с сыном Павлом

Осень. В Абхазии идут бои. Аджария оторвана от внешнего мира. Почтовой связи нет, а телефонная с большими перебойми. Павел взял отпуск, чтобы поддержать меня. Мы вместе полетели на Зеленый мыс.

Прилетев, с трудом добрались до Махинджаури. С транспортом стало еще хуже. Шли вдоль моря на закате. Была тихая прекрасная погода.

Дома я отсутствовала всего две недели. Сколько событий за это время произошло в Москве!

xxx

Наш дом изменился. Разбитая шушабанда, двери забиты досками.

В мое отсутствие Сережа с Тариком и еще одним дюжим мужиком прорыли траншею для фундамента пристройки. Брикеты стоят горкой

посредине площадки. Мы с Андреем, выкорчевав алычу, освободили проезд. Будет капитальная стена. Соседи готовы строить. Это всех объединяет.

xxx

На второй день после нашего приезда появился архитектор Резо и объявил: я не имею права ничего пристраивать. Тамара заявила в район о том, что я самовольно начала пристройку, а она возражает. Понимаю: отрабатывает приказы Олега.

Стоим по разные стороны траншеи. Я с одной стороны, Тамара с Ирой с другой. Саша, как всегда, прячется.

Тамара театрально произносит: «Олег поклялся отомстить тебе за каждую слезинку своей матери». Нет, я не смотрю на эту гуманистку, преподавательницу русского языка. Я обращаюсь к ее дочке Ире, которую так любила моя мама, когда тетка-кукушка ее ущемляла. Теперь раздувшийся кукушонок Олег расправляется со мной. И я говорю этой молодой и довольно красивой девушке: «Я думала, ты тоже вспомнишь о слезинках бабки, твоей бабушки, но нет, тебе это не дано». (Мама не хотела, чтобы ее называли бабушкой, придумала – «бабика»). Нет, эта девушка уже ничего не помнила.

xxx

Узнаю, что в Тбилиси русскую школу, где работала Тамара, закрыли. Тамара переехала на Зеленый мыс. Олег ее устроил в юридический колледж, только что открытый. Теперь грозятся лишить меня и земли. Грозят новой комиссией.

xxx

Вся семья – Тамара, Саша и дочь Ира – переехали из голодного Тбилиси на Зеленый мыс. Подчеркивается, что Тамара прописалась в Махинджаури. Олег поручил ей следить за каждым моим шагом. Да и самой ей, весьма активной и беспринципной, это, видимо, доставляет большое удовольствие.

xxx

Ситуация резко изменилась. Тамара с Сашей обязались выселить меня с родного места. Саша с Тамарой грузины. Олегу это выгодно. Национальная принадлежность имеет важное значение на Кавказе. Тамара наполовину армянка. По-грузински армяне – сомехи. К ним относятся без симпатии, потому что считают хваткими и хитрыми. Так часто объясняют свое пренебрежительное к ним отношение. Этот вопрос с удовольствием обсуждается за утренним кофе у меня на работе. Рассуждения на национальные темы очень популярны в женских компаниях. Я эти женские сборы называю «гаремный стиль». Действительно, что-то осталось от гарема в женских самостоятельных клубах. Мужчины резко отделены от женщин. Всегда есть отдельные женские и отдельные мужские сборища. Такой клуб и в новом доме тетки. Тамара с Ирой там одни из первых.

xxx

Мы стали жить в моей комнате, со всех сторон закрытой, как в клетке.

Дверь в мою комнату пробрили и мы входим туда из угловой комнатки.

Площадь очень маленькая, непрветриваемая, что в условиях влажного теплого климата неприятно. Остальную часть дома занимает Саша. Но по плану за мной осталась Иверия над туалетом и ванной. Она забита книгами. Мебель с вещами остались под навесом. Во время моего отсутствия многое пропало. Мы отгородили свою территорию соответственно плану сеткой. Но этого оказалось мало. Саша с Тамарой решили, что они будут пользоваться, как и раньше, моей территорией: ванной, туалетом, выходить на площадку. Все шло к последнему завоеванию.

xxx

Тихий осенний солнечный день. Такой прелестный, какие бывают в октябре, когда все сияет осенними красками. Ира Воинова и Павел во второй половине дня пришли ко мне на работу. Я вижу, что Павел очень взволнован. Оказалось, бои за территорию в моем доме далеко не закончены. Днем пришла комиссия на уровне Сакребуло. Павел был дома. Воинова застала любопытную картину. Расим – председатель Сакребуло, он же мой

школьный товарищ (в свое время сменил толстого Нодари Беридзе) стоит во главе комиссии, окруженный соседями. Расим распаляется, в пылу гнева собственноручно срывает сетку. Павел сопротивляется, но с местной властью шутки плохи. Сетка сорвана.

Есть ли закон? Или он односторонний? Я должна сейчас, сегодня же увидеть Расима!

Буду действовать! Мы с Павлом идем в Махинджаури. Солнце клонится к закату. Вот и Сакребуло. Бывший сельсовет. В знакомом кабинете на втором этаже сидит Расим. За столом рядом по привычке два колхозника.

–Почему ты сорвал сетку? Это ведь частная собственность. Она неприкосновенна. Ты должен ее охранять. В ответ Расим наливается кровью, истерически кричит. Но я не сдаюсь. Крик настолько силен, что с первого этажа прибегает пожилая бухгалтерша и пытается остудить Расима. Я пытаюсь пригрозить милицией. Нет, я не сдамся. Нужно слабую сетку заменить.

Павел перенес брикеты приостановленной стройки и возвел непроходимую для Саши стену.

xxx

Меня пригласили работать по совместительству в биолого-медицинский институт, недавно открытый в Батуми. Я читаю первокурсникам морфологию и анатомию растений. Новоиспеченный институт находился в помещении, бывшем в мои школьные годы седьмой мужской школой. Я помнила эту школу, когда училась в старших классах. На вечере мы смотрели самодеятельный спектакль «Юбилей» А.П.Чехова. Теперь в этой бывшей школе в некоторых классах стекла на окнах разбиты.

Группа, в которой я преподаю, дружная. Первокурсники только что закончили школу. Я привязалась к этим ребятам. Нежная девушка, дочь прокурора, и армянин, отслуживший в армии, полюбили друг друга. Я беспокоилась, боялась сопротивления родителей. Позже узнала, что все обошлось, и у них дружная семья.

С транспортом перебои. Троллейбус стал ходить только до БНЗ, и то не всегда. Часто приходится идти пешком из Батуми. Темнеет рано. Прихожу в темноте. Меня встречает Павел. Это время, когда мы с сыном были вместе. Несмотря на трудности, он мне помог со сбором и сдачей мандаринов. Мы согрелись у маленькой печурки в моей комнате. Много ли места нужно человеку? Нет, немного. Тем более что нас окружала площадка с плодами хурмы, фейхоа, мандаринов. Со скамейкой у бука. Заходить в душную комнату не хотелось. Только во время ливней мы забирались туда – как в нору.

xxx

Моя соседка Венера попала в больницу. У нее обнаружилась сильно разросшаяся опухоль груди. У Сергея в Москве знакомый врач. Но Венера отказалась лететь, боялась разбоя, свалок в самолете.

Венера рассказывает о том, какое запустение в больнице. Не кормят. Приходится приносить свою еду, белье.

xxx

Олег во время моего отъезда перерезал телефонный провод, он висел на деревьях по соседству с его домом. Я восстановила.

xx

Дважды в неделю я читаю лекции в Батуми. На обратном пути захожу на рынок и покупаю горийские яблоки. Я их очень люблю. Рынок завален мандаринами. В полутьме вечера однажды мы с Павлом встретили Элю Цимблиниди, торгующую мандаринами. Она бросилась ко мне со слезами, жалобами на полуголодное существование, на холод. Одинокая, она не знала, на кого бы излить свою горечь. Тяжелое время.

xxx

Субтропический климат с его теплыми днями и отсутствием зимы прекрасен. Одновременно в промозгло-холодные и голодные зимние дни я, как и Эля, думала о тепле и пище. Заготавливала дрова. Ставила печурку. С

продуктами становилось все хуже. Печные трубы в Батуми торчали из многих окон. Жестяной цех работал в полную силу.

xxx

Я продолжала хлопотать за выход из комнаты на площадку. За это отдали драгоценные пять тысяч рублей. Возможно, они бы позволили бы нам лететь, а не ехать самым трудным и долгим путем через северный Кавказ. В пылу этой борьбы, когда казалось, что вот-вот все будет решено, Андрей сумел прозвониться. Сказал твердо:

–Приезжай. Хватит! Нам с Павлом было трудно это слышать, мы досадовали, но смирились. Андрей был прав.

Вскоре это стало ясно. Пора совершенно кончать с Зеленым мысом. Но как жаль! Только что куплены брикеты. Добились разрешения на пристройку...Все напрасно!

xxx

В ноябре у Андрея обнаружилась грыжа. Врачи боялись делать операцию. Была очень плохой кардиограмма.

Но делать нечего – он рискнул, лег в больницу. Операция прошла благополучно.

xxx

Обстановка на Кавказе с каждым днем ухудшается. Нужно вывезти в Москву гербарий – четыре больших тюка, собранных за весь летний сезон. Денег на авиабилеты не хватает. Цены меняются каждый день.

Что делать? Звонок из Тбилиси. Я беру телефонную трубку. Неожиданно ко мне дозвонилась Таили, сестра Заиры. Сообщила, что из Тбилиси можно улететь. Мы решили ехать в Тбилиси поездом, а оттуда попытаться улететь самолетом. За Сурамским перевалом поезд то и дело надолго останавливался. Пришел в Тбилиси с большим опозданием. На вокзале мы задумали сдать наш груз в камеру хранения. Но потом поняли – невозможно. Толпы народа, все взволнованные, издерганные. Решили с вещами ехать в центр, к Таили. В троллейбус не сядешь: они ходят редко,

причем по три-четыре цугом. Их берут с боем. Мы справились. У Таили в ее красивой квартирке на стенах, сплошь увешанных картинами известных грузинских художников – ее друзей, нас ждал ужин. В день святой Екатерины по традиции готовят лобио. Таили приготовила горох. В Тбилиси голодно. Темное время Звиада хоть и прошло, но оставило свой след.

На следующий день пошли в авиакасса. Цены поднялись. «Бортов» нет. Не улететь. Нужно выбирать. А как? Можно только через Баку, кружным путем.

Мы снова с большим трудом садимся в троллейбус. С грузом! На вокзале толпа. Объявляют посадку на ереванский поезд. Течет темная, словно река, вереница армян. Азербайджанцев нет. Карабахский конфликт разделил их пропастью. Потом объявляют поезд на Баку. С невероятными усилиями мы поднялись на платформу, погрузились в вагон. Стекла разбиты. Прижались друг к другу. Среди пассажиров есть тбилисцы, которые едут в Баку за более дешевым хлебом. К туалету не подойти. Дверь открыта. Унитаз переполнен. В Баку не легче. Билетами торгуют спекулянты. Денег хватает, но впритык. Прождали ночь, наблюдали ночную жизнь наркоманов вокзала. Уехали только на следующий день.

С наименьшими трудностями проехали через Северный Кавказ – до Москвы. В Чечне обстановка была очень тревожной, но еще не война. На наш поезд напали бандиты. Искали ценные вещи. Гербарий они не отнесли к ценным вещам.

В Москве на платформе меня встречал сильно похудевший, внешне изменившийся Андрей.

1993г. Из Москвы на Зеленый мыс

После того, что мы пережили, выбираясь с Кавказа, оказаться дома в Москве среди близких, в семье, вместе с Андреем – было счастье.

Новый 1993 год, встречали вместе! Было решено оставить Зеленый мыс. Предложение занять должность директора ботанического сада в Твери мне было как нельзя кстати. Тверь недалеко от Москвы. Мне выделяют

комнату в общежитии Тверского университета. Таким образом, я не отрываюсь от семьи, по которой очень соскучилась. А главное, ректор обещает сохранить батумскую прописку.

Я могу не выписываться из Махинджаури и таким образом сохранить за собой Зеленый мыс. Сама мысль потерять его после таких усилий была для меня невыносима!

xxx

В Москве поглотили дела. Слепая, сильно состарившаяся свекровь. Оля с двумя детьми, которых мы с Андреем по очереди водим в детский сад. Сын Павел поставил нас в известность о женитьбе на своей сотруднице Тане Виноградовой. Она живет в Химках с двумя дочками-подростками от первого брака.

xxx

В связи с инфляцией деньги обесценились, и мы потеряли все свои сбережения, заработанные за 15 лет работы на севере. У меня даже не было денег для того чтобы вернуться в Батуми и рассчитаться, уйти с работы.

Поэтому я еще раз съездила в Тверь. Договорилась с ректором о том, что я выйду на работу, а через два месяца, заработав деньги на дорогу, поеду в Батуми, выпишусь и вернусь. Но эти планы прервал неожиданный звонок. Звонил мой начальник Ваню Мамунидзе. Сначала я подумала, что звонит он из Батуми. Но он в Москве и строго сообщает: мой отпуск кончается, нужно выходить на работу. Он предлагает ехать в Батуми с ним на его машине, которую он купил в Москве. Сообщил, что на днях я должна быть готова к отъезду.

Прошло несколько дней, а Ваню не объявлялся. 8 марта, в выходной день, мы с Андреем поехали на дачу. Должны были вернуться вечером. Электрички по казанскому направлению, где находится наша дача в поселке «Отдых», ходят часто. Поэтому мы не следим за расписанием. Однако два часа стояли на платформе. Поезда отменили. Чтобы домашние в Москве не волновались, решили пойти на телефонную станцию в город Жуковский,

сообщить об опоздании. Этот знаменитый авиационный город находится по другую сторону железной дороги от нашего дачного поселка. Домашние нам сообщают: звонил Ваню. Просит связаться по телефону. Он живет в пансионате в городе Жуковском! Утром мы снова отправились на ту же телефонную станцию. Созвонились. Оказалось, пансионат находится совсем близко от железнодорожной платформы, на которой мы накануне бесполезно ждали поезда. Интересное совпадение!

Горячая встреча с начальником. Он живет вместе Бадри, своим новым заместителем по хозяйственной части. Мы поедем в Батуми на машине «Волга» через два дня.

xxx

Последнюю перед отъездом ночь по просьбе Ваню Бадри, молодой аджарец, переночует у нас на квартире. А после мы вместе отправимся в гараж, где нас будет ждать Ваню с машиной.

Моя свекровь Ольга Андреевна очень пожилая, слепая. Она перепутала день с ночью и часто бродит по нашей большой квартире. На ощупь находит свободную кровать, ложится, спит. Моя дочь Оля – молодая красивая женщина, тоже Ольга Андреевна. На нее сразу же обратил внимание молодой красивый Бадри. Ночью к его постели подошла Ольга Андреевна-старшая и стала ощупывать кровать, наткнулась на Бадри. А тот подумал, что это Ольга Андреевна-младшая. Проснулся и был весьма разочарован.

xxx

На следующее утро, 10 марта, мы с Бадри и провожавшим меня Андреем отправились в Замоскворечье, в старые гаражи. Там нас уже ждал Ваню. Величественный, без головного убора, который он не имел привычки надевать в теплом климате, мой начальник стоял рядом со своей машиной. Как только стали выводить машину из гаража, она тут же остановилась. Красивую, черную, но уже очень изношенную «Волгу» Ваню купил по случаю и хотел заменить ею свой уже старый козлик. Черная «Волга» в

Батуми – это высший шик! Мы напряглись, толкнули. Машина выкатилась. Слесарь на прощанье что-то повернул. Поехали.

Сильный ветер, сыплет снег. Мы ехали на юг степями, затем предгорьями Кавказа. Далее добирались из Сочи на углу сейнера до Поти, а потом по суше до Аджарии. На Кавказе война.

Очень трудно было расставаться, оставлять дом, семью. Одна надежда – ненадолго. Хорошо помню, как провожавший меня Андрей вышел из машины и пошел к метро. Так и стоит перед глазами его невысокая, такая родная, все более уменьшающаяся фигура.

Выехали из Москвы. Едем по Симферопольскому шоссе. Бадри за рулем. Ваню рядом. Я сижу на заднем сиденье, закуталась в большой болоньевый плащ, который меня так выручал прошлой осенью, когда мы с Павлом ехали в поезде Тбилиси-Баку с разбитыми окнами.

Метель все сильнее и сильнее. Я кутаюсь, дремлю. Неожиданно просыпаюсь: машину на шоссе крутит. Она старая, с лысыми шинами и вот-вот свалится в кювет. Ваню кричит:

–Деда, деда! Это означает «Мама, мама!».

Машина, видимо, услышала вопль. Обошлось. В сумерках доехали до Ельца.

Погода не улучшалась и всю ночь Бадри грел мотор. Наутро поехали в автосервис. В большом ангаре рядом с машинами, требующими ремонта, большой бильярд. У бильярда стоит с кием невысокий темный человек с пронзительными черными глазами. Оказалось, он с Кавказа, хорошо говорит по-грузински. Пригласил нас в теплое помещение, которое мне показалось пещерой Али-бабы. Бархатные плотные шторы занавешивали окна. На столе появилась огромная сковорода с горячими шашлыками, вино. Хозяин угощает щедро. Рассказывает, что он «вор в законе». Долго сидел в Батумской тюрьме. Теперь в Ельце он человек богатый. У него где-то семья, а здесь, в Ельце красавица-любовница, которой он к 8 марта подарил большое бриллиантовое кольцо. В подтверждение он стал звонить

любовнице. Завязался кокетливый разговор. Я воспользовалась телефоном, связалась с Андреем, который был весьма удивлен, как недалеко мы отъехали от Москвы. Хозяин продолжал потчевать. Машина чинилась. На прощанье он мне презентовал в дорогу большой термос с горячим кофе - в тот момент бесценный подарок. В дороге было очень холодно. Позже Ваню экспроприировал для себя этот кувшин, и поставил его в своем кабинете рядом с безвкусными часами.

Непогода продолжала преследовать. Под Павловском сел мотор, его долго реанимировали. Вторые сутки поездки в холоде. Хотелось есть. Я надеялась на посещение столовой, мечтала о горячем чае. Ваню, повязав голову шарфом, зашел в забегаловку и вскоре выскочил оттуда еще более красный, чем обычно. Работяги в пивной обсмеяли его странный головной убор. Поэтому до самого Ростова мы уже не останавливались. Настроение у Ваню испортилось. В Ростове мы припарковались в центре города перед огромной гостиницей. Ваню потребовал у меня деньги за оплату гостиницы. Еще в Москве я объяснила ему, что у меня полное безденежье и расплатиться смогу только в Батуми. Тогда он соглашался. Теперь все иначе. Я рассердилась, решила уйти, куда глаза глядят. Но Бадри усовестил моего начальника. Мы поднялись на этажи дореволюционного дома терпимости, а ныне гостиницы. Высокие потолки, длинные коридоры. Вместе с мужчинами я выпила пиво, закусив вяленой воблой. Мой номер оказался весьма подозрительным. Огромная дверь просто прислонена к стене. Несколько занятых коек. Кое-как дождалась утра.

Далее мы ехали бесконечными степями. Погода улучшалась. Снега уже нигде не было. Солнечно, но холодно и ветрено. Несколько раз машина останавливалась. Сдавал мотор. В очередных автосервисах что-то слегка чинили и машина двигалась дальше.

Я догадалась: меня взяли для прикрытия как русскую. Времена нелегкие. В Абхазии бои. А русские на стороне абхазов.

Под Краснодаром Ваню встретил знакомого грузина, который посоветовал ему погрузить машину на грузовой самолет. Так можно миновать Абхазию. Перелетим через горячую точку. Под вечер останавливаемся перед краснодарским аэропортом. Ваню идет на разведку. Я мечтаю выпить горячего чая. Но меня оставили сторожить машину. Через некоторое время приходят, сообщают: лететь самолетом очень дорого. В Сочи у Ваню знакомый. Может погрузить машину на сейнер, следующий до Батуми. В гостинице мест нет. Ваню с большим трудом достал только для себя, а меня с Бадри оставил в машине до утра. Машина остывает, холодно. Ваню по-грузински говорит Бадри, что он постарается достать место и для него. Спустя час, совершенно замерзнув, я выхожу из машины, оставляя Бадри. Иду в гостиницу и меня за гроши устраивают в прекрасный номер. В середине ночи стройная стюардесса, моя соседка, собиралась в полет. Чистила зубы, одевалась. Пример собранности и подтянутости. Я под одеялом грелась, блаженствовала. О горячем чае, хотя бы горячей воде – уже не мечтала.

На рассвете меня вызвал расвирипевший Ваню. Оказывается, именно я должна была сторожить машину!

Едем. Начались предгорья Кавказа. И все более частые разговоры, страхи о возможных встречах с чеченцами, которые не пощадят их, грузин. Чеченцы заодно с абхазами, им помогают. Ясная погода. Выехали к синему морю. От Джубги и далее по идеально асфальтированному шоссе по приморским холмам домчались до Сочи. Страхи перед абхазами, которых могло оказаться много, увеличились и на мойке машины. Ваню прежде всего решил привести в порядок своего красивого, хоть и сильно подержанного «коня». Затем он встретился со своим приятелем в морском порту и отправился с ним в ресторан. А у меня даже на обед в столовой не хватало денег.

Солнцев – директор Сочинского дендрария. Знает меня и Андрея только понаслышке. Но как добр! Устраивает бесплатно в хорошую

гостиницу в центре Сочи, кормит в очень приличной столовой. Услугами Солнцева мы будем пользоваться еще несколько раз.

xxx

Кстати. В 2006 году этого равнодушного, но любящего крепкое слово директора, который пребывал в этой должности многие годы, подсидел и добился снятия из директоров молодой интриган. Типичный случай!

xxx

Наутро наш маленький коллектив стоит на пирсе у сейнера. Грузят драгоценную «Волгу». Спускаюсь в трюм. Там в душном салоне прижались друг к другу пассажиры. Сейнер следует в Потю. Пассажиров на сейнере много. Среди них старообрядцы из Потю. Их тут так же как на Сахалине, называют «богодулами». Мужчины – и молодые и пожилые с длинными бородами. Женщин нет. Они живут под Потю очень давно. Говорят, туда сосланы еще при Екатерине Второй. Не пьют. Хранят свою веру. Выращивают овощи высокого качества. Год назад, когда усилились национальные распри, они переехали под Тулу. Сейчас едут за семьями.

Мы ждем ночи. Днем плыть мимо Абхазии опасно. Могут обстрелять. Только под вечер отплываем. Наша машина приторочена к палубе на корме. Полный штиль. Ночью прошли опасное место. На рассвете, когда солнце осветило прозрачное море, увидели вдалеке Потюйский порт. Нас сопровождает стая дельфинов. Играют, выныривают.

На сейнере переполох. Пассажиры-мингрелы обокрали староверов. Украли обновки, которые они везли детям. Разгневанный капитан- грузин вызвал всех пассажиров на палубу и объявил, что не причалит, пока вещи не будут возвращены. Вернули. Сейнер причалил. Ваню очень волновался. Шайки мингрелов обстреливали, нападали на дорогах. Быстрее бы попасть в Аджарию! Ваню подбадривает Бадри, просит спешить. Мы мчимся по ровному шоссе вдоль моря насколько позволяет скорость нашей машины. Миновали Магнетити, Пичвнари. Вот и речка Чолоки. Граница с Аджарией.

На шоссе шлагбаум. Стоят солдаты. Справа песчаный берег моря. Слева за дорогой болота. Через это горло мы попадаем в Кобулети. Уже почти дома! Ровная длинная улица Сталина тянется вдоль моря. Железнодорожный вокзал. Быстро вверх по серпантинам берем Цихисдзирский, а затем Чаквинский перевалы. Меня высаживают у входа в чайтехникум. Путешествие близится к концу. Все тихо и буднично. Спускаюсь вниз мимо учебных корпусов, встречаю Нану Чиракадзе. Она меня снабжает хлебом. Никаких продуктов я с собой из Москвы не взяла. Рассчитываю на запас консервов. Спускаюсь к дому. Иду мимо разбитой веранды. Из калитки мне навстречу выбегают моя серая Лючия де ля Мур-мур (хвост трубой) и Трезор (хвост кольцом). Дорогие мои!

xxx

В доме пусто. Оказывается, во время моего отсутствия Сергей Авдишвили впустил ко мне в дом Каху, который всю зиму косил от армии, прятался у меня. Все консервы и некоторые вещи пропали. Но постель цела. В проеме поставлена дверь.

xxx

У Авдишвили узнаю новости. Сначала – очень грустные. Венера читала книгу гороскопов, там ей выпало здоровье и счастливая старость. Подруга, с которой она работала в бухгалтерии санатория, нашла знахарку. Венера пила настои, верила в счастливый исход болезни. Но заболела спина. В больнице обнаружили метастазы. Врач требовал выдачи шарлатанки. Венера отказалась наотрез. Это ее выбор. Теперь ей делают химиотерапию. В больницу по пути на работу ее подвозит Олег. Сергей и Венера, которые недолго любили Олега, теперь от него зависят.

xxx

Вторая новость любопытная. Сашка с Тамарой, вдрызг разругались с Олегом. Татьяна, жена Аслана Кикнадзе и подруга жены Олега, продолжала считать себя в нашем околотке самой богатой. И вела себя как главная. Это Олегу не нравилось. Но он до поры помалкивал. Но когда Татьяна привезла

мешок с грязным бельем и потребовала у Наташи перестирывать, гордый Олег не выдержал такого обращения с его женой. Отношения были прерваны.

Тамара – учительница, в прошлом директор школы. Она подластилась к богатой Татьяне. Ей нужно было выбирать между Татьяной и Олегом. Тамара предпочла богатство. А Олег прервал отношения и с Сашкой и с Тамарой. А ведь каким был благодетелем! Содействовал ее поступлению в юридический колледж, переименованный в институт. На какое важное место попала Тамара! Какие планы вынашивались по моему изгнанию!

Венера рассказывает: теперь Тамара в роли воспитательницы дочери Татьяны. То есть бонна. Когда приехал Андрей, мы острили: «Бонна-бубонна».

xxx

Вано посылает меня в морской порт. Необходимы справки, билеты, подтверждающие, что мы прибыли на сейнере.

Прекрасная погода. Я стою на краю огромной голубой бухты. Зеленеют холмы. Над бухтой белеет заснеженная вершина Мтиралы. Долго жду начальство. Сажу на набережной, любуюсь морскими просторами. Налетает свежий ветер. В стороне под навесом сидят старики. Играют в нарды, пьют кофе и рассуждают о политике. Среди них сильно постаревший сын князя Гоги Гиgieniшвили. Он меня еле узнает. На его добром лице играет какая-то жалкая улыбка.

На набережной кучка беженцев из Сухума ждет катера в Сочи. Женщина сидит на узлах. Я с ней разговорилась. Рассказывает: еще не привыкла к тишине, в голове звучат выстрелы. Все бросили дома. За месяцы войны ее муж, еще молодой, поседел. С трудом добирались до Самтреды, оттуда на электричке до Батуми. Бегут в Россию – начинать жизнь с нуля.

Наконец получаю нужные бумаги. На свежем холодном воздухе я очень проголодалась. А дома еды нет.

По дороге к автобусу меня встречает Кетеван. Это мать моей студентки Мананы. Два года назад она делала под моим руководством диплом.

Зазывает в гости, угощает. Только что сварено харчо с орехами. Оно такое вкусное и горячее, что я не только согреваюсь, но насыщаюсь, почти пьянею. Разморенная, пью традиционный кофе. Кетеван рассказывает: комиссионный магазин, в котором она работала, закрыли. Теперь главная кормилица семьи – Манана. Она вместе с подругой летает в Китай, Индию. Привозит вещи на продажу.

xxx

Последний суд 4 апреля, когда решался вопрос о выходе из комнаты, я также проиграла. Присутствовали ярко накрашенная Ирочка, Тамара и Саша. Поддержать меня я позвала демократов. Пришел Нодари Зоидзе, Автандил Беридзе. Были и мои сотрудницы.

Мой брат подчеркивал, что я русская. Автандил возмущался. Иронично спрашивал, не одна ли у нас с ним мать. Да, мама у нас одна. Но мы весьма разные. Он грузин. А кто я?

xxx

Демократы, возглавляемые Бердзенишвили, в оппозиции к правящему в Аджарии Аслану Абашидзе. Они говорят, что он насаждает тоталитарный режим в Аджарии. По моему мнению, главная цель Абашидзе – обогащение. На остальное ему наплевать. Говорят, что в Турции у него несколько мебельных фабрик. Разговоров много.

xxx

Пропала Лючия. Вижу: лежит мертвая на конце площадки. Венера мне сообщила, что у тетки Майи травили крыс. Кошечка отравилась крысиным ядом. Очень грустно. Со мной остался верный Трезор.

Смерть Тамары Максимовны

Иду в уже бывший дом отдыха «Магнолия» проведать Тамару Максимовну. Дверь ее комнаты закрыта. Рядом живет повариха. Рассказывает – умерла. Зимой было голодно. Холодно. Дом отдыха не работал. Сотрудницы дома отдыха, жившие по соседству с Тамарой Максимовой, выживали. Некоторых поддерживали кавалеры из местных. А

«правильная» Тамара Максимовна приходила на порог, обзывала. Ей не прощали, не подкармливали. Выпал снег. Мертвую Тамару Максимовну нашли на пороге ее комнаты. Позвали Реваза. Он говорил, что отвез ее на тракторе в Хелвачаури. Там похоронили. Повариха весьма сомневалась в искренности его слов. Сказала, что Реваз выкопал яму в мандаринах на повороте дороги ниже дома отдыха и там ее закопал. Бензин был на вес золота. Хелвачаури далеко. Ехать через Батум. Глубокий снег.

–Как собаку, – повторяла повариха. Зима 1992 года была тяжелой. Звиадовские времена.

1993г. С Зеленого мыса - в Турцию

Лето мы решили максимально использовать для работы. Надеялись попасть в Турцию. И только потом оставить Зеленый мыс.

Иностранные паспорта у нас есть. Ваню говорит о поездке в Трабзон. Нужно получить контракт о совместном сотрудничестве с Трабзонским университетом. Для Ваню это возможность беспрошленного проезда в Турцию. Для Андрея – исполнение мечты собрать материал, особенно в окрестностях Артвина, где много редких древних видов, описанных русскими ботаниками в начале XX века.

xxx

Ранним утром я уже на пристани. Жду прибытия катера, но он задерживается. С моря дует холодный ветер. Я сильно замерзла, иду к Инне Васильевне согреться. Пью кофе. Оказалось, в мое отсутствие катер пришвартовался и Андрей, не найдя меня на пристани, тоже пришел к Инне Васильевне. Привез продукты, дефицитный кофе и две каталки для гербария, который он мечтает собрать в Турции.

Привез и деньги. Неприкосновенный запас – доллары. Мы их положили в железную баночку. Под корягу. Две комнатки, оставшиеся у меня, братик мой тщательно обследует. Каждый раз в мое отсутствие пропадают вещи.

Разрушенную шушабанду он огородил бамбуком. Проходя по дороге, я вижу Тамару в роли воспитательницы. Красивая девочка, ее подопечная, прыгает в ярких зеленых штанишках. В конце дня за ней на мерседесе приезжает Татьяна.

Раздаются восторженные возгласы Тамары. Татьяна в ответ не церемонится и время от времени умащивает свою речь крепкими словечками. В ответ «бонна» только слащаво хихикает.

Строительство дома Аслана Кикнадзе приостановилось. Трудности с деньгами бывают и у богатых.

xxx

В середине мая, через два дня после приезда Андрея, мы попали в Турцию. Этому способствовал Ваню.

Первую поездку в Турцию, как и остальные восемь, я описала в своей книге, посвященной жизни моего мужа Андрея Павловича Хохрякова «Дорогой мой ботаник». К ней адресую читателя. Мое же повествование посвящено Колхиде, ее людям. В Турцию нас сопровождали мои соотечественники, ярко проявлявшие черты своего характера. Поэтому я считаю нужным некоторые описания путешествий включить в эту книгу.

xxx

Ваню поручает Зурабу Манвелидзе и Давиду Гвианидзе поехать в Трабзон, завизировать контракт о совместной работе Батумского ботанического сада с Трабзонским университетом. Мы с Андреем – группа поддержки, ученые.

Зураб на своей машине «Жигули» за рулем. Рядом – Давид. Мы на заднем сиденье.

Для поездки Ваню обеспечивает Зураба бензином. Заливает полный бак. С утра в Батуми мы долго ищем Дато. Несколько раз заезжаем в магазинчик, где торгует красивыми вещами из Иордании его жена Тамрико.

Наконец разыскали. Мы в нетерпении. А для Дато и Зураба поездки в Турцию уже обычны. Они туда возят товар, продают, получают доллары.

Покупают дефицит, привозят. У Зураба на этот раз в виде товара бутылочки с чернилами, у Дато – куколки и гаечные ключики. Ими загружен багажник. Подъезжаем к таможне. Чтобы на границе не скапливался народ, сразу за Чорохом, в 10 километрах от границы, недавно построено просторное здание таможни. Народу много, но очередь проходит быстро.

В Грузии вместо денег введены купоны. Дато с Зурабом прекрасно знают, как важна для Андрея эта поездка. Он приехал из Москвы и значит с деньгами и обязан им. Они считают, что именно он должен платить за еду, таможню. Поэтому таможенный сбор, 2 000 купонов (местные денежные знаки введенные взамен советским рублям) – две мои зарплаты – мне приходится платить за всех. Правда, Дато нас рекомендует таможенникам как ученых, которые едут заниматься наукой, что вызывает большое уважение. Собирается 10 машин. Сопровождаемые пограничниками; мы как бы на нейтральной полосе. Пересекаем реку Чорох по широкому мосту. Дорога вьется вдоль берега моря через селения Гонио, Квариати. У селения Сарпи – граница. У проволоки стоят пограничники, наши русские ребята. Из таможни стайками выходят женщины в бумазейных халатах. Растрепанные, неопрятные, они в окошечко показывают паспорта и на плоской колясочке, словно черепахи, перевозят груз на турецкую сторону. Много грузовых машин, груженных арматурой, строевым лесом. На крышах автобусов – ряды велосипедов.

На турецкой стороне в большом грязном зале снова платим. Ставят печати. Над головами таможенников – портрет Ата-тюрка. На нас смотрит большое лицо с пронзительными недобрыми глазами.

xxx

Через 20 километров – городок Хопа. Тут так называемый «рус-базар». Торгуют утварью. Наши попутчики ушли туда и исчезли надолго. Только что говорили, что спешат в Трабзон засветло. Андрею важно проехать как можно дальше по побережью. А спутникам нашим все это давно знакомо. Они не раз уже тут бывали, торговали. С трудом удалось их уговорить ехать в

Трабзон. Быстро едем по идеальному приморскому шоссе. Вдоль дороги справа – море, слева – красивые скалы. Пересекаем широкие долины. Горные речки впадают в море.

180 километров проехали очень быстро. Трабзон – город без деревьев. На высоком холме выделяются минареты, мечети.

На окраине города недавно выстроен университет. Несмотря на поздний вечер, Дато быстро созванивается с администрацией. Нас посылают в университетскую гостиницу на берегу моря.

В отеле тихо. Наш номер с балконом на море. Ужинаем в номере. Дато привез чачу, которая развязала языки. Зураб «честно» признается, что был в отношении Дато нечестным человеком.

Принимаем душ. Для нас неслыханная роскошь. Из дневника: «13 мая. С шести утра Андрей на ногах. Бродит вдоль моря и приносит влажные, пропитанные росой растения. Наши попутчики встали тоже довольно рано. Спешат в университет. А мы закладываем свежие сборы. Мы не приготовили завтрак. Они приказывают, понукают. Собирать растения они не намерены. В то же время много разговоров о совместных работах и даже надежда на описание в честь них новых видов. Андрей не реагирует.

Двухэтажное здание лесного факультета обвито лианами. Просторный кабинет декана обставлен современной мебелью. Все чисто, блестит. Элегантный декан Аншин со сдержанной улыбкой, угощает нас кофе в маленьких чашечках. Дато быстро договаривается о бензине. Его дают бесплатно. Мы поедem с молодым ассистентом Сали Терзиоглу в горы, в Мачку. Ассистент невысокий, очень чистенький, с невыразительным лицом. В отеле быстро переодеваемся в полевое и – в путь. Мчимся по идеальному шоссе. Мачка – древний византийский монастырь в горах. Шоссе выпрямляют, прорубают тоннель в огромной базальтовой скале, нависшей над дорогой.

За городком Мачка начинаются еловые леса, узкие ущелья. Дорога ведет в национальный парк. Останавливаем машину. Вдвоем с Андреем

уходим в горный лес. Наши спутники все время торопят, раздражаются тем, что мы хотим собирать растения. Начался ливень. Сборы прерваны. Плата за вход в национальный парк – два доллара с человека. Платить за всех мы не в состоянии, а наши попутчики не заинтересованы в поездке в парк. Охранник сжалился над нами и разрешил бесплатный въезд на территорию.

От маленькой гостиницы у горной речки начинается подъем к монастырю. Зураб недоволен: идти вверх ему не хочется. Жалуется, вздыхает. А Дато, наоборот, увлекается, идет быстро. Открываются красивые виды на заснеженные горы. С каждым поворотом далекие горы становятся все ярче и красочней. Над головой прилепился к скалам византийский монастырь. Нам навстречу спускается высокий круглолицый улыбающийся человек. Это лесовод из Голландии Хари Вриман. Французские слова откуда-то появляются в моей голове. Хари покупает нам входные билеты и настаивает на осмотре фресок. Наши попутчики торопят, особенно Сали. Его рабочий день кончился! Хари возмущен: как смеет ассистент командовать профессором?

Хари предлагает нам путешествие по круговой дороге через Понтийский хребет. Это очень заманчиво. Но с сожалением приходится отказаться: сырой гербарий лежит в гостинице. Его необходимо перебрать. Предложение нам кажется фантастическим. Ведь до сего дня Турция для нас была несбыточной мечтой. На прощанье Хари дарит карту Турции и обещает приехать в Аджарию.

14 мая. Трабзон – Артвин. На рассвете Андрей на экскурсии. Потом закладка гербария, сбор вещей. Наши «хозяева» держатся барами. Таскаем вещи, грузимся только мы. Наконец утряслись, сели в машину. Тут я обнаруживаю отсутствие подаренной карты, а ведь вечером мы ее долго рассматривали. Оказалось, ее спрятал Дато. Еле удалось вернуть. Ни капли стыда!

Главное для Дато с Зурабом – рынки в приморских городках. Остановки с целью ботанических сборов их злят. Вся дорога от Ризе до Хопы

– разговоры о том, что бензина уже нет, что нужно его купить, то есть выманить у нас деньги. Идут разговоры и о том, что мы должны оплачивать еду.

Мы вновь у Хопы. До границы близко. Ехать в Артвин Зурабу с Дато неохота. Снова на рус-базаре наши спутники исчезают среди прилавков. Машина раскаляется. Андрей изнывает от бездействия и ожидания. Долго ждем, по очереди ходим на поиски. Неожиданно появляются, как ни в чем не бывало. Я плачу, кричу: «Нам нужно ехать в Артвин, а не торговать. Я и Андрей хотим работать!» Сдаются. В Борчхе тоже есть рус-базар. Это их успокаивает.

Недалеко от Хопы – поворот на Артвин. Начинаются затяжные подъемы на перевал высотой 600 м.

С перевала спускаемся в долину Чороха. Наши «добрые молодцы» опять не хотят ехать. Я снова с большим трудом их уламываю.

Едем вдоль Чороха. Растительность резко изменилась. На галечниках – высокие розовеющие тамариски. На склонах – шаровидные кусты самшита, можжевельник, белеют покрытые мелкими цветками кусты пираканты. В синем цвету ладанники. Зеленеет кустовидный земляничник. На склонах стоят две высокие пинии. Оказывается, они тут природные. Андрей неосторожно говорит Зурабу: «А ты не хотел ехать сюда!» Господи, что тут началось, какая искренняя обида! И прямо в глаза заявляет, что он от всей души, всегда сюда стремился!

Вечереет. Приближаемся к Артвину. Небольшой старинный городок прилепился к вершине крутой горы. Дато говорит, что у него есть знакомые, у которых можно ночевать на скамейках и не платить за гостиницу. В ответ бурный взрыв Зураба. Ему очень хочется в Артвин, на очередной базар. Решено ночевать за плату у знакомых Дато. Он уходит договариваться и исчезает надолго. Вечереет, затем темнеет. А мы сидим в машине, в чужом городе. Выходим и отправляемся на поиски. Бесполезно. Пропал! Когда мы

совсем отчаялись, Дато, как ни в чем не бывало, появляется. Не договорился. Приходится ехать в центр города, останавливаться за плату в гостинице.

Утром Дато и Зураб на базаре. Андрей убегает за город и к 10 утра возвращается с надеждой на то, что мы поедем на склоны между Артвином и Борчхой. Там самое интересное. Но попутчики пьют кофе, неторопливо беседуют. Ждем их в раскаленной машине. Время приближается к полудню. Сильно парит. Собирается гроза. Это приводит Андрея в отчаяние. Он все еще надеется работать и огорчен, что придется ходить под дождем. Новая сцена! Очередной скандал, в результате которого удастся выехать из города. Едем вверх по Чороху километра два. Дато остается у знакомых, а мы получаем возможность подняться по каменистым осыпям. Лихорадочно собираем все подряд. Много растений, совсем новых и незнакомых. Средиземноморская флора. И мы здесь!

В Борчхе Зураб выгодно продает чернила. На этом миссия завершена. Просить их провести еще один день в Турции бесполезно. Все их мысли о доме. То и дело раздаются стоны. Уже суббота, а они еще в Турции!

Быстро поднимаемся на перевал и серпантинами спускаемся вниз до Хопы. Дорогу из Хопы до таможни проехали без остановок и приключений. Процедура въезда в Аджарию повторяется. Ставят штампы и на турецкой, и на советской сторонах. Мы вернулись в Аджарию. Мелькают рощи эвкалиптов, мелкие коровы, огромные серые дома. Все привычно и совсем не похоже на Турцию. Но состояние душевного подъема от поездки еще долго сохраняется.

xxx

Мы дома, заняты гербарием, этикетуруем. Разбираем. Закладываем.

xxx

Наступление на площадку продолжается. Олег решил воспользоваться нашим отсутствием и отгородить часть площадки. Для этой работы он избрал Сергея Авдишвили. Ему необходимо меня с ним поссорить.

Ничего не подозревая, я сижу у себя во дворе. Работаю. Присмотрелась и сквозь мандариновые деревья и обнаруживаю поставленный Олегом забор.

Откуда силы взялись! Цемент еще не застыл. Сбросила. Сергей не ожидал моего быстрого приезда. Как только увидел – спрятался. Я нашла брошенные пассатижи. Он пришел за ними. Нигде не купишь, а это важный для него инструмент. Так я узнала, что это его рук дело.

xxx

Как только досушили гербарий – отправились в Скурдиди на границу с Турцией в нижней части Шавшетского хребта.

В Агмарти, в долине Мачахелы летом живет Эмзари Нагервадзе, с которым мы ездили в прошлые годы в Хино и Бешуми. Его мать, армянка Гулико, – милостивая пожилая женщина. Зарабатывает тем, что гадает на кофейной гуще. Отца-аджарца уже нет в живых. У него в Агмарти был большой сад. Позже на месте сада была ферма. Теперь Эмзари с матерью поселились на развалинах фермы, стремясь за столбить территорию, которая им положена по наследству. Но армянское родство мешает. Возникают конфликты. Длительное содержание коров на ферме сделало почву плодородной – фактор в тех местах очень важный.

Выше в горах, рядом с заставой Скурдиди, живет пожилой веселый пчеловод Кахидзе, претендующий на большую ученость. В ботаническом саду у него стоят ульи с пчелами. Ему разрешил их поставить Ваню, договорившись о своей доле меда. В ботаническом саду Кахидзе разводит и фейхоа. Романтически настроенный, он при каждой встрече рассуждает о селекции, Мичурине. При первом же намеке пригласил Андрея в гости. Прошлогодние походы в верхней части Шавшетского хребта были очень успешными. Теперь нужно ознакомиться с флорой в его нижней части.

Из дневника: «27 мая. Несколько часов ждем автобус на автостанции в Батуми. Вокруг суетится народ. Оказывается, последний и единственный автобус уйдет в горы не от автостанции, а от базара. По страшной жаре торопимся, чуть ли не бежим более двух километров к базару. На остановке

толпятся женщины и дети. Подъехал небольшой ПАЗ. Его вместе с пассажирами берем с боем. Опыт у нас изрядный, заняли два сиденья. Но пришлось потесниться. Все прижались. Автобус стоит. Обливаемся потом. Наконец просочилась весть: шофер привез мясо, он должен его продать и только после этого поедет обратно в Агмрти. Через день во вторник начинается байрам. Пассажиры вылезают из автобуса – подышать, но не теряют бдительности. Через некоторое время раздается победный клич. Мясо, наконец продано. Автобус, раскачиваясь от тяжести, выезжает за Батуми. Знакомая дорога: Хелвачаури, Эрге. Дорога поворачивает, идет вдоль Чороха, а потом по Мачахеле поворачивает к Агмрти. Всего несколько дней назад мы были совсем недалеко: в Борчхе, в Турции. В Агмрти Эмзари и его мать посвящают нас в свои трудности, связанные с борьбой за землю.

К Эмзари приходит молодой сосед. Увидя нас, гостей сразу же зовет в духан – угостить. Духан – небольшая грязная столовая. Там сидят мужчины, возбужденно разговаривают. Пьют вино. Повар говорит, что еда закончилась. Предлагает чачу. Мы отказываемся и уже собираемся уходить, когда к Эмзари подбегает возбужденный человек, хватая за грудки и кричит. Добрый Эмзари отбивается. Спор о земле продолжается. Возвращаемся. Светит огромная луна. На другой стороне реки, на крутом склоне, – густой буковый лес. Засыпаем под шум реки.

Утром на рассвете Андрей ушел собирать растения, а сосед в лесу искал корову и, встретив бородатого Андрея, принял его за турецкого шпиона. Поднял шум.

С раннего утра, нагрузившись сетками и бумагой, переходим на противоположный берег Мачахелы и вдоль узкого притока начинаем подъем. Солнце печет. Короткие остановки для сбора растений вдоль обрыва дают возможность передохнуть. Дорога все круче. За каждым поворотом кажется, что мы достигли места назначения, но опять новый поворот. Вдоль дороги изредка встречаются дома с выходом прямо на дорогу. Наконец, за

очередным поворотом показались домики заставы, окруженные густым колхидским лесом.

Хозяин дома Энвер Кахидзе – отец пчеловода. Ему 85 лет. Большой каменный дом находится в глубине ущелья. Вниз ведет крутая тропинка вдоль кукурузного поля. Тут сумрачно и сыро. Солнце освещает дом только днем. Мужчины не работают. Измученная и больная невестка возится с детьми и еле ходит. В отличие от большинства женщин Аджарии, отличающихся чистоплотностью, у этой на кухне грязновато. Больной ребенок, уже довольно большой, не ходит. То и дело приходится носить еду и вино на верхние этажи. Гостей много. Соседи собираются, вспоминают, кому какая земля принадлежала до коллективизации. Старые люди помнят границы, что облегчает восстановление земельных наделов.

Утром идем на заставу. Она совсем близко, в темном ущелье среди леса. У огороженного колючей проволокой входа медленно, по звонку открываются тройные ворота. На заставу нас не пускают. Нет разрешения. Жара. Парит. Возвращаемся к Энверу. Уставшая невестка возится с ребенком, доит коров, продолжает носить еду по высоким лестницам. Там, в большой зале, опять собрались соседи. Ночью разразился сильный ливень, сверкают молнии.

Через два дня спустились в Агмарти. Вечером так же ярко светит луна. Шумит река.

xxx

Первое, что мы обнаружили дома – аккуратную записку от Хари, вложенную в замок наших ворот. Оказывается, он в Аджарии, искал нас. Мы не знаем, где он находится. Может быть, уехал? Очень грустно. Я собралась написать ему письмо в Голландию. Такой милый и светлый человек!

Под вечер, придя домой, я увидела в нашей маленькой комнате Хари: он сидел на кровати в ногах у Андрея и улыбался! Оказалось, остановился в Махинджаури, в двух километрах от нашего дома, оставил у местного турка

Омара под охраной свою машину. Собирается в Тбилиси, а затем приглашает нас в десятидневное путешествие по Турции.

xxx

Андрей забыл в Москве летнюю обувь. В городе есть маленькие кустарные обувные мастерские. В них армяне шьют обувь. Купила мужу легкие туфли, потратила почти все оставшиеся у меня купоны.

Купленные туфли оказались необыкновенно удобными и прочными. Служили Андрею все лето.

xxx

Я принимала экзамены в биологическом институте. По-прежнему с транспортом сильные перебои. Иду пешком до БНЗ, а оттуда нерегулярно ходит троллейбус.

Зонт в Батуми – вещь необходимая. С ним не расстаются. А я его забыла на остановке. Новый купить не в состоянии.

xxx

Покупка продуктов на рынке для нас недоступна. Есть маленький запас круп, которые я растягиваю по дням. Готовлю пищу на костре под навесом.

Рядом с хоздвором в магазине Мурад продает по запискам из Сакребуло по 2 килограмма соли. Выручает хлеб, который также выдают га купоны.

Непрочное здание Лажварди, – столовой построенной на фундаменте бывшего пруда Кривицких, пришло в упадок. Рядом, вплотную к холму, недавно выстроили пекарню. Заведует пекарней Светлана, энергичная женщина средних лет с мужским характером. Она с соседней горы, замужем за тихим и скромным аджарцем. Сама за рулем. На машине «Волга» привозит мешки с мукой. Распекает рабочих. В очереди за хлебом почтительные разговоры о Светлане, которая добывает муку, договаривается в Сакребуло. Большая печь пышет жаром. Рабочие, двое замученных молчаливых парней, днем и ночью работают на выпечке. Мы с соседями часами ждем готового хлеба. Стоим на солнцепеке, общаемся. Узнаем

новости. Наконец раздается клич: хлеб выпечен! Быстро в узком проходе перед пекарней выстраивается тесная очередь. Каждому хочется получить хлеб. Если не хватит, нужно ждать примерно шесть часов новой выпечки. А то можно и вовсе остаться без хлеба. Жарко! Пот льется по телу. Начинают выдавать хлеб. В это время окошко выдачи захватывается молодыми и сильными аджарцами. Большинство из них мне неизвестны. Подросло новое поколение. Мурад – продавец в магазине с хоздвора, человек справедливый. Он возмущается. Заранее составляет списки, старается выстроить очередь. Не получается. Старушку с хоздвора так сжали, что повредили внутренности, что-то с мочеиспусканием.

Хлеб пышный, белый, вкусный.

xxx

Вечерами, как и раньше, слышны автоматные очереди. В горах звук экранирует, его усиливает многократное эхо. В очереди говорят: стреляют для того, чтобы отпугнуть бандитов, ведь они вооружены и могут сопротивляться. Но не всегда эти выстрелы невинны.

Во время очередного ожидания хлеба узнаю: Мурада, который так пекся о порядке, убили бандиты. Рассказывают, накануне вечером он услышал выстрелы по соседству. Грабили. Выскочил на помощь. Его в темноте пристрелили. Беда!

xxx

Приехал Хари. Зураб Манвелидзе, обещавший свозить его в горную Аджарию, спрятался. Хари очень хотелось увидеть колхидский лес. Но в такое тревожное время ехать на мерседесе с Хари в горы, вдобавок при отсутствии бензина, мы не решались. Ходили на экскурсии в окрестностях Зеленого мыса, по ботаническому саду.

Решили поехать в Кобулету к нашему другу Джумберу Джобава. Хотим показать Хари лесные посадки в Тикери.

Поездка в Кобулету теперь для нас большая роскошь. Цены на билет подскочили до 300 купонов. Отдали почти все имевшиеся у нас купоны.

Пока у Джумбера готовится обед – идем к морю. Хари волнуется, спешит не опоздать к обеду, смотрит на часы. Мы хорошо знаем, что точность не относится к достоинствам местных жителей. Поэтому по возвращении еще долго ждем. Наконец накрыто, начинается застолье. Гостеприимный Джумбер щедро разливает местное вино. Обещает повезти в лес на своем маленьком «виллисе», досадуя на малое количество бензина. Обед затягивается. Мы буквально вырываемся и едем в Тикери. Этот лес мы с Андреем хорошо знаем: большие лесные посадки тюльпанных деревьев, криптомерий, редких видов сосен. Но что мы видим! Криптомерии вырублены, торчат вываленные пни. Земля разворочена. Справедливый Джумбер вспоминает свою судьбу при советской власти. Оказывается, он поступил в Ленинградскую лесотехническую академию по лимиту. Русским лимита не давали, поддерживали местные кадры. Его жена Таня – из Твери. Теперь связь с ее родными прервана.

На обратном пути, когда выехали на улицу Сталина, машина неожиданно останавливается. Кончился бензин. А до дома Джумбера не менее пяти километров. Остаемся рядом с «дохлой» машиной, а Джумбер уходит в неизвестность добывать бензин.

Хари и я сидим на лавочке. Улица, ранее всегда пестрившая отдыхающими, теперь пустынна. Только маленькие коровы бродят, выщипывая мелкую травку. Андрей ушел вдоль побережья в поисках новинок. Хари произносит: «only plants». Действительно, для Андрея ничего, кроме растений, не существует.

Терпеливо ждем, тревожимся. Мы вечером должны уехать электричкой обратно в Махинджаури. Автобусов не будет. Темнеет, а Джумбера все нет. Когда потеряна всякая надежда, – показался велосипед. Джумбер привез маленькую канистру с бензином.

Мы снова дома у Джумбера, который советует остаться переночевать. Но сверхобязательный Хари не соглашается, весьма недоволен. На станции Кобулету пустынно. Кассы закрыты. На лавке спит станционный служащий.

Вести неутешительные. Из Махарадзе электричка прибудет только в час ночи. Но может и вовсе не прийти. Хари волнуется. Нервно ходит по платформе. Заламывает руки и требует себе такси и телефонного разговора. Приходится его успокаивать. Андрей располагается на соседней с железнодорожником лавке, дремлет. В чернильной тьме беспокойно. То и дело слышатся автоматные очереди. Но на станции свет. Глубокой ночью пришла электричка, загруженная ящиками и корзинами с овощами и фруктами, предназначенными для батумского рынка. Прощаемся с благородным Джумбером и втискиваемся в поезд. Уже глубокой ночью молча провожали разгневанного Хари до дома Омара. Позже выяснилось: благоразумные хозяева закрыли все двери и не очень беспокоились. Хари пришлось перелезть через забор и проникать в дом какими-то необычными путями.

xxx

Дневник: «Утром 16 июня, почти ровно месяц спустя после первой поездки в Турцию, к нашему дому подъехал на мерседесе улыбающийся Хари. Видя полуразрушенный наш дом, разбитую веранду, он деликатно не любопытствовал о нашем странном положении. Пока мы грузили сетки и бумаги в машину, стоящую у калитки, мой братик из щелей между бамбуком на бывшей шушабанде следил за этим процессом.

Теперь мы знакомы с таможней. Процедура выезда проходит быстро, без приключений. Льет дождь. На границе пограничники забирают документы Хари. Долго ждем, пока я не догадываюсь подняться на второй этаж к капитану и выяснить причину задержки. Капитан – средних лет, русский, с масляными глазками, надеется выманить из Хари доллары. Въезд в Аджарию Хари обошелся в 250 долларов. Теперь, видимо тоже хотят ободрать иностранца. Сначала я не догадываюсь о подоплеке. Потом и сказками и ласками удается добиться бесплатного выезда. Капитан с досадой отдает документы.

10 дней Хари возил нас по северо-восточной Турции. Оплачивал отели. Мы побывали в Ризе, Артвине, Ардагане. Поднимались в высокогорья. В отличие от Зураба с Дато, он при малейшем желании Андрея останавливал машину, терпеливо ждал, когда тот возвратится с охапкой растений. Мы повидали капиталистический мир, который резко отличался от пограничной Аджарии. Видели большие рус-базары, на которых перекупщики задешево покупали советский, привезенный из Грузии ширпотреб. Они его везли в отдаленные районы, где живет очень бедное население. В то же время в приморских городах много богатых.

В Ризе в гостинице Келеш, где мы остановились, работают русские горничные из Поты. Им платят 100 долларов в месяц. Рассказывали об ужасах, голоде в Поты, как им удалось попасть в Турцию, чтобы хоть что-то заработать. В Поты уже ели лягушек, вылавливая их в озере Палиостоми.

Мы собрали очень большой гербарий. Возвращаясь в Аджарию, расстаемся с Хари в Сарпи. Из багажника на две каталочки перекладываем 33 сетки!

На каменном парапете у границы едим прощальный арбуз. Нагруженные гербарием, везем каталочки через границу, ползем как черепахи. Беспokoимся. На жаре гербарий может спечься. Как добраться домой? Рейсовых автобусов до Батуми нет. Зато полно автобусов с челноками. Аджарские таможенники удивляются: мы единственные, кто ездил в Турцию не ради торговли, а для науки. Это вызывает у них уважение. Договариваются, подсаживают в переполненный автобус с челноками из Башкирии. Пьяные матерщинники и матерщинницы везут ковры. Стоим в проходе. Вскоре подъезжаем к батумскому железнодорожному вокзалу. А там у перрона стоит электричка, наполненная пассажирами. Только вышли на перрон – электричка тронулась и начала набирать скорость. Нам остается всего несколько метров, чтобы вскочить на подножку. Но у нас груз! Из электрички выскакивают два грузина, бегут к нам. Хватают каталки. Мы бежим, на ходу вскакиваем. Нам помогают взобраться. Кто они – эти добрые

люди, которые спасли наш гербарий, требующий срочной переборки? Мы их больше не видели...

33 полные сетки – огромная работа! Все следующие дни связаны с переборкой, сушкой, перекладкой и этикетированием.

xxx

Поздно вечером на пляже уже давно нет прожекторов, полосующих море, нет пограничников. Андрей потерял там часы. Утром пошли искать. Сырая серая галька однообразна. Ничего не видно. И только после нескольких проходов я увидела часы. В то время они нам были нужны позарез. Мы вели полудикий образ жизни. Новые – не купишь.

Отъезд. 1993 год

В ботаническом саду – полное запустение. Бронзовый памятник А.Н.Краснову пытались украсть на металлолом. Кидали в него бутылки с кислотой. Разбитые, они лежали рядом, не разрушив и не исковеркав благородного и спокойного облика основателя сада. Затем бронзовый бюст сбросили со склона, но в зарослях кустарников он застрял, и его не смогли

спустить к железной дороге,
увезти.

чтобы

Этот памятник был установлен в 1962 году, когда пышно отмечалось пятидесятилетие со дня основания ботанического сада. До того на небольшой площадке над могилой А.Н. Краснова стоял невысокий камень с фамилией и датами рождения и смерти. Здесь обычно заканчивались экскурсии по саду. Но сад до сего дня не носит имени его основателя, Андрея Николаевича Краснова.

В советское время было несколько энтузиастов – биографов Краснова: Ф.Н.Мильков, И.Г.Бейлин и В.А.Парнесс. Они писали книги об этом уникальном ботанике, с упорством хлопотали как в местных, так и более высоких инстанциях, чтобы ботаническому саду по праву было присвоено его имя. Но этого сделать не удалось. Возможно, прежде всего потому, что он был братом белогвардейца, казачьего атамана. Но объясняли это тем, что Краснов как-то назвал местное население «туземцами», (не вкладывая в это выражение уничижительного смысла) которые предпочитают приятное

времяпровождение работе, и советовал привлечь к обустройству ботанического сада китайцев, обладающих уникальной работоспособностью. Этого простить Краснову не могут до сих пор. А сегодня все, что связано с вековой деятельностью в южной Колхиде людей, не относящихся к грузинской нации, просто не замечают. Популярна идея, что все культурные ценности были созданы исключительно грузинами.

xxx

В русской редакции на телевидении у нас знакомые. Правда, эта редакция доживает последние дни. То же самое и с русской газетой «Аджария», с которой я сотрудничала все годы своей работы на Зеленом мысу. Мы с Андреем писали в газету о поврежденном памятнике Краснова, о коровах, топчущих редкие растения ботанического, о территориальных нарушениях там. Удивительно, но все это было напечатано на волне демократии. К сожалению эта заметка, как и многие другие, не сохранились.

xxx

Вано отпускает меня в поездки, не контролирует приход-уход. Обычно это с ним бывало, когда он считал, что подчиненных нужно приструнить. Тогда он совершал неожиданный набег-проверку, объявлял устный выговор. На этом слежка надолго прекращалась. Но теперь есть еще одна причина моего отсутствия на работе: меня лишили рабочего места.

xxx

С момента моего приезда на Зеленый мыс шли разговоры о том, что проживающие на территории ботанического сада сотрудники переедут в новый дом в Батуми. Это будет многоэтажное здание по дороге к аэропорту. По этому поводу много хлопотали. Утверждали план. Ездили смотреть место. Главное – утрясали количество людей переселяющихся в город. Это вожделенная мечта тех, кто живет на территории сада. Время от времени появлялись новые горцы с надеждой получить квартиру в Батуми или по крайней мере, осесть на территории сада. Все будущие квартиры были

распределены. Сотрудники время от времени ездили, смотрели и предвкушали быстрый переезд.

На месте будущего дома – избушка, в которой живет хозяйственная мингрелка. Она разводит свиней. Договорились, что в новом доме хозяйка получит квартиру. Пока строится дом, толстая Этери будет жить на территории ботанического сада в комнатах, используемых теперь как рабочее помещение. Эти комнаты находятся рядом с моим кабинетиком, то есть бывшей кухней. Два года назад дом Этери сломали и стали заливать фундамент. Но с приходом к власти Звиада мечтам не суждено было сбыться. И Этери застряла в ботаническом саду. Стало очевидно: ей нужно отвоевать хотя бы квартиру, в которую входят мой кабинетик-кухня и кладовка, где сидит Галина Алексеевна. И вот со шкафов в коридоре исчез мой северный гербарий. Придя утром на работу, на его месте я обнаружила керосинку, тазы. Выходить из кухни-кабинета стало сложно. Ваню помалкивал.

Затем, придя на работу, я увидела запертую дверь. На лестнице были разбросаны книги и все, что было в моем кабинетике. Толстая Этери стала обладательницей всей квартиры. Вхожу в отдел. Там после смерти Тамары Петровны освободилось много места, которое используют для сушки семян.

Первым делом пытаюсь дозвониться Ваню. Но он не откликается, прячется. Прошу моих коллег помочь мне собрать книги, словари. Но к моему удивлению, так называемые «подруги» насуплены, молчат. Больше всего меня возмущает Маша Овчинникова. Видимо, она боится. Собираю книги. Куда я их сложу? Над моей головой стоит толстая Этери и кричит:

–Убирайся, русская, в Россию, к своему сыну! Тут тебе делать нечего!

И вот уже в родном, казалось, ботаническом саду мне нет места.

xxx

Следующая ботаническая поездка у нас была в среднюю часть Шавшетского хребта. Из Шуахеви, нагруженные бумагой и сетками, мы пешком поднялись к дому лесника Нодари Абусеридзе. Крутые подъемы. Дома – большие, серые, выстроились вдоль дороги. Нас то и дело

приглашают. Когда мы спрашиваем о доме Нодари Абусеридзе, с удовольствием указывают дорогу. Тут все друг друга знают. Оказалось, Нодари живет в стороне от основной трассы, на соседней горе. По крутой тропинке спускаемся вниз к речке, а оттуда по такой же крутой тропинке поднимаемся, обливаясь потом. Нас встречает миловидная улыбающаяся хозяйка, окруженная детьми. Хозяин на яйле, спустился с гор уже в полной темноте.

Вечером ужинаем в этой дружной семье. Чудесный человек Нодари! Живет он очень скромно. Вспоминаю, как в 1987 году он на свои деньги кормил всю московскую экспедицию в шуахевском ресторане. Закон гостеприимства.

На следующий день с утра продолжаем путь, спускаемся в ущелье, снова поднимаемся на главную дорогу. Идем вверх в надежде на попутную машину. Постепенно набираем высоту но, ни одной машины нет. В середине дня мы у верхнего селения. Отсюда на заставу ежедневно поднимается машина. После долгого ожидания, потеряв надежду и вымокнув под дождем, решили пешком взять длинный затажной подъем. Единственное, что нам помогало, так это маячившая на горе заставка. К ней поднялись только к вечеру.

Начальник заставы – молодой парень – был удивлен и даже восхищен тем, что два пожилых человека сумели самостоятельно подняться на такую высоту. Да еще и с грузом! Он нам сразу выделяет комнату, приглашает на ужин. Его молоденькая жена, родом с Украины, миловидная и очень хозяйственная, испекла гору пирожков.

Утром начальник заставы дает нам двух сопровождающих. Маршрут протянулся вдоль границы вверх по хребту. На нейтральной полосе – альпийские луга в полном цвету. Во многих местах нейтральная полоса не обозначена, только на определенном расстоянии стоят небольшие пограничные столбики. С турецкой стороны на луга Аджарии

неосмотрительно забрел молодой бычок. На следующий день вся застава ест котлеты.

Кончилась бумага. Нужно идти вниз досушивать гербарий.

Весь обратный путь опять прошли пешком. Машин нет. Солнце припекает. Обливаемся потом. Одна радость, что идем не вверх, а вниз. Из Шуахеви автобусом спуститься в Батуми уже не составило труда.

xxx

Бои с родственниками за землю продолжаются. Саша, мой братик, снял за домом столбы и сетку, которые огораживали мою территорию. Теперь Саша решил присвоить не только землю, но и спрятать столбики. Обхожу дом. Вижу моего брата, сидящего на полуразрушенной шушабанде с Тамазиком Чиракадзе. Распивают вино. В окне его комнаты вижу столбики, которые он не успел спрятать. Откуда у меня взялась сила? Достаю их из окна. Столбы прочные, из металла, большие, выше человеческого роста. Сашка подбегает, начинает их вырывать у меня из рук. Но я их держу железной хваткой. Он кричит: «Чтобы ты сдохла, чатлашка! Я тебя убью!» «Чатлашка» по-грузински – более крепко, чем проститутка. Выскочил Тамазик, разнимает, успокаивает Сашку. Тонкогубая Тамара увещевает слащаво:

-Вы ведь брат и сестра... Хотя, похоже, сама подбила его на этот неблагоприятный поступок. Обращаюсь к Тамазику:

–Будешь свидетелем, обещал убить!

Пишу заявление в милицию. У меня есть свидетель. На следующий день Сашку вызвали в Махинджаурскую милицию и оставили в КПЗ. Пока я была на работе, к Андрею приползла Тамарка: мол, какая я нехорошая, посадила брата...

Дома Сашка появился через три дня в сопровождении соседа Зивера. Притихший. Затаил злобу.

xxx

В пограничном управлении в Батуми мы получили разрешение на работы в пределах заставы Скурдиди. Ворота заставы для нас широко распахнулись. Начальник, такой суровый в прошлый раз, теперь наш друг. Мы живем в его уютной квартире. Жена его готовит очень вкусно. Она из Батуми.

В первый день нам дали сопровождающего, с которым мы попытались пройти лесом в горы. Сначала шли по узкой дорожке вдоль ручья. Над головой смыкаются кроны огромных буков. Выше по склону толстые стволы лавровишни полегли вдоль склона, упираясь в землю нижними ветвями. Непроходимые заросли густо заплетены колючими кустарниками: ежевикой и сассапарилью. Тропа на подъеме исчезла. Сопровождавший нас солдат окрестностей не знает. Запутались в зарослях, вернулись обратно.

Поход на границу более удачный. Идем в сопровождении начальника заставы и нескольких пограничников. Тропы прорублены в лесу. На обрывах лестницы. По ним пограничники поднимаются вверх. К середине дня вышли на верхнюю границу леса. Поднялись к уже обветшавшим пограничным столбикам. Сначала моросил, а затем усилился, стало проливным дождь. Быстро стемнело. Обратно идем по узкой тропе. Высокие травы и кустарники, пропитанные влагой, смыкаются. Раздвигаем, нащупываем ногами тропу. Где так было? Вспоминаю. На Курилах в бамбуке. Но здесь еще и дождь! Хотя и теплый. Идем и идем в полной темноте, уже на ощупь, шлепая по лужам. Совершенно мокрые, к часу ночи вышли на изъезженную грузовыми машинами дорогу, ту, по которой ходили в начале лета. Вдали забрезжил огонек. Там ночуют лесорубы. В маленьком вагончике тепло и сухо. Полно мужчин. Удалось раздеться и выжать одежду. Дали смену белья. На полатах уложили на чистейшую, с белыми простынями постель. Все казалось сказкой. На улице дождь усиливался, а в вагончике тепло и уютно.

Начальник заставы остался на ужин. Теперь он гордится выносливостью и целеустремленностью Андрея. На все лады его расхваливает. Седая борода, возраст – все вызывает уважение.

Гостеприимные хозяева рубят вековые буки, вывозят в Турцию. Обратно на одной из грузовых машин, груженных толстыми стволами, мы вернулись в Батуми.

xxx

В августе на катере приехал к нам сын Павел. У него украли фотоаппарат, который ему привез Андрей из Италии. Очень кстати оказался гостинец – кусок сала. Павел не понимал нашего положения. Когда я сварила манную кашу на воде, используя небольшой неприкосновенный запас крупы, он попросил молока.

С сыном мы поехали в последнюю в этом сезоне поездку в горы Шавшетского хребта. Она во многом походила на все предыдущие. Помогал Нодари Абусеридзе. В Шуахеви посадил в автобус, следующий в нужном нам направлении. По дороге в автобусе среди пассажиров возник спор. Все приглашали к себе в дом. Победил учитель географии, потому что он ближе к ботанике. Андрей нашел новый вид вайды, которую назвал в честь сопровождавшего нас во многих экспедициях сына – вайдой Павла.

xxx

Все лето я была в смятении. Кому поручить присмотр за садом? Сулико Мироновна – декан биологического института, в котором я преподавала, советовала поручить Олегу. Она была им подослана. Продавать место на Зеленом мысу я не могла. В Сакребуло Тамара с Сашей оставили заявление о том, что если я задумаю продавать, то должна предложить им первым. Но я знала – обманут и посмеются. Да и продавать не могла. Родина, любимая. А уезжать нужно.

Нужно найти верного человека, но не в моем окружении.

И я выбираю Авто Беридзе-патара – маленького. Он родом из Замлети, недалеко от Шуахеви. Стал жить на Зеленом мысу лет пять назад. Работает в

ботаническом саду милиционером. Раньше мне помогал собирать виноград. Хорошо лазает на деревья. Живет он за перевалом. Там в небольших, сбитых из досок клетушках, живут несколько семей. Авто там построил себе дом по горскому образцу. Его жена Натела не говорит по-русски. У Авто сын-подросток и две маленькие дочки-погодки. Он соглашается присматривать за садом.

xxx

Сентябрь. Нужно уезжать. Наташа Васильева и ее супруг Толя Степурко живут у перевала на половине Адяки, землю которого унаследовали. Теперь хотят ее выгодно продать. Торгуются. Хозяйственная Наташа нашла покупателей на мою мебель. Это очередные горцы, недавно переселившиеся в чайный техникум. Я часто их вижу, идя на работу. Молодой, с густой черной копной волос мужчина, производит впечатление разбойника. Плохо одетая жена все время с наклоненной головой, с веником в руках. Живут в разбитой комнатке рядом с гаражом.

На трактор погрузили мой чешский гарнитур, верно служивший в Магадане. Тетка смотрела с одной стороны, Сашка с другой. Теперь они уверены в моем отъезде.

Сосед Брунджадзе покупает оставшиеся брикеты. Не скоро мы тут будем что-то строить!

xxx

Ситуация меняется. Я уезжаю, и по законам колхоза мне остается 600 квадратных метров, (шесть соток). А брат, раз он переехал жить на Зеленый мыс, теперь может претендовать на 1000 метров, то есть отобрать у меня недостающие сотки. И в этом направлении предпринимаются шаги. Неожиданно на моей площадке появляются молодые неизвестные люди в камуфляже, с автоматами. Вызывают в милицию. Там сидят оба брата, жалуются на меня. Говорят, что я их оскорбляла, что я русская. Я сижу напротив. Лица родных искажены злобой. Чего они от меня хотят? Выгнать!

Во главе Махинджаурской милиции теперь Автандил Пахуридзе. Я его встречаю каждый день, идя на работу. Он имеретинец, на Зеленом мысу давно, знает меня, защищает. Братья уходят неудовлетворенными. Меня удивляет, ведь они между собой в ссоре. Понимаю: Олег требует отработки за свои прежние благодеяния. Дело вовсе не во мне, а в земле, в площадке с видом на море.

xxx

За лето набралось очень много гербария. Вывезти вещи мы не можем: нет транспорта. Я расстилаю одеяло, в середину кладу пачки с сухим упакованным гербарием, а потом зашиваю. Набралось больше десятка таких тюков. Остальное взять не смогли.

xxx

В последний момент Автандилу Беридзе, которому мы поручали охрану нашего сада, удалось достать трактор.

Быстро грузим тюки на трактор, а сами бежим вниз с нашей горы. Там садимся на автобус до Батуми. На пристани уже собралась толпа. У причала стоит катер «Михаил Светлов». Посадка будет трудной. Вся надежда на помощь Авто. Он вскоре подкатывает на тракторе с нашим скарбом. На посадке свалка. Кидаем вещи через борт. Протискиваемся.

На катере сидим на куче вещей. Мы еще не ощущаем, что покидаем Зеленый мыс навсегда. Еще будем сюда приезжать. Но Зеленый мыс уже перестал быть нашим домом. Дальше – только долгое прощание.

Полоса воды все сильнее и сильнее увеличивается, берег уходит вдаль. Я вглядываюсь туда. Минуем БНЗ, над ним вдалеке возвышается в тумане Мтирала, затем Махинджаури, родной Зеленый мыс. Катер выходит в открытое море. Берег постепенно исчезает.

Гл9

1994-2004 Последние приезды

Лето с внуками. 1994 год. Проездом в Турцию

Осенью 1993 года я стала директором Тверского ботанического сада. Тверь находится в 200 километрах от Москвы – три часа езды на электричке. Ботанический сад совсем небольшой, у слияния реки Тверцы и Волги. Мне выделили комнату в общежитии. В Тверском университете я проработала пять с половиной лет. На выходные дни уезжала в Москву. Одновременно с заботами о семье, о ботаническом саде я, как и прежде, сопровождала Андрея в его поездках.

xxx

С 1994 по 1998 год, вплоть до смерти Андрея, мы ежегодно, иногда по два раза приезжали из Москвы на Зеленый мыс, а оттуда ехали в Турцию для сбора растений.

Первые поездки показали возможность работы в Турции. Андрей поставил перед собой задачу написать монографию по флоре Северо-восточной Турции в пределах бывшей Российской империи.

Турция. В районе Карчхала. Майя Мартынова – моя внучка, я, Дато Гвианидзе.

Северо-восточная Турция в районе Ардануча. Наши внуки Галя (слева), Майя(справа). В центре Дурсун Игит. Он нам много помогал.

Зеленый мыс стал для нас трамплином для поездок в Турцию. У меня сохранился контракт Батумского ботанического сада с Трабзонским университетом. Под его «прикрытием» мы совершали далекие поездки в разные районы этой горной страны. Андрей заранее разрабатывал маршрут, агитировал коллег в Москве, Ленинграде. Это сокращало расходы. В Аджарии мы арендовали машину с оплатой бензина. Шофер был на полном нашем довольствии плюс 40 долларов в день за работу. Это были выгодные условия и для нас. Таким способом были осуществлены целых девять полноценных экспедиций и собран гербарий, позволявший Андрею описать детально флору северо-восточной Турции. Но его смерть оборвала эту работу.

Я подробно описала эти поездки в книге: «Дорогой мой ботаник». Адресую к ней читателя. Здесь же касаюсь в основном Аджарии.

В родной дом на Зеленом мысу мы заезжали только на несколько дней для организации поездки. Приезжая, мы видели перемены, узнавали новости.

В июне 1994 года Андрею удалось сагитировать сотрудников ботанического сада МГУ Михаила Пименова и Евгения Ключкова, студента Петю Волцит и двух ботаников из Таллинна для поездки в Турцию. Мы взяли с собой и наших внучек: семилетнюю Галю и пятилетнюю Майю. На время поездок мы их оставляли на Зеленом мысу на попечении друзей. Во время первой поездки они оставались в ботаническом саду у Маши Овчинниковой, а во время второй – у соседки Венеры Авдишвили.

Из Москвы до Сочи ехали поездом. Оттуда в Батуми на катере «Михаил Светлов». В Сочи на морском вокзале никакого расписания нет. Катер отправляется в Батуми в зависимости от погоды и настроения капитана. Долго ожидающие пассажиры бродят вокруг, настороженные, все время готовые броситься к кассе, выстроиться в плотную очередь и купить билет, чтобы погрузиться на катер.

Отплытие задерживается. Приятный летний вечер сменила ночь. Её мы провели на пригорке, откуда порт виден как на ладони. Утром стали продавать билеты, проверять декларации и медленно запускать на катер. Эстонцев в последний момент не пропустили. Их страна не входит в СНГ. Состав нашей экспедиции сократился на два человека.

Только во второй половине дня отчалили. Прибыли в Батумский порт в середине ночи. Над бухтой, обрамленной бархатными темными горами, светит огромная луна. В морском порту оживление. Наперебой предлагают прокатить куда угодно. Быстро везут на Зеленый мыс, на нашу гору. Там на разбитой шушабанде горит свет. Саша с Тамарой пьют чай. У меня создается полное впечатление, что ничего не изменилось. Позже время от времени посещала та же мысль. Но изменения, увы, не в лучшую сторону все же произошли.

Открываем калитку, заходим в наши комнаты. Нужно устраиваться, положить спать девочек. Из дома вытаскиваю на улицу одеяла, затхлые матрасы. Ложимся на воздухе, под луной. Тепло. Нас окружает пряный аромат цветущих мандаринов.

Утром, проснувшись, первым делом я вижу ноги моего брата. Он привык пользоваться моей половиной. Воровато снимает вывешенное белье, не здороваются.

Иду к Венере с Сережей. Узнаю новости. Твалчрелидзе, то есть мой брат и Тамара, ждут меня с нетерпением. Хотят помянуть мою маму. На поминки званы сотрудники ботанического сада. Про себя удивляюсь. Если хотят примирения – почему вчера ночью, когда мы приехали, не поздоровались, не напоили чаем, хотя бы детей. Второе – никакой особенной даты для поминок моей мамы нет. Мама умерла 13 марта. Позже я поняла: нужно создать общественное мнение.

Сережа возбужденно рассказывает о том, что у мингрелов – беженцев из Абхазии – на днях убежали два поросенка и попали в поле зрения Саши. Он их присвоил, видимо, для поминок. Мингрелы прознали, был скандал, чуть не окончившийся дракой. Поросят вернули.

В доме отдыха, бывшей «Магнолии», живут мингрелы – беженцы из Абхазии. Плотно засели и домик тети Кати по соседству.

Весной никто не обрабатывал мой участок и он сильно зарос сорняками. Особенно разрослась киви. Ее толстые стволы забрались на куннингамию. Наши внучки сразу же стали лазать, качаться на этих лианах.

Необходимо арендовать машину для поездки в Турцию. Я с Пименовым занята этим делом, подолгу отлучаюсь из дома. А Тамара, помня мягкий характер Андрея, потчует его супом с фрикадельками, надеясь на совместные поминки. И мой дорогой супруг ест эти фрикадельки. Я весь этот театр вижу насквозь. Возмущаюсь. И конечно никаких контактов с Твалчрелидзе не намерена налаживать.

Тактика войны. Совершается нападение, захват. Затем примирение. На это все и рассчитано. Потом, конечно, очередной захват земли.

Автандил, которому я поручила присматривать за садом и домом, рассказывает, как его неоднократно вызывали в Сакребуло, кричали на него, нажимая на то, что он горец и здесь чужой. Но Авто устоял.

Моя племянница Ира работает заведующей кафедрой в чайтехникуме, переименованном в «институты», а по совместительству – переводчицей в ботаническом саду. Ведь ее бабушка, моя мама, знала языки и внучка вроде бы также их знает.

Поминки состоялись без меня и Андрея. Олега и тети Майи я на них не видела. Да и ближайших соседей тоже не было. Видимо, не хотели портить отношений с Олегом. А возможно и не звали. Но из ботанического сада и из чайтехникума многие, даже те, кто и не очень знал мою маму, пришли вкусно поесть, выпить вина. Тамара и Ира – большие искусницы в приготовлении грузинских блюд. Я издалека наблюдала торжественную процессию, следующую на карелинское кладбище. Фотографию моей мамы в большой раме несла Тамара. Среди приглашенных был и Вано Мамунидзе и Дато Гвианидзе. Оба они зашли и к нам на площадку по-соседски, уже сильно под парами.

Придуманными поминками Тамара хотела убить сразу нескольких зайцев: подмазать сотрудников ботанического сада, помириться с Олегом, со мной и в дальнейшем захватить площадку. Удалось только первое, хотя, поскольку Ира не знала английского языка, ее уволили. А через три года ей пришлось уйти и из техникума.

xxx

Теперь в Аджарии на купоны ничего не купишь. В ходу русские деньги. Массовый поток машин с товарами для обмена в Турцию почти прекратился. Едут туда только местные за продуктами.

В течение десяти дней мы ездили по северо-восточной Турции на юг за Эрзерум. Тамаз Абашидзе, у которого мы арендовали микроавтобус, отличался прекрасным характером. Но у машины мотор изношенный, на подъемах грелся, машина не тянула. Поэтому мы не смогли подняться высоко в горы и ехали не по намеченному маршруту, а более низкими перевалами.

По возвращении на Зеленый мыс Пименов с Ключиковым уехали. А мы остались. В июле снова арендовали машину для поездки в горную Аджарию. С нами поехал Петя Волцит и наши внучки. Главной целью была работа на перевале Годердзи. Планировали остановиться на заставе под тем же названием.

Молодой жуликоватый шофер на разбитом микроавтобусе по хорошо знакомой дороге быстро привез нас в высокогорья Бешуми. Остановились у его родных в горном домике-летней. В густом тумане провели несколько дней в ожидании хорошей погоды. Видимость была минимальной. Не видно ничего в пределах нескольких шагов. Изнывали в безделье. Под нами мычали маленькие коровы. Густой коровий дух обволакивал как и белый густой туман.

Ранним утром 26 июля наконец, разметало облака, и мы смогли выехать в сторону заставы. По долинам еще стелился туман. Высокогорья быстро высыхали под лучами яркого солнца. По вершинам Арсиянского пограничного хребта без задержек доехали до двух домиков заставы, рассчитывая на помощь бывшего сотрудника ботанического сада, теперь пограничника. Но когда подъехали, обнаружили: все, кто находятся на заставе, в большом волнении, не выходят из помещений. Принять нас не могут. Оказалось, два турка-пастуха, ничего не подозревая, в поисках своих отбившихся бычков в тумане пересекли границу. Их на обходе убили пограничники. Вызвана комиссия из Москвы. Мы как раз угодили к ее приезду.

По затяжному крутому спуску мы словно птицы слетели с хребтов к подножью гигантской горы. Там следующая застава – Васюхно. Названа она так, потому что в 30-е годы тут геройски погиб пограничник Вася.

Начальник заставы – молодой парень, хвастается недавней охотой на медведя. Каждый начальник заставы в этих краях хвастается своими охотничьими победами. Лето короткое, родина далеко, зимой завалы снега. Тоска!

В лесном поясе, где находится застава Васюхно, делать нечего. Нам нужны высокогорья. Поэтому поехали дальше на запад вдоль хребта к заставе Чирухи. Пересекаем знакомую яйлу Сары Чаири. Сплошные овраги, земля выедена.

Несколько дней работали на заставе Чирухи. Пограничники разрешали свободно заходить на нейтральную полосу даже без сопровождающих. Теперь на эту полосу изредка разрешают загонять скот. Потому что трава, которую может щипать скот, растет только здесь – за пределами полосы все выедено и вытоптано. Мы собрали большой гербарий.

По приезде на Зеленый мыс сушим гербарий то у костра, то на солнце. Чем больше сеток, тем больше забот. Девочки и Петя нам очень помогают. Газа нет. Мы не только сушим гербарий у костра, но и готовим на костре пищу. Костер разжигаем под навесом. Дожди в Батуми – постоянное явление.

xxx

К костру через мандариновый сад приходят куры моей тетки, клюют крошки. Андрей поймал одну, качает. Он всегда играет с животными: то с собакой, то с гусем, а тут с курами. Тетка с балкона дома подсмотрела и доложила невестке. Боится, что мы украдем.

Вижу разгневанного Андрея на дороге, а на балконе – тетку. Мой деликатный, тихий Андрей, от которого я за всю жизнь грубого слова не слышала, обращается к тетке:

Прекрати, старая греховодница, свои штучки!

Я же вспомнила, как в 1985 году, когда мы с Андреем только переехали на Зеленый мыс, Андрей по старой привычке качал кота на руках, приговаривая:

–Кота на мясо изрубили. Шутил. Но тетка сразу же к тете Кате с жалобой:

–Ая говорила, что Андрей добрый, а он кота собирается резать.

xxx

Ходим на море. Пляжи совершенно пустые, только к вечеру, как из нор, выползают из домов бывшего пансионата абхазские беженцы. Мрачные, в черных одеждах, словно черные вороны, они садятся на шпалы железной дороги и смотрят на закат. Поезда давно не ходят. В домах отдыха беженцев не кормят. Нечем. Они развели огороды по обочинам дорог, вокруг корпусов. Топят маленькие печурки, на которых готовят пищу. Из окон выглядывают трубы. Много стариков. В их облике – обреченность. Вернуться на родные пепелища им не придется.

xxx

7 августа жаркий день. Мы вдвоем едем в Гонио. Теперь граница не на замке. За Чорох легко проехать на попутных машинах. Цель нашего похода – детально обследовать обрывы между Гонио и Сарпи. Об этой, особенно охраняемой пограничной территории, ходили легенды как о самых красивых обрывах и бухтах Черноморского побережья. Действительно – обрывы красочные, но ничем не отличаются от других. На побережье Черного моря много красивых мест. Легенду породила, видимо, их недоступность.

xxx

В 2007 году в Аджарию приезжали гости из разных стран. Поехали посмотреть обрывы у села Квариати. Все гуляли внизу, а сотрудник ботанического института из Санкт-Петербурга В.Партиниерна вершине скалы, в густых зарослях подлеска запутался, упал с обрыва и разбился насмерть.

Турция. На Карчхале

Очередной раз в Турцию мы поехали в августе с Отари Апакидзе. Машина у него прекрасная. Свои «Жигули» он любит и холит. Отари – маленький и толстенький, средних лет человек. Живет на территории ботанического сада, работает в Махинджаури на автосервисе. Поездка с Отари была очень удачной. Мы с ним доехали до Ризе, затем поднялись на перевал Овит-даг. Спустились в долину Чороха к городку Испир. Оттуда вдоль Чороха доехали до Артвина. Затем из Борчхи поднялись к подножью

Карчхала, горы высотой более 3000 м. Удалось совершить поход в альпийскую зону. Машина Отари тянула, он весело шутил.

Карчхал – это те синие горы Турции, которые я видела издалека с нашей площадки еще в раннем детстве. Оттуда всегда приходила непогода, как говорили старожилы. Их закрыл от меня большой серый дом Олега.

xxx

В 1985 году, когда мы поднялись на яйлу Кослис тави, огромная гора Карчхал, казалась нам совсем близко, громадой возвышаясь над нашими головами. Граница почти весь век была на замке и попасть в Турцию было немыслимо. Прошло 10 лет – и вот мы на Карчхале!

xxx

Саша, мой брат, вошел в доверие к председателю колхоза Темури Ахвледиани. Он прекрасно разбирается в бытовой технике и чинит телевизоры не только самому Темури, но и всей его многочисленной родне. Руки у него золотые. Человек он теперь нужный. А потому договорился об очередной комиссии. Продвигает вопрос о том, чтобы у меня отрезать от площадки квадратные метры в свою пользу. Хотя Советский Союз уже не существует, но старые порядки пока незыблемы. Можно вызывать комиссии, брать взятки, делать перемеры. И так будет еще несколько лет, пока, наконец, не заговорят о приватизации.

Накануне нашего отъезда нам объявляют о предстоящей комиссии. Но мы соблюдаем конспирацию. Под вечер уходим на море. На следующее утро в день нашего отлета подъезжает на своем «запорожце» Авто. Мы грузимся. С шушабанды смотрят на меня большие Ирины глаза, за ее спиной Тамара и Саша, который большей частью прячется. Ира удивлена: вызвана комиссия, а мы уезжаем? Я машу ей на прощанье. Тогда она произносит очередную гадость.

Конец августа. Улететь в Москву так же сложно, как и в былые времена. Отдыхающих, приезжающих на курорт, теперь нет. Летают местные жители и челноки в Турцию. Весь день стоим у бронированных дверей.

Надеемся попасть в зал регистрации. За кругленькую сумму удалось пропихнуть туда Галю с Майечкой. Это устроил Автандил Беридзе, провожавший нас до самолета. Он же и обеспечил без поборов регистрацию гербария. Мало ли что придет на ум аджарским таможенникам? Мы ведь летим уже в другое государство и докажи, что ты везешь не их достояние.

1995 Лето . После путешествия с Хари

На следующий год в Турции, в Измире с 20 по 26 мая 1995 года мы с Андреем были участниками симпозиума «Жизнь растений». На этот симпозиум приехал Хари Вриман,— голландец, с которым мы путешествовали в 1993 году. Он любезно предложил нам поездку по Турции. С ним мы проехали по западному и южному побережью Малой Азии, пересекли полуостров с юга на север. Повидали Эфес, Милет, Анталию, Термезос, Конию, Каппадокию, Эрзерум. Были и в высокогорьях. Собрали огромный гербарий. Когда приехали в Ризе, Хари предложил нам уехать в Россию из Трабзона. Там курсирует паром до Сочи. Но я боялась, что нам не дадут провезти гербарий, включают в компьютер, и в будущем мы не сможем ездить по Турции. Кроме того, хотела приехать на родину, на Зеленый мыс, пойти на могилу мамы.

Из Ризе мы всю ночь ехали в большом автобусе вдоль берега Черного моря. Запакованный гербарий был завален вещами, товаром наших попутчиков. Ночью в Сарпи при въезде в Аджарию на таможне мы случайно встретили сына Нодари Сванидзе. Когда Андрей в молодости работал на Кобулетской станции лекарственных растений, Нодари был его начальником. Его уже нет в живых. Сын узнал Андрея. Угостил нас шампанским.

14 июня. Батуми. Рано утром медленно, нагруженные до отказа гербарием, мы покатали на каталочках по набережной наш огромный груз. Привезли в знакомый дом к моей учительнице Инне Васильевне Сандалиди. Она встречает нас радостными возгласами, улыбкой. В своей заставленной вещами комнате с большим столом, заполняющим почти все пространство комнаты, поит кофе, спорит с Андреем, который любит ее дразнить. Кажется,

время остановилось. Все, как и прежде. Я с гордостью говорю, что видела совсем недавно воочию Каппадокию. Инна Васильевна всегда гордилась тем, что она гречанка-каппадокийка!

Коля из сарая выдает нам старинные запасы газет, которые Инна Васильевна намеревалась когда-то прочитать. Сейчас это как нельзя кстати. Необходимо срочно переключивать, сушить гербарий. Располагаемся на большом внутреннем балконе второго этажа. Жаркий день. Но нужно спешить. Как бы заложенные в бумагу растения не запарились. И мы работаем. Переключиваем, сушим весь день без перерыва. Только к вечеру уезжаем на Зеленый мыс. Пахнет цветущая хурма кавказская. Всего два дня я была дома, на Зеленом мысу.

В бывшем доме Екатерины Эмильевны Щепетовой-Гетман, как и раньше, живут две большие семьи. Толстый Нектар разводит огород на маленьком участке. Его энергичная жена Этери торгует турецкими пакетами. В Турцию за товаром она ездить не может. Надеется вернуться в Абхазию. У нее советский паспорт. По этой причине иностранный паспорт она, как и все беженцы, оформить не может.

При входе на рынок постоянно стоит группа из нескольких женщин-беженок, торгующих полиэтиленовыми пакетами турецкого производства. Одеты в черное. На груди у них маленькие фотографии, отороченные черными рюшами. Память о погибших во время абхазской войны близких.

В ботаническом саду – массовые порубки деревьев. Зимой холодно, и беженцы-мингрелы совершают набеги. Это бросается в глаза и на Зеленом мысу, и на даче Карелиных. Кладбище разрослось. Придя на мамину могилу, я встретила Темури Джиджавадзе, пасущего свою корову. Он рассказал, что стариков-беженцев хоронят здесь в цинковых гробах. При первой возможности их перенесут на родину, в Абхазию.

А Олег, как всегда, благополучен. С Сашей и Тamarой по-прежнему в контрах. Сережа Авдишвили сплетничает: Ромочка, сын Олега, учится в том

же юридическом колледже, где преподает Тамара. Он дразнит свою преподавательницу Тамару. Думаю – по наущению Олега.

Красивые девчушки – дочери Олега подрастают. Тетка сильно состарилась, болеет. Ссорится с невесткой.

xxx

Моя площадка заросла, в плохом состоянии. Авто объясняет тем, что боится Олега, что болеет легкими, что не хочет терять своего положения в ботаническом саду. Он мастерит безвкусные кадки для цветов. Для этого дела рубит бамбук в ботаническом саду.

xxx

В Батуми авиакассы теперь находятся в большом новом доме рядом с домом Инны Васильевны. В самом центре города. На солнцепеке – группа женщин. Они торгуют золотыми кольцами. Говорят, дешево. Я миную площадь и иду в нарядные авиакассы. Там возвышается знакомая замысловатая прическа – белая головка Нелли. Она меня узнает. Улыбается и долго расспрашивает о моем житье в Москве. Рассказывает, как трудно ей жить в Батуми. Новые времена!

xxx

Улетаем. Жаркий день. Самолет сажают на дозаправку в Тбилиси. Наконец самолет заправлен. Через два часа мы во Внуково. Нужно доставить гербарий домой. Но это совсем не просто. На посадке в автобус давка. Таксисты заламывают немислимые цены. Но все-таки гербарий доставлен и не сломан. Огромное путешествие – позади.

Март 1996 год. С Ольгой Волцит и Андреем Сытиным

В 1996 году мы дважды побывали на Зеленом мысу. Первый раз в марте, второй – в середине лета. В марте с нами поехали два научных сотрудника: Ольга Волцит, -зоолог из Москвы и сотрудник ботанического института из Петербурга,-Андрей Кириллович Сытин. Он занимается астрагалами.

Из дневника: «28 марта. Внуково. Все очень знакомо. На аджарском самолете гордо написано «Adjarian airlines». В самолете одни толстосумы, очень толстые. Для одного, особенно толстого и почти квадратного «чемодана» (он везет два больших телевизора), перед отлетом специально подгоняли трап. В салоне пассажиры разбились на несколько компаний. Непрерывно курят, едят икру, запивая шампанским. Высший шик! Над Россией снег. Кавказский хребет пролетали в стороне от Абхазии, повернув сразу к Малому Кавказу и только под конец в тумане развернулись над морем. Самолет на посадке мчит по взлетной полосе. Из иллюминатора вижу родной, знакомый, но совершенно пустынный, аэропорт. Знакомые серые кроны эвкалиптов.

На таможне содрали за все, что могли, даже за заполнение декларации взяли по 2 доллара! Свинство, бедность и холод. На площади, у аэропорта накинута таксисты: неопрятные водители борются за пассажиров. Машины такие же битые жизнью, как их владельцы.

Зеленый мыс встретил мелким дождем. Сыро и промозгло. Ранняя весна. Цветут алыча и листопадные магнолии. Заметны только вечнозеленые обломанные, а чаще обрубленные, деревья.

Печальные новости: умерла старая Шура Авдишвили. Вслед за ней умерла от рака Венера. Сережа, не дождавшись 40 дней после ее смерти, привел в дом жену-аджарку из села Чайсубани. Маленькая, жилистая, она вместе с беженцами успешно торгует на рынке пакетами. На заработанные деньги купила шкаф, который привезла в качестве приданого. Отличается чистоплотностью. Мы застали ее на сносях. На второй день начались роды и она никак не могла разрешиться. Рядом с ней ее пожилая мать. В роддом роженица ехать наотрез отказалась. Не хотел везти ее и Сережа. За роды нужно платить 200 долларов. Новая жена скупая.

xxx

Сережа после смерти Венеры снова приобрел независимость в отношениях с Олегом. Разругался из-за межевого плодового дерева. Сергей,

выпив очередной раз, высказал свою неприязнь к Олегу в самых резких выражениях.

С Сашей Сережа, наоборот, подружился. Вот такая рокировка. Поэтому вокруг роженицы вьется Ира, моя племянница. Она всеми силами советует рожать в больнице. Саша теперь слесарь в больнице моряков. У него знакомства в медицинском мире. Может помочь.

Обошлось без больницы. Родилась девочка.

xxx

Сережа сообщает, что Саша хочет поговорить со мной. Мой брат, мой враг сидит против меня. Сильно постаревший. Уже никаких чувств к нему я не испытываю. Нет, не примирения он ищет. Ему (а главное – его жене), нужна площадка, земля. Я говорю ему, что готова в память о нашей матери поддерживать с ним отношения. Но это не касается моей земли. После этого я больше не вижу у себя своего брата.

xxx

Мексиканские сериалы в полном разгаре. Андрей хочет знать, что будет дальше с «Просто Марией». А со светом на Зеленом мысу очень плохо. Только у Тарика на хоздворе есть движок, такой же, как у Олега. Под вечер Андрей спускается на Хоздвор. С Верой, матерью Тарика, комментирует перипетии любовных интриг. У телевизора сидит вся семья. Без зрелищ трудно!

xxx

Договорились о машине. В Турции путешествовали с 31 марта до 16 апреля. Было несколько приключений. Задерживали жандармы. Как и раньше, нас выручал контракт с Трабзонским университетом. Стоит показать – отпускают, улыбаются и даже извиняются.

xxx

Я иду к буку. Так же как и раньше сияет голубым Батумская бухта. Сильно разрослась киви. Болеют мандарины. В доме очень сыро, книги покрылись плесенью. Саша, мой брат, отвоевал для себя чайную плантацию.

Авто говорит, что его неоднократно вызывали в Сакребуло, внимательно изучали генеральную доверенность. Но придраться не могли. Границы остаются неприкосновенными. Саша с Тамарой на мою территорию не ходят. В своей части дома они сделали небольшой ремонт. Шушабанду застеклили.

Мы с Авто поехали снова в нотариальную контору чтобы оформить доверенность на новый срок. Он мне рассказывал, что к нему подходили, просили продать сад. Но он человек честный, отказывает, не идет на сделку. Я ему отвечаю, что я уверена в его честности.

xxx

Я ошибалась. Прошло 10 лет. Выросла дочка Авто Нона. Как только ей исполнилось 16, Авто по моей генеральной доверенности продал ей мою площадку. Вспоминать об этом тяжело.

1996 год. Лето с внуками

Главная цель Андрея – более подробно обследовать высокогорья пограничных районов Турции и Аджарии. А это возможно только в середине лета. В 1996 году на Зеленый мыс мы летим вчетвером: А.П.Хохряков (почти 63 года), М.Т. Мазуренко – (его жена, почти 61 год), внуки – Галя (9 лет) и Майя (8 лет). Два дня задержек рейса. В Батуми прилетели только под вечер 27 июля.

Погрузились в зелень и влажное тепло. Везде, куда ни бросишь взгляд, – огромные листья. Живем в доме Автандила Беридзе на вершине Батумского ботанического сада, под горой Фриде. Так удобнее связываться с будущими водителями. Мы рассчитывали на Авто. Думали, он нас будет возить.

Опыт предыдущих поездок показывал, что машины в Аджарии в основном разбиты, а водители требуют больших денег. Но Авто в Абастумани, лечит легкие. Дом его поставлен очень неудачно, хотя с маленького балкона открывается вид на море. Морской ветер врывается внутрь, сквозняк дует постоянно через центр дома в открытые двери. Я

предполагаю, что болезнь легких Авто связана с этим постоянным сквозняком. Как важно при постройке дома предусмотреть розу ветров!

Насколько я симпатизирую Авто, настолько же мне не симпатична его жена Натела. Всклоченные волосы, беззубая. Всегда одета в грязный бумазейный халат. Трудно поверить, что это молодая женщина.

xxx

Ищем машину несколько дней. Нас обманывают, торгуются и обещают. В Аджарии обещания столь искренни, что я, прекрасно зная эту традицию, все равно ловлюсь. Бесплезно уходит драгоценное время. Дато Гвианидзе соглашается ехать с нами в Турцию. Мы ездили с ним в 1993 году в Трабзон и в Артвин. Берет аванс 200 долларов. До последнего момента сомневаемся, состоится поездка или нет. 2 августа выехали. С первой минуты путешествия Дато постоянно нас обманывал. Пообещал ехать на новой машине, а подъехал в день отъезда на старой. Прежде чем отправиться на таможню, мы чинили ее за наш счет в автосервисе. Но так как мы потеряли несколько дней и Дато взял задаток, то пришлось смириться.

В Турции по дороге в Артвин лежат горкой старые покрышки. Дато долго в них копался, подобрал для себя. Но они старые, «лысые». Мы в первом же маршруте только чудом не сверзились с горы под откос. Дато широко пользовался гостеприимством турок, чинил машину в каждом лесничестве, автосервисе. Все за наш счет. Таким же чудом нам удалось снова попасть на Карчхал. Это путешествие часто носило драматический характер. А мы были с детьми. После десятидневного пребывания в Турции Дато вернулся в Аджарию. Таков закон. После отъезда Дато мы ездили с Топкадыром, турком. Под конец заболели дизентерией и с большим трудом вернулись в Аджарию. Все эти драматические события описаны в книге «Дорогой мой ботаник».

На таможне при въезде в Аджарию, в Сарпи, поборы и проверки заняли всю ночь. Не выпускали автобус с тбилисскими челноками до утра. Потом нужно было ждать «канареек», то есть сопровождающих милицейских

машин с мигалками. Новые порядки. Сопровождают транзитные автобусы эти «канарейки» до границы с Мингрелией, то есть до речки Чолоки. Нужно собрать на «канарейку» деньги. Иначе не поедут. После долгих препирательств деньги собрали и поехали. Для нас удобно. Машины едут через Чаквинский перевал близко к дому Авто, который стоит рядом с перевалом. Нужно, чтобы автобус остановился и мы выгрузились. Остановят для нас автобус или нет? Турок водитель поет нудную песню. На счастье, милиционер оказался мужем лаборантки из ботанического сада. Молодая девушка, его невеста, поступила на работу перед моим отъездом. Я ее плохо помню, но муж расплылся в улыбке, по его просьбе машину остановили. Вещи быстро выгрузили и мы попали к Авто. В его деревянном домике мы провели пять дней как в лазарете. Достали лекарства. Встали на ноги.

xxx

Как и в прошлые годы, когда я появлялась в Махинджаури, на Зеленом мысу, мои братья начинали активную деятельность. Вызывали комиссии по распределению земли, то есть каждый из братьев опять надеялся узаконить за собой площадку. Опять я видела хитроумного Темури Ахвледиани. Опять, как и высмоленный и вечно курящий Сулико Романадзе – главный землемер, обещал решить вопрос с земельным наделом.

xxx

Я беру тоху и иду на могилы, убираю. Могилы прадеда и прабабушки еще сохраняются, сосна приморская с высоким стволом стоит прямо над могилами и, к моему удивлению, никем не тронута. Цементные плиты во время ливней почти полностью заплыли наносами земли. Расчищаю. Зивер и Нина выходят, жалуются на трудную жизнь. Обещают присматривать за могилами. Бегают большой выводок кур, разгребает лапками землю.

xxx

Улетая в Москву, самолет брали с боем. Сначала бежали по летному полю с сумками, чтобы первыми попасть на трап. Потом стояли на

переполненном, раскачивающемся трапе. Я боялась – трап перевернется. Нет, улетели благополучно.

1997 год. По Турции вместе с Авто

В следующий раз на Зеленый мыс мы попали в 1997 году, в середине лета. Я предложила студентам поездку в Турцию с полной оплатой. Нужны были помощники. Согласилась Оля Воробьева, студентка Тверского университета. Андрей вел активные переговоры и в МГУ. На географическом факультете нашел студента Рустама. Двух помощников нам вполне хватало. Запаслись необходимыми продуктами. В Батуми их нет, а в Турции дорогие.

Во Внуково – полная неразбериха. Шум, суета. Народ толпится перед табло. Студент, видимо, ехать раздумал и в последний момент спрятался. Улетели без него.

В Батуми сонные коровы на асфальте взлетной полосы равнодушно жуют жвачку. К нашей радости, таможеню в аэропорту с ее поборами отменили. Все обветшало, неопрятно и серо. Масса так называемых «таксистов», как и в прошлые годы, кидается на нас с остервенением. Приехали на гору в дом к Авто. Он на месте и готов с нами ехать. Его дом совсем недалеко от кавказского заповедника ботанического сада. Спешим в глубину заповедного леса. Погружаемся в тишину, тень и прохладу.

Быстрая смена событий, перелет, кажутся фантастическими, а прогулка по заповеднику – настоящим подарком. Приятная прохлада в глубоких сырых оврагах стенки вдоль дорожек, заросшие мхами, папоротниками и эпимедиумом. Под пышными кронами каштанов лежат еще не совсем сгнившие, темно-коричневые палочки опавших соцветий. Листва вечнозеленых рододендронов и самшита ярко блестит.

За вечерним ужином жена Авто подает еду и что-то скороговоркой невнятно говорит по-грузински. Она недовольна. Мы в разгаре лета хотим сманить ее мужа-работника в Турцию. Я рассчитываю на Авто. Человек он проверенный. С ним, как я надеюсь, нам будет лучше, чем с ненадежными попутчиками, с которыми были приключения во время прошлых поездок.

Все наши мысли связаны с отъездом. Трудность заключается в том, что Авто должен получить иностранный паспорт, а в Батуми это предмет бизнеса. Те, кто попадает в Турцию, имеют возможность что-то продать-купить и поправить свое бедственное положение. Пришлось дать Авто деньги на иностранный паспорт. Эта процедура заняла время. Второй вопрос – машина. У Авто маленький старый запорожец. В него мы с нашим оборудованием никак не втиснемся. Машину побольше обещает дать на время родственник Авто. Новые заботы: необходима доверенность на машину! После двух дней мытарств машина стоит у нашего домика. Но на подъеме она подозрительно хрипит. У меня закрадывается сильное подозрение в ее непригодности. А ведь нам в Турции необходимо подниматься в высокогорья.

xxx

Одновременно мы с Авто оформляем на него генеральную доверенность на мой сад

и дом. Он рассказывает, что родственники пристально следят за тем, есть ли эта доверенность у Авто или нет. Время от времени его вызывает к себе Расим Беридзе, проверяет. Колхозные законы незыблемы до сих пор.

xxx

Нотариальная контора теперь очень отличается от запущенной комнатенки Нинель Ваханговны. Это красивое большое помещение напротив суда. Развешены белые, с узорами, шелковые занавески. В большой вазе - огромный букет искусственных роз. За полированным столом сидит молодая, красивая, со вкусом одетая, манерная дама. Это нотариус. Снуют секретарши, машинистки. Доверенность готова!

xxx

У Авто еще одна забота. Он сдает анализы и нашу поездку ставит в зависимость от их результатов. Я волнуюсь. Уже несколько дней, как мы в ожидании. Вспоминаю детство, своего мнительного отчима Шурика. Ему все казалось, что он болен. Прислушивался к своему дыханию. Вошел в роль. И

так глубоко, что на самом деле заболел бронхиальной астмой. А у Авто больны легкие. Мне его искренне жаль. Он обеспечивает большую семью. Хотел получить инвалидность: много сил положил, давал взятки. Но не получилось.

Не очень прячась, он, работая милиционером в ботаническом саду, рубит в бамбуковой роще стволы бамбуков и из них изготавливает кадки для пальм. Фасон некрасивый. Работа трудоемкая, много отходов. Я пытаюсь показать Авто как можно экономно и красиво использовать бамбук. В свое время по японским и китайским образцам в ботаническом саду делали очень красивые изделия: трости, вешалки, кашпо. Этот опыт, на мой взгляд, мог бы пригодиться. Но Авто продолжает мастерить по-старому. Внизу, под домом, рядом с коровником у него налажено производство кадок. Много драгоценного материала пропадает. Валяются обрезки бамбука. Несуразный фасон кадки можно встретить во многих учреждениях Батуми, в них стоят хилые заморенные пальмочки. А рядом на улице деревья расправляют пышные листья. На стебле бамбука выжигают трафаретом завиток. Некрасиво, трудоемко. Вот бы где Эмзари с его вкусом, фантазией развернулся! Но у Авто этого таланта нет. Он выставляет кадки у дороги. Челноки, следующие в Турцию и обратно, покупают.

Жена тоже зарабатывает. Вниз от дома по холму у нее огород. Выращенные огурцы по утрам она везет на базар. Авто особенно нажимает на то, что эти деньги она заработала сама, сама покупает одежду девочкам. Несколько женщин, сотрудниц ботанического сада, объединяются, едут в Тбилиси. Там дешевый рынок. Привозят вещи из Ирана.

xxx

Быстрее бы в путь! А ведь впереди снова эта изматывающая таможня и на аджарской и на турецкой сторонах!

xxx

Чтобы убить время, ходим на пляж, гуляем по ботаническому саду. Цветет гортензия. По дороге к дирекции огромные ярко-синие шары

соцветий скрывают под собой кусты. Любуемся. Подкатывает знакомая мне черная «Волга». За рулем Ваню. Увидев миниатюрную блондиночку Олю, он начинает масляно причмокивать, но из машины не выходит. Маша Овчинникова, сопровождающая нас, объясняет: «тормоза неисправны». Маша сплетничает: недавно Ваню ехал домой после большого пурмарилли, свалился с автострады. Покалечил машину, разбил очки. А новые пока не купил.

xxx

Выехали мы только 11 июля, спустя пять дней после прилета. Машина, одолженная у родственника, оказалась самой плохой из тех, что мы ранее арендовали. Авто схитрил. Машина хрипела и не тянула. На перевалы, которые необходимо было посетить Андрею, мы не попали. Так же, как и раньше, нас всюду штрафовали. Выскакивали свечи, лопались шины. За все приходилось расплачиваться нам. После десяти дней, разрешенных для поездок в Турцию, Авто уехал домой. Мы продолжали работу. В Россию вернулись на пароме из Трабзона. Следующий раз я попаду в Аджарию осенью 1999 года, год спустя после смерти Андрея.

Осенью 1999 года

В мае 1998 года умер мой муж Андрей Хохряков. Невосполнимое горе! Регулярные поездки в Аджарию для сбора растений в горах закончились. Задуманное издание «Флора северо-восточной Турции» не состоялось.

Все это нужно было пережить. Поначалу казалось, что надо хоть как-то продолжить работу. Но моих сил, квалификации, возможностей, не хватало. Я предприняла попытки заинтересовать делом Андрея МГУ. Но никому, кроме меня, огромная работа, проведенная Андреем, в те годы была не нужна.

Я оставила Тверь и работала в Москве, в педагогическом университете. Читала систематику растений. Зарабатывала деньги тем, что писала маленькие очерки о растениях в разных популярных журналах. Но главной моей целью стало написать книгу об Андрее. О необыкновенном человеке,

жизнь которого была полностью посвящена ботанике, сбору гербария, его обработке, открытиям в этой области. Для того чтобы осуществить задуманное, я все возможное время посвящала разборке солидного архива А.П.Хохрякова. И копила деньги для издания книги.

xxx

Через месяц после смерти Андрея неожиданно позвонила моя племянница Ира Твалчрелидзе. Выражала соболезнование. Сообщила, что она планирует быть в Москве, попросилась в гости. После смерти Андрея я была в расстроенных чувствах и неосторожно согласилась. Ира появилась у нас в Москве в сентябре, под вечер. По-прежнему пышная, но уже сильно перезревшая красавица, она держала себя так, как будто никаких ссор между нами не было. По принятому в Грузии обычаю, принесла испеченный ею хачапури, не очень вкусный. Говорила о том, что мать ее больна, что она ее очень любит. О Саше не упоминала. Напомнила нам о том, что Авто не ухаживает за садом. Все время разговор сводился к саду. На меня она почти не обращала внимания, в основном разговаривала с Олей, моей дочкой. Сочиняла рассказы о погибших деревьях, которые сопоставляла с умершими сестрами. Все это было несвязно и очень напоминало рассказы моей тетушки.

После Ириного визита я раскинула мозгами. Теперь Тамара и Саша могут сказать Авто о том, что мы помирились. Нет, спасибо. Больше встречаться с Ирой я не захотела. Оказалось, действительно, Твалчрелидзе шантажировали Авто.

xxx

Шло время. Зеленый мыс отдалился. Почти все, происшедшее там, стало для меня историей. Жизнь пошла в другом русле.

Германия. Галле. Я в ботаническом саду.

Германия. Галле. Рождественский базар.

Но порой все еще казалось, что я вот-вот приеду туда, увижу родной дом.

В октябре 1999 года, спустя два с половиной года с последнего посещения Зеленого мыса, я оказалась в Сочи в командировке. Смогла поехать в свой дом. Нужно было продлевать доверенность на аренду земли, дома. Прибыла на катере «Михаил Светлов». Стоял штиль, светило солнце, голубело море. Во второй половине следующего дня я увидела очертания знакомого берега: Цихис дзири, скалу Зеленого мыса, Мтиралу, батумскую

бухту, склоны гор, усеянные белыми точками домов. Причалили. Я вышла на знакомый пустынный морской вокзал, прошла к рынку мимо кофейни, где сидели за чашечками кофе завсегда. Около группы микроавтобусов было полно менял. Меняли русские деньги на доллары и лари – грузинские деньги. Один лари равен одному доллару.

Микроавтобусы бойко поднимаются в горы. Только плати! Рынок, как всегда, завален овощами. Продают и то, что доставляется из Турции: в основном крупы, макароны. Из России, из Сочи частники привозят на катере масло, колбасу – очень дорогие. Большинству не по карману.

Молодежь уже не очень хорошо знает по-русски.

Я поменяла доллары на лары. Подняла голову и увидела такой же, как в Турции, новый минарет. Мне объяснили: владетельный князь Абашидзе, президент Аджарии, получил от турецкого правительства подарок. В знак своей принадлежности к магометанской вере.

Ждем. Когда микроавтобус наполнится пассажирами, поедет. Молодые парни стоят рядом, провожают взглядом проходящую девушку, говорят между собой на ломаном русском:

–Почти такая же красивая, как при «коммунизме». Это означает, что она похожа на курортницу, которых было много при советской власти. Все чаще период Советской власти называют коммунизмом и вспоминают о нем с тоской, сожалением.

Маневренный микроавтобус помчал меня знакомой дорогой вдоль бухты, мимо БНЗ, Махинджаури, Хоздвора, взмыл на Чаквинский перевал. Неужели я снова увижу свой дом? На противоположном склоне показалась большой квадрат дома Олега, рядом краснеет черепица нашего дома, потом за поворотом – огромный корпус чайтехникума. Все такое родное! За перевалом я добралась до маленьких домиков окраины ботанического сада, до деревянного дома Авто.

Среди новостей есть и печальные: умерла моя соседка Манана Деметридзе. Сильно болела диабетом. Вслед за ней вскоре ушел ее добрый брат Зурикела. Им не было и сорока. Вспоминаю, как Зурикела неожиданно принес мне пустую канистру для бензина, необходимую в турецком путешествии. Вспоминаю и вечерние посиделки моей тетки с Мананой, которые я называла «Манана-клуб». Нет уже в живых и моей тети.

Умерла Галина Алексеевна Морозова

Маша Овчинникова рассказывает: зимой умерла Галина Алексеевна Морозова. С ней у меня связано много воспоминаний. Помню ее старый одноэтажный дом с серыми колоннами в центре Батуми. Крыша там постоянно протекала. Дом разрушался. И Галина Алексеевна, в конце концов, после многолетних хлопот, получила хорошую однокомнатную квартиру на окраине города. Но там она не жила. Ей было удобнее жить с сестрой в центре Батуми. Шли переговоры о том, чтобы съехаться. Сын ее сестры, военный, вышел на пенсию. Получил квартиру в Степановке. Его взрослые дети тоже военные, служили в Сибири. Галина Алексеевна часто рассказывала об их жизни, успехах. В начале девяностых, когда в Батуми стало голодно, усилились националистические настроения, племянник решил уехать в Хабаровск. Быстро продал квартиру. Старушек с собой не взял и перестал писать. То есть бросил. Несколько лет уже после моего отъезда Галина Алексеевна продолжала добираться на работу то на поезде, то пешком. Во время дождя обматывалась полиэтиленовой пленкой. Пешком поднималась на холмы ботанического сада. Никак не хотела оставлять работу. Сначала умерла сестра, а в суровую зиму в середине девяностых умерла и Галина Алексеевна. Квартиру ее захватил сосед-аджарец. Где похоронил – Маша не знает. Был очень сильный снег, и она редко ездила в Батуми. Маша весной ходит на могилы знакомых, чистит, поминает. Ходит она и на могилу моей мамы.

Большой вопрос к Вану Рафаиловичу Мамунидзе, – почему он, директор ботанического сада, не поинтересовался местом погребения одной

из самых преданных ботаническому саду сотрудниц? А что же общественность ботанического сада? Ведь Морозова работала в ботаническом саду с 1927 года! Ученица Гинкула. Пополняла коллекцию восточноазиатскими редкостями. Мир ее праху...

«Ханума»

В ботаническом саду только и разговоров, что о «Хануме». Оказывается, это моя несостоявшаяся лаборантка Этери Ачумадзе. Помню, она продала дерево каштана из питомника ботанического сада своему брату. Теперь она в полную силу реализует свои способности. Она – приближенная Вану. Об этом говорят обыденно, как будто Этери занимает должность на работе. Ранее так говорили о Хедие. И я первым делом спрашиваю, продолжает ли работать Хедие? Да, работает. Действительно, ботанический сад – это учреждение и в то же время клан, что-то семейное. Видимо, с усилением аджарско-магометанских обычаев, «Ханума» и Хедие вполне вписываются в этот коллектив. «Ханума» – это главная жена. Вспоминаю свою тетку, которая во время своего сожительства с Джафаром называла себя «дедопали», то есть первая жена. Почему Этери называют Ханума? Возможно, это одно и то же. Полюбопытствовала – как к этому официальному званию любовницы относится супруга Вану, очень симпатичная Нанули? У них с Вану уже взрослые дети. Говорят, что Нанули прекрасно принимает у себя дома Хануму, считает ее залогом благополучия и обогащения семьи. «Ханума» делится с Вану. В коммерческих делах она играет первую скрипку. Кто бы мог подумать!

xxx

Но не это самое главное. Способность к продаже, а отнюдь не к созиданию, типична для многих в этом краю. У Этери она проявляется в самой яркой форме: как только увидит новое растение, красивое или особенное, с правом хозяйки его забирает и продает. Полушепотом мне рассказывают о полностью распроданной коллекции оранжереи. Мои

бывшие сотрудницы, выращивая что-то новое, прячут горшки, скрывают от Этери. Проданы редкости, которые были в единственном экземпляре.

«Хануму» боятся, прячутся. Она хозяйка в саду.

xxx

Прогулка по ботаническому саду доставила мне большое удовольствие. Крупные деревья – по-прежнему главное достояние сада, придающее ему неповторимое лицо. Я не нашла больших изменений. Все, казалось, застыло. Как и раньше, в большом доме текла своя размеренная жизнь. Крыша над лестницей стала совсем дырявой, большие просветы увеличились. В семенной лаборатории в противнях пестрели собранные Машей и Неличкой семена. Меня встретили душевно, расспрашивали и, по традиции, сразу же напоили кофе из маленьких чашечек.

Я бродила по крутым, заросшим дорожкам. Аллея лавсоновых кипарисовиков по дороге к могиле Краснова еще сильнее разрослась. Подобные огромным бивням ветви почти сомкнулись. Проходя к могиле, приходится некоторые ветви раздвигать. Сад без тщательного ухода и выгаптывания туристами отдохнул и превратился в полудикий, что выглядело особенно привлекательно в осенние яркие дни.

При встрече со мной сотрудницы сада целовались, улыбались и расспрашивали. Выражали соболезнование. Все хорошо знали Андрея. Я чувствовала себя как в родном, но уже далеком доме.

xxx

Ботанический сад, как и вся Аджария, переживал финансовые трудности. На центральной дороге во многих местах пробоины залатаны цементом. Бросается в глаза и то, что сотрудники в большинстве одеты в старое, не могут починить зубы.

xxx

Вано встретил меня радушно. Не утратил своей природной жизнерадостности, но жаловался на финансовые трудности. Рукопись книги о сезонном развитии флоры Колхиды, результат моих многолетних

наблюдений, была к этому времени готова. Денег у меня не было, и я надеялась заинтересовать Ваню соавторством для издания этой рукописи. Бесплезные усилия! Он не проявил интереса.

xxx

В отличие от ботанического сада, в чайном техникуме – большие перемены. Он уже не «институт», а «университет». Вокруг здания разбили дорожки, поставили светильники в виде грибочков. Рядом со скамейками – красивые плевательницы, тоже похожие на грибки. Спускаясь вниз от чайного техникума к нашему дому, я, как в былые времена, зашла к Нане и Тамазигу Чиракадзе. Дача Моат еще сильнее обветшала, почти разрушилась. На старой веранде, как и в прошлые годы, сушились лобии и кукуруза. В свинарнике хрюкали поросята, бегали куры, а Тамазик выпасал несколько мелких коровенок на даче Карелиных. Нана еще сильнее состарилась, как-то засушилась, но выглядела бодро. Седые волосы, благородные черты лица и полное отсутствие каких-либо эмоций. Все застывшее. Мы искренне обрадовались друг другу. Тамазик, в отличие от мамы, несколько раздался. Он широко улыбается и с восторгом рассказывает, что Резо Беридзе теперь ректор, навел порядок в чайном университете. Тамазик преподает в университете русский язык, как его дедушка. Это подчеркивается. Он соблюдает традиции в память об Александре Рожденовиче, его деде.

Советует пойти к новому ректору, поговорить по поводу публикации книги о Колхиде. Ректор богатый: живет в доме с колоннами на противоположном холме от «университета».

Авто вызвался представить меня ректору. Мы вошли в большой светлый и нарядный кабинет. Длинный стол крыт красным сукном. Резо, крупный, с румяными щечками, круглой головой, на которой выделяются под крупным носом пышные черные усы. Он так и брызжет здоровьем. Как оказалось, прекрасно помнит меня. Глядя на него, я вспомнила, как когда-то давно жарким вечером видела его на зеленомысском пляже в качестве массажиста курортницы. Теперь он – важный ректор. В публикации,

конечно, не отказал. Но, сразу же завел разговор о том, как ему было трудно издать свою книгу. Продемонстрировал мне ее. Рассказал, как приятна ему моя племянница Ира. Она, была чуть ли не заведующей кафедрой, но теперь не работает. Он так захотел.

По старым тропинкам

Я спустилась вниз по дорожкам от главного корпуса к общежитию.

Оно казалось почти руинами. Потом я погрузилась в тень сомкнувшихся магнолий, спустилась по выщербленным, но еще стойким лестницам. Свернула на кладбище.

xxx

Карелинское кладбище разрослось. Теперь это не только русское кладбище. Мамину могилу брат посещает редко. Надпись на могильном камне стерлась. Нужно обновить. Камелия, криптомерия, которую мы с Андреем посадили, срублены. Рядом пасется корова Джиджавадзе. Но, как и раньше, над могилами возвышаются сосны, куннингамии. Темные кроны магнолий на склоне так густы, что там всегда полутьма.

Ниже маминой могилы на небольшой площадке теперь покоится и моя тетя Мария Генриховна Зельгейм, Майя. На надгробном памятнике ее портрет в медицинском колпаке. Полное портретное сходство, но это злое лицо не отражает теткиной сущности. Она бывала и веселой, задорной. Очень разной.

xxx

Мне рассказали, что Твалчрелидзе хотели прийти попрощаться с тетей Майей, обойти вокруг гроба моей тетки, выразить соболезнование. Но Олег этому воспротивился. Гордыня! Хорошо представляю себе эту картину.

Могилы, могилы... Почти все знакомые мне люди. Авдишвили отгородили себе место недалеко от маминой могилы. Тут лежат Сулейман и Шура, дорогая моему сердцу Венера. Недалеко Катя Звягина, Галина Милентьевна, Зоя Ильинична Жубер.

Но самая большая, самая помпезная новая могила – дочери Светланы, заведующей пекарней. Выше маминой могилы на земле совхоза, ранее неприкосновенной, устроена большая, около 50 квадратных метров, площадка. Она огорожена красивой невысокой оградой. Большая плита. Говорят, дочь Светланы умерла неожиданно, совсем молоденькой. За ограду коровы не войдут. Это место для всей семьи.

xxx

Авто не заботился о моем саде. Виноград поглотили лианы киви. Легли мощным покровом переплетения в три слоя, закрыв площадку. Киви накрыли и мандарины, которые под ними захирели. Хурма растет по краям, еще не скрыта и дает большой урожай. Авто живет высоко на горе. Вниз с горы где его дом, к моему дому, спускается только тогда, когда нужно собрать плоды. Времени на уход у него не хватает. Я об этом давно ему говорю, но робко, деликатно. Не могу требовать. Уйдет он – и все погибнет.

Бук разросся. Огромная крона захватила пол-площадки, и сейчас слегка стали ржаветь осенним нарядом его плотные листья. Корявый ствол толстый, старый, кряжистый. Это заколдованное царство, где побеждают растения. В моих комнатах темно, книги совсем отсырели.

xxx

Трезор, небольшая полуовчарка, меня узнала! Это меня очень растрогало. Она все годы подкармливалась в доме отдыха четвертого управления. Там останавливаются транзитом челноки. В прошлые годы, когда мы приезжали, Трезор сразу же приходил к нам и жил те короткие дни, что я бывала на Зеленом мысу. Пришел и теперь.

xxx

На половине моего брата беседка обвита виноградом. Посаженные мамой красивые кипарисовики срублены. Саша, который чинит телевизоры председателю колхоза, с его подачи присвоил мою часть с чайными кустами. Когда-то там пас корову Гурам. Как это было давно! Но как свежи воспоминания! И «Матильда» с ее вкусными ягодами, и груша «Зеленое

масло», которую я с таким трудом посадила на этой территории, теперь принадлежат Гвалчрелидзе. Но в чайные заросли они не спускаются. Все опутано ежевикой. Наверное, зимой там, как бывало в моей юности, лают шакалы.

У Саши и Тамары нет крестьянской жилки. Не любят они землю. Они люди, которые родились в городе. Но толк в дарах земли они хорошо знают. Когда я возвращалась с кладбища вместе с Машей Овчинниковой и Авто, у порога нашего дома стояла Ира, за ней Тамара и Саша. Привычная картина. Вид у брата был побитый. Ира спросила – надолго ли я приехала. Можно ли встретиться? Я не возражала. Но на этом контакты закончились.

Сашина красная машина раньше стояла за домом на площадке – там, где когда-то рос пышный платан. Я обратила внимание, что машины нет. Авто рассказал: зимой воры забирались в машину и втихаря вынули все ее содержимое. Когда Саша хватился – она оказалась неспособной к передвижению. По этому случаю я написала рассказ.

Коварная энтомофтора

Брата своего Сашу Гвалчрелидзе, Сашика – в детстве, Александра Александровича – уже в старости, я любила. А он меня – нет. Но это все уже в прошедшем времени. Любовь давно прошла.

Мой брат красивый, видный мужчина. Когда была жива мама, в советские времена, он с величайшим трудом, с помощью мамы, купил легковую машину «москвич». На нем из Тбилиси заезжал к маме на Зеленый мыс. Красная машина сверкала. Сашка, человек сверхаккуратный, мыл ее долго, с наслаждением, с любовью. Мама выучила номер его машины и была очень довольна, когда он приезжал. Очень его любила, радовалась его радостью. А еще – он теперь мог ее повезти в Пичвнари за Чолоком. Пичви – по-грузински означает сосна. Между Чолоком и Поты, совсем близко от берега моря, в сосняках можно было набрать маслят. А мама обожала грибы, готовила соус бешамель – пальчики оближешь.

Я редко видела мужчину, который так бы любил свою машину, как Саша. А ведь большинство мужчин обожают свою машину, лелеют. По всей видимости, это зов предков. Когда-то они так ухаживали не за машиной, а за конем.

Но при чем тут коварная энтомофтора какая-то? С того времени, когда блестела красная машина, а мама собирала грибы, утекло много-много воды... Не стало мамы. Сашка состарился и был уже не таким красивым. Развалился Советский Союз. Сашка выгнал меня из дома, а сам, словно лисичка, влез в избушку лубяную, то есть в наш старенький дом. Он грузин, а я русскоязычная. В тех местах, то есть в Аджарии, на Зеленом мысу, это имеет первостепенное значение. Я покинула Родину и на Зеленый мыс приезжала очень редко, на мамину могилу. Сашкина машина, такая же красная, стояла за домом. Гаража не было. Выше на холме раскинулся диковатый мандариновый сад. А далее был только дом Джиджавадзе, ближайших соседей. Ничто, казалось, не угрожало машине. В начале нового века в Грузии с бензином стало очень плохо, поэтому машина Сашки в основном стояла на приколе. Ждала лучших времен, которые, увы, не наступили.

В Москве, в университете я читала курс систематики растений. Мне нравились грибы. Это отдельное великое царство живых организмов. Часто они становятся, паразитами, нахлебниками и очень даже агрессивными хищниками. Такие маленькие и такие хитрые. Особенно меня поражал своей хитростью один гриб – энтомофтора.

Маленькая саранча, тоже хищник, летала, летала и присела на веточку злака. А на этом злаке жил почти невидимый гриб. Эта самая энтомофтора, которая по утрам, когда роса, разбрасывала свои почти невидимые споры. А самоуверенная саранча ни о чем таком плохом в красивое осеннее утро не думала. Может быть, потому что считается, что саранча вообще не умеет думать. Энтомофтора очень незаметно и безболезненно, но ловко плюнула очередной раз и попала своей спорой в щель между крепкими, как доспехи

рыцаря, крыльями. В самую саранчовую мякоть. Внутри та спора проросла, съела потихоньку саранчу и заполнила собой всю середину вплоть до прочной оболочки. Удобная защита от зимнего холода. Умершая саранча, наполненная гифами гриба, выглядела точно живая: как будто присела на траву. Выдавало хитрость энтомофторы только то, что поза саранчи была немного неестественной: ножки задние отброшены в стороны. Недаром говорят о более крупных живых существах – «отбросил копыта»....

Остроумное приспособление к перезимовке коварной энтомофторы вспомнилось мне, когда я снова посетила родной Зеленый мыс. В нашем старом домике по-прежнему жил стареющий Сашка. С его лица не сходило скорбное выражение. Я подумала – скучает по вольной жизни, когда вечерами он в доме отдыха на бис танцевал кинтаури и был так изящен, строен и гибок, что мог поднять зубами брошенный на пол платок в конце танца. Давно уже не танцевали в тех краях ни лезгинки, ни кинтаури, ни гардаган, когда мужчины с боевым кличем становятся друг другу на плечи.

Скорбь Саши, видимо, усилилась с тех пор, как он весенними днями решил прокатить стоявшую на приколе машину. Но машина внутри оказалась пустой, хотя снаружи гляделась как новенькая. Воришки вытащили ее содержимое. Стальной конь моего брата, подобно саранче, съеденной энтомофторой, «отбросил копыта». Новую машину купить Сашка уже не сумел. В моей памяти он остался сидящим на шушабанде, скорбно созерцающим останки железного коня.

И вот что странно: несмотря на обиды, казалось бы, навсегда разлучившие меня с единоутробным братом, вдалеке от Зеленого мыса я нет-нет вспоминаю его. Грустного, сидящим на шушабанде. И жалость пронзает меня. Он всегда любил, чтобы его жалели.

xxx

В моем доме темно. Заросли киви заслонили окно. Сильная сырость. Поэтому я живу у Авто. Вечерами, когда на два часа включают свет, Авто смотрит телевизор. Показывают сериалы и грузинский парламент.

Темпераментно выступают женщины. Авто мне рассказывает о новых лидерах. Они в оппозиции с Абашидзе. Аслан продолжает царствовать в Аджарии. На заседания парламента в Тбилиси не ездит. Шеварднадзе – у власти, но он ему не указ. Шеварднадзе сильно поседел. Его называют «тетри мела» – белая лисица, намекая на его дипломатический ум. Авто рассказывает о том, что Абашидзе за пределами Аджарии построил поликлинику в грузинской глубинке. Занимается популизмом. В то же время его маленькая Аджария бедствует. Из Турции некоторое время поступало электричество. Потом эта подачка кончилась. Теперь Абашидзе обеспечивает светом только несколько улиц вокруг своего дома, в районе набережной. Место надежно охраняется. Инна Васильевна с Колей, живущие по соседству с Абашидзе, обеспечены светом и могут смотреть телевизор, согреваться и варить кофе.

Старые постройки на берегу у морского вокзала, недалеко от квартиры Абашидзе, снесли. Говорят, для безопасности. Абашидзе боится оппозиции.

xxx

Киви так густо закрыла площадку, что дома Олега не стало видно. Я сижу в беседке, разбираю отсыревшие бумаги, читаю. Откладываю то, что может пригодиться. Натыкаюсь на копии теткиных жалоб. Как все давно это было... Сколько сил ушло! Вдруг передо мной появляется Ромочка, сын Олега. Он живет у отца. Кончил в Батуми юридический институт. Темненький, стройный, с толстыми губами, он совсем не похож на отца. О чем мне с ним говорить? Мы уже очень далеки. Только давние приятные воспоминания о мальчике, который на междудорожье лазал на деревья, мня себя Робинзоном.

xxx

Я иду из дома вниз привычной дорогой. По ней я ходила с детства. Дом Олега завилы лианы. Бетонная стена заросла красивым диким виноградом. Рядом банан размахивает листьями, словно огромными крыльями. Двора у

дома Олега нет, но у входа в дом под дубом мирзинолистным привычно выстроился ряд машин. Иномарки. Олег принимает больных.

xxx

Слава Олега, как говорят, поколебалась. Кого-то он не вылечил, дал не то лекарство, и больному стало хуже. Но я думаю, это злые, завистливые языки. Видно по всему: Олег богат и река пациентов не иссякла. Он торгует и дефицитными лекарствами, которые ему достают нужные люди. Так говорят.

xxx

У дома Авдишвили теперь вместо Сулеймана сидит Сережа. Он не работает, ухаживает за малышкой, которой уже три года. Нана, его жена, торгует на базаре. В доме порядок. Она заработала на маленькую будочку, в которой торгует мелочевкой, пышным хлебом за лари. По вечерам эти маленькие будочки у остановок, рядом с базаром, освещаются свечами. Торговля продолжается и в темноте.

В доме Щепетовых Нектара с Этери уже нет. Аслан закрыл дом. Стройки не предвидится. Тихо и пустынно.

xxx

Иду мимо дома отдыха «Магнолия». О том, что это был дом отдыха, уже ничто не говорит. Осталось только название, и то среди соседей. Из окон старого двухэтажного дома, построенного Ляо джин Джао, торчат трубы печурок. Тут продолжают жить абхазские беженцы. Вокруг все запущено. Валяются банки, бутылки. Никто не ухаживает за территорией и она заросла сорняками. Закрыта столовая. Спускаюсь вниз. Аллея из маслины душистой не тронута. Темные кроны сомкнулись. Мелкие цветки распространяют сладковатый аромат. Покосившиеся скамеечки выстроились вдоль дороги. У многих остались только остовы. Но одна вполне целая. На ней сидит мой брат. На коленях у него открытый кейс. Перебирает бумажки. Я здороваюсь, но ответа не слышу. Спускаюсь вниз по крутой лестнице. Она тоже полуразрушена. Справа на бывшей территории махинджаурского совхоза, там, где были мандариновые деревья, над пекарней строится большой

роскошный дом с вычурной крышей, с претензиями на архитектуру. Это дом Светланы. Пекарня ее по-прежнему пышет огнем, создавая богатство. Непрочная Лажварди исчезла. Напротив во всю мощь работает лесопилка Квирикадзе. Он, как и Светлана, отхватил вокруг своего дома большие куски совхозного сада.

Настроение падает. Я выхожу на крутой вираж шоссе и голосую очередному автолайну. Еду в Батуми. Там, у рынка я наблюдаю комическую картину. Мобильные, довольно крупные, телефоны с маленьким штырьком едва помещаются в руке. Их мало. Это престижно. Шумные гортанные голоса у рынка обычны. Но появилась новинка: молодые люди с мобильным телефонами у уха. Они громко кричат – вполне возможно, своему другу, находящемуся совсем недалеко. Это нужно видеть! С какой важностью петухов держатся! Слово «кикелка» в быту. Удивляюсь: почему нет слова «кикел»?

В городе тишина. На набережной у мечети по прежнему старики играют в нарды и пьют кофе. В центре города золотая молодежь, одетая с иголки во все иностранное, кучками стоит в центре, в безделье и неге.

В гостях у Наргиз и Казима

Я в гостях у Наргиз и Казима Болквадзе. Их дом ниже здания «университети». Я очень люблю этот красивый и уютный дом, его хозяев. Это аджарская интеллигенция. Наргиз раньше работала медсестрой в ботаническом саду. Черноволосая изящная красавица с тонкими чертами лица. Казим носит черты семейства Кариоглы, какие-то неуловимые черты, которые нельзя сразу охарактеризовать, но всегда можно сказать, что они из этого рода. В детстве я помню старую мать Казима, его брата Назима еще школьником. Казим среднего роста, уже полнеющий. Дом Наргиз и Казима – образец вкуса и уюта. На первом этаже в большой гостиной много национальной деревянной утвари, сделанной руками Казима, а также вышивок Наргиз. Все сияет чистотой. Пока гостеприимные хозяева накрывают на стол, я поднимаюсь на второй этаж, выхожу на балкон и вижу

панораму гор, ущелье и вдали вид, которым может гордиться почти каждый дом на горе. Я и раньше, при жизни Андрея, любила приходить сюда, любоваться клумбами, слушать рассказы Казима о прошлом. Теперь времена трудные. Сын Гия работает в ботаническом саду, занимается розами, дочка Гиули работает в «университети». Но в ботаническом саду, и в университети зарплаты минимальные, символические. Поэтому инициативная Наргиз оставила медпункт и в этом же помещении открыла маленький магазин. Долю берет Ваню, он дал добро. Наргиз надеется поправить дела семьи. Есть корова. Она в основном и спасает.

Внизу на горе небольшой фрагмент леса сохранился с начала века. Это гордость Казима. Маленький заповедник. Там шумят кронами буки и каштаны. У них дома живет сильно состарившийся отец Наргиз. Он еще крепкий, но с памятью у него плохо. Он часто бродит по окрестностям, волнуя семью. Его фамилия Иремадзе, то есть олень. Когда он приходит домой, об этом говорят с уважением и сочувствием. Я вспоминаю с Наргиз, как мы у него гостили в Горджоми, в горах.

xxx

В ботаническом саду в отделе интродукции работает родственница Ваню. Красивая современная девушка Русико. Получила образование в России, окончила в Архангельске лесной институт. У нее богатые братья. Держит она себя независимо. Хорошо воспитана. Я предлагаю Русико, то есть Русудан, перевести мою рукопись о сезонах Колхиды на грузинский язык и таким образом стать моим соавтором. Понимаю, что такая книга в прошлое (советское) время пользовалась бы большим спросом, а сегодня может заинтересовать только тех, кто живет в Батуми и приезжих. Русико соглашается.

Она живет в Батуми по соседству с Ваню, недалеко от приморского парка в пятиэтажном доме. Двор, таким как я его помню, сильно урезанный пристройками больших лоджий, еще более сократился. Но самое странное и неприятное впечатление производят лестницы. Темные, неосвещенные,

неопрятные. По их маршам в полной темноте (хотя и середина дня), взбираюсь наверх, с трудом нахожу нужную дверь. Приятно удивлена: квартира обставлена современной мебелью, тепло, в углу горит газовая горелка в виде маленькой батареи. Теперь такие индивидуальные маленькие горелки распространены по всей Грузии. Угощение тоже не традиционное, но модное в последнее время в Батуми. Это турецкие макароны в виде винтов. Они теперь широко распространены и в России. Новые времена!

Контакты с Русудан вскоре заглохли. Она вышла замуж и уехала в Архангельск.

xxx

На подъеме к перевалу я подняла голову посмотреть на дом Аллочки и Бори, где мне бывало так хорошо! Теперь там новые хозяева. К красивой веранде пристроили серый некрасивый фасад из брикетов, испортив всю прелесть дома. Я сказала об этом Авто.

Сидевший рядом пассажир разволновался. Он с Борей Лисицким работал на судостроительном заводе. Горячо вспоминал, просил передать привет. Я обещала написать. Ничего я не успела рассказать ему о Боре и Аллочке. Нужно было выходить из автолайна.

Мои друзья жили в Астрахани. Алла не ходила. Сломан тазобедренный сустав, и она передвигается в кресле. Но самое печальное случилось в мае 1998 года, год назад. Сын Аллочки, известный врач, который занимался «голубой кровью», собирался защищать докторскую диссертацию. Все было готово. Он вечерами работал в лаборатории. Его первая мстительная жена подговорила сына студента и его друга, они проникли в институт и убили его. Но я об этой страшной новости не рассказала.

Машина набрала высоту и стала спускаться с перевала. Вдалеке я увидела цепь Кавказских гор, у основания которых чернела полоса выхлопных газов. Такая ясность бывает перед непогодой. И она разразилась. В октябре ясная тихая погода сменяется холодными бурями с ливнями. Это самый дождливый месяц.

xxx

Авто везет меня посмотреть махинджаурскую достопримечательность – немецкое кладбище. После войны в совхозе работали немецкие пленные. Некоторые здесь умерли. В настоящее время связи между Германией и Грузией усиливаются. Приезжают родственники и тщательно, с немецкой аккуратностью, ухаживают за могилами. Поставили памятники. Недалеко от этого кладбища находится дом сотрудников совхоза. Выглядит он в отличие от могил ушедших в иной мир немцев, очень неаккуратно. Некоторые лоджии застеклены, другие нет. Двор грязный, неубранный. Бегают, горланят такие же неухоженные ребятишки. Обидно!

xxx

В колхозе – старые порядки. Но идут разговоры о приватизации земли. Самые различные слухи. Я прошу Авто быть бдительным на этот счет. Когда мы с ним вместе приходим в Сакребуло, в колхоз, – все без исключения думают, что я хочу оформить на Авто дарение, а это скрытая форма продажи. Начинают придираются. Но я не хочу продавать родную землю. Это для меня символ Родины. Не могу. Это место для меня бесценно!

xxx

У меня грузинский паспорт. В Махинджаурской милиции по-прежнему начальник Авто Пахуридзе. Такой же приятный, он сильно располнел. Улыбается. Меня фотографируют тут же. Плачу деньги и получаю карточку. Это новый паспорт. Авто Пахуридзе продолжает жить на даче Ратишвили. Купить землю у Наташи Васильевой ему не удалось. Но и Наташе земля не досталась. Договорилась о продаже с сыном Абдульчика. Они семьями дружили всю жизнь. Сын Абдульчика, хотя и договорился, денег Наташе не дал, обманул. Об этом мне рассказывает Пахуридзе.

Обман, обман... Как это типично! Прошли годы. И Авто Беридзе меня обманул. Присвоил мой сад.

Но это будет потом, а сейчас мы с ним идем на кладбище с мастером, чтобы восстановить на могильном камне моей мамы надпись. Льет дождь.

Вымокли. Тянем длинный шнур к кладбищу. Будут гравировать надпись по определенной технологии. Но льет дождь и эту работу выполнить невозможно. Поэтому возвращаемся. Авто обещает ее сделать после моего отъезда. Я даю ему деньги. Мне нужно улететь.

xxx

Куплен билет на небольшой самолет красноярских авиалиний, который летает до Сочи. Абашидзе дружит с генералом Лебедем, губернатором Красноярска. В центре Батуми – офис. Там длинноногие модные красавицы-ломаки еле cedят слова. Сидим мокрые, вода стекает на пол. Ждем погоды вторые сутки. Ливень. Идем к моей школьной подруге Нелли Варрава. Она живет рядом с вокзалом в старом каменном доме. У нее однокомнатная квартира, забитая мебелью и хрусталем. Это нажито тогда, когда она была главным бухгалтером всей батумской теплосети. Теперь о теплосети речи нет. И сети просто нет. Нелли пришлось в голодное время туго. Она даже торговала хлебом на вокзале. Ее мать Людмила Викторовна – наша учительница биологии. Нелли успела продать ее квартиру и отправить контейнер под Смоленск, где живет ее дочь. Что ее держит в Батуми? У нее сожитель, пожилой грузин. В теплосети, где она работала бухгалтером, он был ее начальником. Теперь они объединились. Открыли душевую.

Мы с Авто, замерзшие, мокрые, входим в противоположный от ее дома двор, проходим под аркой и оказываемся в странном помещении. Там горит, пышет, гремит что-то большое, вроде форсунки. Рядом маленькая кабина душа. Нелли сидит рядом. Берет за помывку и одновременно постирку в горячей воде один лари. Греемся. Но обсохнуть не можем. Так сильно вымокли – хоть выжимай.

Нелли рассказывает: она подзаработала, расширяет в своей квартире лоджию. Будет что-то вроде второй комнаты. В Батуми такое расширение очень распространено. Вспоминаем с ней, как она ездила в Смоленск к матери и на обратном пути застряла в Москве. Не было денег. Приезжала к нам на дачу.

xxx

Пять лет спустя Нелли снова оказалась в Москве с внучкой, которая живет с ней в Батуми. Красивая белокурая девушка работает в Батуми в парикмахерской. Устроиться было очень трудно, но удалось с помощью старых связей. Есть жених-армянин. Девушка покорила меня воспитанностью и уважением к старшим. Теперь бабушка живет за счет заработков внучки. В Батуми трудно. Сколько трудностей она перенесла! Возможно, держит квартира? Нажитые вещи, мебель? А может быть, привычка. Это ведь ее Родина. Я встречала таких людей. Типичный случай. Например, Маша Овчинникова. Живет в своих двух комнатах, так трудно полученных. Куплен на трудно заработанные деньги черно-белый телевизор.

Да разве и я не похожа на них? Держалась прочно, цепко за мою площадку. Почти не оторвать. Но оторвалась. Улетела.

xxx

Нелли вместе с внучкой и зятем- армянином покинула Батуми в 2011 году. Живет под Смоленском и пестует новорожденного правнука Багратика

xxx

Длинные модные девицы-кикелки называют меня госпожой. Кривляются. Щебечут. Наконец сажают в автобус. Едем в аэропорт. Как он изменился! Прохожу строгую проверку документов в затхлом помещении. Из новинок – пристроен длинный коридор, откуда я выхожу на летное поле и долго иду к единственному на взлетном поле самолетику. Взлетаем. Серые волны белой пеной разбиваются о серый берег. Черно-серые тучи нависают над берегом. Самолетик сильно трясет.

Волны кажутся совсем рядом, под брюхом самолета.

Октябрь 2004 года. Последний приезд

Прошло четыре года. Опять встал вопрос о продлении доверенности и приватизации земли. В Москве нужно оформлять визу. Грузия началась в Москве, на Остоженке, в грузинском представительстве. К этому времени

большая часть рабочего населения Грузии и Абхазии перекочевала в Россию, преимущественно в Москву и Петербург. В России образовались большие грузинские кланы, в основном занятые торговлей.

При первом же приближении к представительству Грузии в Москве бросалась в глаза обшарпанность этого присутственного помещения. Рядом бьется пульс большой и нарядной московской улицы. А тут – полное впечатление, что ты попал на остров. Впечатление усилилось и при дальнейшем знакомстве. Визы выдают в пять вечера. Люди собираются заранее. По случаю дождя – под зонтами. Толпа жаждущих получить визы плотно набилась в узкий проход. По грузинской традиции женская очередь отдельно, мужская отдельно. Сзади напирают. У меня сломали зонт. Двери отворились и после мощной пробки в дверях мы наперегонки поднялись на второй этаж. Там в окошке высокомерный грузин-чиновник выдал мне визу.

В Сочи я поняла, что теперь попасть на знакомый катер «Михаил Светлов» не так-то просто. Половина билетов продается в кассе, а вторую половину распределяет начальство морвокзала. Едут в основном мингрелы, до Поти. Везут продукты. Долго сидят на вещах. Так же долго идет посадка, проверка документов. Уже в полной темноте пассажиров впускают на причал за высоким железным забором.

Обратила внимание на высокого, средних лет, модника с расслабленными манерами и таким же, как у чиновника, высокомерным выражением. Миловидная девица-грузинка стала яркой блондинкой. Шли ночь и еще полдня до Поти. Там очень долго выгружались. Попутчик рассказал, что едет в Тбилиси. В Поти выходить боится – ограбят. А поезд Батуми-Тбилиси охраняется. Так спокойнее.

Знакомая батумская бухта. Причаливаем. У морского вокзала никто не встречает. Долго стоим. Примерно через полчаса появляются пограничники. Проверяют документы. В здании морского вокзала снова проверки и поборы. Не менее пяти! Под конец берут деньги за охрану в городе, за МВД (министерство внутренних дел). Я, не зная порядков, послушно плачу, хотя

потом мне сказали, что можно было отказаться. Нет, нельзя! Все проверяющие с важным и напыщенным видом, при исполнении обязанностей. Процедура оставляет очень тягостное впечатление.

Наконец я в городе. Темнеет. Но так хочется почувствовать запах Родины! Купить вкусный лаваш. Такой, какой только здесь пекут. Виноград. Зелень! Но у рынка темно. Тускло светятся свечи. Таксист, понимая, что я из Москвы, быстро ориентируется и сдирает порядочную сумму – как выяснилось, в пять раз большую, чем принято. Ладно. Сколько раз, когда приезжала и ехала по шоссе к Махинджаури, я радовалась встрече с родным домом. Но теперь там никого нет. От Хоздора еду вверх к Чаквинскому перевалу, к Авто. По дороге вглядываюсь в противоположный холм, вижу красную крышу моего дома, рядом дом Олега.

xxx

И опять такое чувство, что все осталось прежним. Но когда присматриваешься, становятся явственны перемены. Вхожу в домик Авто. Натела по-прежнему ни слова по-русски не знает. Да ей это теперь ни к чему: большинство окружающих ее людей говорит только по-грузински. Кажется, что и Авто совершенно не изменился. Маленький, веселый, кряжистый. Но дети сильно подросли. Сын Бадри возмужал, кончает «университети». Девочки-погодки, Нона и Нана, выросли. Скромные красивые подростки. Как и Натела, по-русски не говорят.

Около дома растет большой куст абутилона с красными колокольчиками цветов. Вокруг него, несмотря на осень, густо вьются пчелы. Раньше это растение здесь не разводили. Теперь такой куст почти у каждого дома.

xxx

Прокладывается тоннель под Чаквинским перевалом. Он идет от Хоздора по ущелью между холмом, на котором стоит наш дом, и противоположным, где вьется главное шоссе.

Родными дорогами

Переночевав у Авто, на следующий день я пошла к себе домой, намереваясь жить в своих помещениях. Но, увидев в каком они состоянии, поняла, что не сумею наладить разрушенный быт. Решила остаться у Авто. Ведь я приехала всего на несколько дней.

xxx

Спускаюсь с горы. В «университети» Резо Беридзе, сидя в своем просторном кабинете, любуется через овраг своим большим домом с колоннами. Дом очень заметен. Кажется, что колонн прибавилось.

Спустя пять лет, при власти Саакашвили, Резо арестуют за взятки, чуть не лишат красивого дома. С трудом удастся ему выйти на свободу.

Спускаюсь ниже. У дачи Моат мне навстречу идет белый, как лунь, располневший, еще сильнее раздавшийся в плечах Тамазик Чиракадзе.

На его лице играет милая, добрая улыбка. Целуемся. Он теперь заведующий кафедрой русского языка и литературы в «университети». Пишет диссертацию. Но высокие должности не дают денег. Только почет. Поэтому он вместе с еще более состарившейся Наной продолжает разводить коров, свиней и кур в совсем ветхом крыле старинной дачи. Мне так дорого увидеть этот дом! Вспомнить, как я, почти ежедневно проходя мимо, заживала к Нане, которая всегда что-то консервировала, заготовливала и угощала.

xxx

По знакомой с раннего детства дороге спускаюсь на карелинскую дачу. Иду мимо общежития, по крутой скользкой тропинке, уверенная, что сейчас я попаду под сень темных магнолий, спущусь вниз по вымытым ливнями корням, словно по лестнице, к старой площадке цоколя беседки. Но ничего нет! Много света. Пусто! Неизвестная местность. Теперь здесь огород. Все магнолии срублены... Сначала не верится. К этому нужно привыкнуть. Ищу лестницу. С трудом ее нахожу. Спускаюсь вниз по сильно запущенному мандариновому саду. Вдалеке виднеется красная черепица нашего дома. Значит, я иду правильным путем. Но как бы на ощупь. А ведь такая

привычная, почти всю жизнь хоженная тропинка! Но вокруг все иначе. Там, где раньше на склоне раскинулся мандариновый сад и росли магнолия Суланжа, высокий подокарпус, каменный дуб с серой шаровидной кроной – теперь строительная площадка большого дома. То и дело подъезжают машины с кирпичами, брикетами. Говорят, строит богатый аджарец. Он моряк, работает коком. Дорожек, по которым я ходила с детства, теперь нет. Все, все иначе!

Входя в калитку, сразу же попадаю в густые дебри киви. Мой сад еще более зарос. Актинидия-киви еще сильнее закрыла всю площадку мощными плетями. Теперь киви растет при каждом доме, обильно плодоносит. Говорят, что из плодов научились гнать чачу и делать вино.

xxx

Мои комнаты, сад производят впечатление крайней запущенности. Книжки совсем отсырели. Но ворота под запором. Продираюсь сквозь заросли на конец площадки. Бук не срублен, стоит на старом месте. На краю площадки можно любоваться таким дорогим для меня видом на бухту, силуэтом города Батуми...

xxx

Иду вниз мимо дома Олега. Большая серая глыба стоит незыблемо. У дома роятся иномарки. Сережа Авдишвили сообщает, что Олег торгует дефицитными лекарствами. Учитывая то, что в городе, в центральной аптеке я купила маленькую бутылочку с йодом за два лари (два доллара) можно догадаться, что Олег далеко не бедствует.

xxx

Иду мимо бывшего дома отдыха «Магнолия», китайской дачи. И здесь все не узнать. Главное двухэтажное здание в плохом состоянии. За ним, там, где была столовая и клуб, теперь зияет обрыв. В глубине ущелья строится дорога в тоннель. На пути меня ожидают все новые потери. Исчезли вековые эвкалипты. В это тоже не хочется верить. Земля на большом пространстве

разворочена и в жиже грязи с ревом один за другим следуют самосвалы. Идет стройка. Большая стройка.

Зауток Квирикадзе-Светланы, где мы простаивали часами у пекарни за хлебом, тоже претерпел изменения. Там, где когда-то в большом пруду плавали белые лебеди Кривицких, владения Квирикадзе огорожены высоким каменным забором. Дом Светланы также огорожен. Но самой хозяйки нет. Она вслед за своей дочерью умерла и теперь покоится на карелинском кладбище, завершив свою короткую бурную деятельность и захват территории в сыром ущелье. Большой дом, на балконе неизвестные люди. Что еще меня ждет впереди? У Хоздвора в долине речки Вонючки дома почти все снесены. Нет дома Ферадзе и многих других. Знакомый дом Тарика, его матери Веры, сохранился. Он совсем рядом с будущей трассой. Обвит киви. Тарик и его сын Руслан рассказывают о бедности, трудностях.

xxx

На карелинском кладбище могил прибавилось, многие мне уже не знакомы. Брат за маминой могилой не ухаживает. Но черный камень стоит. Роща магнолий, создававшая полутьму и особенность этого тихого места, исчезла. За могилами – обрыв над будущей трассой тоннеля. Кладбище повисло над дорогой. Но сохранилось.

Между могил бродят коровы Джиджавадзе. Появляется знакомая фигура Гурама. Он совсем не изменился. Приглашает в гости. Темури и Мэри совсем седые, побелели, но сохранили бодрость, здоровый румянец и загар, свойственный старикам Аджарии. По дому снует Натела. Нино замуж не вышла.

По традиции варится кофе. Пьем его из маленьких чашечек. Старший внук Темури, копия отца, женился. Его тоненькая белокурая жена держит на руках правнука Темури. Разговор, как и везде, касается политики, будущих выборов, тяжелого положения, безработицы. Вспоминают былое счастливое время.

xxx

В доме Наргиз и Казима Болквадзе так же хорошо. Но в связи со строительством тоннеля исчез последний остаток буково-каштанового леса – маленький заповедник. Взрывы в будущем тоннеле сотрясают гору. В доме появились щели.

Умер отец Наргиз, – тот который три года назад убежал из дома. Наргиз болеет. Родились внуки. Я всегда люблю эту дружную семью.

Казим, опытный садовод, рассказывает, что одним частным лицом из Чаквы в Израиле закуплены саженцы павловнии. У павловнии ценная древесина. Она может быть использована для отделки яхт богатых людей. Создан питомник из саженцев павловнии. Местные люди, прослышавшие о ценности этого растения, норовят украсть саженцы. Их тщательно охраняют. Курьез заключается в том, что павловния в большом количестве растет в ботаническом саду и в старых парках с конца XIX века. Там она активно дичает. Поистине «нет пророка в своем отечестве»!

xxx

Стратегическая военная дорога с серпантинами еще функционирует, но доживает последние дни.

xxx

Авто рассказывает, сколько кому нужно заплатить, то есть дать взятку, за учебу сына в «университети».

Самостийная деревушка из четырех семей под Чаквинским перевалом продолжает жизнь в непрочных клетушках. У каждой семьи по корове, которую выпасают на склоне в запущенных посадках мандаринов ботанического сада. Авто с Нателой выгоняют свою коровенку далеко в овраг. Там, где селекционные посадки мандаринов, фейхоа и камелии масличной. Но они уже почти погибли.

xxx

В доме Авто изменения. В большой комнате – склад продуктов. Часть веранды отгорожена фанерной перегородкой. Это теперь комната подросших девочек. По утрам Авто возит их и детей поселочка в Махинджаури, в школу.

Интересно, думаю я.: в моем детстве все ходили пешком даже из жилого дома ботанического сада. Дальний путь. И никакого транспорта тогда не было.

xxx

Октябрь. Непрерывные ливни с грозами, особенно по ночам, сотрясают избушку. Сыро и холодно. Большая чугунная печь на высоких ножках стоит у входа. Днем топится непрерывно. Авто то и дело подносит дрова. Дверь постоянно открыта. Свищет ветер. О том, чтобы так согреть дом, речи нет. Меня не оставляет мысль о бесконечных охапках дров, которые должны питать прожорливую печку. Откуда они берутся? После очередного требования Нателы, Авто, промокнувший под дождем, подносит новые охапки поленьев, чтобы накормить печь. На веранде в углу телевизор. Без перерыва показывают волнения предвыборной кампании. Страсти в Грузии накалены. Авто мне показывает Нино Бурджанадзе. Объясняет. Она очень, очень активная. Вижу ее на трибуне. Пламенно выступает красивая изящная женщина. Потом Саакашвили. В Аджарии устали от диктата Абашидзе и от того, что он ведет себя как маленький царек. Это раздражает народ. Авто рассказывает: сын Аслана, мэр города Батуми – наркоман. О благоустройстве города, о народе не думает. Многие надеются на новый парламент в Грузии, что перемены им принесут новую, более сытую жизнь.

xxx

Напротив домика Авто жила Дарико, рабочая питомника ботанического сада. Помню, когда я там появлялась, Дарико и Назико сразу же обращались ко мне с просьбой погадать на кофейной гуще. Дарико заболела. Нужна была большая сумма на операцию, а денег не было. Умерла в больнице. Бесконечные дожди, а у вдовца дров нет. Его фанерная комнатка напротив дома Авто, совсем близко. Мерзнет, ежится под старым плащом. Авто несет и ему дрова.

xxx

Усложняет жизнь расположение туалета. Он далеко, на пригорке, рядом с коровником. Территория огорожена. Сначала нужно пересечь двор, затем подняться по скользкой дорожке. Преодолеть три спасительные ступеньки. Открыть калитку и проникнуть в маленький, из нескольких досок, туалетный домик. Там только две доски. Если учесть вечернюю темноту, ливень, то это большое испытание.

xxx

К Авто часто заезжают родственники из верхней Аджарии. Родственные отношения густо переплели эту маленькую страну. Отношения тесно поддерживаются. Приехала родственница. В дороге промокла до нитки. Посидела у печки, согрелась, – и дальше в путь. И так постоянно. Дом Авто недалеко от центральной дороги. Это удобно для визитов. Я и раньше обращала внимание на мрачный характер Нателы. Часто вижу ее недобрый подозрительный взгляд. За стол, по обычаю, не садится. Подаст – и сидит в стороне. Авто поделился. Однажды заметил, его родня перестала к нему приезжать. Только Нателины родственники навещают, особенно ее брат. Авто стал выяснять у своих сестер и брата, в чем дело? Оказалось, Натела с ними нелюбезна. Авто рассердился. Не знаю, восстановились ли визиты родственников Авто. Все семейные заботы лежат на нем.

Авто уже давно не работает в ботаническом саду, где был милиционером. Теперь, хотя он еще и молод, вышел на пенсию по состоянию здоровья. Его не оставляют мысли о том, чтобы как-то устроить себе безбедное будущее. Разными хитрыми ходами. Со мной он делится, рассказывает о своих попытках что-то выгадать. И часто получается, прогорает. Ушел из ботанического сада – стало сложно рубить бамбуки. Там свои мастера на это дело. Скоро большая роща бамбуков исчезнет: рубят его все подряд, без учета его роста, биологии, возможностей восстановления. Хотел Авто получить инвалидность – не получилось, хотя столько сил было на это положено, сколько взяток дадено! Его маленький Запорожец, рабочая

лошадка, уже сильно состарилась. На новую – нет денег. А мечта стать шофером на автолайне и хорошо зарабатывать остается мечтой.

xxx

Иногда хитроумные расчеты дают результат. Сегодня Авто имеет автолайн, зарабатывает, а мой участок присвоил себе.

День рождения Авто

В последние годы Авто дружит с Мерабом. Это бойкий аджарец средних лет, высокий, темноволосый, с живыми глазами. Он вместе с женой перебрался из Шуахеви на побережье и занял помещение на Зеленомысской турбазе. В помещениях турбазы живут мингрелы-беженцы и аджарцы-горцы. Длинная комната Мераба – часть бывшей кухни. Там живет его не совсем нормальная жена. Авто рассказал, как Мераб приглашал Олега, и тот ей прописал дорогие лекарства. Но не помогло. Мераб обиделся. Он работает милиционером и частый гость в доме Авто.

Готовится грандиозное событие: будет отмечаться день рождения Авто. К торжеству готовятся несколько дней. Натела посылает Авто на базар несколько раз. Печь постоянно раскалена. Натела готовит. Опять чего-то не хватает и Авто снова мчится в Батуми то за маслом, то за орехами. Куплено разливное вино.

В день торжества на небольшом дворе поселочка скопилось несколько машин. Приехали милицейские с женами. На застекленной веранде накрыт длинный стол. Толстые, красивые, чванливые жены сели отдельно от мужчин. Главное – женщины сидят за столом! Но беседуют только между собой. Чаще молчат. Одеты в современные наряды. Произносятся тосты. Натела надела нарядное платье, тоже присела за стол с краю. Я раньше ее видела всегда в затрапезе. Но ей далеко до расфуфыренных жен друзей Авто.

Пили и за Нателу, хорошую хозяйку. Я знаю высший класс пур-марили. Нателе было далеко, например, до Гульнары. Но еда была сытной и вкусной. Вино лилось рекой. По мере возлияний голоса становились все громче. Ждали друга Авто – Сосо. Он дежурил на посту у развилки в Чакве.

Наконец входит. Большой, с широким улыбающимся лицом, в форме. Все оживляются. Сосо картинно готовится преподнести подарок. Неожиданно достает соску! Все в восторге. Кроме соски, Сосо дарит и часы.

Соседи на пиршестве не присутствуют. Гости разъехались за полночь в большом подпитии на своих машинах. Никто на крутых поворотах не разбился. Все остались довольны.

xxx

Как и раньше, в ботаническом саду правит «Ханума» вместе с Ваном. Она настолько преуспела в распродаже ценностей ботанического сада, что купила себе в Батуми квартиру, дорогую по местным ценам. При появлении «Ханумы» народ старается прятаться. Ее алчный взгляд примечает все, что можно продать.

Вано стал совершенно седым, на красном лице особенно ярко выделяются его пунцовые губки.

xxx

Маша Овчинникова продолжает работать в семенной лаборатории. Одновременно изредка водит экскурсии, когда приезжают русские гости, начальники. В основном – военные. На днях, как рассказывает Маша, посетил ботанический сад Юрий Лужков- мэр Москвы. Говорят, он подружился с Абашидзе и собирается купить (или уже купил) большой участок за Батумом, несколько домов на побережье.

Русский текст во время экскурсии теперь требуется редко. В основном водят экскурсии по-грузински. А если нужен квалифицированный экскурсовод, призывают Машу, синхронно переводят ее русскую речь на грузинский или на английский. Так мне объяснила теперь уже беззубая Маша. Отсутствие зубов у многих женщин все более явственно и даже привычно.

xxx

Зураб Манвелидзе переквалифицировался. Стал ботаником-флористом и теперь проявляет к флоре Аджарии большой интерес. Это объясняется тем,

что под тему исследования флоры Грузии иностранцы выделяют гранты. Зураб выиграл грант, получил деньги. В сыром помещении гербария навел порядок, сделал ремонт. Но сохранился ли гербарий, созданный Дмитриевой? В своих многочисленных компилятивных статейках, переведенных на иностранные языки, Зураб везде указывает огромную цифру единиц хранения. Но я помню на гербарных листах больших гусениц, полное равнодушие к монотонной работе по сборам и сушке гербария у сотрудников ботанического сада. Возможно, все изменилось?

Зураб упоминает и Андрея, его заслуги. Спасибо. Реклама! При встрече он заявил, что собирается организовать экспедицию памяти Андрея Павловича Хохрякова! Звучит очень громко, но не для знающих. В горной Аджарии близкие расстояния.

Все равно очень приятно. Память...

Перемены

Авто, выпасая свою коровку под откосом, на территории ботанического сада, с досадой рассказывает: Ваню поручил пасти своего козла сотруднику ботанического сада Отари. Тот живет у платформы «Ботанический сад». Соблюдается конспирация – как будто это не козел Ваню, а козел Отари. Зураб также поручил, уже другому сотруднику, проживающему на территории ботанического сада, своего козла. Тоже под большим секретом. Секрет Полишинеля! Авто возмущается. «Козлы, говорит он, это не коровы. У них копыта, рога другие. Они вредные». Я согласна. Козлы и есть козлы!

xxx

Центральная дорога ботанического сада, окружающие ее деревья, еще целы. Но все мелкие тропинки и старые маршруты густо заросли. Теперь это дебри, где агрессивные сассапариль и ежевика накрыли плотным колючим покровом редкости иноземной флоры, которые выращивались в течение целого века. Пройти по дорожкам нельзя. Для расчистки нужна цалда:

топорик на длинной ручке, на конце загнутый. Раньше у нас, да и в каждом доме, такая была. Теперь не найти.

Когда расчищали заросли или добывали корм для скота, рубили ветки деревьев, сначала крючковатым концом цалды притягивали ветку, нагибали, потом рубили.

xxx

Дача Баратова (бериевская дача, отдел интродукции), так же как и дача Моат, еще стоит. Но кажется, вот-вот рухнет. Рабочих помещений я не обнаружила. Они из-за ветхости заперты. Винтовая лестница, ведущая в солярий, разрушена. Остался только железный столб.

В лучших помещениях, где когда-то сидели сотрудники отдела интродукции, давно уже живет семья Дато Гвианидзе. Это его дача. Две большие комнаты с эркером, откуда открывался вид на ущелье Зеленого мыса. Когда-то там был кабинет Габричидзе. И еще большая комната с камином, где сидели все сотрудники отдела интродукции. Стоит заметить, что у Дато в центре Батуми прекрасная квартира. Кроме того, большой родительский дом в селении Аджарисцкали. Дочки Дато подросли и получают образование в Германии, где у отца большие знакомства. Он купил еще один современный автомобиль. Защитил в Грузии, как и Зураб Манвелидзе, докторскую диссертацию.

У дома зрел виноград. Я застала Дато за его сбором. Угощал чачей. Помянули Андрея.

xxx

Спустилась на Зеленомысский пляж.

Зеленый мыс. пляж у скалы.

Осенью он совершенно пустынный. Я прошла на Зеленый мыс под сильно заржавевшими остатками подъемника и поднялась заросшими дорожками к санаторию «Аджария». Он был в полуразрушенном состоянии. Несколько помещений на первом этаже заняты мингрелами-беженцами. Символ советской власти доживал свои последние дни. Изгибами дорог с выщербленным асфальтом я снова поднялась вверх к дому Жубер-Моцкобили, где меня встретила Нелли, дочь Валентины Васильевны. Вспомнился рассказ Валентины Васильевны о дочке, – девочке в красной шапочке. Теперь Нели далеко за семьдесят. Дом и сад в полном порядке. Рядом на даче Дукмасова, где когда-то балагурили Ильф и Петров, сочиняя свой роман «12 стульев», в клетушках ютились сотрудники нового университета. Там доживала свой век 80-летняя Настя, бесменно ухаживающая за могилами на карелинском кладбище. Все, кого я встречала, обменивались новостями и жаловались на трудную жизнь, надеялись на перемены.

Батумский нефтеперегонный завод (БНЗ) не работает. Небольшой поселок БНЗ также состарился. Нарушена теплосеть. Когда мы с Андреем в конце восьмидесятых годов проезжали мимо, можно было увидеть, как из проржавевших магистралей с шумом вырывается пар. Мы шутили – «батумские гейзеры». Ныне гейзеры иссякли. Квартиры отапливаются печурками. Здесь, как и в Батуми, можно повсеместно увидеть трубы,

выведенные из окон. Много пристроек в виде балконов. Поэтому территория дворов сильно сократилась. По дороге в Батуми вдоль трассы гималайские кедры сильно разрослись, и эта часть пути кажется фрагментом северного леса.

Я смотрю на море и не верю глазам. Там, где всегда черно-маслянистый прибой медленно ложился на берег, теперь чистейшая прозрачная вода! БНЗ не работает. Перед Барцханой на пляже платан, выросший самосевом, стал большим деревом. Все последние годы, которые я прожила на Зеленом мысу, во время поездок в город я наблюдала, как рос этот платан. Его заливали соленые воды штормов, но он выстоял. Наступил момент, когда в тени его стали прятаться проходящие на пляж люди. Теперь высокому платану не страшны штормы и сильная соль морской воды: рядом появилась рощица его потомков. Племя молодое, незнакомое!

Заккрытие нефтеперегонного завода сказалось и на морской фауне. На рыбном базаре большое разнообразие серебристых рыб. Многих я не знаю. Ставрида попадает крупная. Здесь и длинная рыба-пила, и катран, и нежная мерланка.

xxx

В Батуми нигде уже не найти вывесок на русском языке. Пустырь за морским вокзалом полностью засажен маленькими финиковыми пальмами – подарок богатого турка Аслану Абашидзе. Посадки производят странное впечатление. Вспоминается красивый бульвар, созданный в начале XX века, – Александровский сад. Тогда в галечнике выкапывали большую яму. В нее насыпали лесную землю, которую привозили с гор. И только потом сажали молодые деревья. Теперь пальмочки посажены не по правилам. Почву под посадки углубили в гальку всего на несколько сантиметров и ясно, что многие из них погибнут. Говорят, что у Аслана Абашидзе есть и зоопарк.

xxx

Рядом с домом чая у набережной выстроен современный многоэтажный дом. Неподалеку растет самое высокое на побережье дерево

гинкго, которым, приезжая в город, я всегда любовалась. Теперь оно засыхает. Во время строительства подкопали корни.

xxx

На даче Ратишвили живет Ламара Габуния. Гордая, энергичная, деятельная. Она недавно овдовела, оставила работу в ботаническом саду. На рынке у нее хлебное место. Инспектирует, проверяет качество мяса. В белом халате. К ней обращаются почтительно, с заискивающими улыбками. В Батуми имя Юрия Лужкова в настоящее время знаковое. Он друг Абашидзе, который в оппозиции с тбилисскими политическими деятелями. А так как я из Москвы, то Ламара думает, что я знакома с Лужковым. Она ведет меня к директору базара. За столом сидят несколько молодых женщин. Типичные кикелки. Едят арбуз. При словах «Москва, Лужков» расплываются в улыбке.

Женщины все больше принимают участие в жизни Аджарии.

xxx

Приватизировать свою землю мне не удалось. Поездки в Хелвачаури только запутывали ситуацию и требовали времени. Все, к кому я обращалась, думали, что я дом с землей продаю Авто, а сама хочу оформить дарение. Я на это не шла, хотя доверяла Авто. Когда мы приезжали то в Махинджаури, в Сакребуло, то в Хелвачаури к очередному начальнику, то каждый хотел получить свою долю, то есть значительную взятку. Начинал крутить. Каких только типажей, достойных пера Диккенса и прочих классиков, я не насмотрелась!

Пришлось очередной раз оформить генеральную доверенность, договорившись, что Авто уже без меня приватизирует на мое имя мою землю. Так и сделали. Авто я доверяла. Ведь он с 1993 года ни разу меня не подвел. Но подспудно тревожила Натела. То и дело она что-то скороговоркой сердито говорила Авто. Да и в день отъезда не пришла попрощаться.

xxx

В ясный теплый осенний день я снова прошла унижительную процедуру поборов на батумском морском вокзале. Все шло под лозунгом:

«Не заплатишь – не выпустим». Неприятное чувство. О гостеприимстве, широком гостеприимстве, которое так красит Грузию, не было и помина. Наоборот – желание обобрать, придиратся, чваниться. Быстроходный катер до Сочи, на котором я отплывала, развернулся, сразу набрал скорость. Очень быстро исчезли родные берега.

xxx

Через несколько дней в Тбилиси совершилась «бархатная революция роз». Красиво звучит. Я прилепилась к экрану телевизора. Показывали батумские улицы. Толпа приветствовала Михаила Саакашвили! Бежали возбужденные люди, восторженно крича: «Миша, Миша!». Мне все это напомнило сюжет басни о лягушках, которые просят прислать им нового царя – цаплю.

xxx

Прошло пять лет. Неумолимое время... Зеленомысские новости я теперь узнаю по телефону и по электронной почте. Две очень меня расстроили. Авто, который 15 лет был честным человеком, стал нечестным. Три года назад он поселил в мои комнаты своего друга Мераба с семьей. За моей спиной, скрыв от меня, приватизировал землю. А дом с землей продал своей дочери. Генеральная доверенность позволяла!

Мне вспомнился случай, который произошел с Авто, когда мы с ним путешествовали по Турции. Он стоит в Ризе растерянный около полицейского, у него нет страховки. Полицейский требует 100 долларов. Авто возмущенно ему говорит по-русски: «Это нечестно!» Я сегодня с полным правом могу сказать Авто: «Это нечестно!»

В ботаническом саду появился меценат – олигарх Иванишвили. Он вложил большие деньги в развитие сада, восстановил пришедшую в негодность дорогу, положил асфальт. Были поставлены столбы с фонарями, закуплены в Японии растения. Иванишвили платил зарплату сотрудникам. Обо всем этом слышать приятно. Вселялась надежда на будущее. Но просочился слух о том, что всем этим благополучием по-прежнему

заправляет Ханума. Ваню вышел на почетную пенсию. Домик метеостанции он переделал в свой кабинет, там пишет энциклопедию Аджарии. После всяких преобразований директором ботанического сада стала Этери Мургуладзе.

Последнее слово

Оглядываясь назад, я вижу несколько пластов жизни, которые, подобно волнам накатывались на Южную Колхиду и откатывались назад, унося с собой события, людей, культуру и унаследованное. Эти волны жизни были неравноценными. Самый древний – средневековый пласт, пласт царицы Тамары. Православный. Связь поддерживалась через перевалы Малого Кавказского хребта как морским, так и наземным путем.

Второй пласт – турецкий – длился 300 лет. Для Османской империи южная Колхида была северо-восточной окраиной. Местное население приняло ислам, но грузинский язык сохранился. Аджарцы с гордостью рассказывали, что матери пели детям песни по-грузински. Так обучали родному языку.

Третий пласт подобен мощной волне. Это завоевание края Российской империей. Драматические события штурма Цихис-дзирской крепости 18 февраля 1878 года описаны В.Гиляровским. Погибло более 1500 русских военных, турок –еще больше. Так пишет дядя Гиляй, служивший в то время юнкером. Временные границы третьей волны четко обозначены. Это всего 43 года. С 1878 года до советизации Грузии в 1921 году. Волна мощным потоком принесла в этот край культуру, новые навыки земледелия, изменила даже природу ближних к морю холмов. Приморская часть Аджарии стала многонациональной.

Следующий, – советский – пласт можно разделить на две части. В начале советской власти – подъем. Волна выбросила, перекрошила частные владения и далее двигалась, следуя законам советской власти. После отечественной войны 1945 года культура пошла на спад. Развитие допускалось в жестких рамках, с закрытыми границами. Новый приток

жизни во второй половине XX века связан с заселением приморских районов горцами, спустившимися из верховий горной Аджарии. Население приморских районов к этому времени исчезало. Горцы принесли в приморье свои обычаи, не зная прежних.

В 1991 году Советский Союз распался. Южная Колхида вместе с автономной республикой Аджария вошла в состав самостоятельного государства Грузия. Отсутствие преемственности, национальная гордость, перешедшая в фанатичный национализм в конце XX – начале XXI веков привели к полному отторжению прошлого.

Разрушение семейных традиций, связей, уважения отразилось на трех поколениях нашей семьи, от начала XX века до его конца.

Многонациональная семья была представлена людьми, обладающими своими характерами, устоями, темпераментом. В начале XXI века потомки Марии Константиновны и Антона Генриховича Зельгейм находятся далеко от южной Колхиды. Только Олег Нефедьев доживает последние дни в Колхиде, пристроившись к месту, которое в свое время предназначалось прадедом для всей семьи. Потомки не поддерживают между собой отношений. Всех разметало.

Что осталось от моей Колхиды, кроме памяти? Книги. Статьи, сборники. Результаты исследований. Все, что было издано. В том числе и мои работы. Мои воспоминания, я надеюсь, тоже будут маленьким вкладом надежды для будущего развития этого уникального края.

Картины Васи Северова

У меня дома (в Москве) на стене висят: мамин портрет написанный маслом художника Владимирова и акварели художника Васи Северова. Зеленый мыс – в моем сердце. На акварелях изображены пейзажи Зеленого мыса. Рододендроны. Цветущие красные шары на фоне снежных гор. Рододендроны радовали меня в далеком Магадане. Живя вдалеке от Родины, Зеленого мыса, я так хотела его хоть как-то его приблизить. Смотрела на эти

акварели и видела родину, чувствовала ее. Видение художника полностью совпадало с тем, что я так люблю.

И сейчас, спустя многие годы, когда на све нет ни мамы, ни Васи, а Зеленый мыс тоже стал воспоминанием, эти пейзажи уносят меня в дорогие места.

Каждая из картин может стать основой для рассказа.

Вася появился на Зеленом мысу так же, как и многие. Приехал на курорт, на Зеленый мыс и пришел в ботанический сад, в библиотеку. К маме Вася привязался. В ней было столько благородства... В старости она стала величественной, пополнела, но обаяние осталось прежним. И Вася частенько заходил неожиданно – то в библиотеку, то в дом. Он был у нас, как и многие, завсегдаем. Как правило, приезжал зимой, чтобы продлить теплый сезон. Летом у себя в Георгиевске он забирался в горы, там у него что-то вроде шалаша. Жил в горах дикарем. Обо всем этом мне писала мама. Прислала мне одну его картинку, которая привела меня в восторг.

В конце семидесятых, приехав на Зеленый мыс, я, наконец, увидела Васю. Невысокий, ничем не примечательный, он громко кричал, размахивал руками. Просил выпить чачу. Вино его не устраивало.

От Васи пахло черемшой. На просьбы мамы отказывался рисовать. Мама говорила – дразнит. Вася в то время стал сочинять стихи, вернее – странные вирши. Мы сразу с ним стали накоротке. Так часто у меня бывает. Я стала говорить Васе, что он очень хороший художник, а вирши мне не очень нравятся. Но он без этих стихов не мог, все время громко их декламировал. Я случайно узнала, что он ветеран отечественной войны, много рисует горы Кавказа, что в Георгиевске у него была выставка.

Вскоре мы уехали, и Вася иногда стал присылать мне сумбурные письма странного содержания. Например, что тетка моя зря завела попугайчиков: они должны летать на воле. И все в таком духе. Помню, мы сплавлялись на лодке по Колыме, а нам навстречу из Оройка выплыла лодка. На полном ходу мне передали пачку писем, одно из них от Васи. На краю

света читать Васины нравоучения было особенно забавно. Интересный человек! Необычный.

Позже мама писала, что Вася опять приехал с маринованной черемшой и поэтому находиться с ним в одном помещении трудно. Вася эту черемшу сам заготавливал в горах и ею закусывал. «Он спивается», – ужасалась мама.

А я все канючила: «Попроси Васю нарисовать хоть что-то». Но Вася и меня дразнил. Не рисовал.

Умерла мама. Кто только по местному обычаю не прошел вокруг гроба попрощаться! Но Вася не пришел. Тетка объяснила: Вася боится смерти. Я обиделась. Надулась. Еле поздоровалась, встретив Васю.

Во время конфликта с теткой Вася перестал заходить к нам домой. Но однажды, когда я уже постоянно жила на Зеленем мысу, очень холодным и сырым вечером поднималась к нам на холм. И Вася меня догнал. По дороге мы молчали. Он предложил показать свои картины под общим названием «Песни гор». Мы вошли в холодный дом, и Вася стал разворачивать одну за другой большие картины. Много среди них было и акварелей. Горы Кавказа, виды города Георгиевска в разное время года и при разном освещении. Очень хорошие картины! Слов нет. Но не Зеленый мыс. Для меня они были чужими.

Прошел еще год и я случайно узнала – Вася умер.

Вот и все. Но остались картины, которые греют меня и днем, и вечером. И каждая напоминает самое дорогое для меня – Зеленый мыс.

Дважды одна из них чуть не уплывала из моих рук, но я сумела ее вызволить.

На переднем плане белое цветущее дерево сливы «Матильда». Значит, это март... Алыча с вкуснейшими ягодами, варенье из которых наш друг Владимир Владимирович Петров называл «Матильда». Припевал с удовольствием за вечерним чаем: «Что может сравниться с Матильдой моей?». За алычой – пристройка к нашему дому под названием «Иверия». Это комнатка над ванной, которую пристроил мой так называемый отчим

Леонид Михайлович Ишов. Это тоже большая история. Под серой стеной темно зеленеет чай. Этот чай посадил прадед. Вдалеке силуэт бука, а рядом – правильный высокий контур веймутовой сосны, тоже посаженной прадедом и позже безжалостно срубленной Олегом. Но главное – эта чудная весенняя дымка, делающая весенние холмы загадочными. Как Васе удавалось создать это необыкновенное настроение?

Акварель зеленомысской скалы, – символа Зеленого мыса – точно передает его силуэт, который я видела почти ежедневно. Который воспел М.А.Булгаков. Есть среди них и площадка с пальмами в зимнюю пору, когда снег упал на вечнозеленые листья мандаринов и наступает синий вечерний закат. Чувствуется сырость непогоды. Еще одна сделана в ботаническом саду в мае. Кусты цветущих рододендронов на фоне голубеющего неба. Я смотрю на картину, люблю цветущими рододендронами и бескрайними воздушными просторами за ними, заснеженными горами Аджарии. Воздух Родины...